

Н. ЛЕНИН
/ В. УЛЬЯНОВ /

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

XII

Часть II

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевики)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Н. ЛЕНИН (В. УЛЬЯНОВ)

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Т. XII

НОВЫЙ ПОДЪЕМ

1912—1914 г.г.

Часть II

51—93 т.с.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

*Печатается по постановлению
IX съезда Р. К. П.*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1913 И 1914 ГОДЫ

1913 год.

Английское рабочее движение в 1912 году.

Самым выдающимся событием за минувший год была стачка углекопов. Если стачка железнодорожных рабочих в 1911 году показала уже «новый дух» британских рабочих, то стачка углекопов положительно составила эпоху.

Как ни готовились к «войне» правящие классы, как ни усердствовала буржуазия в стремлении раздавить сопротивление непокорных рабов капитала, а все-таки стачка удалась. Организованность углекопов была образцовая. Штрейкбрехеров не было и следа. О добывании угля при помощи солдат или неопытных чернорабочих не могло быть и речи. И после шестинедельной борьбы буржуазное правительство Англии увидало, что останавливается вся промышленная жизнь страны, что осуществляются слова рабочей песни: «все колеса не грохочут, коль твоя рука захочет»...

Правительство пошло на уступки.

«Премьер-министр самой могущественной всемирной империи, которая когда-либо существовала, явился на собрание делегатов от бастующих рабов углепромышленников и умолял их пойти на компромисс»¹⁾. Так изображает итог борьбы один осведомленный марксист.

Английское правительство, которое обыкновенно годами кормит рабочих «завтраками» в своих обещаниях реформ, теперь поторопилось уже всерьез. В пять дней проташен был новый закон через парламент! Закон этот вводил м и н и м у м заработной платы, т.-е. правила об установлении такого размера платы, н и ж е которого она опускаться не может.

Правда, этот закон, как и все буржуазные реформы,—жалкая полумера и частью простой обман рабочих, ибо при устано-

влении низшего размера платы хозяева все-таки притесняют своих наемных рабов. Но все же все, знающие английское рабочее движение, утверждают, что после стачки углекопов английский пролетариат у ж е н е т о т. Рабочие научились бороться. Они увидели тот п у т ь, который приведет их к победе. Они почувствовали свою силу. Они перестали быть теми послушными овечками, которыми так долго они казались к удовольствию всех защитников и хвалителей наемного рабства.

В соотношении общественных сил в Англии произошел сдвиг, который не выразишь цифрами, но который чувствуется всеми.

К сожалению, в делах партийных прогресс в Англии не велик. Раскол между «британской социалистической партией» (прежняя социал-демократическая федерация) и «независимой» (от социализма) «рабочей партией» продолжается. Оппортунистическое поведение членов парламента из этой второй партии вызывает среди рабочих, как и всегда, с и н д и к а л и с т с к и е веяния. К счастью, они не сильны.

Профессиональные союзы Англии медленно, но неуклонно поворачивают к социализму—вопреки многим членам парламента из рабочих, упорно отстаивающих старинку либеральной рабочей политики. Но этим последним могиканам не удержать старинки!

«Правда» № 1 (205)

от 1 января 1913 г.

За подписью W.

Лучше поздно, чем никогда.

Выступать с опровержением того, что писал Л. Мартов в «Луче» (№ 37, от 28 октября 1912 года), мне приходится очень поздно. Но как же быть? Сказать неправду—легко. Но, чтобы д о и с к а т ь с я правды, необходимо иногда много времени.

Л. Мартов осыпал меня в № 37 «Луча» самой отборной бранью с обычными у этого писателя «темными» инсинуациями. Привыкнув за десять лет к этим приемам борьбы Л. Мартова, я даже и не прочел до конца его статьи. Но коллеги указали мне, что Л. Мартов приписывает товарищу Гаазе, члену немецкого социал-демократического центрального комитета, слова, будто «Ленин о б ч а н ы в а е т Интернационал»,

Чтобы доискаться правды, надо было искать и с т о ч н и к слов Мартова. Он сослался на какую-то «Газету Горнорабочих» № 225. Ее я не нашел. В «Vorwärts'e» (центральной органе немецкой социал-демократической партии) нет таких слов. Нашел я их только в «Bremer Bürger-Zeitung» (социал-демократический бременский орган).

Приходилось запросить самого Гаазе, чтобы не подражать легкомыслию Л. Мартова.

Центральному Комитету немецких социал-демократов был послан письменный запрос.

Вот ответ Гаазе:

Центральный Комитет Германской Социал-Демократической Партии. Берлин, 31 декабря 1912 года.

Уважаемые товарищи! В ответ на Ваше обращение сообщаю Вам, что изложение, которое, по Вашим словам, дано в «Луче» по поводу моего выступления в Международном Социалистическом Бюро, не соответствует истине. На заседании обсуждался вопрос, может ли О. К. претендовать на представительство в Международном Социалистическом Бюро. Я заявил, что это недопустимо, ибо, даже по собственному его заявлению, Организационный Комитет является не организацией, а лишь хочет быть союзом групп для воссоздания единства организации. В связи с этим я возбудил вопрос, кто же именно имеет право на представительство Российской Партии при теперешнем ее состоянии, и заметил, что если правильно утверждение, что Центральный Комитет в сношениях с Международным Бюро выступает, как «Р. С.-Д. Р. П.», то это название может породить недоразумения.

Таким образом здесь не было никакого нападения на Лепина, и вообще замечание отнюдь не носило оскорбительного характера. Я хотел исключительно выяснить положение дел в связи с вышеупомянутым утверждением и прежде всего возбудить вопрос, не наступил ли момент предпринять шаги для объединения всех русско-польских групп. Я очень жалел, что Ленин отсутствовал.

Только ради полноты укажу, что слово «обман» не сходило с моих уст.

С товарищеским приветом Га а з е.

Итак, чтобы осыпать бранью в тысячный раз меня, Л. Мартов повторил (за кем-то) н е п р а в д у про Гаазе.

Гаазе был п р о т и в представительства для О. К., Гаазе н е о с п а р и в а л представительства Ц. К.

Гаазе не считает Ц. К. представителем в с е й Р. С.-Д. Р. П., включая в нее и «националов», и ликвидаторов, но и сам Ц. К., насколько мне известно, н и к о г д а не претендовал на представительство ни тех, ни других.

«Националы» (поляки, бунд, латыши) имеют своих особых представителей.

Ограничиваюсь этим фактическим опровержением...

19 января (н. ст.) 1913 г.

Н. Ленин.

«Правда» № 8 (212)

от 11 января 1913 г.

Раскол в польской социал-демократии.

Нынешний раскол в польской социал-демократии является плодом конфликта, начавшегося уже несколько лет тому назад. Уже на VI съезде партии в 1908 г. между Главным Правлением—с одной, и организациями—Варшавской и Домбровского района—с другой, проявилось до того острое противоречие, что съезд отверг предложение выразить Главному Правлению доверие. Конфликт был организационный, но имел большое политическое значение. Периферия требовала возможности влиять на политическую позицию партии, домогалась широкого обсуждения всех ее шагов организациями.

Главное Правление осталось все-таки в руках тех же людей. И большинство его с небезызвестным Тышкой²⁾ во главе—не изменило своей тактике, пользуясь ослаблением партии, провалами и условиями контр-революции. В Р. С.-Д. Р. П. Тышко хозяйничал и интриговал от имени С.-Д. П. и Л., ничуть не справляясь с волей последней. В политике партии пошла эра беспринципности и шатаний, например, по вопросу о профессиональных союзах, об отношении к П. П. С., о тактике П. С.-Д. внутри Р. С.-Д. Р. П. Товарищам, вскрывавшим противоречия в политике Главного Правления, требовавшим последовательной принципиальной линии, Главное Правление зажимало рот, не допуская дискуссий в прессе, и, что еще хуже, п о с т о я н н о обещая открыть дискуссию «в ближайшее время», а тогда за один раз отпечатать и протесты товарищей против этой тактики. Противники Тышко в самом Главном Правлении, все старые, хорошо известные всей партии работники, вытеснялись поодиночке. Один отказался от переизбрания уже на VI съезде, объявляя работу невозможной с Тышко, другой был вытеснен в 1909 году, третий отказался от участия в Главном Правлении в 1911 году,

Но по мере подъема движения и оживления с начала 1911 года недовольство стало проявляться и на местах. Во главе «бунта» стала Варшавская Организация, самая важная и сильная и, главное, самая выдержанная в революционном отношении и с 1905 г. по сей день занимавшая левое крыло в польской социал-демократии.

Главное Правление, конечно, заволновалось и готовилось «пресечь». Сигналом к атаке послужила декабрьская 1911 года Варшавская международная конференция. Эта конференция осмелилась требовать на ближайшей партийной конференции более сильного представительства «края», т.-е. тем самым—безбожная мысль—ослабления влияния Главного Правления на конференции. Но это было еще ничего: такую резолюцию приняла и Лодзинская конференция. Варшава поступила преступнее: она показала, что требует этого не зря, а с политической целью. Она приняла несколько не понравившихся Тышке политических резолюций: между прочим, выразила неудовольствие по поводу того, что Главное Правление не предъявило ей отчета о своей деятельности, потребовала, чтобы Главное Правление ознакомило партию со своей деятельностью внутри Р. С.-Д. Р. П. и не делало «российской» политики тайком от польских рабочих и т. п.

Пошла открытая борьба. Тышко разразился рядом «циркуляров» и «разъяснений». Он «разъяснил», что 1) Варшавская организация попрала ногами партийный устав и пошла на раскол; 2) что ее резолюции—проявление бойкотизма, отзовизма и анархизма; 3) что у нее нет никаких идейных разногласий с Главным Правлением и, значит, раскол лишен всякой политической почвы; 4) что Варшавская Организация не существует, конференция была фиктивная, стало быть, никакого раскола нет и не было; 5) что Варшавская Организация не сумела издать самостоятельно ни одного листка, предоставляя всю литературную работу Главному Правлению; что она незаконно создала собственную раскольную технику и издает свои листки. Он также охарактеризовал лично, с фамильными подробностями, пару варшавских «интеллигентов-вархолов» и пояснил, что они сделали раскол, а в организации не работали и не работают.

Наконец, видя, что Варшавская Организация стоит на своем, Тышко решил пойти на... «героические» средства. Он решил созвать фиктивную конференцию и не допустить на нее

оппозиции—т.-е. огромного большинства действующих в Крае товарищей. Для этого самая сильная—Варшавская Организация объявлена Тышкой... «распущенной», и из двух-трех агентов Тышки создана отдельная раскольническая «Варшавская Организация».

Но самое возмутительное, это—«мотивировка», по которой Тышко «распустил» Варшавскую Организацию. Тышко объявил, что эта непокорная ему организация является не чем иным, как орудием полицейской провокации. Ни одного, хотя бы самонаименованного серьезного факта, подтверждающего это, Тышко до сих пор не привел. Ни о д н о г о и м е н и хотя бы одного подозреваемого лица он не опубликовал. Более того: чтобы оставить себе дорогу к отступлению, Тышко в заявлении в Международное Бюро трусливо писал, что в Варшаве, к а к и в о в с я к о й организации, действующей при нынешних условиях, очень легко могла гнездиться провокация.

Однако Варшавскую Организацию Тышко признал за благо «распустить» и даже объявить ее вне пределов Р. С.-Д. Р. П. Как видит читатель, это уже не фракционная борьба, а прямо какая-то уголовщина.

Понятно, что, зарвавшись, Тышко этим шагом вызвал еще вдесятеро большее возмущение. Комиссия, которую Тышко сам назначил для расследования провокации, выступила против него. Тышко ответил исключением из партии трех ее долголетних и пользующихся общим доверием членов—деятелей П. С.-Д. 44 старых работника опубликовали самый горячий протест против унижающих всякого революционера действий «Главного Правления». И в Крае, и за границей повсюду требуют к ответу «Главное Правление». Варшавская Организация, разумеется, не распустилась в угоду Тышке, а продолжает вести свою работу, столь трудную при создавшихся условиях. Выборы от рабочей курии по Варшаве блестяще проведены именно «оппозицией». Выборы дали социал-демократам абсолютное большинство над всеми остальными партиями. Из 34 социал-демократов уполномоченных 31—сторонники оппозиции, 2 колеблющиеся и лишь один сторонник Тышки. Зато в провинции, где «работа» ведется Главным Правлением и его сторонниками, избирательная кампания п о в с е м е с т н о проиграна.

Мелкая, недостойная грызня, вызванная поведением Тышки, надо надеяться, скоро отойдет в прошлое, и яснее наметятся

принципиальные разногласия. Конкретнее выразится также и желание польских с.-д. рабочих теснее организационно связаться с русскими товарищами. Поведение Тышки в Р. С.-Д. Р. П. привело Главное Правление к тому, что оно совершенно оторвалось от общепартийной жизни, что оно не имеет ни одного союзника в Р. С.-Д. Р. П. и обе стороны (ликвидаторы и антиликвидаторы) одинаково пожимают плечами по поводу странной и безыдейной «тактики» Тышки и его «Главного Правления».

Польская социал-демократия переживает тяжелое время. Но исход уже наметился. Все здоровые элементы П. С.-Д. сплываются. И недалеко уже время, когда П. С.-Д. явится организацией партийных социал-демократических рабочих, имеющих свои принципы и свою тактику, а не игрушкой в руках беспринципного интригана.

Считаем нужным дополнить сообщение о расколе в П. С.-Д. некоторыми сведениями о дальнейшей истории обвинения в «провокации». Об этом нам сообщают следующее:

Роза Люнсембург³⁾ (член М. С. Бюро от польской социал-демократии) написала в М. С. Б. бумажку, что-де Варшавск. Ком. — раскольники и в руках охраны, сообщив, что это не для публикации.

А в то же время Тышко сам опубликовал эту мерзость в польской социал-демократической литературе!!

Ленин, получив от секретаря М. С. Б., Гюисмаиса, копию бумажки Тышко, послал, конечно, письмо Гюисмансу, что это—«вероломнейший» акт мести, что Малецкий и Ганецкий, бывшие члены Центрального Комитета, всем известные в партии;—что следственная комиссия, назначенная самим Тышкой, не нашла никакой провокации;—что печатать о провокации среди политических противников, не приводя имен, вещь самая грязная и подлая.

Главное Правление ответило голой руганью.

Состоялся Базельский конгресс. Делегацию Варшавского Комитета е д и н о г л а с н о признали все делегаты Р. С.-Д. Р. П., и ликвидаторы, и латыши, и впередовцы, и бундовцы, и троцкисты!

Выборы от Варшавы дали обоим рабочим выборщиков социал-демократов сторонников Варшавского Комитета, противников Тышки и К-о.

Фиктивность параллельной организации Тышки доказана перед всеми. Честный путь—взять назад обвинение в провокации—не по плечу Тышко с его Главным Правлением.

Но лучше всех наши ликвидаторы и их О. К., любящие «единство». «Луч», официально **примыкающий** к августовской конференции⁴⁾, **два ра напечатал** мерзкую ложь Тышко!!

Первый раз это сделал господин, спрятавшийся под инициалами. Второй раз—господин Августовский,

И каковы храбрецы! Они распространяют мерзость и—прячутся за спину «Главного Правления». Мы де не при чем, мы не в ответе, мы не распространяем мерзости, мы **«только»** сообщаем о факте напечатания (мерзости) от имени Главного Правления!!

Мартов, Троцкий, Либер, латыши и К-о, а н о н и м н о распространяют тышкинскую мерзость, прячась за спиной Тышки—в легальной печати, где документов привести нельзя!!

*«Социал-Демократ» № 30
от 12 (25) января 1913 г.*

Развитие революционной стачки и уличных демонстраций.

Давно уже указано и общепризнано, что 1912 год представляет из себя выдающееся явление в развитии стачечной борьбы. Но не все поняли и правильно учли это явление.

Возьмем данные о политических стачках за первые 11 месяцев года. Мы получаем:

в 1905 году	1052 тысяч.
» 1906 »	642 »
» 1907 »	540 »
.	
в 1912 году	около 900 тысяч.

Число политических стачечников за первые 9 месяцев определилось, по самым осторожным расчетам, в 700 тысяч человек. Стачки по поводу разъяснения уполномоченных в Питере охватили до 50 тысяч человек рабочих, стачка протеста против севастопольских казней и стачка 15 ноября, в день открытия Думы, охватили, по данным Московского общества фабрикантов, 188 тысяч человек. Это—данные до 20 ноября. Ясно, что 900 тысяч—цифра минимальная. Вычитая даже 100 тысяч едва ли сравнимых с 1905—1907 г.г. (заводы вне ведения фабрично-заводской инспекции), имеем 800 тысяч.

Во всяком случае движение безусловно переросло 1906 и 1907 годы, и немногим отстало от 1905 года!

Что это значит?

Общенародный размах движения в данный момент, конечно, гораздо слабее 1905 года. Следовательно, начал революционного подъема не и з м е р и м о в ы ш е теперь, чем было перед первой революцией. Следовательно, грядущая вторая революция

обнаруживает уже теперь гораздо больший запас революционной энергии в пролетариате. Выросла и численность пролетариата—процентов *minimum* на 20. Выросла концентрация пролетариата. Усилилась чисто пролетарская основная опора движения в силу ускоренного освобождения от связи с землей. Увеличилась в громадных размерах, которые не поддаются учету, масса пролетарского и полупролетарского населения в «кустарной» промышленности, в ремесле и в сельском хозяйстве.

Наконец, выросла сознательность, опытность и решительность передового демократического класса. С этим все согласны, но не все решаются продумать до конца, что отсюда вытекает. Не все решаются взглянуть правде в лицо и признать, что перед нами революционные массовые стачки, начало революционного подъема.

На это указывает прежде всего основной и наиболее объективный, наименее допускающий субъективные перетолкования факт: размеры движения. Ни в одной стране в мире—вне условий революционной общественной обстановки—нельзя было бы поднять сотни тысяч рабочих по нескольку раз в год на политические выступления по самым различным поводам. А у нас такой подъем идет стихийно, идет потому, что десятки миллионов полупролетарского и крестьянского населения передают, если можно так выразиться, своему авангарду настроение сосредоточенного возмущения, которое бьет ключом, льется через край.

Революционная стачка русских рабочих в 1912 году носит, в полном смысле слова, общенародный характер. Ибо под общенародным движением надо понимать вовсе не такое, с которым—при условиях буржуазно-демократической революции—солидарна вся буржуазия или хотя бы либеральная буржуазия. Так смотрят только оппортунисты. Нет. Общенародно то движение, которое выражает объективные нужды всей страны, направляя свои тяжелые удары против центральных сил врага, мешающего развитию страны. Общенародно то движение, которое поддерживается сочувствием огромного большинства населения.

Именно таково политическое движение рабочих текущего года, поддерживаемое сочувствием всех трудящихся и эксплуатируемых, всей демократии, как бы она ни была слаба, забита, разрознена, беспомощна. Более определенная размежевка между либерализмом и демократией (достигнутая не без борьбы против тех, кто мечтал о «вырывании Думы из рук реакции») есть гро-

мадный плюс нового движения. Чтобы иметь успех, революция должна возможно более точно знать, с кем можно идти на бой, кто ненадежный союзник, где настоящий враг.

Вот почему так велико значение прямых выступлений либералов (кадетов) против новой революции. Вот почему совершенно исключительную (по сравнению с Европой) важность имеет как раз теперь в России лозунг республики, очищающий сознание желающей бороться демократии от тех монархических («конституционных» тоже) иллюзий, которые так обессиливали натиск 1905 года. Историческое значение в процессе нарастания новой революции в России имеют два момента: во-первых, апрельско-майские стачки, когда петербургские рабочие—даже несмотря на арест их руководящей организации, П. К.,—выдвинули лозунг республики, 8-ми часового рабочего дня и конфискации земель. Во-вторых, ноябрьские стачки и демонстрации (см. письма из Риги и Москвы; в Питере было то же, но аресты смели наших корреспондентов). Лозунгом этих демонстраций было не только «долой смертную казнь! долой войну!», но и «да здравствует революционный рабочий класс и революционная армия!».

На улицах Петербурга, Риги, Москвы пролетариат протянул руку передовикам мужицкого войска, героически поднявшимся против монархии.

* * *

Либеральная буржуазия против новой революции, против революционной массовой стачки. Но либералы вовсе не против политических стачек вообще, если они свидетельствуют только об «оживлении» и поддерживают лишь либеральный лозунг конституционных реформ. И объективно, независимо от их «добрых» пожеланий, простыми прислужниками контр-революционной буржуазии являются наши ликвидаторы, которые оба исторические момента подъема озаменовали «выступлениями»... против революционных стачек!! В № 1 «Нев. Голоса», 20 мая 1912 года, незабвенный и несравненный В. Ежов восстал против «осложнения» экономических стачек политическими и обратно, против их «вредного смешения» (ср. «Социал-Демократ» № 27, стр. 4).

В ноябре 1912 года ликвидаторский «Луч» тоже ополчился против стачек. Невнимательных людей он пытался потом направить «на ложный след», ссылаясь на то, что и социал-демократическая фракция была против стачки 15 ноября ⁵⁾. Но кто

сколько-нибудь вникает в смысл события, легко увидит подтасовку «Луча».

Да, и социал-демократическая фракция, и П. К. сочли стачку 15 ноября несвоевременной. Против данной стачки в данный день они предостерегали. Долг рабочей печати был известить об этом. И «Луч», и «Правда» это сделали.

Но «Луч» сделал не только это.

После события 15 ноября (когда бастовал всего усерднее тот самый Выборгский район, который до сих пор всего более был связан с меньшевиками), после того, как движение разрослось до демонстрации, премудрый «Луч» выступил со статьями (передовая и за передовой от 17 ноября, фельетон от 21 ноября) с криками против «опасной растраты сил», с уверениями, что «от частого применения стачкам перестанут сочувствовать», с лозунгом: «поищем другого пути», «вспышками (!?) ничего не достигнешь», с воплями против «игры в забастовки».

Вот такая «философия» ваша, г.г. ликвидаторы, давно известная петербургским рабочим и по «Невскому Голосу», и по речам членов вашей «инициативной группы», возбудила законную ненависть и презрение к вам со стороны петербургских рабочих. Отдельная забастовка может состояться неудачно или в неудачный момент. Но говорить об «игре в забастовки» перед лицом одного из величайших в мире движений, поднявших на ноги почти миллион пролетариев, позволительно лишь либералам и контр-революционерам!

Частые стачки могут истощить рабочих. Вполне возможно, что придется звать тогда к более коротким стачкам, к более подготовленным демонстрациям. Но событие 15 ноября именно и замечательно новым шагом вперед демонстрационного движения!

Вместо того, чтобы честно признаться в своей ошибке (ибо вы явно ошиблись насчет значения 15 ноября),—вы, ликвидаторы, принялись с видом нахальнейших либералов говорить о «политической безграмотности» революционного воззвания,—вы, повторяющие азы либеральной политики!

Пусть судят рабочие, чего стоят льстивые речи ликвидаторов об их «единстве» с партией, когда в эпоху зарождения и развития революционных стачек и демонстраций они поднимают борьбу против них, в легальной печати отмечая бранью нелегальные воззвания!!

Есть, впрочем, более глубокая причина похода ликвидаторов против стачек. Ликвидаторы—рабы либералов. А либералам действительно стало не по себе от упорства революционных стачек. Начал ворчать и даже беситься «прогрессист»-фабрикант. Милюковым стало боязно за спокойствие их «блока» с Родзянкой.

Ликвидаторская политика служит подчинению рабочих либералам. Марксистская политика поднимает рабочих до роли руководителей крестьянства. Об этом нельзя говорить легально, г.г. ликвидаторы, но об этом надо думать и говорить тем, кто хочет быть революционным социал-демократом.

В свободной, конституционной Европе политическая стачка служит пока (пока не началась еще социалистическая революция) борьбе за отдельные реформы. В рабской, азиатской, царской России, которая подходит к следующей буржуазно-демократической революции, политическая стачка есть единственное серьезное средство расшевелить, раскатать, взбудоражить, поднять на революционную борьбу крестьянство и лучшую часть крестьянского войска! Прошло уже, к счастью для России, то время, когда некому было «итти в народ», кроме геройских одиночек-народников. Проходит то время, когда одиночки-террористы могли говорить о «возбуждении» народа террором. Россия ушла вперед от этих печальных времен. Революционный пролетариат в 1905 году нашел себе иной «путь в народ», иное средство втягивать в движение массы.

Это средство—революционная стачка, упорная, перебрасывающаяся с места на место, из одного конца страны в другой, стачка повторная,—стачка, поднимающая отсталых к новой жизни борьбой за экономические улучшения,—стачка, клеймящая и бичующая всякий выдающийся акт насилия, произвола, преступления царизма,—стачка-демонстрация, развертывающая красное знамя на улицах столиц, несущая революционные речи и революционные лозунги в толпу, в народную массу.

Такой стачки нельзя вызвать искусственно, но ее нельзя и остановить, когда она стала охватывать сотни и сотни тысяч.

Пусть либерал, умиленный тем, что его посадили на кресло рядом с «самим» Родзянкой, говорит рабочим: «братцы! не надо вспышек, ищите другого пути, займитесь мирным профессиональным движением, готовьте себя серьезно к открытой европей-

ской партии, не бунтуйте мужика, не растрачивайте энергии на стачки, иначе «мы» перестанем вам сочувствовать!»

Рабочие сумеют оценить такие речи и распознать их даже в наряде «почти-что марксистских» выражений любого писателя из «Луча».

Рабочке направят все внимание на то, чтобы стихийно растущую революционную стачку поддержать, усилить, развить, укрепить сознательно для подготовки к восстанию крестьян и войска. Если стачки истощают рабочих,—их надо вести попеременно, давая отдых одним и поднимая на борьбу отдохнувшие или «свежие» силы. Надо устраивать стачки более короткие. Надо заменять иногда стачки демонстрациями. Но самое главное,—чтобы стачки, митинги, демонстрации шли непрерывно,—чтобы все крестьянство и все войско узнало об упорной борьбе рабочих,—чтобы деревня, даже самая захолустная, увидела, что в городах неспокойно, что «с в о и» поднялись, что они борются не на живот, а на смерть, что они борются за лучшую жизнь, за высшую плату, за прекращение бесчинств и произвола власти, за передачу помещичьих земель крестьянам, за свержение помещичьей монархии царя, за республику. Надо, чтобы глухое озлобление и сдержанный ропот деревни вместе с возмущением казармы нашли себе в революционной стачке рабочих центр притяжения. Надо работать над этим, не покладая рук,—и мы увидим тот день, когда пролетариат вместе с крестьянством и войском свалит помещиков, свергнет царскую монархию народным восстанием.

Р. С. «Луч» прогрессирует: за прямодушным В. А. (№ 56)—дипломат Ф. Д. ⁶⁾ (№ 65). Но, несмотря на «дипломатию», смысл речей Ф. Д.—тот же: п р о т и в революционной стачки! Перед нами—чистокровный либерал, у коего и м ы с л и нет о том, что стачки будят крестьян, ведут их к восстанию, развивают р е в о л ю ц и о н н у ю агитацию в массах, будят войско, что от стачек (поскольку они истощают) надо переходить к уличным демонстрациям и т. д.

Пошлые либеральные фразы Ф. Д. о «борьбе за право организации», как «очередной задаче»—конституционная реформа «на очереди» при Терещенке!—единственное прикрытие борьбы «Луча» против революционных стачек. Маловато, г.г. ликвидаторы!»

*«Социал-Демократ» № 30
от 12 (25) января 1913 г.*

Значение избрания Пуанкаре ?.

Нового президента французской республики усиленно поздравляют. Загляните в черносотенно-погромщицкое «Новое Время» и в либеральную «Речь»: какое трогательное единодушие в поздравлениях президенту Пуанкаре, в выражениях своего удовольствия!

На оценке вопросов внешней политики и положения дел в западных странах с особенной наглядностью вскрывается глубокое внутреннее родство наших черносотенцев и наших либералов. Когда и те и другие приветствуют «национального» президента Пуанкаре, выбранного союзом крупной буржуазии и клерикально-феодальной реакции во Франции,—всякому становится ясно, что черносотенцы и либералы расходятся лишь во взгляде на способы борьбы против социализма.

Но выборы Пуанкаре представляют интерес покрупнее, чем думают усердные «поздравители». Сознательные рабочие, обдумывая значение этих выборов, отмечают три обстоятельства.

Во-первых, выборы Пуанкаре означают еще шаг вперед по обострению классовой борьбы, предстоящей Франции. Пуанкаре был премьер-министром в палате, имеющей радикальное большинство. А в президенты выбран он против радикального кандидата Памса, выбран при помощи клерикально-феодальной реакции, выбран правым блоком.

Что это значит? Во Франции у власти стоит последняя буржуазная партия, радикалы. Отличие ее от «реакции» становится все меньше. Против социалистического пролетариата все теснее спланивается вся буржуазия, от радикальной до реакционной, и все больше стираются границы между той и другой. Особенно ярко это проявилось на избрании Пуанкаре. Такое сплочение—верный признак крайнего обострения классовых противоречий.

Во-вторых, знаменательна карьера Пуанкаре—типичная карьера буржуазного дельца, продающего себя по очереди всем партиям в политике и всем богачам «вне» политики. По профессии Пуанкаре—адвокат с 20 лет. В 26 лет он был начальником кабинета, в 33 года министром. Богачи и финансовые тузы во всех

странах высоко ценят политические связи таких ловких карьеристов. «Блестящий» адвокат-депутат—политический пройдоха, это—синонимы в «цивилизованных» странах.

В-третьих, знаменательна демонстрация французских социалистов при выборах Пуанкаре. Голосование за Вальяна—было демонстрацией в честь Коммуны. Вальян—живая память о ней. Достаточно хоть раз видеть, как встречают парижские рабочие появление на трибуне седого, как лунь, Вальяна, чтобы понять это.

И вот, в том самом Версале, где в 1871 году буржуазная Франция продавала родину Бисмарку, чтобы подавить восстание пролетариата—в той самой зале, в которой 42 года тому назад раздавались зверские вопли черносотенных помещиков Франции, жаждавших себе короля, депутаты рабочего класса голосовали за старого коммунара.

«Правда» № 11 (215)

от 15 января 1913 г.

За подписью В. И.

Жизнь учит.

Кто искренно интересуется судьбами освободительного движения в нашей стране, тот не может не интересоваться прежде всего нашим рабочим движением. Годы подъема, как и годы контр-революции, яснее ясного показали, что рабочий класс идет во главе всех освободительных сил и что, поэтому, судьбы рабочего движения теснейшим образом переплетаются с судьбами русского общественного движения вообще.

Возьмите кривую, изображающую стачечное движение рабочих за последние восемь лет! И попробуйте нарисовать такую же кривую линию, изображающую рост и упадок всего русского освободительного движения вообще за эти годы. Обе кривые совершенно совпадут. Между всем освободительным движением в целом, с одной стороны, и рабочим движением, с другой, существует самая тесная, неразрывная связь.

Присмотритесь к данным о стачечном движении в России, начиная с 1905 года.

Годы.	Число стачек.	Число участников (в тысячах).
1905	13.995	2.863
1906	6.114	1.108
1907	3.573	740
1908	892	176
1909	340	64
1910	222	47
1911	464	105
1912	приблизительно около 1½ миллиона (экон. и полит.).	

Разве эти данные не показывают самым наглядным образом, что лучшим барометром всей общенародной освободительной борьбы в России служит стачечное движение русских рабочих?

Наивысший подъем (1905 г.) дает около 3 миллионов стачечников. В 1906 и 1907 годах движение падает, но остается еще на очень высоком уровне, средним числом давая 1 миллион стачечников. Затем движение быстро начинает идти под гору и падает—падает до самого 1910 года включительно: 1911 год—год перелома. Кривая начинает—хотя еще робко—подниматься. 1912 год—год нового крупнейшего подъема. Кривая уверенно и решительно поднимается до уровня 1906 года и явно держит курс на тот год, когда трехмиллионная цифра побил а в с е м и р н ы й рекорд.

Наступила н о в а я э п о х а. В этом не может теперь быть никакого сомнения. Начало 1913 года—лучшая тому порука. От отдельных ч а с т н ы х вопросов рабочая м а с с а идет к постановке о б щ е г о вопроса. Внимание самых широких масс сосредоточивается уже не на отдельных только нестроениях нашей русской жизни. Вопрос ставится о в с е й с о в о к у п н о с т и этих нестроений, в целом, речь идет не о реформах, а о реформе.

Жизнь учит. Живая борьба лучше всего разрешает те вопросы, которые еще недавно были столь спорными. Взгляните теперь, после 1912 года, хотя бы на наши споры о «петиционной кампании» и о лозунге «свобода коалиций». Что показал опыт?

Собрать хотя бы только несколько десятков тысяч подписей рабочих на весьма умеренной петиции—оказалось невозможным. А м и л л и о н участников одних п о л и т и ч е с к и х стачек—оказался фактом. Разговоры о том, что не надо идти дальше лозунга «свобода коалиции», ибо иначе-де массы не поймут нас и не мобилизуются,—оказались пустыми и праздными разговорами оторванных от жизни людей. А живые, реальные миллионные

массы мобилизовались именно под самыми широкими, старыми, неурезанными формулами. Только эти формулы зажигали энтузиазм масс. Кто на деле шел вместе с массами и кто без них и против них—теперь показано достаточно убедительно.

Бодрое, свежее, могучее движение самих масс отмечает, как негодную ветошь, искусственные, высиженные в кабинетах, рецепты и идет вперед, все вперед.

В этом исторический смысл происходящего на наших глазах грандиозного движения.

*«Правда» № 15 (219)
от 19 января 1913 г.*

Новая демократия.

В «Пестрых встречах» новогоднего номера «Речи» г. Тан⁸⁾ затронул важный вопрос, на который рабочим следует обратить серьезное внимание. Это—вопрос о росте новой демократии.

Вот уже с год или может побольше,—пишет г. Тан,—русло жизни опять начинает меняться и таять. Вместо убыли воды появляется прибыль. Бог знает, откуда, из недр подземных и из дальних источников. Три года все было тихо и пусто. Теперь появляются люди, выползают один за другим из разных щелей и медвежьих углов...

«...Всего интереснее люди крестьянского звания, пришедшие снизу. Имя им легион. Они заполнили средние области жизни и даже покушаются на высшие, особенно в провинции. Техники, счетчики, агрономы, учителя, всякие земские служащие. Все они похожи друг на друга. Серые с лица, широкие в кости, нескладные с виду; к рефлексам не склонны, напротив, живучи, как кошки... Жизнь, очевидно, шагнула еще на ступень, ибо мы, разночинцы,—сравнительно с ними—так же, как были дворяне сравнительно с нами».

Метко и верно сказано, хотя не следует забывать, что и старые разночинцы и новые, «крестьянского звания», демократическая интеллигенция и полуинтеллигенция—представляют из себя буржуазию в отличие от дворян-крепостников.

Но буржуазия бывает разных слоев, которым свойственны разные исторические возможности. Верхам буржуазии и богатей буржуазной интеллигенции: адвокатам, профессорам, журнали-

стам, депутатам и т. д., почти всегда свойственно тяготеть к союзу с Пуришкевичами. С ними связывают эту буржуазию тысячи экономических нитей.

Напротив, крестьянская буржуазия и новая, «крестьянского звания», интеллигенция тысячами нитей связана с массами бесправного, забитого, темного, голодного крестьянства и по всем условиям своей жизни враждебна всякой пуришкевичевщине, всякому союзу с ней.

Эта новая, более многочисленная, более близкая к жизни миллионов, демократия быстро учится, крепнет, растет. Она полна, большей частью, неопределенных оппозиционных настроений, она питается либеральной трухой. На сознательных рабочих ложится великая и ответственная задача—помочь освобождению этой демократии из-под влияния либеральных предрассудков. Только в меру того, как она будет преодолевать эти предрассудки, сбрасывать с себя убожество либеральных иллюзий, разрывать с либералами и протягивать руку рабочим,—суждено ей, новой демократии в России, сделать нечто серьезное для дела свободы.

«Правда» № 15 (219)

от 19 января 1913 г.

За подписью Т.

О народничестве.

Г. А. В. Пешехонов в № 12 «Русского Богатства» написал «руководящую» статью на «очередную» тему под заглавием: «Народный социализм или пролетарский?».

Статья эта крайне не серьезна и бессодержательна сама по себе. Такого пустого набора слов, такого разгула уклончивой, голой фразы, такой мешанины взглядов (эклектизма) давненько уже мы не встречали в «руководящих» статьях считающегося серьезным народнического журнала.

Но статья характерна тем, что затрагивает крайне серьезный и злободневный вопрос о разложении народничества. Народничество есть идеология (система взглядов) крестьянской демократии в России. Поэтому всякий сознательный рабочий должен внимательно следить за тем, как изменяется эта идеология.

I.

Народничество очень старо. Его родоначальниками считают Герцена и Чернышевского. Расцветом действенного народничества было «хождение в народ» (в крестьянство) революционеров 70-х годов. Экономическую теорию народников разрабатывали всего цельнее В. В. (Воронцов) и Николай — он в 80-х годах прошлого века. В начале XX века социалисты-революционеры выражали наиболее оформленно взгляды левых народников.

Революция 1905 года, показав все общественные силы России в открытом, массовом действии классов, дала генеральную проверку народничеству и определила его место. Крестьянская демократия — вот единственное реальное содержание и общественное значение народничества.

Русская либеральная буржуазия по своему экономическому положению вынуждена стремиться не к уничтожению привилегий Пуришкевича и К-о, а к их разделу между крепостниками и капиталистами. Наоборот, буржуазная демократия в России — крестьянство — вынуждена стремиться к уничтожению всех этих привилегий.

Фразы о «социализме» у народников, о «социализации земли», уравнительности и т. п. — простая словесность, облекающая реальный факт стремления крестьян к полному равенству в политике и к полному уничтожению крепостнического землевладения.

Революция 1905 года окончательно раскрыла эту социальную сущность народничества, эту классовую природу его. Движение масс — и в форме крестьянских союзов 1905 года, и в форме крестьянской борьбы на местах в 1905 и 1906 годах, и в форме выборов в обе первые Думы (создание «трудовых» групп) — все эти великие социальные факты, показавшие нам в действии и миллионы крестьян, отмели, как пыль, народническую, якобы социалистическую, фразу и вскрыли ядро: крестьянскую (буржуазную) демократию с громадным, еще не исчерпанным запасом сил.

Кого о пы т величайшей эпохи в новой, современной, России не научил отличать реального содержания народничества от словесной оболочки его, — тот безнадежен, того нельзя брать в серьез, тот может быть играющим в словечки писателем (вроде

А. В. Пешехонова из «Русского Богатства», но не политическим деятелем.

В следующей статье посмотрим поближе на разложение народничества и на этого писателя.

II.

Опыт 1905 года именно потому имеет громадную важность, что он заставил проверить теории народников д в и ж е н и е м масс. И эта проверка сразу вызвала распад народничества, крах их теорий.

Уже на первом съезде социалистов-революционеров, в декабре 1905 года, начинают откалываться от них «народные социалисты», окончательно отделившиеся к осени 1906 года.

Эти «народные социалисты» предвосхитили наших ликвидаторов. Точь-в-точь пели они об «открытой партии», точь-в-точь ликвидировали лозунги последовательной демократии и вели ренегатские речи (см., например, статьи г. Пешехонова в № 8 «Русского Богатства» за 1906 год). Это были крестьянские кадеты, и вторая Дума (которую не бойкотировали народники, даже эс-эры) д о к а з а л а, что большая часть крестьянских депутатов шла за оппортунистами из «Русского Богатства», а меньшая—за эс-эрами. Вторая Дума окончательно подтвердила то, что видно было уже из народнических газет «дней свободы» (осенью 1905 и весной 1906 г.г.), именно: ничем иным, кроме как левым крылом крестьянской демократии в России, эс-эры быть не могут, вне этого они—ничто.

Разложение народничества все яснее и яснее подтверждает это. За время разгула контр-революции это разложение шло быстро: левые народники «отозвали» самих себя от думских трудовиков. Старую партию фактически ликвидировали, новой не создали. Ренегатство (вплоть до Ропшинских позорных произведений «Конь бледный», «То, чего не было») ⁹⁾ нашло себе широкую дорогу даже к «левым» народникам. Часть их («починовцы») бросает бойкот. Часть тяготеет к марксизму (Н. Суханов ¹⁰⁾—хотя у него путаницы еще тьма). Часть—к анархизму. Развал, в общем, несравненно, сильнее, чем у социал-демократов, ибо есть официальные центры, но нет ясной, выдержанной, принципиальной линии, способной б о р о т ь с я с упадочничеством.

И вот, г. А. В. Пешехонов являет нам образец этого идейного упадочничества. Была некогда у народников своя теория. Теперь остались только нахватанные с бору да с сосенки «оговорочки» к марксизму. Любой беспринципный фельетонист бойкой буржуазной газетки подпишет, ничем не рискуя, ничем себя не связывая, н и ч е г о н е и с п о в е д у я, статью г. А. В. Пешехонова в защиту «народного» социализма. Ибо «народный» социализм есть пустейшая фраза, служащая для о б х о д а вопроса о том, к а к о й класс или социальный слой везде в ми^{ре} е за социализм борется.

Достаточно привести два образчика болтовни г. А. В. Пешехонова:

...Оказывается,—пишет он,—что партия, усвоившая доктрину пролетарского социализма, в действительности готова развить свои силы и за счет других, «полупролетарских» и даже «буржуазных» слоев.

Не правда ли, возражение, достойное гимназиста 4-го класса! В социалистических партиях всего мира есть и полупролетариат, и буржуа... з н а ч и т? Значит,—умозаключает г. А. В. Пешехонов,—можно обойти тот факт, что т о л ь к о пролетариат во всем мире 1) ведет систематическую борьбу с классом капиталистов и 2) является м а с с о в о й опорой социал-демократических партий.

2-й пример:

Взять хотя бы студенчество,—пишет бойкий г. А. В. Пешехонов,—самая подлинная, ведь, буржуазия, а социалисты среди него, не знаю, как теперь, но еще недавно составляли чуть ли не большинство.

Ну, разве это не бесподобно? Разве не достоин этот довод наивной эс-эровской гимназисточки? Не заметить после 1905—1907 годов, как размежевались, на арене всех политических выступлений, десятки миллионов крестьян и миллионы рабочих,—и придавать значение (к а к д о в о д у п р о т и в «пролетарского социализма»!) тому факту, что либеральная и демократическая учащаяся молодежь в России сочувствует эс-эрам и эс-декам! Послушайте, г. А. В. Пешехонов, знайте же меру...

Сознательные рабочие должны вести прямую и ясную политику с народниками. Беспощадно высмеивать якобы социалистические фразы и н е д а в а т ь п р я т а т ь в н и х единственно серьезный вопрос о последовательном д е м о к р а т и з м е.

«Народный» социализм, уравнительность, социализация земли, кооперации, трудовое начало? Этого не стоит даже опровер-

гать. Это жизнь и революция давно уже с м е л и совсем из области серьезных вопросов политики. Этой болтовней вы только прочтете с е р ь ь з н ы й вопрос: о демократизме. Вы должны сказать ясно и прямо, верны ли вы лозунгам п о с л е д о в а т е л ь н о й демократии? Хотите ли вы и умеете ли вы претворить эти лозунги в с и с т е м а т и ч е с к у ю работу среди м а с с точно определенного социального слоя? Если да,—рабочий демократ—ваш союзник и друг против всех врагов демократии. Если нет,—ступайте прочь, вы просто болтун.

«Правда» №№ 16 и 17 (220 и 221)

от 20 и 22 января 1913 г.

За подписью В. И.

Буржуазия и реформизм.

Рассуждения «Речи» по поводу насущного вопроса о стачках заслуживают громадного внимания рабочих.

Либеральная газета приводит официальные данные о забастовочном движении:

Годы.	Забастовок.	Рабочих (тысяч).
1905	13.995	2.863
1906	6.114	1.108
1907	3 573	740
1908	892	176
1909	340	64
1910	222	47
1911	464	105
1912	1.918	683

Отметим мимоходом, что цифры за 1912 год явно преуменьшены: политических стачечников насчитано всего 511 тысяч. Их было раза в два больше. Напомним еще, что не далее, как в мае 1912 года «Речь» отрицала политический характер нашего рабочего движения и уверяла, что все движение носит только экономический характер. Но мы намерены остановиться теперь на другой стороне дела.

Как оценивает это явление наша либеральная буржуазия? «Не удовлетворены основные потребности политического сознания» (почему только с о з н а н и я??) «русских граждан»,—пишет «Речь».

Рабочий класс повсюду является наиболее подвижным и наиболее восприимчивым слоем городской демократии... наиболее действенным слоем народа... В конституционных условиях... в нормальной политической обстановке... не были бы потеряны (из-за Путиловской стачки) десятки тысяч рабочих дней в такой отрасли производства, которая теперь, в виду внешних осложнений, приобретает чрезвычайную важность... (№ 19)

Точка зрения буржуазии ясна. «Мы» хотим политики империализма, захвата чужих земель. «Нам» мешают стачки. «Мы» теряем прибавочную стоимость за «потерянные» рабочие дни. «Мы» хотим такой же «нормальной» эксплуатации рабочих, как в Европе.

Прекрасно, г.г. либералы! Ваше желание законно, ваше стремление мы готовы поддержать... если... е с л и оно не мертво, не пусто!

«Речь» продолжает: «прусские государственные люди (надо было сказать: прусские помещики) не из сочувствия к свободам дали *л е г а л и з а ц и ю с о ц и а л - д е м о к р а т и ч е с к о й п а р т и и*». «Реформы приносят надлежащие плоды, когда они даются во-время».

Таков законченный реформизм нашей буржуазии. Она ограничивается воздыханиями, она желает убедить Пуришкевичей, не обижая их, помириться с ними, не устраняя их. Всякому мыслящему человеку должно быть ясно, что лозунг «легализации социал-демократической партии» по своему о б ъ е к т и в н о м у значению (т.-е. независимо от добрых намерений отдельных группок) есть неразрывная составная часть этого убогого и бессильного буржуазного реформизма.

Заметим только одно. Бисмарку удались реформы лишь потому, что он вышел из рамок реформизма: он совершил, как известно, ряд «революций сверху», он ограбил богатейшую страну мира на 5 миллиардов франков, он м о г дать опьяненному рекой золота и невиданными военными успехами народу всеобщее избирательное право и настоящую законность.

Не думаете ли вы, г.г. либералы, что что-либо подобное возможно в России?? Почему же вы даже по поводу вопроса об архангельском земстве (вот так «реформа»!) объявляли безнадежными реформы в России??

«Правда» № 23 (227)

от 29 января 1913 г.

За подписью Т.

Об открытой партии.

Газета «Луч», которая умеет «шуметь» среди интеллигентских кругов тем больше, чем меньше читают ее рабочие, продолжает свою пропаганду в пользу открытой рабочей партии с усердием, достойным лучшего дела.

В новогодней передовице этой газеты мы читаем старую неправду, будто бы 1912 год «выдвинул очередным своим лозунгом и боевым знаменем для рабочей России вопрос о борьбе за свободу коалиций и вопрос о борьбе за открытое существование социал-демократической рабочей партии».

Всякий, кто действительно соприкасался с массовым рабочим движением 1912 года и внимательно наблюдал его политический облик, прекрасно знает, что ликвидаторы из «Луча» говорят здесь неправду. Очередным лозунгом и боевым знаменем рабочие выставляли другое. Это видно было с особенной наглядностью, например, в майские дни, когда сами рабочие передовики различных течений (и даже при участии меньшинства народников среди большинства социал-демократов) выставили другой лозунг, выкинули другое «боевое знамя»¹¹⁾.

Интеллигенты из «Луча» знают это, но свое маловерие, свою узость понимания, свой оппортунизм они навязывают рабочим. Знакомая и не новая картина! В России же подобное искажение сходит с рук авторам его тем легче, что оно пользуется монополией «открытого» проявления на известных аренах.

Но неправда «Луча» остается неправдой. И она усугубляется, когда «Луч» продолжает:

«В центре политической мобилизации рабочих масс 1913 года будет стоять именно этот лозунг»...

Другими словами: вопреки рабочим массам, выкинувшим уже и ной лозунг, интеллигенты из «Луча» будут обкарнивать и урезывать его. Вольному воля—но только дело вы делаете, господа, вовсе не социал-демократическое, а либеральное.

Пусть припомнит читатель недавний спор «Луча» с «Правдой» об открытой партии. Почему даже кадетам не удалась открытая партия?—спрашивала «Правда». А в «Луче» Ф. Д. отвечал:

«Кадеты признали свое хотение утопией, когда им не утвердили устава, а у ликвидаторов была «упорная планомерная работа, завоевание одной позиции за другой» (см. № 73 «Луча»).

Вы видите: Ф. Д. уклонился от ответа! И у к.-д. была упорная работа, и они «завоевывали позиции» в легальной литературе и в легальных союзах. Но открытой партии даже у кадетов нет.

Почему же кадеты продолжают мечтать и говорить об открытой партии? Потому, что они—партия контр-революционной либеральной буржуазии, которая согласна мириться с Пуришкевичами за известные уступочки либералам, за уступочку «мирной» открытой кадетской партии.

Вот каково объективное, т.-е. независящее от добрых пожеланий и красивых слов, значение речей об открытой партии в эпоху третьеиюньского режима. Эти речи выражают отречение от последовательной демократии и проповедь мира с Пуришкевичами.

Не то важно, какие цели преследуют ликвидаторы своей проповедью открытой партии, каковы их намерения и виды. Это вопрос субъективный; известно, что ад вымощен «добрыми» намерениями. Важно то, каково объективное значение проповеди открытой рабочей партии при третьеиюньском режиме, при неоткрытой либеральной партии и т. д.

Это объективное значение ликвидаторских речей об открытой партии есть отречение от общенародных и основных условий и требований демократии.

Всякий сознательный рабочий, поэтому, и относится к проповеди ликвидаторов отрицательно, ибо вопрос об «открытой партии» есть коренной вопрос, вопрос о самом существовании партии рабочего класса. Ликвидаторская проповедь именно самое существование действительно рабочей партии подрывает в корне.

«Правда» № 24 (228)

от 30 января 1913 г.

За подписью Т.

Что делается в народничестве и что делается в деревне?

Журнал «Русское Богатство» показывает нам те именно две струи в народническом или трудовическом потоке или течении русской жизни, которые можно проследить и по другим, более

прямым, более непосредственным источникам политического знания.

Припомним, например, прения в I и II Думах. К сожалению, стенографические отчеты той и другой изъяты теперь из продажи. Но так или иначе, а громадный политический материал по изучению взглядов и стремлений русского крестьянства и русского трудовичества, имеющийся в этих отчетах, отчасти стал уже, отчасти станет в будущем достоянием всякого образованного человека. Главный вывод, вытекающий из этого материала, состоит в том, что интеллигенты-трудовики (включая сюда и интеллигентоэ-эс-эров) и крестьяне-трудовики представляют существенно различные политические течения.

Интеллигенты-народники тяготеют к примирительной или «общечеловеческой» фразе. В них всегда чувствуется либерал. Точка зрения классовой борьбы им органически чужда. Они—резонеры. Они тянут демократическое крестьянство назад, от живой и непосредственной борьбы с его классовым врагом к туманной, вымученной, бессильной, якобы-социалистической фразе.

Крестьяне-народники в обеих первых Думах—огонь, страсть. Они полны стремления к непосредственному и решительному действию. Они темны, необразованны, наивны, но против своего классового врага они поднимаются с такой прямоотой, непримиримостью, ненавистью, что выощааете серьезнейшую общественную силу.

Другими словами: интеллигенты-народники—из рук воплохие социалисты и размагниченные демократы. Крестьяне-трудовики вовсе не играют в социализм, который им абсолютно чужд, но они «нутряные», искренние, горячие и сильные демократы. Победит ли крестьянская демократия в России,—этого предсказать не сможет никто, ибо это зависит от слишком сложных объективных условий. Но совершенно несомненно, что может победить трудовическое крестьянство только вопреки тем тенденциям, которые приносит в его движение народническая интеллигенция. Жизненная, свежая, искренняя демократия в состоянии и победить, при благоприятной исторической обстановке,—а «социалистическая» фраза, народническое резонерство никогда победить не может.

Этот вывод представляется мне одним из важнейших уроков русской революции, и я не теряю надежды обосновать его когда-

нибудь подробным анализом речей народников в обеих первых Думах и другим политическим материалом 1905—1907 годов. В настоящее же время мне хочется отметить замечательное подтверждение этого вывода последней (1912 г., № 12) книжкой «Русского Богатства»—главного и наиболее солидного народнического органа.

Две статьи в этой книжке производят несомненно типическое впечатление. Статья г. А. В. Пешехонова («Народный социализм или пролетарский?») — образец интеллигентских рассуждений «народных социалистов» и эс-эров.

Если бы было неизбежно, чтобы массовая сила русского крестьянства направлялась так, как это «выходит» по рассуждениям г.г. А. В. Пешехонова и К-о, то дело русской буржуазной демократии было бы безнадежно проиграно. Ибо из фраз и резонерства исторического действия выйти не может. Импотентность такого народничества — окончательная.

В статье г. Крюкова «Без огня» о крестьянстве и крестьянской жизни и крестьянской психологии рассказывает некий сладенький попик, изображая крестьянство именно таким, каким оно с а м о выступало и выступает. Если это изображение верно, то русской буржуазной демократии—в лице именно крестьянства—суждено крупное историческое действие, которое при сколько-нибудь благоприятной обстановке сопутствующих явлений имеет все шансы быть победоносным.

Чтобы пояснить это, охарактеризуем вкратце «идеи» г. А. В. Пешехонова и приведем несколько цитат из описаний русского крестьянства сладеньким попиком.

Г. А. В. Пешехонов защищает основы народничества от писателя «Заветов» Суханова, который сдает марксизму целый ряд кардинальных теоретических посылок народничества, проповедуя при этом что-то вроде объединения марксистов с народниками.

Г. А. В. Пешехонов от объединения не прочь, но «сдавать» принципы народничества не намерен. И вот именно эта защита принципиальной чистоты и твердости народничества таким, несомненно, компетентным и видным народником, как г. А. В. Пешехонов, показывает яснее ясного полную безнадежность его позиции, а б с о л ю т н у ю б е з ж и з н е н н о с т ь т а к о г о народничества.

Г. Суханов договорился до того, что классом социалистическим по природе является один только пролетариат. Конечно, если мыслить хоть сколько-нибудь последовательно,—это значит признать марксизм и поставить полный крест над народническим социализмом.

Г. А. В. Пешехонов восстает против г. Суханова, но аргументы его—нечто невиданно жалкое. Это—сплошь оговорочки, поправочки, вопросительные знаки, эклектические замечания на тему о том, что ревизионизм «не в меру муссирует» поправки жизни к теории, а ортодоксия напрасно их оспаривает. Кашица, преподносимая г. А. В. Пешехоновым, как две капли воды, похожа на обычные во всех европейских странах возражения «гуманитарных» буржуа против классовой борьбы и классового социализма.

Того основного и общеизвестного факта, что во всем мире только пролетариат ведет систематическую борьбу с капиталом повседневно, что он именно составляет массовую опору партий социалистических, г. А. В. Пешехонов отрицать не решается. Что крестьянство тем менее обнаруживает хотя бы слабую социалистичность, чем свободнее политически страна,—этого г. А. В. Пешехонов не знать не может. И он просто и г р а е т в обрывочки мыслей европейских буржуазных профессоров и оппортунистов, чтобы спутать дело, даже и не пытаясь выставить против марксизма хотя чего-либо похожего на цельную, прямую, ясную социальную теорию.

Поэтому нет ничего скучнее статьи г. А. В. Пешехонова. Нет ничего более показательного для полной идейной смерти народнического социализма в России. Он умер. «Идеи» г-на А. В. Пешехонова в любом буржуазном социал-реформаторском издании на Западе вы найдете полностью. Неинтересно и опровергать их.

Но если умер народнический социализм в России, если его убила революция 1905 года и похоронили г.г. А. В. Пешехоновы, если от него осталась только гнилая фраза, то крестьянская демократия в России отнюдь не социалистическая, а такая же буржуазная, какой была демократия Америки 1860 годов, Франции конца XVIII века, Германии первой половины XIX века и т. д., и т. п., эта демократия ж и в а.

Рассказ сладенького попаки про деревню, передаваемый г. Крюковым, вполне подтверждает это. А то, что сообщает Крю-

ков,—заметим мимоходом—еще рельефнее и точнее, пожалуй, вытекает из наблюдений заведомого врага демократии, веховца Булгакова в «Русской Мысли» (1912 г., № 11: «На повороте»).

«Раболепство и трусость, — говорит попик у Крюкова про русское духовенство,—всегда это было! Но в том разница, что никогда не было такого ужасающего спокойного, молчаливого отпадения от церкви, как ныне. Точно дух жизни угас в церкви. Повторяю: не одна интеллигенция ушла,—народ ушел... надо в этом сознаться,—я ведь два года был сельским священником».

Сладенький попик вспоминает пятый год. Попик разъяснял тогда крестьянам манифест. «Я-то ждал,—плачет он,—прозрения, тесного союза, любви, трезвости, здравого сознания, пробуждения, энергии... Прозрение-то как будто и явилось, но вместо единения и союза—злоба и междоусобие. И первое всего деревня толкнула именно и меня и порядочно. Кажись, я весь, душой и сердцем, был за нее... Эти самые свободы объяснял и все прочее. И как слушали! Я-то думал, что уж шире того, что я открывал и открыть нельзя, а нет... проникли в деревню и другие речи. И новые-то разъяснители заварили кашку много погуще: насчет земельки, равенства и господ. Конечно, мужички поняли и усвоили это моментально. И первым долгом пришли ко мне и объявили, что за ругу будут платить мне не двести, а сто»...

«...Однако, особенно-то огорчил меня не этот факт, насчет сотни рублей, а совокупность всего, что так скоропалительно составило новый облик деревни. Уж как со всех сторон старались открыть ей глаза, освободить ее от пелены, темень эту ее осветить! И, если правду говорить, успели. Слепой человек увидел-таки чуточку света, и с этого момента он уже не слепой... хотя и не прозрел. Но с этим полупрозранием ему пришло познание лишь самое горестное и злоба самая душная... И иной раз, может быть, вздохнет он о темном неведении своем. Такая злоба выросла в деревне, такая злоба, что, кажется, теперь весь воздух насыщен ею... Нож, дубина, красный петух! Очевидность бессилия, жгучие, неотомщенные обиды, междоусобная брань, ненависть без разбора, зависть ко всему более благополучному, уютному, имущему. И прежде, конечно, зависть жила, и злоба, и скорбь, и грех смрадный, но верили люди в волю Божию и тщету мирских благ, верили и находили силу терпеть в уповании на загробную награду. Нынче этой веры уже нет. Нынче там вера такая: мы—поработители, они—порабощенные. Из всех толкований о свободе на деревенской почве выросли плевалы и дурман... А вот теперь этот новый закон о земле—брат на брата восстал, сын на отца, сосед на соседа! Злоба и смута пошла такая, что задохнется в ней деревня, непременно задохнется».

Мы подчеркнули в этом характерном описании деревни сладкоречивым попиком (чистейший народник-интеллигент!) некоторые особенно характерные словечки.

Попик—сторонник «любви», враг «ненависти». В этом отношении он целиком разделяет ту толстовскую (можно также ска-

вать: ту христианскую) глубочайше-реакционную точку зрения, которую постоянно развивают наши кадеты и кадетоподобные. Помечтать о какой-нибудь «социализации земли», поболтать о «социалистическом» значении кооперации, о «нормах землевладения» такой попик, наверное, не прочь, но вот когда дело дошло до ненависти вместо «любви», тут он сразу спасовал, раскис и нюни распустил.

Словесный, фразистый «социализм» («народный, а не пролетарский») — сколько угодно, это и в Европе любой мещанин из грамотных одобрит. Ну, а ежели дошло дело до «ненависти» вместо «любви», тут финал. Социализм гуманной фразы — мы за; революционная демократия — мы против.

То, что говорит сладенький попик на избитую тему о «хулиганстве» в деревне, не представляет с фактической стороны ровно ничего нового. Но из собственного его рассказа ясно видно, что «хулиганство» есть внесенное крепостниками понятие. «Жгучие, не отомщенные обиды» — вот что констатирует сладенький попик. А это, несомненно, нечто весьма и весьма далекое от «хулиганства».

Марксисты издавна считали своей задачей, в борьбе с народничеством, разрушать маниловщину, слащавые фразы, сантиментальную надклассовую точку зрения, пошлый «народный» социализм, достойный какого-нибудь французского, прожженного в деяческих подходах и аферах «радикала-социалиста». Но вместе с тем марксисты издавна считали столь же обязательной своей задачей выделять демократическое ядро народнических взглядов. Народнический социализм — гнилая и смердящая мертвечина. Крестьянская демократия в России, если верно изображает ее у Крюкова сладенький попик, — живая сила. Да и не может она не быть живой силой, пока хозяйничают Пуришкевичи, пока голодают по тридцать миллионов.

«Ненависть без разбора» говорят нам. Во-1-х, это не вся правда. «Разбора» не видят Пуришкевичи, не видят чиновники, не видят прекраснодушные интеллигенты. Во-2-х, ведь даже в начале рабочего движения в России был известный элемент «ненависти без разбора», например, в форме разрушения машин при стачках 60—80-х годов прошлого века. Это быстро отпало. Не в этом соль. Пошlostью было бы требовать «белых перчаток» от теряющих терпение людей данной обстановки.

Существенное—глубокий разрыв с старым, безнадежно-реакционным мирозерцанием, глубокое усвоение именно того учения о «порабощенных», которое является залогом не мертвого сна, а живой жизни.

Сгнил народнический социализм вплоть до самого левого. Жива и жизненна задача очищения, просветления, пробуждения, сплочения демократии на почве сознательного разрыва с учениями «любви», «терпения» и т. п. Печалится сладенький попики. Мы же имеем все основания радоваться богатому поприщу бодрой работы.

*«Просвещение» № 2,
февраль 1913 г.
За подписью В. И.*

К нашим разногласиям.

(Манифест ликвидаторов.)

Читателю, интересующемуся разногласиями между марксистами и ликвидаторами, усиленно рекомендуем обратить внимание на одну крайне важную передовицу, помещенную недавно в газете «Луч» (№ 101). Передовица эта касается самого большого вопроса и носит заглавие «Рабочие массы и подполье». Мы перепечатаваем здесь эту редакционную статью «Луча» **п о л н о с т ь ю**, без малейших сокращений и изменений (нам принадлежит лишь курсив). Вот эта статья слово в слово:

Металлистам опять отказано в регистрации союза. Несмотря на все уступки, на которые готовы были идти рабочие, присутствие нашло решительно все параграфы неприемлемыми. Действовало ли тут общество фабрикантов и заводчиков, настаивавшее, как сообщали одно время газеты, чтобы металлистам не разрешали нового профессионального союза, или само присутствие решило не допускать существования такого союза—это сути дела не изменяет. Наиболее передовая и наиболее культурная часть петербургских рабочих лишается даже того мизерного права, которое им принадлежит на основании временных правил о союзах и обществах! Сколько сил потрачено, сколько жизней погублено в борьбе за этот кусочек права, которое теперь мановением руки сводится па нет!

И что всего более странно, это то, что широкие рабочие массы совершенно не отзываются на это лишение прав. **Под влиянием всех последних гонений на ле-**

гальные организации, кое-где в рабочей среде даже оживают и крепнут симпатии к «подполью». Мы нисколько не закрываем глаз на этот прискорбный, по нашему мнению, факт. Но не привыкшие преклоняться перед стихийностью, мы стараемся дать себе отчет в смысле его.

Теперешние разговоры о «подполье» в значительной мере напоминают старые, теперь, кажется, основательно забытые споры о терроре. Перед террором тоже многие «преклонялись», чтобы замаскировать свою собственную негодность. Хорошо, мол, что существуют герои, а мы уж как-нибудь за ними поплетемся. Так и теперь. Нам лень подумать, лень искать новых путей, и мы ждем, что подполье за нас решит, и уж тогда мы будем действовать под чужую ответственность. Удастся—хорошо, не удастся—мы имеем, на кого валить вину.

Эта-то психология, которая, мы не отрицаем, имеет корни в нашей современной политической обстановке и достаточно объясняется теми тяжелыми жертвами, которые уже принесены на алтарь открытого движения,—эта-то психология безответственности, бессознательного желания «сказаться в нетях», в случае неудачи, и диктует некоторым слоям рабочей массы возрождающееся почтение к подполью. Мы говорим о почтении к подполью, а не о бегстве в подполье, потому что фактически в подполье всегда бывали только единицы,—массе в подполье делать нечего,—а уж эти единицы, ни перед кем не ответственные, командовали массовыми выступлениями.

Но, говорят, «легальные возможности» все исчерпаны, и в результате мы имеем почти полное уничтожение легальных организаций. Вот именно это неверно, что исчерпаны все возможности. На самом деле еще крайне мало осуществлена та основная возможность, без которой немислима ни одна победа рабочего класса. Мы говорили о планомерном участии масс в отстаивании своих организаций. Все, что делалось до сих пор, делалось и недостаточно планомерно, и без достаточного участия масс. Тысячи подписей под петицией о свободе коалиций—ничто по сравнению с сотнями тысяч фабрично-заводских рабочих. Насчитываемые десятками и редко сотнями члены наших профессиональных, просветительных и всяких других обществ составляют малую каплю по сравнению с огромным количеством рабочих, занятых в данной профессии, обитающих в данном квартале и т. под. А, ведь, фактически лиц, действительно интересующихся союзами и работающих в них—и того меньше.

Выдвинув на самые опасные посты в легальных организациях лучшую часть рабочей интеллигенции, масса легко опускает руки и готова бросить самое дело, когда эти передовые борцы выхвачены из ее рядов. Тут именно—корень слабости современного рабочего движения, и тут именно—непочатый угол упорной и настойчивой с.-д. работы.

Читатель поймет, что мы не можем здесь сказать по поводу приведенной статьи всего того, что сказать следовало бы... Положение создается совершенно ясное. Если некоторые «нефракционные» люди видели поворот к лучшему у ликвидаторов, то теперь и слепой видит, что на деле возвращаются худшие времена ликвидаторства. Среди ликвидаторов вновь подняли голову Даны, Ежовы, Ларины, и их проповедь опять приобретает откровенно ренегатский характер.

Объявить «прискорбным фактом» то, что в рабочей среде даже (!) оживают и крепнут симпатии к «подполью», сказать, что это последнее так же «негодно», как террор, оплакивать «почтение» к подполью, в котором будто «ни перед кем не ответственные единицы командовали (!!!) массовыми выступлениями» — на это способен даже не всякий либерал.

Эта статья «Луча» — не случайность. Она выразила святую святых ликвидаторства. Если в последние месяцы ликвидаторы как бы несколько притаились и делали вид, что они «ничего не ликвидируют» и что никаких принципиальных разногласий у них с нами нет, — то это делалось исключительно из мелкой «дипломатии» и желания приручить некоторых «нефракционных» людей. Но эта дипломатия должна была сорваться и — сорвалась.

Есть статьи и статьи. Мимо статьи «Рабочие массы и подполье» не может пройти ни один марксист. Это — открытый манифест ликвидаторов, это — в своем роде «историческая» статья, статья, делающая эпоху. С небывалой прямою говорят ликвидаторы п р о т и в подполья. Каждая строка этой статьи дышит такой н е н а в и с т ь ю к последнему, что невольно восклицаешь: как выросла, как расширилась пропасть между марксистами и этими озлобленными ренегатами, у которых перо рвет и мечет при одном воспоминании о ненавистном «подполье»! Ведь те и другие явно говорят на совершенно различных языках! То, что у марксистов вызывает радость, бодрость и уверенность в победе, то у ликвидаторов порождает злобное уныние, растерянность и вой против рабочих масс б у д т о б ы идущих по неверному пути...

Вопрос, затронутый в статье «Рабочие массы и подполье», — не мелкий, случайный вопрос. И если теперь «Луч» вдесятеро усилил свое ликвидаторство, то ясно, что марксистам надо вдесятеро усилить свою борьбу п р о т и в ликвидаторства.

Дипломаты ликвидаторства для уловления «малых сих» очень много распространялись в последнее время о своей любви к «единству». Мы спрашиваем всякого читателя: о каком единстве можно разговаривать с г о с п о д а м и из «Луча», дописавшимися до статьи «Рабочие массы и подполье»? О каком единстве с ликвидаторами может быть речь, раз они открыто отрицают и оплевают то самое, единства чего только и добиваются марксисты? Раз они хладнокровно и цинично высказываются против

того, что единственно только и может являться сейчас базой передовых рабочих?

И мы спрашиваем особо таких защитников «Луча», как матышеские с.-д., или как «нефракционные» троцкисты: Солидаризируетесь ли вы с «Лучом» в его оценке подполья? Солидаризируетесь ли вы с ним в его оценке стачек?

Если да, то вы вовсе не «нефракционные», а самые настоящие ликвидаторы. Если нет, если вы здесь не солидарны с ликвидаторами, но молчите ради презренной «дипломатии», — то что сказать о вашем поведении?

Когда месяца 2 назад ликвидаторы топили все принципиальные расхождения в криках о будто бы возлюбленном ими «единстве», — казалось, что ликвидаторам надолго удастся смутить некоторые слои рабочих. К счастью, это не так. К счастью, существуют еще на свете откровенные и верящие в себя ликвидаторы, говорящие открыто то, что все они действительно думают. Поблагодарим этих откровенных ликвидаторов и посоветуем противникам ликвидаторства: перепечатавайте, распространяйте пошире манифест ликвидаторов, носящий заглавие «Рабочие массы и подполье». Тов. рабочие! Хотите знать, что такое ликвидаторство, — прочитайте внимательно передовицу в № 16 (101) «Луча», от 19 января 1913 года!

«Просвещение» № 2,

февраль 1913 г.

За подписью К.

Мобилизация крестьянских земель.

Мобилизацией земель называется переход собственности на землю из рук в руки. По отношению к нашим крестьянам до сих пор и в законе, и в «общественном» мнении (даже либеральном, среди кадетов) сохранился крепостнический взгляд, что мобилизация крестьянских земель вредна, и что ее надо запрещать или ограничивать.

С точки зрения демократии одно уже допущение мысли о том, что крестьянам — взрослым людям и полноправным гражданам — можно запрещать или затруднять продажу их земли, является самым бесстыдным издевательством над крестьянством. Только в такой стране, как Россия, где все чиновники и массы

либералов проникнуты еще старым крепостническим взглядом на подопечного, несмышленного, неполноправного «мужичка», может держаться такое отношение к мобилизации.

С точки зрения хозяйства вред всяких запрещений и ограничений мобилизации громаден. При сколько-нибудь сносных условиях жизни н и к о г д а крестьянин не продаст своей земли. А если нужда или другие условия (переселение, смерть работника и т. д.) з а с т а в л я ю т продать, то н и к а к о й з а к о н не удержит. Закон всегда будут обходить, и запрещения только ухудшат условия продажи земли.

В январской книжке «Русской Мысли» — органа самых правых кадетов, помеси либералов с черносотенцами — некий князь В. Оболенский, разделяющий, видимо, обычный черносотенно-либеральный взгляд на мобилизацию, вынужден был привести ф а к т ы, доказывающие глупость и вред ее ограничений. Запрещают покупать надельные земли не крестьянам. Покупатель записывается в крестьяне! Запрещают покупать одному более шести душевых надельных земель. Покупатель заключает фиктивные, обманные сделки на имя родственников и т. п.! Запрещают закладывать надельные земли. Этим как раз облегчены проделки спекулянтов, затруднено приобретение земли средними крестьянами!

Только крепостники и лицемеры могут ждать от ограничений мобилизации «помощи» для крестьян. Крестьяне сознательные ищут выхода совсем не в этом.

«Правда» № 26 (230)

от 1 февраля 1913 г.

За подписью Т.

Кое-что о стачках.

Газета «Луч» в ряде статей выступала против массовых стачек.

Разумеется, мы не можем здесь возражать «Лучу» так, как он этого заслуживает.

Ограничимся чисто теоретическими немногими замечаниями о х а р а к т е р е проповеди «Луча». Старательно приводя примеры из западных стран, повторяя на тысячу ладов словечки: «анархо-синдикализм» и т. п., — писатели из «Луча»

обнаружили тем полнейшее непонимание исторического своеобразия стачек в России в 1912 году.

Нигде в Европе стачки в XX веке не имели, не имеют и не могут иметь такого значения, как в России переживаемой нами эпохи. Почему?

Да потому, что во всей Европе давно абсолютно закончен период демократических глубоких преобразований, а в России на очереди стоят — в историческом значении этого слова — именно такие преобразования.

Отсюда — общенародный характер экономических, а еще более неэкономических, стачек в России. Подобного общенародного характера (с точки зрения демократических преобразований страны) лишены европейские стачки, являющиеся предвестником совсем иных преобразований. Далее, отношение стачек в России к положению сельско-хозяйственных мелких производителей (крестьян) опять-таки совсем непохоже на это отношение в западных странах.

Взяв все это вместе, мы поймем, что проповедь «Луча» оставляет в тени как раз общенародное, демократическое значение экономических и неэкономических стачек в России 1912 года. Выступление пролетариата, как гегемона (руководителя), в опр е к и антидемократическим настроениям либералов — вот, что самое важное и исторически своеобразное в наших стачках. И именно этого не понимают и не могут со своей ликвидаторской точки зрения понять писатели из «Луча».

Речь идет, разумеется, совсем не об оценке целесообразности той или иной отдельной стачки. Речь идет вовсе не о том, что необходима наиболее планомерная подготовка, а иногда даже замена стачки о д н о р о д н ы м действием. Речь идет о б о б щ е м непонимании ликвидаторами т о г о значения стачек вообще, которое делает неподходящим, не соответствующим данному положению вещей лозунг «свободы коалиций» или «открытой партии»

Не к отдельным случаям, а ко всему характеру движения ликвидаторы ставят минус там, где марксисты и сознательные рабочие ставят плюс. Вот почему рабочие справедливо возмущались и возмущаются проповедью «Луча».

«Правда» № 27 (231)

от 2 февраля 1913 г.

За подписью И.

Об одном открытии.

Буржуазное общество живет и держится исключительно на наемном труде миллионов. Без этого — ни доходы помещиков, ни прибыль капиталистов, ни всяческие «производные» источники сытой жизни вроде гонораров, жалований и проч., были бы невозможны. А той силой, которая загоняет миллионы в ряды наемников, является голод.

Факт это старый, общеизвестный, избитый. Буржуазная публика к нему привыкает и его «не замечает». Но от времени до времени вопиющие случаи нужды и нищеты рядом с роскошью заставляют — особенно если грозит опасность здоровью и благополучию г.г. буржуа! — делать «открытия». В каждом большом городе, в любом деревенском захолустье нет-нет да и «откроют» ужасную, отвратительную, недостойную человека грязь, нищету, запущенность. «Откроют», оповестят публику через «большие» газеты, поговорят денек-другой и забудут. Сытый голодного не разумеет...

Недавно в Петербурге познакомил публику с одним из таких «открытий» некий доктор Козловский, осмотревший 251 угловую квартиру Рождественской части.

Темные, сырые комнаты, удушливый воздух, грязь, спанье на сундуках, на полу, скученность страшная (3.578 жильцов в 251 квартире), на стенах раздавленные клопы, картина ужасающая («Новое Время» № 13236).

Общество народного здравия, слушавшее данный доклад, постановило разработать вопрос... возбудить ходатайство... просить об обследовании... т.-е. сделало все, что могло.

Несколько цифр из статистики города Петербурга за 1911 год. В распоряжение «Особого присутствия по разбору и призрению нищих» поступило 16.960 нищих. Из них 1.761 п р е д а н о с у д у — не беспокой чистых господ! — 1.371 отправлено на родину (деревня «привыкла» возиться с нищетой), 1.892 оставлены для призрения в учреждениях присутствия и 9.694 — о с в о б о ж д е н о.

Все-таки трудились же в присутствии, делали «разбор», не даром им жалование платят!

За тот же 1911 год в городскую биржу труда (за Московской заставой) обратилось 43.156 чернорабочих, ища работы. Получило работу 6.076 человек.

«Освобожденные» (нищие от «призрения», чернорабочие от работы) ночуют на улице, в ночлежках, в угловых квартирах... Материал для открытий.

«Правда» № 29 (233)

от 5 февраля 1913 г.

За подписью В. И.

Некоторые итоги „землеустройства“.

Каковы результаты новой аграрной политики? Этот вопрос интересует — и вполне законно — всех рабочих. Правительственная статистика ведется так плохо и так пристрастно, что доверять ей нельзя. Несомненно, что новая земельная политика есть буржуазная политика, но ею заведывают всецело г.г. Пуришкевичи, Марковы и К-о, т.-е. старого типа крепостники. От такого «заведывания» трудно ждать чего-либо иного, кроме краха.

Отметим выводы г. В. Оболенского в последней книжке «Русской Мысли» (1913, № 2). Журнал этот черносотенно-кадетский. Автор статьи тоже контр-революционер, — значит, свидетель, пристрастный скорее к помещикам. Этот автор в Самарской губернии нашел уезд (Новоузенский) с «громадными» успехами «землеустройства»: бóльшей половине домохозяев земля выделена к одному месту.

И все же вывод, к которому д о л ж е н был прийти автор, таков:

...Что касается ближайших результатов новой аграрной реформы, то... едва ли можно признать в какой-либо мере отрадными... Значительное количество надельных земель перешло за бесценок от крестьянских полу-пролетариев к зажиточным крестьянам и скупщикам-спекулянтам. . Возросли арендные цены... Разница в культуроспособности между участковым и общинно-чересполосным владением совершенно ничтожна.. Новый закон... способствовал обострению противоречий между условиями хозяйственной жизни и ее внутренним содержанием... Может быть, мысль крестьянская работает теперь энергичнее, чем работала в самый разгар минувшей революции.

О том, к у д а устремлена работающая мысль крестьян, либерала из «Русской Мысли» нечего и спрашивать. Недаром он совершенно оставил в тени вопрос о крепостническом хозяйстве на помещечьих землях.

Но над выводами либерального помещика стоит подумать. Все противоречия обострились, возросла эксплуатация, возросли арендные цены, совершенно ничтожен прогресс хозяйства. Не «может быть», а навверное мысль крестьянская работает.

*«Правда» № 45 (249)
от 23 февраля 1913 г.
За подписью В. И.*

Исторические судьбы учения Карла Маркса.

Главное в учении Маркса, это—выяснение всемирно-исторической роли пролетариата, как созидателя социалистического общества. Подтвердил ли ход событий во всем мире это учение после того, как оно было изложено Марксом?

Впервые Маркс выдвинул его в 1844 году. «Коммунистический Манифест» Маркса и Энгельса, вышедший в 1847 году, дает уже цельное, систематическое, до сих пор остающееся лучшим, изложение этого учения. Всемирная история с этого времени делится явственно на три главные периода: 1) с революции 1848 года до Парижской Коммуны (1871), 2) от Парижской Коммуны до русской революции (1905), 3) от русской революции.

Бросим взгляд на судьбы учения Маркса в каждый из этих периодов.

I.

В начале первого периода учение Маркса отнюдь не господствует. Оно—лишь одна из чрезвычайно многочисленных фракций или течений социализма. Господствуют же такие формы социализма, которые в основном родственны нашему народничеству: непонимание материалистической основы исторического движения, неумение выделить роль и значение каждого класса капиталистического общества, прикрытие буржуазной сущности демократических преобразований разными, якобы - социалистическими фразами о «народе», «справедливости», «праве» и т. п.

Революция 1848 года наносит смертельный удар всем этим шумным, пестрым, крикливым формам до-марковского социализма. Революция во всех странах показывает в действии и разные классы общества. Расстрел рабочих республи-

канской буржуазией в июньские дни 1848 года в Париже окончательно определяет социалистическую природу одного пролетариата. Либеральная буржуазия во сто раз больше боится самостоятельности этого класса, чем какой угодно реакции. Трусливый либерализм пресмыкается перед ней. Крестьянство удовлетворяется отменой остатков феодализма и переходит на сторону порядка, лишь изредка колеблясь между рабочей демократией и буржуазным либерализмом. Все учения о не-классовом социализме и о не-классовой политике оказываются пустым вздором.

Парижская Коммуна (1871) доканчивает это развитие буржуазных преобразований; только героизму пролетариата обязана своим упрочением республика, т.-е. та форма государственного устройства, в которой классовые отношения выступают в наиболее неприкрытой форме.

Во всех других европейских странах более запутанное и менее законное развитие приводит к тому же сложившемуся буржуазному обществу. К концу первого периода (1848—1871), периода бурь и революций, до-марксовский социализм умирает. Рождаются самостоятельные пролетарские партии: Первый Интернационал (1864—1872) и германская социал-демократия.

II.

Второй период (1872—1904) отличается от первого «мирным» характером, отсутствием революций. Запад с буржуазными революциями покончил. Восток до них еще не дорос.

Запад вступает в полосу «мирной» подготовки к эпохе будущих преобразований. Везде складываются пролетарские по своей основе социалистические партии, которые учатся использовать буржуазный парламентаризм, создавать свою ежедневную прессу, свои просветительные учреждения, свои профессиональные союзы, свои кооперативы. Учение Маркса одерживает полную победу и—идет в ширь. Медленно, но неуклонно идет вперед процесс подбирания и собирания сил пролетариата, подготовки его к грядущим битвам.

Диалектика истории такова, что теоретическая победа марксизма заставляет врагов его переодеваться марксистами. Внутренне сгнивший либерализм пробует оживить себя в виде социалистического оппортунизма. Период под-

готовки сил для великих битв они истолковывают в смысле отказа от этих битв. Улучшение положения рабов для борьбы против наемного рабства они разъясняют в смысле продажи рабами за пятак своих прав на свободу. Трусливо проповедуют «социальный мир» (т.-е. мир с рабовладением), отречение от классовой борьбы и т. д. Среди социалистических парламентариев, разных чиновников рабочего движения и «сочувствующей» интеллигенции у них очень много сторонников.

III.

Не успели оппортунисты нахвалиться «социальным миром» и отсутствием бурь при «демократии», как открылся новый источник величайших мировых бурь в Азии. За русской революцией последовала турецкая, персидская, китайская. Мы живем теперь как раз в эпоху этих бурь и их «обратного отражения» на Европе. Каковы бы ни были судьбы великой китайской республики, на которую теперь точат зубы разные «цивилизованные» гиены, но никакие силы в мире не восстановят старого крепостничества в Азии, не сметут с лица земли героического демократизма народных масс в азиатских и полуазиатских странах.

Некоторых людей, невнимательных к условиям подготовки и развития массовой борьбы, доводили до отчаяния и до анархизма долгие отсрочки решительной борьбы против капитализма в Европе. Мы видим теперь, как близоруко и малодушно анархистское отчаяние.

Не отчаяние, а бодрость надо почерпнуть из факта вовлечения восьмисотмиллионной Азии в борьбу за те же европейские идеалы.

Азиатские революции показали нам ту же бесхарактерность и подлость либерализма, то же исключительное значение самостоятельности демократических масс, то же отчетливое отмежевание пролетариата от всяческой буржуазии. Кто после опыта и Европы и Азии говорит о не-классовой политике и о не-классовом социализме, того стоит просто посадить в клетку и показывать рядом с каким-нибудь австралийским кенгуром.

За Азией стала шевелиться—только не по-азиатски—и Европа. «Мирный» период 1872—1904 г.г. отошел бесповоротно в вечность. Дороговизна и гнет трестов вызывают невиданное обострение экономической борьбы, сдвинувшее с места даже наи-

более развращенных либерализмом английских рабочих. На наших глазах зреет политический кризис даже в самой «твердокаменной» буржуазно-юнкерской стране — Германии. Бешеные вооружения и политика империализма делают из современной Европы такой «социальный мир», который больше всего похож на бочку с порохом. А разложение в с е х буржуазных партий и созревание пролетариата идет неуклонно вперед.

После появления марксизма каждая из трех великих эпох всемирной истории приносила ему новые подтверждения и новые триумфы. Но еще бóльший триумф принесет марксизму, как учению пролетариата, грядущая историческая эпоха.

«Правда» № 50 (254)

от 1 марта 1913 г.

За подписью В. В.

Фальшивые ноты.

Речь г. Милюкова в Государственной Думе по вопросу о всеобщем избирательном праве представляет выдающийся интерес потому, что оратору пришлось коснуться целого ряда тем, имеющих для демократии первостепенное значение.

Наша пресса вообще—и либеральная в том числе—все более укрепляется в обычае отвратительно-беспринципном: отрываться хвалебными (г. Литовцев в «Речи») или ругательными замечаниями о речах в Думе и н и к о г д а не анализировать и д е й н о г о содержания речей!

Рабочие в буржуазное политиканство не верят. Рабочие хотят у ч и т ь с я политике. Отвечая этому желанию, мы сделаем опыт анализа речи г. Милюкова.

...Вы,—говорит г. Милюков, обращаясь все время к октябристам,—вы не связаны с властью не только определенными обязательствами, вы не связаны с властью даже и благодарностью,—

ибо выборы, де, подделывались против вас.

Г. Милюков, один из образованнейших кадетов, профессор, редактор и т. д., самым серьезным образом развивал этот довод и добавлял даже:

...очевидно, нет в России того общественного слоя, который поддерживал бы теперешнюю правительственную политику («Россия» № 2236).

Фальшь этих рассуждений вопиющая. Тот же г. Милюков цитировал дальше француза Шаль, который справедливо говорит, что «узел задачи» «есть аграрный вопрос».

Чтобы получить консервативную III Думу, — говорит Шаль, — надо было перенести большинство с крестьян на помещиков... Земельная собственность и аристократия богатства могут образовать блок в $\frac{1}{3}$ голосов (при выборах членов Государственной Думы, по нашему избирательному закону), а меньшинство буквально раздавлено: крестьяне, средний класс и городская демократия приглашаются законодателем не делать выборов, а смотреть на выборы, не участвовать в них, а присутствовать.

Умно и правильно рассуждает реакционер Шаль. Благодарим г. Милюкова за интересные цитаты... побивающие фразерство г. Милюкова! Очевидно, что в России есть общественный «слой» (класс помещиков—феодалов и крепостников), который политику правительства поддерживает и «с властью» связан узами классовых интересов. Связь же «обязательствами» и «благодарностью» есть вообще глупость,—запомните это, ученый г. кадет!

В следующей статье мы покажем, как этот ученый кадет—точно кот вокруг горячей каши—ходил кругом да около того «узла задачи» (т.-е. аграрного вопроса), который правильно указан реакционером Шалем.

«Правда» № 55 (259)

от 7 марта 1913 г.

За подписью В. И.

„Узел задачи“.

Мы видели, что «узлом задачи», которая стоит перед Россией, французский реакционер Шаль, цитируемый г. Милюковым, правильно считает аграрный вопрос*).

Г. Милюков цитировал умные слова умного реакционера, но ровнехонько ничего в них не понял!

...Того крестьянина, которого вы (т.-е. октябристы и правительство: г. Милюков с ним и беседует!) провели сюда своими руками, можно ли сделать его зависимым? Ведь он о земле говорит с этой кафедры и говорит то же, что говорил независимый крестьянин I и II Государственной

*) См. выше статью: «Фальшивые ноты».

Думы. Нет, господа, ~~нет~~ элемента в русской жизни более независимого и более стойкого, как русский крестьянин (Рукоплескания слева и голоса: ~~правильно~~).

Очевидно, хлопали одни лицемерные кадеты, ибо всем известно, во-первых, что в III и IV Гос. Думах крестьяне говорят не совсем «то же», а более слабое, чем в I и II Государственных Думах, а, во-вторых, что в русской жизни есть элемент, более независимый и более стойкий. Сам же г. Миллюков должен был признать в своей речи, что «больше всего» для политической свободы в России сделали рабочие. Или «независимость» можно мерять иной меркой?

Но не в этом суть. Суть в том, примиримы ли теперь интересы 130.000 помещиков и массы крестьян? Г. Миллюков «поболтал вокруг» этого вопроса, чтобы увильнуть от ответа.

А г. С. Литовцев, нанятый «Речью» для восхваления П. Миллюкова, писал, что его речь

рассеяла туман вокруг этого острого и спорного вопроса. Всеобщее избирательное право до сих пор является для многих каким-то жупелом, вершиной революционности.

Вот еще и еще образчик фразерства!

Учитесь у реакционера Шаля, г.г. либеральные пустомелы! Узел задачи есть аграрный вопрос. Примиримы ли в этом вопросе теперь интересы 130.000 семей помещиков и 10.000.000 семей крестьян? Да или нет?

Вот где «узел» вопроса о всеобщем избирательном праве, г. Миллюков, и вы развращаете политическое сознание народа, засоряя фразами эту суть дела, очевидную для всякого толкового человека.

Если вы на вопрос ответите: да,—я вас опровергну вашим же признанием, что в III и IV Государственных Думах крестьяне говорят (хотя и слабее) «то же», что в I и II Государственных Думах.

Если вы на вопрос ответите: нет,—тогда падает вся ваша болтовня о примирительном, не-«о д я о с т о р о н н е м» характере всеобщего избирательного права в теперешней России.

И ученые ссылки на Бисмарка—одно ребячество, ибо Бисмарк «дал» всеобщее избирательное право тогда, когда уже были примирены буржуазным развитием Германии

интересы помещиков и всех зажиточных, даже части средних, крестьян.

Может быть, проницательный читатель спросит: не следует ли отсюда, что в России невозможно всеобщее избирательное право?—Нет, ответим мы проницательному читателю, отсюда следует лишь, что в России невозможна реформистская точка зрения.

«Правда» № 56 (260)

от 8 марта 1913 г.

За подписью В. И.

Либеральное подкрашивание крепостничества.

Либеральный историк г. Миллюков, вождь партии кадетов, писал недавно в передовице «Речи»:

Социальное неравенство в России (крепостное право) оказалось более хрупким и случайно созданным, чем где бы то ни было в цивилизованном мире. Оно уступило без сопротивления (!!!) первому почерку пера. Милютин и Соловьев ¹²⁾ без труда осуществили то, возможность чего еще при Александре I предсказывал граф Строганов.

Мы привыкли к тому, что все либеральные и часть народнических историков прикрашивают крепостничество и крепостническую государственную власть в России. Но до таких позорных «перлов», как приведенный нами, не все договаривались.

Не хрупким и не случайно созданным было крепостное право и крепостническое поместное сословие в России, а гораздо более «крепким», твердым, могучим, всесильным, «чем где бы то ни было в цивилизованном мире». Не «без сопротивления», а с величайшим сопротивлением уступало оно частички своих привилегий. Или, может быть, г. либерал укажет нам в «цивилизованном мире» примеры, подобные судьбе Чернышевского?

Милютин и Соловьев с а м и отстаивали привилегии крепостников и необычайно тяжелый «в ы к у п» за эти привилегии. Умалчивая об этом, г. Миллюков искажает историю, свидетельствующую о полувековой «живучести» крепостнических привилегий, всевластия и всемогущества после Милютина и К-о, после «и х» крепостнической реформы.

Почему либеральные историки подкрашивают крепостничество и крепостнические реформы? Потому, что в деятелях таких

реформ они видят приятное им раболепство перед крепостниками, отрадную для них боязнь демократии, близкое им стремление к блоку с реакцией, знакомое им прикрашивание классовой борьбы.

Дело идет о далеком прошлом. И в то же время тогдашнее и теперешнее отношение либералов («с виду и чиновников душой») к классовой борьбе—явление одного порядка.

Подкрашивая крепостничество, г. Милюков прекрасно изобразил самого себя, свою партию и весь русский буржуазный либерализм, причисляющий себя к демократии для надувания простачков.

«Правда» № 57 (261)

от 9 марта 1913 г.

За подписью И.

„Научная“ система выжимания пота.

Американский капитализм стоит впереди всех. Наибольшее развитие техники, наибольшая быстрота прогресса—все это заставляет старую Европу тянуться за янки. Но не демократические учреждения перенимает из Америки европейская буржуазия, не политическую свободу, не республиканский строй государства, а новейшие приемы эксплуатации рабочего.

Всего больше говорят теперь в Европе, а отчасти и в России, о «системе» американского инженера Фредерика Тэйлора. Не так давно в актовом зале института инженеров путей сообщения в Петербурге г. Семенов читал доклад об этой системе. Тэйлор сам описал эту систему под названием «научной», и его книгу усердно переводят и пропагандируют в Европе.

В чем состоит эта «научная система»? В том, чтобы выжимать из рабочего вдвое больше труда в течение того же рабочего дня. Заставляют работать самого сильного и ловкого рабочего; отмечают по особым часам—в секундах и долях секунды—количество времени, идущего на каждую операцию, на каждое движение; вырабатывают самые экономные и самые производительные приемы работы; воспроизводят работу лучшего рабочего на кинематографической ленте и т. д.

А в результате—за те же 9—10 часов работы выжимают из рабочего вдвое больше труда, выматывают безжалостно все его

силы, высасывают с утроенной скоростью каждую каплю нервной и мускульной энергии наемного раба. Умрет раньше?— Много других за воротами!..

Прогресс техники и науки означает в капиталистическом обществе прогресс в искусстве выжимать пот.

Вот пример из книги Тэйлора.

Сравнивается работа на грузки на тележки чугуна, который идет в дальнейшую переработку, сравнивается старая и новая, «научная» система:

	Системы	
	старая.	новая.
Число рабочих, занятых нагрузкой	500	140
Один рабочий нагружает, в среднем, тонн (по 61 пуд)	16	59
Средний заработок рабочего	2 р. 30 к.	3 р. 75 к.
Расход фабриканта на нагрузку одной тонны	1½ к.	2/9 к.

Капитал понижает свои расходы в двое и более. Прибыль растет. Буржуазия в восторге и не нахвалится Тэйлорами!

Рабочий сначала получает прибавку. А сотни рабочих расчитаны. Кто остался, работает вчетверо интенсивнее, надрыываясь на работе. Выжмут все силы рабочего и выгонят его вон. Берут только молодых и сильных.

Выжимают пот по всем правилам науки...

«Правда» № 60 (264)

от 13 марта 1913 г.

За подписью W.

Соглашение или раскол.

(К вопросу о разногласиях в социал-демократической думской фракции.)

Общественное мнение социал-демократии встревожено прозвучавшей в письме 7 депутатов угрозой раскола фракции. Вопрос справедливо приобрел жгучий интерес среди рабочих. Необходимо уяснить себе положение точно и определенно.

На одной стороне—все шесть депутатов от рабочей курии, т.-е., как всякий понимает, представители огромного большинства рабочего класса России. На другой стороне—7 остальных

депутатов, имеющих случайное большинство в 1 голос внутри фракции.

Спор по внешности ведется из-за того, что 7 депутатов хотят заставить остальных 6 стать сотрудниками газеты «Луч» и высказываются за слияние «Правды» с «Лучем». Эти требования 7 депутатов кажутся нам—скажем прямо—просто несерьезными. Можно ли кого-нибудь «большинством голосов» заставить работать в газете, направление которой не разделяешь? (Не говорим уже о том, что всякая уважающая себя редакция сама бы отказалась от таких насильственно приведенных, подневольных «сотрудников».) Можно ли всерьез говорить о слиянии «Правды» с «Лучем»?

Конечно, нет! И мы заявляем прямо, что считали бы изменой делу пролетариата отказ «Правды» от борьбы с ликвидаторством, а, значит,—и слияние «Правды» с «Лучем» до тех пор, пока «Луч» не отказался от ликвидаторской проповеди—против «подполья», против политических стачек и т. д. Серьезные социал-демократические деятели едва ли поверят в то, что «Правда» и 6 рабочих депутатов решили бы покончить самоубийством только потому, что этого добивается «Луч». Об этом не может быть и речи, и 7 депутатов хорошо сделают, если не станут более возвращаться к своему совершенно неприемлемому и невыполнимому «плану».

Однако этим вопрос о разногласиях во фракции не исчерпывается. Каждому чувствуется, что за внешностью спора о подневольном сотрудничестве в «Луче» кроется еще какой-то другой, более серьезный и важный спор. Спор этот сводится к тому, как каждая из частей фракции относится к ликвидаторству.

И думается: здесь рабочие прежде всего вправе потребовать от семерых депутатов, чтобы они сказали прямо, точно, ясно и определенно, как относятся они к ликвидаторству? Семь депутатов обязаны это сделать так же открыто, как сделали это шесть рабочих депутатов. Во фракции III Государственной Думы подавляющее большинство депутатов были меньшевики. Но к ликвидаторству они относились резко отрицательно. Как же относятся к нему теперь 7 депутатов? Они сами подняли вопрос о «Луче», т.-е. о ликвидаторстве. Они поэтому вдвойне обязаны

сказать открыто и точно: как относятся они к проповеди «Луча» против подполья (см. «Луч» № 101 и друг.), против политических стачек, против гегемонии рабочего класса в освободительном движении и т. д. Без этого ни шагу нельзя сделать, чтобы выйти из создавшегося положения.

Мы говорим прямо: если бы в социал-демократической фракции оказался хоть один депутат, который стал бы с думской трибуны говорить речи, подобные статье в № 101 «Луча» (рост симпатий к «подполью» есть «прискорбный» факт и т. д.), — с таким депутатом разрыв был бы неизбежен. И тот социал-демократический депутат, который не встал бы и не сказал бы, что этот оратор не выражает мнения социал-демократии, изменил бы своему долгу перед рабочим классом.

Правы ли мы в этом своем мнении или нет? Мы спокойно отдаем этот вопрос на суд рабочих...

При наличии серьезных разногласий между двумя половинами фракции единство может быть сохранено только в том случае, если обе стороны одинаково будут добиваться соглашения. «Решение» программных вопросов случайным большинством в один голос есть вызывание раскола. Это всякий понимает. Люди, которые всерьез хотят единства, никогда не пойдут по пути такого «решения» вопросов.

Возможно ли это соглашение в IV фракции, при данном составе? До сих пор оно было возможно. Пример: декларация фракции, прочитанная в начале работ IV Думы. Ликвидаторские притязания фракция отбросила; и это сделало возможным соглашение обеих частей. Если есть добрая воля, если семь депутатов не готовят раскола, это будет возможно и впредь по всем важным политическим вопросам.

Пример декларации есть пример того, что нужно делать, чтобы избежать раскола. А вот пример с «культурно-национальной автономией» есть пример того, что не нужно делать, чтобы избежать раскола. Выставлять это требование, как это сделал товарищ Чхенкели, значит отменять программу социал-демократов. Если до сих пор ликвидаторы уверяли, что это требование «не противоречит» программе, то теперь они разоблачены даже самими бундовцами, которые (см. № 9 «Zeit») поздравляют Чхенкели именно за то, что он «сошел с закорюченной точки зрения, на которой стоит официальная

теория в национальном вопросе». Отменять программу 7 голосами против 6—значит готовить раскол. Это понимает всякий сознательный рабочий.

Итак—соглашение или раскол! Так стоит вопрос.

Что предлагаем мы?—С о г л а ш е н и е!

Возможно ли это соглашение?—Да!

Желательно ли это соглашение?—Да!

Что требуется для осуществления этого соглашения?—Не отменять программы, не поносить «подполья», оставаться верными старому знамени! Наши требования, как видит читатель, скромны.

За соглашение 7-и и 6-и, против раскола! Вот, чего должны потребовать все сознательные рабочие.

«Правда» № 62 (266)

от 15 марта 1913 г.

За подписью Б. Б.

Три источника и три составных части марксизма.

Учение Маркса вызывает к себе во всем цивилизованном мире величайшую вражду и ненависть всей буржуазной (и казенной, и либеральной) науки, которая видит в марксизме нечто вроде «вредной секты». Иного отношения нельзя и ждать, ибо «беспристрастной» социальной науки не может быть в обществе, построенном на классовой борьбе. Так или иначе, но вся казенная и либеральная наука защищает наемное рабство, а марксизм объявил беспощадную войну этому рабству. Ожидать беспристрастной науки в обществе наемного рабства—такая же глупенькая наивность, как ожидать беспристрастия фабрикантов в вопросе о том, не следует ли увеличить плату рабочим, уменьшив прибыль капитала.

Но этого мало. История философии и история социальной науки показывают с полной ясностью, что в марксизме нет ничего похожего на «сектантство» в смысле какого-то замкнутого, за-костенелого учения, возникшего в с т о р о н е от столбовой дороги развития мировой цивилизации. Напротив, вся гениальность Маркса состоит именно в том, что он дал ответы на вопросы,

которые передовая мысль человечества уже поставила. Его учение возникло как прямое и непосредственное продолжение учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма.

Учение Маркса всесильно, потому что оно верно. Оно полно и стройно, давая людям цельное мирозерцание, непримиримое ни с каким суеверием, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнета. Оно есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма.

На этих трех источниках и вместе с тем составных частях марксизма мы вкратце и остановимся.

I.

Философия марксизма есть материализм. В течение всей новейшей истории Европы, и особенно в конце XVIII века, во Франции, где разыгралась решительная битва против всяческого средневекового хлама, против крепостничества в учреждениях и в идеях, материализм оказался единственной последовательной философией, верной всем учениям естественных наук, враждебной суевериям, ханжеству и т. п. Враги демократии старались поэтому всеми силами «опровергнуть», подорвать, оклеветать материализм и защищали разные формы философского идеализма, который всегда сводится, так или иначе, к защите или поддержке религии.

Маркс и Энгельс самым решительным образом отстаивали философский материализм и неоднократно разъясняли глубокую ошибочность всяких уклонений от этой основы. Наиболее ясно и подробно изложены их взгляды в сочинениях Энгельса: «Людвиг Фейербах» и «Опровержение Дюринга», которые—подобно «Коммунистическому Манифесту»—являются настольной книгой всякого сознательного рабочего.

Но Маркс не остановился на материализме XVIII века, а двинул философию вперед. Он обогатил ее приобретениями немецкой классической философии, особенно системы Гегеля, которая в свою очередь привела к материализму Фейербаха. Главное из этих приобретений—д и а л е к т и к а, т.-е. учение о развитии в его наиболее полном, глубоком и свободном от односторонности

виде, учение об относительности человеческого знания, дающего нам отражение вечно развивающейся материи. Новейшие открытия естествознания — радиий, электроны, превращение элементов — замечательно подтвердили диалектический материализм Маркса, вопреки учениям буржуазных философов с их «новыми» возвращениями к старому и гнилому идеализму.

Углубляя и развивая философский материализм, Маркс довел его до конца, распространил его познание природы на познание человеческого общества. Величайшим завоеванием научной мысли явился исторический материализм Маркса. Хаос и произвол, царившие до сих пор во взглядах на историю и на политику, сменились поразительно цельной и стройной научной теорией, показывающей, как из одного уклада общественной жизни развивается, вследствие роста производительных сил, другой, более высокий, — из крепостничества, например, вырастает капитализм.

Точно так же, как познание человека отражает независимо от него существующую природу, т.-е. развивающуюся материю, так общественное познание человека (т.-е. разные взгляды и учения философские, религиозные, политические и т. п.) отражает экономический строй общества. Политические учреждения являются надстройкой над экономическим основанием. Мы видим, например, как разные политические формы современных европейских государств служат укреплению господства буржуазии над пролетариатом.

Философия Маркса есть законченный философский материализм, который дал человечеству великие орудия познания, а рабочему классу — в особенности.

II.

Признав, что экономический строй является основой, на которой возвышается политическая надстройка, Маркс всего более внимания уделил изучению этого экономического строя. Главный труд Маркса — «Капитал» посвящен изучению экономического строя современного, т.-е. капиталистического, общества.

Классическая политическая экономия до Маркса сложилась в Англии — самой развитой капиталистической стране. Адам Смит и Давид Рикардо, исследуя экономический строй, положили на-

чала трудовой теории стоимости. Маркс продолжал их дело. Он строго обосновал и последовательно развил эту теорию. Он показал, что стоимость всякого товара определяется количеством общественно-необходимого рабочего времени, идущего на производство товара.

Там, где буржуазные экономисты видели отношение вещей (обмен товара на товар), там Маркс вскрыл отношение между людьми. Обмен товаров выражает связь между отдельными производителями при посредстве рынка. Деньги означают, что эта связь становится все теснее, неразрывно соединяя всю хозяйственную жизнь отдельных производителей в одно целое. Капитал означает дальнейшее развитие этой связи: товаром становится рабочая сила человека. Наемный рабочий продает свою рабочую силу владельцу земли, фабрик, орудий труда. Одну часть рабочего дня рабочий употребляет на то, чтобы покрыть расходы на содержание свое и своей семьи (заработная плата), а другую часть дня рабочий трудится даром, создавая прибавочную стоимость для капиталиста, источник прибыли, источник богатства класса капиталистов.

Учение о прибавочной стоимости есть краеугольный камень экономической теории Маркса.

Капитал, созданный трудом рабочего, давит рабочего, разоряя мелких хозяев и создавая армию безработных. В промышленности победа крупного производства видна сразу, но и в земледелии мы видим то же явление: превосходство крупного капиталистического земледелия увеличивается, растет применение машин, крестьянское хозяйство попадает в петлю денежного капитала, падает и разоряется под гнетом отсталой техники. В земледелии—иные формы падения мелкого производства, но самое падение его есть бесспорный факт.

Побивая мелкое производство, капитал ведет к увеличению производительности труда и к созданию монопольного положения союзов крупнейших капиталистов. Самое производство становится все более общественным,—сотни тысяч и миллионы рабочих связываются в планомерный хозяйственный организм, а продукт общего труда присваивается горстью капиталистов. Растет анархия производства, кризисы, бешеная погоня за рынком, необеспеченность существования для массы населения.

Увеличивая зависимость рабочих от капитала, капиталистический строй создает великую мощь объединенного труда.

От первых зачатков товарного хозяйства, от простого обмена, Маркс проследил развитие капитализма до его высших форм, до крупного производства.

И опыт всех капиталистических стран, как старых, так и новых, показывает наглядно с каждым годом все бóльшему и бóльшему числу рабочих правильность этого учения Маркса.

Капитализм победил во всем мире, но эта победа есть лишь преддверие победы труда над капиталом.

III.

Когда было свергнуто крепостничество и на свет божий явилось «свободное» капиталистическое общество,—сразу обнаружилось, что эта свобода означает новую систему угнетения и эксплуатации трудящихся. Различные социалистические учения немедленно стали возникать, как отражение этого гнета и протест против него. Но первоначальный социализм был у т о п и ч е с к и м социализмом. Он критиковал капиталистическое общество, осуждал, проклинал его, мечтал об уничтожении его, фантазировал о лучшем строе, убеждал богатых в безнравственности эксплуатации.

Но утопический социализм не мог указать действительного выхода. Он не умел ни разъяснить сущность наемного рабства при капитализме, ни открыть законы его развития, ни найти т у о б щ е с т в е н н у ю с и л у, которая способна стать творцом нового общества.

Между тем бурные революции, которыми сопровождалось падение феодализма, крепостничества, везле в Европе и особенно во Франции, все нагляднее вскрывали, как основу всего развития и его движущую силу, б о р ь б у к л а с с о в.

Ни одна победа политической свободы над классом крепостников не была завоевана без отчаянного сопротивления. Ни одна капиталистическая страна не сложилась на более или менее свободной, демократической основе, без борьбы не на жизнь, а на смерть, между разными классами капиталистического общества.

Гениальность Маркса состоит в том, что он сумел раньше всех сделать отсюда и провести последовательно тот вывод, которому учит всемирная история. Этот вывод есть учение о к л а с с о в о й б о р ь б е.

Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми

нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать интересы тех или иных классов. Сторонники реформы и улучшений всегда будут одурачиваемы защитниками старого, пока не поймут, что всякое старое учреждение, как бы дико и гнило оно ни казалось, держится силами тех или иных господствующих классов. А чтобы сломать сопротивление этих классов, есть только одно средство: найти в самом окружающем нас обществе, просветить и организовать для борьбы такие силы, которые могут—и по своему общественному положению должны—составить силу, способную снести старое и создать новое.

Только философский материализм Маркса указал пролетариату выход из духовного рабства, в котором прозябали донные все угнетенные классы. Только экономическая теория Маркса разъяснила действительное положение пролетариата в общем строе капитализма.

Во всем мире, от Америки до Японии и от Швеции до Южной Африки, множатся самостоятельные организации пролетариата. Он просвещается и воспитывается, ведя свою классовую борьбу, избавляется от предрассудков буржуазного общества, спланивается все теснее и учится измерять меру своих успехов, закаляет свои силы и растет неудержимо.

«Просвещение» № 3,

март 1913 года.

За подписью В. И.

Возрастающее несоответствие.

(З а м е т к и п у б л и ц и с т а).

I.

Недавно состоялось очередное совещание депутатов к.-д. с местными деятелями этой партии.

Обсуждали, как и следовало ожидать, особенности настоящего политического момента. Либеральная оценка этого момента следующая:

Обращено внимание на возрастающее несоответствие между потребностями страны в основном законодательстве и невозможностью удовлетворить

их при настоящем устройстве законодательных учреждений и при современном отношении власти к народному представительству.

Язык запутан так, как клубок ниток, с которым давно играл котенок. Бедненькие наши либералы, негде им выразить ясно свои мысли!

Но присмотритесь поближе: не столько в том беда, что н е г д е, сколько в том, что н е ч е г о сказать либералам. Возрастает несоответствие не только между потребностями страны и безнадёжностью «настоящего устройства» и т. д.,—но также между потребностями страны и б е с п о м о щ н о с т ь ю либерализма.

Почему невозможно удовлетворить потребности страны, г.г. либеральные политики? Ответ к.-д.: мешает настоящее устройство законодательных учреждений и современное отношение власти к народному представительству.

Вывод: необходимо иное устройство и иное отношение власти. Какое именно, мы увидим, разбирая в следующих статьях «четыре положения» к.-д. совещания.

Но прежде мы должны поставить главный вопрос: чем же объясняется «настоящее» «устройство и отношение»? Откуда может взяться и н о е? Кадеты об этом даже и не подумали! Их молчание по этому о с н о в н о м у вопросу сводится к заскорузлой, азиатской обывательщине, вроде того, что были плохие советчики, могут быть хорошие советчики...

Нет ли связи, г.г. к.-д., между «настоящим» и и н т е р е с а м и какого-либо к л а с с а, например, класса крупных помещиков? Или богатейших буржуа? Нет ли полного с о о т в е т с т в и я между «настоящим» и интересами о п р е д е л е н н ы х к л а с с о в? Не ясно ли, что браться за обсуждение политического момента без учета взаимоотношения между всеми классами, значит заниматься пустой болтовней?

Увы! Кроме болтовни, кадетам нечем прикрыть «возрастающего несоответствия» между их политикой и потребностями страны.

II.

Наши либералы вообще—а за ними и либеральные рабочие политики (ликвидаторы)—любят говорить и говорить об «европеизации» России. Малюсенькая правда служит здесь для прикрытия большой неправды.

Несомненно, что Россия, вообще говоря, европеизируется, т.-е. перестраивается по образу и подобию Европы (при чем к «Европе» надо теперь причислять, вопреки географии, Японию и Китай). Но эта европеизация вообще идет с Александра II, если не с Петра Великого, идет и во время подъема (1905), и во время реакции (1908—1911), идет и в полиции и у помещиков типа Маркова, которые «европеизируют» свои приемы борьбы с демократией.

Словечко «европеизация» оказывается таким общим, что оно служит для запутывания дела, для затемнения насущных вопросов политики.

Либералы хотят европеизации России. Но и совет объединенного дворянства с в о и м законом 9 ноября 1906 г. (14 июня 1910 г.) стремится к европеизации.

Либералы хотят европейской конституции. Но конституции, установившиеся в разных странах Европы, явились результатом долгой и тяжелой классовой борьбы между феодализмом и абсолютизмом—с одной стороны, буржуазией, крестьянами и рабочими—с другой. Писанные и неписанные конституции, которыми «стыдят» наших реакционеров либералы, представляют из себя лишь запись и т о г о в борьбы, получившихся после ряда тяжело доставшихся побед нового над старым и ряда поражений, нанесенных новому старым.

Либералы хотят, чтобы у нас появились итоги б е з той совокупности плюсов и минусов, которая составляет итоги! Либеральная программа и либеральная тактика сводится вот к чему: пусть сложится у нас европейский уклад б е з той тяжелой борьбы, которая создала его в Европе!

Понятно, что наши Кобылинские встречают пожелания и доводы либералов презрительными выходками против «лабочников» и «мужиков».—Вы хотите, г.г. либералы,—говорят Кобылинские,—записать на бумаге те победы, которых вы еще не одержали в жизни.

III.

К.-д. совещание приняло по вопросу о тактике 4 положения. 1-е гласит:

Тактика объединенной деятельности всем фронтом оппозиции, представляя необходимое условие для осуществления очередной деловой деятельности Гос. Думы, не гарантирует однако ни получения прочного

и постоянного большинства Гос. Думы для законопроектов оппозиции, ни действительного осуществления тех законопроектов, которые оппозиция могла бы провести через Гос. Думу при помощи думского центра.

Эта тарабарщина в переводе на русский язык означает вот что:

Либералы только с октябристами могут составить большинство в Гос. Думе. Такое большинство не постоянно, а его решения в жизнь не проходят.

Правильно. Но вывод отсюда тот, что называть эти решения «необходимой», «очередной» и «деловой» (!??) деятельностью, значит обманывать самих себя и обманывать народ.

Проваливая правых голосованием с октябристами, не будем становиться на точку зрения законодательства в IV Думе, не будем сеять конституционных иллюзий—вот что должны бы были сказать народу кадеты, если бы они хотели быть не только на словах демократами.

Первое «положение» к.-д. совещания поражает своей нелогичностью. Принятие неосуществляемых в действительности законопроектов непостоянным и непрочным большинством IV Думы называется «деловой» деятельностью!! Сами к.-д. сотни раз называли его, и называли правильно, вермишелью и скукой.

Но тактика к.-д., вопиюще-нелепая с точки зрения логики, становится попятной с точки зрения классовых интересов. Припомним то, что говорили социал-демократы о III и IV Думах, начиная с 1907 года.—В Думе два большинства, говорили они: право-октябристское и октябристско-кадетское. Оба стоят на контр-революционной почве (ср. «Просвещение» 1913, № 1, стр. 13).

Февральское 1913 года совещание кадетов подтвердило то, что мы говорили в официальных своих решениях с 1907 года.

«Тактика объединенной деятельности всем фронтом оппозиции... при помощи думского центра», потому и необходима для к.-д., что они стоят, как и октябристы, на контр-революционной почве. При внутреннем родстве тех и других понятно, что они тяготеют к совместной «деловой» деятельности, несмотря на ее теперешнюю безнадежность.

Октябристы вечно хныкают в своей печати, бранят революцию, бранят правительство, правых, Гос. Совет,—а в Думе ограничиваются пожеланиями реформ и идут за правительством.

Кадеты еще больше хныкают в своей печати, бранят революцию, бранят правительство, правых, Гос. Совет и октябристов,—а в Думе ограничиваются пожеланиями реформ и стараются подгонять свою оппозиционность под октябристов.

IV.

Второе положение к.-д. совещания гласит:

Существенное усиление Гос. Думы, как законодательного и политического фактора, может быть достигнуто лишь путем осуществления трех основных условий: демократизации избирательного закона (всеобщее избирательное право), коренной реформы Гос. Совета и ответственности министерства.

Суть изложенной здесь тактики может быть выражена одним словом: реформизм.

Историческая наука говорит нам, что отличие реформистского и не-реформистского изменения данного политического уклада состоит, вообще говоря, в том, что при первом—власть остается в руках прежнего правящего класса; при втором—власть переходит из рук прежнего класса в руки нового. Кадеты не понимают классовой основы исторических преобразований. В этом основная ошибка кадетов, с точки зрения теории.

С точки зрения практики, указанное теоретическое отличие сводится к тому, меняется ли частное при неизменности общего и основного, или меняется это последнее.

В разных странах в разные моменты истории буржуазия бывала реформистской; бывала и такой, которая реформизмом не ограничивалась. С другой стороны, рабочий класс, не признавая никогда за реформами способности внести существенные изменения, отнюдь не отказывается при известных условиях от выставления ближайших требований в виде реформ.

Дело сводится, значит, к тому, что кадеты считают непрекаемым сохранение господства за теперешним господствующим классом, т.-е. за крупными землевладельцами феодального типа. Кадеты продолжают стоять на точке зрения оппозиции с родительным падежом, продолжают держаться взгляда, что «в России есть, слава богу, конституция».

Иначе говоря, «три основные условия» кадетов, это—предлагаемые либеральной буржуазией условия п о л ю б о в н о г о

раздела экономических и политических привилегий между феодальным землевладением и капиталом.

Октябристы стоят на той же точке зрения («примирение власти со страной» — на языке не то октябриста, не то кадета Маклакова), при чем октябристы выставляют более «угодливые» для землевладения условия дележа.

Большая угодливость октябристов обанкротилась. Какие основания ожидать иного результата от малой угодливости кадетов? С точки зрения реформизма, октябристы гораздо последовательнее, ибо кто становится на эту точку зрения, должен принимать в расчет приемлемость реформ, а октябристские «реформы» гораздо более «приемлемы».

Вывод один: возрастает несоответствие между либеральным реформизмом и потребностями страны.

V.

Третье положение к.-д. совещания гласит:

Подготовка этих условий должна быть сделана основной задачей тактики к.-д., при чем очередная законодательная деятельность, совместно с прочими группами оппозиции и с центром, должна быть использована, поскольку окажется выполнимой, но не должна становиться в противоречие с осуществлением этих основных задач... («Речь», № 34, 4/II).

Предыдущее «положение» было уступкой левым кадетам или, вернее, было приманкой для демократии: поддерживайте нас, кадетов, ибо мы — «демократы», мы — за всеобщее избирательное право!

После кивка влево — серьезный поворот вправо: 3-е положение, в переводе с тарабарского на русский язык, гласит: с прогрессистами и октябристами мы, к.-д., признаем совместную очередную законодательную деятельность!

Но ведь это «очередное» законодательство дает несуществимые законопроекты, как признано в положении 1-м? У кадетов имеется оговорочка: «поскольку выполнимо». Т.-е., прямее говоря, заниматься вермишелью мы будем, но ответственность за это пусть ложится на октябристов! Забавники, право, наши кадеты...

Далее. Ни прогрессисты, ни октябристы, стоя более последовательно, чем к.-д., на реформистской точке зрения,

не соглашаются на такие «чрезмерно» либеральные требования, как всеобщее избирательное право, коренная реформа Г. Совета и т. п. Как же могут продолжающие претендовать на демократизм кадеты провозглашать с о в м е с т н у ю очередную законодательную деятельность с этими заведомыми п р о т и в н и к а м и демократии?

И тут у кадетов оговорочка есть: мы, к.-д., заняты п о д г о т о в к о й всеобщего избирательного права, п о д г о т о в к о й посредством с о в м е с т н о й с октябристами деятельности, которая «не должна становиться в противоречие с осуществлением» всеобщего избирательного права!

Лазейка нехитрая: мы объявляем «конституционной» речь Родзянки, мы голосуем (не по ошибке, как с.-д., а по убеждению) за октябристскую формулу перехода по министерской декларации, ибо все это н е п р о т и в о р е ч и т «подготовке» всеобщего избирательного права!

Тут уже нельзя сказать, что кадеты—забавники. Тут следовало бы употребить и н о е слово...

Во всех европейских странах контр-революционная, отвернувшаяся от демократии либеральная буржуазия продолжает уверять, что она занята п о д г о т о в к о й (совместно с национал либералами в Пруссии, совместно со всеми прогрессистами—во Франции) «основных» демократических реформ.

Та буржуазия, которая окончательно перешла на реформистский путь, есть гнилая буржуазия, бессильная в своем либерализме, безнадежная в деле демократических перемен, враждебная рабочим, ушедшая к правым от народа.

VI.

Последнее, 4-е, положение к.-д. совещания гласит:

Совещание признает своевременным, на-ряду с выставлением упомянутых трех вопросов, возбудить вопрос о применении более активных тактических мер парламентской борьбы.

Только парламентской? и только возбудить вопрос?

Что, собственно, значит: «более активные тактические меры парламентской борьбы»,—Аллах ведает. Кадетское совещание точно нарочно формулировало свои положения самым невразумительным языком.

Говоря о более активных мерах, кадеты явно хотят показать, что они левеют. Но это именно один только п о к а з, ибо ничего определенного отсюда нельзя вычитать.

Какие «меры» парламентской борьбы могут быть, вообще говоря, названы более активными?

Не голосовать за октябристские и прогрессистские формулы перехода.

Не говорить речей о «примирении власти со страной».

Не молчать никогда, когда право-октябристское большинство проводит антидемократические меры.

Не соглашаться на закрытие и урезку общих, принципиальных дебатов.

Советуем всем и каждому, кто соприкасается с кадетами, не забывать спрашивать их: «возбудили» ли они вопрос о более активных мерах? как они решили этот вопрос, если они собрались его возбудить? как применяют они на деле «более активные меры»?

Страна левеет. Новая демократия просыпается к жизни. Показное чуть-чуть левение кадетов имеет совершенно определенное политическое значение: обмануть эту новую демократию, повести ее за собой, выдать себя за ее представителей.

Насущная задача демократии—помешать этому обману. Кто не извлек из тяжелых уроков прошлого того вывода, что даже частичное руководство демократическими элементами со стороны кадетов неизбежно вызывает шатания, измены, бесславные поражения без борьбы,—тот ничему не научился. Того надо рассматривать, как врага демократии.

VII.

Взятое в общем и целом, кадетское совещание представляет интересный документ о политической жизни нашего «центра». Обыкновенно на такие документы, на точные и формальные решения организованных партий, пресса обращает у нас мало внимания. Недолгоблывают «резолуций». Предпочитают интервью и сплетни.

Но серьезное отношение к политике требует внимательнейшего разбора партийных решений, и марксисты сделают все от них зависящее для такого разбора.

Мы называли кадетов «центром». П р и н я т о называть так октябристов, которые стоят между правыми и оппозицией.

Однако,—и с точки зрения классовых основ политических партий, и с точки зрения сущности современной политики вообще,—нельзя ограничиваться Думой при анализе партий, нельзя только октябристов считать «центром».

Посмотрите на классовые основы наших партий: правые и националисты, в общем,—крепостники-помещики. Они стоят за сохранение и «усугубление» теперешнего режима.

У октябристов, прогрессистов и кадетов мы видим помещика, несомненно, более буржуазного типа, а затем и массу крупной буржуазии. Все эти партии хотят р е ф о р м. Все они образуют н а с т о я щ и й центр между помещиками-крепостниками и демократией (крестьянской и рабочей).

Буржуазия боится демократии больше, чем реакции; это относится и к прогрессистам, и к кадетам. Оппозиционность двух последних партий подлежит, конечно, учету в практических задачах повседневной политики, но эта оппозиционность не должна закрывать от нас классового родства этих партий с октябристами.

Крепостники-помещики владеют единолично, и в блоке с верхами буржуазии. Крепостники против реформ. Буржуазия, вообще говоря, за реформы, при чем она ограничивается реформистской позицией, чего нельзя сказать ни про крестьянскую, ни—в особенности—про рабочую демократию.

Кадетское совещание ясно показывает нам р е ф о р м и з м кадетов, как исключительную их тактику. Всего важнее уяснить себе с в я з ь этой тактики с классовыми интересами буржуазии и н е д о с т а т о ч н о с т ь этой тактики, ее «возрастающее несоответствие» с потребностями страны. Всего важнее—уяснить коренное родство к.-д. с октябристами и абсолютную невозможность каких бы то ни было успехов демократии под руководством кадетов.

VIII.

Моя статейка была уже закончена, когда я получил № 30 газеты «Голос Москвы», с посвященной кадетскому совещанию редакционной статьей «Что же дальше?».

Эта статья, в связи с думскими голосованиями 6 февраля (принятие формулы перехода по объяснениям Кассо)¹³⁾, представляет такую важность и проливает такой яркий свет на вопрос об отношении кадетов к октябристам, что становится безусловно необходимым поговорить о них.

Официальный орган октябристов, «Голос Москвы», изображает кадетское совещание (он называет его почему-то конференцией), как победу левых к.-д. во главе с Милюковым над правыми к.-д.

«Законодательная деятельность,—так излагает «Голос Москвы» резолюцию к.-д.,—может быть использована лишь постольку, поскольку не противоречит этим основным задачам» (т.-е. всеобщему избирательному праву, реформе Государственного Совета и ответственности министерства).

«Проще говоря, принятие такой формулы равносильно отказу от всякой законодательной работы в пределах реальной осуществимости, и кадетская оппозиция отныне принимает откровенный характер безответственной».

«Голос Москвы» делает отсюда вывод, что остается только распустить Думу, ибо октябристы никогда не встанут на столь «непримиримую (не шутите!) позицию» кадетов, никакого большинства в Думе нет, «полная безнадежность»...

Вот как пишется история!

Вот где замечательно вскрывается глубочайшее родство кадетов с октябристами и настоящий характер их «ссор»: милые бранятся...

6 февраля в Москве официальный орган октябристов объявляет, как мы видели, полное разрушение октябристско-кадетского блока после кадетского совещания, состоявшегося раньше 4 февраля (4 февраля «Речь» опубликовала о совещании).

Того же 6 февраля в С.-Петербурге, в IV Государственной Думе, октябристы и кадеты вместе принимают 173 голосами против 153 октябристско-кадетскую формулу перехода к объяснениям Кассо—формулу, отклоненную затем при проверочном голосовании случайно!!

Не правда ли, хорошо?

Перед нами прямо классический образчик того, как обдeldывают свои политические «делишки» октябристы и кадеты. Они ни в каком «блоке» не состоят, Боже упаси! Но они распределяют между собой роли, для надувания публики, так «ловко», что никакой формальный блок не дал бы им подобных «удобств». Кадеты видят, что страна левеет, что нарождается новая демократия, и поэтому они играют в левизну, пуская в оборот, через свое совещание, несколько абсолютно ничего не говорящих, совершенно бессодержательных, но похожих на левые, фраз. Октябристы поддерживают в публике это на-

строение или впечатление, будто кадеты полевели, поддерживают тем, что о ф и ц и а л ь н о, в редакционной статье «Голоса Москвы», объявляют позицию к.-д. непримиримой, объявляют образование большинства в Думе посредством соединения октябристов с кадетами невозможным, громят кадетов за левизну, шумят о роспуске Думы и т. д. и т. п.

А на деле—под шумок торгуются с кадетами и как раз во время наиболее резкого своего выпада против левизны кадетов с т о р г о в ы в а ю т с я с ними на общей формуле!!

«И волки сыты, и овцы целы». И демократия проведена за нос, обманута, завлечена в кадетское стадо (к.-д. ведь такие левые... посмотрите, как их октябристы ругают за левизну!), и октябристско-кадетский блок в черной Думе сохранен, укреплен, развит.

Так и хочется воскликнуть: о, небеса! Когда же поймет российская демократия эту нехитрую механику либерального кадетского надувательства? А ведь во всех европейских странах либеральные буржуазные политики проделывают, так или иначе, именно эту самую игру: перед народом, для выборов, в официальных выступлениях кричат и божатся, что они — демократы, радикалы (немецкие «свободомыслящие», Ллойд-Джордж и К-о в Англии), даже социалисты (радикалы-социалисты во Франции). А на деле, в настоящей своей политике, идут вместе с безусловно антидемократическими правительствами и партиями, с октябристами разных оттенков и разных национальностей.

Как стара эта история и как бесконечно-часто повторяют ее кадеты!

IX.

«Голос Москвы» уверяет, что перед выборами к.-д.

«вели ожесточенную полемику с левыми, доказывая необходимость законодательной работы в пределах реальных условий. Это и давало основания надеяться на возможность соглашения думского центра с оппозицией. Но после выборов во взглядах руководителей к.-д. партии произошла существенная перемена. Предложенная Милюковым и принятая конференцией резолюция по вопросу о думской тактике коренным образом расходится со всем тем, что во время выборов говорилось, очевидно, для привлечения на свою сторону голосов крупной городской буржуазии. Последняя едва ли согласилась бы поддерживать кадетов на платформе, выдвинутой теперь конференцией »

Вот образец суждений, в которых не знаешь, чему удивляться: наивному ли лукавству, или наивному невежеству.

Н и к а к о й перемены во взглядах кадетов нет. Они всегда были и остаются либеральной парткей, обманом ведущей за собой демократию. И на выборах 1912 года кадеты перед крупной буржуазией выдвигали вперед свое «настоящее» лицо, свою «солидарность» дельцов, свою «трезвенность» слуг класса капиталистов. А перед демократическим избирателем те же кадеты в то же самое время распинались, что они—демократы, и что их тактика в Думе ничем существенным не отличается от социал-демократической.

Эти две стороны кадетской политики—необходимая «принадлежность костюма» каждой либеральной партии во всех цивилизованных странах. Конечно, отдельные члены партии нередко избирают своею специальностью, одни—играть в демократизм, другие—отрезвлять «увлекающихся» и вести «сурьезную» буржуазную политику. Но ведь так бывает во всех странах. Например, известный либеральный шарлатан в Англии, Ллойд-Джордж, изображает себя, в речах перед народом, прямо революционером и чуть-чуть не социалистом, а на деле сей министр идет в политике за своим вождем, Асквитом, который ни в чем не уступит консерватору.

Если статья «Голоса Москвы» изображает г. Милокова представителем левых кадетов, то это вызывает лишь улыбку. Г. Милоков на деле—представитель официальной кадетской дипломатии, примиряющей недемократическую сущность партии с демократической фразой.

«Голос Москвы» пишет:

«Эта новая «послевыборная» позиция г. Милокова одобрена конференцией далеко не единодушно. Значительная часть ее членов настаивала на тактике соглашения с думским центром с целью проведения отдельных проектов и культурных реформ. Сторонники этой точки зрения доказывали, что при обсуждении различных законопроектов фракция должна идти на компромиссы, стараясь провести их в либеральном духе и отнюдь не делая их неприемлемыми». Следует выходка против «знаменитой кадетской дисциплины» и «беспрекословного подчинения к.-д. самодержавной воле г. Милокова».

Игра явная. Шито оелыми нитками. Октяористы «дразнят» правых кадетов, стараясь изобразить их побежденными и вызывать их на более решительную борьбу с кадетами левыми. Но из этой игры октябристов (которая была бы невозможна, не будь

кадеты и октябристы членами одной семейки) не исчезает бесспорный факт различия оттенков между левыми и правыми кадетами, между Ллойд-Джорджами и Асквитами нашего либерализма.

Взгляните на «Русскую Молву». Этот орган прогрессистов, орган проповеди компромисса между октябристами и кадетами, подбирает к себе все больше о ф и ц и а л ь н ы х членов кадетской партии. Не сразу, а постепенно, вслед за «веховским» вождем Струве, оказались там и Мансырев, и Маклаков, и Оболенский, и Гредескул, и Александров. Что подобная публика тянула к большему сближению с октябристами, это несомненно. Это не могло быть иначе. Но так же несомненно, что Милюков мирит их с «левыми кадетами» на платформе с демократической вывеской и с октябристской сутью.

Х.

Думские формулы перехода разных партий по объяснениям Кассо представляют большой интерес. Они дают нам точный, официально утвержденный депутатами разных партий, материал для политического анализа. Именно анализа и недостает обыкновенно больше всего этому материалу. Он теряется в заметках ежедневной печати или в груде стенографических отчетов Думы. А на нем очень стоит остановиться для уяснения истинной природы разных партий.

Редакционная статья «Речи» на другой день после принятия формулы недоверия заявляет: «таким образом русское общество получило от Государственной Думы то, на что имело право рассчитывать» (№ 37, 7/II). Выходит как-будто, что «обществу» надо лишь знать: доверяет Дума господину Кассо или нет, ничего больше! Это неверно. Народу и демократии надо знать м о т и в ы недоверия, чтобы п о н и м а т ь причину явления, признаваемого ненормальным в политике, и чтобы уметь найти в ы х о д к нормальному. Объединение на одном только слове «не доверяем» к.-д., октябристов и с.-д. дает слишком мало по этим серьезнейшим вопросам.

Вот формула перехода октябристов:

Государственная Дума... считает: 1) всякое вовлечение учащихся средней школы в политическую борьбу гибельным для духовного развития молодых сил России и вредным для нормального течения общественной

жизни; 2) необходимость в случаях своевременной осведомленности властей о нежелательных явлениях в средней школе предупредительных мер, а не выжидания, пока явления примут ненормальный характер *); 3) решительно высказывается против применения к учащимся тех полицейских мер, которые имели место 10/XII 1912 без ведома учебного начальства, вместо естественного педагогического воздействия; 4) признает антипедагогическую медленность, с которой решается судьба удаленных из учебных заведений учащихся, и, ожидая немедленной ликвидации этого случая в смысле благожелательном для учащихся,—переходит к очередным делам.

Каковы политические идеи этого вотума?

Политика в школе вредна. Ученики виноваты. Но карать их должны педагоги, а не полицейские. Правительством мы довольны за недостаток «благожелательности» и за медленность.

Это—идеи анти-демократические. Это—оппозиция либеральная: система старой власти пусть остается, но применять ее надо помягче. Бей, но в меру и без огласки.

Посмотрите на формулу перехода прогрессистов:

...Дума находит: 1) министерство народного просвещения, осведомленное о том, что происходило в средних учебных заведениях Спб. в последнее время, проявило безучастное отношение к своим обязанностям и не оградило среднюю школу от вторжения в нее полиции; 2) приемы, допущенные чинами полиции, которые были приняты без протеста со стороны министерства народного просвещения и заключались в обысках в школах, во взятии и содержании детей в участке под арестом, в недопустимых способах расследования, не могут быть никоим образом оправданы, тем более, что дело шло в данном случае не об охране государственной безопасности, а о восстановлении порядка в средней школе; 3) вся система мер министерства народного просвещения, направленная к отчуждению школы от семьи, бездушным формализмом, угнетающим нравственное и умственное развитие молодого поколения, создает условия, благоприятные для возникновения явлений, ненормальных в школьной жизни. Считая объяснения министра народного просвещения неудовлетворительными, Дума переходит к очередным делам.

Эта формула внесена 30/I, и прогрессисты тогда же заявили, что голосуют за октябристов, если они добавят недоверие. Результаты этого торга мы видели выше.

На какой почве мог идти торг? На почве согласия в основном.

*) Этот текст внесен в заседании 25 января. В заседания 1 февраля § 2 изменен так: «Отмечая по поводу данного частного случая господствующее в средней школе формальное и безучастное отношение к учащимся, отчужденность педагогического персонала от семьи, необходимо установить общий благожелательный взгляд на подрастающее поколение».

Прогрессисты тоже считают политику в школе ненормальной, тоже требуют «восстановления порядка» (крепостнического). У них тоже оппозиция с родительным падежом, оппозиция не системе старой власти, а ее применению—«безучастному, бездушному» и т. п. Пирогов в 1860-х годах соглашается, что надо сечь, но требовал, чтобы секли не безучастно, не бездушно. Прогрессисты не против того, чтобы теперешние социальные элементы «восстанавливали порядок», но им советуется делать это «участливее». Какой прогресс-то у нас за полвека!

Формула перехода кадетов:

Выслушав объяснения министра народного просвещения и признавая: 1) что в них имеет место полное смещение точки зрения педагогической с точкой зрения полицейской; 2) что объяснения эти представляют полное отрицание тех нормальных оснований, на которых могут быть установлены дружественные отношения сотрудничества между школой и семьей; 3) что политика министерства, вызывая глубокое недовольство в среде учащихся и законное раздражение в обществе, сама содействует образованию той атмосферы, которая благоприятствует раннему вовлечению учащейся молодежи в занятия политикой и таким образом сама создает условия, возникновение которых должна была бы предупредить; 4) что обращение с учащимися, как с государственными преступниками, калечит жизнь наиболее одаренных из подрастающего поколения, вырывает из рядов его многочисленные жертвы и составляет угрозу для будущности России,—Дума признает объяснения министра неудовлетворительными и переходит к очередным делам.

В гораздо более мягкой и закутанной фразами форме здесь тоже осуждается «раннее» вовлечение в политику. Это—анти-демократическая точка зрения. И октябристы, и кадеты осуждают полицейские меры лишь потому, что требуют вместо них предупреждения. Не разгонять собрания, а предупреждать их должна система. Ясно, что система сама от такой реформы лишь подкрасится, но не изменится. Мы недовольны политикой министерства,—говорят кадеты,—и у них выходит, совсем октябристски, что возможно желать изменения этой политики без кое-чего гораздо более глубокого.

Кадеты выражаются против правительства гораздо резче, чем октябристы, и неразвитые политически элементы за этой резкостью слов просматривают полное тождество либеральной, анти-демократической, постановки вопроса у кадетов и у октябристов.

Дума должна серьезно учить народ политике. Кто учится политике у кадетов, тот развращает, а не развивает свое сознание.

Что октябристы, прогрессисты и кадеты торговались и сторговались на общей формуле, это не случайность, а результат их идейно-политической солидарности в основном. Нет ничего мизернее кадетской политики: ради признания неудовлетворительными объяснений, соглашаться на прямое осуждение политики в школах. Но соглашались кадеты на это потому, что они сами осуждают «раннее» вовлечение.

Формула трудовой группы:

Принимая во внимание: 1) что грубое насилие, произведенное 9/XII 1912 над учащейся молодежью средней школы, поразившее общество позорным привлечением охранного отделения к делу педагогического надзора за учащимися средней школы, встретило в объяснении министра народного просвещения г. Кассо лишь полное одобрение и злорадную насмешку над общественным мнением; 2) что система сыска и охраны, являющаяся результатом всей политики объединенного министерства, и в частности министра народного просвещения Кассо, ведет к окончательному разгрому и грозит в будущем тяжелыми потрясениями для подрастающего поколения,—Государственная Дума требует: немедленного принятия обратно всех уволенных 9/XII и, признавая объяснения министра народного просвещения Кассо неудовлетворительными,—его немедленной отставки и переходит к очередным делам».

Эта формула, строго говоря, есть резко-либеральная формула, но того, что должен бы сказать демократ, в отличие от либерала, в ней нет. И либерал может признать позорным привлечение охраны к педагогическому надзору, но демократ должен сказать (и должен научить народ тому), что **н и к а к о й** «надзор» не в праве посягать на свободное устройство кружков и бесед о политике. И либерал может осуждать «всю политику объединенного министерства», но демократ в России должен разъяснить, что есть некоторые общие условия, в силу которых какое угодно иное министерство вынуждено было бы вести ту же, в сущности, политику.

Демократизм трудовической формулы сказывается **т о л ь к о** в ее тоне, в настроении авторов. Настроение есть политический симптом, слов нет. Но от формулы перехода не грех требовать продуманной мысли, а не только «духоподъемного» настроения.

Формула перехода социал-демократов:

Выслушав объяснения министра народного просвещения и усматривая в них: 1) решимость бороться с естественным и отрадным стремлением учащейся молодежи к расширению своего умственного кругозора путем самообразования и к товарищескому общению; 2) оправдание системы чи-

новнического формализма, шпионства и полицейского сыска, насаждаемой в высшей, средней и низшей школе, умственно и нравственно калечащей молодежь, беспощадно подавляющей всякие проблески самостоятельности мысли и независимости характера и порождающей эпидемию самоубийств среди учащихся,—Государственная Дума признает эти объяснения неудовлетворительными. Призная вместе с тем, что 1) господство полицейской точки зрения в деле народного просвещения неразрывно связано с господством охранной полиции над всей русской жизнью, подавлением всех видов организованной самодеятельности граждан и их бесправием и что 2) только коренное преобразование государственного строя и системы государственного управления способны освободить граждан от полицейских пут, освободить от них и школу,—Государственная Дума переходит к очевидным делам.

Едва ли можно признать безупречной и эту формулу. Нельзя не пожелать ей более популярного и более обстоятельного изложения, нельзя не пожалеть, что не указана законность занятия политикой и т. д. и т. п.

Но наша критика всех формул вовсе не направлена на частности редактирования, а исключительно на основные политические идеи авторов. Демократ должен был сказать главное: кружки и беседы естественны и отразны. В этом суть. Всякое осуждение вовлечения в политику, хотя бы и «раннего», есть лицемерие и обскурантизм. Демократ должен был поднять вопрос от «объединенного министерства» к государственному строю. Демократ должен был отметить «неразрывную связь», во-первых, с «господством охранной полиции», во-вторых, с господством в экономической жизни класса крупных помещиков феодального типа.

«Просвещение» №№ 3 и 4,

март и апрель 1913 г.

За подписью В. Ильин.

Английские споры о либеральной рабочей политике.

Известно, что в Англии две рабочие партии: социал-демократы, которые теперь носят название «Британской социалистической партии», и так называемая «Независимая рабочая партия».

Этот раскол в английском социалистическом рабочем движении — не случайность. Он давнего происхождения. Он порожден особенностями истории Англии. В Англии раньше всех

развился капитализм и она была долгое время «фабричной мастерской» всего мира. Это исключительное, монопольное, положение создало в Англии сравнительно сносные условия жизни для рабочих аристократии, т.-е. для меньшинства обученных, хорошо оплачиваемых рабочих.

Отсюда—мещанский, цеховой дух в этой рабочей аристократии, которая отрывалась от своего класса, тянулась за либералами, с насмешкой относилась к социализму как к «утопии». «Независимая рабочая партия» и есть партия либеральной рабочей политики. Справедливо говорят, что эта партия «независима» только от социализма, а от либерализма очень зависима.

В последнее время монополия Англии окончательно подорвана. Прежние сравнительно сносные условия жизни сменились крайней нуждой вследствие дороговизны жизни. Обостряется в громадных размерах классовая борьба, а вместе с этим обострением подрывается почва оппортунизма, подрывается былая основа распространения в рабочем классе идей либеральной рабочей политики.

Пока эти идеи держались в значительной части рабочих Англии, об устранении раскола среди рабочих не могло быть и речи. Фразами и пожеланиями нельзя создать единства, пока не изжита еще борьба социал-демократии против либеральной рабочей политики. Но теперь это единство начинает действительно становиться возможным, ибо в самой «Независимой рабочей партии» растет протест против либеральной рабочей политики.

Перед нами лежит официальный отчет этой партии об ее последнем съезде, «XX годичной конференции», которая состоялась в Мертире (Merthyr) 27 и 28 мая 1912 года. Чрезвычайно интересны в этом отчете прения по вопросу о «парламентской тактике»; —по сути дела это были прения по более глубокому вопросу, о социал-демократической и о либеральной рабочей политике, хотя ораторы не употребляли этих выражений.

Открыл прения на съезде член парламента Джоуэт. Он внес резолюцию против поддержки либералов, о которой мы сейчас скажем подробнее, а его единомышленник, поддерживавший его резолюцию, Конуэй, заявил прямо: «рядовой рабочий всегда задает вопрос: имеет ли Рабочая партия в парламенте свою самостоятельную линию?». Среди рабочих усиливается подозрение, что рабочая партия «в плену» у либералов. «В стране все больше

распространяется взгляд, что Рабочая партия есть просто крыло либеральной партии». Надо заметить, что «Рабочую партию» в парламенте составляют не только депутаты, принадлежащие к «Независимой рабочей партии», но и депутаты, проведенные профессиональными союзами. Такие депутаты называют себя рабочими депутатами и членами «Рабочей партии», не входя в «Независимую рабочую партию». Английские оппортунисты осуществили то, к чему так часто склоняются оппортунисты других стран, именно: соединение оппортунистических «социалистических» депутатов с депутатами якобы беспартийных профессиональных союзов. Пресловутая «широкая рабочая партия», о которой говорили у нас в 1906—1907 годах ¹⁴⁾ некоторые меньшевики, осуществлена в Англии и только в Англии.

Чтобы дать практическое выражение своим взглядам, Джоуэт внес резолюцию. Составлена она чисто «по-английски»: никаких общих принципов (англичане гордятся своим «практицизмом» и своей нелюбовью к общим принципам; это — выражение того же цехового духа в рабочем движении). Резолюция приглашала рабочую группу в палате общин игнорировать (не обращать внимания) всякие угрозы тем, что либеральное министерство может оказаться в меньшинстве и, следовательно, быть принуждено подать в отставку, — и голосовать по каждому вопросу стойко (stadiastly), как заслуживает суть дела (on the merits of the questions).

Джоуэт своей резолюцией «взял быка за рога». Либеральное министерство в Англии, как и вся либеральная партия, из всех сил внушает рабочим: надо соединять силы против реакции (т.-е. против консервативной партии); надо беречь либеральное большинство, которое может растаять, если рабочие не будут голосовать с либералами; рабочие не должны изолироваться, они должны поддерживать либералов. И вот Джоуэт ставит вопрос ясно: голосуйте «стойко», не считайтесь с угрозами падения либерального министерства, голосуйте не так, как требует интерес либеральной партии, а так, как заслуживает суть дела, т.-е. — говоря марксистским языком — ведите самостоятельную пролетарскую классовую политику, а не либеральную рабочую политику.

(В рядах «Независимой рабочей партии» марксизм принципиально отвергается, и потому марксистский язык совсем не в употреблении.)

На Джоуэта сейчас же напали господствующие в партии оппортунисты. И — характерная вещь! — они напали именно как оппортунисты, обходцем, уверткой. Сказать п р я м о, что они з а поддержку либералов, они не пожелали. Они выразили свою мысль посредством о б щ и х ф р а з, с обязательным упоминанием «самостоятельности» рабочего класса. Ну, совсем как наши ликвидаторы, которые всегда кричат особенно громко о «самостоятельности» рабочего класса именно в те моменты, когда они готовятся н а д е л е заменить эту самостоятельность либеральной рабочей политикой.

Представитель оппортунистического большинства, Меррэй, внес «поправку», т.-е. контр-резолюцию следующего содержания:

«Конференция признает, что Рабочая партия, в видах лучшего достижения своих целей, должна по-прежнему учитывать все возможные результаты и последствия своей тактики, как непосредственные, так и посредственные, ни на минуту не забывая, что ее решения должны быть направляемы исключительно ее собственными интересами, как партии, и стремлением увеличить число удобных случаев для достижения ее целей».

Сравните обе резолюции. У Джоуэта — ясное требование порвать с политикой поддержки либералов. У Меррэя — ничего не говорящие общие места, весьма благовидные и на первый взгляд бесспорные, но н а д е л е прикрывающие и м е н и о политику поддержки либералов. Если бы Меррэй знаком был с Марксом и выступал перед людьми, уважающими марксизм, то ему ничего не стоило бы подсластить свой оппортунизм марксистскими оборотами речи и говорить, что-де марксизм требует учета всех конкретных обстоятельств каждого случая, что мы не связываем себе рук, что, храня свою самостоятельность, мы «используем конфликты», «хватаемся за ахиллесову пяту противоречий» данного режима и т. д. и т. п.

Оппортунизм можно выразить в терминах к а к о й у г о д н о доктрины, в т о м ч и с л е и м а р к с и з м а. Все своеобразие «судеб марксизма» в России в том и состоит, что не только оппортунизм рабочей партии, но и оппортунизм либеральной партии (Изгоев и К-о) любит рядиться в «т е р м и н ы» марксизма! Но это в скобках. Вернемся в Мертир.

За Джоуэта высказался Мак-Лаклан. «В чем состоят интересы политической партии? — говорил он. — В том ли только,

чтобы удержать за собой депутатские места в палате общин? Если иметь в виду действительно интересы партии, то с рабочими и работницами вне парламента надо считаться так же, как и с депутатами в парламенте. Мы — социалистическая организация. Мы должны в своей политической деятельности проводить свои принципы».

И Мак-Лахлан сослался на голосование по поводу случая в тюрьме Хесвэл: мальчика, содержимого в ней, истязали до смерти. Запрос в парламенте. Либеральному министерству грозит провал: Англия — не Пруссия, и министерство, оставшееся в меньшинстве, подает в отставку. И вот рабочие депутаты, спасая министерство, голосуют за обеление истязателя.

Рабочая партия, — говорил Мак-Лахлан, — все считается с тем, какое действие ее голосование окажет на судьбу правительства. Дескать, падет министерство — распустят парламент — назначат новые выборы. Но бояться этого нечего. Результатом падения министерств и назначения новых выборов было бы с о е д и н е н и е о б е и х б у р ж у а з н ы х п а р т и й (Мак-Лахлан сказал просто «обеих партий» без слова «буржуазных»: англичане не любят марксистских терминов!). Н о ч е м с к о р е е с о е д и н и л и с ь б ы о б е э т и п а р т и и, т е м л у ч ш е д л я н а ш е г о д в и ж е н и я. То, что говорят наши пропагандисты, то и должно проводиться в жизнь нашими депутатами в парламенте. Пока это не будет так, рабочий-тори (т.-е. консерватор) никогда не поверит, что есть какая-нибудь разница между либеральной и Рабочей партией. Пусть мы даже потеряем все места в парламенте, но если мы будем отстаивать свои принципы, от этого будет больше пользы, чем от потуг ублажать либеральное правительство ради получения от него уступок!

Кэйр-Гарди, член парламента, вождь партии. Он виляет и вертится... «Собственно маятникового положения у нас в парламенте нет: либералы с ирландцами сильнее союза тори и рабочих... По делу об истязании в Хесвэл я голосовал за правительство по убеждению в правильности такого голосования по существу, а не ради поддержки правительства. Истязание, несомненно, было, и все мы шли в парламент с решимостью голосовать против правительства. Но в парламенте мы выслушали противную сторону, и оказалось, что хотя заведующий виноват в жестокости, но заведение в общем — лучшее в королевстве.

При таких условиях неправильно было бы голосовать против правительства... (Вот до чего довели английские оппортунисты Рабочую партию: вождя не освистали за такие речи, а слушали спокойно!)...

Вина не в членах «Независимой рабочей партии». В Рабочую партию вошла федерация углекопов, а когда депутаты от углекопов вошли в рабочую группу, то оказалось, что они — либералы. И они своих взглядов не изменили. Они присоединились к Рабочей партии только номинально...

Резолюция Джоуэта сводит всю систему парламентаризма к абсурду. Последствия всякого голосования учитывать необходимо.

«...Я бы советовал отложить и резолюцию и поправку» (!!!).

Лэнсбери поддерживает резолюцию Джоуэта: «Кэйр-Гарди напрасно пытался представить ее в глупо-смешном виде, как будто бы она предлагает голосовать по отдельным вопросам, не принимая в соображение всех обстоятельств дела. Резолюция предлагает не считаться только с тем соображением, каков будет результат голосования по отношению к прочности правительства. Я пришел к социализму, получив отвращение к приемам политических дельцов, держащих в своих руках палату общин при помощи частных собраний и «направления» депутатов. И мой опыт показал мне, что всякий поднимавшийся вопрос обсуждался именно с точки зрения того, какое влияние на судьбу правительства окажет то или иное голосование.

Рабочая партия почти совершенно не может отгородить себя от либеральной партии. Я не знаю такого вопроса законодательства, по которому бы Рабочей партии удалось отмежевать себя от либералов. В качестве партии, мы были неразрывной составной частью правительства по вопросу о страховании рабочих. Рабочая партия голосовала все время за правительство и за его проект.

Голосование по вопросу об исправительном заведении в Хес-вэе вызывает во мне чувство стыда. На-лицо истязания мальчика, мальчик умер от истязаний, а мы голосуем за правительство, обеляя истязателя! Наши «погонялы» («gohips» — распорядители или уполномоченные смотреть за голосованием своей фракции) бегали по всей палате, собирая рабочих депутатов, чтобы не допустить поражения правительства... Приучать людей к голо-

сованию против совести — значит наносить смертельный удар будущему демократии в нашей родине»...

Филипп Сноуден, член парламента, один из наиболее ярких оппортунистов, вертится как уж. «Мой инстинкт борьбы склоняет меня голосовать за резолюцию, но мой здравый смысл, мой рас-судок, мой опыт побуждают меня голосовать против. Я согласен, что теперешняя парламентская система производит деморали-зующее действие на тех, кто пришел в парламент, движимый идеализмом и политическим энтузиазмом, но я не думаю, чтобы принятие резолюции Джоуэта произвело существенную пере-мену. Обсуждая существо дела, нельзя ограничиваться одними только обстоятельствами данного случая. Есть вопросы, которые для Рабочей партии важнее, чем какие бы то ни было последствия голосования для правительства — таков, например, вопрос об избирательном праве женщин, — но можно ли игнорировать последствия голосований по любому мелкому вопросу? Такая политика вызвала бы необходимость в частых общих выборах, а для публики нет ничего более неприятного... Политика есть компромисс».

При голосовании за резолюцию было подано 73 голоса, п р о т и в — 195.

Оппортунисты одержали победу. Это неудивительно в такой оппортунистической партии, как английская «Независимая ра-бочая партия». Но что оппортунизм вызывает оппозицию в ря-дах самой этой партии, — факт теперь окончательно уста-новленный.

Противники оппортунизма поступили во много раз правильнее, чем поступают нередко их единомышленники в Германии, защи-щая гнилые компромиссы с оппортунистами. Открытое высту-пление с своей резолюцией вызвало крайне важные принци-пиальные прения, и на рабочий класс Англии эти прения окажут глубокое действие. Либеральная рабочая политика держится традицией, рутиной, ловкостью оппортунистических вожаков, но ее крах в массе пролетариата неизбежен.

«Просвещение» № 4,

апрель 1913 г.

За подписью W.

Веховцы и национализм:

(Библиографическая заметка.)

Скучный журнал—«Русская Мысль». Одно только интересно в этом журнале. Здесь пишут либералы-«веховцы», сотрудники и сторонники знаменитой ренегатской книги «Вехи», в которой вчерашние сторонники свободы обливали помоями и грязью борьбу масс за свободу, при чем демократические массы рабочих и крестьян изображались в качестве стада, ведомого «интеллигенцией»,—избитый прием всех черносотенцев.

Поворот русского либерального «образованного общества» против революции, против демократии, есть явление не случайное, а неизбежное после 1905 года. Буржуазия испугалась самостоятельности рабочих и пробуждения крестьян. Буржуазия, особенно наиболее богатая, оберегая свое положение эксплуататора, решила: лучше реакция, чем революция.

Эти корыстные классовые интересы денежного мешка и породили широкое и глубокое контр-революционное течение среди либерализма, течение против демократии, в защиту всякого империализма, национализма и шовинизма и всякого мракобесия.

Сознательных рабочих не удивит это отречение, ренегатство либералов, ибо никогда рабочие особенно хорошего мнения о либералах не были. Но полезно следить за тем, что проповедуют ренегаты-либералы, какими идеями хотят они бороться с демократией вообще, с социал-демократией в особенности.

«Русское интеллигентное общество,—пишет в «Русской Мысли» г. Изгоев,—было, а в своей массе продолжает быть и теперь, убеждено, что основным вопросом европейской жизни является борьба пролетариата с буржуазией за социализм»... Г. Изгоев называет эту мысль «предвзятой и неверной», указывая, как у поляков в Германии, в их борьбе с немцами за свою национальность, создается и растет новое среднее сословие, «демократический средний класс».

Говоря об «интеллигентах», Изгоев имеет в виду на деле социалистов и демократов. Либералу не нравится, что

основным вопросом считают борьбу пролетариата с буржуазией. Либералы стараются разжечь и раздуть национальную борьбу, чтобы отвлечь внимание от серьезных вопросов демократии и социализма.

На деле среди «вопросов европейской жизни» социализм стоит на 1-ом месте, а национальная борьба—на 9-ом, при чем она тем слабее и безвреднее, чем последовательнее проведен демократизм. Смешно даже сопоставлять борьбу пролетариата за социализм, явление мировое, с борьбой одной из угнетенных наций Восточной Европы против угнетающей ее реакционной буржуазии (при чем польская буржуазия охотно соединяется здесь при всяком удобном случае с немецкой против пролетариата).

*«Просвещение» № 4,
апрель 1913 г.
За подписью В.*

Спорные вопросы.

(Статья первая.)

Многим рабочим та борьба, которая идет между «Правдой» и «Лучем», представляется ненужной и малопонятной. Естественно, что полемические статьи в отдельных номерах газеты по отдельным, иногда довольно частным, вопросам не дают полного представления о предметах и содержании борьбы. Отсюда законное недовольство рабочих.

Между тем вопрос о ликвидаторстве, из-за которого идет борьба, есть в настоящий момент один из самых важных и самых насущных вопросов рабочего движения. Нельзя быть сознательным рабочим, не ознакомившись обстоятельно с этим вопросом, не составив себе определенного мнения о нем. Рабочий, который хочет самостоятельно решать судьбы своей партии, не станет отмахиваться от полемики, не совсем, с первого взгляда, понятной, а станет серьезно доискиваться и доищется истины.

Как доискаться истины? Как разобраться среди противоречащих друг другу мнений и утверждений?

Всякий разумный человек понимает, что если идет горячая борьба из-за какого бы то ни было предмета, то для установления

истины необходимо не ограничиваться заявлениями спорящих, а самому проверять факты и документы, самому разбирать, есть ли показания свидетелей и достоверны ли эти показания.

Спора нет, это сделать не всегда легко. Гораздо «легче» брать на веру то, что попадется, что доведется услышать, о чем более «открыто» кричат, и тому подобное. Но только людей, удовлетворяющихся этим, зовут «легонькими», легковесными людьми, и никто с ними серьезно не считается. Без известного самостоятельного труда ни в одном серьезном вопросе истины не найти, и кто боится труда, тот сам себя лишает возможности найти истину.

Поэтому мы обращаемся только к тем рабочим, которые этого труда не боятся, которые решились самостоятельно разбираться и стараться найти факты, документы, свидетельские показания.

Прежде всего является вопрос, что такое ликвидаторство? Откуда это слово взялось, что оно значит?

«Луч» говорит, что ликвидаторство партии, т.-е. распускание, разрушение партии, отречение от партии, есть просто злая выдумка. Это, дескать, «фракционеры» большевики против меньшевиков придумали!

«Правда» говорит, что вся партия более четырех лет ликвидаторство осуждает и с ним борется.

Кто прав? Как найти истину?

Очевидно, единственный способ: искать факты и документы из истории партии за последние 4 года, с 1908 года до 1912, когда ликвидаторы окончательно откололись от партии.

Именно эти четыре года, когда теперешние ликвидаторы еще были в партии,—самый важный период для проверки того, откуда и как взялось понятие ликвидаторства.

Отсюда первый и основной вывод: кто говорит о ликвидаторстве, о бохдя факты и документы партии за 1908—1911 годы, тот скрывает истину от рабочих.

Каковы же эти факты и документы партии?

Прежде всего—решение партии, состоявшееся в декабре 1908 года¹⁵⁾. Рабочие, если они не хотят, чтобы с ними обращались, как с детьми, которых пичкают сказками и небылицами, должны спрашивать у своих советников,

руководителей или представителей, было ли решение партии по вопросу о ликвидаторстве в декабре 1908 года и в чем оно состоит?

Это решение дает о с у ж д е н и е ликвидаторства и р а з ъ я с н е н и е, в чем оно состоит.

Ликвидаторство, это—«попытки некоторой части партийной интеллигенции л и к в и д и р о в а т ь» (т.-е. распустить, разрушить, отменить, прекратить) «существующую организацию партии и заменить ее бесформенным объединением в рамках легальности» (т.-е. законности, «открытого» существования) «во что бы то ни стало, хотя бы последняя покупалась ценой я в н о г о о т к а з а о т п р о г р а м м ы, т а к т и к и и т р а д и ц и й» (т.-е. прежнего опыта) «партии».

Вот каково было, четыре с лишним года тому назад, р е ш е н и е партии о ликвидаторстве.

Из этого решения ясно видно, в чем суть ликвидаторства, за что оно осуждается. Суть в о т р е ч е н и и от «подполья», в ликвидации его, в з а м е н е его бесформенным объединением в рамках законности во что бы то ни стало. Следовательно, партия осуждает *вовсе не* легальную (законную) работу, *вовсе не* выдвижение необходимости ее. Партия осуждает—и осуждает безусловно—з а м е н у старой партии чем-то бесформенным, «открытым», чего нельзя назвать партией.

Партия не может существовать, не отстаивая своего существования, не борясь безусловно с тем, кто ее ликвидирует, уничтожает, не признает, кто от нее отрекается. Это само собой очевидно.

Кто отрекается от существующей партии во имя какой-то новой, тому надо сказать: попробуйте, постройте новую партию, но членом старой, теперешней, существующей партии вы быть не можете. Таков смысл решения партии, состоявшегося в декабре 1908 года, и очевидно, что иного решения по вопросу о существовании партии быть не могло.

Ликвидаторство с в я з а н о, конечно, идейной связью с р е н е г а т с т в о м, отречением от программы и тактики, с о п п о р т у н и з м о м. На это и указывает конец приведенного выше решения. Но ликвидаторство не есть т о л ь к о оппортунизм. Оппортунисты ведут партию на неверный, буржуазный путь, на путь либеральной рабочей политики, но они н е о т р е к а ю т с я от самой партии, не ликвидируют ее.

Ликвидаторство есть т а к о й оппортунизм, который доходит до отречения от партии. Само собой понятно, что партия не может существовать, включая тех, кто не признает существование ее. Не менее понятно и то, что отречение от подполья при существующих условиях есть отречение от старой партии.

Спрашивается, каково отношение ликвидаторов к этому решению партии 1908 года?

Здесь—гвоздь вопроса, здесь проверка искренности и политической честности ликвидаторов.

Ни один из них, не сходя с ума, не станет отрицать факта, что было и не отменено такое решение партии.

И вот ликвидаторы увертываются, либо обходя вопрос и замалчивая перед рабочими решение партии 1908 года, либо восклицая (с присоединением нередко бранных слов), что решение это проведено большевиками.

Но бранные слова только выдают слабость ликвидаторов. Есть решения партии, проведенные меньшевиками,—например, решение о муниципализации, принятое в Стокгольме в 1906 году. Это общеизвестно. Многие большевики этого решения не разделяют. Но никто из них не отрицает, что это—решение партии. Точно также решением партии является и решение 1908 года о ликвидаторстве. Всякие увертки по этому вопросу означают лишь желание ввести рабочих в заблуждение.

Кто хочет признавать партию не только на словах, тот не допустит здесь никаких уверток и добьется истины о решении партии по вопросу о ликвидаторстве. К этому решению с 1909 года примкнули все партийные меньшевики, во главе с Плехановым, который в своем издании «Дневник» и в целом ряде других марксистских изданий разъяснял многократно и вполне определенно, что не может быть в партии тот, кто ее ликвидирует.

Плеханов был и останется меньшевиком. Значит, обычные ссылки ликвидаторов на «большевистский» характер решения партии в 1908 году неверны вдвойне.

Чем больше бранных слов против Плеханова встречаем мы у ликвидаторов в «Луче» или в «Нашей Заре», тем яснее доказывает это неправоту ликвидаторов, их попытки шумом, криком и скандалом затемнить истину. Сразу удастся иногда оглушить

новичка такими приемами, но рабочие все же разберутся сами и скоро отмахнутся от брани..

Необходимо ли единство рабочих?—Необходимо.

Возможно ли единство рабочих без единства рабочей организации?—Ясно, что невозможно.

Что мешает единству рабочей партии?—Споры из-за ликвидаторства.

Значит, рабочие должны разобраться в этих спорах, чтобы сами решить судьбу своей партии и отстоять ее.

Первый шаг к этому—ознакомиться с первым решением партии о ликвидаторстве. Это решение рабочие должны твердо знать и внимательно обдумать, отбрасывая всякие попытки увернуться от вопроса или отвести в сторону. Обдумав это решение, всякий рабочий начнет понимать, в чем суть вопроса о ликвидаторстве, почему этот вопрос такой важный и такой «больной», почему больше четырех лет эпохи реакции этот вопрос стоит перед партией

В следующей статье мы рассмотрим другое важное решение партии о ликвидаторстве, принятое около трех с половиной лет тому назад, а затем перейдем к фактам и документам, определяющим теперешнее положение вопроса.

«Правда» № 85 (289)

от 12 апреля 1913 г.

За подписью И.

Перепечатано в сборнике:

«Марксизм и ликвидаторство»,

часть II, под заголовком:

«Открытая партия и марксисты», I.

Решение 1908 г.

Купецкие расчеты.

Тузы-миллионеры, воротилы нашей крупной промышленности, объединены «советом съездов представителей промышленности и торговли». Этот совет съездов издает свой периодический орган: «Промышленность и Торговля». В тяжеловесных, напыщенных и большей частью малограмотных статьях этого журнала ведется защита интересов наших Кит Китычей.

Особенно недовольны они несправедливостью земского представительства и земского обложения. Обижает помещик-крепост-

ник бедненького Кит Китыча, да и только! Вот поучительная таблица о составе гласных в уездных земских собраниях («Промышленность и Торговля» 1913 г., № 3)

	Число гласных.	%
От 1-го избирательного собрания (дворяне-помещики)	5.508	53,4
От 2-го избирательного собрания (торгово-промышленные предприятия и т. д.)	1.294	12,6
От 1-го и 2-го избирательного собрания совместно	290	2,8
От сельских обществ	3.216	31,2
В 34 земских губерниях всего	10.298	100,0

Действительно, несправедливость земского представительства вопиющая. Вывод отсюда ясный и бесспорный: земства в России целиком отданы в руки крепостников-помещиков.

Всякого грамотного человека эти интересные данные наводят на мысль о тех условиях, которыми вызывается такая неравномерность представительства.

Но, конечно, смешно было бы ожидать, что Кит Китычи и их наемные писаки способны думать об общих политических вопросах и интересоваться политическим знанием. Интересуется Кит Китыч только тем, что он платит «много», а дворянин—«мало». Писатель, нанятый Кит Китычем, приводит сумму земских сборов (раскладочных), вносимых 1-м избирательным собранием—24½ миллиона рублей в 34-х земских губерниях;—2-м избирательным собранием—49 миллионов рублей и сельскими обществами—45½ миллионов рублей. Эти сборы он делит на число гласных и определяет таким образом «стоимость одного ценза»!! Выходит, что дворянский ценз «стоит» 4½ тысячи рублей, купцовский—38 тысяч рублей, крестьянский—14 тысяч рублей.

Вот как рассуждают наемные купецкие защитники: избирательное право преспокойно рассматривают, как предмет купли-продажи. Как будто плательщики земских раскладочных сборов п о к у п а ю т себе этим право посылать гласных!

На самом деле неравномерность земских сборов, конечно, вопиющая. Но вся тяжесть этой неравномерности ложится не на промышленников, а на крестьян и на рабочих. Если крестьяне со своих плохих, истощенных, выпаванных земель платят 45½ миллионов рублей, а помещики—24½ миллиона рублей, так это прямо означает, что с «мужичья» берут десяток миллионов рублей д а н и в виде земских сборов, помимо всего прочего!

Кит Китычи этого не видят. Они хотят только, чтобы не одни дворяне имели привилегии, а—«равномерно» и купцы.

«Правда» № 90 (294)

от 20 апреля 1913 г.

За подписью В. Ф.

Маленькие цифры и большие выводы.

В № 57 «Луча» от 9 марта, в статье Ф. Дана: «Плеханов о расколе» говорится, что «Луч» «есть действительно орган добрых $\frac{9}{10}$ передовых, сознательных рабочих России, орган тех, кому принадлежит всегда инициатива всякого нового шага вперед в борьбе за рабочее дело, за рабочую организацию». Далее, «нельзя отрицать факта, который мы с гордостью чувствуем в повседневной работе» и т. д.

На такое открытие товарищ Сибирский ответил в № 59 от 12 марта статьей «35 тысяч курьеров», в которой сравнивает Ф. Дана с Иваном Александровичем Хлестаковым. Я хочу подойти к этому вопросу с другой стороны и предлагаю читателям сравнить денежные отчеты газеты «Правды» и «Луча», хотя бы за четыре недели; эти отчеты ясно, цифрами говорят, сколько поступлений было от рабочих, от «разных лиц» и из-за границы в каждую из газет и на какую сумму.

Просмотрите нижеприведенную таблицу, и вы увидите, где и на чьей стороне $\frac{9}{10}$ сознательных рабочих и где 35 тысяч курьеров.

Отчет о денежных поступлениях от 6-го по 22-е марта.

№ 54 «Правды».

37 поступл. от раб. 115 р. 27 $\frac{1}{2}$ к.
от разных лиц..... — » — »
из-за границы — » — »

Ит. 37 пост. от раб. 115 р. 27 $\frac{1}{2}$ к.

№ 60 «Правды».

42 поступл. от рабоч. 160 р. 73 к.
от разных лиц..... — » — »
из-за границы — » — »

Ит. 42 пост. от рабоч. 160 р. 73 к.

№ 54 «Луча».

17 поступл. от рабоч. 95 р. 34 к.
4 пост. от разн. лиц 130 » 35 »
7 пост. из-за гран... 217 » 84 »

348 р. 19 к

Ит. 17 пост. от рабоч. 95 р. 34 к.

№ 60 «Луча».

19 поступл. от рабоч. 70 р. 31 к.
1 пост. от разн. лиц 10 » — »
2 » из-за гран. 7 » 53 »

17 р. 53 к.

Ит. 19 поступл. от раб. 70 р. 31 к.

№ 66 «Правды».

50 поступл. от рабоч. 283 р. 60 к.
 1 пост. от студент. 38 » — »
 из-за границы..... — » — »
 Ит. 50 пост. от рабоч. 283 р. 60 к.

№ 72 «Правды».

46 поступл. от рабоч. 204 р. 68 к.
 от разных лиц..... — » — »
 из-за границы..... — » — »
 Ит. 46 пост. от раб. 204 р. 68 к.
 Всего 175 поступл. от
 раб. на сумму... 764 р. 28½ к.
 Всего 1 поступл. от
 студент..... 38 » — »
 Всего — из-за
 границы..... — » — »

*«Правда» № 95 (299)
 от 26 апреля 1913 г.
 За подписью И. Попов.*

№ 66 «Луча».

19 поступл. от рабоч. 157 р. 16 к.
 2 пост. от разн. лиц 18 » — »
 1 » из-за гран... 15 » — »
 33 р. —
 Ит. 19 пост. от раб. 157 р. 16 к.

№ 72 «Луча».

31 поступл. от рабоч. 186 р. 58 к.
 от разных лиц — » — »
 6 поступ. из-за гран. 214 » 95 »
 Ит. 31 пост. от раб. 186 р. 58 к.
 Всего 86 поступл. от
 раб. на сумму.... 509 р. 39 к.
 Всего 7 пост. от раз-
 ных лиц 158 » 35 »
 Всего 16 поступл. из-
 за границы 455 » 32 »

Спорные вопросы.

(Статья вторая.)

В первой статье («Правда» № 289)*) мы привели первый и основной документ, с которым необходимо ознакомиться рабочим, желающим доискаться правды в современных спорах, именно: решение партии по вопросу о ликвидаторстве от декабря 1908 года.

Теперь мы приведем и рассмотрим другое, не менее важное, решение партии по тому же вопросу, принятое три с половиной года тому назад, в январе 1910 года¹⁶⁾. Особенное значение имеет это решение потому, что оно было принято е д и н о г л а с н о: все без исключения большевики, затем все так называемые вперёдovцы и, наконец (это всего важнее), в с е без исключения меньшевики и нынешние ликвидаторы, а также все «национальные»

*) См. выше 83-87 стр. этого тома. Ред.

(т.-е. еврейские, польские и латышские) марксисты приняли это решение.

Приводим полностью самое важное место из этого решения:

Историческая обстановка социал-демократического движения в эпоху буржуазной контр-революции неизбежно порождает, как проявление буржуазного влияния на пролетариат, с одной стороны, отрицание нелегальной социал-демократической партии, принижение ее роли и значения, попытки укоротить программные и тактические задачи и лозунги последовательной социал-демократии и т. д.; с другой стороны, отрицание думской работы социал-демократии и использования легальных возможностей, непонимание важности того и другого, неумение приспособить последовательно-социал-демократическую тактику к своеобразным историческим условиям современного момента и т. д.

Неотъемлемым элементом социал-демократической тактики при этих условиях является преодоление обоих уклонов путем расширения и углубления социал-демократической работы во всех областях классовой борьбы пролетариата и разъяснение опасности этих уклонов.

Из этого решения ясно видно, что три с половиной года тому назад все марксисты е д и н о г л а с н о, в лице всех течений без исключения, должны были признать два у к л о н е н и я от марксистской тактики. Оба уклона были признаны о п а с н ы м и. Оба уклона объяснены не случайностью, не злой волей отдельных лиц, а «и с т о р и ч е с к о й о б с т а н о в к о й» рабочего движения в переживаемую нами эпоху.

Мало того. В единогласном решении партии указано к л а с с о в о е происхождение и значение этих уклонов. Ибо марксисты не ограничиваются голым и бессодержательным указанием на развал и распад: все видят, что в головах многих сторонников демократии и социализма царит распад, безверие, уныние, недоумение. Недостаточно признать это. Необходимо понять, каково к л а с с о в о е происхождение разброда и распада, какие к л а с с о в ы е интересы из непролетарской среды питают «смуту» среди друзей пролетариата.

И решение партии три с половиной года тому назад дало ответ на этот важный вопрос: у к л о н е н и я от марксизма порождает «буржуазная контр-революция», их порождает «б у р ж у а з н о е в л и я н и е н а п р о л е т а р и а т».

Каковы же эти уклоны, грозящие отдать пролетариат под влияние буржуазии? Одно из этих уклонов, связанное с «впередовством» и состоящее в отрицании думской работы социал-демократов и использования легальных возможностей, и с-

чезло почти совершенно. В России никто из социал-демократов не проповедует более этих ошибочных, не-марксистских взглядов. «Впередовцы» (в том числе Алексинский и др.) стали работать в «Правде» на-ряду с партийными меньшевиками.

Другое же уклонение, указанное в решении партии, есть именно ликвидаторство. Это ясно из указаний на «отрицание» подполья и на «принижение» его роли и значения. Наконец, мы имеем самый точный документ, три года тому назад опубликованный и никем не опровергнутый, документ, исходящий от всех «национальных» марксистов и от Троцкого (свидетелей, лучше которых ликвидаторы не могут и представить); документ этот заявляет прямо, что «по существу было бы желательно назвать ликвидаторством указанное в резолюции течение, с которым необходимо бороться»...

Итак, вот основной и важнейший факт, который должен быть знаком всякому, желающему разобраться в современных спорах; три с половиной года тому назад партия единогласно признала ликвидаторство «опасным» отклонением от марксизма, отклонением, с которым необходимо бороться, которое выражает «буржуазное влияние на пролетариат».

Интересы буржуазии, настроенной против демократии, настроенной вообще контр-революционно, требуют ликвидации, распускания старой партии пролетариата. Буржуазия всячески распространяет и поддерживает все идеи, направленные к ликвидации партии рабочего класса. Буржуазия стремится к тому, чтобы посеять отречение от старых задач, чтобы «укоротить», обрезать, обкарнать, выхолостить их, чтобы поставить примирение или соглашение с Пуришкевичами и К-о на место решительного устранения основ их власти.

Ликвидаторство и есть проведение этих буржуазных идей отречения и ренегатства в среду пролетариата.

Вот каково классовое значение ликвидаторства, указанное единогласным решением партии три с половиной года тому назад. Вот в чем видит вся партия глубочайший вред и опасность ликвидаторства, его губительное действие на рабочее движение, на сплочение самостоятельной (на деле, а не на словах) партии рабочего класса.

Ликвидаторство есть не только ликвидация (т.-е. распускание, разрушение) старой партии рабочего класса, оно есть также

разрушение классовой самостоятельности пролетариата, развращение его сознания буржуазными идеями.

Мы поясним наглядно эту оценку ликвидаторства в следующей статье, в которой будут приведены полностью важнейшие рассуждения ликвидаторского «Луча». А теперь подведем краткий итог сказанному. Попытки «лучистов» вообще, господ Ф. Дана и Потресова в особенности, представить дело так, будто все «ликвидаторство» есть выдумка, представляют из себя поразительные по своей лживости увертки, рассчитанные на полную неосведомленность читателей «Луча». На деле, помимо решения партии 1908 года, есть е д и н о г л а с н о е решение партии 1910 года, дающее полную оценку ликвидаторства, как опасного и губительного для рабочего класса буржуазного уклонения с пролетарского пути. Скрывать или обходить эту партийную оценку могут лишь враги рабочего класса.

«Правда» № 95 (299)

от 26 апреля 1913 г.

За подписью И.

Перепечатано в сборнике:

«Марксизм и ликвидаторство»,

часть II, под заголовком:

«Открытая партия и марксисты», II.

Решение 1910 г.

Значение переселенческого дела.

Известно, что после 1905 года правительство, в связи со своей «новой» аграрной политикой в Европейской России, приложило особые усилия к развитию крестьянских переселений в Сибирь. Помещики усматривали в этих переселениях, так сказать, приоткрытие клапана и «притупление» аграрных противоречий в центре России.

Что же получилось в результате? Притупление противоречий или обострение их вместе с перенесением на более широкую арену?

Приведем прежде всего общие данные о переселениях крестьян в Сибирь.

С 1861 года по 1885 год переселилось около 300.000, то-есть 12.000 в год; с 1886 г. по 1905 г. переселилось около 1.520.000, то-есть около 70 тысяч в год; с 1906 г. по 1910 переселилось около 2.616.075, то-есть около 500 тысяч в год.

Рост переселений в контр-революционную эпоху громаден. Несомненно, на время «разрежение» атмосферы в центре России должно было произойти от этого.

Но на какое время и какой ценой?

На это отвечают данные о падении и переселенческой волны начиная с 1909 года и о поразительном росте числа обратных переселенцев. Вот эти данные:

Г о д ы.	Число пере- селенцев (в тысячах).	% обратных переселений.
1905	39	10
1906	141	4
1907	427	6
1908	665	6
1909	619	13
1910	316	36
1911 *)	183	60

Итак, разредить атмосферу господам официальным поощрителям переселений удалось всего на какие-нибудь ч е т ы р е года (1906—1909). Затем уже начинается н о в ы й к р и з и с, ибо громадный упадок числа переселенцев при невероятном росте числа «обратных»—36% и 60%—означает, без всякого сомнения, кризис и притом чрезвычайно серьезный, охватывающий неизмеримо более широкую арену.

Тридцать шесть и шестьдесят процентов обратных переселенцев, это—обострение кризиса и в России, и в Сибири. В Россию возвращается беднота, самая несчастная, все потерявшая и озлобившаяся. В Сибири земельный вопрос должен был крайне обостриться, чтобы оказалось невозможным—несмотря на отчаянные усилия правительства—устроить сотни тысяч переселенцев.

Приведенные данные бесспорно показывают таким образом, что борьба с аграрным кризисом 1905 года в России посредством переселений вызвала о т с р о ч к у кризиса лишь на самое короткое время и притом ценою несравненно б ó л ь ш е г о обострения и расширения арены кризиса к переживаемому нами времени.

Интересным подтверждением этого вывода из сухих правительственных, статистических данных является книжка бывшего чиновника лесного ведомства, прослужившего 27 лет и специально ознакомившегося с переселенческим делом в Сибири, господина

*) Данные за 11 месяцев.

А. И. Комарова: «Правда о переселенческом деле» (Спб. 1913. Цена 60 коп.).

Книжка составила главным образом из фельетонов, которые автор писал (под псевдонимом) в газете «Новая Русь» за 1908—1910 годы и в которых «добродушно-шутливо» рассказана повесть «такого государственного расхищения или, вернее, разгрома сибирских земель и лесов, пред которым бывшее когда-то расхищение башкирских земель—сущие пустяки».

Автор стоит на точке зрения благонамеренного чиновника, который доведен до отчаяния «переселенческой сутолокой» (так назывались его газетные фельетоны), хищениями, разорением и обнищанием старожилов и переселенцев, «полным разгромом того, что именуется рациональным лесным хозяйством», бегством переселенцев назад в Россию и образованием «сотен тысяч» армии «бродячей Руси», наконец, непроходимой тупостью, казенщиной и системой доносов, казнокрадством и бестолочью ведения всего дела.

Несмотря на то, что фельетоны написаны в «добродушно-шутливом» тоне, или, вернее, и м е н н о п о т о м у, сводка их оставляет чрезвычайно сильное впечатление какого-то угара, чада, удушья старой, крепостнической казенщины. От новой, буржуазной, аграрной политики, ведомой такими средствами и приемами, руководимой такими социальными элементами, происходящей в такой обстановке, не может выйти ничего кроме краха.

Вот картинка поездки в Сибирь Столыпина, премьер-министра, и г. главноуправляющего земледелием и землеустройством Кривошеина, в августе 1910 года. Речь с площадки министерского вагона на станции «Тайга»... «все обстоит великолепно и потому благополучно». «Это буфонадная поездка,—пишет старый служака,—этот вояж, весьма схожий с путешествием Екатерины Великой по Новороссии, при чем роль Потемкина, по предписанию из Петербурга, пришлось исполнить г. Шуману, заведывающему переселением и землеустройством в Томской губернии... дал мне последний толчок к тому, чтобы я бросил службу и издал настоящую брошюру».

Бедный благонамеренный чинуша: не вытерпел!

Вот картинка переселенческой сутолоки в момент наибольшего подъема переселенческой волны. «Участки не готовы, дороги к ним не проведены, переселенческие пункты еще строятся... Начались самовольные заселения облюбованных переселенцами

мест в лесных дачах, захваты оброчных статей, запасных участков, предназначавшихся когда-то под насаждение дворянского землевладения в Сибири и пр., а затем, конечно, началось водворение самовольных засельщиков с тем рядом грустных и часто жестоких сцен, описывать которые было бы излишне». Переселенческие чиновники вынуждены «рвать по кусочкам устроенные чуть не вчера казенные лесные дачи». Брали по кусочкам, брали то, что в первую голову попадало на глаза,—лишь бы поместить, лишь бы отвязаться от тех десятков изнуренных, истомленных лиц, которые торчат на переселенческом пункте, стоят часами в прихожей переселенческого управления, лезут неизвестно зачем целой гурьбой в губернское управление и вообще не оставляют в покое ни одного присутственного места».

Расхищаются и гибнут зря «многие сотни миллионов рублей». «Один из выводов,—пишет автор,—а именно необходимость передачи переселенческого дела в руки будущего сибирского земства невольно напрашивается само собой». Наивный российский «честный» чиновник, он воображает, что такой «тришкин кафтан» можно заштопать... земством.

Вот картинка лесного хозяйства: переселенцам, которым «привалило неожиданное счастье», разрешили продать лес; 300 десятин векового строевого лесу они продали по 17 рублей десятина. Десятина векового строевого леса, даже и по сибирским ценам, стоит, на худой конец, рублей 200. Еще картинка: переселенцы продают подрядчику Жоголеву 25.000 шпал по 4 коп. за штуку. Он платит за рубку по 5 коп., за вывоз по 25 к., за доставку паромом по 10 к. и получает с казны по 80 коп. за ш п а л у... Вот вам октябристский капитализм эпохи первоначального накопления, упорно уживающийся с Пуришкевичами и пуришкевичевщиной российской жизни!

Вот длинный ряд картинок землеустройства. Минусинский уезд—«сибирская Италия». Минусинский старожил получил по четыре десятины и «познал священные права собственности». Из пользования его изъяты десятки тысяч десятин лучшей земли. За последнее время эта Италия, благодаря общей постановке государственного хозяйства, весьма аккуратно посещается, выражаясь официальным языком, «недородом»...

«...В Енисейском уезде существует знаменитый Обь-Енисейский канал, благополучно поглотивший за целый ряд лет немало казенных миллионов, но от этого в благоприличный вид для пере-

возки грузов все же не' пришедший, ибо прорыт он был как раз на том месте, где этого делать не следовало»...

«Куринский переселенческий участок... образован из земель инородцев при солеваренном Алтайском заводе. И если, после изъятия у них земли, инородцам было горько, то новоселам пришлось и совсем солоно—вода для питья оказалась совершенно непригодной. Из рытья колодцев также ничего не вышло. Тогда переселенческое управление начало бурить землю и добурилось до воды, еще более соленой. Теперь поселившиеся ездят за водой на реку Енисей за 7—8 верст от деревни, так что «все обстоит благополучно»...

...Очень ценная сосновая дача съедена начисто сосновым шелкопрядом. Когда началось повреждение, лесничий должен был п и с а т ь б у м а г у об ассигновании кредита. Пока шла переписка и сношения с Питером, лес пропал... «Все так называемое лесоустройство,—пишет старый лесничий,—сведено к нулю».

А в чиновном мире посредством доносов сживают сколько-нибудь честные элементы (стр. 118) и «высшие власти» обрывают прослуживших по 35 лет лесничих, если они осмелятся говорить правду, возгласами: «молчать!» (стр. 121). «Период пошлости и хамства»—возмущается добрый г. Комаров, ведущий начало этого «периода» от смены «хорошего» начальника дурным начальником.

Итог своим картинкам автор подвел в словах: «...Если все рассказанное мной и выглядит анекдотично, то все же это—анекдоты действительности, к которым нас приучила российская, с позволения сказать, конституционная жизнь; и не есть ли вся-то настоящая русская действительность сплошной и притом достаточно скверный анекдот».

Относительно возвращающихся переселенцев г. Комаров высмеивает утверждение некоего «храброго» медика, будто их не более 6-ти процентов. Мы привели выше точные цифры по этому вопросу.

«Кто-кто,—пишет г. Комаров,—а российские помещики этим (числом возвращающихся переселенцев) очень и очень интересуются. И это понятно: возвращается элемент такого пошиба, которому в будущем предстоит сыграть страшную роль. Возвращается не тот, кто всю свою жизнь был батраком и уже отвык от того, что ему, как сказочному Антею, давало невероятную,

гигантскую силу Возвращается недавний хозяин, тот, кто никогда и помыслить не мог о том, что он и земля могут существовать раздельно. И этот человек, справедливо обьятый кровной сбидой, за то, что его не сумели устроить, а сумели лишь разорить и из бывшего хозяина и хлебороба превратить не только его, но и всех домашних в никчемных людей—этот человек ужасен для всякого государственного строя, каков бы он ни был. И лучшими, прозревшими с 1905 года, умами этот учет ведется».

Весной 1910 года автор посетил в Европейской России предводителя дворянства, человека очень консервативных убеждений, пользующегося уважением и доверием автора.

«Ох, учитываем, да еще как учитываем,—сказал он мне:—не даром нас из деревень-то в город повымело. Мужик зверем смотрит. Молодежь чуть не сплошь хулиганная, а тут еще эти возвращаются от вас из Сибири, кому терять нечего».

«Особенно же я понял милейшего Петра Федоровича,—продолжает добрейший г. Комаров,—когда ко мне, в числе других, приходивших справляться «насчет сибирской землицы», явился один из забытых мною друзей детства, с которым когда-то играли вместе и в козны, и в чушки, а впоследствии дрались совместно и на кулачках. Увы, теперь это уже был не мой былой соратник по кулачным боям, а солидный мужик с бородой-лопатой с серебристыми в ней нитями и лысиной в полголовы. Разговорились, вспомнили былое, и я коснулся 1905 года. Нужно заметить, что наш уезд был из числа тех, которые в эту эпоху особенно озарились багровым заревом помещичьих усадеб и разгромом дворянских угодий, и с моей стороны был совершенно естественным упрек моему приятелю, сделанный, сколько помнится, примерно в такой форме:

«— Чорт вас знает, что вы тут наделали в 1905 году! Не в пример же лучше можно было устроиться...

«Говоря это, я отнюдь не имел, конечно, в виду теории земельного вопроса г.г. эс-деков и эс-эров, которая для всякого, мало-мальски знакомого с политической экономией, звучит чем-то совершенно неприемлемым, и в ответ получил:

«— Это—верное твое слово... Это ты правильно... Не так бы нам нужно.

«— Ну, вот то-то и есть,—успокоительно сказал я, радуясь, что мы поняли друг друга.

«— Верно, верно... Здорового маху дали... Никого бы нам выпускать не следовало...

«— То-есть как?

«— Да так, чтобы, стало быть, на чистоту... Всех под одно...

«И при этом ласковое, улыбающееся лицо и симпатичные морщинки-лапки около светлых, добродушных, детски-наивных улыбающихся глаз...

«Но я откровенно сознаюсь, что у меня прошел холодок по спине и зашевелились, должно быть, на голове волосы: если таковы эти добродушные, то чего же ждать от тех возвратившихся, запродавших свои наделы и навсегда обездоленных?!

«Ах, эта «ставка на сильных», подаренная России покойным премьером и г.г. октябристами: много она, со временем, и в связи с переселенческой неурядицей, может принести ужасов действительности» (стр. 75).

На этой беседе мирно настроенного добрейшего интеллигента с ласковым, добродушным, наивным, солидным и лысым мужичком мы и остановимся.

«Правда» № 96 (300) и № 99 (303)

от 27 апреля и 1 мая 1913 г.

За подписью В. И.

О либеральном и марксистском понятии классово-вой борьбы.

(З а м е т к а).

Ликвидатор А. Ерманский в «Нашей Заре» обрушился с чрезвычайным обилием сердитых слов на мою критику его (и Гушки) точки зрения по вопросу о политической роли крупной торгово-промышленной буржуазии («Просвещение» № 5—7) *).

Г. Ерманский бранчливыми выходками и воспоминаниями о ранее нанесенных «обидах» (в том числе об «обиде», нанесенной г. Дану и К-о, неудачно пытавшимся расколоть с.-д. организацию в С.-Петербурге в 1907 году) старается з а м я т ь действительную суть вопроса.

*) См. выше 132—134 стр. 1 части этого тома. Ред.

Но суть теперешнего спора мы все же не позволим г. Ерманскому замять воспоминаниями о незаслуженных обидах и поражениях ликвидаторов. Ибо теперешний спор касается очень важного принципиального вопроса, который постоянно встает снова и снова по тысяче различных поводов.

Это—именно вопрос о либеральной подделке марксизма, о подмене марксистского, революционного, воззрения на классовую борьбу воззрением либеральным. Эту идейную основу всех споров марксистов с ликвидаторами мы не устанем разъяснять.

Г. А. Ерманский пишет:

«Марксист» Ильин никак не согласен усмотреть в деятельности промышленных организаций классовую борьбу «в общенациональном (отчасти даже интернациональном) масштабе», как я (Ерманский) ее характеризовал в своей статье. Почему? Потому, что здесь отсутствует основной признак общенационального и общегосударственного: устройство государственной власти... («Наша Заря», стр. 55).

Вот изложение с у т и вопроса, данное тем самым А. Ерманским, который все возможное и все невозможное делает, чтобы обойти эту суть! Как он ни обвиняет меня в искажении его взглядов и во всех смертных грехах, как он ни вертится, спасаясь даже «под сень» воспоминаний о расколе 1907 года, а все же правда берет свое.

Итак, мой тезис ясен: основной признак общенационального есть устройство государственной власти.

Вы не разделяете этого взгляда, мой сердитый противник? Вы не находите, что это—единственный марксистский взгляд?

Отчего же тогда вы не говорите этого прямо? Отчего неверному взгляду вы не противопоставляете правильного? Если лишь марксизмом в кавычках является, по вашему мнению, утверждение, что основной признак общенационального есть устройство государственной власти, то почему же вы не опровергали моей ошибки и не излагаете ясно, отчетливо, без уверток, в а ш е г о понимания марксизма?

Ответ на эти вопросы будет читателю ясен, если мы процитируем не п о с р е д с т в е н н о следующее за приведенными рассуждение г. А. Ерманского:

Ильин хочет, чтобы русская крупная буржуазия иначе вела свою классовую борьбу, чтоб она непременно добивалась изменения всего государственного строя. Ильин хочет, но буржуазия не хочет,—и в этом виноват, конечно, «ликвидатор» Ерманский, который «понятие классовой борьбы в смысле Маркса подменяет либеральным понятием классовой борьбы».

Вот вам полностью вся тирада г. Ерманского, позволяющая видеть увертывающегося ликвидатора на месте преступления.

Увертка на-лицо.

Верно я указал «основной признак» общенационального или нет?

Сам г. А. Ерманский вынужден был признать, что я указал именно эту суть дела.

И г. Ерманский увильчивает от ответа, чувствуя, что он попался!

Обходя вопрос о правильности или неправильности указанного мною основного признака, «попавшийся» г. Ерманский перескакивает через этот вопрос к вопросу о том, чего «хочет» Ильин и буржуазия. Но как ни смелы, как ни отчаянны скачки г. Ермаковского, он не скроет ими того, что он попался.

При чем же тут «хотение», любезный мой оппонент, если спор идет о п о н я т и и классовой борьбы?! Вы сами должны были признать, что я обвиняю вас в подмене п о н я т и я марксистского понятием либеральным и что я указал «основной признак» марксистского понятия, включающего в общенациональную классовую борьбу устройство государственной власти.

Г. А. Ерманский такой неловкий, хотя и сердитый, полемист, что он на своем собственном примере наглядно пояснил связь ликвидаторства вообще и его, Ерманского, ошибок в частности с либеральным понятием классовой борьбы!

Вопрос о классовой борьбе есть один из самых основных вопросов марксизма. Поэтому именно на п о н я т и и классовой борьбы стоит остановиться подробнее.

Всякая классовая борьба есть борьба политическая. Известно, что эти глубокие слова Маркса оппортунисты, пораженные идеями либерализма, понимали превратно и старались истолковать извращенно. К числу оппортунистов принадлежали, например, «экономисты», старшие братья ликвидаторов. «Экономисты» думали, что любое столкновение между классами есть уже политическая борьба. Экономисты признавали поэтому «классовой борьбой» борьбу за пятак на рубль, не желая видеть более высокой, развитой, общенациональной к л а с с о в о й борьбы за п о л и т и к у. Экономисты признавали таким образом зачаточную классовую борьбу, не признавая ее в развитом

виде. Экономисты признавали, иначе говоря, в классовой борьбе лишь то, что было наиболее терпимо с точки зрения либеральной буржуазии, отказываясь идти дальше либералов, отказываясь признавать более высокую, для либералов неприемлемую, классовую борьбу. «Экономисты» превращались этим в либеральных рабочих политиков. Экономисты отказывались этим от марксистского, революционного, понятия классовой борьбы.

Далее. Мало того, что классовая борьба становится настоящей, последовательной, развитой, лишь тогда, когда она охватывает область политики. И в политике можно ограничиться мелкими частностями, можно идти глубже, вплоть до основного. Марксизм признает классовую борьбу вполне развитой, «общенациональной» лишь тогда, когда она не только охватывает политику, но и в политике берет самое существенное: устройство государственной власти.

Наоборот, либерализм, когда рабочее движение несколько окрепло, не решается уже отрицать классовой борьбы, но старается сузить, обкарнать, кастрировать понятие классовой борьбы. Либерализм готов признать классовую борьбу и в области политики, но с одним условием, чтобы в область ее не входило устройство государственной власти. Нетрудно понять, какие классовые интересы буржуазии вызывают это либеральное искажение понятия классовой борьбы.

И вот, когда г. Ерманский, пересказывая работу умеренного и аккуратного чиновника Гушки, солидаризировался с ним, не замечая (или не желая видеть?) либерального кастрирования понятия классовой борьбы, то я указал г. Ерманскому на этот коренной теоретический и общепринципиальный грех его Г. А. Ерманский стал сердиться и браниться, вилять и вертеться, не будучи в состоянии опровергнуть мое указание.

Г. А. Ерманский оказался при этом столь неуклюжим полемистом, что он особенно наглядно разоблачил самого себя! «Ильин хочет, но буржуазия не хочет», пишет он. Теперь мы знаем, какие особенности точки зрения пролетарской (марксизма) и буржуазной (либерализма) вызывают эти различия «хотения».

Буржуазия «хочет» обкарнать классовую борьбу, извратить и сузить ее понятие, притупить ее острие. Пролетариат «хочет», чтобы этот обман был разоблачен. Марксист хочет, чтобы тот, кто берется говорить от имени марксизма о классовой борьбе буржуазии, разоблачал узорность, и притом корыстную

узости, буржуазного понятия классовой борьбы, а не только приводил цифры, не только восторгался «большими» цифрами. Либерал «хочет» оценивать буржуазию и ее классовую борьбу так, чтобы замалчивать ее узость, замалчивать невключение в эту борьбу «основного» и наиболее существенного.

Г. А. Ерманский попался на том, что рассуждал он об интересных, но безыдейно или рабски сведенных г. Гушкой цифрах по-либеральному. Понятно, что, когда это было разоблачено, г. А. Ерманскому ничего не оставалось, как браниться и вертеться.

Продолжим еще цитату из статьи г-на А Ерманского там, где мы ее прервали:

Ясно, что, на самом деле, здесь только один Ильин подменяет изучение действительного положения вещей своими квалификациями, да еще (!!) шаблонной меркой по ученическим образцам из истории Великой Французской Революции.

Г. А. Ерманский так запутался, что «губит» себя все более беспощадно! Он не замечает, насколько разоблачен и раскрыт его либерализм этой сердитой вылазкой против «шаблонов» Великой Французской революции!

Милый г. Ерманский, поймите же (как это ни трудно понять ликвидатору), что нельзя «изучать действительное положение вещей», не квалифицируя, не оценивая его по-марксистски или по-либеральному, или по-реакционному и т. п !

«Изучение» доброго чиновника Гушки вы, г Ерманский, квалифицировали и квалифицируете по-либеральному. а я по-марксистски. В этом вся суть. Останавливая свой критический анализ на пороге вопроса об устройстве государственной власти, вы доказали этим либеральную ограниченность вашего понятия о классовой борьбе.

Это и требовалось доказать.

Вылазка ваша против «шаблона» Великой Французской революции выдает вас с головой. Ибо всякий поймет, что тут не в шаблоне дело и не во французском образце,— стачек, например, в широком масштабе тогда, в условиях «шаблона и образца», не было и быть не могло, особенно политических.

Дело в том, что, ставши ликвидатором, вы разучились применять революционную точку зрения к оценке общественных событий. Вот где зарыта собака! Маркс отнюдь не ограничивал свою мысль «шаблонами и образцами» конца XVIII века,

но точку зрения он применял всегда революционную, о ц е н и в а я («квалифицируя», если вам нравится более «ученое» слово, добрый г. Ерманский!) классовую борьбу всегда наиболее г л у б о к о, всегда вскрывая, касается ли она «основного», всегда бичуя беспощадно всякую робость мысли, всякое прикрытие недоразвитой, кастрированной, корыстно-извращенной классовой борьбы.

В конце XVIII века классовая борьба показала нам, как она становится политической, как она доходит до действительно «общенациональных» форм. С тех пор изменилась в гигантской степени высота развития и капитализма и пролетариата. «Шаблоны» старого никого не остановят в изучении, например, новых ф о р м борьбы, отчасти уже отмеченных мною выше.

Но точка зрения марксиста в с е г д а будет требовать «оценки» глубокой, а не поверхностной, всегда будет вскрывать убожество л и б е р а л ь н ы х извращений, недомолвок, трусливых прикрытий.

Приветствуем г-на А. Ерманского за самоотверженное и прекрасное пояснение того, как ликвидаторы подменяют марксистское понятие классовой борьбы либеральным, разучиваясь смотреть на общественные явления с революционной точки зрения.

«Просвещение» № 5,

май 1913 г.

За подписью В. Илим.

К двадцатипятилетию смерти Иосифа Дицгена.

Двадцать пять лет тому назад, в 1888 году, скончался рабочий-кожевник Иосиф Дицген, один из выдающихся социал-демократических писателей-философов Германии.

Иосифу Дицгену принадлежат сочинения (переведенные большей частью и на русский язык): «Сущность головной работы» (вышло в свет в 1869 году), «Экскурсия социалиста в область теории знания», «Аквизит философии» и др. Самую верную оценку Дицгена и его места в истории философии и рабочего движения дал Маркс еще 5-го декабря 1868 года в письме к Кугельману:

«Уже давно,—писал Маркс,—Дицген прислал мне отрывок рукописи о «Способности мышления», который, несмотря на некоторую путаницу в понятиях и на слишком частые повторе-

ния, содержит в себе много превосходных и, как продукт самостоятельного мышления рабочего, достойных изумления мыслей».

Вот значение Дицгена: рабочий, самостоятельно пришедший к диалектическому материализму, т.-е. к философии Маркса. Чрезвычайно ценно для характеристики рабочего Дицгена то, что он не считал себя основателем школы.

Иосиф Дицген говорил о Марксе, как о главе направления, еще в 1873 году, когда немногие понимали Маркса. Иосиф Дицген подчеркивал, что Маркс и Энгельс «обладали необходимой философской школой». И в 1886 году, много спустя после появления «Анти-Дюринга» Энгельса, одного из главных философских произведений марксизма, Дицген писал о Марксе и Энгельсе, как о «признанных основателях» направления.

Это надо иметь в виду, чтобы оценить всяких последователей буржуазной философии, т.-е. идеализма и агностицизма (в том числе и «махизма»), которые пробуют уцепиться как раз за «некоторую путаницу» у И. Дицгена. И. Дицген сам осмелял бы и оттолкнул таких поклонников.

Чтобы стать сознательными рабочие должны читать И. Дицгена, но не забывать ни на минуту, что он дает не всегда верное изложение учения Маркса и Энгельса, у которых только и можно учиться философии.

И. Дицген писал в такую эпоху, когда всего шире был распространен опрошенный, опошленный материализм. Поэтому И. Дицген особенно напирал на исторические изменения материализма, на диалектический характер материализма, то-есть на необходимость стоять на точке зрения развития, понимать относительность каждого человеческого познания, понимать всестороннюю связь и взаимозависимость всех явлений мира, доводить материализм естественно-исторический до материалистического взгляда на историю.

Напирая на относительность человеческого познания, И. Дицген часто впадает в путаницу, делая неправильные уступки идеализму и агностицизму. Идеализм в философии есть более или менее ухищренная защита поповщины, учения, ставящего веру выше науки или рядом с наукой или вообще отводящего место вере. Агностицизм (от греческого слова «а»—не и «гносис»—знание) есть колебание между материализмом и идеализмом, т.-е. на практике колебание между материалистической наукой

и поповщиной. К агностикам принадлежат сторонники Канта (кантианцы), Юма (позитивисты, реалисты и пр.) и современные «махисты». Поэтому некоторые из самых реакционных философов буржуазии, отъявленные мракобесы и прямые защитники поповщины, пробовали «использовать» ошибки И. Дицгена.

Но, в общем и целом, И. Дицген—материалист. Дицген—враг поповщины и агностицизма. «С прежними материалистами,—писал И. Дицген,—общего у нас только то, что мы признали материю предпосылкой или первоосновой идеи». Это «только» и есть с у т ь философского материализма.

«Материалистическая теория познания,—писал И. Дицген,—сводится к признанию того, что человеческий орган познания не испускает никакого метафизического света, а есть кусок природы, отражающий другие куски природы». Это и есть материалистическая теория о т р а ж е н и я в познании человека вечно движущейся и изменяющейся материи,—теория, вызывающая ненависть и ужас, клеветы и извращения всей казенной, профессорской философии. И с какой глубокой страстью истинного революционера бичевал и клеймил И. Дицген «дипломированных лакеев поповщины», профессоров, идеалистов, реалистов и т д ! «Из всех партий,—справедливо писал И. Дицген про философские «партии», т.-е. про материализм и идеализм,—самая гнусная есть партия середины».

К этой «гнусной партии» принадлежит редакция «Луча» и г. С. Семковский («Луч», № 92). Редакция дала «оговорочку»: «не разделяем-де обще-философской точки зрения», но изложение Дицгена «правильно и ясно».

Это—вопиющая неправда. Г. Семковский безбожно переврал и исказил И. Дицгена, выхватив у него как раз «п у т а н и ц у» и умолчав о «М а р к с о в о й о ц е н к е Д и ц г е н а». А между тем и Плеханов, самый знающий по философии марксизма социалист, и лучшие марксисты в Европе в п о л н е п р и з н а л и э т у о ц е н к у.

Г. Семковский извращает и философский материализм, и Дицгена, говоря вздор и по вопросу «один или два мира» (это будто бы «коренной вопрос»! Поучитесь-ка, любезный, прочтите хоть «Людвига Фейербаха» Энгельса)—и по вопросу о мире и явлениях (Дицген будто бы сводил действительный мир только к явлениям; это—поповская и профессорская клевета на И. Дицгена).

Но всех извращений у г. Семковского не перечесть. Пусть знают рабочие, интересующиеся марксизмом, что редакция «Луча» есть союз ликвидаторов марксизма. Одни ликвидируют подполье, т.-е. партию пролетариата (Маевский, Седов, Ф. Д. и т. д.), другие—идею гегемонии пролетариата (Потресов, Кольцов и др.), третьи—философский материализм Маркса (г. Семковский и К-о), четвертые—интернационализм пролетарского социализма (бундовцы, Коссовский¹⁷), Медем¹⁸) и пр.—сторонники «культурно-национальной автономии»), пятые—экономическую теорию Маркса (г. Маслов с его теорией ренты и «новой» социологией) и так далее и тому подобное.

Вопиющее извращение марксизма г. Семковским и прикрывающей его редакцией—только один из наиболее ярких образчиков «деятельности» этого литераторского «союза ликвидаторов».

«Правда» № 102 (306)

от 5 мая 1913 г.

За подписью В. Ильин.

Сепаратисты в России и сепаратисты в Австрии.

Среди различных представителей марксизма в России еврейские, или вернее часть их, так называемые бундовцы, ведут политику сепаратизма, т.-е. отделения или обособления (от целого). Из истории рабочего движения известно, что в 1903 году бундовцы вышли из партии, когда большинство партии рабочего класса отвергло их требование признать их «единственными» представителями еврейского пролетариата.

Этот выход из партии был глубоко вредным для рабочего движения проявлением сепаратизма. На деле еврейские рабочие входили и входят в партию повсюду помимо Бунда. Рядом с отдельными организациями (обособленными, сепаратными) бундовцев всегда существовали общие организации рабочих—и еврейских, и русских, и польских, и литовских, и латышских и т. д.

Из истории марксизма в России известно далее, что, когда Бунд в 1906 году снова вернулся в партию, партия ставила условием прекращение сепаратизма, т.-е. объединение на местах рабочих-марксистов всех и всяких национальностей. Условие это не было выполнено бундовцами, несмотря на спс-

ц и а л ь н о е подтверждение его съезным решением партии в декабре 1908 года.

Такова краткая история бундовского сепаратизма в России. К сожалению, эту историю мало знают рабочие и мало над нею думают. Практически близко знакомы с этой историей польские марксисты, литовские (особенно в Вильне в 1907 году), латышские (тогда же в Риге), южно-русские и западно-русские. Известно, между прочим, что кавказские марксисты, и в том числе все кавказские меньшевики, до самого последнего времени проводили у себя на местах е д и н с т в о и даже слияние рабочих всех национальностей, относясь с осуждением к сепаратизму бундовцев.

Отметим также, что видный бундовец Медем в известной книге: «Формы национального движения» (Спб. 1910) признал, что бундовцы никогда не осуществляли единства на местах, т.-е. всегда были сепаратистами.

В международном рабочем движении вопрос о сепаратизме встал особенно живо в 1910 году на Конгрессе в Копенгагене. Сепаратистами выступили ч е х и в Австрии, разрушив прежнее единство чешских и немецких рабочих. Международный Конгресс в Копенгагене е д и н о г л а с н о осудил сепаратизм, но чехи, к сожалению, остались и до сих пор сепаратистами.

Чувствуя себя одинокими в пролетарском Интернационале, чешские сепаратисты долго и безуспешно искали единомышленников. Только теперь они нашли их—в л и ц е б у н д о в ц е в и л и к в и д а т о р о в. Издаваемый сепаратистами немецкий журнальчик «Чехо-словацкий социал-демократ» в № 3 (Прага, 15 апреля 1913 года) поместил статью под заглавием «Поворот к лучшему». Этот «поворот» якобы к «лучшему» (а на деле—к сепаратизму) чешские сепаратисты усмотрели... где бы вы думали, читатель?.. в «Н а ш е й З а р е» ликвидаторов, в статье б у н д о в ц а В. Коссовского!

Наконец-то, чешские сепаратисты не одиноки в пролетарском Интернационале! Понятно, что они рады ухватиться даже за ликвидаторов, даже за бундовцев. Но все сознательные рабочие России должны внимательно подумать над этим фактом: единогласно осужденные Интернационалом, чешские сепаратисты хватаются за полы ликвидаторов и бундовцев.

Интересам и задачам рабочего движения соответствует только то полное единство (на местах, снизу и доверху) рабочих всех

наций, которое осуществлялось так долго и так успешно на Кавказе.

«Правда» № 104

от 8 мая 1913 г.

За подписью В. Илим.

Доказала ли „Правда“ сепаратизм бундовцев?

В № 104 (308) «Правды» была помещена статья: «Сепаратисты в России и сепаратисты в Австрии»^{*)}. Теперь г. Вл. Коссовский в № 119 (205) «Луча» выступает с опровержением, вернее, с кучкой ругательств против «Правды» по поводу этой статьи. Рабочим, которых интересуют судьбы своей организации, мы можем только указать на эти бранчливые вылазки г.г. лучистов, обходящих спорные вопросы.

Чем доказала «Правда» сепаратизм бундовцев?

1) Тем, что они вышли из партии в 1903 году Ругательные выражения г. Коссовского ни на иоту не опровергли этого факта. Господа Коссовские потому и бранятся, что бессильны опровергнуть факты.

2) Тем, что еврейские рабочие входили и входят в партию повсюду помимо Бунда.

И против этого ни звука не может сказать плохой защитник Бунда.

3) Тем, что решение партии о единстве на местах рабочих всех наций, решение, принятое в 1906 году и специально подтвержденное в 1908 году, Бунд откровенно нарушил.

Ни словечка не мог г. Коссовский сказать против этого!

4) Признанием бундиста Медема, что бундовцы никогда не осуществляли единства на местах, т.-е. всегда были сепаратистами.

Ни единого возражения у г. Коссовского!

Подумайте, читатель, как же не браниться и не бесноваться господину, который против четырех главных положений «Правды» не может сказать ровно ничего?

Далее «Правда» привела точную цитату из органа чешских сепаратистов в Австрии, осужденных единогласно за сепаратизм всем Интернационалом. В этом органе хвалят г. Коссовского (статью его в ликвидаторской «Нашей Заре») за «поворот к лучшему» относительно сепаратистов.

^{*)} См. предшествующую статью Ред.

Что же, г. Коссовский? Неверна наша цитата? Г. Коссовский знает, что верна, и злобствует бессильно: «какой-то отзыв в каком-то чешском листке».

Не «какой-то отзыв» и не в «каком-то чешском листке», а специальная статья в немецком органе чешских сепаратистов. Это факт, и вы его не опровергли.

Я не защищаю сепаратистов—оправдывается г. Коссовский, излагая свою статью в «Нашей Заре».

Вот как? Значит, чешские сепаратисты вас неверно поняли. Бедные либеральные вожди Бунда! Не только противники, но и друзья их «не поняли»!

«Правда» доказала, что бундовцы—сепаратисты. Г. Вл. Коссовский не смог опровергнуть этого.

Господа В. Коссовский, Медем и К-о—группа либеральных интеллигентов, развращающих еврейских рабочих буржуазным национализмом и сепаратизмом. За это «Правда» воевала и будет воевать с бундовцами.

В рабочую партию еврейские социал-демократические рабочие идут помимо Бунда и против Бунда.

*«Правда» № 27
от 5 июня 1913 г.
За подписью В. Ильин.*

Еще о переселенческом деле.

В № 300 «Правды» *) мною были приведены главные данные о переселении в России. Оканчивались эти данные 1911 годом и то неполным (за 11 месяцев). Теперь г. Кауфман в «Речи» берет из недавно опубликованных официальных подсчетов данные за весь 1911 и за 1912 годы.

Оказывается, число переселенцев возросло, но ничтожно: с 190 тысяч (1911 года) до 196 с половиной тысяч в 1912 году. Число же ходоков возросло сильно: с 36 тысяч (1911) до 58 тысяч (1912).

Объяснение этого явления вскрывает перед нами еще глубже крах новой аграрной политики. До сих пор от $\frac{3}{4}$ до $\frac{4}{5}$ всего числа переселенцев шли из малороссийских и средне-черноземных губерний. Это—тот центр России, где всего сильнее остатки

*) См. выше 94 стр. этого тома. Ред.

крепостничества, где всего ниже заработная плата, крестьянским массам живется особенно тяжело.

Разоренные, обнищавшие, голодные массы этого центра— «сердца» России, метнулись на переселение (1907—1909 г.г.) и— дали, наконец, 60% обратных переселенцев, т.-е. разорились и озлобились еще больше.

Теперь началась волна переселений из иного района, именно из Поволжья, которое до сих пор давало совсем мало переселенцев.

В чем дело?

В «неурожае», в голоде 1911 года!! Голодовка охватила новый район России. Новая волна бегства голодных в Сибирь. Мы уже знаем, что Сибирь еще более разорит и озлобит, вслед за крестьянами центра России, и крестьян Поволжья.

Другими словами, переселения в Сибирь на практике показали невозможность такого спасения, сначала — крестьянам центра, теперь—крестьянам Поволжья.

«Новая» аграрная политика, разоряя одну полосу России за другой, крестьян одного района за крестьянами другого, выясняет постепенно перед всеми крестьянами, что не в этом лежит действительное спасение.

«Правда» № 105 (309)

от 9 мая 1913 г.

За подписью В. И.

Съезд „Британской социалистической партии“.

«Британская социалистическая партия» основана в Манчестере в 1911 году. В нее вошли прежняя «Социалистическая партия», называвшаяся раньше «Социал-демократическая федерация», и несколько разрозненных групп и отдельных лиц, в том числе Виктор Грейсон, очень пылкий, но мало принципиальный и склонный к фразе социалист.

В приморском городке Блэкуле (Blackpool) состоялся 10—12 мая по новому стилю второй съезд Британской социалистической партии. Присутствовало всего 100 делегатов—менее трети полного числа делегатов, и это обстоятельство, в связи с ожесточенной борьбой большинства делегатов против старого правления партии, производило на сторонних наблюдателей тяжелое впечатление. Буржуазная же пресса Англии (точно так же, как буржуазная пресса России) старается выловить, раз-

малевать и раскричать эпизоды особенно острой борьбы партии с ее правлением.

Буржуазной прессе дела нет до и д е й н о г о содержания внутренней борьбы в социализме. Ей бы только сенсацию, да скандалчик попикантнее...

А идейное содержание борьбы внутри Б. С. П. (Британской социалистической партии) было очень серьезно. Во главе старого правления стоял один из основателей партии Гайндман. Он уже несколько лет действовал, не считаясь с партией, и даже прстив партии по важнейшему вопросу о вооружениях и войне. Гайндман забрал себе в голову, что Англии угрожает разгром и порабощение со стороны Германии и что поэтому социалисты должны защищать требование «соответствующего» (т.-е. сильного) флота для защиты Англии!

Социалисты в роли защитников «сильного» флота — и это в стране, флот которой помогает поработать и грабить самым бесстыдным крепостническим образом т р и с т а м и л л и о н о в населения в Индии, десятки миллионов в Египте и др. колониях.

Понятно, что английской буржуазии нравилась (консерваторам и либералам) эта причуда Гайндмана. Понятно также, что английские социал-демократы — к чести их надо сказать — не мирились с этим позором и безобразием, а горячо боролись с ним.

Борьба была долгая и упорная; были попытки компромисса, но Гайндман был неисправим. И большим плюсом надо считать для английского социализма, что на описываемом съезде Гайндману пришлось уйти из правления, состав правления вообще был на $\frac{3}{4}$ переделан (из 8 членов переизбраны только двое: Квельч и Эрвинг).

Съезд принял резолюцию против старого правления. Резолюция эта гласит:

«Съезд приветствует французских и немецких товарищей за их энергичную борьбу против усиления вооружения в их странах и обязывает Британскую социалистическую партию, как составную часть интернациональной социалистической партии, обязанную подчиняться резолюциям о войне, принятым в Штутгарте и затем в Базеле в 1912 году, — обязывает ее проводить такую же точно политику и в Великобритании, борясь всеми силами с ростом вооружений и стремясь к уменьшению теперешних безобразно-высоких расходов на вооружения».

Резолюция резкая. Но правду надо уметь говорить, хотя бы она была резка. Английские социал-демократы потеряли

бы право бороться с оппортунистами так называемой «независимой (от социализма, но зависимой от либералов) рабочей партии», если бы они не восстали резко против националистских грехов своего правления.

Пусть злобствует и фиглярствует буржуазная печать по поводу внутренней борьбы среди социал-демократов. Социал-демократы не считают себя святыми; они знают, что пролетариат не редко заражается той или иной грязной болезнью от окружающей его буржуазии, — это неизбежно в грязном, омерзительном капиталистическом обществе. Но социал-демократы умеют лечить свою партию прямой и безбоязненной критикой. И они вылечат ее, наверняка, и в Англии.

«Правда» № 109 (313)

от 14 мая 1913 г.

За подписью В.

Спорные вопросы.

Статья третья.

В предыдущей статье («Правда» № 95 (299) *) мы привели точные слова единогласного партийного решения относительно ликвидаторства, как проявления буржуазного влияния на пролетариат.

Решение это, как мы указали, принято было в я н в а р е 1910 г о д а. Посмотрим же теперь на поведение тех ликвидаторов, которые имеют мужество уверять теперь, будто не было и нет никакого ликвидаторства.

В ф е в р а л е 1910 года, в № 2 только что начавшего тогда выходить журнала «Наша Заря» г. Потресов писал прямо, что «н е т п а р т и и, как цельной и организованной иерархии» (т.-е. лестницы или системы) «учреждений», и что нельзя ликвидировать того, «ч е г о н а с а м о м д е л е у ж е н е т, как организованного целого» (см. стр. 61 «Нашей Зари» № 2, за 1910 год).

Это говорилось через месяц, а то и менее, п о с л е е д и н о г л а с н о г о решения партии!!

*) См. выше 90—93 стр. этого тома. Ред.

А в марте 1910 года другой журнал ликвидаторов, с теми же сотрудниками: Потресовым, Даном, Мартыновым, Ежовым, Мартовым, Левицким и К-о, именно журнал «Возрождение», подчеркивал и популярно объяснял слова г. Потресова:

«Ликвидировать нечего и,—прибавим мы (т.-е. редакция «Возрождения») от себя — мечта о восстановлении этой иерархии в ее старом, подпольном виде просто вредная, реакционная утопия, знаменующая потерю политического чутья у представителей самой реалистической когда-то партии» («Возрождение» 1910 г., № 5, стр. 51).

Партии нет и восстанавливать ее — вредная утопия,—вот ясные, определенные слова. Вот ясное и прямое отречение от партии. Отреклись (и приглашали рабочих отречься) такие люди, которые бросили подполье и «мечтали» об открытой партии.

Этот уход из подполья вполне определенно и открыто поддерживал далее П. Б. Аксельрод в 1912 году и в «Невском Голосе» (1912 г., № 6) и в «Нашей Заре» (№ 6, 1912 г.).

«Толковать при таком положении дел о нефракционности,—писал П. Б. Аксельрод, — значит уподобляться страусу, значит обманывать себя и других». «Фракционное оформление и сплочение является прямой обязанностью и неотложным долгом сторонников партийной реформы или вернее революции».

Итак, П. Б. Аксельрод — прямо за п а р т и й н у ю р е в о л ю ц и ю, то-есть за уничтожение старой партии и за основание новой партии.

В 1913 году в № 101 «Луча» в неподписанной редакционной передовице говорилось прямо, что «кое-где в рабочей среде даже оживают и крепнут симпатии к подполью» и что это «ф а к т п р и с к о р б н ы й». Автор этой статьи, Л. Седов, сам признал, что статья «вызвала неудовольствие» даже среди сторонников тактики «Луча» («Наша Заря» 1913 г., № 3, стр. 49). При этом объяснения самого Л. Седова были таковы, что они вызвали новое неудовольствие опять-таки сторонника «Луча», именно—Ана, который в № 181 «Луча» пишет против Седова. Ан протестует против допущения Седова, будто «подполье является препятствием к политическому оформлению нашего движения, к построению рабочей социал-демократической партии». Ан высмеивает Л. Седова, у которого получается «неопределенность» насчет того, желательно ли подполье.

Редакция «Луча» поместила к статье Ана обширное послесловие, в котором высказывается за Седова, находя Ана ²⁰⁾ «неправым в критике Л. Седова» *)

Мы разберем в своем месте и рассуждения редакции «Луча» и ликвидаторские ошибки у самого Ана. Сейчас речь не об этом. Сейчас мы должны внимательно оценить основной и главный вывод из приведенных нами документов.

Вся партия и в 1908 и в 1910 г.г. осуждает и отвергает ликвидаторство, объясняя подробно и отчетливо, в чем классовый источник и в чем опасность этого течения. В с е ликвидаторские газеты и журналы: и «Возрождение» (1909 — 1910), и «Наша Заря» (1910 — 1913), и «Невский Голос» (1912), и «Луч» (1912—1913 г.) **), в с е повторяют, п о с л е самых определенных и даже единогласных решений партии, такие мысли и рассуждения, которые содержат я в н о е ликвидаторство.

Несогласие с этими рассуждениями, с этой проповедью, в ы н у ж д е н ы заявить д а ж е с т о р о н н и к и «Л у ч а». Это факт. Следовательно, кричать о «травле» ликвидаторов, как делают Троцкий, Семковский и многие другие покровители ликвидаторства, прямо недобросовестно, ибо это — вопиющее извращение истины.

*) При перепечатке этой статьи в сборнике: «Марксизм и ликвидаторство» был вставлен след. абзац:

«В № 8 «Живой Жизни» (19 июля 1913 г.) В. Засулич писала: «трудно сказать, помогала или мешала... организация (т.-е. социал-демократическая партия)... работе»... Ясно, что эти слова равносильны отречению от партии. В. Засулич оправдывает бегство из партии, говоря: организации пустыли, «потому что в тот момент там нечего было делать». В. Засулич создает чисто анархическую теорию «широкого слоя» вместо партии (смотри подробный разбор этой теории в № 9 «Просвещения» за 1913 год¹⁹⁾). Р е д.

**) При перепечатке статьи в сборнике: «Марксизм и ликвидаторство» добавлено: „и «Новая Рабочая Газета»“ (1913—1914) с след. подстрочным примечанием:

«См., например, № 1 «Нашей Рабочей Газеты» за 1914 год, новогоднюю передовицу: «путь к открытой политической партии действия есть в то же время путь к партийному единству» (к единству строителей открытой партии?). Или № 5 за 1914 г.: «преодоление (всех тех препон, которые ставятся на пути к организации рабочих съездов) и есть не что иное, как самая до-подлинная борьба за свободу коалиций, т.-е. за легальность рабочего движения, тесно связанного с борьбой за открытое существование социал-демократической рабочей партии». Р е д.

Истина, доказанная приведенными мною документами за пять с лишним лет (1908 — 1913), состоит в том, что ликвидаторы продолжают, в насмешку над всеми решениями партии, поносить и травить партию, т.-е. «подполье».

Эту истину всякий рабочий, который хочет с а м разобраться со всей серьезностью в спорных и больших вопросах партии, с а м решить эти вопросы, — эту истину всякий рабочий должен усвоить прежде всего, приняв для этого самостоятельные меры для изучения и проверки приведенных решений партии и рассуждений ликвидаторов. Только тот заслуживает названия члена партии и созидателя рабочей партии, кто внимательно изучает, обдумывает и самостоятельно решает вопросы и с у д ь б ы своей партии. Нельзя относиться равнодушно к вопросу о том, партия ли «виновна» в «травле» (т.-е. в слишком резких и неверных нападках) ликвидаторов или ликвидаторы виновны в п р я м о м н а р у ш е н и и постановлений партии, в у п о р н о й п р о п о в е д и л и к в и д а ц и и, т.-е. р а з р у ш е н и я партии.

Ясно, что партия не может существовать, не борясь из всех сил с разрушителями партии.

Приведя документы по этому основному вопросу, мы перейдем в следующей статье к оценке и д е й н о г о содержания проповеди «о т к р ы т о й п а р т и и».

«Правда» № 110 (314)

от 15 мая 1913 г.

За подписью И.

Перепечатано в сборнике:

«Марксизм и ликвидаторство»,

часть II, под заголовком:

«Открытая партия и марксисты», III:

Отношение ликвидаторов

к решениям 1908 и 1910 годов.

Отсталая Европа и передовая Азия.

Сопоставление этих слов кажется парадоксом. Кто не знает, что Европа — передовая, Азия же отстала? Но в словах, взятых для заглавия настоящей статьи, есть горькая правда.

В цивилизованной и передовой Европе, с ее блестящей развитой техникой, с ее богатой всесторонней культурой и консти-

туцией, наступил такой исторический момент, когда командующая буржуазия, из страха перед растущим и крепнущим пролетариатом, поддерживает все отсталое, отмирающее, средневековое. Отживающая буржуазия соединяется со всеми отжившими и отживающими силами, чтобы сохранить колеблющееся наемное рабство.

В передовой Европе командует поддерживающая все отсталое буржуазия. Европа является передовой в наши дни не б л а г о д а р я буржуазии, а в о п р е к и ей, ибо один только пролетариат все увеличивает миллионную рать борцов за лучшее будущее, один только сохраняет и распространяет беспощадную вражду к отсталости, дикости, привилегиям, рабству и унижению человека человеком.

В «передовой» Европе п е р е д о в ы м классом является т о л ь к о пролетариат. А живая буржуазия готова на все дикости, зверства и преступления, чтобы отстоять гибнущее капиталистическое рабство.

И едва ли можно привести более разительный пример этого гниения в с е й европейской буржуазии, как поддержка его р е а к ц и и в Азии из-за корыстных целей финансовых дельцов и мошенников-капиталистов.

В Азии везде растет, ширится и крепнет могучее демократическое движение. Буржуазия там е щ е идет с народом против реакции. Просыпаются к жизни, к свету, к свободе с о т н и миллионов людей. Какой восторг вызывает это мировое движение в сердцах всех сознательных рабочих, знающих, что путь к коллективизму лежит через демократию! Каким сочувствием к молодой Азии проникнуты все честные демократы!

А «передовая» Европа? Она грабит Китай и помогает врагам демократии, врагам свободы в Китае!

Вот простой, но поучительный расчетец. Новый китайский заем заключен п р о т и в китайской демократии: «Европа» за Юаньшикая, готовящего военную диктатуру. Почему она за него? По случаю выгодного дельца. Заем заключен на сумму около 250 миллионов рублей по курсу 84 за 100. Это значит: буржуа «Европы» п л а т я т китайцам 210 миллионов; а с публики они берут 225 миллионов рублей. Вот вам сразу, в несколько недель чистая прибыль в 15 м и л л и о н о в р у б л е й! Неправда ли, какая это в самом деле «ч и с т а я» прибыль?

А если китайский народ не признает займа? В Китае ведь республика, и большинство в парламенте против займа?

О, тогда «передовая» Европа закричит о «цивилизации», «порядке», «культуре» и «отечестве»! Тогда она двинет пушки и задавит республику «отсталой» Азии в союзе с авантюристом, изменником и другом реакции Юаньшикаем!

Вся командующая Европа, вся европейская буржуазия в союзе со всеми силами реакции и средневековья в Китае.

Зато вся молодая Азия, то-есть сотни миллионов трудящихся в Азии, имеет надежного союзника в лице пролетариата всех цивилизованных стран. Никакая сила в мире не сможет удержать его победы, которая освободит и народы Европы, и народы Азии.

*«Правда» № 113 (317)
от 18 мая 1913 г.*

О беспомощности и растерянности.

(З а м е т к а.)

Причины распада и развала среди современных социал-демократов и «почти-социал-демократов» — не только внешние (преследования и пр.), но и внутренние. Громадное число старых «видных работников» совершенно растерялись, ровно ничего не поняли в новом положении вещей (контр-революция третьей ионьской системы) и беспомощным «метанием» сегодня влево, завтра вправо вносят безысходную путаницу во все, за что берутся.

Образец этой растерянности, беспомощности и путаницы — статья А. Власова в № 109 (195) «Луча».

В статье А. Власова нет ни единой мысли, ни единого живого слова. Сплошь — путаница и беспомощное ковыляние за ликвидаторами, при бессильных потугах отмежеваться от них. Неверно, что партия у нас создавалась иногда «раньше», «без самих рабочих», или что «деятельность подполья сводилась большей частью (!?) к отвлеченной (!?) пропаганде идей социализма». История старой «Искры» (1900 — 1903), создавшей программу и основы тактики партии, вполне опровергает это. Неверно,

что, задача партии теперь «открытая р а б о т а (!!?)», но тайная организация ее». Не понял А. Власов абсолютно, в чем ликвидаторское содержание лозунга «борьба за открытую партию», — хотя в № 108 (312) «Правды» это в десятый раз самым популярным образом разъяснено.

Неверно, что «Правда» советует «взять за образец работу старой партийной организации». «Необходимо начертать, хотя бы вкратце, характер деятельности этого (нового) подполья, т.-е. тактику» — с забавной важностью («мы, практики»!) говорит А. Власов. Партия уже в декабре 1908 года «начертала» свою тактику (а в 1912 и 1913 годах подтвердила и разъяснила) и свою организацию, указав ясно «о б р а з е ц» старых задач и новых форм подготовки. Если А. Власов до сих пор не понял этого, то пусть пеняет на себя: его участь — повторять обрывки ликвидаторства, спор с которым, кстати, идет вовсе не об «организационном вопросе».

*«Правда» № 115 (319)
от 21 мая 1913 г.
За подписью В. Ильин.*

Спорные вопросы.

(Статья четвертая.)

Мы показали в предыдущих статьях («Правда» №№ 289, 299, и 314 *) , что все марксисты и в 1908 и в 1910 г.г. бесповоротно осудили ликвидаторство, как отречение от прошлого. Марксисты разъяснили рабочему классу, что ликвидаторство есть проведение в пролетариат буржуазного влияния. А все ликвидаторские издания, с 1909 по 1913 год, вопиющим образом нарушали и нарушают решение марксистов.

Посмотрим на лозунг: «открытая рабочая партия» или «борьба за открытую партию», который до сих пор защищают ликвидаторы в «Луче» и в «Нашей Заре».

Является ли этот лозунг марксистским, пролетарским, или либеральным, буржуазным?

*) См. выше 83—87, 90—93 и 113—116 стр. этого тома. Ред.

Ответа на этот вопрос надо искать не в направлениях и не в планах ликвидаторов или других групп, — а в анализе соотношения общественных сил России переживаемой нами эпохи. Значение лозунгов определяется не намерениями их авторов, а именно соотношением сил в с е х классов страны.

Крепостники-помещики и их «бюрократия» враждебны всяким изменениям в духе политической свободы. Это понятно. Буржуазия, по своему экономическому положению в отсталой и полукрепостной стране, не может не стремиться к свободе. Но буржуазия боится народной активности б о л ь ш е, чем реакции. Эту истину особенно наглядно доказал 1905 год; ее прекрасно понял рабочий класс; ее не поняли только оппортунистические и полулиберальные интеллигенты.

Буржуазия — либеральна и контр-революционна. Отсюда ее до смешного бессильный жалкий р е ф о р м и з м. Мечты о реформах — и боязнь сосчитаться серьезно с крепостниками, которые не только не дают реформ, а даже отбирают назад уже данные. Проповедь реформ — и боязнь народного движения. Стремление отеснить крепостников — и боязнь потерять их помощь, боязнь потерять с в о и привилегии. На этом соотношении классов построена система 3 июня, дающая всевластие крепостникам и привилегии буржуазии.

Классовое положение пролетариата совершенно исключает для него возможность «делиться» привилегиями или б о я т ь с я потери их кем бы то ни было. Поэтому корыстно-узкий, убогий и тупоумный реформизм совершенно чужд пролетариату. А крестьянская масса, — с одной стороны, безмерно угнетенная и вместо привилегий видящая голодовки, а с другой стороны, безусловно мелко-буржуазная, — колеблется неизбежно между либералами и рабочими.

Таково объективное положение.

Из этого положения вытекает с очевидностью, что лозунг открытой рабочей партии, по своему классовому происхождению, есть лозунг контр-революционных либералов. В нем нет ничего, кроме реформизма; — нет и намек на то, что пролетариат, единственный вполне демократический класс, сознает свою задачу борьбы с либералами за влияние на всю демократию; — нет и мысли об устранении самой основы каких бы то ни было привилегий крепостников, «бюрократии» и т. д.; — нет мысли об общих устоях политической свободы и демократической консти-

туции; — в нем есть зато молчаливое отречение от старого, а следовательно, ренегатство и распускание (ликвидация) рабочей партии

Говоря короче: этот лозунг несет в рабочую среду в эпоху контр-революции проповедь именно того, что делает в своей среде либеральная буржуазия. Поэтому, если бы ликвидаторов не было, то умные буржуа-прогрессисты должны бы были отыскать или нанять интеллигентов для несения в рабочий класс такой проповеди!

Только безголовые люди могут сравнивать слова ликвидаторов с мотивами ликвидаторов. Надо сравнивать их слова с делами либеральной буржуазии и с ее объективным положением

Взгляните на эти дела. В 1902 году буржуазия — за подполье. Струве послан ею издавать подпольное «Освобождение». Когда рабочее движение приводит к 17 октября, либералы и кадеты бросают подполье, а затем отрекаются от него, объявляют его ненужностью, безумием, грехом и безбожием («Вехи»)*. Вместо подполья у либеральной буржуазии является борьба за открытую партию. Это — исторический факт, подтверждаемый неустанными попытками легализации кадетов (1905—1907) и прогрессистов (1913).

У кадетов мы видим «открытую работу и тайную организацию ее»; добренький, т.-е. бессознательный, ликвидатор А. Власов только пересказал «своими словами» дела кадетские.

Почему же либералы отреклись от подполья и приняли лозунг «борьбы за открытую партию»? Не потому ли, что Струве — изменник? Нет. Как раз наоборот. Струве переметнулся, потому что повернула вся буржуазия. А она повернула, 1) ибо получила привилегии и 11 декабря 1905 г. и даже 3 июня 1907 года получила положение терпимой оппозиции; 2) ибо сама смертельно испугалась народного движения. Лозунг «борьба за открытую партию» в переводе с «высокой политики» на простой и наглядный язык, значит вот что:

*) При перепечатке статьи в сборнике: «Марксизм и ликвидаторство» вместо слова «Вехи» стоит подстрочное примечание:

«Есть «замечательная книга» «Вехи»; выдержавшая массу изданий и дающая прекрасную сводку этих идей контр-революционного либерализма». Р е д.

— Господа помещики! не думайте, что мы вас сжить со свету хотим. Нет. Подвиньтесь чуточку, чтобы и нам, буржуа, сидеть можно было (открытая партия), — мы тогда вас будем защищать впятеро «умнее», хитрее, «научнее», чем Тимошкины и саблевровские батюшки.

Подражая кадетам, лозунг «борьбы за открытую партию» приняли именно буржуа, народники. В августе 1906 года г. Пешехонов и К-о «Русского Богатства» отрекаются от подполья, провозглашают «борьбу за открытую партию», урезают из своей программы последовательно-демократические, «подпольные», лозунги.

В результате реформистской болтовни этих мещан о «широкой и открытой партии», они, явно для всех, остались без всякой партии, без всякой связи с массами, а кадеты бросили даже и мечтать о такой связи.

Так и только так, через анализ положения классов, через общую историю контр-революции, можно притти к пониманию ликвидаторства. Ликвидаторы, это — мелко-буржуазные интеллигенты, посланные буржуазией нести либеральный разврат в рабочую среду. Ликвидаторы — изменники марксизма и изменники демократии. Лозунг «борьбы за открытую партию» у них (как и у либералов, так и у народников) есть прикрытие отречения от прошлого и разрыва с рабочим классом. Это — факт, доказанный выборами по рабочей курии в IV Думу и историей возникновения рабочей газеты «Правда». Связь с массами, явно для всех, оказалась только у людей, которые от прошлого не отрекались и исключительно в его духе, для его усиления, укрепления и развития, умели использовать «открытую работу» и всяческие «возможности».

В эпоху третьей юньской системы это и не могло быть иначе.

Об «урезывании» программы и тактики ликвидаторами (т.-е. либералами) мы поговорим в следующей статье.

«Правда» № 123 (327)

от 30 мая 1913 г.

За подписью В. И.

Перепечатано в сборнике:

«Марксизм и ликвидаторство»,

часть II, под заглавием:

«Открытая партия и марксисты», IV:

«Классовое значение ликвидаторства».

Фабриканты о рабочих стачках.

В типографии П. П. Рябушинского в Москве вышла в свет интересная книга под заглавием «Общество заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района в 1912 году» (Москва, 1913 г.). Цены не показано. В продажу г.г. фабриканты не желают пускать своих изданий.

Председатель общества, Юлий Петрович Гужон, открывая 30 января того же года годовичное собрание общества, приветствовал промышленников «с началом седьмого операционного года» их организации и восклицал, что г.г. промышленники «единством своим создали себе представление о могуществе корпорации промышленников, с которой нельзя не считаться». «Ныне укрепление престижа этого могущества должно составить главную задачу новых членов общества»,—говорил г. Гужон.

Речь, как видите, не очень грамотная, похожая на речь какого-нибудь военного писаря, но зато полная амбиции.

Посмотрим на фактические отделы книги. Более третьей части ее (стр. 19—69) составляет отдел, посвященный с т а ч к а м. Общее число рабочих, бастовавших в 1912 году, г.г. промышленники определяют следующим образом:

К а т е г о р и я с т а ч е к .	Число бастовавших рабочих	
	1912 г.	1911 г.
Экономические	207.720	96 730
В том числе:		
Металлич. промышленности	64.200	17.920
Текстильн. » . .	90.930	51.670
Проч. отрасли » . .	52.590	27.140
Политические	855.000	8.380
В том числе:		
По поводу ленских событий	215.000	
Празднования 1 мая	300.000	
Осенние политические стачки	340.000	
В с е г о	1.062.720	105.110

Легко видеть, что данные господ промышленников п р е у м е н ь ш е н ы. Но мы не будем пока останавливаться на этом (опущена ленская стачка шести тысяч рабочих, ибо ленские

прииски не подлежат надзору фабричной инспекции), а присмотримся к фабрикантской статистике.

Число бастовавших за 1912 год рабочих составляет б о л е е п о л о в и н ы всего числа рабочих в России, именно 51,7 процента. В том числе экономические стачки дают д е с я т ы у часть рабочих (10,1 процента), а политические—ч е т ы р е д е с я т ы х (41,6 процента).

«Характерным для минувшего года,—пишут г.г. фабриканты,—был необыкновенный рост числа политических стачек, которые то-и-дело прерывали нормальный ход работ и держали всю промышленность в напряженном состоянии». Следует перечисление важнейших стачек второй половины года: август—в Риге против лишения рабочих избирательных прав; сентябрь—в Варшаве по поводу событий в Кутомарах на каторге; октябрь—в Петербурге по поводу кассации выборов уполномоченных, в Ревеле—в память событий 1905 года, в Петербурге по поводу известного приговора по делу матросов военного флота; ноябрь—в Петербурге по поводу севастопольского приговора и в день открытия Думы, затем одна стачка по поводу двухлетней годовщины смерти Л. Толстого; декабрь—в Петербурге по поводу назначения рабочих в страховые учреждения ²¹⁾. Отсюда г.г. фабриканты делают вывод:

«Частота следующих одна за другой демонстративных забастовок, необычайное разнообразие и различный удельный вес мотивов, по которым рабочие считали нужным прервать работы, свидетельствует не только о сильном сгущении политической атмосферы, но и о падении фабрично-заводской дисциплины». Следуют обычные угрозы «суровыми мерами»: штрафами, отменой наград, локаутами. «Интересы отечественного производства,—заявляют фабриканты,—настойчиво требуют подъема заводской дисциплины на ту высоту, на которой она находится в западно-европейских странах».

Господа фабриканты желают поднять до «западной» высоты «дисциплину», но о таком же поднятии «политической атмосферы» думать не желают!..

Откладываем до следующих статей данные о распределении стачечников по районам, по отраслям промышленности, по успешности результатов стачек

«Правда» № 123 (327)

от 30 мая 1913 г.

За подписью В. И.

Спорные вопросы.

(Статья пятая.)

В предыдущей статье («Правда» № 123) *) мы рассмотрели объективное, т.-е. определяемое отношением классов, значение лозунга «открытая партия» или «борьба за открытую партию». Этот лозунг есть рабское повторение тактики буржуазии, для которой он является правильным выражением ее отречения от революции или ее контр-революционности.

Рассмотрим некоторые, особенно ходкие у ликвидаторов попытки защищать лозунг «борьбы за открытую партию». И Маевский, и Седов, и Дан, и все «лучисты» стараются смешать открытую партию с открытой работой или деятельностью. Такое смешение есть прямо софистика, игра, обман читателя.

Во-первых, открытая деятельность социал-демократии для периода 1904—1913 г.г. есть факт. Открытая партия есть фраза интеллигентов, прикрывающая отречение от партии. Во-вторых, партия неоднократно осуждала ликвидаторство, т.-е. лозунг открытой партии. Но партия не только не осуждала открытой деятельности, а напротив—осуждала тех, кто забрасывает ее или отрекается от нее. В-третьих, в 1904—1907 годах открытая деятельность была особенно развита у всех социал-демократов. Но ни одно течение, ни одна фракция социал-демократов не выдвигала тогда лозунга «борьбы за открытую партию»!

Это—исторический факт. Над ним надо подумать тем, кто хочет понять ликвидаторство.

Мешало ли открытой деятельности в 1904—1907 г.г. отсутствие лозунга «борьбы за открытую партию»? Нисколько.

Почему у социал-демократов не возникало тогда подобного лозунга? Именно потому, что тогда еще не было разгула контр-революции, увлекшей часть социал-демократов в оппортунизм крайней степени. Тогда слишком ясно было, что лозунг «борьбы за открытую партию» есть оппортунистическая фраза, есть отречение от «подполья».

*) См. выше 119—122 стр. этого тома. Ред.

Вникните же, господа, в смысл этого исторического поворота: в эпоху 1905 года, при блестящем развитии открытой деятельности, нет лозунга «борьбы за открытую партию»; в эпоху контр-революции, при более слабом развитии открытой деятельности, появляется у части социал-демократов (вслед за буржуазией) лозунг отречения от «подполья» и «борьбы за открытую партию».

Неужели смысл и классовое значение такого поворота могут еще быть неясны?

Наконец, четвертое и самое главное обстоятельство. Открытая деятельность возможна (и наблюдается) двоякая, в двух диаметрально противоположных направлениях: такая, которая ведется в защиту старого и целиком в духе его, во имя его лозунгов и тактики, и такая, которая ведется против старого, во имя отречения от него, умаления его роли, его лозунгов и так далее.

Наличность этих двух, принципиально враждебных и непримиримых видов открытой деятельности есть самый бесспорный исторический факт для эпохи 1906 года (кадеты и г. Пешехонов с К-о) до 1913 года («Луч», «Наша Заря»). Можно ли поэтому без улыбки слушать простачка (или человека, прикидывающегося на время простачком), когда он говорит: о чем тут спорить, ежели и те и другие ведут открытую деятельность? Именно о том тут спорят, любезнейший, в защиту ли «подполья» и в его духе, или в умаление его, против него, не в его духе следует вести эту деятельность! Спор идет только—воего «только!»—о том, в либеральном или в последовательно-демократическом духе ведется данная открытая работа. Спор идет «только» о том, возможно ли ограничиваться открытой работой: вспомните г. либерала Струве, который не ограничивался ею в 1902 году и вполне «ограничился» в 1906—1913 годах!

Наши ликвидаторы из «Луча» никак не могут понять, что лозунг «борьбы за открытую партию» есть проведение в рабочую среду либеральных (струвенских) идей, принаряженных в лоскутья «почти марксистских» словечек.

Или вот возьмите рассуждение самой редакции «Луча» в ее ответе Ану (№ 181):

«...Социал-демократическая партия не исчерпывается теми немногими товарищами, которых действительность вынуждает работать в подполье. Ведь, если бы подпольем исчерпывалась

п а р т и я, то сколько же членов она насчитывала бы? 2—3 сотни? А куда же делись бы те тысячи, если не десятки тысяч рабочих, которые фактически на своих плечах выносят всю социал-демократическую работу?»

Для думающего человека одного этого рассуждения достаточно, чтобы признать его авторов либералами. Во-первых, они говорят заведомую неправду о «подполье»; в нем далеко не «сотни». Во-вторых, везде в мире число членов партии «у з к о» по сравнению с числом рабочих, ведущих социал-демократическую работу. Например, в Германии в социал-демократической партии только 1 миллион членов, а голосов за социал-демократов подают около 5 миллионов, пролетариев же около 15 миллионов. Пропорция числа членов партии к числу социал-демократов определяется в разных странах различием исторических условий. В-третьих, ничего другого, заменяющего «подполье», у нас нет. Значит, «Луч» п р о т и в партии ссылается на б е с п а р т и й н ы х или в н е п а р т и й н ы х рабочих. Это и есть обычный прием либерала, старающегося отколоть массу от ее с о з н а т е л ь н о г о передового отряда. «Луч» не понимает отношения партии к классу, как не понимали этого «экономисты» 1895—1901 годов. В-четвертых, «социал-демократическая работа» пока у нас только тогда есть действительно с о ц и а л - д е м о к р а т и ч е с к а я работа, когда она ведется в д у х е старого, во имя его лозунгов.

Рассуждения «Луча» есть рассуждения либеральных интеллигентов, которые, не желая войти в действительно существующую, партийную организацию, пытаются р а з р у ш и т ь эту организацию, натравливая на нее беспартийную, распыленную, малосознательную толпу. Так поступают и немецкие либералы, говорящие, что социал-демократы не представители пролетариата, ибо у них «только» пятнадцатая часть в «партии»!

Возьмите еще более обычное рассуждение «Луча»: «мы» за открытую партию, «как и в Европе». Либералы и ликвидаторы хотят конституции и открытой партии, «как в Европе» с е г о д н я: но они не хотят того пути, которым Европа пришла к этому сегодня.

Ликвидатор и бундист Коссовский в «Луче» учит нас примеру австрийцев. Он забывает только, что у австрийцев конституция есть с 1867 г о д а, и ее не могло быть без: 1) движения 1848 года, 2) без глубокого государственного кризиса 1859—1866 годов,

когда слабость рабочего класса позволила Бисмарку и К-о выпутаться посредством знаменитой «революции сверху». Что же выходит из поучений Коссовского, Дана, Ларина и всех «лучистов»?

Только то, что они помогают разрешению нашего кризиса в духе непременно «революции сверху»! Но подобная их работа и есть «работа» Столыпинской рабочей партии.

Куда ни кинь — везде мы видим у ликвидаторов отречение и от марксизма, и от демократии

В следующей статье мы рассмотрим подробно их рассуждение о необходимости урезать наши, социал-демократические, лозунги.

«Правда» № 124 (328)

от 31 мая 1913 г.

За подписью И.

Перепечатано в сборнике:

*«Марксизм и ликвидаторство»,
часть II, под заголовком:*

*«Лозунг „борьбы за открытую
партию“».*

Спорные вопросы.

Статья шестая.

Нам предстоит рассмотреть урезывание марксистских лозунгов у ликвидаторов. Лучше бы всего взять для этого решения их августовской конференции, но по понятным причинам разбор этих решений возможен только в зарубежной печати. Здесь же приходится взять «Луч», который в статье Л. С. (№ 108—194) дал замечательно точное изложение всей сути, всего духа ликвидаторства.

Господин Л. С. пишет:

«...Депутат Муранов пока признает только три частичных требования, те три кита, на которых, как известно, была основана избирательная платформа ленинцев: полная демократизация государственного строя, восьмичасовой рабочий день и передача земли крестьянам. На этой точке зрения продолжает стоять и «Правда». Между тем мы, как и вся европейская социал-демократия» (читай: «мы, как и Милюков, уверяющий, что у нас есть, слава богу, конституция») «в выдвигании частичных требований видим агитационное средство, которое только тогда может иметь успех, когда оно

считается с повседневной борьбой рабочих масс. Только то, что, с одной стороны, имеет принципиальное значение для дальнейшего развития рабочего движения, а с другой, может стать злободневным для массы—мы считаем возможным выдвинуть, как именно то частичное требование, которое в данный момент должно сосредоточить на себе внимание социал-демократии. Из трех требований, выдвигаемых «Правдой», только одно—восьмичасовой рабочий день—играет и может играть роль в повседневной борьбе рабочих. Другие два требования в данный момент могут служить предметом пропаганды, но не предметом агитации. О разнице между пропагандой и агитацией смотри блестящие страницы в брошюре «Борьба с голодом» Г. В. Плеханова» (не туда попал Л. С.: ему «больно» вспомнить полемику Плеханова в 1899—1902 г.г. с «экономистами», коих Л. С. переписывает!).

«Кроме восьмичасового рабочего дня таким частичным требованием, выдвинутым как потребностями рабочего движения, так и всем ходом русской жизни, является требование свободы коалиции, свободы всяческой организации, с относящейся сюда свободой собраний и слова, устного и печатного».

Вот вам тактика ликвидаторов. «Злободневным для массы», изволите видеть, не является; «потребностями рабочего движения» и «всем ходом русской жизни» не выдвигается—ни то, что Л. С. описывает словами «полная демократизация и т. д.», ни то, что он называет «передачей земли крестьянам»! Как стары эти рассуждения и как они знакомы тем, кто помнит и с т о р ю русской марксистской практики, ее многолетнюю борьбу с «экономистами», отрекавшимися от задач демократии! Как талантливо переписывает «Луч» взгляды Прокоповича и Кусковой, пытавшихся т о г д а увлечь рабочих на либеральный путь!

Но разберем внимательнее рассуждение «Луча». С точки зрения здравого смысла это рассуждение прямо каксе-то сумасшедшее. Неужели, в самом деле, можно, не сойдя с ума, утверждать, что указанное «крестьянское» (т.-е. в пользу крестьян направленное) требование не «злободневно для массы»? не «выдвигается потребностями рабочего движения и всем ходом русской жизни»? Это не только неправда, это—вопиющая нелепость. Вся история XIX века в России, весь «ход русской жизни» в ы д в и н у л и этот вопрос, с д е л а л и его злободневным и злободневнейшим, это отразилось и на в с е м законодательстве России. Как мог «Луч» притти к такой чудовищной неправде?

Он должен был притти к ней, ибо «Луч» поработен л и б е р а л ь н о й политикой, а либералы верны себе, когда они отвергают (или отодвигают—подобно «Лучу») крестьянское требова-

ние. Либеральная буржуазия делает это, ибо ее классовое положение заставляет ее подлаживаться к помещикам и быть против народного движения.

«Луч» несет рабочим идеи либеральных помещиков и совершает измену по отношению к демократическому крестьянству.

Далее. Неужели «злободневна» только свобода союзов? а неприкосновенность личности? а отмена усмотрения и произвола? а всеобщее и т. д. избирательное право? а единая палата? и т. д.? Всякий грамотный рабочий, всякий, помнящий недавнее прошлое, прекрасно знает, что все это—злободневно. В тысячах статей и речей все либералы признают, что все это—злободневно. Почему же «Луч» объявил злободневной одну, хотя бы и важнейшую и з с в о б о д у, а коренные условия политической свободы, демократии, конституционного строя вычеркнул, отодвинул, сдал в архив «пропаганды», убрал прочь из агитации?

Потому и только потому, что «Луч» не приемлет н е п р и е м л е м о г о д л я л и б е р а л о в.

С точки зрения злободневности для масс потребностей рабочего движения и хода русской жизни нет разницы между тремя требованиями Муранова и «Правды» (скажем так для краткости: требования последовательных марксистов). И рабочие, и крестьянские, и обще-политические требования о д и н а к о в о злободневны для масс, о д и н а к о в о выдвинуты и потребностями рабочего движения, и «всем ходом русской жизни». С точки зрения «частичности», любезной нашему поклоннику умеренности и аккуратности, все три требования также одинаковы: они «частичны» по отношению к конечному, но они очень высоки по отношению, например, к «Европе» вообще.

Почему же «Луч» принимает 8-ми часовой рабочий день и отвергает остальное? Почему он решил за рабочих, что 8-ми часовой рабочий день «играет роль» в их повседневной борьбе, а обще-политические и крестьянские требования не играют такой роли? Факты говорят нам, с одной стороны, что рабочие в повседневной борьбе выдвигают и общеполитическое и крестьянские требования,—а с другой стороны, что б о р ю т с я они часто за более скромные сокращения рабочего дня.

В чем же дело?

Дело в реформизме «Луча», который эту свою либеральную ограниченность с в а л и в а е т, по обычаю, на «массы», на «ход истории» и пр.

Реформизм вообще состоит в том, что люди ограничиваются агитацией за изменения, не требующие устранения главных основ старого, господствующего класса,—изменения, с о в м е с т и м ы е с с о х р а н е н и е м этих основ. Восьмичасовой рабочий день совместим с сохранением власти капитала. Русские либералы, чтобы привлечь рабочих, сами готовы подписать («по возможности») это требование. Те же требования, за которые «агитировать» «Луч» не желает, н е с о в м е с т и м ы с сохранением основ докапиталистического, крепостнического времени.

«Луч» изгоняет из агитации именно то, что неприемлемо для либералов, не желающих устранения помещичьей власти, но желающих только дележа власти и привилегий. «Луч» изгоняет именно то, что несовместимо с точкой зрения реформизма.

Вот где зарыта собака.

Ни Муранов, ни «Правда», ни все марксисты не отвергают частичных требований. Это—пустяки. Пример—страхование. Мы отвергаем о б м а н народа посредством болтовни о частичных требованиях, посредством р е ф о р м и з м а. Мы отвергаем, как утопический, корыстно-лживый, построенный на конституционных иллюзиях, полный духа раболепства перед помещиками, л и б е р а л ь н ы й р е ф о р м и з м в современной России. Вот в чем соль, которую запутывает, запрятывает «Луч» фразами о «частичных требованиях» вообще, хотя сам признает, что и Муранов и «Правда» не отвергают известных «частичных требований».

«Луч» урезывает марксистские лозунги, подгоняет их под узкую, реформистскую, либеральную мерку, проводя таким образом буржуазные идеи в рабочую среду.

Борьба марксистов с ликвидаторами есть не что иное, как выражение борьбы передовых рабочих с либеральными буржуа из-за влияния на народные массы, из-за политического просвещения и воспитания их.

«Правда» № 126 (330)

от 2 июня 1913 г.

За подписью В. Ц.

Капитализм и налоги.

В журнале «Новый Экономист» (1913, № 21), издаваемом господином П. Мигулиным при участии объединенных октябристов и кадетов, находим интересную заметку о подоходном налоге в Соединенных Штатах.

По проекту, освобождаются от этого налога все доходы, не превышающие 4.000 долларов (8.000 рублей). С суммы доходов, превышающих 4.000 долларов, предположено взимать налогу по 1 проценту, — с сумм, превышающих 20.000, — по 2 процента и так далее, с небольшим повышением процента по мере увеличения дохода. Проектируется, следовательно, прогрессивно-подоходный налог, но с чрезвычайно медленной прогрессией, так что владелец, например, миллионного дохода платит в общем менее 3 процентов.

Проект рассчитывает, что этот налог даст с 425.000 владельцев, имеющих дохода выше 4.000 долларов, — 70 миллионов долларов (около 140 миллионов рублей), и октябристско-кадетская редакция «Нового Экономиста» замечает по этому поводу:

«По сравнению с 700 миллионов рублей таможенных доходов и 500 миллионов рублей акцизных сборов, ожидаемое поступление от подоходного налога в 140 миллионов рублей незначительно и не поколеблет значения косвенного обложения».

Жаль, что наши либерально-буржуазные экономисты, на словах готовые признать и даже в программе написать подоходно-прогрессивный налог, не пожелали заявить определенно и точно, какие же размеры подоходного налога они считают обязательными?

Такие ли, чтобы значение косвенного обложения было только поколеблено и насколько именно поколеблено, или же такие, чтобы косвенное обложение было совсем отменено?

Американская статистика, затронутая «Новым Экономистом», дает поучительную иллюстрацию к этому вопросу.

По данным проекта видно, что сумма доходов у 425.000 капиталистов (при налоге в 70 миллионов долларов) определяется в 5.413 миллионов долларов. Преуменьшение тут явное: имеющих доход свыше одного миллиарда показано 100 лиц и доход их принят в 150 милл. долл. Известно, что десяток американских миллиардеров получает дохода несравненно больше.

Министр финансов в Америке желает быть «вежливым» с миллиардерами...

Но и эти чрезмерно «вежливые» к капиталистам данные показывают замечательную картину. В Америке статистика считает всего 16 миллионов семей. Из них значит менее половины принадлежат к капиталистам. Остальная масса — наемные рабы или задавленные капиталом мелкие земледельцы и т. п.

Размер дохода трудящихся масс в Америке определен статистикой довольно точно для целого ряда лиц. Например, 6.615.046 промышленных рабочих получали (в 1910 г.) 3.427 милл. долл., т.-е. по 518 долларов (1.035 руб.) на рабочего. Затем, 1.699.420 железо-дорожных рабочих получали 1.144 м. д. (по 673 доллара на одного). Далее, 523.210 народных учителей получали 254 м. д. (по 483 доллара на одного).

Соединяя вместе эту массу трудящихся и округляя цифры, получаем:

рабочих	8.800.000	с 4.800 милл. долл. дохода
		по 550 долл. на одного.
капиталистов....	500.000	с 5.500 милл. долл. дохода
		по 11.000 долл. на одного.

Полмиллиона семей капиталистов получают дохода больше, чем почти 9 миллионов семей рабочих. Какова же, спрашивается, роль косвенного обложения и проектируемого подоходного налога?

Косвенное обложение дает 1.200 миллионов рублей, т.-е. 600 миллионов долларов. На одну семью приходится в Америке косвенных налогов по 75 рублей (37 с половиной долларов). Сравним это обложение с доходом капиталистов и рабочих:

	Миллионов семей.	Всего дохода.	Всего косвенных налогов.	% налогов к доходу.
		(Миллионы долларов).		
Рабочие	8,8	4.800	330	7
Капиталисты	0,5	5.500	19	0,36

Мы видим, что косвенных налогов рабочие платят по 7 копеек с рубля, а капиталисты по одной трети копейки. Рабочие платят пропорционально в 20 раз больше капиталистов. Система косвенных налогов неизбежно создает такой «порядок» (весьма беспорядочный порядок) во всех капиталистических странах.

Если бы капиталисты платили одинаковый процент дохода, как и рабочие, то с капиталистов следовало бы взять налога не 19, а 385 миллионов долларов.

Много ли изменяет дело такой прогрессивно-подоходный налог, который проектируют в Америке? Очень немного. С капиталистов взяли бы тогда 19 миллионов долларов косвенных налогов + 70 миллионов долларов подоходного налога, т.-е. всего 89 миллионов долларов или всего полтора процента дохода!!

Разделим капиталистов на средних (доход 4 — 10 тысяч долларов, т.-е. 8 — 20 тысяч рублей) и богатых (доход выше 20 тысяч рублей). Получим: средние капиталисты 304.000 семей дохода — 1.813 м. д., богатые капиталисты — 121.000 семей, дохода — 3.600 м. д

Если бы средние капиталисты платили столько, сколько теперь платят рабочие, т.-е. по 7 процентов с дохода, это дало бы около 130 миллионов долларов. А 15 процентов с дохода богатых капиталистов дали бы 540 миллионов долларов. Общая сумма более чем покрывала бы все косвенные налоги. При этом капиталисты имели бы, за вычетом подоходного налога — средний по 11 тысяч рублей дохода, а богатый по 50 тысяч рублей дохода.

Мы видим, что требование социал-демократов — полная отмена всех косвенных налогов и замена их настоящим, а не игрушечным, прогрессивно-подоходным налогом — вполне осуществимо. Такая мера, не затрагивая основ капитализма, дала бы сразу громадное облегчение девяти десятым населения; а, во-вторых, послужила бы гигантским толчком к развитию производительных сил общества вследствие роста внутреннего рынка и вследствие избавления государства от нелепых стеснений экономической жизни, вводимых для взимания косвенных налогов.

Защитники капиталистов обычно указывают на трудность учета больших доходов. На самом же деле, при современном развитии банков, сберегательных касс и т. д. эти трудности совершенно вымышленные. Единственная трудность — классовая корысть капиталистов и существование недемократических учреждений в политическом строе буржуазных государств.

«Правда» № 129 (333)

от 7 июля 1913 г.

За подписью В. Ильин.

Экономические заметки.

Экономические стачки в 1912 и в 1905 годах.

Статистика экономических стачек, составленная обществом заводчиков и фабрикантов Московского района, дает возможность провести некоторые параллели между 1912-ым и 1905-ым годами. Мы должны при этом ограничиться тремя группами производств: металлисты, текстильщики и «прочие», ибо более подробных подразделений статистика общества фабрикантов не дает.

Вот параллельные данные:

	Число бастовавших рабочих (экономические стачки)		
	за 1905 г.	за 1911 г.	за 1912 г.
Металлисты.....	230.216	17.920	78.195
Текстильщ.....	559.699	59.950	89.540
Прочие.....	230.527	18.880	43.860
Всего.....	1.020.442	96.750	211.595

Данные за 1905 год касаются только чисто экономических стачек; опущены смешанные, и политические и экономические, стачки. Данные за 1911 и 1912 годы, видимо, очень неполны.

Сравнение этих данных показывает нам, что в 1911 году стачечная энергия текстильщиков была выше, чем металлистов и «прочих», — если взять за исходный пункт движение 1905 года. Текстильщики дали в 1911 году значительно более половины общего числа стачечников и более чем втрое против металлистов. В 1905 году число бастовавших текстильщиков только в $2\frac{1}{2}$ раза превышало число стачечников металлистов.

Что касается «прочих», то число стачечников у них и у металлистов указывается приблизительно одинаковым и в 1905 и в 1911 годах.

Наоборот, в 1912 году металлисты делают поразительно быстрое движение вперед, далеко оставляя позади «прочих» и почти догоняя текстильщиков.

Число бастовавших металлистов в 1912 году более чем вчетверо превышает соответственное число за 1911 год.

За тот же срок число стачечников у текстильщиков повысилось всего в полтора раза (с 60 тысяч до 89 тысяч), а прочих—в $2\frac{1}{2}$ раза.

Следовательно, металлисты превосходно использовали выгодные для них условия рынка в 1912 году. Поощренные победами 1911 года, они перешли в еще более широкое и решительное наступление.

Рабочие в «прочих» отраслях промышленности тоже имели выгодное положение в 1912 году. Их экономическая борьба была еще успешнее, чем металлистов. Но они использовали свое выгодное положение хуже, чем металлисты.

Положение текстильщиков в 1912 году было наихудшим из всех отраслей производства; их экономическая борьба была наименее успешна. Соответственно этому всего медленнее увеличивалось у них число стачечников.

Фабриканты Московского района надеются, что в 1913 году стачечная волна будет слабее. В их отчете за 1912 год мы читаем: «в текстильной промышленности положение уже достаточно определилось; вплоть до выяснения нового урожая деятельность фабрик будет идти замедленным темпом, и стачки рабочих при таких условиях были бы совершенно безрассудны».

Посмотрим, насколько оправдывается это предположение. Во всяком случае и 1912 год и начало 1913 показали, что экономические стачки составляют лишь небольшую долю в сей «стаечной волне».

«Правда» № 130 (334)

от 8 июня 1913 г.

За подписью В. И.

Экономические заметки.

Рост капиталистического богатства

Капиталисты не любят откровенничать насчет своих доходов. «Коммерческая тайна» блюдется строго, и непосвященным проникнуть в «секреты» того, как создаются богатства, очень трудно. Частная собственность священна: никто не может вмешиваться в дела собственника. Таков принцип капитализма.

Но капитал давно уже перерос рамки частной собственности и привел к образованию акционерных предприятий. Сотни и

тысячи неизвестных друг другу акционеров составляют единое предприятие; и господам частным собственникам пришлось не раз обжечься, когда «коммерческой тайной» прикрывались ловкие дельцы, очищавшие карманы своих товарищей по предприятию.

Священная частная собственность должна была пожертвовать частичкой своей святости: пришлось законом обязать акционерные предприятия вести правильную отчетность и публиковать главные итоги своей отчетности. Конечно, надувание публики от этого не прекратилось, а только приняло иные формы, стало более хитрым. Крупный капитал, присоединяя к себе по мелочам небольшие капиталы разбросанных по всем концам мира акционеров, стал еще могущественнее. Посредством акционерных обществ миллионер распоряжается теперь не только своим миллионом, но и добавочным капиталом, скажем, в 800 тысяч рублей, собранным, может быть, с 8000 мелких хозяйчиков.

Но зато и нелепость капитализма становится все яснее и нагляднее для масс населения.

Вот, например, итоги опубликованных отчетов страховых обществ в России за 10 лет, с 1902 по 1911 год.

Акционерный капитал был в 1902 году $31\frac{1}{3}$ миллиона рублей (в 21 акционерном предприятии), а в 1911 г. (тоже 21 предприятие) — 34,8 миллиона рублей. Обыкновенно бывает так, что большая часть капитала принадлежит горстке миллионеров. Может быть, 10 или 20 тузов имеют акции на 18 миллионов рублей и, будучи в большинстве, распоряжаются бесконтрольно остальными 13 или 16 миллионами «мелких» акционеров.

Профессора, защитники капитализма, болтают об увеличении числа собственников при виде роста числа мелких акционеров. А на деле растет власть (и доход) тузов-миллионеров над капиталом «мелкоты».

Посмотрите, как развернулись за десять лет наши страховые короли. Дивиденд на акционерный капитал составляет в среднем за 10 лет свыше 10 процентов!! Недурная прибыль? В худший год десятилетия «заработали» по 6 копеек на рубль, а в лучшие годы по 12 копеек!

Запасные капиталы удвоились: в 1902 году они составляли 152 миллиона рублей, а в 1911 году — 327 миллионов. Имущество почти что удвоилось: в 1902 году было 44 миллиона, в 1911—76 миллионов.

Итого, 32 миллиона нового имущества за десять лет в двадцать одном предприятии!

Кем «заработано» это имущество?

Тем, кто не работал, т.-е. акционерами, в первую голову— тузами-миллионерами, имеющими большинство акций.

Работали сотни служащих, производя объезды, организуя страхуемых, осматривая их имущество, трудясь над подсчетами. Эти служащие так и остались служащими. Ничего, кроме заработной платы (для большинства, как известно, недостаточной даже для сносного содержания семьи), они не получают. Никакого имущества они скопить не могут.

Если кто из тузов и приложил руку к «работе» — д и р е к т о р с к о й, то он награжден за это о с о б о и министерским жалованием и премиями.

Господа же акционеры обогатились за то, что они не работали. Они получали, в среднем за десятилетие, по три миллиона в год чистой прибыли, «трудясь» над отрезыванием купонов, да накопили еще добавочный капиталец в 32 миллисна рублей.

«Правда» № 131 (335)

от 9 июня 1913 г.

За подписью В. И.

Фабриканты о рабочих стачках.

Статистика фабрикантов дает следующее распределение бастовавших в 1912 году рабочих (экономические стачки) по отраслям производства:

Отрасли производства.	За весь 1912 г.		За последн. 7 мес. 1912 г.	
	Число бастов. рабочих.	Число потер. дней (тыс.).	Число бастов. рабочих.	Число потер. дней (тыс.).
Металлисты	57.000	807,2	40.475	763 3
Текстильщики	85.550	1.025 8	66.590	930,6
Прочие	37.830	590,5	24.560	413.5
Всего	180.380	2.433,5	131.625	2.107,4

Здесь крайняя неполнота фабрикантской статистики и крайняя неряшливость ее обработки еще более бросаются в глаза: сумма стачечников за первые пять месяцев (79.970) и за последние семь 211.595, а не 180 и не 207 тысяч!

Г.г. фабриканты сами доказали, что они преуменьшают число стачечников.

Металлисты идут впереди и по отношению стачечников к общему числу рабочих, и по длительности стачек: на одного бастовавшего металлиста приходится 18 дней стачки, на одного текстильщика — 14, а на прочие отрасли по 16 дней. Лучшие условия рынка в металлургической промышленности, как видим, не избавляют ничуть рабочих от необходимости борьбы за грошовую прибавку платы!

Что касается результатов стачек, то статистика фабрикантов объявляет 1912 год менее благоприятным для рабочих, чем 1911. В 1911 году, дескать, 49 процентов бастовавших рабочих потерпели поражение, а в 1912 году — 52 процента. Но эти данные неубедительны, ибо сравнены величины: весь 1911 год и 7 месяцев в 1912 года.

Стачки 1912 года носят характер наступательный, а не оборонительный. Рабочие борются за улучшение условий труда, а не против ухудшения. Значит, 52 процента бастовавших не добились улучшения, 36 процентов добились полного или частичного успеха, добились улучшений, а для 12 процентов результаты не выяснены. Вероятнее, что фабриканты скрывают свое поражение в этих 12 процентах случаев, ибо каждый успех капитала против труда вызывает у них особое внимание и ликование.

Сравнивая успешность стачек за последние 7 месяцев 1912 г. по районам и по отраслям промышленности, получаем такую картину.

Всего менее были стачки в Московском районе: 75 процентов бастовавших потерпели поражение (т.-е. не добились улучшений); а затем идет Петербургский район с 63 процентами, Юг с 33 процентами, Прибалтийский с 20 процентами и Польша с 11 процентами потерпевших поражение. Следовательно, в последних трех районах рабочие одержали громадные победы. Из 48 тысяч стачечников этих трех районов 27 тысяч добились улучшений, победили; 11 тысяч потерпели поражение; для 10 тысяч результаты не выяснены.

Наоборот, в двух первых районах (Москва и Петербург) из 83 тысяч стачечников победило только 20 тысяч; потерпели поражение (т.-е. не добились улучшений) 59 тысяч и не выяснены результаты для 4 тысяч.

По отраслям промышленности процент стачечников, потерпевших поражение, составляет у текстильщиков—66 процентов, у металлистов — 49 процентов и у прочих — 30%.

Хуже всего условия рынка у текстильщиков. В Московском районе из 38 тысяч бастовавших текстильщиков только 6 т ы с я ч победили; 32 тысячи потерпели поражение; в Петербурге 4 тысячи победителей и 9 тысяч побежденных. Зато в Польше 400 побежденных и 8 т ы с я ч победителей текстильщиков.

Финансовые итоги стачек (экономических) за два последние года статистика фабрикантов определяет так:

	Прямые убытки про- мышленников	Потеря на зарботной плате	Потеря стра- ны на произ- водстве
	(в тысячах рублей).		
Металлург. пром.	558	1.145	4.959
Текстильная »	479	807	6.010
Прочие отрасли	328	529	3.818
Всего в 1912 году . .	1 365	2.391	14.787
» » 1911 » . . .	402	716	4.563

Итого за два года потери фабрикантов 1,8 миллиона рублей; потери рабочих — 3 м и л л и о н а р у б л е й; потери в производстве — 19 миллионов рублей.

Г.г.фабриканты тут ставят точку. О, мудрецы! А в ы и г р ы ш рабочих?

За два года одержали победу 125 тысяч рабочих. Их заработок в год—30 миллионов рублей. Они требовали прибавки от 10 процентов до 25 процентов, а иногда до 40 процентов, как признают сами фабриканты. От 30 миллионов рублей 10 процентов будет 3 м и л л и о н а р у б л е й. А сокращение рабочего дня?

А такие «н о в ы е» (выражение фабрикантов) требования, как требование «н е увольнять рабочих без согласия товарищей»?

Нет, господа фабриканты! Даже в окончательном отношении (не говоря уже о политических стачках), завоевания рабочих с т р а ш н ы. Буржуазия не понимает ни рабочей солидарности, ни условий пролетарской борьбы.

Около 300.000 рабочих за два года отдали на экономическую борьбу 3 миллиона рублей. Прямой выигрыш с р а з у получили 125 тысяч рабочих. А шаг вперед сделал весь рабочий класс.

«Правда» № 131 (335)

от 9 июня 1913 г.

За подписью В. И.

Крестьянство и рабочий класс.

В народнических газетах и журналах мы часто встречаем утверждение, что рабочие и «трудовое» крестьянство составляют один класс.

Полная неверность этого взгляда очевидна для всякого, кто понимает, что во всех современных государствах господствует более или менее развитое капиталистическое производство, т.-е. хозяйничание на рынке капитала и презращение им массы трудящихся в наемных рабочих. Так называемый «трудовой» крестьянин есть на самом деле мелкий хозяйчик или мелкий буржуа, который почти всегда — либо нанимается на чужую работу, либо сам нанимает рабочих. «Трудовой» крестьянин, будучи мелким хозяйчиком, колеблется и в политике между хозяевами и рабочими, между буржуазией и пролетариатом.

Одним из наиболее наглядных подтверждений этой хозяйской, или буржуазной, природы «трудового» крестьянина являются данные о наемном труде в сельском хозяйстве. Буржуазные экономисты (народники в том числе) обыкновенно воспевают «жизненность» мелкого производства в земледелии, понимая под мелким такое хозяйство, которое обходится без наемного труда. Но точных данных о наемном труде у крестьян они не долюблюают!

Посмотрим же на данные, которые собраны по этому вопросу новейшими сельско-хозяйственными переписями: австрийской 1902 года и германской 1907.

Чем развитее страна, тем сильнее наемный труд в земледелии. В Германии из общего числа 15 миллионов рабочих в сельском хозяйстве насчитано $4\frac{1}{2}$ миллиона наемных рабочих, т.-е. 30 процентов; в Австрии — из 9 миллионов — $1\frac{1}{4}$, т.-е. около 14 процентов. Но и в Австрии, если мы возьмем хозяйства, обычно относимые к крестьянским (или «трудовым»), именно те, у кого от 2 до 20 гектаров (гектар — $\frac{9}{10}$ десятины) земли, то мы увидим значительное развитие наемного труда. Хозяйств с двумя-пятью гектарами — 383 тысячи; из них 126 тысяч с наемниками. Хозяйств с 10 — 20 гектарами — 242 тысячи, из них 142 тысячи (т.-е. около $\frac{3}{5}$) с наемниками.

Таким образом мелкое крестьянское («трудовое») земледелие эксплуатирует с о т н и т ы с я ч наемных рабочих. Чем крупнее крестьянское хозяйство, тем большее число наемных рабочих на-ряду с более значительным составом семейных рабочих сил. Например, в Германии на 10 крестьянских хозяйств приходится рабочих:

Хозяйства.	Семей- ных.	Наем- ных.	Всего.
С 2— 5 гектарами . .	25	4	29
» 5—10 » . .	31	7	38
» 10—20 » . .	34	17	51

Более зажиточные крестьяне, имея больше земли и большее число «своих» работников в семье, нанимают, к р о м е т о г о , и большее число н а е м н и к о в .

В капиталистическом обществе, целиком зависящем от рынка, массовое мелкое (крестьянское) производство в земледелии н е в о з м о ж н о без массового употребления наемного труда. Сладенькое словечко: «трудовой» крестьянин только обманывает рабочего, п р и к р ы в а я эту эксплуатацию наемного труда.

В Австрии около $1\frac{1}{2}$ миллиона крестьянских хозяйств (от 2 до 20 гектаров) нанимают п о л м и л л и о н а наемных рабочих. В Германии 2 миллиона крестьянских хозяйств нанимают с в ы ш е $1\frac{1}{2}$ м и л л и о н о в наемных рабочих.

А более мелкие хозяева? Они сами нанимаются! Они — наемные рабочие с кусочком земли. Например, в Германии — хозяйств, имеющих менее 2 гектаров, насчитано около $3\frac{1}{3}$ миллионов (3.378.509). Из них с а м о с т о я т е л ь н ы х земледельцев — м е н е е п о л м и л л и о н а (474.915), а н а е м н ы х р а б о ч и х — немногим менее 2 м и л л и о н о в (1.822.792)!!

Таким образом самое положение мелких земледельцев в современном обществе превращает их неизбежно в мелких буржуа. Они вечно колеблются между наемными рабочими и капиталистами. Большинство крестьян бедствует и разоряется, превращаясь в пролетариев, а меньшинство тянется за капиталистами и поддерживает зависимость от них массы сельского населения. Поэтому во всех капиталистических странах крестьянство в массе своей остается до сих пор в стороне от социалистического движения рабочих, примыкая к разным реакционным и буржуазным партиям. Только самостоятельная организация наемных рабочих,

ведущая последовательную классовую борьбу, в состоянии вырывать крестьянство из-под влияния буржуазии и разъяснять ему полную безвыходность положения мелких производителей в капиталистическом обществе.

В России положение крестьян по отношению к капитализму совершенно однородно с тем, что мы видим в Австрии, Германии и т. д. Наша «особенность» есть наша отсталость: перед крестьянином стоит еще не капиталистический, а крепостнический крупный землевладелец, являющийся главной опорой и экономической, и политической отсталости России.

«Правда» № 132 (336)

от 11 июля 1913 г.

За подписью В. И.

Детский труд в крестьянском хозяйстве.

Для правильной оценки тех условий, в которые поставлено мелкое земледельческое производство при капитализме, всего важнее вопрос о положении работника, его зарплатке, количестве труда, обстановке жизни, — затем о содержании скота и о качестве ухода за ним, — наконец, о приемах обработки земли, об удобрении ее, о расхищении ее сил и т. д.

Нетрудно понять, что, обходя эти вопросы (как поступает сплошь да рядом буржуазная политическая экономия), мы получим совершенно извращенное представление о крестьянском хозяйстве, ибо действительная его «жизнеспособность» зависит именно от положения работника, от условий содержания скота и ухода за землей. Предположить голословно, что в этих отношениях мелкое производство поставлено одинаково с крупным, значит принять за доказанное как раз то, что требуется доказать, — значит встать сразу на буржуазную точку зрения.

Буржуазии хочется доказать, что крестьянин — заправский и жизнеспособный «хозяин», а не раб капитала, придавленный так же, как наемный рабочий, но более связанный, более запутанный, чем этот последний. Если серьезно и добросовестно искать данных для решения спорного вопроса, то надо доискиваться систематических и объективных показателей условий жизни и труда в мелком и крупном производстве.

К числу таких показателей, — и притом особенно важных — принадлежит степень применения детского труда. Чем сильнее эксплуатация детского труда, тем, несомненно, хуже положение работника, тем тяжелее его жизнь.

Австрийская и германская сельскохозяйственные переписи дают сведения о числе детей и подростков в общем числе занятых сельским хозяйством лиц. При этом в Австрии особо со- считаны все работники и работницы, имеющие меньше 16 лет. Таких оказалось 1,2 миллиона из 9 миллионов, т.-е. 13 процентов. В Германии же выделены только малолетние до 14 лет, и таких оказалось шестьсот тысяч (601.637) из пятнадцати миллионов (15.169.549), т.-е. 3,9 процента.

Ясно, что австрийские и германские данные несравнимы. Но вполне сравнимы отношения между пролетарскими, крестьянскими и капиталистическими хозяйствами, обнаруживающиеся при этом.

К пролетарским хозяйствам мы относим крошечные кусочки земли (до двух гектаров, т.-е. почти 2 десятины, на хозяйство), — которые дают подсобный заработок наемным рабочим. К крестьянским хозяйствам относим имеющие от 2-х до 20-ти гектаров; здесь семейный труд преобладает над наемным. Наконец, капиталистические, это — более крупные хозяйства, в которых наемный труд преобладает над семейным.

Вот данные о детском труде в хозяйствах этих трех типов:

Группы хозяйств.	На сто лиц в сельском хозяйстве приходится детей:	
	До 16 л. Австрия.	До 14 л. Германия.
Пролетарские:		
До $\frac{1}{2}$ гектара	8,8	2,2
От $\frac{1}{2}$ до 2 гект.	12,2	3,9
Крестьянские:		
От 2 до 5 гектаров	15,3	4,6
» 5 » 10 »	15,6	4,8
» 10 » 20 »	12,8	4,5
Капиталистические:		
От 20 до 100 гектаров	11,1	3,4
» 100 и более »	4,2	3,6
Всего	13,0	3,9

Мы видим отсюда, что в обеих странах эксплуатация детского труда всего сильнее именно в крестьянских хозяйствах вообще и в частности как раз в средне-крестьянских хозяйствах (5 — 10 гектаров, т.-е. $4\frac{1}{2}$ — 9 десятин земли).

Итак, мало того, что мелкое производство поставлено хуже крупного. Мы видим еще, что специально крестьянское хозяйство поставлено хуже не только, чем капиталистическое, но даже чем пролетарское хозяйство.

Как объяснить это явление?

В пролетарском хозяйстве земледелие ведется на таком ничтожном клочке земли, что о «хозяйстве» собственно и говорить серьезно не приходится. Земледелие здесь подсобное занятие; главное же — наемный труд в земледелии и в промышленности. Влияние промышленности вообще поднимает уровень жизни работника и в частности сокращает эксплуатацию детского труда. Например, в Германии перепись насчитала в промышленности только 0,3 процента работников до 14 лет (т.-е. вдесятеро меньше против земледелия) и только 8 процентов до 16 лет.

В крестьянском же хозяйстве влияние промышленности всего слабее, а конкуренция с капиталистическим земледелием всего сильнее. Крестьянин не в силах держаться, не надрываясь над работой сам и не заставляя вдвое тяжелее работать своих детей. Нужда заставляет крестьянина своим горбом наверстывать недостаток капитала и технических усовершенствований. А если у крестьянина тяжелее всего работают дети, то это означает также, что тяжело работать и хуже кормиться приходится крестьянскому скоту: необходимость напрягать все силы и «экономить» на всем сказывается неизбежно на всех сторонах хозяйства.

Германская статистика показывает, что среди наемных рабочих детей всего больше (почти 4% — $3,7\%$) в крупных капиталистических хозяйствах (100 и более десятин). А среди семейных рабочих детей всего больше у крестьян, именно: около 5% ($4,9\%$ — $5,2\%$). Из временных наемных рабочих процент детей доходит до $9,0\%$ у крупных капиталистов, а из временных семейных рабочих этот процент у крестьян достигает $16,5\%$ — $24,4\%$!!

Крестьянин в горячее время страдает от недостатка рабочих сил; нанимать рабочих он может лишь в небольшом числе; приходится налегать всячески на работу собственных детей. В ре-

зультате получается тот факт, что в германском земледелии вообще процент детей среди семейных рабочих почти в полтора раза превышает этот процент среди наемных рабочих. Детей среди семейных рабочих — 4,4%, а среди наемных — 3,0%.

Крестьянину приходится напрягаться на работе больше, чем наемному рабочему. Это факт, подтвержденный тысячами отдельных наблюдений, доказан теперь вполне статистикой целых стран. Капитализм осуждает крестьян на величайшую придавренность и на гибель. Спасения иного нет, кроме присоединения к классовой борьбе наемных рабочих. Но чтобы понять этот вывод, крестьянину приходится пережить долгие годы разочарований в обманчивых буржуазных лозунгах.

«Правда» № 133 (337)

от 12 июля 1913 г.

За подписью В. П.

Экономический обзор.

Успешность стачек в 1912 году по сравнению с прошлым.

Общество заводчиков и фабрикантов Московского района дало статистику успешности стачек за последние 7 месяцев 1912 года. Эта статистика охватила 131.625 рабочих из всего числа 211.595 рабочих, участвовавших (по данным общества, несомненно преуменьшенным) в экономических стачках за весь 1912 год.

За прежние годы мы имеем статистику успешности стачек в официальных изданиях министерства торговли и промышленности за шесть лет перед революцией (1895—1904) и за три революционные года (1905—1907).

К сожалению, данные неоднородны—и те, которые собраны обществом фабрикантов, хуже разработаны. Официальная статистика, для учета успешности стачек, делит их на три разряда: 1) окончившиеся в пользу рабочих, 2) в пользу хозяев и 3)—компромиссом. Статистика же фабрикантов делит стачки на: 1) окончившиеся поражением рабочих, 2)—полным или частичным удовлетворением рабочих и 3) стачки с невыясненными результатами.

Сравнение тех и других данных (хотя бы и условное) возможно лишь путем следующего приема. Число стачечников в стачках, которые окончились компромиссом или результаты коих не выяснены, делили пополам между **выигрышными** и **проигрышными** стачками, получая в итоге только две эти рубрики (конечно, приблизительные). Вот итоги сравнения:

	Число стачечников. (в тыс.).	Из них выиграло стачку.	Процент выигравших.
За 10 лет перед революцией, 1895—1904	424	159	37,5
Три года революции { 1905	1.439	705	48,9
{ 1906	458	233	50,9
{ 1907	200	59	29,5
За весь 1911 г.	96	49	51,0
За последние 7 мес. 1912 г.	132	55	41,6

Все эти данные относятся только к экономическим стачкам, при чем данные за 1911 и 1912 г.г. неполны. За весь 1912 год число стачечников в экономических стачках (212 тысяч) **превышало** число их в 1907 году.

За 1911 год успешность экономических стачек, оказывается, была рекордной, превышая даже самый успешный революционный год—1906. Тогда выиграло 50,9% бастовавших рабочих, теперь (1911 г.)—51,0%.

Стачки 1912 года по успешности стоят ниже тысяча девятьсот **пятого** года (1905—48,9% победивших, 1912—41,6%), но значительно превышают среднюю успешность за **десятилетие** 1895—1904 г.г. (37,5%), не говоря уже о 1907 году (29,5% победивших).

Интересно сравнить эти данные с западно-европейскими. Германия за все первое десятилетие XX века (1900—1909) дала 1.897 тысяч стачечников (столько же, сколько в России дали **все** **два** года революции одних экономических стачечников). Из них выиграло 698 тысяч или 36,8%, т.-е. немного менее, чем в России за десятилетие перед революцией. В Англии за 10 лет, 1900—1909, число стачечников—1.884 тысячи. Из 1.234 тысяч выиграно 588 тысяч или 47,5%, т.-е. гораздо больше, чем у нас за десятилетие перед революцией, но меньше, чем в 1905, 1906 и 1911 годах. (Число выигравших рабочих в Англии и Германии определено тем же приемом, как для России.)

Число победивших рабочих за один 1905 год в России больше, чем число победивших за 10 лет в Германии или в Англии. Отсюда можно судить, сколько еще непочатых сил таит в своих недрах современный пролетариат.

«Правда» № 133 (337)

от 12 июня 1913 г.

За подписью Н.

Заметки публициста.

Политическая невоспитанность россиян сказывается, между прочим, в неумении искать точных доказательств по спорным и важным историческим вопросам, в наивном доверии к восклицаниям и выкрикам, к заверениям и клятвам заинтересованных лиц.

Вопрос о ликвидаторстве запутан именно потому, что заинтересованные люди (т.-е. сами ликвидаторы) не ленятся божиться и клясться, а «публика» ленится искать точных доказательств.

В чем суть вопроса? В отношении к революции и к подполью, в стремлении к массовому рабочему движению.

Что же, разве нет точных доказательств для ответа на фактическую сторону дела по этим вопросам?

Конечно, есть. Надо только отвыкнуть верить крикунам и либералам на слово.

«Вопрос» о подполье. Не следует ли тем, кто интересуется этим вопросом, спросить: кто работает в подполье? кто входит в подпольные организации? Не ясно ли, что не проявляющие себя подпольные организации суть ноль и обман?

В Питере две газеты: одна антиликвидаторская, другая — «тоже-социал-демократический», ликвидаторский «Луч». В других городах пока газет рабочих нет.

Не следует ли предположить, что в Питере ликвидаторы сильнее, чем в других местах? Кто же работает в партии в Питере?

Возьмите свидетельства буржуазной печати. Вы увидите известия, что распространены листки П. К. и перед 9-м января,—и в 300-летнюю годовщину Романовых,—и накануне 4 апреля, и перед маевкой.

Есть ли у вас основания не доверять буржуазной печати в таком вопросе факта?

Ни один разумный человек не решится высказать такое недоверие. А кто сколько-нибудь близок к социал-демократии, тот видел листки П. К.

Ни одна газета не рассказывала о листках ликвидаторской «инициативной группы» в Питере в связи с этими великими датами великих революционных выступлений масс пролетариата в Питере.

И, сколько бы ни «клялись» лучисты, что они «тоже-социал-демократы», «тоже за подполье», что их зря «травят» «ленинцы» и Плеханов и т. п.,—мы не устанем указывать на факты, опровергающие басни и ложь «Луча».

Найдите нам газеты буржуазии, сообщающие о листках ликвидаторов в Питере перед 9 января, перед 4 апреля, перед 1 мая. Их нет. Листков не было. Ликвидаторы не работают в подполье. Ликвидаторы не составляют подпольных организаций партии. Ликвидаторы не входят в П. К. Ликвидаторы стоят вне партии, ибо никакой иной партии, кроме подпольной, а в Питере кроме организации, руководимой П. К., не существует.

Мы нарочно не говорим о листках Ц. К. и О. К., ибо доказать их распространение на местах труднее, а от О. К. мы видели почти за целый год только венский листок к 1 мая, не имеющий никакого отношения к работе в Питере и в России.

Ликвидаторы потому и увертываются от прямых ответов на счет «подполья», что их там нет. Божба и клятва, брань и крики не устранят этого факта.

Троцкий, служа верную службу ликвидаторам, уверял себя и наивных «европейцев» (из любителей азиатской сплетни), что ликвидаторы «сильнее» в легальном движении. И эту ложь опровергают факты.

Выборы в Думу. Во II Думе 47% рабочей курии у большевиков. В III — 50%. В IV — 67%. Верить ли этим фактам, или Троцкому и ликвидаторам?

Рабочая печать. За 1912 год антиликвидаторская газета несравненно раньше возникает и неизмеримо более рабочих групп (по открытым данным о сборах) за собой имеет. 612 рабочих групп у «Правды», 89 у «Луча».

1913 год. У партийцев идут сборы уже на две газеты, у ликвидаторов дает дефицит и живет заграничной и неизвестной (буржуазной) поддержкой одна газета. 412 рабочих групп у «Правды», 172 у московской «Рабочей Газеты» того же направления, 167 у «Луча».

Верить ли этим фактам или клятвам «Луча», Троцкого, Ф. Дана и К-о?

Союз металлистов в Питере. Первые открытые выборы по платформам: 10 из 14 сторонники «Правды». Как пойманный вор кричит: «держите вора», так ликвидаторы кричат: берегитесь раскола!

В мае 1910 года ликвидаторам было публично и ясно сказано («Дискуссионный Листок» № 2²²), что они—отколовшиеся от партии легалисты-независимцы. С тех пор прошло три года. И только совершенно изолгавшиеся люди или абсолютно невежественные могут отрицать факты, вполне подтвердившие эти слова.

Ликвидаторы, это—паразиты на организме социал-демократии. Перед «Европой» (немецкая брошюра О. К. и г. Семковский в «Kampf») они хвастают стачками, а в России в «Луче» пишут подлые статьи против стачек, о «стаечном азарте», о «синдикализме» революционных стачек. Перед Европой, они—за подполье (и перед наивным Аном тоже). А на деле в подполье их нет. Бессильные в рабочем классе, они сильны моральной (и, конечно, не только моральной) поддержкой буржуазии. Нужна наивность Ана, над которым прямо издевается, как над младенцем, редакция «Луча» (см. № 95), чтобы, защищая подполье, признавать лозунги «открытой партии»! Это значит, сдать ликвидаторам содержание, воюя с ними из-за формы. Пусть поразмыслит Ан, случайно ли буржуазия, враждебная подполью, вполне приемлет лозунг «открытой партии»!

Лозунг «открытой партии» есть лозунг «реформизма»: лозунг, означающий—при данном соотношении классов и политических сил в России—отказ от революции. Лозунг подполья есть лозунг революции.

Буржуазия не может прямо влиять на рабочих в современной России. 1905 год сделал то, что рабочие издеваются над буржуазией и ее либерализмом. Слово «кадет» стало у них бранным словом. И вот, роль буржуазии среди рабочих исполняют ликвидаторы. Их объективное значение—проводники бур-

буржуазного влияния, буржуазного реформизма, буржуазного оппортунизм.

Все статьи Ф. Дана в «Луче», все тактические предпосылки ликвидаторов основаны на реформизме, на отрицании революции. Вы не доказали неизбежность революции—таков обычный ответ нам со стороны ликвидаторов. Ваш «прогноз» насчет революции односторонен,—перебалтывает г. Семковский, лакействуя перед ликвидаторами.

Но этс—короткий ответ. Наступление революции, господа либералы, доказывается т о л ь к о тем, что революция наступает. А когда она наступает, то и трусливые либералы и даже совсем случайные люди и авантюристы способны становиться «революционерами». Октябрь и ноябрь 1905 года вполне доказали это.

Революционер—не тот, кто становится революционным при наступлении революции, а тот, кто при наибольшем разгуле реакции, при наибольших колебаниях либералов и демократов отстаивает принципы и лозунги революции. Революционер—тот, кто у ч и т м а с с ы бороться революционно, а предсказать (дать «прогноз») итоги этой «науки» не в силах ни один человек.

Положение России революционно. Пролетариат, с которым в ногу и в согласии работают т о л ь к о анти ликвидаторы, воспитывает массы к революции, г о т о в и т ее, используя для нее все и всякие легальные возможности. В дело подготовки революции или, что то же, в дело последовательно демократического воспитания масс, в дело выполнения нашего с о ц и а л и с т и ч е с к о г о долга (ибо вне демократии нет социализма) революционная социал-демократия вносит п л ю с, а ликвидаторы вносят м и н у с.

Только против реформизма, только против ликвидаторов возможна истинно социал-демократическая работа в России.

*«Социал-Демократ» № 31
от 15 (28) июня 1913 г.*

Маевка революционного пролетариата.

Прошел год со времени ленских событий и первого, решительного, подъема революционного рабочего движения после персворота 3 июня. Царева черная сотня и помещики, орава чи-

новников и буржуазия отпраздновали 300-летний юбилей грабежа, татарских наездов и опозорения России Романовыми. Собралась и начала свою «работу», сама не веря в нее и потеряв былую контр-революционную энергию, IV Дума. Растерянность и скука овладели либеральным обществом, вяло жующим призывы к реформам—и в то же время признающим невозможность даже подобия реформ.

И вот, маевка рабочего класса России,—сначала давшего репетицию в Риге, а затем, в первое мая по старому стилю в Петербурге решительное выступление,—эта маевка, как молния в хмурой, тусклой, тоскливой атмосфере, прорезала воздух. Перед сотнями старых революционеров, которых не добились еще и не надломили преследования палачей и ренегатство друзей,—перед миллионами нового поколения демократов и социалистов встали опять, во всем своем величии, задачи грядущей революции и обрисовались силы руководящего ею передового класса.

Уже за несколько недель до первого мая правительство точно потеряло голову, а господа фабриканты вели себя как совсем безголовые люди. Аресты и обыски подняли, казалось, вверх дном все рабочие кварталы столицы. Провинция не отставала от центра. Фабриканты метались, собирая совещания, вынося противоречивые лозунги, то грозя расправой и локаутами, то уступая наперед и соглашаясь закрыть заводы,—то подстрекая правительство к зверствам, то упрекая правительство и призывая его к внесению первого мая в число «табельных» дней.

Но, как ни усердствовала жандармерия, как ни «чистила» она фабричные предместья, как ни хватала направо-налево по последним из своих «списков подозрительных»,—ничто не помогло. Рабочие смеялись над бессильной злобой царской шайки и класса капиталистов, иронизировали над грозными и жалкими «объявлениями» градоначальника, писали и пускали по рукам—или передавали из уст в уста—сатирические стишки и добывали, точно из-под земли, новые и новые пригоршни маленьких, плохо изданных, коротких и простых, но вразумительных «листочков» с призывами к стачке и к демонстрации, с напоминанием старых, неурезанных, революционных лозунгов социал-демократии, которая руководила в пятом году первым натиском масс на самодержавие и на монархию.

Сто тысяч бастующих первого мая—говорила на другой день правительственная печать. Сто двадцать пять тысяч—сообщали

буржуазные газеты, по первым телеграфным информации («К. Мысль»). Сто пятьдесят тысяч—телеграфировал из Петербурга корреспондент центрального органа германской социал-демократии. А на другой день уже вся буржуазная пресса давала цифру 200—220 тысяч. Число стачечников на деле дошло до 250 тысяч!

Но, помимо числа бастующих первого мая, еще гораздо внушительнее—и гораздо знаменательнее—были революционные уличные демонстрации рабочих. С пением революционных песен, с громкими призывами к революции во всех предместьях столицы и во всех концах города, с красными флагами боролись рабочие толпы в течение нескольких часов против мобилизованных, с удесятеренной энергией правительством, сил полиции и охраны. И рабочие сумели дать почувствовать наиболее ретивым из царских опричников, что борьба идет не на шутку, что перед полицией не горстка игрушечного, славянофильского, дела людишек, что встали действительно масса с сы трудящегося класса столицы.

Открытая демонстрация революционных стремлений пролетариата—революционных сил его, закаленных и подкрепленных новыми поколениями,—революционных призывов к народу и к народам России получилась поистине блестящая. Если в прошлом году правительство и фабриканты могли утешать себя тем, что нельзя было предвидеть ленского взрыва, нельзя было сразу подготовиться к борьбе с его последствиями, то теперь предвидение было со стороны монархии самое точное, время для подготовки было самое долгое, приняты «меры» были самые «энергичные»,—и в результате полное обнаружение бессилия царской монархии перед революционным пробуждением пролетарских масс.

Да, год стачечной борьбы после Лены, этот год показал—вопреки жалким воплям либералов и их подголосков против «стаачечного азарта», против «синдикалистских» стачек, против соединения экономической стачки с политической и обратно,—этот год показал, какое великое, незаменимое оружие выковал себе социал-демократический пролетариат в революционную эпоху для агитации в массах, для пробуждения их, для привлечения их к борьбе. Революционная массовая стачка не давала неприятелю ни отдыха, ни сроку. Она била врага и по карману, она топтала в грязь перед лицом всего мира политический престиж яко-

бы «сильного» царского правительства. Она давала все новым и новым слоям рабочих возможность вернуть назад хотя частичку завоеваний 1905 года и привлекала к борьбе новые слои трудящихся, захватывая наиболее отсталых. Она не истощивала сил рабочих, будучи сплошь да рядом кратковременным, демонстративным выступлением,—и в то же время подготавливая новые, еще более внушительные и более революционные открытые выступления масс в виде уличных демонстраций.

Ни в одной стране мира за последний год не наблюдалось такого числа политических стачечников, как в России, такого упорства, такого разнообразия, такой энергии стачек. Уже одно это обстоятельство показывает всю мизерность, все презренное тупоумие тех либеральных и ликвидаторских мудрецов, которые хотели «поправлять» тактику русских рабочих 1912—1913 годов по мерке «европейских» конституционных периодов, периодов главным образом подготовительной работы социалистического просвещения и воспитания масс.

Ибо громадный перевес русских стачек над стачками европейских, наиболее передовых стран доказывает вовсе не особые качества или особые способности рабочих России,—а лишь о с о б ы е условия современной России,—в смысле наличности и революционного положения, и нарастания непосредственно революционного кризиса. Когда в Европе приблизится аналогичный момент нарастания революции (там это будет социалистическая революция, а не буржуазно-демократическая, как у нас), тогда пролетариат наиболее капиталистических стран развернет еще несравненно большую энергию революционных стачек, демонстраций и вооруженной борьбы с защитниками наемного рабства.

Майская стачка текущего года, как и целый ряд стачек за последние полтора года в России, имеет революционный характер в отличие не только от обычных экономических стачек, но и от демонстративных стачек и от тех политических стачек с требованиями конституционных реформ, какова, например, последняя бельгийская стачка. Этого своеобразия русских стачек, всецело обусловливаемого революционным состоянием России, никак не могут понять люди, плененные либеральными мировоззрениями и разучившиеся смотреть на вещи с революционной точки зрения. Эпоха контр-революции и разгула ренегатских настроений оставила слишком много таких людей и среди тех, кто желает называть себя социал-демократами.

Россия переживает революционное состояние потому, что угнетение громаднейшего большинства населения, не только пролетариата, но и девяти десятых мелких производителей, особенно крестьян, обострилось в максимальной степени, при чем этот обостреннейший гнет, голодовки, нищета, бесправие, надругательство над народом находятся в вопиющем несоответствии и с тем состоянием производительных сил России, и с степенью сознательности и требовательности масс, пробужденных 1905 годом, с положением дел во всех соседних, не только европейских, а азиатских стран.

Но этого еще мало. Одно угнетение, как бы велико оно ни было, не всегда создает революционное положение страны. Большей частью для революции недостаточно того, чтобы низы не хотели жить, как прежде. Для нее требуется еще, чтобы верхи не могли хозяйничать и управлять как прежде. Именно это мы видим теперь в России. Политический кризис назревает у всех на глазах. Буржуазия все сделала, что от нее зависело, для поддержки контр-революции и создания на этой контр-революционной почве «мирного развития». Буржуазия давала деньги палачам и крепостникам, сколько они хотели, буржуазия поносила революцию и отреклась от нее, буржуазия лизала сапог Пуришкевича и кнут Маркова II, превращалась в лакея их, буржуазия создавала «европейски»-обоснованные теории, обливающие грязью якобы «интеллигентскую» революцию 1905 года, объявляющие ее греховной, воровской, противогосударственной и прочее и прочее.

И несмотря на все эти жертвы своим кошельком, своей честью и своей совестью, буржуазия сама признает, от кадетов до октябристов, что самодержавие и помещики не смогли обеспечить «мирного развития», не смогли обеспечить элементарных условий «порядка» и «законности», без которых не может жить в XX веке капиталистическая страна, рядом с Германией и новым Китаем.

Политический кризис общенационального масштаба в России на-лицо, и притом это — кризис такой, который касается именно основ государственного устройства, а вовсе не каких-либо частных его, касается фундамента здания, а не той или иной пристройки, не того или иного этажа. И сколько бы ни болтали наши либералы и ликвидаторы фраз на тему о том, что «у нас есть, слава богу, конституция» и что на очереди

дня те или иные политические р е ф о р м ы (тесной связи первого положения со вторым не понимают только очень недалекие люди), сколько бы ни лилось этой реформаторской водицы,— а дело остается в том положении, что ни единый ликвидатор и ни единый либерал не может указать никакого реформаторского выхода из положения.

И состояние масс населения в России, и обострение их положения новой аграрной политикой (за которую, как за последнее спасение, должны были схватиться крепостники-помещики), и международные условия, и характер создавшегося у нас общеполитического кризиса— вот та сумма объективных условий, которые делают положение России революционным вследствие невозможности решить задачи буржуазного переворота на данном пути и данными (правительству и эксплуататорским классам) средствами.

Такова общественная, экономическая и политическая, почва, таково соотношение классов в России, породившее своеобразные стачки у нас, невозможные в теперешней Европе, у которой всякие ренегаты желают заимствовать пример не вчерашних буржуазных революций (с проблесками завтрашней пролетарской революции), а сегодняшнего «конституционного» положения. Ни угнетение низов, ни кризис верхов не создадут еще революции,—они создадут лишь гниение страны,—если нет в этой стране революционного класса, способного претворить пассивное состояние гнета в активное состояние возмущения и восстания.

Эту роль действительно передового, действительно поднимающего массы на революцию, действительно способного спасти Россию от гниения, класса и играет промышленный пролетариат. Эту задачу он и осуществляет своими революционными стачками. Эти стачки, ненавидимые либералами и непонятые ликвидаторами, являются (говоря словами февральской резолюции Р. С.-Д. Р. II.) «одним из самых действительных средств преодоления апатии, отчаяния и распыления сельско-хозяйственного пролетариата и крестьянства, вовлечения его в возможно более дружные, одновременные и широкие революционные выступления»²³).

Рабочий класс вовлекает в революционные выступления массы трудящихся и эксплуатируемых, лишенных элементарных прав и доведенных до отчаянного состояния. Рабочий класс учит их революционной борьбе, воспитывает их для революцион-

ного действия, разъясняет им, где и в чем выход и спасение. Рабочий класс учит их не словами, а делами, примером, и притом примером не авантюр единичных героев, а примером массового революционного выступления, соединяющего политические и экономические требования.

Как просты, как понятны, как близки эти мысли всякому честному рабочему, воспринимающему хотя бы зачатки учения социализма и демократии! И как чужды они тем интеллигентским изменникам социализма и предателям демократии, которые в ликвидаторских газетах поносят или осмеивают «подполье», уверяя наивных простаков, что они—«тоже-социал-демократы».

Маевка петербургского, а за ним и всего российского, пролетариата еще и еще раз наглядно показала тем, кто имеет очи, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, великое историческое значение революционного подполья в современной России. Единственная партийная организация Р. С.-Д. Р. П. в Петербурге, Петербургский Комитет заставил и перед маевкой, как и перед 9-м января, как и перед 300-летием Романовых, как и 4 апреля, даже буржуазную печать отметить тот факт, что листки П. К. снова и снова появились по фабрикам и заводам.

Громадных жертв стоят эти листки. Иногда невзрачна их внешность. Некоторые из них, например, призывы к демонстрации 4 апреля, представляют из себя назначения часа и места демонстрации, в шести строках, набранных, видимо, тайком и с крайней спешкой в различных типографиях и различным шрифтом. У нас есть люди («тоже-социал-демократы»), которые, имея в виду эти условия работы «подполья», спрашивают, злобно хихикая или презрительно поджимая губы: «Если бы подпольем исчерпывалась партия, то сколько же членов она насчитывала бы? 2—3 сотни?» (См. № 95 (181) органа ренегатов «Луча» в редакционной защите г. Седова, имеющего печальное мужество быть открытым ликвидатором. Этот номер «Луча» вышел за пять дней до маевки, т.-е. как раз во время изготовления листков подпольем!)

Господа Даны и Потресовы с К-о, пишущие эти позорные вещи, не могут не знать, что тысячи пролетариев были в партии уже в 1903 году, 150 тысяч в 1907 году, что и теперь тысячи и десятки тысяч рабочих издают и распространяют подпольные листки, как члены подпольных ячеек Р. С.-Д. Р. П. Но господа ликвидаторы знают, что они защищены Столыпинской

«легальностью» от легального опровержения их подлой лжи и еще более подлых «ужимок» насчет подполья

Посмотрите, до чего оторвались от массового рабочего движения, от революционной работы вообще, эти жалкие люди! Возьмите даже их, заведомо фальсифицированную в угоду либералам, мерку. Допустите на минуту, что «две-три сотни» рабочих в Петербурге участвовали в изготовлении и разбрасывании этих подпольных листов.

Что же отсюда выходит? «Две-три сотни» рабочих, цвет СПб пролетариата, люди, не только называющие себя социал-демократами, но и работающие как социал-демократы, люди, уважаемые и ценимые за это всем рабочим классом России, люди, не языкоблудствующие о «широкой партии», а составляющие на деле единственно существующую в России подпольную Социал-Демократическую Партию,—эти люди готовят и раздают подпольные листки. Ликвидаторы «Луча» презрительно смеются (под защитой Столыпинских цензоров) над «2—3 сотнями», над «подпольем», над «преувеличением» его значения и т. д.

И вдруг, о, чудо! По решению, средактированному п я т ь ю с е м ь ю членами исполнительной комиссии П. К.,—по листку, изготовленному и розданному «двумя-тремя сотнями»,—встают, как один человек, д в е с т и п я т ь д е с я т т ы с я ч в П е т е р б у р г е .

Не об «открытой рабочей партии», не о «свободе коалиции» и тому подобных реформах, призраками коих дурачат народ либералы, говорят эти листки, говорят революционные речи рабочих на митингах и демонстрации. Они говорят о революции, как единственном выходе из положения. Они говорят о республике, как единственном лозунге, который в противовес либеральной лжи насчет реформ, указывает перемену, обеспечивающую свободу, указывает силы, способные сознательно встать за нее.

Весь двухмиллионный Петербург видит и слышит эти призывы к революции, западающие глубоко в сердце каждому трудящемуся и угнетенному слою. Весь Петербург видит на живом и массовом примере, в чем выход и в чем ложь либеральной болтовни о реформах. На всю Россию разносят тысячи связей рабочих—и сотни буржуазных газет, вынуждаемых рассказать, хотя бы урывками, о питерской массовке—разносят весть об упорной стачечной борьбе столичного пролетариата. И в крестьянскую массу и в крестьянское войско доносится эта весть о стачках, о революцион-

ных требованиях рабочих, о борьбе их за республику и за конфискацию земли помещиков в пользу крестьян. Медленно, но верно, революционная стачка шевелит, будит, просвещает и организует народные массы для революции.

«Две-три сотни» «подпольщиков» выражают интересы и нужды миллионов и десятков миллионов, говоря им правду об их безвыходном положении, раскрывая им глаза на необходимость революционной борьбы, внушая им веру в нее, давая им правильные лозунги, вырывая эти массы из-под влияния широковещательных, и насквозь лживых, реформистских лозунгов буржуазии. А «два-три» десятка интеллигентских ликвидаторов, одурачивая незрелых рабочих на денежки, собранные с заграницы и с либеральных купцов, проводят в рабочую среду лозунги этой буржуазии.

Майская стачка, как и все революционные стачки 1912—1913 годов, воочию показывает нам три политических лагеря, на которые делится современная Россия. Лагерь палачей и крепостников, монархии и охраны. Он сделал все, что мог, по части зверства. Он уже бессилен против рабочих масс. Лагерь буржуазии, которая вся, от к.-д. до октябристов, кричит и стонет, призывая к реформам и сама себя объявляя в «дураках» за допущение мысли о возможности реформ в России. Лагерь революции, единственно выражающий интересы угнетенных масс.

Всю идейную, всю политическую работу в этом лагере ведет только подпольная социал-демократия, умеющая каждую легальную возможность использовать именно в своем духе и неразрывно связанная с передовым классом, пролетариатом. Никто не может наперед сказать, удастся ли этому передовому классу довести массы до победоносной революции. Но свой долг в е с т и массы к такому выходу этот класс исполняет вопреки всем шатаниям и изменам либералов и «тоже-социал-демократов». Все, что есть живого и жизнеспособного в русском социализме и в русской демократии, все это воспитывается исключительно на примере революционной борьбы пролетариата и под руководством ее.

Маевка текущего года показала всему миру, что российский пролетариат твердо идет по своему революционному пути, вне которого нет спасения для задыхающейся и гниющей заживо России.

Пятый международный съезд по борьбе с проституцией.

В Лондоне закончился недавно «п я т ы й международный съезд по борьбе против торговли девушками».

Развернулись герцогини, графини, епископы, пасторы, раввины, полицейские чиновники и всякого рода буржуазные филантропы! Сколько было торжественных обедов и пышных официальных приемов! Сколько было торжественных речей о вреде и гнусности проституции!

Какие же средства борьбы требовали изящные буржуазные делегаты съезда? Главным образом два средства: религию и полицию. Самое, дескать, верное и надежное против проституции. Один английский делегат, как сообщает лондонский корреспондент лейпцигской «Народной Газеты» хвалился тем, что он проводил в парламенте т е л е с н о е н а к а з а н и е за сводничество. Вот он каков, современный «цивилизованный» герой борьбы с проституцией!

Одна дама из Канады восторгалась полицией и женским полицейским надзором за «падшими» женщинами, а насчет повышения заработной платы заметила, что работницы не заслужили лучшей платы.

Один немецкий пастор громил современный материализм, который де все более распространяется в народе и содействует распространению свободной любви.

Когда австрийский делегат Гертнер попробовал поднять вопрос о социальных причинах проституции, о нужде и нищете рабочих семей, об эксплуатации детского труда, о невыносимых квартирных условиях и т. д.,—оратора заставили замолчать враждебными возгласами!

Зато о высоких особах рассказывали—в группах делегатов—поучительные и торжественные вещи. Когда, например, императрица германская посещает какой-нибудь родильный дом в Берлине, то матерям «незаконных» детей н а д е в а ю т н а п а л ь ц ы к о л ь ц а—чтобы не шокировать высокую особу видом невенчаных матерей!!

Можно судить по этому, какое отвратительное буржуазное лицемерие царит на этих аристократически-буржуазных конгрес-

сах. Акробаты благотворительности и полицейские защитники издевательств над нуждой и нищетой собираются для «борьбы с проституцией», которую поддерживает именно аристократия и буржуазия...

«Рабочая Правда» № 1

от 13 июля 1913 г.

За подписью В.

Новейшие данные о партиях в Германии.

Германское статистическое бюро опубликовало интересные данные о выборах в парламент (рейхстаг) в 1912 году. Особенно поучительно сравнение силы различных партий в деревне и в городе.

Германская статистика относит к деревенским поселениям все, имеющие до 2.000 жителей, подобно статистике большинства европейских государств и в отличие от России, где до сих пор держится бессмысленное, казенно-полицейское, произвольное отличие тех поселений, которые «названы» городами, независимо от числа жителей.

К мелким городам германская статистика относит поселения, имеющие от 2 до 10 тысяч жителей, а к более крупным городам поселения с 10.000 жителей и свыше.

Оказывается, что наблюдается поразительно правильное соответствие между прогрессивностью данной партии (в самом широком экономическом и политическом значении понятия: «прогрессивность») и увеличением силы этой партии в городах и вообще в более крупных поселениях.

Четыре группы политических партий в Германии выделяются при этом явственно:

1) социал-демократы—единственная вполне прогрессивная и в лучшем смысле «народная», массовая партия наемных рабочих;

2) «прогрессивная народная партия»—мелко-буржуазная демократическая партия, нечто вроде наших трудовиков (только в обстановке не крепостнического, а вполне буржуазного общества);

3) «национал-либералы»—партия крупной буржуазии, германская октябристско-кадетская партия;

4) все консервативные партии, черносотенных помещиков, клерикалов, реакционных мещан и крестьян (антисемиты, «центр», т.-е. католики, собственно консерваторы, поляки и т. п.).

Доля голосов (в процентах), полученных партиями.

	Соц-дем.	Прогрессисты.	Национал-либералы.	Все консервативные партии.	Раздробленные и неопределенные.	Всего.
В деревнях . . .	19,0	8,8	12,8	58,6	0,8	100,0
» мелких город.	35,8	12,1	15,0	36,4	0,7	100,0
» крупных »	49,3	15,6	13,8	20,0	1,3	100,0
Во всей Германии	34,8	12,3	13,6	38,3	1,0	100,0

В Германии существует всеобщее избирательное право. Приведенная табличка ясно показывает, что германская деревня, германское крестьянство (как и крестьянство в с е х европейских, конституционных, цивилизованных стран) до сих пор ц е л и - к о м п о ч т и порабощены, духовно и политически, помещиками и попами.

В деревнях Германии почти $\frac{3}{5}$ голосов (58,6 процентов) падает за консервативные, т.-е. помещичьи и поповские, партии! Крестьянин б ы л в Европе повсюду революционер, когда он боролся с феодалами, крепостниками, и помещиками. Добившись свободы и частички земли, крестьянин, по общему правилу, м и р и л с я с помещиками и попами, становясь реакционером.

Но развитие капитализма начинает, в свою очередь, вырывать крестьянина из объятий реакции и ведет его за социал-демократами. В Германии социал-демократы собрали в деревне в 1912 году у ж е п о ч т и п я т у ю д о л ю (19,0%) всех деревенских голосов.

Политическое состояние современной германской деревни, следовательно, таково. О д н а п я т а я идет за социал-демократами, о д н а п я т а я за более или менее «либеральной» буржуазией, т р и п я т ы х за помещиками и попами. Поработать над политическим просвещением деревни остается еще не мало. Капитализм, разоряя мелкое крестьянство и все более придавливая его, выбивает, можно сказать, силой из головы реакционные пред-
рассудки.

В мелких городах картина уже иная: социал-демократы уже обогнали либеральную буржуазию (35,8 процентов голосов про-

тив 27 процентов), но еще не совсем догнали консерваторов, имеющих 36,4 процента голосов. Мелкие города—главный оплот мещанства, преимущественно торгово-промышленного. Мещанство всего более колеблется, не давая устойчивого большинства ни консерваторам, ни социалистам, ни либеральной буржуазии.

В крупных городах—победа социал-демократии. Она ведет за собой п о л о в и н у населения (49,3 процента голосов),—столько же, сколько и консерваторы, и либералы вместе (15,6+13,8+20=49,4 процента). Консерваторы здесь ведут за собой т о л ь к о о д н у п я т ь ю населения, либеральные буржуа—т р и д е с я т ы х, социал-демократы—п о л о в и н у. Если бы взять самые крупные города, то получилось бы еще несравненно более полное преобладание социал-демократии.

Известно, что города во всех современных государствах и даже в России растут гораздо быстрее, чем деревня, что города представляют из себя центр экономической, политической и духовной жизни народа и являются главными двигателями прогресса. Преобладание социал-демократии в городах ярко обрисовывает значение этой партии, как партии передовых народных масс.

В Германии в 1912 году из 65 миллионов населения только 25,9 миллионов жило в деревнях, 12,3 миллиона в мелких городах и 26,8 миллионов в более крупных городах. В последние десятилетия, когда Германия стала государством вполне капиталистическим, сравнительно свободным, имеющим прочную конституцию и всеобщее избирательное право, городское население растет особенно быстро по сравнению с деревенским. В 1882 году из 45 миллионов в городах жило 18,9 м., т.-е. 41,8 процента; в 1895 г. из 52 м.—26, т.-е. 49,8 процента; в 1907 году из 62 м.—36, т.-е. 58,1 процента. А население самых крупных городов, имеющих 100.000 и более жителей, составляло за эти годы—3—7—12 миллионов, т.-е. 7,4 процента—13,6 процента—19,1 процента всего населения. За 25 лет все население возросло на 36,5 процента, население городов на 89,6 процента, а население самых крупных городов на 254,4 процента.

Интересно, наконец, отметить, что чисто буржуазные партии в современной буржуазной Германии имеют за собой м е н ь ш и н с т в о населения. Во всей Германии в 1912 году социал-демократы получили б о л е е т р е т и общего числа поданных голосов (34,8%), консерваторы (т.-е., главным образом, помещики и попы) н е м н о г о менее д в у х т р е т е й (38,3%), а все либераль-

ис-буржуазные партии только одну четверть голосов (25,9 процента).

Как это объяснить? Почему в буржуазной Германии, в стране особенно быстро развивающегося капитализма, более чем 60 лет спустя после революции (буржуазной революции 1848 года) господствуют помещичьи и клерикальные, а не чисто буржуазные политические партии?

Самое главное для объяснения этого явления указал уже К. Маркс в 1848 году: германская буржуазия, напуганная самостоятельностью пролетариата, увидевшая, что демократическими учреждениями пользуются рабочие для себя и против капиталистов, отвернулась от демократии, позорно предала свободу, которую раньше защищала, и повернула к лакейству перед помещиками и клерикалами. Известно, что русская буржуазия с 1905 года эти лакейские политические стремления и лакейские политические идеи развивает еще усерднее, чем германская.

«Рабочая Правда» № 3

от 16 июля 1913 г.

За подписью В. И.

Разоблачение английских оппортунистов.

В Англии состоялись недавно дополнительные выборы в парламент в городе Лестере (Leicester).

Выборы эти имеют громадное принципиальное значение, и всякий социалист, интересующийся важнейшим вопросом об отношении пролетариата к либеральной буржуазии вообще и об английском социалистическом движении в частности, должен внимательно вдуматься в лестеровские выборы.

Избирательный округ Лестера посылает в парламент двyx членов, и каждый избиратель имеет два голоса. Таких округов в Англии немного, но они как раз особенно благоприятствуют молчаливому блоку (союзу) социалистов с либералами, что подчеркивает английский корреспондент лейпцигской «Народной Газеты». Именно от таких округов прошли в парламент виднейшие вожди так называемой «независимой» (независимой от социализма, но зависимой от либерализма) рабочей партии. И Кейт-Гарди, и Филипп Сноуден, и Рамсэй Макдональд—вожди «независимой рабочей партии» прошли от таких округов.

А в этих округах господствующие либералы дают директиву (указание) своим избирателям: один голос за социалиста, один за либерала,—разумеется, если социалист этот—«разумный», умеренный, «независимый», а не какой-нибудь непримиримый эс-дек, которого английские либералы и ликвидаторы не хуже русских умеют ругать анархо-синдикалистом и т. п.!

Фактически проводится, следовательно, блок либералов с умеренными, оппортунистическими социалистами. Фактически английские «независимцы» (к которым такую нежность питают наши ликвидаторы) з а в и с я т от либералов. Поведение «независимцев» в английском парламенте постоянно подтверждает эту зависимость.

И вот депутат «независимых» от Лестера, сам вождь партии Макдональд, сложил с себя мандат по личным причинам.

Как быть?

Либералы выставили, разумеется, своего кандидата.

Лестер—фабричный город с пролетарским преимущественно населением.

Местная организация «независимцев» собирает конференцию и 67 голосами против 8 постановляет в ы с т а в и т ь с в о е г о к а н д и д а т а. Сказано—сделано. Выставляют Бантона, члена городской думы, видного деятеля «независимой рабочей партии».

Тогда центральный комитет этой партии, от которого зависит выдача денег на выборы (а выборы в Англии очень дороги!), о т к а з ы в а е т утвердить кандидатуру Бантона!!

Центральный комитет оппортунистов пошел против местных рабочих.

Лестеровская организация другой английской социалистической партии, не оппортунистической, д е й с т в и т е л ь н о независимой от либералов, посылает своего представителя к лестеровским «независимцам» и предлагает им поддержать кандидатуру с в о е г о члена, члена «Британской Социалистической Партии», Гартли (Hartley), очень популярного деятеля рабочего движения, бывшего члена «независимой рабочей партии», покинувшего ее из-за ее оппортунизма.

Лестеровская организация «независимой рабочей партии» в трудном положении: всей душой она за Гартли, но... но дисциплина своей партии, решение Ц. К.! Лестерцы нашли выход: собрание закрыли и, к а к ч а с т н ы е л ю д и, высказались в с е

за Гартли. На другой день громадное собрание рабочих одобрило кандидатуру Гартли. Сам Бантон послал телеграмму, что голосует за Гартли. Профессиональные союзы Лестера высказываются за Гартли.

Вмешивается парламентская фракция «независимцев» и публикует в л и б е р а л ь н о й печати (так же, как наша «Речь» и «Современник», помогающие оппортунистам) с в о й п р о т е с т против кандидатуры Гартли, против «подрыва» Макдональда!!

Выборы дали, конечно, победу либералам. Они получили 10.863 голосов, консерваторы—9.279, а Гартли 2.580.

Сознательные рабочие разных стран нередко «терпимо» относятся к английским независимцам. Это большая ошибка. И з м е н а независимцев рабочему делу в Лестере не случайность, а результат в с е й оппортунистической политики «независимой рабочей партии». Сочувствие всех д е й с т в и т е л ь н ы х социал-демократов должно быть на стороне тех английских социал-демократов, которые решительно борются против либерального развращение рабочих «независимой» рабочей партией в Англии.

«Рабочая Правда» № 3

от 16 июля 1913 г.

За подписью К. Т.

Что можно сделать для народного образования.

В западных государствах распространено не мало гнилых предрассудков, от которых свободна святая матушка Русь. Так полагают, например, что громадные публичные библиотеки, с сотнями тысяч и миллионами томов, вовсе не должны составлять достояние только кучки ученых или якобы-ученых, пользующихся этими библиотеками. Там задаются странной, непонятной, дикой целью—сделать эти громадные необъятные библиотеки доступными не для цеха ученых, профессоров и т. п. специалистов, а для массы, для толпы, для улицы.

Какая профанация библиотечного дела! Какое отсутствие «порядка», коим справедливо можем гордиться мы. Вместо п р а в и л, обсуждаемых и вырабатываемых десятком чиновничьих комиссий, избредающих сотни формальностей и ограничений для пользования книгами,—устремлять внимание на то, чтобы даже д е т и могли пользоваться богатыми коллекциями книг; заботить-

ся о том, чтобы читатели у себя на дому могли читать казенные книги; видеть гордость и славу публичной библиотеки не в том, сколько в ней редкостей, сколько каких-нибудь изданий XVI века, или рукописей X века, а в том, как широко обращаются книги в народе, сколько привлечено новых читателей, как быстро удовлетворяется любое требование на книгу, сколько книг роздано на дом, сколько детей привлечено к чтению и пользованию библиотекой... Странные предрассудки распространены в западных государствах, и нельзя не порадоваться, что наше попечительное начальство охраняет нас заботливо и тщательно от влияния этих предрассудков, охраняет наши богатые публичные библиотеки от улицы, от черни!

Перед мной лежит отчет Нью-Йоркской публичной библиотеки за 1911 год.

В этом году публичную библиотеку в Нью-Йорке перевели из двух старых зданий в одно новое, построенное городом. Все число томов достигает теперь приблизительно двух миллионов. Случилось так, что первую книгу из читального зала для посетителей затребовали на русском языке. Это было сочинение Н. Грота: «Нравственные идеалы нашего времени». Требовательный билетик на книгу был подан в 9 часов 8 минут утра. Книга была прислана читателю в 9 часов 15 минут.

За год посетило библиотеку 1.658.376 человек. Читателей в читальном зале было 246.950, взявших для чтения 911.891 том.

Но это еще небольшая доля книжного оборота библиотеки. Посещать библиотеку могут немногие. Разумная постанoвка образовательного дела измеряется тем, сколько книг выдается на дом читателям, — какие удобства предоставляются большинству населения.

Нью-Йоркская публичная библиотека имеет в трех округах Нью-Йорка, Манхаттане, Бронксе и Ричмонде (с общим населением почти в три миллиона человек) сорок два отделения, а вскоре будет их иметь 43. Систематически преследуется при этом та цель, чтобы каждый житель не дальше чем за три четверти версты от своего дома, — т.е. не более чем в десяти минутах ходьбы, — имел отделение публичной библиотеки, являющееся центром всякого рода учреждений и предприятий по народному образованию.

За 1911 год было выдано на дом почти восемь миллионов — 7.914.882 томов, на четыреста тысяч больше, чем

в 1910 году. На каждую сотню жителей, всех возрастов и обоего пола, приходится по 267 книг, выданных за год для чтения на дому.

Каждое из 42 отделений библиотеки не только дает возможность на месте читать справочные книги и получать книги на дом, но является также помещением для вечерних лекций, для народных собраний, для разумных развлечений.

В Нью-Йоркской публичной библиотеке книг на восточных языках, около 15.000, на еврейском — около 20.000, на славянских — около 16.000. В главном читальном зале на о т к р ы т ы х полках стоит, для свободного всеобщего пользования, около 20.000 томов.

Для детей публичная библиотека в Нью-Йорке устроила особый читальный зал—центральный, с постепенным открытием таковых и при отделениях. Библиотекари заботятся о всяческих удобствах для детей и дают им справки. Всего было взято детьми книг на дом 2.859.888 томов, немногим менее трех миллионов (больше трети общего). Число детей, посетителей читального дома, достигло 1.120.915.

Что касается потери книг, то публичная библиотека в Нью-Йорке определяет число теряемых книг в 70 — 80 — 90 на каждые 100.000 выдаваемых на дом книг.

Вот какие порядки существуют в Нью-Йорке. А у нас?

«Рабочая Правда» № 5

от 18 июля 1913 г.

За подписью W.

Мелкое производство в земледелии.

Крестьянский вопрос в современных, капиталистических, государствах вызывает всего чаще недоумения и колебания среди марксистов, всего больше нападок на марксизм со стороны буржуазной (профессорской) политической экономии.

Мелкое производство в земледелии осуждено на гибель и невероятно придавленное, угнетенное положение при капитализме, — говорят марксисты. Будучи зависимым от крупного капитала, будучи отсталым по сравнению с крупным производством в земледелии, мелкое производство держится только отчаянным понижением потребностей и каторжным, двужилым трудом.

Распыление и расхищение труда человека, худшие виды зависимости производителя, истощение сил крестьянской семьи, крестьянского скота, крестьянской земли — вот, что несет капитализм везде и повсюду крестьянину.

Крестьянину нет спасения иначе как в присоединении к действиям пролетариата, наемных рабочих — в первую голову.

Буржуазная политическая экономия и ее не всегда сознательные сторонники, в лице народников и оппортунистов, стараются, напротив, доказать, что мелкое производство жизнеспособно и выгоднее крупного. Не к пролетариату, а к буржуазии, не к классовой борьбе наемных рабочих, а к укреплению своего положения, как собственника и хозяина, должен тяготеть крестьянин, имеющий прочное и надежное положение в капиталистическом строе — такова сущность теории буржуазных экономистов.

Попытаемся проверить на точных данных состоятельность пролетарской и буржуазной теории. Возьмем данные о ж е н с к о м труде в земледелии Австрии и Германии. Для России до сих пор не существует полных данных — вследствие нежелания правительства произвести перепись всех сельско-хозяйственных предприятий на научных основаниях.

В Австрии перепись 1902 года из 9.070.682 лиц, занятых в сельском хозяйстве, насчитала 4.422.981 женщину, т.-е. 48,7% женщин. В Германии, где капитализм развит значительно выше, женщин оказалось б о л ь ш и н с т в о среди всех занятых сельским хозяйством работников, именно 54,8%. Чем больше развивается капитализм в земледелии, тем больше он усиливает женский труд, т.-е. у х у д ш а е т условия жизни трудящихся масс. В германской промышленности женщин занято 25%, а в земледелии более чем вдвое больше. Это значит, что промышленность отвлекает к себе л у ч ш и е рабочие силы, оставляя земледелию более слабые рабочие силы.

Земледелие в развитых капиталистических странах стало уже занятием преимущественно женским.

Но, если мы посмотрим на данные о земледельческих хозяйствах различных размеров, то мы увидим, что именно в м е л к о м производстве эксплуатация женского труда достигает особенно больших размеров. Наоборот, крупное, капиталистическое, производство и в земледелии пользуется преимущественно мужским трудом, хотя и не догоняет в этом отношении промышленность.

Вот сравнительные данные по Австрии и Германии

Мы видим в обеих странах один и тот же закон капиталистического земледелия. Чем мельче производство, тем хуже состав рабочих сил, тем больше преобладание женщин в общем числе занятых сельским хозяйством лиц.

Общее положение дел при капитализме оказывается следующим.

В пролетарских хозяйствах, т.-е. таких, «хозяева» которых живут главным образом наемным трудом (батраки, поденщики и вообще наемные рабочие с крохотным кусочком земли), же и с к и й т р у д п р е о б л а д а е т н а д м у ж с к и м, иногда в громадных размерах.

		Процент женщин в общем числе раб-ов.	
Х о з я й с т в а:	Группы хозяйств:	Австрия.	Германия.
Пролетарские	{ До 1/2 гектара *)	52,0	74,1
	{ От 1/2 до 2 гектаров.	50,9	65,7
Крестьянские	{ » 2 » 5 »	49,6	51,4
	{ » 5 » 10 »	48,5	50,2
	{ » 10 » 20 »	48,6	48,4
Капиталистические	{ » 20 » 100 »	46,6	44,8
	{ » 100 и более »	27,4	41,0
В с е г о		48,7	54,8

Не надо забывать, что число этих пролетарских или батрацких хозяйств громадно: в Австрии 1,3 миллиона из всего числа 2,8 миллиона, а в Германии даже 3,4 миллиона из всего числа 5,7 миллиона.

В крестьянских хозяйствах мужской и женский труд приблизительно одинаково распространены.

Наконец, в капиталистических хозяйствах мужской труд преобладает над женским.

Что это значит?

Это значит, что в мелком производстве состав рабочих сил хуже, чем в крупном, капиталистическом.

Это значит, что в земледелии работница пролетарка и крестьянка должна гораздо сильнее напрягаться, из кожи лезть, надрываться над работой в ущерб своему здоровью и здоровью

*) Гектор = 9/10 десятины.

своих детей, чтобы сравняться по возможности с работником мужчиной в крупном, капиталистическом производстве.

Это значит, что мелкое производство держится при капитализме только в ы к о л а ч и в а н и е м из работника б о л ь ш е г о количества труда, чем выколачивает из работника крупное производство.

Крестьянин более связан, более запутан сложной сетью капиталистической зависимости, чем наемный рабочий. Ему кажется, что он самостоятелен, что он может «войти в хозяйство», а на деле, чтобы держаться, он должен работать (на пользу капитала) тяжелее, чем наемный рабочий.

Данные о д е т с к о м труде в земледелии еще яснее показывают это.

«Рабочая Правда» № 5

от 18 июля 1913 г.

За подписью В. Н.

Мобилизация надельных земель.

В казенной газете «Россия» были помещены на-днях результаты обследования, произведенного летом 1912 года министерством внутренних дел по вопросу о мобилизации надельных земель, т.-е. о купле-продаже их, о переходе их из рук в руки.

Министерство внутренних дел выбрало для обследования четыре губернии: Витебскую, Пермскую, Ставропольскую и Самарскую (Николаевский уезд). Характерно, что губернии великорусского земледельческого «центра» Европейской России, губернии, где всего сильнее следы крепостного права, где всего тяжелее положение крестьян, всего сильнее гнет крепостников помещиков, н е в о ш л и в о б с л е д о в а н и е! Ясно, что министерство хотело не столько о б с л е д о в а т ь, сколько о б м а н ы в а т ь, не столько и з у ч а т ь дело, сколько и з в р а щ а т ь е г о.

Статистика, собранная министерством внутренних дел и изложенная «Россией», отличается поразительной неряшливостью, неоднородностью, примитивностью: перед нами обычная «казенная работа» российских чиновников, которые не могут не испортить самого простого дела. Обследовали на всю Россию какую-нибудь сотню тысяч дворов и не сумели ни дать обстоя-

тельной программы, ни обеспечить знающих статистиков, ни даже провести одинаково повсюду единой неполной программы!

Общие итоги обследования таковы. В названных четырех губерниях вышли из общин и укрепили за собой землю по 1 января 1912 года 106.095 дворов. Из общего числа «укрепленцев», которое в настоящее время, вероятно, доходит до двух миллионов дворов в России (из всего числа 12 — 13 миллионов дворов), обследована, значит, какая-нибудь двадцатая часть. Конечно, и такое обследование ценно, если только оно добросовестно, т.-е. если оно производится не русскими чиновниками, не при русской политической обстановке.

Из ста с лишним тысяч дворов «укрепленцев» продали землю 27.588 дворов, т.-е. более четвертой части (25,5%). Эта громадная доля продающих землю укрепленцев сразу показывает, что у нас в России пресловутая «частная собственность» на землю является в первую голову орудием освобождения крестьян от земли. В самом деле, свыше десяти тысяч дворов (10.380) из числа продавших землю укрепленцев не занимались вовсе сельским хозяйством. Их держала искусственно при земле старая, полусредневековая община. Требование социал-демократов — предоставление свободного выхода из общины — было единственно правильным: оно одно могло, без вмешательства полиции, земских начальников и прочих милых «властей», обеспечить крестьянам то, чего настоятельно требует капиталистическая общественная жизнь. Нельзя удерживать на земле, и нелепо держать, того, кому не под силу хозяйство.

Если число укрепленцев по всей России доходит до 2 миллионов дворов, то приведенные данные заставляют думать, что около 200 тысяч дворов из них, не занимаясь земледелием, сразу продали землю. «Частная собственность» выкинула моментально сотни тысяч фиктивных земледельцев из деревни! О том, за какую цену (вероятно, грошовую) продали землю эти бедняки, статистика министерства внутренних дел не говорит ни слова. Горе-статистика!

Какие причины заставляли укрепленцев-земледельцев продавать землю? Из 17.260 таких укрепленцев только 1.791, т.-е. самое ничтожное меньшинство, продали землю для улучшения хозяйства или для покупки новых участков земли. Вся остальная масса продает землю потому, что не может удержаться на

земле: 4.117 дворов продают, переселяясь в Сибирь; 768 продают, переходя к иным занятиям; 5.614 продают из нужды, «пьянства» (по мнению казенных статистиков!) и неурожая; 2.498 продают по болезни, старости, одиночеству; 2.472 по «иным» причинам.

Недобросовестные статистики стараются только 5.614 дворов представить «действительно обезземелившимися!» Конечно, это — жалкий прием людей, которым велено кричать ура! На деле обезземеливается и разоряется, как мы видим, громаднейшая масса продающих землю. Недаром продают землю преимущественно малоземельные: это признает даже казенная статистика, избегая, разумеется, точных и полных данных. Горе-статистика...

Из 27.558 продавших землю укреплённых больше половины (14.182) продали в с ю землю, остальные — часть земли. Покупщиков земли было 19.472. Сравнение числа покупателей с числом продавцов ясно показывает, что происходит концентрация земли, сосредоточение ее в меньшем числе рук. Продает беднота, покупают богатеи. Потуги казенных перьев ослабить этот факт бессильны.

В Ставропольской губернии продало землю 14.282 укреплённого, а купили землю 7.489 человек. Из них 3.290 купило более 15 десятин, — в том числе 580 купило по 50 — 100 десятин, 85 по 100 — 500 десятин, 7 по 500 — 1000 десятин. В Николаевском уезде Самарской губернии — 142 по 50 — 100 десятин, 102 по 100 — 500 дес., 2 по 500 — 1000 десятин.

Покупали землю по двум и более сделкам 201 лицо в Пермской губернии, 2.957 в Ставропольской, из коих 562 по 5 — 9 сделкам, а 168 даже по 10 и более сделкам!

Сосредоточение земли идет в громадных размерах. Мы видели наглядно, как жалки, бессмысленны, реакционны все попытки ограничить мобилизацию земли, попытки, проводимые III Думой и правительством и защищаемые «либеральными» чиновниками в лице партии кадетов. Ни в чем так не обнаруживается ретроградность и чиновничье тупоумие кадетов, как в защите «мер» против мобилизации земли крестьян.

Без крайней нужды крестьянин не продаст землю. Пытаться ограничить его права — значит гнусно лицемерить и ухудшать для крестьянина условия продажи земли, ибо жизнь всегда обходит тысячами приемов подобные ограничения.

Народники, не понимая неизбежности мобилизации земли при капитализме, стоят гораздо более на демократической точке

зрения, требуя отмены частной собственности на землю. Только невежды могут считать такую отмену мерой социалистической. Социалистического нет тут ровно ничего. В Англии, одной из самых развитых капиталистических стран, фермеры (арендаторы-капиталисты) хозяйничают на чужих землях, принадлежащих лэндлордам (крупным помещикам). Если бы эти земли принадлежали государству, капитализм в земледелии развился бы еще шире и свободнее. Не было бы помехи со стороны помещика. Не надо бы было отнимать от производства капитал, вкладываемый в покупку земли. Мобилизация земли, вовлечение ее в торговый оборот, была бы еще легче, ибо передача земли из рук в руки происходила бы свободнее, проще, дешевле.

Чем беднее страна, чем более давит и душит ее гнет крепостнического крупного землевладения, тем настоятельнее необходимость (с точки зрения развития капитализма и роста производительных сил) в отмене частной собственности на землю, в полной свободе ее мобилизации, в разрушении старого духа рутины и застоя в земледелии

А у нас Столыпинское земельное законодательство не только не избавляет крестьян от разорения и землю их от мобилизации, а в 100 раз обостряет это разорение, отягчает (во много раз выше «общей» капиталистической меры) положение крестьян, заставляет их при продаже земли идти на худшие условия.

«Рабочая Правда» № 12

от 26 июля 1913 г.

За подписью В. И.

Как увеличить размеры душевого потребления в России.

Под таким заглавием поместил на-днях передовую статью орган наших сатрапов промышленного капитала: «Промышленность и Торговля». Вопрос, поставленный им, есть коренной вопрос о причинах экономической (и всяческой) отсталости России. Он заслуживает самого серьезного внимания.

Сатрапы нашей торговли и промышленности объявляют «парадоксальным на первый взгляд» тот факт, что Россия по величине производства чугуна, нефти и ряда других продуктов занимает место среди великих и передовых держав, а по размеру

душевого потребления (т.-е. по сумме производства важных продуктов, приходящейся на 1 душу населения) «становится соседкой Испании», одной из наиболее отсталых стран.

Например, в 1911 году потреблялось чугуна на 1 душу населения: в Американских Соединенных Штатах 233 килограмма, в Германии — 136, в Бельгии — 173, в Англии — 105, а в России всего 25 килограммов ($=1\frac{1}{2}$ пуда). За полвека после освобождения крестьян потребление железа в России возросло в пять раз, и всё Россия остается невероятно, невиданно отсталой страной, нищей и полудикой, оборудованной современными орудиями производства вчетверо хуже Англии, в пять раз хуже Германии и вдесятеро хуже Америки.

В чем же дело? «Промышленность и торговля» вынуждена признать, что все дело в условиях жизни деревни. Деревня потребляет у нас всего около $\frac{1}{4}$ пуда железа на душу, а «крестьянское и деревенское население составляет $\frac{5}{6}$ населения России».

«Какой-то статистик подсчитал, что если китайцы удлинят свою национальную одежду только на ширину пальца, это обеспечит работой все бумаго-ткацкие фабрики Англии на целый год».

Меткое и красноречивое замечание!

Что же необходимо для того, чтобы десятки миллионов русских крестьян «удлинили свою национальную одежду», т.-е., говоря без метафор, увеличили свое потребление, перестали быть нищими, стали, наконец, хоть сколько-нибудь людьми?

Сатрапы нашей промышленности отвечают пустой фразой: «общее культурное развитие страны», рост промышленности, городов и пр., «подъем производительности крестьянского труда» и т. п.

Пустое фразерство, жалкие отговорки! Более полвека происходит в России такое развитие, такой «подъем», происходит несомненно. За «культуру» распинаются все классы. На почву капитализма становятся даже черносотенцы и народники. Вопрос стоит давно иначе: почему это развитие капитализма и культуры идет у нас с черепашной медленностью? почему мы отстаем все больше и больше? почему эта увеличивающаяся отсталость делает необходимой экстренную быстроту и «стачки»?

На этот вопрос, вполне ясный каждому сознательному рабочему, сатрапы нашей промышленности боятся ответить именно

потому, что они — сатрапы. Они — не представители свободного и сильного капитала, вроде американского, а кучка монс-полистов, защищенных государственной помощью и тысячами проделок и сделок с теми именно черносотенными помещиками, которые своим средневековым землевладением (миллионов в 70 десятин лучшей земли) и своим гнетом осуждают $\frac{5}{6}$ населения на нищету, а всю страну на застой и гниение.

«Работать для того, — восклицает г. И. Б-н в журнале сатрапов, — чтобы по размеру душевого потребления приближаться не к Испании, а к Северо-Американским Соединенным Штатам». Наемный писака сатрапов не хочет видеть, что «угода» черносотенным помещикам не и з б е ж н о «приближает к Испании», а для приближения к Америке нужна беспощадная, беззаветная борьба с этим классом по всей линии.

*«Северная Правда» № 3
от 3 августа 1913 г.
За подписью В. Фрей.*

Август Бебель.

В лице Бебеля сошел в могилу не только самый влиятельный среди рабочих и наиболее любимый массами вождь германской социал-демократии: Бебель воплотил в ходе своего развития и своей политической деятельности целый исторический период жизни не только германской, но и международной социал-демократии.

Можно различить два крупных периода в истории международной социал-демократии. Первый период — рождение социалистических идей и зачатки классовой борьбы пролетариата. Долгая и упорная борьба крайне многочисленных социалистических учений и сект. Социализм ищет своей дороги, ищет себя. Классовая борьба пролетариата, едва начинающего выделяться из общей массы мелко-буржуазного «народа», носит характер отдельных вспышек, вроде восстания лионских ткачей. Рабочий класс в этот период тоже лишь нащупывает свою дорогу.

Этот период есть период подготовки и рождения марксизма, как единственной, выдержавшей испытания истории, доктрины социализма. Охватывая приблизительно две первые трети прошлого века, этот период заканчивается полной победой марксизма,

крахом (особенно после революции 1848 года) всех до-марксовских форм социализма и отделением рабочего класса от мелко-буржуазной демократии, выступлением его на самостоятельный исторический путь.

Второй период есть период образования, роста и возмужания массовых социалистических партий классового, пролетарского состава. Громадное распространение социализма вширь, невиданный рост всяческих организаций пролетариата, все-сторонняя подготовка его на самых различных поприщах к выполнению им великой всемирно-исторической цели — вот что характеризует этот период. Ему на смену стучится уже в последние годы третий период, когда подготовленные силы в ряде кризисов осуществляют свои цели.

Август Бебель, сам рабочий, выработал себе ценою упорной борьбы социалистическое мировоззрение, отдал на служение целям социализма все свои богатые силы целиком, без остатка, шел рука об руку в течение десятилетий с растущим и развивающимся немецким пролетариатом и сделался самым даровитым парламентарием Европы, самым талантливым организатором и тактиком, самым влиятельным вождем международной, враждебной реформизму и оппортунизму, социал-демократии.

Бебель родился 22 февраля 1840 года в Кельне, на Рейне, в бедной семье прусского унтер-офицера. С молоком матери впитал он не мало диких предрассудков, от которых он медленно, но прочно потом освобождался. Прирейнское население в 1848 — 1849 г.г., в эпоху буржуазной революции в Германии, было настроено республикански. В народной школе только два мальчугана — одним из них был Бебель — высказались за монархию и были за это побиты товарищами. «За битого двух небитых дают» — так можно выразить, в вольном переводе на русский язык, ту «мораль», которую выводит сам Бебель, рассказывая в своих мемуарах об этом эпизоде детских лет.

Шестидесятые годы прошлого века принесли Германии либеральную «весну», после долгих тяжелых лет контр-революции, и новое пробуждение массового рабочего движения. Началась своя блестящая, но недолговременная агитация Лассаль. Бебель, бывший тогда молодым подмастерьем-токарем, с жадностью читает либеральные газеты, издаваемые старыми деятелями 1848 года и становится горячим участником просветительных рабочих обществ. Освобождаясь от казарменно-прусских

предрассудков, Бебель примыкает к либеральным взглядам и борется против социализма.

Но жизнь берет свое, и молодой рабочий, читая брошюры Лассалья, постепенно добирается и до Маркса, как ни затруднено было тогда в Германии, благодаря более чем десятилетнему гнету контр-революции, ознакомление с сочинениями Маркса. Условия рабочей жизни, серьезное и добросовестное изучение общественных наук толкают Бебеля к социализму. Он пришел бы и сам к социализму, но ускорить это развитие помог ему Либкнехт, который был на 14 лет старше и вернулся в это время из лондонской эмиграции.

Злые языки из среды противников Маркса говорили в то время, что партия Маркса состоит из трех человек: глава партии—Маркс, его секретарь Энгельс и его «агент» Либкнехт. Но если неумные люди чурались Либкнехта, как «агента» эмигрантов или заграничников, то Бебель сумел найти в Либкнехте то, что ему нужно было: живую связь с великим выступлением Маркса в 1848 году, с основанной тогда, хотя небольшой, но истинно-пролетарской партией, живого представителя марксистских взглядов и марксистской традиции. — «У этого человека, чорт побери, есть чему научиться!»—так отзывался, говорят, молодой токарь Бебель о Либкнехте.

Во второй половине 60-х годов Бебель порывает свою связь с либералами, отделяет социалистическую часть рабочих союзов от буржуазно-демократической и становится, вместе с Либкнехтом, в первых рядах Эйзенахской партии, партии марксистов, которая долгие годы боролась с другой рабочей партией, лассальянской.

Историческая причина раскола германского социализма сводилась, коротко говоря, к следующему. На очереди стоял вопрос объединения Германии. Оно могло совершиться, при тогдашнем соотношении классов, двояко: либо путем революции, руководимой пролетариатом и создающей всенемецкую республику, либо путем династических войн Пруссии, укрепляющих гегемонию прусских помещиков в объединенной Германии.

Лассаль и лассальянцы, видя слабые шансы пролетарского и демократического пути, вели шаткую тактику, приспосабливаясь к гегемонии юнкера Бисмарка. Их ошибки сводились к уклону рабочей партии на бонапартистски-государственно-социалистический путь. Напротив, Бебель и Либкнехт последовательно от-

стаивали демократический и пролетарский путь, борясь с малейшими уступками пруссачеству, бисмарковщине, национализму.

И история оправдала Бебеля и Либкнехта, несмотря на то, что Германия объединилась по-бисмарковски. Только последовательно-демократическая и революционная тактика Бебеля и Либкнехта, только их «неуступчивость» национализму, только их непримиримость по отношению к объединению Германии и обновлению ее «сверху» помогли заложить прочный фундамент действительно социал-демократической рабочей партии. А дело шло тогда именно о фундаменте партии.

Если заигрывания лассальянцев с бисмарковщиной или их «приспособления» к ней не принесли вреда германскому рабочему движению, то только благодаря самому энергичному, беспощадно-резкому отпору, какой давали этим поползновениям Бебель и Либкнехт.

А когда вопрос исторически был решен, через пять лет после основания Германской империи, Бебель и Либкнехт сумели объединить две рабочие партии и обеспечить гегемонию марксизма в единой партии.

Бебель с самого основания германского парламента был выбран в него, будучи совсем молодым 27-летним человеком. И основы парламентской тактики германской (и международной) социал-демократии, не уступающей ни пяди врагам, не упускающей ни малейшей возможности добиться хотя бы небольшого улучшения для рабочих и в то же время принципиально-непримиримой и всегда направленной к осуществлению конечной цели, — основы этой тактики вырабатывались Бебелем или при его непосредственном участии и руководстве.

Объединенная по-бисмарковски, обновленная по-пруски и по-юнкерски, Германия ответила на успехи рабочей партии исключительным законом против социалистов. Легальные условия для партии рабочего класса были разрушены, она была объявлена вне закона. Наступили трудные времена. К преследованиям врагов прибавился внутренний кризис — шатания в основных вопросах тактики. Сначала подняли голову оппортунисты, давшие себя запугать разрушением легальности и затянувшие песенку уныния, отречения от неурезанных лозунгов, обвинения самих себя в том, что мы-де зашли чересчур далеко и т. п. Один из представителей этого оппортунистического течения, Хехберг, оказывал, между прочим, финансовую помощь партии,

которая была еще слаба и не могла сразу встать на свои собственные ноги.

Маркс и Энгельс из Лондона обрушились бешено против позорных оппортунистических шатаний. Бебель проявил себя настоящим вождем партии. Он во-время увидел опасность, понял правильность критики Маркса и Энгельса, сумел направить партию на непримирительный путь. Была основана нелегальная газета «Социал-Демократ», выходившая сначала в Цюрихе, потом в Лондоне, доставлявшаяся еженедельно в Германию и имевшая до 10.000 подписчиков. Оппортунистическим шатаниям был положен решительный конец.

Другим шатанием было тогда увлечение Дюрингом, в конце 70-х годов прошлого века. Недолгое время Бебель тоже разделял это увлечение. Сторонники Дюринга, наиболее выдающимся из которых был Мост, играя в «левизну», быстро катились к анархизму. Резкая, уничтожающая критика Дюринговских теорий Энгельсом была встречена неодобрительно во многих партийных кругах, и на одном съезде партии было даже сделано предложение удалить эту критику со страниц центрального органа.

Но все жизнеспособные элементы социализма — и во главе их, конечно, Бебель — быстро поняли всю гнилость «новых» теорий, порвали с ними и со всяческими анархическими поползновениями. Партия, под руководством Бебеля и Либкнехта, научилась соединять нелегальную и легальную работу. Когда легальная парламентская социал-демократическая фракция заняла, в своем большинстве, оппортунистическую позицию в знаменитом вопросе о голосовании за субсидию пароходному обществу, — нелегальный «Социал-Демократ» выступил против фракции и, после четырехнедельной борьбы, одержал победу.

В 1890 году исключительный закон против социалистов, просуществовавший 12 лет, пал. Партийный кризис, приблизительно того же характера, что и в половине 70-х годов, повторился опять. С одной стороны, оппортунисты с Фольмаром во главе готовы были воспользоваться легальностью для отречения от неурезанных лозунгов и от непримиримой тактики. С другой стороны, так называемые «молодые» играли в «левизну» и катились к анархизму. Если этот кризис партии оказался очень коротким и несерьезным, то большая заслуга приходится здесь именно на долю Бебеля и Либкнехта, которые дали самый твердый отпор обоим шатаниям.

Для партии начался период быстрого роста вширь и вглубь, развития не только политической, но и профессиональной, кооперативной, просветительной и пр. организации сил пролетариата. Гигантская практическая работа, выполненная во всех этих областях Бебелем, как парламентарием, агитатором, организатором, не поддается учету. Именно этой работой завоевал себе Бебель положение бесспорного и общепризнанного вождя партии, наиболее близкого рабочим массам, наиболее любимого ими.

Последним кризисом в немецкой партии, в котором пришлось принять самое активное участие Бебелю, была так называемая «бернштейниада». Бывший ортодоксальный марксист Бернштейн в самом конце прошлого века пришел к чисто оппортунистическим, реформистским взглядам. Партию рабочего класса пытались сделать мелко-буржуазной партией социальных реформ. Среди чиновников рабочего движения, среди интеллигенции новое оппортунистическое поветрие нашло себе многих сторонников.

Бебель выразил настроение рабочих масс и их твердое убеждение в несбходимости борьбы за неурезанные лозунги, когда восстал со всей энергией против этого поветрия. Его речи против оппортунистов на партийных съездах в Ганновере и Дрездене надолго останутся образцом отстаивания марксистских взглядов и борьбы за истинно-социалистический характер рабочей партии. Период подготовки и собирания сил рабочего класса составляет во всех странах необходимый этап в развитии всемирной освободительной борьбы пролетариата. Никто с такой рельефностью не воплотил в себе особенностей и задач этого периода, как Август Бебель. Сам рабочий, он сумел пробить себе дорогу к твердым социалистическим убеждениям, сумел стать образцом рабочего вождя, представителя и участника массовой борьбы наемных рабов капитала за лучший строй человеческого общества.

«Северная Правда» № 6

от 8 августа 1913 г.

За подписью В. И.

Отделение либерализма от демократии.

Вопрос об отделении либерализма от демократии в России принадлежит к числу коренных вопросов всего освободительного движения,

В чем причина его слабости? В том ли, что демократия не достаточно сознательно и определенно отделилась от либерализма, дав заразить себя его бессилием и шатаниями? Или в том, что демократия слишком рано (или слишком резко и т. п.) отделилась от либерализма, ослабив тем «силу общего натиска»?

Едва ли хоть один человек, интересующийся делом свободы, станет спорить против того, что это — вопрос коренной важности. Нельзя быть сознательным сторонником свободы, не решив вполне определенно этого вопроса. А для решения его надо понимать, какие общественные силы, какие классы стоят за либерализмом и за демократией, какие политические стремления лежат в природе этих классов.

В настоящей статье мы хотели бы осветить этот коренной вопрос с точки зрения злободневных событий внешней политики. Самое злободневное, конечно, — вторая балканская война, разгром Болгарии, унижительный для нее мир в Бухаресте, неудачная попытка России обвинить Францию за то, что она не поддержала «нас», и добиться пересмотра условий мира.

На этих обвинениях Франции, на этой попытке возобновить «активную» политику России на Балканах сошлись, как известно, «Новое Время» и «Речь». А это значит, что сошлись крепостники-помещики и реакционно-националистические правящие круги, с одной стороны, и, с другой стороны, наиболее сознательные, наиболее организованные круги либеральной буржуазии, давно уже тяготеющие к империалистской политике.

По этому поводу одна из распространенных провинциальных газет, выражающая взгляды известных слоев мелко-буржуазной демократии, «Киевская Мысль», пишет в очень поучительной передовице от 1 августа:

«Не оппозиция и национализм поменялись местами» (как утверждал г. Милюков в своей известной думской речи о внешней политике), «а либерализм отделился (курсив «Киевской Мысли») от демократии и сначала робко, с оглядкой, а потом уже с поднятой головой пошел по тому же пути, по пути политических авантюр, по которому впереди его, и тоже под славянофильским знаменем, движется национализм».

И газета справедливо напоминает общеизвестные факты, как «Речь» проявляла «щовинистический задор», как она призы-

вала двинуться к Армении, к Босфору, будучи пропитана вообще «империалистическими тенденциями».

«Поддерживая,— пишет «Киевская Мысль»,— на свой собственный риск и страх русскую внешнюю политику, которая не может не быть реакционно-националистической политикой, раз таким остается внутренний курс, либерализм взял на себя и политическую ответственность за эту поддержку».

Бесспорная истина. Надо только продумать * ее до конца. Если верно, что курс внешней русской политики определяется курсом внутренней (а это безусловно верно), то разве это относится только к реакции? Очевидно, что нет. Очевидно, что это относится и к либерализму.

Не мог либерализм «отделиться от демократии» во внешней политике, если он не был отделен от демократии во внутренней. «Киевская Мысль» сама вынуждена признать это, говоря, что «характер политической ошибки либерализма» «свидетельствует о глубоком органическом пороке».

Вот именно! Мы бы сказали только, не употребляя этого, немного напыщенного и затемняющего дело, выражения: глубокие классовые интересы буржуазии. Эти классовые интересы либерализма заставили его испугаться (особенно в 1905 году) демократического движения и повернуть н а п р а в о — и во внутренней, и во внешней политике.

Был бы прямо смешон тот, кто вздумал бы отрицать связь между кадетским империализмом и шовинизмом сегодня и между кадетски-октябристским лозунгом беречь Думу весной 1907 года, между кадетским голосованием против земельных местных комитетов весной 1906 года и между кадетским решением идти в Булыгинскую Думу осенью 1905 года. Это — о д н а политика одного и того же класса, который больше боится революции, чем реакции.

Одна из главных причин слабости русского освободительного движения состоит в непонимании этой истины широкими слоями мелкой буржуазии вообще, а в частности мелко-буржуазными политиками, писателями, идейными вождями.

Вопреки сказкам либералов, которые кивали на «непримиримость» левых, чтобы прикрыть свои шаги к примирению с правыми, рабочая демократия никогда не сваливала либералов и правых в «одну реакционную массу», никогда не отказывалась и с п о л ь з о в а т ь их рознь (хотя бы, например, на второй

стадии выборов в Думу) в интересах освободительного движения. Но она ставила — и должна всегда ставить — своей задачей *н е й т р а л и з о в а т ь* шаткость либерализма, способного «увлечься» империализмом при Столыпине или Маклакове.

Не ссзнавши глубоких классовых корней, *о т д е л я ю щ и х* либерализм от демократии, — не распространив этого сознания в *м а с с а х*, — не научившись *н е й т р а л и з о в а т ь* таким образом измен *и* шатаний либерализма делу «народной свободы», — русская демократия не может сделать ни одного серьезного шага вперед. Без этого — нечего попусту и говорить об успехах освободительного движения.

*«Северная Правда» № 9
от 11 августа 1913 г.
За подписью В. И.*

Нациснализация еврейской школы.

Политика правительства вся пропитана духом национализма. «Господствующей», т.-е. великорусской, национальности стараются предоставить всяческие привилегии, — хотя великороссов в России *м е н ь ш и н с т в о* населения, именно только 43%.

Все остальные нации, населяющие Россию, стараются все более урезать в правах, обособить одну от другой и разжечь вражду между ними.

Крайнее проявление современного национализма, это — проект национализации еврейской школы. Возник это проект у попечителя Одесского учебного округа, и в министерстве народного «просвещения» встречен сочувственно. В чем же состоит эта национализация?

В том, что евреев хотят выделить в *о с о б ы е* еврейские учебные заведения (средние). Во все остальные учебные заведения: и частные, и правительственные, двери для евреев хотят закрыть совершенно. В довершение этого «гениального» плана предполагается ограничить число учащихся в еврейских гимназиях знаменитой «процентной нормой»!

Во всех европейских странах подобные меры и законы против евреев существовали только в мрачную эпоху средних веков, инквизиции, сожжения еретиков и прочих прелестей. В Европе

евреи давно получили полное равноправие и все больше сливаются с тем народом, среди которого они живут.

В нашей же политике вообще, а в излагаемом проекте особенно, помимо притеснения и угнетения евреев, всего более вредно стремление разжечь национализм, обособить одну из национальностей в государстве от другой, усилить их отчужденность, разделить их школы.

Интересы рабочего класса — как и вообще интересы политической свободы — требуют, наоборот, самого полного равноправия всех без исключения национальностей данного государства и устранения всяческих перегородок между нациями, соединения детей всяческих наций в единых школах и т. д. Только отбрасывая все дикие и глупые национальные предрассудки, только сливая в один союз рабочих всех наций, может рабочий класс стать силой, дать отпор капиталу и добиться серьезного улучшения жизни.

Посмотрите на капиталистов: они стараются разжечь национальную вражду в «простом народе», а сами отлично обделывают свои делишки: в одном и том же акционерном обществе — и русские, и украинцы, и поляки, и евреи, и немцы. Против рабочих объединены капиталисты всех наций и религий, а рабочих стараются разделить и ослабить национальной враждой!

Вреднейший проект национализации еврейской школы показывает, между прочим, как ошибочен план так называемой «культурно-национальной автономии», то-есть изъятия школьного дела из рук государства и передачи его в руки каждой нации в отдельности. Совсем не к этому должны мы стремиться, а к соединению рабочих всех наций в борьбе против в с я к о г о национализма, в борьбе за истинно-демократическую о б щ у ю школу и за политическую свободу вообще. Пример передовых стран всего мира — хотя бы Швейцарии в Западной Европе или Финляндии в Восточной Европе — показывает нам, что только последовательно-демократические обще-государственные учреждения обеспечивают наиболее мирное и человеческое (а не зверское) сожительство разных национальностей без искусственного и вредного разделения школьного дела по национальностям.

«Северная Правда» № 14

от 18 августа 1913 г.

За подписью В. И.

Российская буржуазия и российский реформизм.

Выступление господина Салазкина в Нижнем-Новгороде от имени всероссийского купечества с заявлением премьер-министру о «неотложной необходимости» коренных политических реформ было уже отмечено и оценено рабочей печатью. На нем следует однако еще остановиться, чтобы отметить два важных обстоятельства.

Как быстро поменялись ролями объединенное дворянство и всероссийское купечество! До 1905 года в течение лет сорока слишком дворянство либеральничало и почтительно напоминало о конституции, а купечество казалось более довольным, менее оппозиционным.

После 1905 года получилось обратное. Дворянство стало архи-реакционным. Конституцией 3 июня оно вполне довольно и изменения ее желает разве лишь в правую сторону. Напротив, купечество стало определенной либеральной оппозицией.

Россия сразу как бы «европеизировалась», т.-е. подошла под обычное в Европе взаимоотношение феодала и буржуа. Разумеется, это могло случиться только потому, что в основе политических группировок в России давно уже лежали чисто капиталистические отношения. Они созревали с 1861 года и быстро дозрели окончательно в огне 1905 года. Всякие народнические фразы о каком бы то ни было принципиальном своеобразии России, всякие попытки надклассовых или внеклассовых рассуждений о российской политике и экономике сразу потеряли всякий интерес, превратились в скучный, нелепый, старомодно-смешной хлам.

Это—шаг вперед. Это—избавление от вредного самообмана, избавление от ребяческих надежд добиться без классовой борьбы чего-либо путного, серьезного. Становись на сторону того или иного класса, помогай сознанию и развитию той или иной классовой политики—вот тот суровый, но полезный урок, который дан в положительной форме 1905 годом, а в отрицательной форме подтвержден опытом третьейюньюнской системы.

Внеклассовая болтовня либеральных интеллигентов и мелкобуржуазных народников сметена прочь с исторической дороги. И прекрасно, что сметена. Давно пора!

Посмотрите, с другой стороны, на реформизм либерального всероссийского купечества. Оно заявляет о «неотложной необхо-

димости реформ», указанных в манифесте 17 октября. Всем известно, что указаны там «незыблемые основы гражданской свободы», «действительная неприкосновенность личности», «свобода совести, слова, собраний, союзов», затем «дальнейшее развитие начала общего избирательного права».

Ясно, что перед нами действительно список коренных политических реформ. Ясно, что осуществление даже одной из этих реформ в отдельности означало бы крупнейшую перемену к лучшему.

И вот, в с е х этих реформ требует в с е всероссийское купечество, экономически самый могущественный класс капиталистической России. Отчего же это требование встречается с полным равнодушием, кажется просто несерьезным—всеми, начиная от премьер-министра, который послушал, выпил, закусил, ответил, поблагодарил и уехал, и кончая тем московским купцом, который заявил, что слова Салазкина превосходны, но ничего из них не выйдет?

Отчего это?

От того, что Россия переживает то своеобразное историческое положение, которого давненько не было в больших государствах Европы (но которое в свое время бывало в каждом из них),—когда реформизм особенно глуп, смешон, бессилен и потому противен. Повторяем, осуществление любой из реформ, требуемых купечеством—и свободы совести, и свободы союзов или иной свободы—означало бы крупнейшую перемену к лучшему. Всякий передовой класс,—рабочий класс в том числе и в первую голову,—обеими руками ухватился бы за малейшую реформистскую возможность осуществления всякой перемены к лучшему.

Этой простой истины не могут никак понять оппортунисты, поднимающие на щит их премудрые «частичные требования»,—хотя пример рабочих, уцепившихся очень хорошо за «частичную» (но действительную) реформу страхования, должен бы научить всякого.

Но в том-то и дело, что нет ничего **д е й с т в и т е л ь н о г о** в реформизме либералов относительно политических реформ! Другими словами: все прекрасно знают,—и купечество, и составляющие большинство в Думе октябристы с кадетами,—что ни малейшего реформистского пути ни к единой из требуемых Салазкинским реформ нет и быть не может. Все это знают, понимают и чувствуют.

От этого гораздо больше исторического реализма, исторической действительности и действенности заключается в простом

указании на отсутствие реформистского пути, чем в широковетвистой, надутой, пышной болтовне о каких угодно реформах. Кто твердо знает об отсутствии реформистского пути и другим сообщает это знание, тот на деле в тысячу раз больше делает для использования и страхования и любой «возможности», в целях прогресса демократии, чем сами не верящие в свои слова говоруны о реформах.

Для современной России особенно верна та истина, которую сотни раз подтверждала всемирная история, именно: что реформы возможны лишь как побочный результат движения, совершенно свободного от всякой узости реформизма. От этого так мертв либеральный реформизм. От этого так жизненно презрение демократии и рабочего класса к реформизму.

*«Наш Путь» № 3
от 28 августа 1913 г.
За подписью В. Ильин.*

Роль сословий и классов в освободительном движении.

В одном юридическом журнале были приведены статистические данные о государственных преступлениях в России. Эти данные очень поучительны: они дают точный материал по вопросу о роли сословий и классов в освободительном движении в разные исторические эпохи.

К сожалению, данные неполны. Выведены лишь эпохи: 1827—1846 годы (эпоха крепостного права); 1884—1890-ые годы (эпоха движения «разночинцев»: смешение буржуазно-либерального и либерально-народнического движения). Наконец, непосредственно предреволюционная (1901 — 1903) и революционная (1905—1908) эпохи, т.-е. эпохи буржуазно-демократического и пролетарского движения.

Данные роли сословий получаются следующие. На 100 привлеченных к обвинению за государственные преступления было:

Эпохи.	Дворян.	Мещан и крестьян.	Духовенства.	Купечества.
1827—1846	76	23	?	?
1884—1890	30,6	46,6	6,4	12,1
1901—1903	10,7	80,9	1,9	4,1
1905—1908	9,1	87,7	?	?

Отсюда ясно видно, как быстро демократизировалось освободительное движение в XIX веке и как резко менялся классовый состав его. Эпоха крепостная (1827—1846 г.г.)—полное преобладание дворянства. Это—эпоха от декабристов до Герцена. Крепостная Россия забита и неподвижна. Протестует ничтожное меньшинство дворян, бессильных без поддержки народа. Но лучшие люди из дворян помогли р а з б у д и т ь народ.

Эпоха разночинца или буржуазно-либеральная (1884—1890)—дворяне уже составляют меньшую часть среди участников освободительного движения. Но, если прибавить к ним духовенство и купечество, то получаем 49%, т.-е. почти половину. Движение еще на половину остается движением привилегированных классов: дворян и верхов буржуазии. Отсюда—бессилие движения, несмотря на героизм одиночек.

Третья (1901—1903) и четвертая (1905—1908) эпохи—эпохи крестьянской и пролетарской демократии. Роль дворянства совсем малая. Мещане и крестьяне дают $\frac{8}{10}$ перед революцией и $\frac{9}{10}$ во время революции. Проснулись массы. Отсюда два итога: 1) возможность добиваться кое-чего серьезного и 2) ненависть либералов к движению (появление контр-революционного либерализма).

Еще интереснее данные о занятиях, имеющиеся только для трех последних эпох. На 100 участников освободительного движения (привлеченных за государственные преступления) было лиц, занимающихся:

Эпохи.	Сельским хозяйством.	Промышленностью и торговлей.	Либеральными профессиями и учащихя.	Неопределенных занятий и без занятий.
1884—1890	7,1	15,1	53,3	19,9
1901—1903	9,0	46,1	28,7	8,0
1905—1908	24,2	47,4	22,9	5,5

Это—чрезвычайно поучительные цифры. Сразу выясняется роль разночинца в эпоху народничества и народовольства (1884—1890); б о л ь ш и н с т в о участников—учащиеся и люди либеральных профессий (53,3%). Смещение буржуазно-либерального и либерально-народнического движения при выдающейся роли учащихя и интеллигентов—вот классовая сущность тогдашних партий и тогдашнего движения. Крестьяне («сельское хозяйство») и промышленные рабочие («промышленность и торговля») дают небольшое меньшинство (7 и 15%). Так называемых деклассированных людей, т.-е. выбитых из своего класса, оставшихся

без связи с определенным классом,—таких людей о д н а п я т а я (19,9%), больше чем крестьян, больше чем рабочих!!

Вот откуда своеобразные формы движения, величие героизма и его бессилие.

Подходит предреволюционная эпоха (1901—1903). Первую роль играет городской рабочий («промышленность и торговля»). Будучи меньшинством народа, он дает п о ч т и п о л о в и н у (46,1%) участников. Интеллигенция и учащиеся у ж е стоят на втором плане (вопреки басням либералов и ликвидаторов насчет рабочей партии). Роль крестьян ничтожна (9% из «сельского хозяйства»), но возрастает.

Последняя эпоха, 1905—1908 г.г. Роль городских рабочих возросла с 46,1 до 47,4%. Они разбудили уже массу крестьянства, которое увеличило долю своего участия в движении больше всех остальных классов: с 9 до 24,2%, т.-е. п о ч т и в т р о е. Крестьянство уже перегнало либеральных интеллигентов и учащихся (22,9%). Роль деклассированных, выбитых из класса, совсем ничтожна (5,5%). Злобно-клеветнический характер либеральной теории насчет «интеллигентской» сущности нашей революции выступает яснее ясного.

Пролетариат и буржуазная демократия (крестьянство)—вот кто составляет общественную силу движения. Но крестьянство, составляя громадное большинство по отношению к рабочим и горожанам, стоит далеко позади, давая всего ч е т в е р т ь (24,2%) участников, так как оно еще слабо разбужено.

Остается закончить хвалой по адресу третьиюньской (Столыпинской) земельной политики, которая весьма успешно, быстро и энергично, будит и остальных...

*«Наш Путь» № 4
от 29 августа 1913 г.
За подписью В. Ильин.*

Новые меры земельной „реформы“.

Правительство выработало новый проект закона, относящегося к крестьянскому землевладению. Предполагают спешно «ограничить дробление» хуторских и отрубных участков. Помещики хотят «защитить мелкую земельную собственность»—от распыления, распадаения и измелывания.

Суть закона в том, что с р е д н и е крестьянские участки, хуторские и отрубные, запрещается дробить. И при продаже, и при переходе по наследству такие участки должны оставаться в руках единоличного собственника. Остальные сонаследники получают денежные «выплаты» по оценке помещичьих землеустроительных комиссий.

Деньги для выплат дают под залог земли на особо льготных условиях через крестьянский банк. Размер средних (недробимых) участков определяется на основании крепостнических законов 1861 года об указном наделе.

Значение этого законопроекта очевидно. Помещики хотят создать привилегированную и защищенную от капитализма земельную собственность крестьянской буржуазии. Помещики, почувствовав, что их привилегии и их крепостническое землевладение колеблется, стараются привлечь на свою сторону ничтожный по численности, но самый богатый слой крестьянской буржуазии. Я поделюсь с вами маленькой долей своих привилегий,—говорит помещик кулакам и богатеям,—я вам помогу наживаться на счет массы разоряемых крестьян, а вы меня защитите от этой массы, вы будете опорой порядка. Таков классовый смысл нового законопроекта.

Соответствие с общим направлением третьеиюньской, так называемой Столыпинской, земельной политики самое полное. Это—одна и та же помещичья политика, и другой политики в России после 1905 года помещики, как класс, вести не могут. Иначе они не могут отстоять своих привилегий и даже своего существования.

Демократия—и рабочая и буржуазная (т.-е. крестьянство в массе)—должна сознать эту непререкаемую истину классовых отношений и сделать из нее неизбежные выводы. Нет ничего глупее и реакционнее той чиновничьей точки зрения, на которой стоят либералы и народники, боящиеся м о б и л и з а ц и и крестьянских земель, т.-е. свободной купли-продажи их. Например, «Речь» в двух передовицах о новом законопроекте заявляет, что «защита мелкой земельной собственности—явление необходимое». Беда, видите ли, в том, что третьеиюньская земельная политика принята была внезапно, как резкое политическое «орудие».

Премудрый либерал в роли «надклассового» чиновника, порицающего Столыпина, вождя помещиков, за употребление политического орудия в пользу помещиков! Трусливое желание укрыться

от неизбежной классовой борьбы прикрывается хныканьем по поводу связи интересов класса с политикой класса. Неудивительно, что Столыпин только смеялся над т а к и м и противниками.

«Защита мелкой земельной собственности», эта излюбленная формула либералов (русских) и народников, есть реакционная фраза. Рабочий класс поддерживает крестьянство (и руководит им) только тогда и постольку, поскольку и когда оно выступает демократически, т.-е. в интересах общественного развития и развития капитализма, в интересах избавления страны от гнета крепостников и от их привилегий. Всякое же ограничение мобилизации крестьянских земель есть мера, во-первых, нелепая, неспособная остановить капитализм и только ухудшающая положение массы, затрудняющая ей жизнь, заставляющая пускаться на, обход закона. А во-вторых, это—мера, на деле создающая маленький слой п р и в и л е г и р о в а н н ы х мелких буржуа, самых заскорузлых и тупых врагов прогресса.

Классовой политике крепостников помещиков—рабочий класс противопоставляет не фразы в «надклассовом» духе, а интересы иных классов, составляющих $\frac{9}{10}$ населения. Крестьянство, как мелко-буржуазная масса, долго будет колебаться между последовательным демократизмом пролетариата и надеждами на подачку от помещиков, на раздел привилегий с ними.

Но условия русских помещиков так тяжелы для крестьян, голодовки миллионов, при этих условиях, так обычны, что не может быть и сомнения насчет того, за кем пойдет все живое, жизнеспособное и сознательное.

*«Наш Путь» № 4
от 29 августа 1913 г.
За подписью В. Ильин.*

Классовая война в Дублине.

В столице Ирландии, в Дублине, полумиллионном городе не очень промышленного типа, классовая борьба, проникающая всю жизнь всякого капиталистического общества, обострилась до классовой войны. Полиция прямо-таки бешенствует, пьяные полицейские избивают мирных рабочих, врываются в дома, истязают стариков, женщин и детей. Сотни раненых (свыше 400) и двое убитых рабочих—таковы жертвы этой войны. Все

выдающиеся рабочие вожди арестованы. Хватают в тюрьму за самую мирную речь. Город похож на военный лагерь.

В чем дело? Как могла разгореться такая война в мирном, культурном, цивилизованном, свободном государстве?

Ирландия—нечто вроде английской Польши, только типа более галицийского, чем варшавско-лодзинско-домбровского. Национальный гнет и католическая реакция превратили пролетариев этой несчастной страны в нищих, крестьян—в заскорузлых, темных и тупых рабов поповщины, буржуазию—в прикрытую националистическим фразерством фалангу капиталистов, деспотов над рабочими; наконец, администрацию—в банду, привыкшую ко всяческому насилию.

Теперь ирландские националисты (т.-е. ирландские буржуи) победили: они выкупают свои земли от английских помещиков (лэндлордов); они получают национальное самоуправление (знаменитый гомруль, из-за которого шла такая долгая и упорная борьба Ирландии с Англией); они свободно будут править «своей» землей вкупе с «своими», ирландскими попами.

И вот эта националистическая ирландская буржуазия празднует свою «национальную» победу, свою «государственную» зрелость объявлением войны не на жизнь, а на смерть ирландскому рабочему движению.

В Дублине живет английский наследник. Но его власть уступает на деле власти дублинского вождя капиталистов, некоего Марфи (Murphy), издателя газеты «Independent» («Независимый»—не шутите!); главного акционера и директора компании городских трамваев и участника целой массы капиталистических предприятий в Дублине. Марфи объявил—конечно, от имени всех ирландских капиталистов, что готов затратить $\frac{3}{4}$ миллиона фунтов стерлингов (около 7 миллионов рублей) на разрушение ирландских профессиональных союзов.

А эти союзы начали развиваться великолепно. За торжествующей своей «национальную» победу ирландской буржуазной сволочью шел по пятам пробуждающийся к классовому самосознанию ирландский пролетариат. Он нашел себе талантливую вождя в лице товарища Ляркина (Larkin), секретаря союза ирландских транспортных рабочих. Обладающий замечательным ораторским талантом, человек кипучей ирландской энергии, Ляркин делал чудеса среди необученных рабочих—этой массы британ-

ского пролетариата, которую так часто в Англии отрезывает от передовиков рабочих проклятый мещанский, либеральный, аристократический дух английского «обученного» (skilled) рабочего.

Новый дух пробудился в ирландских рабочих союзах. Необученные массы внесли невиданное оживление в профессиональные союзы. Стали организовываться даже женщины—явление, дотоле невиданное в католической Ирландии. Дублин обещал сделаться передовым по рабочей организованности городом во всей Великобритании. Страна, для которой характерны были фигуры жирного упитанного католического попа да нищего, голодного, ободранного рабочего, который даже в воскресенье ходит в лохмотьях, ибо ему не на что купить праздничное платье,—эта задавленная двойным и тройным, национальным, гнетом страна стала превращаться в страну организованной армии пролетариата.

Марфи объявил крестовый поход буржуазии против Ляркина и «ляркинизма». Для начала рассчитывают 200 трамвайщиков, чтобы вызвать стачку во время выставки и о т р а в и т ь всю борьбу. Союз транспортных рабочих бастует, требуя возвращения уволенных. Марфи организует локауты против рабочих. Те отвечают стачками. Война идет по всей линии. Страсти разгораются.

Ляркин—между прочим, внук знаменитого Ляркина, казненного в 1867 г. за участие в освободительном ирландском движении—Ляркин говорит горячие речи на митингах. Он указывает в речи и на то, что партия английских буржуазных врагов ирландского «гомруля» призывает свободно к сопротивлению правительству, грозит революцией, организует вооруженное сопротивление гомрулю, забрасывает страну революционными воззваниями совершенно безнаказанно.

Но, что позволено реакционным а н г л и й с к и м шовинистам, Карсону, Лондондерри, Бонар Лоу (английским Пуришкевичам, националистам, травящим Ирландию),—то не позволено пролетарию-социалисту. Ляркина арестуют. Рабочий митинг запрещают.

Ирландия все же не Россия. Покушение на свободу собраний вызывает бурю возмущения. Ляркина д о л ж н ы привлечь к суду. А на суде Ляркин превращается в обвинителя и сажает фактически на скамью подсудимых самого Марфи. Перекрестным допросом свидетелей Ляркин доказывает, что Марфи имел долгие переговоры с наместником накануне его, Ляркина, ареста. Ляр-

кин заявляет, что полиция на содержании у Марфи,—и никто не смеет опровергнуть Ляркина.

Ляркина выпускают под залог (политическую свободу нельзя признать сразу). Ляркин объявляет, что он во что бы то ни стало будет на митинге. И, действительно, он приходит переодетым и начинает речь к толпе. Полиция узнает его, хватает и бьет. Начинается двухдневная диктатура полицейской дубины, избивание толпы, истязание женщин и детей. Полиция врывается в дома рабочих. Рабочего Н о л а н а, члена транспортного союза, избили до смерти. Другой умер от ран.

В четверг, 4 сентября (22 августа старого стиля), хоронили Нолана. Пролетарии Дублина составили шествие в 50.000 человек, провожая останки своего товарища. Полицейские звери попрятались, не смея раздражать толпы, и порядок был образцовый. «Это — более величественная демонстрация, чем при похоронах Парнеля» (знаменитого вождя ирландских националистов), говорил немецкому корреспонденту один старик-ирландец.

Дублинские события составят поворотный пункт в истории рабочего движения и социализма в Ирландии. Марфи грозил разрушить ирландские рабочие союзы. Он разрушил только последние останки влияния националистической ирландской буржуазии на пролетариат Ирландии. Он помог закалить самостоятельное, чуждое националистических предрассудков и революционное рабочее движение в Ирландии.

Это сказалось сразу на открывшемся 1 сентября (19 августа ст. ст.) конгрессе проф. союзов (трэд-юнионов) в Манчестере. Дублинские события зажгли делегатов—вопреки сопротивлению оппортунистов-профессионалистов, с их мещанским духом и восхищением перед начальством. Делегация дублинских рабочих была встречена овациями. Делегат Партридж, председатель дублинской секции союза металлистов, рассказал о возмутительных насилиях полиции в Дублине. Одна девушка-работница легла спать, когда в дом ворвалась полиция. Девушка спряталась в клозет. Ее вытащили за волосы. Полицейские были напоены. Эти люди (в кавычках) избивали десятилетних мальчиков и пятилетних детей!

Партриджа арестовывали дважды за речи, которые судья сам признал мирными. Я уверен,—говорил Партридж,—что меня арестуют теперь, если я публично прочитаю «Отче наш».

Манчестерский конгресс послал свою делегацию в Дублин. Тамошняя буржуазия схватилась опять за националистическое оружие (совсем как буржуа националисты у нас в Польше или на Украине, или среди еврейства!)—дескать, «англичанам нечего делать на ирландской земле»! Но националисты потеряли уже влияние на рабочих, к с ч а с т ь ю.

На конгрессе в Манчестере раздавались давно неслыханные речи. Предлагали весь конгресс перенести в Дублин и организовать всеобщую стачку во всей Англии. Смитли, председатель союза горнорабочих, заявил, что дублинскими приемами заставят английских рабочих всех пойти на революцию и что они сумеют научиться владеть оружием.

Английская рабочая масса медленно, но неуклонно, переходит на новый путь—от защиты мелких привилегий рабочей аристократии к великой героической борьбе самой массы за новое устройство общества. И на этом пути английский пролетариат, при его энергии и организованности, осуществит социализм быстрее и тверже, чем где бы то ни было

*«Наш Путь» № 5
от 30 августа 1913 г.
За подписью В.*

Либеральная слепота.

Обычный прием западно-европейских оппортунистов, начиная с Эдуарда Бернштейна, воззрения которого так решительно отвергла германская социал-демократия, состоит в следующем:

Посмотрите на то, что есть,—говорил Бернштейн и другие оппортунисты,—имейте мужество высказать, что есть: мы занимаемся все в Германии борьбой за реформы; мы все в сущности реформисты, мы—партия реформ. А уничтожение наемного рабства в ряде кризисов—одни слова, пустая утопия.

До сих пор этот прием оппортунистов повторяется ими сотни раз, и вся буржуазная печать (наша кадетская «Речь» в первую голову) постоянно пользуется этим рассуждением оппортунистов против марксизма. Кто интересуется серьезно судьбами рабочего движения, тот должен хорошо знать этот избитый маневр прямых врагов и ложных друзей пролетариата.

Совсем недавно (4 сентября) в петербургской ликвидаторской газете небезызвестный ликвидатор Дан повторил этот общеевропейский буржуазный маневр с достойной внимания аляповатостью или развязностью.

В самом деле, пусть судит читатель.

Раскроем лист рабочей газеты, будь то и «Северная Правда»,—писал Д.,—что мы увидим? Мы прочтем о деятельности рабочих организаций—профессиональных союзов, клубов, кооперативов; о собраниях членов этих организаций, их правлений, уполномоченных по страхованию и т. д.; об организуемых рабочими лекциях и рефератах; о стачках и стачечных комитетах; об организации различных сборов; о попытках политического оказательства различных групп рабочих в защиту ли рабочей печати, для почтения ли памяти Бебеля, или для какой-либо иной непосредственной цели».

Вот что «увидел» и «видит» Дан и ему подобные в «Северной Правде». И он, разумеется, подобно Бернштейну, восклицает: «не мешает прежде всего посмотреть на то, что есть» (курсив самого Дана). Он делает вывод, что ведь это все и есть борьба за свободу коалиций. «Лозунг борьбы за свободу коалиций, как самое насущное, очередное требование», «обобщает то, что есть».

Бернштейн уверял, что он только «обобщает то, что есть», когда он объявлял борьбу рабочего класса борьбой за реформы.

Дан уверяет, что он «обобщает то, что есть», когда объявляет движение рабочего класса в России реформистским.

Бернштейн подсовывал либеральное содержание рабочей борьбе за реформы,—борьбе, пропитанной совсем не реформистским содержанием. Буквально так же поступает Дан. Ничего, кроме либерального реформизма, он не видит и свою слепоту выдает за действительность.

Конечно, «Северная Правда» боролась за малейшее улучшение рабочей жизни и условий рабочей борьбы, но она делала это не по-либеральному, как эти господа Даны! В «Северной Правде» было многое, упущенное ими, была борьба с реформизмом, была защита нашего «старого», защита неурезанных лозунгов и т. д. По мнению г. Дана, это неважно. Они этого «не видят», не хотят видеть,—именно потому, что они либералы. Как и для всех либералов, для них неясна связь, тесная, неразрывная связь, которая есть у марксистов между защитой малейшего улучшения и защитой лозунгов своей организации и т. д. Для них неясно, что именно эта связь определяет коренную разницу миросозерцания либерала (он тоже за свободу союзов) и рабочего демократа.

Оторвите борьбу за реформы от борьбы за конечную цель— вот к чему сводится на деле проповедь Бернштейна. Оторвите борьбу за улучшения, за свободу союзов и т. д. от борьбы с реформизмом, от защиты марксизма, от его духа и направления— вот к чему сводится на деле проповедь Дана и остальных ликвидаторов.

Свою либеральную слепоту (не видеть связи с прошлым, не видеть его направления, не видеть борьбы с реформизмом) они хотят навязать рабочему классу. Но передовые рабочие, как доказало еще и еще раз собрание металлистов 25 августа, разгадали уже либеральную натуру Дана и его группы.

IX. 1913.

*Сборник «Марксизм и ликвидаторство», часть II.
За подписью В. Ильин.*

Необходимое разъяснение.

В № 24 «Новой Рабочей Газеты» мы встречаем забавную выходку по поводу нашего описания дублинских происшествий. На забавное не стоило бы, пожалуй, отвечать, если бы ликвидаторская газета не договорилась при этом до крайне важного и поучительного для рабочих разъяснения. Судите сами. Мы проводили разницу между Англией, в которой, благодаря существованию общих устоев политической свободы, вполне серьезное и действительное значение имеет со стороны рабочих требование реформы коалиционного законодательства (законов о свободе коалиции),—и Россией, где подобное требование есть несерьезная, пустая, либеральная фраза, но где осуществимы всерьез, при данных условиях, реформы вроде страхования.

Ликвидатор не понимает этой разницы. Поясним ее ему двумя вопросами: 1) Почему в Англии невозможна буржуазно-демократическая революция? революция из-за политической свободы? 2) Почему в России, в конце прошлого века, например, в 1897 году вполне возможны были частичные реформы фабричных законов и никем не оспаривались частичные требования рабочих в этой области, тогда как все тогдашние марксисты считали тогда либеральным обманом требования частичных политических реформ?

Подумав над этими вопросами, ликвидатор может догадаться о причинах различного отношения к разным реформам в России и в Англии.

А теперь к важному разъяснению ликвидаторской газеты.

«Но—пишет она (№ 24, стр. 2, столб. 1)—если для частичного изменения страхового законодательства не нужно этих устоев» (т.-е. общих устоев политической свободы), «то почему они необходимы для частичного изменения закона 4 марта 1906 г. и отдельных статей указа 2 декабря 1905 года о стачках?»

Поздравляем и благодарим за откровенность! Попали как раз в точку: «частичное изменение законов 4 марта 1906 года и 2 декабря 1905 года» вполне возможно без чего-либо общего! Превосходно.

Только... знаете ли что?.. только называется такое «частичное изменение законов 4 марта 1906 г. и 2 декабря 1905 г.» не «свободой коалиций», а октябристским обманом народа.

Писатели «Новой Рабочей Газеты» признали именно то, что и требовалось доказать.

Под «свободой коалиций», которой вас угощают либералы и ликвидаторы, надо разуть:

«Частичное изменение законов 4 марта 1906 г. и 2 декабря 1905 года».

Еще раз благодарим за откровенность. Так и запишем, что основной, центральный, главный, первостепенный и пр. и пр. лозунг ликвидаторов состоит, по их собственному признанию, в требовании частичного изменения законов 4 марта 1906 г. и 2 декабря 1905 г.

Не правда ли, как блестяще опровергла «Новая Рабочая Газета» свою принадлежность к либералам?

Недаром ликвидаторов прозвали социал-демократическими октябристами.

IX. 1913.

Сборник «Марксизм и ликвидаторство», часть II.

За подписью В. Ильин.

Либеральная буржуазия и реформизм.

На трехтысячном собрании союза металлистов в Петербурге потерпели решительное поражение реформисты, собравшие до 150 голосов за свой список членов правления.

Этот факт наталкивает даже самых беспринципных людей на принципиальные вопросы современной русской политики. Массы людей во всех классах интересуются политикой в России, но немногие сознают значение принципиальной постановки вопросов политики. Немногие сознают значение партий, дающих всегда продуманные, точные, оформленные ответы на эти вопросы. А когда партии связаны с определенными классами, то подобные ответы даются на основании опыта работ в массах и проверяются годами такой работы.

Именно таковы ответы марксистов, оценивших третьеиюньскую систему и свои задачи по отношению к ней более четырех с половиной лет тому назад. Целая пропасть отделяет рабочих, которые на всех и всяческих поприщах действуют годы и годы добросовестно в духе этих ответов, от растерянных интеллигентов, боящихся всякого определенного ответа и скатывающихся на каждом шагу к реформизму и ликвидаторству.

Нельзя не пожалеть людей, которые, наблюдая борьбу марксистов с ликвидаторами, отделяются жалкими словами о вреде споров, раздоров, междоусобицы, фракционности... А к этим людям принадлежат многие «тоже-марксисты» и все «левые» народники!

Принципиальные сторонники буржуазии и враги марксизма, либералы из газеты «Речь», не могли пройти мимо вышеуказанных фактов. В редакционной статье (№ 234) они повторяют все избитые жалкие слова,—но не ограничиваются ими.

Либералы вынуждены признать, что «борьба большевиков с ликвидаторами ведется повсеместно», что «она проникла во все поры рабочего организма».

Что же? Могло это быть случайно?

Нет...

Давно уже вырисовывались крупные принципиальные разногласия, в конечном счете сводящиеся к вопросу о ходе дальнейшего развития страны.

Наконец-то, додумались! Марксисты разъяснили это в декабре 1908 года, либералы начали понимать в августе 1913 года. Лучше поздно, чем никогда.

Мыслим ли,—продолжает либеральная газета,—путь реформ, или же «реформы возможны лишь, как побочный результат движения, совершенно свободного от всякой узости реформизма» (цит. из «Сев. Правды»). Вот как ставится вопрос.

Именно! Вопрос о ликвидаторстве есть лишь часть вопроса об откалывающихся от марксизма беспартийных реформистах.

Но интересно посмотреть, как же либералы, принципиальные сторонники реформизма, защищают его?

Конечно, в мнении о возможности реформ лишь как «побочного результата» много метафизики и фатализма. Без реформаторов и без реформизма не может быть и реформ, хотя бы и как «побочного результата»...

Вот опять образец сердитых слов и попытки увильнуть от ответа! При чем тут метафизика, когда исторический опыт, опыт Англии, Франции, Германии, России, опыт всей новейшей истории человечества в Европе и в Азии, показывает, что серьезные реформы бывали лишь побочным результатом движения, совершенно свободного от узости реформизма?

При чем тут фатализм, когда тот же опыт говорит ясно, что наибольшей действенностью отличались именно классы, враждебные реформизму?

Или, может быть, в поведении русского рабочего класса первых лет XX века заметно больше «фатализма», чем в поведении либеральных земцев и буржуазии последней трети XIX века? Вы делаете себя смешными, господа либералы!

И неужели вы такие невежды, что не видите связи между интересами буржуазии, как класса, и ее стремлением ограничиться реформизмом?—между положением рабочего класса и его обратным стремлением?

Нет, господа, плохие вы защитники реформизма вообще! Но может быть вы лучше защищаете реформизм в современной России?

... Надо признать,—продолжает «Речь»,—что современная обстановка, неоднократно доказывавшая самым скромным реформаторам всю тщетность их усилий, толкает мысль, а в особенности чувства людей к отрицанию реформизма.

Вот тебе раз! Выходит, что даже вы, принципиальные сторонники реформизма, не можете сослаться ни на опыт истории, ни на «современную обстановку» России. Даже вам приходится признать, что эта обстановка—против вас!

Какие же вы метафизики и фаталисты, господа,—или какие слепые рабы узкого, корыстного, трусливого денежного мешка—если, вопреки опыту истории, вопреки опыту «современной обстановки», вы продолжаете занимать беспринципную позицию реформизма. Сами не веря в реформы, не защищаете ли вы на

деле той буржуазии, которая стремится поживиться на чужой счет?

Понятно, что передовой отряд рабочего класса России, петербургские металлисты нанесли уничтожающее поражение реформистам и ликвидаторам в их собственной среде. По данным либеральной и реформистской «Речи» реформисты-ликвидаторы собрали 150 голосов из 2.000, то-есть $7\frac{1}{2}$ голосов из сотни. Не доказывает ли это еще и еще раз,—после выборов от рабочих в IV Думу, после истории возникновения рабочей печати в Питере и Москве, что ликвидаторы представляют лишь растерянных и полулиберальных интеллигентов? что масса сознательных рабочих твердо и решительно осудила и отвергла их?

IX. 1913.

Сборник «Марксизм и ликвидаторство», часть 1.

За подписью В. Ильин.

Марксизм и реформизм.

Марксисты признают, в отличие от анархистов, борьбу за реформы, т.-е. за такие улучшения в положении трудящихся, которые оставляют власть по-прежнему в руках господствующего класса. Но вместе с тем марксисты ведут самую решительную борьбу против реформистов, которые прямо или косвенно ограничивают стремления и деятельность рабочего класса реформами. Реформизм есть буржуазный обман рабочих, которые всегда останутся наемными рабами, несмотря на отдельные улучшения,—пока существует господство капитала.

Либеральная буржуазия, одной рукой давая реформы, другой рукой всегда отбирает их назад, сводит их на-нет, использует их для закабаления рабочих, для разделения их на отдельные группы, для увековечения наемного рабства трудящихся. Поэтому реформизм, даже тогда, когда он вполне искренен, превращается на деле в орудие буржуазного развращения и обессиления рабочих. Опыт всех стран показывает, что, доверяясь реформистам, рабочие всегда оказывались одураченными.

Наоборот, если рабочие усвоили учение Маркса, т.-е. знали неизбежность наемного рабства, пока сохраняется господство капитала, то они не дадут себя обмануть никакими буржуазными реформами. Понимая, что при сохранении капитализма

реформы не могут быть ни прочны, ни серьезны, рабочие борются за улучшения и используют улучшения для продолжения более упорной борьбы против наемного рабства. Реформисты стараются подачками разделить и обмануть рабочих, отвлечь их от их классовой борьбы. Рабочие, сознавшие лживость реформизма, используют реформы для развития и расширения своей классовой борьбы.

Чем сильнее влияние реформистов на рабочих, тем бессильнее рабочие, тем зависимее они от буржуазии, тем легче буржуазии разными уловками сводить реформы на-нет. Чем самостоятельнее и глубже, шире по целям рабочее движение, чем свободнее оно от узости реформизма, тем лучше удастся рабочим закреплять и использовать отдельные улучшения.

Реформисты есть во всех странах, ибо везде буржуазия старается так или иначе развратить рабочих и сделать их довольными рабами, отказывающимися от мысли об уничтожении рабства. В России реформисты, это—ликвидаторы, которые отказываются от нашего прошлого, чтобы усыпить рабочих мечтами о новой, открытой, легальной партии. Недавно, вынужденные «Северной Правдой», петербургские ликвидаторы стали защищаться от обвинения в реформизме. На их рассуждениях надо внимательно остановиться, чтобы отчетливо выяснить чрезвычайно важный вопрос.

Мы не реформисты,—писали петербургские ликвидаторы,—ибо мы не говорили, что реформы—все, что конечная цель—ничто; мы говорили: движение к конечной цели; мы говорили: через борьбу за реформы к полноте поставленных задач.

Посмотрим, соответствует ли эта защита истине.

Первый факт. Ликвидатор Седов, сводя заявления всех ликвидаторов, писал, что из «трех китов», выставляемых марксистами, два не подходят сейчас для агитации. Он оставлял 8-часовой рабочий день, который, теоретически, осуществим, как реформа. Он устранял или отодвигал именно то, что выходит из рамок реформы. Следовательно, он впадал в самый явный оппортунизм, проводя как раз ту политику, которая выражается формулой, что конечная цель—ничто. Это и есть реформизм, когда «конечную цель» (хотя бы по отношению к демократизму) отодвигают подальше от агитации.

Второй факт. Пресловутая августовская (прошлогодняя) конференция ликвидаторов также отодвигает подальше—на осс-

бый случай—требования нереформистские, вместо того, чтобы их придвинуть поближе, в самую сердцевину агитации.

Третий факт. Отрицая и принижая «старое», отмахиваясь от него, ликвидаторы тем самым ограничиваются реформизмом. В современной обстановке связь реформизма с отречением от «старого» очевидна.

Четвертый факт. Экономическое движение рабочих вызывает гнев и нападки ликвидаторов («азарт», «махание руками» и проч. и проч.), как только оно связывается с лозунгами, выходящими за пределы реформизма.

Что же мы получаем в итоге? На словах ликвидаторы отклоняют принципиальный реформизм, на деле—проводят его по всей линии. С одной стороны, нас уверяют, что реформы для них вовсе не есть все,—а с другой стороны, всякий выход на практике марксистов за пределы реформизма вызывает или нападки, или пренебрежительное отношение ликвидаторов.

При этом события во всех областях рабочего движения показывают нам, что марксисты не только не отстают, а напротив—идут явно впереди в деле практического использования реформ и борьбы за реформу. Возьмите выборы в Думу по рабочей курии—выступления депутатов в Думе и вне Думы, постановку рабочих газет, использование реформы страхования—союз металлистов, как крупнейший профессиональный союз, и т. д.—везде вы видите перевес марксистов-рабочих над ликвидаторами в области непосредственной, ближайшей, «будничной» работы агитации, организации, борьбы за реформы и использования их.

Марксисты неустанно ведут работу, не упуская ни единой «возможности» реформ и их использования, не порицая, а поддерживая, заботливо развивая всякий выход за пределы реформизма и в пропаганде, и в агитации, и в экономическом массовом действии, и т. д. А отошедшие от марксизма ликвидаторы своими нападками на самое существование марксистского целого, своим разрушением марксистской дисциплины, своей проповедью реформизма и либеральной рабочей политики только дезорганизуют рабочее движение.

Не надо забывать кроме того, что в России реформизм проявляется еще в особой форме, именно в виде отождествления коренных условий политической обстановки современной России и современной Европы. С точки зрения либерала такое отождествление законно, ибо либерал верует и исповедует, что «у нас есть;

слава богу, конституция». Либерал выражает интересы буржуазии, когда он защищает тот взгляд, что после 17 октября всякий выход демократии за пределы реформизма есть безумие, преступление, грех и т. п.

Но именно эти буржуазные взгляды проводятся на деле нашими ликвидаторами, которые постоянно и систематически «переносят» в Россию (на бумаге) и «открытую партию» и «борьбу за легальность» и т. п. Другими словами, они, подобно либералам, проповедуют перемещение в Россию европейской конституции без того своеобразного пути, который на Западе привел к созданию конституций и к их упрочению в течение поколений, иногда даже в течение веков. Ликвидаторы и либералы хотят, как говорится, вымыть шкуру, не опуская ее в воду.

В Европе реформизм означает на деле отказ от марксизма и подмену его буржуазной «социальной политикой». У нас реформизм ликвидаторов означает не только это, а кроме того еще разрушение марксистской организации и отказ от демократических задач рабочего класса, подмену их либеральной рабочей политикой.

IX. 1913.

Сборник «Марксизм и ликвидаторство», часть II.

За подписью В. Ильин.

Купец Салазкин и писатель Ф. Д.²⁴).

Выступление купца Салазкина имеет, несомненно, крупное общественное значение. Отошла в область прошлого та историческая эпоха «первоначального накопления», когда дворянин-помещик ворчал и ходатайствовал о «доверии», а купец кланялся и благодарил.

Отошла и первая полоса третьейиюньской, контр-революционной эпохи, когда перепуганный на смерть движением масс купец с восторгом и умилением взирал на Столыпина. Началась вторая полоса, полоса рабочего подъема, «общественного» оживления и купцовского либерализма.

Правильная оценка этого либерализма, среднего между октябризмом и партией к.-д., все более навязывается (в силу хода событий) даже мелко-буржуазной демократии. «Северная Правда» приводила недавно справедливое рассуждение «Киев-

ской Мысли» (см. «Северная Правда» № 9 от 11 августа) с б о т д е л е н и и либерализма от демократии, о сближении либерализма кадетов—не говоря уже о «прогрессистах» — с реакционным национализмом.

Но некоторые писатели оказываются позади даже мелко-буржуазной демократии, будучи пленены своей оппортунистической доктриной. Во главе этих писателей, конечно, идет ликвидатор Ф. Д.

Оценивая выступление Салазкина, Ф. Д. писал («Новая Рабочая Газета» от 23 августа), что правы черносотенцы, вопиющие против Салазкина, «но права и левая (читай: либеральная) печать, указывающая на органическую неспособность бюрократии удовлетворить назревшие потребности страны. Не-права одна только «Россия».

«Не любовью к радикальным программам,—писал Ф. Д.,—а отсутствием порядка и законности объясняется выступление Салазкина. Купец забунтовал... А раз это так, то, как бы враждебно ни относился купец к программам радикальным, он принужден будет, если не сегодня, так завтра, комбинировать свои усилия с усилиями более радикальных слоев страны».

Такова оценка Ф. Д. Дальше комбинирования либерализма с рабочими он не идет

Оригинальная вещь! Комбинирования усилий купца с усилиями черносотенного помещика Ф. Д. не замечает. Он не замечает, что Салазкин стоит за «основы» третьеиюньского режима, желая оттеснить Пуришкевича в пределах этих основ.

Он не замечает, с другой стороны, разницы между р е ф о р м и с т с к о й позицией либералов и Салазкина,—и позицией рабочего класса, чуждой убогой узости рефóрмизма. То существенное, чем отличается теперь демократия от либерализма, упущено писателем Ф. Д.

Ф. Д. интересуется только одним: «комбинированием» либералов с рабочими. Интересная... специальность!

Посмотрите на статью Ф. Д. как на политический документ — с «общеевропейской» точки зрения (Ф. Д. и его друзья так любят, ведь, говорить о своем европеизме...). Вы увидите, что Ф. Д. вполне разделяет позицию Ллойд-Джорджа и крайних оппортунистов «рабочей партии» (на английский масштаб);—или позицию Комба или Жореса (на масштаб французский);—или позицию

«Berliner Tageblatt», органа левых либералов в Берлине, и Бернштейна, Кольба, Фольмара.

В статье Ф. Д. нет ничего, неприемлемого для левого кадета, который хлопочет о «комбинировании» «усилий Салазкиных с усилиями более радикальных слоев страны».

Марксист говорит рабочим: используйте несогласия Салазкиных с Пуришкевичами, нейтрализуя шатания Салазкиных, которые «комбинировались» с Пуришкевичами много теснее, чем с оппозицией. Либерал говорит рабочим: Салазкины принуждены будут комбинировать свои усилия с вашими.

Отчего же писатель Ф. Д. забыл объяснить классовые корни реформизма либералов вообще, Салазкина в частности? Отчего Ф. Д. забыл даже указать на всю нелепую, смешную, уродливую узорность реформизма купцов Салазкиных при русских условиях?

Не оттого ли, что писатель, в о п р е к и своей марксистской «вывеске», стоит на той же точке зрения реформизма, на которой стоит купец Салазкин в с о г л а с и и с интересами своего класса и со своей прогрессистской, т.-е. полуоктябристской, вывеской?

«Северная Правда» № 26

от 1 сентября 1913 г.

За подписью: Почти примиренец.

Стачки металлистов в 1912 году.

Общество заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района издало в текущем году (Москва 1913 г., типография П. П. Рябушинского) нечто вроде отчета о своей деятельности за 1912 год. Едва ли не наиболее интересной частью этого отчета являются данные о забастовочном движении по различным районам России.

I.

Все число бастовавших рабочих в России определяется обществом московских фабрикантов в 96.750 в 1911 году, и в 211.595 в 1912 году. Эти цифры относятся т о л ь к о к экономическим стачкам. Политических стачечников общество считает 850 тысяч в 1912 году, 8 тысяч в 1911 году и 4 тысячи в 1910 г.

Заметим, что 6.000 ленских стачечников общество московских тузов не считает вовсе, «для удобства сравнения с официальными

сведениями», не охватывающими заведений, которые не подлежат надзору фабричной инспекции. Разумеется, гарантий правильности такого сравнения мы все же не имеем: господа заводчики вздумали подражать дурным сторонам нашей казенной статистики, не заботясь ни о полноте своих данных, ни даже об аккуратности своих счетчиков. Например, сводная таблица о числе стачечников (на стр. 23 отчета) прямо поражает самыми грубыми ошибками, которые мы старались исправить, давая приведенные выше итоги. Эта таблица определяет число металлистов, бастовавших в Царстве Польском за весь 1912 год, в 2.390 человек, а на странице 56-й нам сообщают, что за семь месяцев в 1912 года бастовало в Ц. П. 3.790 металлистов!

Нельзя не пожелать, чтобы наши Киты-Китычи нанимали себе писателей, умеющих считать, или отдавали свою статистику на проверку и исправление в рабочие профессиональные общества.

Посмотрим, какова была роль металлистов в экономическом стачечном движении 1912 года, по данным фабрикантов.

Общее число стачечников в 211.595 чел распределяется по этим данным так: металлистов—78.195, текстильщиков—89.540 и рабочих всех прочих отраслей промышленности—43.860 человек. Так как металлистов в России гораздо меньше, чем текстильщиков, то эти данные сразу указывают нам на то, что металлисты вели в 1912 году самую упорную и настойчивую стачечную борьбу по сравнению с рабочими остальных отраслей промышленности. Чтобы точнее выразить этот вывод, сопоставим общее число рабочих в России с числом стачечников в 1912 г.:

	Все число рабочих в России по данным 1908 года 1910 года (считая гор- (не считая ных). горных).		В числе стачеч- ников за 1912 год (по сведе- ниям общества заводчиков).
Металлисты. . .	529.274	280.194	78.195
Текстильщики .	823.401	840.520	89.540
Прочие	901.112	831.241	43.860
Всего	2.253.787	1.951.955	211.595

Эти данные показывают ясно, что по энергии стачечной борьбы металлисты стоят на первом месте, второе место принадлежит текстильщикам, а последнее место занимают рабочие прочих отраслей промышленности.

Если бы «прочие» рабочие бастовали так же энергично, как металлисты, это увеличило бы число стачечников тысяч на 90.

Несомненно, что сравнительно более выгодные для металлистов условия рынка в 1912 году облегчили им стачечную борьбу, но, если по упорству борьбы металлисты стоят выше всех, то по успешности экономических стачек «прочие», как увидим, находились в наилучших условиях.

II.

Упорство стачечной борьбы определяется, между прочим, средней продолжительностью стачек. Эту среднюю продолжительность дает деление всего числа потерянных от забастовки рабочих дней на число забастовщиков.

Вот цифры общества заводчиков:

	Средняя длитель- ность за- бастовок.
1895—1904 годы	4,8 дней.
1909 год	6,5 »
1911 »	8,2 »
1912 »	13,4 »

«Оказывается,—пишет отчет,—что сопротивляемость рабочих в 1912 году увеличилась почти вдвое против 1911 года». Добавим, что если взять данные за последние 7 месяцев 1912 года (собственно говоря, только эти данные и разработаны сколько-нибудь сносно в рассматриваемом отчете), то получим среднюю продолжительность стачки в 16 дней.

Настойчивость рабочих в стачечной борьбе, следовательно, несомненно возрастает и чем дальше, тем больше.

По отраслям производства, продолжительность стачки была:

	В 1911 году.	В 1912 году.	За по- следние 7 месяцев 1912 года.
У металлистов	10,0 дней	14,2 дня.	18,8 дней.
» текстильщиков	9,2 »	11,9 »	14,0 »
» прочих	5,0 »	15,6 »	16,0 »

По всем производствам 8,2 дней 13,4 дня 16,0 дней

Мы видим, что по продолжительности стачек металлисты стояли на первом месте и в 1911 году, и во второй половине 1912 года. Только в первой половине 1912 года это первое место заняли «прочие», а металлисты оказались на втором месте. Текстильщики в течение всего рассматриваемого времени стояли на втором месте по продолжительности стачек.

III.

Общие результаты стачек г.г. заводчики определяют, вычисляя «у б ы т к и промышленности» от стачек. Выигрыша же рабочего класса от стачек наши капиталисты совсем не желают вычислять! Вот итоги фабрикантской статистики:

Отрасли промышленности.	Прямые убытки про- мышленни- ков от ста- чек (эконо- мических)	Потери ра- бочих на заработной плате	Потери страны от недопроиз- водства
	(в тысячах рублей).		
Металлическая	558	1.145	4.959
Текстильная	479	807	6.010
Прочие	328	529	3.818
Всего за 1912 год	1.365	2.391	14.787
» » 1911 »	402	716	4.563

Отсюда видно, что в 1912 году капиталисты в т р о е больше понесли убытков от стачек, чем в 1911 году.

Но,—возразят нам представители буржуазной политической экономии,—ведь и «страна» потерпела втрое большие убытки, и рабочие потерпели втрое большие потери на заработной плате, при чем потери рабочих гораздо значительнее, чем убытки фабрикантов!

Выходит,—по фабрикантской статистике и по буржуазной логике,—что эти неразумные рабочие причиняют стачками только себе вред, и что попечительное начальство с благодетелями-капиталистами, преследуя стачки, печется как раз об интересах рабочих...

Но вот те же заводчики сообщают нам, что относительно 96.730 стачечников за 1911 год удалось определить результаты стачек.

47.369 рабочих (т.-е. 49 проц.) потерпели поражение в стачечной борьбе, а 49.361 (т.-е. 51 проц.) получили полное или частичное удовлетворение, т.-е. одержали победу.

Вот этого результата стачек фабрикантская статистика и буржуазная экономия не любит учитывать! Да и не учтешь его рублями: кроме прямого выигрыша рабочих от увеличения заработной платы при победоносных стачках есть еще один «выигрыш». Весь рабочий класс — а следовательно, и вся страна (страна трудящихся масс, а не буржуазного меньшинства) — выигрывает от того отпора, который стачками оказывают рабочие г.г. эксплуататорам. Без этого отпора рабочие совсем превращались бы в нищих, задавленные дороговизной жизни, — без этого отпора из людей они совсем превращались бы в безнадежных рабов капитала.

За вторую половину 1912 года успешность стачек, по статистике фабрикантов, уменьшилась: 52 проц. рабочих забастовщиков потерпело поражение, только 36 проц. одержало победу и 11 проц. остались с невыясненными результатами стачек. Но здесь мы должны рассмотреть тщательнее роль бастовавших металлистов в России вообще и в разных районах ее особенно.

IV.

Общество московских заводчиков дает сколько-нибудь разработанные сведения о стачках, как мы уже упоминали, только за последние 7 месяцев 1912 года. Сведения эти охватывают 5 районов России: Московский, Петербургский, Прибалтийский, Юг и Царство Польское.

Металлисты, бастовавшие в течение указанных месяцев, распределяются по районам следующим образом:

Число бастовавших (в течение последних месяцев 1912 года).		
Р а й о н ы.	Всего.	В том числе металлистов.
Московский	48.140	3.760
Петербургский.	35.390	15.160
Прибалтийский	13.210	1.160
Юг	22.195	16.605
Царство Польское	12.690	3.790
Всего	131.625	40.475

Итак, на юге металлисты преобладают в общем числе бастовавших рабочих. В Петербургском районе они составляют очень значительную часть бастовавших (свыше 40%), уступая только текстильщикам (16.770 бастовавших в Петербургском районе). В Московском, Прибалтийском и Польском районах металлисты составляли небольшое меньшинство бастовавших.

Если сравнить первые 5 месяцев 1912 г. с последними 7-ю, то получим следующую картину:

	Число бастовавших рабочих за	
	первые 5 мес. 1912 года.	последние 7 мес.
Металлисты	37.720	40.475
Текстильщики	22.950	66.590
Прочие	19.300	24.560
Всего .	79.970	131.625

За вторую половину года несколько ослабела стачечная энергия металлистов;—очень сильно возросла забастовочная борьба у текстильщиков;—и приблизительно на том же уровне осталось забастовочное движение рабочих прочих отраслей промышленности.

V.

По вопросу об усилении стачек Московское общество заводчиков делит бастовавших рабочих на три группы: потерпевших поражение,—одержавших победу (получили полное или частичное удовлетворение),—и бастовавших с невыясненными результатами борьбы.

Этот вопрос—один из наиболее интересных из всех вопросов стачечной статистики. Разработан он обществом миллионеров плохо: нет, например, данных о стачках наступательных (т.-е. таких, когда рабочие требуют изменения к л у ч ш е м у условий своей жизни и работы) и стачек оборонительных (когда рабочие сопротивляются вводимым капиталистами изменениям к х у д ш е м у условий рабочей жизни). Нет, далее, подробных сведений о причинах стачек (такие сведения есть даже в нашей казенной статистике) и т. д.

Кроме того, и разработка имеющихся сведений обществом Московских заводчиков крайне, крайне неудовлетворительна.

Бросаются в глаза даже случаи прямого искажения данных; например, в Московском районе число одержавших победу металлистов определено всего в 40 человек (при 3.420 потерпевших поражение и 300 бастовавших с невыясненными результатами борьбы).

Между тем в тексте отчета, на стр. 35, читаем, что в начале июля 1912 года происходили забастовки рабочих в ряде художественно-слесарных мастерских, всего с в ы ш е 1.200 ч е л о в е к в 75 предприятиях. Стачка была наступательная: рабочие требовали введения 9-часового рабочего дня; 7-часового дня под праздники, повышения заработной платы, улучшения санитарных условий. Владельцы мастерских попробовали организовать для отпора и единогласно решили не делать уступок и не принимать заказов с бастующих заводов. Но рабочие, видимо, удачно выбрали момент: был разгар строительного сезона, «свободных рабочих найти было трудно. К к о н ц у и ю л я в б о л ь ш и н с т в е м а с т е р с к и х х о з я е в а п о ш л и н а у с т у п к и».

Так говорится в отчете! А в статистической таблице значится только 40 (с о р о к!) выигравших забастовку металлистов. Невольно является мысль, не «забывали» ли господа фабрикантские статистики особенно охотно как раз о п о б е д а х рабочих? Не старались ли они—«нечаянно», конечно, угодить Кит-Китычам преуменьшением числа победивших рабочих.

Во всяком случае осторожно-недоверчивое отношение к статистике фабрикантов и настойчивые попытки создать с в о ю, рабочую, стачечную статистику обязательны для организованных и сознательных рабочих.

Общие данные общества заводчиков об успешности стачек таковы:

Число стачечников.	Метал- листы.	Текстиль- щики.	Прочие.	Всего.
Потерпевш. пораж.	19.990	43.085	7.150	70.225
Одержавш. победу	17.860	20.285	9.520	47.665
Бастовавш. с невыясненными результатами	2.625	3.220	7.890	13.735
Всего	40.475	66.590	24.560	131.625

Отсюда видно, что всего успешнее были стачки у рабочих прочих отраслей промышленности: число победителей

п р е в ы ш а е т число побежденных. На втором месте стоят металлисты: число победителей все же очень значительно, составляя свыше 40% всего числа бастовавших. Хуже всех результаты были у текстильщиков: число побежденных более чем вдвое превышает число победителей.

VI

В общем и целом, результаты стачечной борьбы в 1912 году, хотя и хуже чем в 1911 году, но все же недурны. Чтобы легче было провести сравнение за разные годы, примем, что число бастовавших с невыясненными результатами делится поровну между победителями и побежденными. Тогда мы получим, что за последние 7 месяцев 1912 год из 132-х тысяч стачечников было 77 тысяч побежденных (т.-е. 58,4%) и 55 тысяч победителей (т.-е. 41,6%).

Нельзя ручаться, что эти данные вполне однородны с данными официальной статистики за прежние годы. Но мы все же приведем и эти данные, чтобы рабочие могли судить, какова в о о б щ е бывает в России успешность стачек, в лучшие и в худшие годы рабочего движения.

Число бастовавших рабочих
(в тысячах)

Сумма за 10 лет.	Победителей.	%	Побежденных.	%	Всего.
1895 — 1904	159	37,5%	265	62,5%	424
1905 год	705	48,9%	734	51,1%	1.439
1906 »	233	50,9%	225	40,1%	458
1907 »	59	29,5%	141	70,5%	200
1908 »	—	—	—	—	—
1909 »	—	—	—	—	—
1910 »	—	—	—	—	—
1911 »	49	51,0%	47	49,0%	96
1912 (7 месяцев)	55	41,6%	77	58,4%	132

Итак, результаты стачек за вторую половину 1912 года х у ж е, чем в 1905, 1906 и 1911 годах, н о л у ч ш е, чем за 1895—1904 годы, и л у ч ш е, чем за 1907 год. Повторяем, полной сравнимостью за разные годы данные, имеющиеся в нашем распоряжении, наверно, не отличаются, но известное представление о делах они все же могут дать.

Заметим, что по английской статистике стачек, в среднем за 10 лет, 1900—1909, процент рабочих, выигравших забастовку, равняется 26,8%, проигравших 31,7%, а кончивших борьбу компромиссом 41,3%. При делении последних поровну между победителями и побежденными, получаем: победителей—47,5%, а побежденных—52,3%. Стачки в России в 1905 и в 1906 годах—а также в 1911 году—были успешнее средних английских стачек, несмотря на гигантское преимущество английских рабочих в отношении организованности и политической свободы.

VII.

Небезынтересно сравнить успешность стачек металлистов в разных районах России.

Московский и Петербургский районы в этом отношении отличаются от всех остальных. И стачки металлистов, и стачки всех рабочих вообще были, сравнительно, неуспешны за семь последних месяцев 1912 года в Московском и Петербургском районах. Обратное наблюдалось в остальных районах.

Вот данные о Московском и Петербургском районах:

	Число бастовавших металлистов за последние 7 мес. 1912 года	
	в Московском районе.	в Петербургск. районе.
Побежденных	3.420	10.840
Победителей	40	4.170
С невыясненн. рез. . . .	300	150
Всего	3.760	15.160

Число побежденных рабочих очень значительно превышает число победителей. То же самое относится к текстильщикам обоих районов и к «прочим» в Петербургском районе. Только в Московском районе «прочие» показывают большее число победителей (4.380), чем побежденных (1.230).

Очевидно в Московском и Петербургском районах были некоторые общие условия, невыгодные для рабочих стачек во всех почти отраслях промышленности.

Наоборот, на Юге, в Прибалтийском и в польском районах стачки всех рабочих вообще и металлистов в частности были успешны.

Число бастовавших металлистов за последние 7 месяцев 1912 года:

	на Юге.	в Прибалтийском районе.	в Царстве Польском.
Побежденных	4.390	440	900
Победителей	10.040	720	2.890
С невыясненн. рез.	2.175	—	—
Всего	16.605	1.160	3.790

В Польском районе всех значительнее победа металлистов, да и вообще в этом районе экономические условия стачечной борьбы сложились всего выгоднее для рабочих. Они победили здесь во всех отраслях промышленности (на Юге потерпели поражение «прочие», а в Прибалтийском крае «вничью» кончилась борьба текстильщиков: и победителей и побежденных было по 1.485). Даже текстильщики, потерпевшие вообще по России за вторую половину 1912 года всего более сильное поражение (43 тысячи побежденных при 20 тыс. победителей), одержали блестящую победу в Царстве Польском: только 390 побежденных и 8.060 победителей.

На Западе и Юге России рабочие наступали на капиталистов и одерживали крупные победы; в Москве и в Питере они тоже наступали, но их атаки в большинстве случаев были отбиваемы. К сожалению, разбираемые нами данные слишком скудны и не позволяют провести сравнения с 1911 годом, так что нет возможности составить определенного заключения о причинах такой разницы.

VIII.

По упорству стачек, как мы видели, металлисты занимают первое место, а текстильщики—последнее. Интересно сравнить упорство успешных и неуспешных стачек у металлистов. Вот данные об этом:

	Число бастовавших металлистов.	Число потерянных дней (тысяч).	Среднее число потерянн. дней на 1 забастовщ.
Побежденных	19.990	230,7	11,5
Победителей	17.860	387,3	21,4
С невыясн. рез.	2.625	145,3	55,4
Всего	40.475	763,3	18,8

Мы видим, что успешные стачки у металлистов отличались почти вдвое большим упорством, чем неуспешные (21,7 дней против 11,5). Победа доставалась нелегко. Сломить капиталистов удавалось только при громадной энергии и настойчивости. А с невыясненными результатами остались, видимо, такие стачки, когда силы «врагов» более или менее уравнивались, и борьба отличалась необыкновенным упорством: средняя продолжительность таких неопределенных (по результату) стачек—55,4 дня.

Заметим, что у «прочих» рабочих мы наблюдаем тоже большее упорство успешных стачек, а у текстильщиков наоборот: упорнее были неуспешные стачки.

Сравнение данных об упорстве стачечной борьбы металлистов в разных районах дает следующие результаты:

Средняя продолжительность стачки на 1 бастовавшего металлиста.					
	В Московском районе.	В Петербургском районе.	В Прибалтийском крае.	На Юге.	В Царстве Польском.
У побежденных	11,5	12,1	5,9	12,0	5,2
У победителей.	7,5	36,2	23,7	14,9	22,4
При невыясн. рез..	12,0	261,3	—	47,1	—
Всего . . .	11,5	21,4	17,0	18,4	18,3

На первом месте, по упорству стачек металлистов вообще, стоит Петербургский район; за ним идет Южный, потом Польский, Прибалтийский и, наконец, Московский. За исключением Московского района, во всех остальных успешные стачки гораздо упорнее неуспешных.

Судя по упорству борьбы—а также по проценту участвующих в стачечной борьбе рабочих—петербургские металлисты играют роль авангарда по отношению к металлистам всей России. Металлисты же, вообще, играют ту же самую роль по отношению к рабочим остальных отраслей промышленности.

IX.

Описания отдельных стачек в отчете Московского общества заводчиков отличаются чрезвычайной краткостью. Приведем несколько выдержек из этих описаний, чтобы металлисты могли видеть, как изображают их борьбу господа составители фабрикантских отчетов.

В Московском районе выделяется стачка 1.200 рабочих художественно-слесарных мастерских. О ней мы уже говорили.

В Петербургском районе одной из самых упорных считают заводчики стачку у Сименс и Гальске, которая продолжалась 14 недель и окончилась 19 августа. Участвовало в ней, по статистике общества заводчиков, 1.600 рабочих. Администрация завода не согласилась снять штраф за 1 мая, но «взамен выразила желание выдать рабочим к Рождеству в виде наградных по 3 рубля. Затем заводоуправление согласилось включить день 1 мая в расписание праздников, если к тому не будет препятствий со стороны правительства» (стр. 38 отчета). «За время стачки,—читаем в отчете,—не раз происходили нападения рабочих на вновь нанятых, с помощью которых заводам удалось отчасти возобновить работы».

Из южных стачек металлистов замечательна забастовка 3.886 человек на Николаевских судостроительных заводах, вызвавшая потерю более 155.000 рабочих дней. Рабочие требовали 8-часового рабочего дня, прибавки платы на 50 проц., отмены штрафов и всех сверхурочных работ, учреждения института выборных старост и пр. Стачка продолжалась весь июнь месяц. «В конце июня состоялось соглашение между рабочими и заводской администрацией на условиях возвращения всех рабочих на их места, принятия заводом института старост, открытия столовой и увеличения заработной платы на 18⁰/₀. Между бастующими и штрейкбрехерами были столкновения.

«Чрезвычайным упорством отличалась вспыхнувшая в ноябре в Харькове стачка 2.000 рабочих паровозостроительного завода. Завод имел срочные казенные заказы и нес крупные убытки от простоя».

Из стачек на Урале, которые с о в е р ш е н н о не вошли в статистику общества фабрикантов, отметим стачку на Сысертских заводах. Рабочие добились повышения заработной платы. «В Златоусте на казенном оружейном заводе поводом к стачке была смерть трех рабочих вследствие причиненных машинами увечий. Стачечники потребовали установки предохранителей, а также повышения заработной платы».

Х.

Бросая общий взгляд на скудные данные фабрикантской статистики стачек, нельзя не отметить следующего.

Для рабочих статистика стачек, полная, аккуратная, разумно обработанная, быстро выходящая в свет, имеет огромное значение—и теоретическое и практическое. Она дает ценный материал и к освещению всего великого пути рабочего движения к его мировым целям, и к освещению ближайших, злободневных задач борьбы.

В сколько-нибудь демократических и свободных государствах возможна сносная правительственная статистика. У нас об этом говорить не приходится. Наша правительственная статистика плоха, нелепо раздроблена между «ведомствами», недостоверна и поздно выходит в свет. Статистика фабрикантов немного лучше и еще менее полна, хотя иногда выходит в свет несколько раньше, чем у сонного российского чиновника.

Рабочим надо подумать о своей, рабочей, статистике стачек. Трудности создания такой статистики, конечно, чрезвычайно велики при тех преследованиях, которые сыпятся у нас на рабочие общества и на рабочую печать. Сразу преодолеть эти трудности невозможно. Но рабочие не привыкли бояться преследований и отступать перед трудностями.

Даже частичная рабочая статистика стачек, т.-е. охватывающая отдельные районы, отдельные отрасли промышленности и небольшие сравнительно промежутки времени, принесет громадную пользу. Такая статистика научит рабочих вести дело полнее и лучше и позволит иногда сравнить картину фабрикантскую, картину чиновничью с картиною, самими рабочими нарисованною.

Поэтому мы позволим себе закончить наш разбор фабрикантской статистики пожеланием, чтобы рабочие, несмотря на все препятствия, снова и снова пробовали вести свою, рабочую статистику стачек. Двое-трое сознательных рабочих могут составить точное описание каждой стачки, времени начала и конца ее, числа участников (с разделением по полу и возрасту, если возможно), причин стачки и результатов ее. Подобное описание должно бы доставляться в одном экземпляре в правление соответствующего рабочего союза (профессионального или иного, или в редакцию профессионального органа); в другом экземпляре — в общий орган рабочей печати; наконец, в третьем экземпляре для ознакомления рабочего депутата в Гос. Думе.

И фабрикантская, и правительственная статистика стачек в с е г д а будут содержать в себе не только пробелы, но и иска-

жения. Даже в печати, сочувствующей рабочим, иногда встречаешь чудовищно-неверную, нелепую и насквозь пропитанную буржуазным духом оценку стачек, как проявления «азарта» и т. п.

Только сами рабочие, взявшись за дело, помогут — со временем, после упорного труда и настойчивых усилий — лучше познать свое собственное движение и тем обеспечить более крупные успехи его.

«Металлист» №№ 7, 8 и 10

от 24 августа, 18 сентября и 25 октября 1913 года.

За подписью В. Ильин.

Неделю спустя побоище в Дублине.

В воскресенье 7 сентября (25 августа по старому стилю)—ровно неделю спустя после полицейского побоища—дублинские рабочие устроили громадный митинг протеста против поведения ирландских капиталистов и ирландской полиции.

Митинг устроили на той же самой улице (улица О'Коннеля) и на том же самом месте, где был назначен прошлое воскресенье митинг, запрещенный полицией. Это историческое место, на котором всего удобнее устраивать и всего чаще устраивались митинги в Дублине.

Полиция попряталась. Улицы были заполнены рабочими. Толпы народа и полный порядок. «В прошлое воскресенье—воскликнул один ирландец-оратор—здесь господствовала полицейская дубина без рассудка; сегодня господствует рассудок без полицейской дубины».

В Англии е с т ь конституция, и второй раз власти не посмели пускать в ход пьяных полицейских солдат. Были воздвигнуты трибуны, и шестеро ораторов, в том числе представители английского пролетариата, клеймили преступление против народа и звали рабочих к интернациональному сплочению, к объединенной борьбе.

Была принята единогласно резолюция с требованием свободы собраний и свободы коалиций, а равно с требованием назначить немедленное расследование—под руководством независимых лиц и с гарантиями гласности всего производства—по поводу поведения полиции в прошлое воскресенье.

В Лондоне величественный митинг состоялся в Трафальгар-Сквере. Группы социалистов и рабочих явились со своими знаменами. Было много плакатов со всякими рисунками и надписями на злобу дня. Особенно аплодировала толпа плакату, который изображал полицейского, махающего красным знаменем с надписью «молчание».

Из ораторов выделялись Бен Тиллет, который доказывал, что «либеральное» правительство Англии ни в чем не уступает реакционному,—и дублинский секретарь металлистов Партридж, который рассказал подробно о бесстыдных насилиях полиции в Дублине

Поучительно отметить, что главным лозунгом и лондонского и дублинского митингов были требование свободы коалиций (союзов). Это вполне понятно. В Англии есть устои политической свободы, есть конституционный режим (порядок), вообще говоря. Требование свободы коалиций рабочими является там одной из реформ—насуточно необходимых и вполне достижимых при данном конституционном порядке (совершенно так же, как достижима в России, скажем, частичная реформа страхования рабочих).

Свобода коалиций одинаково насущна для рабочих Англии и России. И рабочие Англии ставят лозунг необходимой для них политической реформы вполне правильно, отлично сознавая путь к осуществлению этой реформы и ее полную возможность в обстановке английской конституции (совершенно так же, как правильно поступили бы русские рабочие, выставляя частичное требование известных изменений страхового закона).

В России же нет именно тех общих устоев политической свободы, без которых требование свободы коалиций прямо смешно и является лишь ходячей либеральной фразой, обманывающей народ мыслью о возможности у нас реформистского пути. В России нельзя вести борьбу за свободу коалиций—самым насущным образом необходимую и рабочим и всему народу—без того, чтобы противопоставлять бессильный и неживой реформизм либералов последовательному демократизму рабочих, которые не повинны в иллюзиях реформизма.

*«Наш Путь» № 8
от 3 сентября 1913 г.
За подписью В.*

Борьба за марксизм.

Вопрос о рабочих сборах на петербургскую рабочую печать обсуждался в последнее время усердно в газетах. И надо признать, что самое обстоятельное и серьезное обсуждение этого вопроса безусловно необходимо, ибо это—вопрос громадной принципиальной политической важности.

Как стоит вопрос? Ликвидаторы («Новая Рабочая Газета») отстаивают деление сборов поровну. Марксисты («Северная Правда») требуют деления сборов по назначению рабочих, вносящих свою лепту. Обсуждая, каково направление той или иной газеты, рабочие сами должны решать, для кого они предназначают сборы.

В первом документе по этому вопросу, в резолюции 22-х выборщиков, сторонников ликвидаторства, говорилось (см «Новая Рабочая Газета» № 2 от 9 августа) просто: «производить сборы в пользу рабочих газет на равных началах». Затем в резолюциях части рабочих Нобелевского и Путиловского заводов (там же №№ 6, 8, 9, 10) отстаивалось и осуществлялось на деле деление сборов поровну на три части: марксистам, ликвидаторам и народникам. Редакция «Новой Рабочей Газеты» и молча одобряла это, и защищала в статье Г. Р. (№ 9).

Напротив, «Северная Правда» доказывала, что деление поровну—неправильный прием, не соответствующий задачам и целям марксизма.

Повторяем, всякий сознательный рабочий должен внимательно и вполне самостоятельно разобраться в этом вопросе.

Каковы доводы за деление поровну? Ссылаются на «святой лозунг рабочих марксистов: пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Спрашивается, требует ли этот лозунг объединения рабочих-марксистов, членов, допустим, марксистской партии, с рабочими, которые идут за буржуазными партиями? Немножко подумав, всякий рабочий согласится, что нет.

Во всех странах, даже самых передовых, есть рабочие, идущие за буржуазными партиями: за либералами в Англии, за «радикалами - социалистами» во Франции, за католиками и либеральной «народной» партией в Германии, за реформистской (мелко-буржуазной) партией в Италии и т. д. вплоть до мелко-буржуаз-

ной П. П. С. («польской социалистической партии») в соседней Польше.

Великий лозунг зовет рабочих к объединению в пролетарскую, самостоятельную, классовую партию, а все перечисленные партии—н е пролетарские.

Возьмите основной принцип наших народников. Взгляд народников, будто отмена частной собственности на землю и деление поровну есть социализм или «социализация», является только ошибочным и б у р ж у а з н ы м взглядом. Маркс давно доказал, что смелые б у р ж у а з н ы е экономисты могут требовать и требовали отмены частной собственности на землю. Это—б у р ж у а з н о е преобразование, р а с ш и р я ю щ е е поприще капитализма. Мы поддерживаем крестьян, как б у р ж у а з н у ю демократию, в их борьбе за землю и за свободу против крепостников-помещиков.

Но единство пролетарской организации наемных рабочих с мелко-буржуазной крестьянской демократией есть величайшее нарушение великого лозунга марксизма. Попытки такого единства принесли бы великий вред рабочему движению, кончаясь всегда быстрым крахом.

История России (1905—1906—1907 годы) доказала, что никакой массовой, классовой, опоры у народников, кроме левого крестьянства, нет и быть не может.

Значит, ликвидаторы и пошедшие за ними рабочие отступили от марксизма, сошли с к л а с с о в о г о пути, вступили на путь беспартийного единства наемных рабочих с мелко-буржуазной партией. Ибо это есть именно б е с п а р т и й н о е объединение, когда рабочего зовут: не разбирай, где пролетарская, где мелко-буржуазная партия, а ваяй поровну *)!

*) Как откликаются некоторые рабочие на эту беспринципную проповедь ликвидаторов, можно судить и по следующей резолюции, напечатанной в № 21 «Новой Рабочей Газеты»:

«Такое решение (делить поровну между тремя газетами...) мы находим необходимым и единственно справедливым: во-первых, потому что все три газеты, как газеты рабочие, одинаково подвергаются карам и гонениям и, во-вторых, громадное большинство рабочих, как у нас, так и в других местах, еще вполне не разобралось в особенностях различных партийных течений и не может сознательно примкнуть к одному из них, но одинаково сочувственно относится к ним ко всем вместе».

Ликвидаторская газета ни разу не пыталась объяснить своим читателям, дать им возможность разобраться в том, можно ли считать народни-

Массы «не различают, в чем суть дела»,—писал Г. Р. в № 9 «Новой Рабочей Газеты». Вот потому и нужна нам старая, испытанная, марксистская газета, чтобы развивать сознание «неразличающих» масс, чтобы помогать им различать и различить.

А когда Г. Р. и подобные ему литераторы против организованного, марксистского объединения ссылаются (отнюдь не поднимая вопроса об объединении двух партий!)—ссылаются на «массы, не различающие, в чем суть дела», то это есть проповедь беспартийности, есть отступление от марксизма, есть проведение, под сурдинку, мелко-буржуазных взглядов и мелко-буржуазной политики.

Ликвидаторы оправдывают такой политикой именование их ликвидаторами, т.-е. отступниками от марксистской организации, разрушителями ее.

Другой довод (см. ст. Г. Р. и рассуждение самой редакции «Новой Рабочей Газеты» в № 6)—будто сборы по направлениям разрушают «единодушный отпор реакции», преследующей рабочие газеты.

Подумав, всякий сознательный рабочий увидит, что это—старый либеральный довод о разрушении «единодушия против реакции» отделением демократии от либералов. Это довод буржуазный, довод глубоко ошибочный.

Беспартийная масса, «не различающая,—по уверению ликвидатора Г. Р.,—в чем суть дела», превосходно учится на примерах. Кто очень еще темен и несознателен, не умеет или ленится думать и «различать»,—тот махает рукой и говорит: «я тоже протестую, валяй всем поровну». А кто начинает думать и «различать», тот, кроме того, пойдет слушать дискуссию по платформам, т.-е. защиту взглядов каждого направления, и, слушая более сознательных, понемногу научится сам, и от безразличности и широкого сочувствия всем перейдет к определенному продуманному отношению к газетам.

Все эти азбучные истины, которые «должен знать и помнить всякий рабочий», забыты ликвидаторами. Ликвидаторы доказали своим планом: «валяй поровну», что их правильно счи-

тскую газету рабочей и следует ли ее смешивать с марксистской или даже ликвидаторской. «Новая Рабочая Газета» предпочитает лучше примазаться к «стихии», плестись за неразобравшимися, лишь бы причинить «неприятность» марксистам.

тают проповедниками беспартийности, отступниками от марксизма и защитниками «буржуазного влияния на пролетариат» (смотри единогласное решение марксистов от января 1910 года)²⁵).

Марксистская организация объединяет с о з н а т е л ь н ы х рабочих общей программой, общей тактикой, общими решениями об отношении к реакции, к капиталистам, к буржуазии демократической (народники) и т. д. Все эти о б щ и е решения—между прочим, решения 1908, 1912 и 1913 годов²⁶) о нелепости и гибельности р е ф о р м и з м а—отстаиваются и неустанно проводятся марксистами.

Дискуссии (беседы, обсуждения, споры) о партиях и об общей тактике необходимы; без них масса распыляется; без них н е в о з м о ж н о общее решение, а следовательно, невозможно и единство действия. Без них р а з л а г а е т с я марксистская организация р а б о ч и х, «различающих, в чем суть дела», и облегчается влияние буржуазии на отсталых.

Защищая сборы по направлениям, сборы с дискуссией по платформам, лучшие рабочие Питера борются за марксизм против сторонников беспартийности.

И мы уверены, что рабочие всеми силами будут отстаивать всегда и повсюду т о л ь к о марксистскую систему сборов и дискуссии, п р о с в е щ а ю щ и х массу.

«Северная Правда» № 27

от 3 сентября 1913 г.

За подписью В. Ильин.

Принципиальные вопросы политики.

Миллионер Салазкин выступил на Нижегородской ярмарке от имени всероссийского купечества с ходатайством о широких политических реформах. На трехтысячном собрании металлистов в Петербурге потерпели решительное поражение реформисты, собравшие всего 150 голосов за свой список членов правления.

Эти два факта, сопоставление которых напрашивается само собой, наталкивает даже самых беспринципных людей на принципиальные вопросы современной русской политики. Массы людей во всех классах интересуются политикой в России, но немногие сознают значение принципиальной постановки вопросов политики. Немногие сознают значение партий, дающих всегда про-

думанные, точные, оформленные ответы на эти вопросы. А когда партии связаны с определенными классами, то подобные ответы даются на основании опыта работы в массах и проверяются годами такой работы.

Именно таковы ответы марксистов, оценивших третьиюньскую систему и свои задачи по отношению к ней более 4¹/₄ лет тому назад. Целая пропасть отделяет рабочих, которые на всех и всяческих поприщах действуют годы и годы добросовестно в духе этих ответов,—от растерянных интеллигентов, боящихся всякого определенного ответа и скатывающихся на каждом шагу к реформизму и ликвидаторству.

Нельзя не пожалеть людей, которые, наблюдая борьбу марксистов с ликвидаторами, отделиваются жалкими словами о вреде споров, раздоров, междоусобицы, фракционности... А к этим людям принадлежат многие «тоже-марксисты» и все «левые» народники.

Принципиальные сторонники буржуазии и враги марксизма, либералы из газеты «Речь», не могли пройти мимо вышеуказанных фактов. В редакционной статье (№ 234) они повторяют все избитые жалкие слова,—но не ограничиваются ими.

Либералы вынуждены признать, что «борьба большевиков с ликвидаторами ведется повсеместно», что «она проникла во все поры рабочего организма».

Что же? Могло это быть случайно?

Нет...

Давно уже вырисовывались крупные принципиальные разногласия, в конечном счете сводящиеся к вопросу о ходе дальнейшего развития страны.

Наконец-то додумались! Марксисты разъяснили это в декабре 1908 года, либералы начали понимать в августе 1913 года. Лучше поздно, чем никогда.

Мыслим ли,—продолжает либеральная газета,—путь реформ или же «реформы возможны лишь, как побочный результат движения, совершенно свободного от всякой узости реформизма» (цит. из «Северной Правды»). Вот как ставится вопрос.

Именно! Вопрос о ликвидаторстве есть лишь часть вопроса об откалывающихся от рабочей (старой) партии беспартийных реформистах. Но интересно посмотреть, как же либералы, принципиальные сторонники реформизма, защищают его?

Конечно, в мнении о возможности реформ лишь как «побочного результата» много метафизики и фатализма. Без реформаторов и реформизма не может быть и реформ, хотя бы и как «побочного результата».

Вот вам опять образец сердитых слов и попытки увильнуть от ответа. При чем тут метафизика, когда исторический опыт, опыт Англии, Франции, Германии, России, опыт всей новейшей истории человечества в Европе и в Азии, показывает, что серьезные реформы бывали лишь побочным результатом движения, совершенно свободного от узости реформизма?

При чем тут фатализм, когда тот же опыт говорит ясно, что наибольшей действительностью отличались именно классы, враждебные реформизму?

Или, может быть, в поведении русского рабочего класса первых лет XX века заметно больше «фатализма», чем в поведении либеральных земцев и буржуазии последней трети XIX века? Вы делаете себя смешными, господа либералы!

И неужели вы такие невежды, что не видите связи между интересами буржуазии, как класса, и ее стремлением ограничиться реформизмом?—между положением рабочего класса и его обратным стремлением?

Нет, господа, плохие вы защитники реформизма вообще! Но, может быть, вы лучше защищаете реформизм в современной России?

... Надо признать,—продолжает «Речь»,—что современная обстановка, неоднократно доказывавшая самым скромным реформаторам всю тщетность их усилий, толкает мысль, а в особенности чувство, людей к отрицанию реформизма.

Вот тебе раз! Выходит, что даже вы, принципиальные сторонники реформизма, не можете сослаться ни на опыт истории, ни на «современную обстановку» России. Даже вам приходится признать, что эта обстановка—против вас!

Какие же вы метафизики и фаталисты, господа,—или какие слепые рабы узкого, корыстного, трусливого денежного мешка—если, вопреки опыту «современной обстановки», вы продолжаете занимать беспринципную позицию реформизма. Сами не веря в реформы, не защищаете ли вы на деле той буржуазии, которая стремится поживиться на чужой счет?

Понятно, что передовой отряд рабочего класса России, петербургские металлисты, нанесли уничтожающее поражение реформистам и ликвидаторам в их собственной среде. По данным либеральной и реформистской «Речи» реформисты-ликвидаторы собрали 150 голосов из 2.000, т.-е. 7½ голосов из сотни. Не доказывает ли это еще и еще раз,—после выборов от рабочих в IV Ду-

му, после истории возникновения рабочей печати в Питере и Москве,—что ликвидаторы представляют лишь растерянных и полулиберальных интеллигентов? Что масса сознательных рабочих твердо и решительно осудила и отвергла их?

«Наш Путь» № 9

от 4 сентября 1913 г.

За подписью В. И.

Либералы и демократы в вопросе о языках.

Газеты отмечали неоднократно отчет кавказского наместника ²⁷⁾, отличающийся не черносотенством, а робким «либерализмом». Между прочим, наместник высказывается против искусственной руссификации, т.-е. обрусения нерусских народностей. На Кавказе представители нерусских народностей с а м и стараются научить детей по-русски — например, в армянских церковных школах, в которых преподавание русского языка обязательно.

Указывая на это, одна из самых распространенных в России либеральных газет — «Русское Слово» (№ 198) делает тот справедливый вывод, что враждебное отношение в России к русскому языку «происходит исключительно» вследствие «искусственного» (надо было сказать: насильственного) насаждения русского языка.

«О судьбе русского языка беспокоиться нечего. Он сам завоеует себе признание во всей России»,— пишет газета. И это справедливо, ибо потребности экономического оборота всегда заставят живущие в одном государстве национальности (пока они захотят жить вместе) изучать язык большинства. Чем демократичнее будет строй России, тем сильнее, быстрее и шире разовьется капитализм, тем настоятельнее потребности экономического оборота будут толкать разные национальности к изучению языка, наиболее удобного для общих торговых сношений.

Но либеральная газета торопится побить себя и доказать свою либеральную непоследовательность.

Вряд ли,—пишет она,—кто-нибудь даже из противников обрусения станет возражать, что в таком огромном государстве, как Россия, должен быть один общегосударственный язык и что таким языком... может быть только русский.

Логика навыворот! Маленькая Швейцария не теряет, а выигрывает от того, что в ней нет о д н о г о общегосударственного языка, а их целых три: немецкий, французский и итальянский. В Швейцарии 70% населения немцы (в России 17 процентов украинцев), 7% — итальянцы (в России 6% поляков и 4½% белоруссов). Если итальянцы в Швейцарии часто говорят по-французски в общем парламенте, то они делают это не из-под палки какого-нибудь дикого полицейского закона (такового в Швейцарии нет), а просто потому, что цивилизованные граждане демократического государства сами предпочитают язык, понятный для большинства. Французский язык не внушает ненависти итальянцам, ибо это — язык свободной, цивилизованной нации, язык, не навязываемый отвратительными полицейскими мерами.

Почему же «огромная» Россия, гораздо более пестрая, страшно отсталая, должна т о р м о з и т ь свое развитие сохранением какой бы то ни было привилегии для одного из языков? Не наоборот ли, господа либералы? Не должна ли Россия, если она хочет догнать Европу, покончить со всеми и всяческими привилегиями как можно скорее, как можно полнее, как можно решительнее?

Если отпадут всякие привилегии, если прекратится навязывание одного из языков, то все славяне легко и быстро научатся понимать друг друга и не будут пугаться «ужасной» мысли, что в общем парламенте раздадутся речи на разных языках. А потребности экономического оборота сами собой о п р е д е л я т тот язык данной страны, знать который большинству в ы г о д н о в интересах торговых сношений. И это определение будет тем тверже, его примет добровольно население разных наций тем быстрее и шире, чем последовательнее будет демократизм, чем быстрее будет в силу этого развитие капитализма.

Либералы и к вопросу о языках, как и ко всем политическим вопросам, подходят, как лицемерные торгаши, протягивающие одну руку (открыто) демократии, а другую руку (за спиной) крепостникам и полицейским. Мы против привилегий — кричит либерал, а за спиной выторговывает себе у крепостников то одну, то другую привилегию.

Таков в с я к и й либерально-буржуазный национализм — не только великорусский (он хуже всех, благодаря его насильственному характеру и родству с г.г. Пуришкевичами), но и польский, еврейский, украинский, грузинский и всякий иной. Буржуазия в с е х наций и в Австрии и в России под лозунгом

«национальной культуры» проводит на деле раздробление рабочих, обессиление демократии, торгашеские сделки с крепостниками о продаже народных прав и народной свободы.

Лозунг рабочей демократии не «национальная культура», а интернациональная культура демократизма и всемирного рабочего движения. Пусть буржуазия обманывает народ всякими «позитивными» национальными программами. Сознательный рабочий ответит ей: есть только одно решение национального вопроса (поскольку вообще возможно его решение в мире капитализма, в мире наживы, грызни и эксплуатации) и это решение — последовательный демократизм.

Доказательства: Швейцария в Западной Европе — страна старой культуры, и Финляндия в Восточной Европе — страна молодой культуры.

Национальная программа рабочей демократии: никаких безусловно привилегий ни одной нации, ни одному языку; решение вопроса о политическом самоопределении наций, т.-е. государственном отделении их, вполне свободным, демократическим путем; издание общегосударственного закона, в силу которого любое мероприятие (земское, городское, общинное и т. д. и т. п.), проводящее в чем бы то ни было привилегию одной из наций, нарушающее равноправие наций или права национального меньшинства, объявляется незаконным и недействительным — и любой гражданин государства вправе требовать отмены такого мероприятия, как противоконституционного, и уголовного наказания тех, кто стал бы проводить его в жизнь.

Национальной грызне различных буржуазных партий из-за вопросов о языке и т. д. рабочая демократия противопоставляет требование: безусловного единства и полного слияния рабочих в с е х национальностей во в с е х рабочих организациях, профессиональных, кооперативных, потребительных, просветительных и всяких иных, в противовес всяческому буржуазному национализму. Только такое единство и слияние может отстоять демократию, отстоять интересы рабочих против капитала, — который уже стал и все более становится интернациональным, — отстоять интересы развития человечества к новому укладу жизни, чуждому всяких привилегий и всякой эксплуатации.

*«Северная Правда» № 29
от 5 сентября 1913 г.,
за подписью В. И.*

Язык цифр *).

I.

Известно, что по всей России заработки фабрично-заводских рабочих сделали крупный скачек вверх именно в 1905 году и после 1905 года. По отчетам фабричных инспекторов, средний заработок ф.-з. рабочего в России за пятилетие 1901—1905 г.г. равнялся 206 рублям, а за следующее пятилетие 1906—1910 г.г. — 238 рублям.

В Московской губернии заработки рабочих несколько ниже средних по России. В 1901 — 1905 г.г. они равнялись 201 рублю, по статистике фабричного инспектора Козьминых-Ланина, а за следующее 4-летие 1906 — 1909 г.г. — 235 рублям.

Итак, благодаря 1905 году заработки московских рабочих повысились в среднем на 1 рабочего — на 34 рубля, т.-е. почти на 17%. Считая от 300 до 350 тысяч фабрично-заводских рабочих в Московской губ., это дает сумму годовичного выигрыша всех рабочих миллионов в 11 рублей.

Мы видим, что жертвы, принесенные рабочими в стачках 1905 г., окупилась серьезным улучшением экономического положения рабочих.

И, хотя после победы системы 3 июня, то-есть контр-революционной (противо-революционной) системы, целый ряд рабочих завоеваний был отнят назад, но все же свести заработки на прежний низкий уровень капиталу не удалось. В Московской губернии с 1901 по 1905 год заработки рабочих были около 200 рублей в год, колеблясь по годам от 127 рублей (1902 год) до 203 рублей (1905 год). В 1906 году, когда впервые оказались результаты 1905 года, заработок поднялся до 228 рублей, затем в 1907 году до 237 рублей, в 1908 г. понизился немного (236½ руб.), в 1909 году опять достиг 237 рублей.

Цифры показывают, что без приобретений 1905 — 1906 г.г. рабочие нищали бы совсем невыносимо, ибо дороговизна жизни за последнее десятилетие все возрастает.

*) Редакция (газеты: «Наш Путь». Ред.) приписит свои извинения автору за сделанные в статье необходимые урезки и изменения.

II.

Заработок рабочих на крупных фабриках Московской губернии, по общему правилу, выше, чем на мелких. Например, у текстильщиков, которые составляют 68%, т.-е. свыше двух третей общего числа ф.-з. рабочих нашей губернии, средний годичный заработок в 1900 году равнялся:

				Рубли.	В %
На фабриках, имеющих свыше	1000 ч. р.			249	100
»	»	»	501—1000 »	204	93
»	»	»	101— 500 »	197	90
»	»	»	51— 100 »	188	86
»	»	»	21— 50 »	192	88
»	»	»	20 и менее	164	75
В с е г о . .				211	96

Чем крупнее фабрика, тем выше рабочий заработок. У металлистов наблюдаем то же самое. На крупной фабрике рабочим легче объединяться и давать отпор капиталу, отстаивать сообща свои требования. Чтобы догнать своих передовых товарищей, рабочие мелких фабрик и мастерских должны усерднее объединяться в союзы (профессиональные, просветительные, кооперативные и другие) и теснее спланиваться вокруг своей рабочей газеты.

Вследствие большей сплоченности рабочих на крупных фабриках — и стачки рабочих здесь организуются легче и проходят успешнее. Крупные фабрики больше, чем мелкие, участвовали в стачечном движении 1905 и 1906 годов.

В связи с этим мы видим, что рабочие крупнейших фабрик б о л ь ш е в ы и г р а л и от стачек этих лет, чем рабочие мелких заведений. Вот данные относительно рабочих всех производств в Московской губернии:

Разряды фабрик по числу рабочих.		Средний годовой заработок 1 рабочего.		Увеличение
		За пятилетие (1901—1905).	За четырехлетие (1906—1909).	в рублях.
Имеющие свыше	1000 чел. .	196	234	+ 38
»	» 501—1000 » . .	186	231	+ 45
»	» 101— 500 » . .	211	238	+ 27
»	» 51— 100 » .	215	240	+ 25
»	» 21— 50 » . .	216	241	+ 25
»	» 20 и менее » . .	193	207	+ 14
В с е г о .		201	235	+ 34 .

По поводу этих цифр надо объяснить прежде всего исключение (кажущееся) из вышеприведенного правила, в силу которого заработки на крупных фабриках больше, чем на мелких. Дело в том, что металлисты, типографщики и некоторые другие зарабатывают гораздо больше текстильщиков (360 р., 310 р. против 211 и т. п.). А на крупнейших фабриках для текстильщиков в общем числе рабочих значительно больше, чем на средних и мелких. От этого и получается кажущееся исключение из правила: как будто на средних и мелких фабриках заработки выше, чем на крупных.

Какой же вывод имеем мы относительно увеличения заработка после 1905 года на крупных и мелких фабриках?

На крупных фабриках (500 и более рабочих) это увеличение составляет около 40 рублей в год, т.-е. копеек 20 на рубль.

На средних и мелких фабриках, от 21 до 500 чел., увеличение равняется около 25 рублей, т.-е. около 12 к. на рубль.

На самых мелких фабриках (20 и менее человек) увеличение всего на 14 рублей, т.-е. 7 — 8 коп. на рубль.

Итак, более энергичная и дружная стачечная борьба рабочих на крупных фабриках привела в результате к более высокому увеличению заработной платы. Мы уже указали, что, объединяясь в союзы, рабочие мелких фабрик могут в этом отношении сравняться с рабочими крупных.

III.

Приобретения рабочих от стачечной борьбы 1905 года выразились не только в увеличении заработной платы. Кроме того, изменилось к лучшему вообще все положение рабочего.

Выразить точно размеры этого улучшения в положении рабочих нельзя цифрами, но всякий рабочий хорошо понял и почувствовал в 1905 — 1906 годах это улучшение.

Данные фабричного инспектора К.-Ланина позволяют только определить влияние 1905 года на штрафовании рабочих. Штрафуя рабочих, капиталист присваивает себе роль судьи. Поэтому со штрафами связано всегда особенно много произвола по отношению к рабочим, а иногда и прямого издевательства над рабочими. Естественно, что рабочие требуют всегда отмены штрафов, отнятия у капиталистов права быть судьями в своем собственном деле,

Вот данные о штрафовании всех рабочих Московской губернии по годам:

Г о д ы.	В среднем на 1 раб. приходилось штрафа в копейках.
В 1901	30
» 1902	27
» 1903	27
» 1904	29
» 1905	17
» 1906	12
» 1907	15
» 1908	18
» 1909	21

Мы видим, как успешно «сократили» рабочие сумму штрафов. До 1905 года штрафы составляли от 27 до 30 коп. на рабочего.

Наступает 1905 год. Штрафы сразу падают почти вдвое: до 17 коп. В 1906 году результаты 1905 года обнаруживаются еще яснее: штрафы падают до 12 копеек.

Проходит революция. Капиталисты смеются. Штрафы опять поднимаются, — до 15 — 18 — 21 копейки.

Но даже в 1909 году, — а это был год самого глухого и самого долгого затишья — капиталистам не удастся поднять штрафы до прежней, безобразной, высоты. Как ни лакействует капиталист перед Пуришкевичем, а все же обоим «милым друзьям» не удастся вернуться к старинушке: р а б о ч и й в Р о с с и и у ж е н е т о т . Рабочий в России кое-чему уже научился!

Если сравнить сумму штрафов с суммой заработка рабочих — а такое сравнение необходимо, ибо не одно и то же платить двугривенный из рублевого и из полуторарублевого заработка, — то победа рабочих в 1905 году выступит еще яснее.

В среднем на 100 рублей заработка рабочих приходилось в год штрафов в копейках:

в 1901 году	15 коп.	в 1906 году	5 коп.
» 1902 »	14 »	» 1907 »	6 »
» 1903 »	13 »	» 1908 »	8 »
» 1904 »	14 »	» 1909 »	9 »
» 1905 »	9 »		

Следовательно, в результате 1905 года рабочие Московской губернии добились сокращения безобразных штрафов в т р о е. Добьются и полной отмены штрафов.

IV.

В заключение остановимся немного на вопросе о том, какую долю заработка получают московские рабочие наличными деньгами.

Положение московских рабочих в этом отношении тяжелое. В 1909 году они получили всего 73 миллиона рублей заработной платы; из них 61½ милл. руб., т.-е. 84,2%, было выдано наличными деньгами. Почти десятая часть платы, 7,2 милл. р., была выдана харчевыми продуктами и товарами фабричных лавок. Этот вид платы ставит рабочих в крепостническую зависимость от хозяев и дает «сверх-прибыль» хозяевам.

Особенно плохо в этом отношении положение рабочих в промышленности по обработке хлопка: свыше пятой части заработка (5,9 милл. р. из 28,8) выдано харчевыми продуктами. Если бы рабочие добились себе свободных рабочих кооперативов, то не только были бы сбережены сотни тысяч рублей для рабов капитала, но и отпала бы полукрепостническая зависимость от хозяев с к и х лавок.

Далее, 3¾ миллиона рублей (5%) заработной платы рабочие получили в уплату за продукты, забранные ими из лавок потребительных обществ и др. Наконец, 680 тыс. рублей (0,9%) заработной платы получено содержанием рабочих, состоящих на хозяйских харчах.

Этот вид платы, обрекающий рабочего на тысячи форм личной зависимости крепостнического характера, сохранился более заметно в производствах по обработке шелка и льна, затем пищевых и животных продуктов.

Что касается до влияния 1905 года на формы заработной платы, то в этом отношении завоеваний почти никаких не сделано. Вот данные с 1901 года:

Годы.	Вся сумма заработка рабочих (милл. р.)	В том числе уплачено (в процентах).			
		Наличными.	Товарами фабр. лавок.	Забрано из потр. обществ.	Содержанием рабочих на хоз. харчах.
1901	53	81,4	8,9	7,3	2,4
1902	54	81,5	9,1	7,0	2,4
1903	57	83,0	8,3	6,6	2,1
1904	55	82,7	9,0	6,5	1,8
1905	57	82,8	9,2	6,5	1,5
1906	61	85,1	7,6	5,8	1,5
1907	71	83,8	9,4	5,3	1,5
1908	73	82,9	10,4	5,2	1,5
1909	73	84,2	9,8	5,1	0,9

После 1905 года расплата наличными увеличилась в крайне незначительных размерах. Так же мало сократилась система содержания рабочих на хозяйских харчах. Напротив, расплата через фабричные лавки даже несколько увеличилась.

В общем и целом, положение осталось такое же плохое, как и прежде. Московским рабочим придется добиваться расплаты наличными деньгами и за замену фабричных лавок свободными рабочими потребительными обществами.

*«Наш Путь» №№ 13 и 14
от 8 и 10 сентября 1913 г.
За подписью В. Ильин.*

Господа буржуа о „трудовом“ земледелии.

На Киевском сельско-хозяйственном съезде, перед 1.000 помещиков России, г. профессор Коссинский читал первый доклад, доказывая победу «трудового хозяйства» в земледелии.

Вопрос о «трудовом» хозяйстве — один из самых важных вопросов для выяснения капиталистических отношений в земледелии. Кроме того в России есть буржуазная партия народников («левых» в том числе), которая пытается уверить рабочих в своей социалистичности, распинаясь больше всего именно за «трудовое» хозяйство. Поэтому разобраться в том, что такое «трудовое» хозяйство, необходимо для всякого сознательного рабочего.

Г. буржуазный профессор Коссинский, не приходя ровно никаких данных, уверял, что крестьянское хозяйство растет, а крупные хозяйства, эксплуатирующие наемный труд, разлагаются и гибнут. При этом г. профессор

различал три вида крестьянского хозяйства: 1) парцеллярные (карликовые), когда крестьянин работает где-нибудь на фабрике, а дома, в деревне, имеет только усадьбу и огород, обработка которого слегка пополняет его доход; 2) пищевые—когда у крестьянина имеется более значительный запас земли, но обработка ее не достаточна для удовлетворения всех потребностей семьи; часть членов семьи работает тогда на стороне; 3) трудовые, представляющие собой полное крестьянское хозяйство, в котором работает вся семья. Аграрная эволюция (развитие) ведет к уничтожению пищевых хозяйств и вытеснению их трудовыми и парцеллярными. Будущее обеспечено главным образом за трудовыми хозяйствами. Средний размер их владения на русский масштаб около 50 десятин. Торжество трудового хозяйства отнюдь не сопровождается пролетаризацией деревни... («И. Мысль» № 242).

Вот вам основы буржуазной теории «трудового» земледелия, перенятой народниками. Всякий рабочий, хоть немного знакомый с политической экономией, сразу увидит, что parcelлярными или карликовыми г. буржуа называет пролетарские, батрацкие, хозяйства, «хозяйства» наемных рабочих.

«Пищевыми» он называет, очевидно, мелкие крестьянские хозяйства, преимущественно не меновые, не торговые, а натуральные (добывают себе пищу). Признавая вытеснение этих хозяйств, наш несознательный буржуазный профессор тем самым признает победу капитализма, рост обмена и вытеснение мелкого хозяйства. Вытеснение какими хозяйствами? Во-первых, пролетарскими. Это и называется пролетаризацией, г. несознательный профессор! Во-вторых, «трудовыми» хозяйствами — средним размером около 50 десятин.

Мне остается доказать несознательному профессору и его эс-эровским (народническим) ученикам, что «трудовые» хозяйства, это и есть мелко-буржуазные, капиталистические, хозяйства.

Каков главный признак капитализма? — Употребление наемного труда. Нашим профессорам и эс-эрам пора бы уже научиться этой истине.

Что же говорит нам европейская, научная, статистика о наемном труде в крестьянском хозяйстве? Она говорит, что не только 50-десятинные хозяйства, но даже хозяйства, имеющие свыше 10 гектаров (гектар=около десятины), в большинстве случаев не обходятся без наемного труда!!

Германия. Последняя перепись 1907 года. Число хозяйств с 10 — 20 гектарами — 412.741. У них наемных рабочих — 711.867. Даже хозяйства с 5 — 10 гект. имеют 487.704 наемных рабочих на 652.798 хозяйств. Другими словами: даже тут число наемных рабочих больше половины числа хозяйств. А всякий знает, что мелкие крестьяне в огромном большинстве случаев держат не более одного наемного рабочего.

Австрия. Последняя перепись 1912 года. Число хозяйств с 10—20 гектарами—242.293. Из них с наемными рабочими больше всего — 142.272, т.-е. почти $\frac{3}{5}$. Добавим, что Австрия— страна гораздо более отсталая в развитии капитализма, чем Германия. Во всем австрийском земледелии процент наемных рабочих в двое ниже (14%), чем в германском (30%).

Швейцария. Последняя перепись 1905 года. Число хозяйств с 10—15 гектарами—19.641. Из них с наемными рабочими 11.148, т.-е. большинство. Из хозяйств с 5—10 гектарами имеют наемных рабочих около 36% в Швейцарии, 33% в Австрии.

Можно судить по этому о безграничном невежестве или крайней недобросовестности буржуазного профессора, за которым плетутся народники и который отрицает пролетаризацию деревни, признавая вытеснение «пищевых» хозяйств, во-первых, пролетарскими, а во-вторых, «трудовыми», называя этим маленьким словечком хозяйства с наемными рабочими.

Все, кто воспекает успехи «трудового» земледелия при капитализме (в том числе наши левые народники), суть буржуа, обманывающие рабочих. Обман состоит, во-первых, в прикрашивании буржуазии. Эксплуататор наемного труда называется «трудовым» хозяином! Обман состоит, во-вторых, в затушевывании пропасти между громадной массой пролетарских и ничтожным меньшинством капиталистических хозяйств.

Интересы буржуазии требуют прикрашивания капитализма и затушевывания классовой пропасти. Интересы пролетариата требуют разоблачения капитализма и эксплуатации наемного труда, требуют раскрытия глаз массам на глубину классовой пропасти.

Вот краткие данные о классовой пропасти в германском земледелии, по переписи 1907 года. Всего хозяйств — 5,7 миллионов. Из них пролетарских (до 1 гектара земли) — 3,4 миллиона. Громадное большинство этих «хозяев» наемные рабочие с клочком земли.

За ними идет мелкое крестьянство (2 — 5 гектаров; 1,0 миллион хозяйств). Это — самые бедные крестьяне. Из них меньше половины (495 тысяч) — самостоятельные земледельцы без подсобных промыслов. Большинство нуждается в подсобных промыслах, т.-е. в продаже своей рабочей силы. Этим крестьянам всего легче примкнуть к пролетариату.

Соединяем их вместе в 1-ю группу: хозяйства пролетарские и мелко-крестьянские.

2-я группа: средне-крестьянские хозяйства (5—10 гектаров). Наемных рабочих из них, как мы видели, эксплуатируют довольно многие. Средний крестьянин, это — мелкий буржуа, колеблющийся между пролетариатом и буржуазией.

3-я группа—остальные, т.-е. капиталисты (20 и более гектаров) и крупные крестьяне (10—20 гект.). Мы видели, что крупные крестьяне большей частью эксплуатируют наемных рабочих.

Итак, 1-я группа: пролетарские и мелко-крестьянские хозяйства; 2-я: средне-крестьянские; 3-я: крупно-крестьянские и чисто-капиталистические. Посмотрите же, сколько земли и скота имеют эти группы:

Г р у п п ы:	У них (в миллионах).				
	Число хозяйств (милл.)	Рабочих.	Земли (гектаров).	Скота (в перев. на круп.)	Машин.
1-я	4,4	7,3	5,0	7,0	0,2
2-я	0,6	2,5	4,6	5,1	0,4
3-я	0,7	5,4	22,2	17,3	1,2
Всего	5,7	15,2	31,8	29,4	1,8

Вот вам картина современного земледелия, не профессорская, не народническая, но зато действительная. Большая часть земли, скота, машин в руках ничтожного меньшинства (менее $\frac{1}{8}$ —0,7 из 5,7) капиталистов и крестьян-буржуа. Громадная масса «хозяев» (4,4 миллиона из 5,7) имеют на 1 хозяйство меньше двух рабочих, меньше двух десятин, меньше двух штук скота. Это — нищие. Их доля во всем сельско-хозяйственном производстве ничтожна. Их водят за нос, суля им возможность спасения при капитализме.

Сравните производительность труда в разных группах (т.-е. сколько рабочих приходится на 1 десятину земли, на 1 голову скота), и вы увидите варварское распыление и расхищение труда в мелком хозяйстве. У капиталистов же почти все машины и высокая производительность труда.

Сравните количество скота с количеством земли (в том числе лугов, кормовой площади и пр.) в разных группах. Вы увидите голодный скот в мелком хозяйстве и капиталистическое «преуспеяние» у верхней горстки.

Марксисты отстаивают интересы массы, разъясняя крестьянам: вам нет спасения вне присоединения к пролетарскому движению. Буржуа—профессора и народники обманывают массу побасенками о «трудовом» мелком земледелии при капитализме.

«Наш Путь» № 15
от 11 сентября 1913 г.
За подписью В. Ильин.

Гарри Квельч.

В среду 17 сентября (4 сентября по старому стилю) скончался в Лондоне тов. Гарри Квельч (Quelch), вождь английских социал-демократов. Организация английских социал-демократов была основана в 1884 году под названием «Социал-Демократической Федерации». С 1909 года она стала называться «Социал-Демократической Партией», а с 1911 г., после включения в нее некоторых отдельно стоящих социалистических групп, — «Британской социалистической партией».

Гарри Квельч был одним из самых энергичных и преданных работников английской социал-демократии. Он был деятелем не только социал-демократической, партийной, но и профессиональной организации рабочего класса. Лондонское отделение профессионального союза типографов неоднократно выбирало его своим председателем. Бывал он также председателем Лондонского бюро профессиональных союзов «Совета Ремесл» (Trades Council).

Квельч был редактором центрального органа английских социал-демократов, еженедельной газеты «Справедливость» («Justice»), а также партийного ежемесячника «Социал-Демократ».

Во всей работе английской социал-демократии он принимал самое близкое участие, выступая постоянно оратором на партийных и народных собраниях. На международных конгрессах и в Международном Социалистическом Бюро Квельч представлял неоднократно английскую социал-демократию. Между прочим, на Штуттгартском Международном Социалистическом Конгрессе Квельч подвергся репрессии со стороны вюртембергского правительства, которое в с л а л о Квельча из Штуттгарта (без суда, по полицейскому распоряжению, как иностранца) за то, что Квельч на народном собрании назвал Гаагскую конференцию «A thief's surre» (буквально: собрание воров). Когда на другой день после высылки Квельча открылось заседание Конгресса, английские делегаты оставили пустым стул, на котором сидел Квельч, и повесили на этом стуле плакат с надписью: «здесь сидел Гарри Квельч, высланный вчера вюртембергским правительством».

Южные немцы часто хвастаются своей ненавистью к пруссакам с их казенщиной, бюрократизмом, полицейщиной, — но

сами они действуют, как наихудшие пруссаки, когда дело касается пролетария-социалиста.

Исторические условия деятельности английской социал-демократии, вождем которой был Квельч, чрезвычайно своеобразны. В самой передовой стране капитализма и политической свободы английской буржуазии (которая еще в XVII веке расправилась с неограниченной монархией довольно демократическим способом) удалось в XIX веке расколоть английское рабочее движение. В половине XIX века Англия пользовалась почти полной монополией на всемирном рынке. Благодаря монополии прибыли английского капитала были невероятно велики: можно было поделиться чуточку крохами этих прибылей с рабочей аристократией, обученными заводскими рабочими.

Эта рабочая аристократия, имевшая тогда сносные заработки, замкнулась в узкие, своекорыстно-цеховые, союзы, отделившись от массы пролетариата и будучи в политике на стороне либеральной буржуазии. И до сих пор еще, пожалуй, нигде в мире нет такого числа либералов среди передовых рабочих, как в Англии.

Но в последней четверти XIX века дело стало меняться: монополия Англии подорвана Америкой, Германией и т. д. Экономическая основа узкого, мещанского профессионализма и либерализма среди английских рабочих разрушена, социализм снова поднимает голову в Англии, проникает в массы и растет неудержимо, в о п р е к и отчаянному оппортунизму английской около-социалистической интеллигенции.

Квельч был в первых рядах тех, кто боролся стойко и убежденно против оппортунизма и либеральной рабочей политики в английском рабочем движении. Правда, оторванность от масс налагала иногда на английских социал-демократов некоторый сектантский характер. Вождь и основатель социал-демократии Англии, Гайндман, докатился даже до шовинизма. Но социал-демократическая партия дала ему отпор, и во всей Англии т о л ь к о британские социал-демократы вели в течение десятилетий систематическую пропаганду и агитацию в марксистском духе. Это — величайшая историческая заслуга Квельча и его товарищей. Плоды деятельности марксиста Квельча скажутся с полной силой в ближайшие годы английского рабочего движения.

Нельзя не отметить в заключение сочувствия Квельча русским социал-демократам и помощи, которую он им оказывал,

11 лет тому назад русская социал-демократическая газета должна была печататься в Лондоне. Английские социал-демократы с Квельчем во главе с полной готовностью предоставили свою типографию. Самому Квельчу пришлось для этого «потесниться»: ему отгорожен был в типографии тонкой досчатой перегородкой уголок вместо редакторской комнаты. В уголке помещался совсем маленький письменный стол с полкой книг над ним и стул. Когда пишущий эти строки посещал Квельча в этом «редакторском кабинете», то для другого стула места уже не находилось...

*«Наш Путь» № 16
от 12 сентября 1913 г.
За подписью В. И.*

Два пути.

(Об отношении марксистов к народникам.)

Давно ли было время, когда чуть не со всех крыш кричали, что марксистов и организации их, как целого, просто «не существует»? Всего каких-нибудь два года прошло с тех пор. Стоило рабочему классу опять зашевелиться, и всем стало вновь ясно, что только марксизм является учением, проникшим в самую толщу пролетариата. И вот теперь, можно сказать, отбою нет от претендентов на объединение с марксистами. «Единства» с нами усиленно добиваются ликвидаторы. А в последнее время об этом заговаривают также некоторые народники.

— В самом деле, почему бы марксистам и не объединиться с народниками? — спрашивают некоторые добрые люди, наивно полагающие, что чем «шире» будет, тем лучше — хотя бы «широта» эта покупалась ценой отказа от принципов марксизма.

Прежде всего — занимались ли когда-нибудь марксисты, как целое, обсуждением вопроса об отношении к народникам?

Да, занимались много раз. И каждый раз резко высказывались не только п р о т и в объединения с народниками, но всегда характеризовали народников, как буржуазно-демократическое течение. Почти на всех конгрессах и совещаниях русских марксистов этот вопрос в той или иной форме стоял. И каждый раз он решался одинаково.

В последний раз этот вопрос стал в 1906 — 1907 году в связи с первыми выступлениями ликвидаторов. Видный ликвидатор

Ю. Ларин выступил с прямым предложением создать, вместо старой, будто бы слишком «узкой», «широкую» организацию, в которую вошли бы и марксисты, и народники, и беспартийные рабочие²⁸). Да, в сущности, многие из сторонников так называемого «рабочего съезда» в те времена стояли за слияние с народниками. Но все они вместе взятые были только ничтожной группкой интеллигенции, и почти вся эта группа впоследствии пришла к ликвидаторству. Марксисты, как целое, опять решительно отвергли всякое слияние с народниками и всякую ликвидацию старого «узкого».

Из чего же исходили и исходят марксисты, отвергая слияние с народниками? Почему считают они, что «широкая» организация отнюдь не всегда лучше, чем «узкая»?

А вот почему.

Марксизм смотрит на народничество в целом, как на направление не социалистическое, не классовое, не рабочее, а — м е л к о б у р ж у а з н о е. Марксизм родился и сложился, как целое, в непримиримой борьбе с этим мелко-буржуазным направлением.

Было время, когда народники считали эту оценку их направления со стороны марксистов просто бранным словом, резким полемическим приемом. Но время показало, что тут не было ничего похожего на «брань», а была трезвая, классовая, научная оценка.

Посмотрите на «партию» так называемых «народных социалистов», которая в 1907 году сделала попытку легализоваться, урезала даже просто демократические принципы и на деле стала партией социал-кадетов. Эта «партия», однако, по праву считает себя народнической. В ней нашли себе место почти все крупные литературные представители старого народничества²⁹). А кто станет теперь отрицать, что эта группа есть именно м е л к о б у р ж у а з н а я группа? Ведь некоторые из народников вынуждены были это сами признать.

И то же самое относится к трудовикам (тоже народники). У них много заслуг. Временами они выступали, как яркая демократическая группа. Но кто скажет об этих народниках, что это с о ц и а л и с т ы?

Оценка, данная марксистами народническому направлению, как целому, блестяще подтвердилась в бурное десятилетие русской истории.

Осталась, правда, еще небольшая группа народников, кое в чем отделившая себя от «народных социалистов» и трудовиков.

Эта группа находит еще слабый отклик в рабочей среде, поскольку рабочие сочувствуют всякой яркой демократической борьбе. Поскольку эта группа народников боролась против либеральных настроений в среде «народных социалистов» и трудовиков, — постольку она заслуживает похвалы. Поскольку она делала хорошее дело, постольку она шла от народничества к марксизму. Но мелко-буржуазная основа у нее осталась та же. Пуповина, соединяющая эту группу со старым народничеством, не разрезана. «Устой» остались одни и те же у этих народнических групп. Против мелко-буржуазного фундамента народнического учения «левое народничество» почти не выступало.

И постольку старая оценка марксизма остается во всей своей силе, «левое народничество» является не чем иным, как мелко-буржуазным течением с «социалистическим» налетом...

— Но почему бы тем не менее не объединиться с «левыми народниками»? Почему бы не дать им возможности изжить мелко-буржуазные иллюзии внутри одной организации? Ведь ни для кого не тайна, что в некоторых социалистических партиях Запада нашли себе место и заведомо мелко-буржуазные элементы.

Ответ русских марксистов на это таков:

— Да, это верно, что в некоторые западные партии нашли доступ мелко-буржуазные элементы. Но это ли составляет силу западных партий? Или они сильны, вопреки этому слабому их пункту? Мы полагаем, что верно последнее.

Не случайно то, что некоторые из западных партий называют себя просто «социалистическими», а другие именуют себя определенно социал-демократическими. Здесь дело не только в названии, здесь — два пути, два метода строительства рабочей партии и воспитания рабочего класса.

Планы русских «объединителей» объективно к тому и сводятся, чтобы определенный марксизм заменить более «широким» «общесоциалистическим» объединением.

Обострение классовой борьбы во всем цивилизованном мире делает то, что развитие идет от «широкого» и туманного социализма к определенному социал-демократизму. А тут хотят проделать как раз попятное движение...

Не для того мы копили драгоценный опыт международного движения, не для того мы учились у него в продолжение деся-

тилетий, чтобы итти н а з а д теперь, когда на международной арене все идет вперед. Русским рабочим необходима именно м а р к с и с т с к а я партия, и никакая иная.

И в особенности у нас в России необходима эта марксистская определенность. Кто только не называет себя у нас «социалистом»? Если в таких странах, как Англия и Франция, рабочее дело так много страдает от того, что там так распространен туманный «широкий» социализм, — то мы в России страдаем от этого втройне. В России так много места именно для мелко-буржуазных течений и учений. Русский рабочий класс более, чем какой бы то ни было другой, должен резко и ясно провести ту черту, которая отделяет марксизм от туманного «тоже» - социализма.

Не в том дело, чтобы рабочий класс должен был отталкивать от себя мелко-буржуазную демократию. Ничуть! Наоборот, у него сейчас с ней много общих очередных задач. Он д о л ж е н итти с ней на временные соглашения в известных случаях. Он должен звать ее от половинчатых уступок либерализму к последовательной демократической политике. Мы видим благоприятный признак в том, что мелко-буржуазные элементы (частью и народники), сознавая, что рабочий класс становится крупной силой, тяготеют именно к нему. Это — признак здорового развития.

Но отсюда еще большой шаг до полного с л и я н и я р я д о в. Когда рабочие марксисты отрывают народнические элементы от союзов с кадетами и увлекают их на демократический путь, это — ш а г в п е р е д. А если бы рабочие-марксисты вздумали слить свои ряды с народниками, т.-е. создать общую организацию и тем поставить с е б я в зависимость от туманного «социализма» и политических колебаний, — это был бы огромный ш а г н а з а д.

Действительно - социалистические элементы среди народников (их немного и искать их надо только с р е д и р а б о ч и х) и д у т и п р и д у т к марксизму. Жизнь решает спор в пользу марксизма. Переберите основные пункты разногласий между народничеством и марксизмом: 1) роль капитализма в России; 2) крестьянство и социализм; 3) характер русского освободительного движения; 4) роль интеллигенции; 5) значение артельного (кооперативного) начала; 6) вопрос о терроре; 7) тактика бойкота нынешней Думы; 8) отношение к профессиональным союзам; 9) аграрный вопрос в его практической обстановке и т. д.

Все эти вопросы, как мы покажем подробнее, жизнью решены в пользу марксизма. Многие рабочие-народники сделали и еще сделают свои практические выводы, т.-е. придут к марксизму. Но «левое народничество», как интеллигентская группка, несмотря на полный крах своего направления, продолжает настаивать на своих старых мелко-буржуазных ошибках. Пытаться объединяться с этой группкой значит задержать процесс высвобождения социалистических элементов из-под влияния старого народнического хлама. И это значит навязать рабочим такую бездну путаницы, разложения, растерянности, новой ушибы и ненужных споров, которые могли бы надолго повредить рабочему делу.

Из двух путей — «широкий» туманный «социализм», терпимый к мещанским предрассудкам, и «узкий» марксизм, воинствующий, бунтующий против всякой мешанины — мы по-прежнему выбираем второй путь.

И потому мы говорим:

— Отдельные соглашения с народниками — да!

— Объединение, слияние — нет, ни в каком случае!

«Узкий» марксизм собрал уже под свое знамя сотни тысяч и миллионы рабочих в России. Он делает это и теперь. Ему надо только твердо идти по старому пути, чтобы выполнить свою великую историческую задачу.

Еще в 1903 году русские марксисты официально заявили:

«Организация рабочего класса... зовет в свои ряды все слои трудящегося и эксплуатируемого населения, «поскольку они переходят на точку зрения пролетариата»³⁰).

Призыв не остался неслышанным. Всякого рабочего-народника, понявшего необходимость классовой организации, марксисты зовут и теперь в свои ряды.

Мы не можем помешать тому, что тот или иной ликвидатор опять (подобно Ларину) проникнется любовью к «широкой» партии, к туманному «социализму» и пойдет искать «единства» с потерпевшим крушение народничеством. Но что русские марксисты, как целое, ничего общего не имеют с такими — столь же нелепыми, сколь и губительными, попытками — в этом нет ни малейшего сомнения...

*«Правда Труда» № 1
от 11 сентября 1913 г.
За подписью А. Б.*

Цивилизованное варварство.

Англия и Франция — самые цивилизованные государства в мире. Лондон и Париж — столицы мира, с населением в 6 и 3 миллиона. Расстояние между ними — 8 — 9 часов пути.

Можно себе представить, как велики торговые сношения между этими столицами, какая масса товаров и людей передвигается постоянно между ними.

И вот самые богатые, самые цивилизованные, самые свободные государства в мире со страхом и трепетом обсуждают теперь — далеко, далеко не в первый раз! — «трудный» вопрос: можно ли прорыть туннель под Ламаншем (морской пролив, отделяющий Англию от европейского материка)?

Инженеры давным давно рассчитали, что можно. Денег у капиталистов Англии и Франции — горы. Прибыль на капитал, вложенный в это дело, обеспечена безусловно.

За чем же дело стало?

Англия боится... нашествия! Туннель, изволите видеть, облегчит, «в случае чего», неприятельским войскам вторжение в Англию. И поэтому военные авторитеты в Англии уже не первый раз проваливают план прорытия туннеля.

Читаешь об этом — и удивляешься сумасшествию и ослеплению цивилизованных народов. Нечего и говорить, что приостановка движения по туннелю и полная порча туннеля — дело нескольких секунд, при современных орудиях техники.

Но цивилизованные народы загнали себя в положение варваров. Капитализм сделал то, что буржуазии для надувания рабочих н а д о пугать народ в Англии идиотскими сказками о «нашествии». Капитализм сделал то, что целый ряд капиталистов, которые потеряют «доходные делишки» от прорытия туннеля, из кожи лезут, чтобы провалить этот план и затормозить технический прогресс.

Боязнь туннеля у англичан есть боязнь самих себя. Капиталистическое варварство сильнее всякой цивилизации.

Куда ни кинь, на каждом шагу встречаешь задачи, которые человечество вполне в состоянии разрешить н е м е д л е н н о. Мешает капитализм. Он накопил груды богатства — и сделал людей р а б а м и этого богатства. Он разрешил сложнейшие

задачи техники — и заstopорил проведение в жизнь технических улучшений из-за нищеты и темноты миллионов населения, из-за тупой скаредности горстки миллионеров.

Цивилизация, свобода и богатство при капитализме вызывают мысль об обожравшемся богаче, который гниет заживо и не дает жить тому, что молодо.

Но молодое растет и возьмет верх, несмотря ни на что.

*«Правда Труда» № 6
от 17 сентября 1913 г.
За подписью W.*

Резолюция „Летнего совещания“ Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. с партийными работниками ³¹⁾.

1. О задачах агитации в настоящий момент.

1. Положение в стране все больше и больше обостряется. Господство реакционных помещиков вызывает все больший ропот даже среди самых умеренных слоев населения. На пути к сколько-нибудь действительной политической свободе в России по-прежнему стоит царская монархия, враждебная всякой серьезной реформе, оберегающая только власть и доходы крепостников и особенно жестоко подавляющая всякое проявление рабочего движения.

2. Рабочий класс по-прежнему выступает, как руководитель в революционной борьбе за общенациональное освобождение. Массовая революционная стачка продолжает развиваться. Действительная борьба передовых отрядов рабочего класса происходит под революционными лозунгами.

Массовое экономическое движение, часто начинаясь с самых первоначальных требований, в силу всей обстановки борьбы, все более сливается с революционным движением рабочего класса.

Задачей передовых рабочих является своей работой агитации и просвещения ускорить сплочение пролетариата под революционными лозунгами эпохи.

Только при этом условии передовые рабочие выполняют также свою задачу пробуждения крестьянской и городской демократии.

3. Борьба рабочего класса, протекающая под революционными лозунгами, заставила часть промышленников и либерально-октябристскую буржуазию усиленно заговорить о необходимости реформ вообще и урезанной свободы коалиций в частности. С одной стороны, лихорадочно организуясь в хозяйские союзы, вводя страхование от стачек и требуя от правительства систематических гонений против рабочего движения, буржуазия, с другой стороны, рекомендует рабочим в м е с т о революционных требований ограничиваться отдельной конституционной реформой, подобием свободы коалиций. Рабочий класс должен использовать все возможные колебания правительства, как и те разногласия, которые существуют между буржуазией и реакционным лагерем, для усиления своего натиска и в области экономической и в области политической борьбы. Но рабочий класс именно для успешного использования положения должен оставаться на почве неурезанных революционных лозунгов.

4. При таком общем положении вещей задачей с.-д. является вести по-прежнему широкую революционную агитацию в массах за низвержение монархии и за демократическую республику. Необходимо на живых примерах действительности неустанно доказывать весь вред реформизма, т.-е. тактики, которая вместо революционных лозунгов выдвигает в центр требование частичных улучшений.

5. В своей агитации за свободу коалиций и за частичные реформы вообще ликвидаторы сбиваются на либеральный путь. Они на деле отрицают революционную агитацию в массах, они прямо проповедают в своих органах, что лозунги «демократическая республика» и «конфискация земель» не могут служить предметом агитации в массах. Свободу коалиций они выдвигают, как всеобъемлющий лозунг эпохи, на деле подменяя им революционные требования 1905 г.

6. Предостерегая против вредной реформистской агитации ликвидаторов, совещание напоминает, что Р. С.-Д. Р. П. в своей программе-минимум уже давно выдвинула требования свободы коалиций, слова, печати и т. д., поставивши все эти требования в тесную связь с революционной борьбой за низвержение царской монархии. Совещание подтверждает резолюцию январской конференции 1912 г., гласящую: «Конференция призывает всех с.-д. разъяснять рабочим всю необходимость для пролетариата свободы коалиций, при чем необходимо постоянно ставить это

требование в неразрывную связь с нашими общими политическими требованиями и революционной агитацией в массах». Главными лозунгами эпохи остаются: 1) демократическая республика; 2) конфискация помещичьих земель; 3) 8-часовой рабочий день.

2. По организационному вопросу и о партийном съезде.

1. Отчеты с мест показали, что самой важной очередной организационной задачей является не только упрочение руководящих партийных организаций в каждом городе, но и объединение отдельных городов между собой.

2. Совещание рекомендует, как первый шаг к областному объединению, организацию совещаний (а где можно и конференций) товарищей от отдельных пунктов рабочего движения. При этом необходимо стремиться к тому, чтобы на совещании были представлены все отрасли партийной работы: политической, профессиональной, кооперативной и т. д.

3. Совещание признает, что система доверенных лиц при Ц. К. для дела объединения общероссийской работы совершенно необходима. Решение февральского совещания о доверенных лицах только еще начало применяться в жизни. Передовые рабочие на местах всюду должны позаботиться о том, чтобы выдвинуты были доверенные лица хотя бы в каждом крупном центре рабочего движения и в возможно большем числе.

4. Совещание ставит на очередь вопрос о созыве партийного съезда. Рост рабочего движения, назревание политического кризиса в стране, необходимость объединенных выступлений рабочего класса во всероссийском масштабе делают и необходимым и возможным созыв такого съезда—после достаточной его подготовки.

5. Совещание приглашает товарищей на местах, по обсуждении этого вопроса, намечать предварительный порядок дня, желательный срок съезда, проекты резолюций.

6. Совещание указывает, что помимо других трудностей и вопрос о денежных расходах на съезд может быть разрешен только самими рабочими.

Совещание призывает товарищей приступить к созданию денежного фонда на созыв партийного съезда.

3. О стачечном движении.

1. Совещание подтверждает резолюции Январской Конференции 1912 г. и февральского совещания 1913 г. *), давшие оценку стачечного движения, соответствующую всему опыту последних месяцев.

2. Новая полоса подъема революционной стачки характеризуется движением в Москве и нарастанием настроения в нескольких местностях, до сих пор не участвовавших в движении.

3. Совещание приветствует почин Петербургского Комитета и ряда партийных групп Москвы, поднявших вопрос о всеобщей политической стачке и сделавших шаги в этом направлении в июле и сентябре текущего года **).

4. Совещание признает, что движение подходит к постановке на очередь всероссийской политической стачки. Систематическую подготовительную агитацию за эту стачку необходимо начать немедленно и повсеместно.

5. Лозунгами политических стачек, которые следует распространять с усиленной энергией, должны быть основные революционные требования момента: демократическая республика, 8-часовой рабочий день, конфискация помещичьих земель.

6. ***).

4. О партийной печати.

Пункты 1—5. ****).

Пункт 6. Ввиду обострения революционной борьбы масс за последнее время и необходимости ее полного и всестороннего освещения, недоступного легальной печати, Совещание обращает особое внимание на необходимость усиленного развития нелегаль-

*) Так по конспиративным соображениям было названо декабрьское совещание 1912 г. Р е д.

**) Редакция Ц. О., которой было поручено издать резолюции совещания, добавила указания на сентябрьские события, вполне подтвердившие эти резолюции.

***) Пункт 6 не был опубликован по конспиративным соображениям; восстановить его текста редакции не удалось.

****) Пункт 1—5 не были опубликованы по конспиративным соображениям; восстановить их текст редакции не удалось.

ного партийного издательства, при чем, кроме нелегальных листов, брошюр и т. д., крайне необходим более частый и регулярный выход нелегального органа партии (Ц. О).

5. О думской работе с.-д.

Разобрав детально резолюцию Р.С.-Д.Р.П. о думской с.-д. фракции, принятую на Декабрьской 1908 г. Конференции, и обсудив все данные о думской работе с.-д. в IV Думе, совещание:

1) признает, что указанная резолюция вполне правильно определила задачи и направление с.-д. думской работы, и что поэтому необходимо руководиться и впредь этой «резолюцией»;

2) что последний подотдел пункта 3 (Зз) декабрьской резолюции (о голосовании за или воздержании по вопросам об улучшении положения рабочих) должен быть пояснен следующим образом. Когда в законопроектах, формулах и т. д. дело идет о непосредственном и прямом улучшении положения рабочих, низших служащих и трудящихся масс вообще (напр., сокращение рабочего дня, увеличение заработной платы, устранение хотя бы небольшого зла в жизни рабочих и вообще широких слоев населения и т. п.), то следует голосовать за те пункты, которые содержат эти улучшения.

В тех же случаях, когда улучшение в силу условий, которыми обставляется его IV Дума, сомнительно, фракция воздерживается, непременно с особой мотивировкой воздержания, предварительно обсудив вопрос с представителями рабочих организаций.

Совещание признает, что:

по всем запросам, крупным законопроектам и т. п. с.-д. фракция должна вносить свои самостоятельные формулы перехода к очередным делам.

В тех случаях, когда, после отвержения формулы с.-д., голосования фракции против правительства совпадают с голосованием других партий,—необходимо, чтобы фракция старалась особо мотивировать свое голосование за чужую формулу или за часть чужой формулы.

6. О думской с.-д. фракции.

Совещание находит, что единство с.-д. фракции в области думской работы возможно и необходимо.

Однако совещание констатирует, что поведение 7 депутатов серьезно угрожает единству фракции.

7 депутатов, пользуясь случайным большинством 1 голоса, нарушают элементарные права 6 рабочих депутатов, представляющих громадное большинство рабочих России.

7 депутатов, исходя из узко-фракционных интересов, лишают 6 депутатов возможности выступать с думской трибуны по важнейшим вопросам рабочей жизни. В целом ряде выступлений, когда с.-д. фракция выставила двух и более ораторов, 6 депутатов, несмотря на свои требования, не получали возможности выставить своего оратора.

7 депутатов при распределении мест в думских комиссиях (напр., бюджетной) таким же образом отказывают 6 депутатам предоставить одно из двух мест.

При выборах от фракции в важные для рабочего движения учреждения 7 депутатов большинством одного голоса лишают 6 депутатов представительства. Личный персонал, обслуживающий фракцию, всегда избирается односторонне (например, отвергнуто требование второго секретаря).

Совещание находит такой образ действия 7 депутатов неизбежно создающим трения во фракции, мешающим сплоченной работе и ведущим к расколу фракции.

Совещание самым решительным образом протестует против подобного образа действий 7 депутатов.

6 депутатов представляют громадное большинство рабочих России и действуют в полном согласии с политической линией его организованного авангарда.

Совещание поэтому находит, что только при полном равноправии двух частей фракции и только при отказе 7 депутатов от политики подавления будет возможно сохранить единство с.-д. фракции в области думской работы.

Несмотря на непримиримые разногласия в области работы не только думской, совещание требует единства фракции на указанных выше началах равноправия 2-х ее частей.

Совещание приглашает сознательных рабочих высказать свое мнение по этому важному вопросу и способствовать всеми силами охранению единства фракции на единственно возможной основе равноправия 6 рабочих депутатов.

7. О работе в легальных обществах.

1. В настоящий момент подъема экономической и политической борьбы рабочего класса, особенно необходимо усилить работу во всех легальных рабочих обществах (профессиональные союзы, клубы, больничные страховые кассы, кооперативы и пр.).

2. Вся работа в легальных рабочих обществах должна вестись не в духе нейтральности, а в духе решений Лондонского съезда Р. С.-Д. Р. П. и Международного Конгресса в Штуттгарте. С.-д. должны привлекать во все рабочие общества возможно более широкие круги рабочих, приглашая в состав членов всех рабочих без различия партийных взглядов. Но с.-д. должны внутри этих обществ составлять партийные группы и долгой систематической работой внутри всех этих обществ добиваться установления самых тесных отношений между ними и с.-д. партией.

3. Опыт международного и нашего русского рабочего движения учит тому, что с самого зарождения таких рабочих организаций (професс. союзы, кооперативы, клубы и т. п.) необходимо добиваться того, чтобы каждое из этих учреждений было оплотом с.-д. партии. Совещание приглашает всех партийцев иметь в виду эту важную задачу, которая является особенно жгучей в России, где ликвидаторы систематически пытаются использовать легальные общества против партии.

4. Совещание находит, что при выборах уполномоченных в страховые кассы, во всей работе професс. союзов и т. д. следует, отстаивая полное единство движения и подчинение меньшинства большинству, проводить линию партии, добиваться избрания на все ответственные посты сторонников партии и т. д.

5. Для учета опыта практической работы в легальных рабочих обществах желательно устройство более частых совещаний с активными участниками работы в легальных рабочих организациях на местах, а также привлечение в возможно большем числе на общепартийные конференции представителей от партийных групп, ведущих работу в легальных обществах.

8. По национальному вопросу.

Разгул черносотенного национализма, рост националистических тенденций среди либеральной буржуазии, усиление на-

ционалистических тенденций среди верхних слоев угнетенных национальностей выдвигают в настоящий момент национальный вопрос на видное место.

Положение дел внутри социал-демократии (попытки кавказских с.-д., Бунда и ликвидаторов отменить программу партии и т. д.) заставляет партию еще более обратить внимание на этот вопрос.

Опираясь на программу Р. С.-Д. Р. П., Совещание—в интересах правильной постановки с.-д. агитации по национальному вопросу—выдвигает следующие положения:

1. Поскольку возможен национальный мир в капиталистическом обществе, основанном на эксплуатации, наживе и грызне, постольку это достижимо лишь при последовательном, до конца демократическом, республиканском, устройстве государства, обеспечивающем полное равноправие всех наций и языков, отсутствии обязательного государственного языка, при обеспечении населения школ с преподаванием на всех местных языках и при включении в конституцию основного закона, объявляющего недействительными какие бы то ни было привилегии одной из наций и какие бы то ни было нарушения прав национального меньшинства. В особенности необходима при этом широкая областная автономия и вполне демократическое местное самоуправление, при определении границ самоуправляющихся и автономных областей, на основании учета самим местным населением хозяйственных и бытовых условий, национального состава населения и т. д.

2. Разделение по национальностям школьного дела в пределах одного государства безусловно вредно с точки зрения демократии вообще и интересов классовой борьбы пролетариата в особенности. Именно к такому разделению сводится принятый в России всеми буржуазными партиями еврейства и мещанскими оппортунистическими элементами разных наций план так называемой «культурно-национальной» автономии или «создания учреждений, гарантирующих свободу национального развития».

3. Интересы рабочего класса требуют слияния рабочих всех национальностей данного государства в единых пролетарских организациях, политических, профессиональных, кооперативно-просветительных и т. д. Только такое слияние в единых организациях рабочих различных национальностей дает возможность

пролетариату вести победоносную борьбу с международным капиталом и с реакцией, а равно с проповедью и стремлением помещиков, попов и буржуазных националистов всех наций, которые проводят обыкновенно свои антипролетарские стремления под флагом «национальной культуры». Всемирное рабочее движение создает и с каждым днем все более и более развивает интернациональную (международную) культуру пролетариата.

4. Что касается до права угнетенных царской монархией наций на самоопределение, т.-е. на отделение и образование самостоятельного государства, то с.-д. партия безусловно должна отстаивать это право. Этого требуют как основные принципы международной демократии вообще, так и, в особенности, неслыханное национальное угнетение большинства населения России царской монархией, которая представляет из себя самый реакционный и варварский государственный строй по сравнению с соседними государствами Европы и Азии. Этого требует далее дело свободы самого великорусского населения, которое неспособно создать демократическое государство, если не будет вытравлен черносотенный великорусский национализм, поддерживаемый традицией ряда кровавых расправ с национальными движениями и воспитываемый систематически не только царской монархией и всеми реакционными партиями, но и холопствующим перед монархией великорусским буржуазным либерализмом, особенно в эпоху контр-революции.

5. Вопрос о праве наций на самоопределение (т.-е. обеспечение конституцией государства вполне свободного и демократического способа решения вопроса об отделении) непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации. Этот последний вопрос с.-д. партия должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм.

Социал-демократия должна при этом иметь в виду, что помещики, попы и буржуазия угнетенных наций нередко прикрывают националистическими лозунгами стремления разделить рабочих и одурачить их, заключая за их спиной сделки с помещиками и буржуазией господствующей нации в ущерб трудящимся массам всех наций.

Совещание ставит в порядок дня партийного съезда вопросы о национальной программе. Совещание приглашает Ц. К., партийную прессу и местные организации возможно подробнее освещать (в брошюрах, дискуссиях и т. д.) национальный вопрос.

9. О народниках.

1. Лондонский съезд, подводя итоги деятельности народнических партий и, между прочим, партии с.-р. в революционную эпоху, точно указал на то, что эти партии постоянно колебались между подчинением гегемонии либералов и решительной борьбой против помещичьего землевладения и крепостнического государства, равно как и на псевдо (мнимо)-социалистический характер их проповеди, затушевывающей противоположность между пролетариатом и мелким хозяйчиком.

2. Реакционная эпоха еще более усилила эти черты, создав в партии с.-р., с одной стороны, отказ от последовательно-демократической политики и превратив даже некоторые элементы партии в идущих по следам либералов, критиков революции, а, с другой стороны, превратив ее в чисто интеллигентскую группу, оторванную от жизни масс.

3. Партия с.-р. продолжает официально отстаивать террор, история которого в России совершенно оправдала с.-д. критику этого метода борьбы и закончилась полным крахом. Рядом с этим бойкот выборов и полная неспособность этой интеллигентской организации к планомерному воздействию на ход общественного развития страны сделали то, что новый подъем революционного движения всюду прошел вне всякого влияния этой партии.

4. Мелко-буржуазный социализм народничества сводится лишь к вредной проповеди перед лицом рабочего класса идей, затушевывающих все растущую пропасть между интересами труда и капитала и пытающихся представить в смягченном виде остроту классово-борьбы, и приводит к мещанским утопиям в области кооперативной.

5. Шатания в области отстаивания демократических лозунгов, кружковой характер партии и ее мелко-буржуазные предубеждения в сильнейшей степени мешают народничеству развить республиканско-демократическую пропаганду в широких кругах крестьянства. Таким образом и сами интересы этой пропа-

ганды требуют в первую голову от с.-д. решительной критики народничества.

Совещание, отнюдь не исключая тех совместных действий с народническими партиями, которые специально предусмотрены Лондонским съездом, полагает поэтому, что задачей с.-д. должно быть:

а) разоблачать шатанья и отказ от последовательного демократизма, проявляющийся в народнических партиях;

б) бороться с мелко-буржуазным социализмом народничества, затушевывающим противоположность между капиталом и трудом;

в) поддерживать республиканско-демократические течения в крестьянской массе, постоянно указывая, что только последовательный в своем демократизме социалистический пролетариат может быть надежным руководителем масс крестьянской бедноты в ее борьбе с монархией и помещичьим землевладением;

г) направить усиленное внимание на пропаганду с.-д. идей среди тех, хотя и немногочисленных, групп рабочих, которые до сих пор не освободились еще от отсталых теорий народничества.

Сентябрь—октябрь 1913 г.

Плохая защита плохого дела.

Неский Гр. Голосов смертельно обиделся на то, что я назвал в «Просвещении» Чхеидзе «околопартийным социал-демократом».

Гр. Голосов рвет и мечет, бранится изо всех сил, громоздит восклицательные и вопросительные знаки. Но чем больше сердится Гр. Голосов, тем очевиднее становится, что сердитыми возгласами он прикрывает отсутствие доказательств.

Я назвал Чхеидзе околопартийным. Голосову неловко бы догадаться, что он опроверг бы меня, если бы доказал п а р т и й н о с т ь Чхеидзе.

Я указал на тот факт, что в самый критический момент истории социал-демократической фракции(а также истории возрождения партии) Чхеидзе «прошел стороной». Когда складывалась ликвидаторская и антиликвидаторская печать (1911 год и начало 1912), Чхеидзе не было п и з д е с ь , н и т а м .

Опровергает ли мой сердитый противник этот точно указанный факт?

Нет. Сердитый Гр. Голосов не опровергает, не может опровергнуть этого факта. Сердит, но не силен, бедняга Голосов! Он боязливо обходит факт, доказывающий, что поведение Чхеидзе (несмотря на его ораторский талант и парламентскую опытность) было поведением о к о л о п а р т и й н о г о человека.

Если бы сердитый Гр. Голосов умел думать, он понял бы, что признаком партийного человека служит — самое энергичное, прямое и открытое участие в делах своей партии (а не только думской фракции ее). Образование ликвидаторской и противоликвидаторской печати было важнейшим моментом в новейшей истории марксистского целого. Следовательно, околопартийность Чхеидзе мною неопровержимо доказана.

Гр. Голосов восклицает с какой-то истерической злобностью: «Партия там, где сидит В. Ильин с Гр. Зиновьевым».

Добрый Голосов на голову себе поднимает здесь интереснейший и важнейший вопрос, г д е партия. И если сам Гр. Голосов думать не способен, то все рабочие думали и думают об этом.

Партия — т а м, где находится большинство сознательных, участвующих в политической жизни марксистов-рабочих.

Гр. Голосов потому и сердится до истерики, что чувствует свое бессилие опровергнуть эту простую истину.

И выборы в IV Думу, и история возникновения и роста «Правды», и выборы в правление союза металлистов, и страховая кампания, и резолюции рабочих в пользу шести рабочих депутатов — все это д о к а з а л о, что партия на стороне шестерки, на стороне их линии. И х лозунги приняты и проверены м а с с о в ы м действием рабочих во всех областях рабочего движения.

Сердитый Голосов потому и сердится, что бессилён опровергнуть точные, очевидные, бесспорные факты о победе марксистов над ликвидаторами и на выборах, и в профессиональных союзах, и в работе создания ежедневных газет, и в страховой кампании.

Тем, против кого в с е факты, ничего не остается кроме «сердца» и истерики.

Партия там, где сплотилось большинство рабочих около партийных решений, дающих ценные, систематические, точные ответы на важнейшие вопросы. Партия — там, где единством

этих решений и единой волей проводит их добросовестно в жизнь объединенное большинство сознательных рабочих.

Защищая «право» Чхеидзе (и семерки) нарушать эти решения, эту волю рабочего класса, Гр. Голосов, как и все ликвидаторы, разрушает марксистскую организацию в пользу беспартийности.

Нет сомнения, что рабочие будут поддерживать и впредь позицию шести своих депутатов против околопартийной позиции семерки.

«За Правду» № 12

от 17 октября 1913 г.

За подписью В. Ильин.

Думская „семерка“.

Длинные заявления и рассуждения семи депутатов Государственной Думы в защиту ликвидаторства производят очень странное впечатление.

Семерка рассуждает все время исключительно о думской работе, о думской социал-демократической деятельности!

Вне Таврического дворца для семерки ничего организованного не существует! «Мы всемером решали, мы с Ягелло голосовали, мы ораторов посылали, мы декларацию принимали» — только это и слышишь от семерки. «Мы думцы», «мы в Думе» — кроме этого семерка ничего не знает и не понимает.

Семерка до того заражена уже ликвидаторством, что она перестала понимать азбуку марксизма.

По-марксистски депутаты в Думе должны проводить не свою волю, а волю марксистской организации, не свои решения, а решения марксистского целого, не свою тактику, а его тактику. Стыд и позор, что эту азбуку марксизма приходится разъяснять депутатам Думы! До чего довело их колебание в сторону ликвидаторства, если они решаются выступать, как беспартийные, как разрушители пролетарской политической организации!

Вопрос о том, «где марксистская организация», семеро ликвидаторствующих боятся даже поставить.

А между тем в этом гвоздь всего.

Все крики о единстве — одно сплошное лицемерие, если обходится вопрос о единой воле, единых решениях,

единой тактике большинства марксистски-организованных, передовых, сознательных рабочих России.

Газета «За Правду» давно указала, по каким данным можно (и должно) судить о марксистской воле большинства рабочих, неподчинение которой есть раскольничество, дезорганизация, разрушение.

Эти данные: 1) выборы в IV Думу по рабочей курии; 2) история рабочих газет; 3) профессиональные союзы. В Европе добавляют еще самое главное: число занесенных в открытые книги членов политической партии. Всякий понимает, что в России таких данных быть не может; их заменяют отчасти **общие решения**, обязательные для всякого честного рабочего.

Ликвидаторы и семерка ни слова об этом, ни слова о признаках марксистской организации, о ее решениях, о ее тактике не говорят! Ликвидаторы и семерка хотят «единства», то-есть подчинения шести рабочих депутатов **семь беспартийным**, то-есть **нарушения воли марксистского целого**.

Ликвидаторы и семерка хотят, чтобы думская группа социал-демократических депутатов действовала на свой риск и страх, как она сама захочет, **без и против** этого целого. И это позорное, дезорганизаторское требование они называют требованием единства.

Крики семерки о единстве напоминают известный анекдот: семеро хотят «объединиться» с шестью, как человек «объединяется» с куском хлеба. Он его съедает.

Семеро беспартийных хотят съесть шестерку марксистов и требуют, чтобы это названо было «единством».

Разрушение марксистской организации семеркой **оторвавшихся** от большинства рабочих, семеркой **ликвидаторствующих** депутатов, семеркой, забывшей, что они в Думе только проводники воли большинства рабочих, — вот что делают ликвидаторы и семеро депутатов!

Против этого неслыханного дезорганизаторского поведения зазнавшихся врагов организации рабочего класса рабочий класс выступает, решительно требуя подчинения и в думской работе.

*«За Правду» № 19
от 25 октября 1913 г.
За подписью В. Ф.*

Капитализм и эмиграция рабочих.

Капитализм создал особый вид переселения народов. Быстро развивающиеся в промышленном отношении страны, вводя больше машин, вытесняя отсталые страны с мирового рынка, поднимают заработную плату выше среднего и привлекают наемных рабочих из отсталых стран.

Сотни тысяч рабочих перебрасываются таким образом за сотни и тысячи верст. Передовой капитализм втягивает их насильно в свой круговорот, вырывает их из захолустья, делает их участниками всемирно-исторического движения, ставит их лицом к лицу с могучим, объединенным, международным классом промышленников.

Нет сомнения, что только крайняя нищета заставляет людей покидать родину, что капиталисты эксплуатируют самым бессостным образом рабочих-переселенцев. Но только реакционеры могут закрывать глаза на п р о г р е с с и в н о е значение этого современного переселения народов. Избавления от гнета капитала нет и быть не может вне дальнейшего развития капитализма, вне классовой борьбы на почве его. А к этой борьбе именно и привлекает капитализм трудящиеся массы в с е г о мира, ломая затхлость и заскорузлость местной жизни, разрушая национальные перегородки и предрассудки, соединяя вместе рабочих всех стран на крупнейших фабриках и рудниках Америки, Германии и т. д.

Америка стоит во главе стран, ввозящих рабочих. Вот данные о количестве переселенцев в Америку:

За десять лет	1821—1830	99 тысяч переселенцев.
»	» 1831—1840	496 »
»	» 1841—1850	1.597 »
»	» 1851—1860	2.453 »
»	» 1861—1870	2.064 »
»	» 1871—1880	2.262 »
»	» 1881—1890	4.722 »
»	» 1891—1900	3.703 »
» девять	» 1901—1909	7.210 »

Рост переселений огромный и все усиливающийся. За пять лет, 1905—1909, в Америку переселялось в среднем (речь идет только о Соединенных Штатах) с в ы ш е м и л л и о н а ч е л о в е к в г о д.

Интересно при этом изменение в составе переселенцев (иммигрантов, т.-е. вселяющихся в Америку). До 1880 года преобладала так называемая старая эмиграция, из старых культурных стран, Англии, Германии, частью Швеции. Даже до 1890 года Англия и Германия вместе давали больше половины всех эмигрантов.

С 1880 года начинается невероятно быстрый рост так называемой новой эмиграции, из восточной и южной Европы, из Австрии, Италии и России. Эти три страны давали эмигрантов в Соединенные Штаты Северной Америки:

в десятилетие	1871—1880 г.г	201	тысяч.
»	» 1881—1890 »	927	»
»	» 1891—1900 »	1.847	»
» девятилетие	1901—1909 »	5.127	»

Таким образом самые отсталые страны старого света, сохранившие всего более остатков крепостничества во всем строе жизни, подвергаются, так сказать, насильственной выучке цивилизации. Американский капитализм вырывает миллионы рабочих отсталой Восточной Европы (и России в том числе, давшей 594 тысячи иммигрантов в 1891—1900 г.г. и 1.410 тысяч в 1900—1909 г.г.) из их полусредневековой обстановки и ставит их в ряды передовой, международной, армии пролетариата.

Интересное наблюдение делает Гурвич ³²⁾, автор чрезвычайно поучительной английской книги: «Иммиграция и труд», вышедшей в прошлом году. После революции 1905 года число иммигрантов в Америку особенно возросло (1905 г.—1 миллион, 1906 г.—1,2 миллиона, 1907 г.—1,4 миллиона, 1908—1909—по 1,9 миллиона). Рабочие, пережившие всякие стачки в России, внесли и в Америку дух более смелых, наступательных, массовых стачек.

Россия все более отстает, отдавая за границе часть лучших своих рабочих; Америка все быстрее идет вперед, беря со всего мира наиболее энергичное, способное к труду рабочее население *).

Германия идет более или менее в уровень с Америкой, превращается из страны, отпускавшей рабочих, в страну, привле-

*) Кроме Соединенных Штатов и другие американские государства быстро шагают вперед. Число переселенцев в Америку за последний год было около 250 тысяч, в Бразилию около 170 тысяч, в Канаду свыше 200 тыс., итого 620 тысяч в год.

кающую чужих рабочих. Число иммигрантов из Германии в Америку, достигшее 1.453 тысяч за 10 лет 1881—1890 г.г., упало до 130 тысяч в десятилетие 1901—1909 г.г. Число же иностранных рабочих в Германии было в 1910—1911 г.г.—695 тысяч, а в 1911—1912 г. г.—729 тысяч. Если мы посмотрим на распределение этих последних по занятиям и по странам откуда они вышли, то увидим следующую картину:

Иностранные рабочие, занятые
работой в Германии в 1911-1912 г.г.
(тысяч).

	В сель- ском хо- зяйстве.	В про- мышлен- ности.	Всего.
из России	274	34	308
» Австрии	101	162	263
» остальных стран . . .	22	135	157
Всего . .	397	331	728

Чем более отстала страна, тем больше она дает необученных, «черных», сельских рабочих. Передовые нации захватывают себе, так сказать, лучшие виды заработков, оставляя полудиким странам худшие виды заработков. Европа вообще («остальные страны») дает Германии 157 тысяч рабочих, из них с в ы ш е $\frac{8}{10}$ (135 из 157) промышленных рабочих. Отсталая Австрия дает только $\frac{6}{10}$ (162 из 263) промышленных рабочих. Самая отсталая Россия всего $\frac{1}{10}$ промышленных рабочих (34 из 308).

Таким образом Россию бьют везде и во всем за ее отсталость. Но рабочие России, по сравнению с остальным населением, всего более вырываются из этой отсталости и дикости, всего больше дают отпора этим «милым» чертам своей родины, всего теснее сплачиваются в одну всемирно-освободительную силу с рабочими всех стран.

Буржуазия направляет рабочих одной нации на рабочих другой, стараясь разъединить их. Сознательные рабочие понимают неизбежность и прогрессивность ломки всех национальных перегородок капитализма, стараются помочь просвещению и организации своих товарищей из отсталых стран.

«За Правду» № 22
от 29 октября 1913 г.
За подписью В. И.

Кадетский домовладелец, рассуждающий „по Марксу“

Редактор-издатель «Городского Дела», домовладелец г. Велихов, член Государственной Думы и кадетской партии, выступил в своем журнале с защитой Киевского съезда городских представителей от «интеллигентской бюрократии».

• Под этим сердитым словечком, заимствованным у реакционной печати, скрывается демократическая интеллигенция, которая, изволите видеть, обижает бедных домовладельцев, толкуя о «домовладельческих институтах» и требуя политической определенности. «Интеллигентская бюрократия», — жалуется г. Велихов, — стремилась «навязать съезду в первую голову общеполитическую роль».

Это течение на съезде г. Велихов называет «политическим», противопоставляя ему другое, «м у н и ц и п а л ь н о е» течение.

Взгляды его он излагает следующим образом:

«Революция, говорили городские деятели, прошла и едва ли повторится в близком будущем. Она не удалась до конца, вероятно, потому, что революционно настроенные классы» (т.-е. какие же классы? Говорите прямо, г. Велихов!) «выступали тогда с недостаточным багажом опыта и знаний и не были подготовлены к восприятию государственной власти. Широкий путь митингов, лозунгов, ударных речей и резолюций протеста теперь никого бы не удовлетворил и, повидимому, отжил свой век. Впереди—колоссальная культурная работа практического характера».

Так пишет г. домовладелец. Он стоит вполне на точке зрения крепостников и по своей морали, и по стремлению забыть переход буржуазии в решительную минуту на сторону крепостников. И он же курьезно повторяет подслушанные им где-то, вероятно у ликвидаторов, «тоже-марксистские» словечки:

В России,—пишет он,—где рабочий пролетариат еще малочисленен и бессилен, где даже по «Капиталу» Маркса господство от поземельного дворянства должно перейти на ближайшей ступени исторического развития к городской буржуазии—нападать на буржуазию, пренебрегать ею, препятствовать ее попыткам борьбы с современным государственным укладом и режимом, это значит тормозить естественный прогресс... («Городское Дело» 1913, № 20, стр. 1342).

Совсем, совсем «по Марксу»!

Любезнейший прогрессивный и даже конституционно-демократический домовладелец! «Попыткам борьбы буржуазии с современным государственным укладом» марксисты н и к о г д а не препятствовали и не препятствуют. Ни единого случая «борьбы», в которой бы е щ е энергичнее не участвовал «бессильный пролетариат», вы никогда не укажете. Н и е д и н ы м случаем «борьбы» буржуазии с крепостниками марксисты и рабочие н е п р е н е б р е г а л и.

Но не припомните ли вы, г. цитирующий Маркса, о тех примерах в истории, участвующих с 1848 года все более, когда буржуазия и з м е н я л а борьбе с крепостниками и переходила н а с т о р о н у крепостников?

Таковыми случаями кишит и русская история, особенно в 1904 году, еще более осенью 1905 года, еще более зимой того же года, затем весной 1906 года и так далее, и так далее.

Не соображаете ли вы, г. цитирующий Маркса домовладелец, что интересы б о р ь б ы с крепостниками требуют разоблачения, нападения, дискредитирования т е х буржуа, которые говорят о борьбе, на деле изменяя ей?

«За Правду» № 23

от 30 октября 1913 г.

За подписью В. Ильин.

Два приема споров и борьбы.

Бывают такие споры и такая борьба мнений в печати, которые помогают читателям яснее понять вопросы политики, глубже дать себе отчет в их значении, тверже решить их.

Бывают споры, которые вырождаются в перебранку, в сплетни и дразги.

Передовым рабочим, которые знают с в о ю ответственность за ход работы, просвещающей и организующей пролетариат, надо внимательнейшим образом смотреть за тем, чтобы н е и з б е ж н ы е споры, н е и з б е ж н а я борьба мнений н е в ы р о ж д а л и с ь в перебранку, сплетни, дразги, клеветы.

Это—вопрос рабочего дела, рабочей организации. Это—серьезнейший и важнейший вопрос борьбы с малейшими дезорганизаторскими попытками. Тут отмахнуться нельзя: кто не научился пресекать в корне дезорганизаторство, тот не годится

в организаторы. А без организации рабочий класс—н и ч т о. Без прений, споров и борьбы мнений никакое движение, в том числе и рабочее движение, невозможно. Без беспощадной борьбы с вырождением споров в перебранку и дразги н и к а к а я организация н е в о з м о ж н а.

Приглашаем сознательных рабочих с этой точки зрения взглянуть на борьбу шестерки и семерки в социал-демократической фракции.

Шестерка признала своим долгом считаться с волей и решением совещания марксистов. Думские представители пролетариата обязаны подчиняться воле внедумского большинства сознательных, организованных рабочих-марксистов.

Это—общий принцип. Это—общая основа всех наших взглядов на задачи рабочего движения.

Если этот взгляд неверен, его надо опровергнуть и отбросить. Если он верен и составляет а з б у к у, без которой нельзя приступить к политике, если без этой азбуки не мыслима н и к а к а я организация,—тогда надо этот взгляд принять и стоять за него твердо, вопреки всем крикам, воплям, наскокам, клеветам.

Товарищи-рабочие! Спорьте об этом. Добивайтесь спорами, беседами, дискуссиями полного выяснения этого вопроса, но отбрасывайте от себя тех, кто споры заменяет перебранкой.

Посмотрите, что ответили ликвидаторы на первый и основной довод шестерки?

В ответе их нет ничего кроме брани! Обругали совещание, в сотый раз обругали похполье, только и всего.

Разве это ответ? Разве это не простая попытка дезорганизовать, разрушить организацию?

Дошло до того, что Ф. Д. в № 70 буквально написал такую фразу: «где ответственные коллективы, выставлявшие их кандидатуру и дававшие им наказания?».

Подумайте, товарищи-рабочие, над значением этого вопроса, и вы увидите, что это вопрос, достойный... тех, кто... допрашивает! Поймите же, господи Ф. Д. и прочие ликвидаторы, что мы н е м о ж е м спорить с вами, раз вы задаете п о д о б н ы е вопросы.

Рассмотрите дело по существу: верно ли решение совещания, правильно ли оно выразило интересы и взгляды большинства рабочих? «Правдисты» отвечают на это целым рядом точных цифр (№ «За Правду» от вторника 29 октября 1913 года). Эти циф

показывают, что за «правдистами» безусловное и бесспорное большинство сознательных, т.-е. участвующих в политической жизни, рабочих

Эти цифры относились и к сравнению выборов по рабочей курии во II, III и IV Думы, и к числу рабочих, представленных шестеркой и семеркой,—и к числу рабочих групп, открыто помогавших сборами той или другой газете, и т. д.

Где же ответ ликвидаторов на этот довод по существу вопроса о большинстве?

Вместо ответа—брань. Ни одной, буквально ни единой цифры ликвидаторы не опровергают, не пытаются даже исправить их, заменить другими цифрами!!!

Дело яснее ясного: кто обходит точные данные о большинстве, тот с р ы в а е т волю большинства, тот — дезорганизатор.

Семерка в Думе колеблется в сторону ликвидаторства, ибо она позволяет ругать подполье, ибо она участвует в срыве воли большинства. Это и есть признак б е с п а р т и й н о с т и семерки. И ни один человек в мире, не сошедший с ума, не позволит семи беспартийным подавлять одним голосом партийных решений и сторонников их.

Никакая брань ликвидаторов не опровергнет этого простого и ясного факта.

Шестерка выполнила свой долг. И чем больше кричат и бранятся ликвидаторы, тем скорее поймут все рабочие и все марксисты правильность поступка шестерки, неизбежность равноправия и соглашения с беспартийными депутатами социал-демократами в Государственной Думе.

*«За Правду» № 36
от 15 ноября 1913 г.*

Аграрный вопрос и современное положение России.

(З а м е т к и п у б л и ц и с т а.)

Две интересные статьи появились недавно в журналах на указанную тему. Одна—в «Нашей Заре» ликвидаторов (1913 г.—Н. Рожкова), другая в «Русской Мысли» правых кадетов

(1913 № 8—Я. Я. Полфорова). Нет сомнения, что оба автора писали, совершенно не зная друг о друге, и исходят из совершенно различных посылок.

А, между тем, сходство между обеими статьями поразительное. Воочию можно наблюдать здесь—и это придает особую ценность обеим статьям—принципиальное родство идей либеральных рабочих политиков и идей контр-революционных либеральных буржуа.

Материал у Н. Рожкова—точь-в-точь одинаков, что и у г. Полфорова, только у последнего обширнее. Капитализм растет в сельском хозяйстве России после революции 1905 года. Растут хлебные цены и цены на землю; растет ввоз сельскохозяйственных машин и удобрительных туков, а равно внутреннее производство тех и других. Растут учреждения мелкого кредита; растет число выходящих на отруб. Растет заработная плата (на 44,2% с 1890 по 1910 год—сообщает Н. Рожков, забывая об увеличении дороговизны жизни за это время!). Растут торговое животноводство, маслоделие, травосеяние, сельскохозяйственное учебное дело.

Все это очень интересно, слов нет. С точки зрения марксизма, не могло быть и сомнения в том, что развитие капитализма приостановить нельзя. Если бы авторы только пояснили это новыми данными, их нельзя было бы не поблагодарить.

Но вся суть в оценке данных, в выводах из них. Н. Рожков скоропалителен при этом... до умиленности. «Совершилось перерождение помещичьего крепостнического хозяйства в буржуазное, капиталистическое... переход к буржуазным порядкам в сельском хозяйстве—факт совершившийся, совершенно несомненный... Аграрный вопрос в прежней форме сошел с очереди в России... Не надо пытаться гальванизировать труп—аграрный вопрос в старой форме».

Выводы, как видит читатель, вполне ясные и вполне... ликвидаторские. Редакция ликвидаторского журнала снабдила статью (как давно уже водится в торгово-беспринципных редакциях) о г о в о р о ч к о й: «в очень многом, де, несогласны... не считаем возможным так решительно утверждать, как это делает Н. Рожков, что Россия пойдет именно по пути, начертанному законом 9/XI—14/VI»... ³³⁾

Ликвидаторы «не так» решительны, как Н. Рожков! Глубокое, принципиальное отношение к делу!

Н. Рожков еще и еще раз доказал своей статьей, что он з а у ч и л ряд положений марксизма, но не п о н я л их. От этого они так легко «выскочили» из него.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве России шло и в 1861—1904 г.г. Все признаки, указанные теперь Рожковым и Полферовым, имели место уже тогда. Развитие капитализма не устранило б у р ж у а з н о - д е м о к р а т и ч е с к о г о кризиса в 1905 году, а подготовило и обострило его. Почему? Потому, что старое, натуральное, полукрепостническое хозяйство было подмыто, а у с л о в и я д л я н о в о г о, буржуазного, не созданы. Отсюда—необычайная острота кризиса 1905 года.

Почва для п о д о б н ы х кризисов исчезла—говорит Рожков. Разумеется, это возможно, если говорить абстрактно, т.-е. если говорить о капитализме вообще, а не о России, не о 1913 г. Марксисты, разумеется, только при особых условиях (не всегда, не везде) признают наличие буржуазно-демократического аграрного вопроса.

Но у Рожкова нет даже понимания того, какие положения он должен доказать, если желает подтвердить свой к о н к р е т н ы й вывод.

Крестьяне недовольны своим положением?—«Но ведь нигде крестьяне им недовольны»,—пишет Рожков.

Сравнить и отождествить недовольство западно-европейских крестьян, при вполне буржуазном строе их деревни и их юридического быта, при образовании ими «партии порядка»—с г о л о д о в к а м и в России, с п о л н о й сословной приниженностью деревни, с п о л н ы м крепостническим режимом в области права и т. д., это просто ребячески смешно. Рожков за деревьями не видит леса.

Растет капитализм, падает барщина (отработки),—пишет он. «Огромное большинство помещиков,—пишет либерал Полферов,—...все больше и больше развивает задаточную и неполную систему, которая является исключительно результатом денежной и земельной нужд крестьянина».

Либерал из «Р у с с к о й М ы с л и»—менее наивный оптимист, чем бывший марксист из ликвидаторской «Нашей Зари».

Н. Рожков даже и не прикоснулся к данным о с т е п е н и распространения испольщины, отработков, барщины, кабалы в с о в р е м е н н о й деревне. Рожков с поразительным легкомыслием обошел тот факт, что распространенность их в с е е щ е

широка. А отсюда следует, что кризис б у р ж у а з н о - д е м о - к р а т и ч е с к и й еще более обострился. Не гальванизируйте труп,—пишет ликвидатор, вторя вполне либералу, который и н ы м и словами объявляет «трупом» требования 1905 года.

Мы отвечали на это: Марков и Пуришкевич—не трупы. Экономика, породившая их и порождающая доньше, не труп. Борьба с этим классом—живая задача живых рабочих, с живым пониманием своих классовых целей.

Отречение от этой задачи — признак т р у п н о г о разложения ликвидаторов, которые не все говорят «так решительн», как Рожков, но все забывают или затирают борьбу с пуришкевичевщиной земельной (землевладельческой—особенно) и пуришкевичевщиной политической.

Господство Пуришкевичей в нашей жизни—другая сторона той же медали, которая в деревне называется отработками, кабалой, барщиной, крепостничеством, отсутствием элементарнейших общих условий буржуазного хозяйства. Если ропщут миллионеры хозяева (Гучковы и К-о) наверху,—значит, совершенно невозможны условия миллионов мелких хозяйчиков (крестьян) внизу.

Ставя своей задачей борьбу с корнями пуришкевичевщины, рабочие вовсе не идут куда-то в сторону от «своих» задач, чтобы «гальванизировать» нечто чуждое им. Нет. Они тем самым выясняют с е б е демократические задачи с в о е й борьбы, своего класса, они тем самым учат демократизму и азбуке социализма широкие массы. Ибо только «королевско-прусский социализм» (как выразился Маркс против Швейцера) способен оставлять в тени крепостническое всевластие пуришкевичевщины вообще и землевладельческой пуришкевичевщины в частности.

Рожков скатился, сам того не замечая, к Полферову, который говорит: «простая прирезка земли» не «спасла» бы без интенсификации! Точно интенсификация не пошла бы во сто раз быстрее от у с т р а н е н и я пуришкевичевщины! Точно речь идет об одних крестьянах,—«прирезать» им или нет,—а не о в с е м народе, в с е м развитии капитализма, уродуемом и задерживаемом пуришкевичевщиной!

Рожков выболтал с у т ь ликвидаторства, указав с в я з ь всеобъемлющего лозунга «свободы коалиций» (сравните постановку этого лозунга в л и б е р а л ь н о й речи Тулякова и м а р к с и с т с к о й речи Бадаева³⁴) в Государственной Думе

23/X 1913 года),—указав связь этого лозунга с успокоением и с миром на теперешнем положении аграрного вопроса.

Эта связь—объективный факт; «оговорочками» «Наша Заря» не устранил его.

Брось думать о всем народе, о пуришкевичевщине во всей жизни, о голодовках крестьян, об отработках, барщине, крепостничестве—борись «за легальность», за «свободу коалиций», как одну из реформ, — вот те мысли, которые воспитывает в рабочих буржуазия. Рожков и ликвидаторы, не сознавая этого, лишь плетутся за ней.

Мы же думаем, что пролетарий, передовой представитель всех трудящихся масс, и к своему освобождению не может идти иначе, как через всестороннюю борьбу с пуришкевичевщиной во имя и в интересах борьбы с буржуазией,—вот те мысли, которые отличают марксиста от либерального рабочего политика.

*«За Правду» № 36
от 15 ноября 1913 г.
За подписью В. Ильин.*

О „культурно-национальной“ автономии.

Сущность плана или программы так называемой «культурно-национальной» автономии (иначе: «создание учреждений, гарантирующих свободу национального развития») состоит в разделении школьного дела по национальностям.

На этой сущности тем более надо настаивать, чем чаще всякие открытые и прикрытые националисты (среди них бундовцы) пытаются затемнить ее.

Каждая нация, независимо от того, где живет любое принадлежащее к ней лицо (независимо от территории: отсюда название «экстерриториальной», внеземельной автономии), составляет единый государственно-признанный союз, ведающий национально-культурные дела. Главное из этих дел — школьное дело. Определение состава наций вольной записью каждого гражданина, независимо от его места жительства, в любой национальный союз обеспечивает абсолютную точность и абсолютную последовательность деления школьного дела по национальностям.

Спрашивается, допустимо ли такое разделение с точки зрения демократии вообще и с точки зрения интересов пролетарской классовой борьбы в особенности?

Достаточно представить себе ясно сущность программы «культурно-национальной автономии», чтобы ответить на этот вопрос без колебаний,—безусловно недопустимо.

Пока разные нации живут в одном государстве, их связывают миллионы и миллиарды нитей экономического, правового и бытового характера. Как же можно вырвать школьное дело из этих связей? Можно и его «изъять из ведения» государства, как гласит классическая, по рельефному подчеркиванию бессмыслицы, бундовская формулировка? Если экономика сплачивает живущие в одном государстве нации, то попытка разделить их раз навсегда для области «культурных» и в особенности школьных вопросов нелепа и реакционна. Напротив, надо добиваться с о е д и н е н и я наций в школьном деле, чтобы в школе подготавливалось то, что в жизни осуществляется. В данное время мы наблюдаем неравноправие наций и неодинаковость их уровня развития; при таких условиях разделение школьного дела по национальностям ф а к т и ч е с к и неминуемо будет у х у д ш е н и е м для более отсталых наций. В Америке в южных, бывших рабовладельческих, штатах до сих пор выделяют детей негров в особые школы, тогда как на севере белые и негры учатся вместе. В России возник недавно проект «национализации еврейской школы»—т.-е. отделения еврейских детей от детей других национальностей в особых школах. Нечего и прибавлять, что возник этот проект в самых реакционных, пуришкевичевских, кругах.

Нельзя быть демократом, отстаивая принцип разделения школьного дела по национальностям. Заметьте: мы рассуждаем пока с обще-демократической, т.-е. с буржуазно-демократической точки зрения.

Неизмеримо решительнее приходится выступить против разделения школьного дела по национальностям с точки зрения пролетарской классовой борьбы. Кто же не знает, что капиталисты всех наций данного государства сливаются самым тесным, неразрывным образом в акционерных предприятиях, в картелях и трестах, в союзах промышленников и т. п. п р о т и в рабочих какой угодно национальности? Кто не знает, что в л ю б о м капиталистическом предприятии—начиная с громадных заводов, рудников

и фабрик, продолжая торговыми фирмами и кончая капиталистическими землевладельческими хозяйствами—мы всегда, без всякого исключения, видим большую национальную пестроту рабочих, чем в захолустной, мирной, сонной деревне?

Городскому рабочему, который всего лучше знаком с развитым капитализмом и всего глубже воспринял—из всей своей жизни, впитал даже может быть с молоком матери психологию классовой борьбы,—такому рабочему невольно и неизбежно приходит в голову, что разделение школьного дела по национальностям не только вредная затея, но и прямо мошенническая, шарлатанская со стороны капиталистов. Рабочих можно раздробить, разделить, ослабить проповедью такой идеи, а еще более разделением народных школ по нациям, тогда как капиталистам, дети которых превосходно обеспечены богатыми частными школами и особо нанимаемыми учителями, ни в каком случае никаким раздроблением, никаким ослаблением никакая «культурно-национальная автономия» грозить не может.

На деле «культурно-национальная автономия», т.-е. абсолютно чистое и последовательное разделение школьного дела по национальностям, выдуманна не капиталистами (они пока поглубже приемы употребляют для разделения рабочих), а оппортунистической, мещанской интеллигенцией Австрии. Ни в одной из западно-европейских, демократических стран с пестрым национальным составом этой гениально-мещанской и гениально-националистической идеи нет и в помине. Только на востоке Европы, в отсталой, феодальной, клерикальной, чиновничьей Австрии, где всякая общественная и политическая жизнь застопорена мизерно-мелкой дракой (даже хуже: сварой, потасовкой) из-за языков, возникла эта идея отчаявшегося мелкого буржуа. Хотя бы разгородить раз навсегда все нации с абсолютной чистотой и последовательностью на «национальные курии» в школьном деле, если нельзя помирить кошку с собакой!—вот психология, породившая глупенькую «культурно-национальную автономию». Пролетариат, сознающий и ценящий свой интернационализм, не пойдет никогда на эту глупость утонченного национализма.

Не случайно, что в России приняли «культурно-национальную автономию» только все буржуазные партии еврейства, затем (в 1907 г.) конференция мелко-буржуазных,

левонароднических партий разных наций и наконец мещанские, оппортунистические элементы о к о л о - м а р к с и с т с к и х групп, т.-е. бундовцы и ликвидаторы (последние побоялись даже сделать это прямо открыто, вполне определенно). Не случайно, что с трибуны Государственной Думы т о л ь к о националистически зараженный полуликвидатор Чхенкели да мелкий буржуа Керенский го о о или о «культурно-национальной автономии».

Смешно вообще читать ликвидаторские и бундовские ссылки на Австрию по этому вопросу. Во-первых, почему для о б р а з ц а надо брать самую отсталую из национально-пестрых стран? Почему не самую передовую? Ведь это прием, похожий на прием плохих русских либералов, т.-е. кадетов, которые образцов для конституции ищут более всего в отсталых странах, Пруссии, Австрии, а не в передовых, не во Франции, Швейцарии, Америке!

Во-вторых, беря австрийский пример, российские националистические мещане, т.-е. бундовцы, ликвидаторы, левонародники и т. п., еще с своей стороны о с о б о ухудшают его. У нас больше всего и в первую голову применяют в пропаганде и агитации план «культурно-национальной автономии» именно бундовцы (плюс в с е буржуазные партии еврейства, за которыми— не всегда сознавая это—плетутся бундовцы). Между тем именно на родине идеи «культурно-национальной автономии», в Австрии, основоположник этой идеи, Отто Бауэр, посвятил особую главу своей книги доказательству того, что н е в о з м о ж н о к евреям применить идею «культурно-национальной автономии»!

Это доказывает во время длинных речей, как мало последователен и верит в свою идею О. Бауэр, исключивший е д и н с т в е н н у ю экстерриториальную (не имеющую своей области) нацию из плана экстерриториальной автономии наций.

Это доказывает, как бундовцы перенимают у Европы с т а р о м о д н ы е планы, удешевляя ошибки Европы, доходя до абсурда «в развитии» этих ошибок.

Ибо, — это в-третьих, — австрийские социал-демократы на съезде в Брюнне (1889) **отвергли** предложенную им программу «культурно-национальной автономии». Они приняли лишь компромисс в виде союза всех национально-отграниченных **областей** государства. В этом компромиссе **нет** ни экстерриториальности, ни разделения школьного дела по национальностям. По этому компромиссному проекту, самые передовые (в капиталистическом отношении) места поселения, города, фабрики, рудники,

крупные сельские имения и т. п., не дробят школьного дела по национальностям!

Российский рабочий класс боролся и будет бороться с реакционной, вредной, мещанской, националистической идеей «культурно-национальной автономии».

*«За Правду» № 46
от 28 ноября 1913 г.*

Стачки в России.

Статистика стачек правильно поставлена в большинстве государств Западной Европы сравнительно недавно, 10—20 лет тому назад. В России существуют данные о стачках только с 1895 года. Главным недостатком нашей официальной статистики, кроме преуменьшения сведений о числе бастующих, является то, что она охватывает только рабочих в заведениях, подчиненных фабричной инспекции. Рабочие железнодорожные, горные, трамвайщики, рабочие в подакцизных, горных и т. д. предприятиях, строительные, сельские не входят в статистику.

Вот общие данные за все время существования стачечной статистики в России:

Годы	Число стачек.		Число бастовавших рабочих.	
	Всего	% всех заведений.	Всего.	% всех рабочих.
1895	68	0,4	31.195	2,0
1896	118	0,6	29.527	1,9
1897	145	0,7	59.870	4,0
1898	215	1,1	43.150	2,9
1899	189	1,0	57.498	3,8
1900	125	0,7	29.389	1,7
1901	164	1,0	32.218	1,9
1902	123	0,7	36.671	2,2
1903	550	3,2	86.832	5,1
1904	68	0,4	24.904	1,5
1905	13.995	93,2	2.863.173	163,8
1906	6.114	42,2	1.108.406	65,8
1907	3.573	23,8	740.074	41,9
1908	892	5,9	176.101	9,7
1909	340	2,3	64.166	3,5
1910	222	1,4	46.623	2,4
1911	466	2,8	105.110	5,1
1912	1.918	?	511.309	?

Насколько преуменьшены цифры, видно, например, из того, что очень осторожный писатель г. Прокопович приводит за 1912 год иную цифру: 6 8 3 т ы с я ч и бастовавших, а «по другому подсчету—1.248 тысяч в фабрично-заводских предприятиях и сверх того 215 тысяч в предприятиях, не подчиненных фабричной инспекции», т.-е. в сумме 1.4 6 3 т ы с я ч и, почти 1½ миллиона.

Число политических стачек (с 1905 года) определяется так:

Годы.	Число стачек	Число рабочих.	Годы.	Число стачек.	Число рабочих.
1905	4.388	1.051.209	1909	290	55.803
1906	2.549	457.721	1910	214	42.846
1907	973	200.004	1911	442	96.730
1908	428	83.407	1912	702	172.052

Таким образом история стачек в России явственно делится на 4 периода (не говоря о 80-х годах, когда разразились знаменитые морозовские стачки, отмеченные даже реакционным публицистом Катковым как появление «рабочего вопроса» в России):

		Бастующих за год в среднем.
1-й период (1895—1904),	предреволюцион.	43 тыс.
2-й » (1905—1907),	революционный	1.570 »
3-й » (1908—1910),	контр-революц.	92 »
4-й » (1911—1912),	современный, начало оживления	308 »

В общем, за все 18 лет, среднее число стачечников в год у нас — 335,3 тыс. В Германии среднее за 14 лет (1899—1912)—229,5 тысяч, в Англии среднее за 20 лет (1893—1912)—344,2 тысячи. Чтобы показать наглядно связь стачек в России с политической историей, приводим данные за 1905—1907 г.г. по четвертям года:

Год	1 9 0 5			
Четверти года	I	II	III	IV
Число стачечников за каждые три месяца (че- тверть года).	Начало револю- ции.			Револу- ция.
Всего	810	481	294	1.277
Эконом.	411	190	143	275
Полит. , , , , ,	399	291	151	1.002

Годы	1 9 0 6				1 9 0 7			
Четверти года .	I	II	III	IV	I	II	III	IV
		1-ая Дума.				2-ая Дума.		
Всего	269	479	296	63	146	323	77	193
Экономич.	73	222	125	37	52	52	66	30
Политич.	196	257	171	26	94	271	11	163

Участие в стачках рабочих разных районов России видно из следующих данных:

Фабр.-зав. округа.	Число ф.-з. рабочих (тысяч) в 1905 году.	Число стачечников (тысяч).	
		В сумме за 10 лет (1895—1904).	За один 1905 год.
С.-Петербургский	299	137	1.033
Московский	567	123	540
Варшавский	252	69	887
3 южных округа	543	102	403
Всего	1.661	431	2.864

Отсюда видна сравнительная отсталость Москвы, а еще более Юга, при выдающемся первенстве Петербурга и его района (Рига в том числе), а также Польши.

По главным отраслям промышленности распределение стачечников таково:

Группы производств.	Все число рабочих (тысяч) в 1904 году.	Число стачечников (тысяч)	
		В сумме за 10 лет (1895—1904)	За один 1905 год.
Металлисты	252	117	811
Текстильщики	708	237	1.296
Типографы, деревообделочники, кожевники и рабоч. в химич. пр.	277	38	471
Раб. в керам. пром. и производств. питательн. прод.	454	39	285
Всего	1.691	431	2.863

Отсюда видна передовая роль металлистов и отсталость текстильщиков, а еще более остальных рабочих.

По причинам стачки группируются так (за 14 лет, 1895—1908): политические—59,9% стачечников; из-за зараб. платы—24,3%; из-за рабоч. дня—10,9%; из-за условий труда—4,8%.

По успешности стачек получаем следующее разделение (если стачечников, кончивших стачку компромиссом, разделить поровну между победителями и побежденными):

Число стачечников (в`тысяч.) в экономич. стачках.

	Сумма за 10 лет (1895—1904)	%	1905	%	1906	%
Победителей . . .	159	37,5	705	48,9	233	50,9
Побежденных . . .	265	62,5	734	51,1	225	49,1
Всего . .	424	100,0	1439	100,0	458	100,0

	1907	%	1911	%	1912	%
Победителей . . .	59	29,5	49	51	55	42
Побежденных . . .	141	70,5	47	49	77	58
Всего . .	200	100,0	96	100	132	100

Данные за 1911—1912 г.г. не полны и не вполне сразимы с предыдущими.

В заключение приведем краткие данные о распределении стачек по заведениям различной величины и по месту нахождения заведений:

Из ста рабочих каждого разряда бастовало:

Разряды заведений.	1895 — 1904, т.-е. за 10 лет в сумме.	За один 1905 г.
До 21 рабочего	2,7	47,6
От 21 — 50 рабочих	7,5	84,4
» 51 — 100 »	9,4	108,9
» 101 — 500 »	21,5	160,2
» 501 — 1000 »	49,9	163,8
Свыше 1000 »	89,7	231,9

Процент стачек, бывших

	в городах	вне городов
1895 — 1904	75,1	24,9
1905	85,0	15,0

Преобладание крупных заведений в забастовочном движении и сравнительная отсталость деревенских фабрик ясно видны из этих цифр.

Спутник Рабочего 1914.

Изд. «Прибой».

За подписью В. И.

Политические партии в Государственной Думе.

Партийный состав IV Гос. Думы.

П о м е щ и к и :

Правые.	64
Националисты и умеренно-правые.	88
Центр.	33
Октябристы (помещики и крупная буржуазия).	99
<i>Итого правительственные партии.</i>	284

Б у р ж у а з и я :

Прогрессисты	47
Кадеты.	58
Польское коло.	9
Польско-Литовско-Белорусск. группа.	6
Мусульманская группа.	6
<i>Итого либералы.</i>	126

Б у р ж у а з н а я д е м о к р а т и я :

Трудовая группа.	10

Р а б о ч а я д е м о к р а т и я :

Социал-демократы.	13
Примыкающий к социал-демократам	1
<i>Итого демократы.</i>	24
Беспартийные	5
<i>В с е г о</i>	439

Начнем наш краткий очерк политических партий в Думе с крайних п р а в ы х партий.

Мы встречаем на крайнем правом фланге союз русского народа,

Программа этой партии излагается следующим образом в «Русском Знамени»:

«Союз русского народа, удостоившийся 3 июня 1907 года с высоты престола царского призыва быть ему надежной опорой, служа для всех и во всем примером законности и порядка, исповедует, что царская воля может осуществляться только: 1) при полном проявлении силы царского самодержавия, неразрывно и жизненно связанного с Российской православною церковью, канонически устроенною, 2) при господстве русской народности не только во внутренних губерниях, но и на окраинах, 3) при существовании Гос. Думы, составленной исключительно из русских людей, как главной помощницы самодержцу в его трудах по государственному строительству, 4) при полном соблюдении основных положений С. Р. Н. относительно евреев и 5) при удалении с государственной службы чиновников, принадлежащих к противникам царской самодержавной власти».

Спрашивается, в чем же социальная основа партии правых? Какой класс она представляет? Какому классу она служит?

Возврат к лозунгам крепостного права, отстаивание всего старого, средневекового в русской жизни, полная удовлетворенность третьейуноньской — помещичьей — конституцией, защита привилегий дворянства и чиновничества, все это дает ясный ответ на наш вопрос. Правые — партия крепостников-помещиков, совета объединенного дворянства.

Чтобы выяснить экономическую силу этого класса в России, достаточно привести следующий основной факт, доказываемый цифрами правительственной, министерством внутренних дел изданной, поземельной статистики 1905 года.

В Европейской России менее чем 30.000 помещиков имеют 70.000.000 десятин земли; столько же имеют 7.000.000 крестьянских семей с наименьшим наделом. На одного крупнейшего помещика это дает, в среднем, около 2.300 десятин земли; на одного беднейшего крестьянина — 7 десятин земли на семью, на двор.

Далее, тот же класс помещиков-дворян поставляет государству подавляющее большинство всех высших и средних чиновников. Привилегии чиновничества в России, это — другая сторона привилегий и земельной власти дворян-помещиков.

Рядом с «правыми», которые насчитывают в IV Думе 64 депутатов, стоят «националисты» — 88 депутатов. Оттенок, отличающий их от правых, совсем ничтожный; в сущности, это

не две, а одна партия, поделившая между собою «труд» травли инородца, «кадета» (либерала), демократа и т. д. Одни поглубже, другие потоньше д е л а ю т одно и то же. Серьезного значения различие правых и националистов иметь не может. То же можно сказать и о партии «центра» (33 деп.)

О к т я б р и с т о в в IV Думе 99 депутатов, считая, конечно, и «правых октябристов» в том числе. Не отличаясь ничем существенным от правых, октябристы отличаются от них тем, что кроме помещика эта партия обслуживает еще крупного капиталиста, старозаветного купца, буржуазию.

Есть такие капиталисты в России—и их очень не мало,—которые обращаются с рабочими ничуть не лучше, чем помещики с бывшими крепостными; рабочие, приказчик—для них та же челядь, прислуга. Защищать эти старые порядки никто не сумеет лучше правых партий, националистов и октябристов. Есть и такие капиталисты, которые на земских и городских съездах 1904—1905 г.г. требовали «конституцию», но п р о т и в рабочих готовы помириться вполне на третьеиюньской конституции.

Партия октябристов—главная партия помещиков и крупных капиталистов. Это —руководящая партия Думы: 99 октябристов с 185 правыми и националистами составляют солидное думское большинство.

Избирательный закон третьего июня 1907 года о б е с п е ч и л большинство за помещиками и крупнейшими капиталистами: во в с е х губернских избирательных собраниях, посылающих депутатов в Думу, большинство принадлежит помещикам и выборщикам I-й городской, т.-е. крупно-капиталистической, курии; в 28 губернских собраниях большинство принадлежит даже одним землевладельческим выборщикам. Вся политика правительства проведена при помощи октябристской партии.

На словах, на своей программе, октябристы отстаивают «конституцию» и даже... свободы. На деле эта партия поддерживает все мероприятия против рабочих (законопроект о страховании, хотя бы,—вспомните п р е д с е д а т е л я третьедумской комиссии по рабочему вопросу барона Тизенгаузена; меры против рабочей печати), против крестьян и т. д. Октябристы —такая же правительственная партия, как националисты. Это обстоятельство несколько не изменяется тем, что от времени до времени—и особенно перед выборами!—октябристы держат «оппозиционные» речи. Везде, где существуют парламенты, издавна

наблюдалась и постоянно наблюдается эта игра буржуазных партий в оппозицию, игра безвредная для них, ибо никакое правительство всерьез ее не берет, игра иногда не бесполезная перед избирателем, которого надо «помазать» оппозиционностью.

Однако специалистами игры в оппозицию является главная оппозиционная партия III Думы—к.-д., конституционные «демократы», партия «народной свободы».

Игрой является уже название этой партии, которая на деле во все не демократическая партия, отнюдь не народная, партия не свободы, а полу-свободы, если не четверть-свободы.

На деле это—партия либерально-монархической буржуазии, которая народного движения боится гораздо больше, чем реакции.

Либерал боится движения масс, тормозит его и сознательно защищает известные, притом главнейшие, учреждения средневековья ради того, чтобы иметь опору против массы, в особенности против рабочих. Дележ власти с Пуришкевичами—вот к чему стремятся либералы.

Кадеты в I-й и во II-й Думе имели большинство или главенствующее положение. В обеих первых Думах они все время воевали не только с рабочей демократией, но и с трудовиками. Достаточно напомнить, что выдвинутый трудовиками план местных земельных комитетов (I-я Дума) кадеты провалили, защищая главенство помещика и чиновника над крестьянином в землеустроительных комиссиях.

В Думе кадеты играют в «ответственную оппозицию». Во имя этого они вотировали неоднократно бюджеты правительства, объявили октябристам безопасность и безобидность своего «принудительного» (для крестьян принудительного) выкупа, посылали Караулова на трибуну вести «богомольные» речи, отрекались от движения масс, обращались к «верхам» и обрывали низы (кадетская борьба против рабочих депутатов в вопросе о страховании рабочих) и т. д. и т. п.

Блок кадетов с «прогрессистами» на выборах в IV Думу дал еще новое подтверждение недемократичности кадетов. Прогрессисты ни малейших претензий на демократизм не имеют, ни словечка о борьбе с режимом 3-го июня не говорят, ни о каком «всеобщем избирательном праве» и не мечтают. Это—умеренные либералы, не скрывающие своего родства с октябристами.

Демократическую буржуазию в Думе представляют трудовики. Они охотно говорят «социалистические»

фразы, но обманываться насчет значения этих фраз сознательному рабочему непозволительно. На деле ни в каком «праве на землю», ни в каком «уравнительном распределении» земли, ни в какой «социализации земли» нет ни капли социализма. Это должен понимать всякий, кто знает, что товарное производство, власть рынка, денег, капитала, не только не затрагивается, а, напротив, еще шире разворачивается при отмене частной собственности на землю и новом, хотя бы и самом «справедливом», ее разделе.

Положение русского крестьянства в громадной массе таково, что ни о каком компромиссе с Пуришкевичами (вполне возможном, доступном и б л и з к о м для либерала) оно не может и мечтать. Демократизм мелкой буржуазии имеет поэтому еще на довольно долгое время массовые корни в России.

Трудовики страшно слабы в IV Думе, но представляют они м а с с ы. Колебания трудовиков между кадетами и рабочей демократией неизбежно вытекают из классового положения мелких хозяев, при чем особая трудность сплочения, организации и просвещения их создает крайнюю партийную неопределенность и бесформенность трудовиков.

П а р т и и р а б о ч е г о к л а с с а везде в Европе складывались, высвобождались из-под влияния общедемократической идеологии, научаясь отделять борьбу наемных рабочих с капиталом от борьбы с феодализмом, между прочим, именно ради усиления этой последней борьбы, ради освобождения ее от всякой шаткости и робости. В России рабочая демократия вполне отмежеввалась и от либерализма и от буржуазной демократии (трудовичества), к громадной пользе для дела демократии вообще.

Сознательные рабочие, сплачиваясь в противовес либеральным влияниям, организуясь как класс, развивая всевозможные виды сплочения, профессионального и т. д., выступают и как представители н а е м н о г о труда против капитала, и как представители последовательной демократии против всего старого в России и против всяких уступок ему.

В IV Гос. Думе два большинства: 1) правые и октябристы=284 из 439; 2) октябристы и либералы=99+126=225 из 439. Оба большинства контр-революционны.

Спутник Рабочего 1914.

Изд. «Прибой».

Кадеты и „право народов на самоопределение“.

Летом текущего года газета «Речь», главный либеральный орган в России, поместила статью г. Михаила Могилянського о всеукраинском съезде студенчества в Львове. В газете «Рабочая Правда» указывалось на то, что г. Могилянский совершенно недопустимым (для демократа или желающего слыть демократом человека) образом осыпал б р а н н ы м и словами украинский сепаратизм, проповедуемый, между прочим, г. Донцовым³⁵). Было отмечено сразу, что речь идет вовсе не о согласии или несогласии с г. Донцовым, против которого выступают многие украинские марксисты. Речь шла о том, что н е д о п у с т и м о разносить «сепаратизм», как «бред» и авантюризм, что это прием шовинистический, что, критикуя тот или иной план сепарации (отделения), обязательно великорусскому демократу агитировать за свободу отделения, за право на отделение.

Как видит читатель, это — принципиальный, программный вопрос, касающийся обязанностей демократии вообще.

И вот теперь, полгода спустя, г. Михаил Могилянский выступает в «Речи» (№ 331) снова по этому пункту, отвечая не нам, а г. Донцову, который резко напал на «Речь» в львовской газете «Шляхи», отметив в то же время, что «шовинистический выпад «Речи» надлежащим образом запятнала только русская социал-демократическая пресса».

Возражая г. Донцову, г. Могилянский т р о е к р а т н о заявляет, что «критика рецептов г. Донцова» «н и ч е г о о б щ е г о н е и м е е т с о т р и ц а н и е м п р а в а н а ц и й н а с а м о о п р е д е л е н и е».

Это заявление сотрудника либеральной «Речи» чрезвычайно важно, и мы приглашаем читателей с особенным вниманием отнестись к нему. Чем реже г.г. либералы отходящей политически-оппозиционной сплетни соглашаются перейти к установлению и анализу основных и существенных истин демократии, тем настойчивее надо звать к серьезной оценке каждого случая подобного перехода.

Признает ли наша конституционно-«демократическая» партия право наций на самоопределение или нет? — вот интересный вопрос, нечаянно задетый г. Могилянским.

Он троскратно делает свою оговорку, но прямого ответа на этот вопрос не дает! Он хорошо знает, что ни в программе конституционно-демократической партии, ни в повседневной политической проповеди (пропаганде и агитации) этой партии нельзя найти прямого, точного, ясного ответа на этот вопрос.

«Следует сказать, — пишет г. Могилянский, — что и «право наций на самоопределение» не является каким-то фетишем, не допускающим критики: нездоровые условия жизни нации могут порождать нездоровые тенденции в национальном самоопределении, и вскрывать последние еще не значит отрицать право наций на самоопределение».

Вот—образчик тех либеральных уверток, перепевы которых вы можете встретить у г.г. Семковских ³⁶⁾ на страницах ликвидаторской газеты! О да, г. Могилянский, н и о д н о демократическое право не есть «фетиш», ни в одном из них нельзя забывать, например, к л а с с о в о г о содержания. Все обще-демократические требования суть б у р ж у а з н о - демократические требования, но из этого только анархисты и оппортунисты могут делать вывод против самой последовательной защиты этих требований пролетариатом.

Разумеется, п р а в о на самоопределение одно дело, а ц е л е с о о б р а з н о с т ь самоопределения, отделения той или другой нации в том или ином случае — другое дело. Это азбука. Но признает ли г. Могилянский, признают ли либералы России, признает ли кадетская партия д о л г демократа проповедывать массам — особенно великорусским — важное значение этого права? его насущность?

Нет, нет и нет. Вот что обходит, вот что прячет г. Могилянский. Вот где один из корней н а ц и о н а л и з м а и ш о в и н и з м а кадетов — не только Струве, Изгоева и других откровенных кадетов, но и дипломатов кадетской партии вроде Милюкова и обывателей этой партии, вроде... Но имена не важны!

Сознательный рабочий России не забудет, что кроме национал-реакционеров, есть у нас и национал-либералы, появляются начатки и национал-демократизма (вспомните г. Пешехонова в № 8 «Русского Богатства» за 1906 г. с призывом к «осторожности» насчет националистических предрассудков великорусского мужика).

Для борьбы с язвой национализма во всех ее формах очень важное значение имеет проповедь права на самоопределение.

«Пролетарская Правда» № 4

от 11 декабря 1913 г.

За подписью И.

Хорошая резолюция и плохая речь.

Все сознательные рабочие России, несомненно, с интересом и вниманием отнеслись к резолюции Международного Бюро по русским делам. Гвоздь этой резолюции, как известно, представляет из себя решение организовать или устроить «о б щ и й о б м е н м н е н и й» «всех фракций рабочего движения» России как признающих социал-демократическую программу, так и таких, программа которых «находится в согласии» (или «в соответствии» — im Einklange) с ней.

Последнее определение чрезвычайно широко, включая не только сторонников Ягелло³⁷), но и всякую группу, которая пожелает заявить, что ее программа «соответствует» или «находится в согласии» с программой социал-демократов. Однако это широкое определение ничему не вредит, ибо для «о б м е н а м н е н и й», разумеется, желательно шире определить состав участников, не исключая тех, с кем пожелали бы объединяться даже отдельные группы социал-демократов. Не надо забывать, что на заседании М. С. Бюро было предложено два плана: 1) план Каутского — «устроить общий обмен мнений» и т о л ь к о. Обмены мнений перед беспристрастной коллегией, именно перед Исполнительным Комитетом М. С. Б., выяснят, каково положение дел и какова глубина разногласий. 2) Другой план был предложен Розой Люксембург, но взят ею назад после возражений Каутского,—по этому плану предполагалась «объединительная конференция» (Einigungskonferenz) «для восстановления единой партии».

Разумеется, этот последний план был хуже, ибо сначала собрать точные данные необходимо, не говоря уже о том, что Роза Люксембург пыталась здесь протащить тайком лишь «восстановление» печально-знаменитого «тышкинского кружка».

Принят план Каутского, более осторожный, более систематически подходящий к вопросу об единстве ч е р е з предва-

рительный «обмен мнений» и изучение точных данных. Вполне естественно поэтому, что резолюция Каутского была принята единогласно.

Но от резолюции Каутского, ставшей резолюцией Бюро, надо отличать речь Каутского, в одном пункте договорившегося до чудовищных вещей. У нас уже было вкратце отмечено это обстоятельство, а теперь отчет о речи Каутского в «Vorwärts» (главный немецкий орган) заставляет нас подробнее остановиться на этом важном вопросе.

Возражая Розе Люксембург, Каутский сказал, «что старая партия исчезла, хотя сохранились старые имена, которые однако с течением времени (im Laufe der Jahre—за последние годы) получили новое содержание. Нельзя просто-на-просто исключать старых товарищей только потому, что их партия (ihre Partei) не носит старого имени».

Когда Роза Люксембург возразила на это, что «выражение Каутского, будто русская партия умерла (sei tot), есть необдуманное слово», то Каутский ограничился «протестом против того, будто он сказал, что русская социал-демократия умерла. Он, де, сказал лишь, что старые формы сломаны и что необходимо создать новую форму».

Вот — перевод из официального отчета мест, относящихся к нашему вопросу.

Что Каутский не говорил и не мог сказать, что социал-демократия умерла, это очевидно. Но что партия исчезла, это он сказал и этого он не взял назад, несмотря на сделанное ему возражение!

Это невероятно, но это — факт.

Путаница, обнаруженная Каутским, невероятно велика. Об исключении как и х «старых товарищей» говорил он? Господ Потресова и К-о? Назвал ли он «их партией» ликвидаторскую бесформенность?

Или Каутский имел в виду «левицу П. П. С.», которая исключалась формулой Розы Люксембург? Но тогда непостижимо выражение «старые товарищи», ибо ни когда, с самого существования Социал-Демократической Партии, т.-е. с 1898 года, члены П. П. С. не были вообще товарищами социал-демократов по партии!

Для нас оба толкования одинаковы, ибо из «обмена мнений» по вопросу об единстве смешно, в самом деле, исключать ликвидаторов (в них же вся суть дела), как смешно было бы исключать

левицу П. П. С. (возможно, говоря отвлеченно, что ликвидаторы — от них всего ждать надо! — способны защищать ультимативно свой раскольнический блок с не социал-демократической партией П. П. С.). Надо же во всяком случае узнать точно, чего хотят от партии не только г.г. ликвидаторы, но и их союзники.

Бесспорным остается факт, что Каутский договорился в Бюро до того, будто русская партия исчезла.

Как мог он договориться до этой чудовищной вещи? Чтобы понять это, русские рабочие должны знать, кто осведомляет немецкую социал-демократическую печать о русских делах? Когда пишут немцы, они обыкновенно обходят вопрос о разногласиях. Когда пишут русские в немецких социал-демократических изданиях, то мы видим либо союз всех заграничных группок с ликвидаторами для самой непристойной брани против «ленинцев» (так было в «V. rwärts» весной 1910 года), либо писанием тышкинца, троцкиста или другого человека заграничного кружка, затемняющего вопрос умышленно. Г о д а м и ни одного документа, собрания резолюций, анализа идей, ни единой попытки собрать фактические данные!

Пожалеем немецких вождей, что они (умея собирать и изучать данные, когда они заняты теорией) не стыдятся выслушивать и повторять сказки ликвидаторских осведомителей.

В жизни применяться будет р е з о л ю ц и я Бюро, а речь Каутского останется печальным курьезом.

*«Пролетарская Правда» № 6
от 13 декабря 1913 г.*

Национальный состав учащихся в русской школе.

Чтобы иметь более точное представление о плане «культурно-национальной автономии», который сводится к разделению школьного дела по национальностям, полезно взять конкретные данные о национальном составе учащихся в русских школах. Относительно Петербургского учебного округа такие данные собраны переписью школ 18 января 1911 года.

Вот данные о распределении учащихся в начальных школах министерства народного просвещения по р о д н о м у я з ы к у учащихся. Данные относятся ко всему С.-Петербургскому учеб-

ному округу, а в скобках мы приводим цифры относительно С.-Петербурга. Под именем «русского языка» чиновники постоянно смешивают великорусский, белорусский и украинский («малороссийский» по казенному наименованию). Всего учащихся — 265.660 (48.076).

Русский — 232.618 (44.223); польский — 1.737 (880); чешский — 3 (2); литовский — 84 (35); латышский — 1.371 (113); жмудский — 1 (0); французский — 14 (13); итальянский — 4 (4); румынский — 2 (2); немецкий — 2.408 (845); шведский — 228 (219); норвежский — 31 (0); датский — 1 (1); голландский — 1 (0); английский — 8 (7); армянский — 3 (3); цыганский — 4 (0); еврейский — 1.196 (396); грузинский — 2 (1); осетинский — 1 (0); финский — 10.750 (874); корельский — 3.998 (2); чудский — 247 (0); эстонский — 4.723 (536); лопарский — 9 (0); зырянский — 6.008 (0); самоедский — 5 (0); татарский — 63 (13); персидский — 1 (1); китайский — 1 (1); неизвестно какой — 138 (7).

Таковы сравнительно точные данные. Они показывают громадную национальную пестроту населения, — хотя относятся к одному из наиболее великорусских районов России. Сразу видна наибольшая национальная пестрота крупного города, С.-Петербурга. Это — явление не случайное, а закон капитализма во всех странах и во всех концах мира. Крупные города, фабричные, горнозаводские, железнодорожные, вообще торговые и промышленные поселки неизбежно отличаются наибольшей национальной пестротой населения, а как раз этого рода населения и растут всего быстрее, постоянно отнимая все большую и большую долю жителей у захолустной деревни.

Попробуйте теперь к этим данным живой жизни прикинуть ту мертвую утопию националистических мечтаний, которая называется «культурно-национальной автономией», или (в переводе бундовцев) «изъятием из ведения государства» вопросов национальной культуры, т.-е. в первую голову школьного дела.

«Из ведения государства изъимется» школьное дело и передается в руки 23 (относительно Петербурга) «национальных союзов», развивающих каждый «свою» «национальную культуру»!!

Смешно даже тратить слова для доказательства нелепости и реакционности подобной «национальной программы».

Ясно, как день, что проповедь подобного плана на деле означает проведение или поддержку идей буржуазного национализма, шовинизма и клерикализма. Интересы демократии во-

обще, а интересы рабочего класса в особенности, требуют как раз обратного: надо добиваться слияния детей всех национальностей в единых школах данной местности; надо, чтобы рабочие всех национальностей совместно проводили ту пролетарскую политику в школьном деле, которую так хорошо выразил депутат владимирских рабочих Самойлов, от имени российской социал-демократической рабочей фракции Государственной Думы. Против какого бы то ни было деления школьного дела по национальностям мы должны выступать самым решительным образом.

Не о том, чтобы разгородить нации так или иначе в школьном деле, должны мы заботиться, а наоборот — о том, чтобы создать основные демократические условия мирного сожительства наций на основе равноправия. Не «национальную культуру» должны поднимать мы на щит, а разоблачить клерикальный и буржуазный характер этого лозунга во имя интернациональной (международной) культуры всемирного рабочего движения.

Но возможно ли, спросят нас, обеспечить, на основе равноправия, интересы одного грузинского ребенка среди 48.076 школьников Петербурга? Мы ответим на это: создать особую грузинскую школу в Петербурге, на основах грузинской «национальной культуры» — невозможно, а проповедь такого плана есть несение в рядных идей в народную массу.

Но мы не будем отстаивать ничего вредного и добиваться ничего не возможного, требуя для этого ребенка дарового казенного помещения для лекций грузинского языка, грузинской истории и т. д., перевода для него грузинских книг из центральной библиотеки, оплаты казной части расходов по вознаграждению грузинского учителя и т. п. При действительной демократии, при полном изгнании бюрократизма и «передовщины» из школы, этого вполне может добиться население. А добиться этой действительной демократии нельзя иначе как при условии слияния рабочих всех национальностей.

Проповедывать особые национальные школы для каждой «национальной культуры» — реакционно. Но при условии действительной демократии вполне можно обеспечить интересы преподавания на родном языке, родной истории и проч. без разделения школ по национальностям. А полное местное самоуправление означает невозможность навязать что-либо насильно — к примеру скажем — 713 корельским детям Камского уезда

(где русских детей только 514) или 681 зырянскому ребенку Печорского уезда (153 русских), или 267 латышам Новгородского уезда, свыше 7.000 русских, и т. д. и т. д.

Проповедь неосуществимой культурно-национальной автономии есть нелепость, которая только раздробляет рабочих идейно уже сейчас. Проповедь слияния рабочих всех национальностей облегчает успех пролетарской классовой солидарности, способной гарантировать равноправие и наиболее мирное сожительство всех национальностей.

*«Пролетарская Правда» № 7
от 14 декабря 1913 г.*

Еще о разделении школьного дела по национальностям.

Марксисты ведут решительную борьбу с национализмом во всех его видах, начиная с грубого, реакционного национализма наших правящих кругов и право-октябристских партий, вплоть до более или менее утонченного и прикрытого национализма буржуазных и мелко-буржуазных партий.

Реакционный или черносотенный национализм стремится обеспечить привилегии одной из наций, осуждая все остальные нации на подчиненное, неравноправное и даже совершенно бесправное положение. Ни один марксист и даже ни один демократ не может относиться к такому национализму иначе, как с полной враждебностью.

Буржуазный и буржуазно-демократический национализм, на словах признавая равноправие наций, на деле отстаивает (часто тайком, за спиной народа) некоторые привилегии одной из наций и всегда стремится к достижению больших выгод для «своей» нации (т.-е. для буржуазии своей нации), к разделению и разграничению наций, к развитию национальной исключительности и т. д. Толкуя больше всего о «национальной культуре», подчеркивая то, что разделяет одну нацию от другой, буржуазный национализм **р а з д е л я е т** **р а б о ч и х** разных наций и одурачивает их «национальными лозунгами».

Сознательные рабочие, борясь против **в с я к о г о** национального гнета и **в с я к и х** национальных привилегий, не ограничиваются этим. Они борются со всяким даже наиболее

утонченным, национализмом, отстаивая не только единство, но и с л и я н и е рабочих в с е х национальностей в борьбе с реакцией и со всяческим буржуазным национализмом. Не разграничивать нации наше дело, а сплачивать рабочих всех наций. Не «национальная культура» написана на нашем знамени, а и н т е р н а ц и о н а л ь н а я (международная), сливающая все нации в высшем социалистическом единстве и подготовляемая уже теперь интернациональным объединением капитала.

Влияние мелко-буржуазного, мещанского национализма заразило и некоторых «тоже-социалистов», защищающих так называемую «культурно-просветительную автономию», то-есть передачу школьного дела (и вообще дела национальной культуры) из рук государства в руки отдельных наций. Понятно, что марксисты борются против этой проповеди р а з г р а н и ч е н и я наций, против этого утонченного национализма, против деления школьного дела по национальностям. Когда наши бундовцы, а потом ликвидаторы пожелали, вопреки программе, защищать «культурно-национальную автономию», их осудили не только большевики, но и меньшевики-партийцы (Плеханов).

Теперь г. Ан в «Новой Рабочей Газете» (№ 105) пробует защищать худое дело, подменяя вопрос и осыпая нас бранью. Брань мы спокойно отодвигаем прочь, — это лишь признак бессилия ликвидаторов.

Школы на родном языке — уверяет г. Ан—это и есть разделение школьного дела по национальностям; правдисты хотят отнять у инородцев их национальные школы!

Над таким приемом г. Ана можно лишь посмеяться, ибо все знают, что правдисты стоят за самое полное равноправие языков и даже за ненужность государственного языка! Г. Ан от бессильного гнева начал терять голову, — это опасно, любезный г. Ан!

Права родного языка вполне точно и определенно признаны § 8 программы марксистов.

Если бы г. Ан был прав, что школы на родном языке это и есть разделение школьного дела по национальностям, — тогда зачем было бундовцам в 1906 году и ликвидаторам в 1912 году «дополнять» (а, вернее, и з в р а щ а т ь) программу, которая в 1903 году вполне признала родной язык на том самом съезде, что о т в е р г «культурно-национальную автономию»?

Нет, г. Ан, вам не удастся подменить вопроса и замять шумом, криком, бранью и разрушением ликвидаторами этой программы, их «приспособление социализма к национализму», по выражению т. Плеханова.

Мы не хотим нарушения программы. Мы не хотим приспособлять социализм к национализму. Мы отстаиваем полную демократию, полную свободу и равноправие языков, несколько не защищая этим «передачи школьного дела нациям», «разделения школьного дела по национальностям».

Ведь вопрос идет о разделении школ по нациям,—пишет г. Ан,—значит, на месте должны быть эти нации, которые мешают друг другу развиваться и следовательно **нужно их разграничить** в области и народного образования.

Подчеркнутые нами слова ясно обнаруживают, как ликвидаторство тянет г. Ана прочь от социализма к национализму. **Разграничение наций** в пределах одного государства вредно, и мы, марксисты, стремимся **сблизить и слить** их. Не «разграничение» наций — наша цель, а обеспечение полной демократией их равноправия и столь же мирного (сравнительно) сожительства, как в Швейцарии *).

*«Пролетарская Правда» № 9
от 17 декабря 1913 г.*

Еще раз о Международном Социалистическом Бюро и о ликвидаторах.

Основная черта публицистов «Новой Ликвидаторской Газеты» — лицемерие, подстегиваемое бессильной злобностью, никогда еще не достигало тех границ, которых оно достигло в их статьях по поводу решения Международного Бюро.

До чего они дошли, явствует уже из того, что после первых же их статей на эту тему, секретарь Международного Социалистического Бюро, Гюисманс, вынужден был уполномочить товарища Попова передать русским рабочим его протест против попыток «Новой Рабочей Газеты» «эксплуатировать

*) Г. Ан смело говорит, что «нет смешения наций и в кантонах Швейцарии». Не устыдится ли он, если мы назовем ему **ч е т ы р е** кантона: Берн, Фрейбург, Граубюнген, Валлис?

в своих фракционных интересах неосведомленность» русских читателей, свой протест против «безусловной неверности и нелояльности» печатаемых ликвидаторами сообщений о решениях Бюро.

После того, как публицисты «Новой Рабочей Газеты» получили столь звучную... характеристику из уст секретаря Бюро, мы можем спокойнейшим образом пройти мимо их попыток обвинить нас в извращении истинного характера принятых в Лондоне решений. Люди, публично уличенные секретарем Бюро в «эксплоатировании своих фракционных интересов» его решений и в «нелояльном» к ним отношении, могут сколько угодно кричать о своем почтении к Интернационалу и проч.,— им вряд ли кто поверит. Всякий рабочий знает теперь истинное имя тех манипуляций, при помощи которых г. Дан с великой натугой высасывает из резолюции Бюро и «методы строительства» партии, и «осуждение» шестерки, и «отвержение» наших претензий, и «признание» социал-демократического характера за левицей. Литературное фокусничество по поводу резолюций Бюро— не есть еще признак уважения к этим резолюциям, г. Дан!

До чего, однако, велико смущение этих фокусников! Посмотрите, как вынуждены они на каждом шагу опровергать сами себя!

1) № 102 г. Дан торжественно сообщает: «Международное Социалистическое Бюро о с у д и л о уход из фракции 6 депутатов»; через номер, в № 104 другой фокусник, г. Л. Седов, не менее торжественно заявляет: «Международное Социалистическое Бюро не вынесло ни похвальных листов, ни п о р и ц а н и й». И — заметьте! — оба почтенных мужа премного довольны решением Бюро: один за то, что оно «осудило», а другой за то, что оно никаких осуждений не выносило! Можно ли себе представить картину большей растерянности?

А растеряться г.г. ликвидаторам было от чего! Основной пункт резолюции Бюро недвусмысленно говорит следующее: какому бы то ни было практическому шагу к единству должно предшествовать предварительное выяснение существующих разногласий.

И это решение совершенно правильно.

Если мы не хотим под именем «единства» преподнести рабочему классу бесформенное смешение самых различных элементов,

если мы хотим действительного единства р а б о т ы, то первым обязательным шагом к этому должно быть точное выяснение «пунктов расхождения». Пусть при помощи «общего обмена мнений» будут точно выяснены «пункты расхождения» и тогда станет ясным: — можно ли говорить о каких-либо практических шагах к объединению. Такова постановка вопроса в резолюции Бюро. Эту постановку вопроса мы всецело приветствуем. На предложение Международного Социалистического Бюро мы ответили призывом к рабочим: еще раз спокойно и вдумчиво обсудить разногласия и высказать свое мнение по пунктам расхождения. Мы обещали со своей стороны всемерно содействовать заграничным товарищам в деле их ознакомления с существующими разногласиями. Помещенная в № 9 «Пролетарской Правды» резолюция совершенно правильно дает сводку тех положений, которые нас разделяют с ликвидаторами. Таков должен быть наш ответ на предложение Бюро, и, конечно, другого пути не было и нет для тех, кто серьезно относится к решению Бюро вызвать «общий обмен мнений относительно пунктов расхождения».

Но — и в этом все дело! — для г.г. ликвидаторов нет ничего более неприятного, нежелательного, неприемлемого, как выяснение господствующих теоретических, программных, тактических и организационных разногласий. Все их передержки, извращения, ругательства в связи с резолюцией Бюро направлены исключительно к тому, чтобы з а м я т ь это требование резолюции о предварительном выяснении разногласий. И г. Л. Седов, и г. Дан старательнейшим образом забегают вперед: нельзя ли-де как-нибудь «объединиться» без «справок» с идейным «формуляром» объединяющихся; нельзя ли обойтись без «цитат из старых журналов и газет», заботится г. Л. Седов; нельзя ли не вспоминать «прошрое», суется г. Дан — Мы их очень хорошо понимаем: ничего нет приятного для г. Л. Седова в воспоминаниях о статьях о подпольи (№ 100 «Луча») и для г. Дана в воспоминаниях о лозунге «бoй бa за легальность». И мы всецело присоединяемся к решению Бюро, поскольку оно предлагает не раскапывать ошибок в прошлом. Амнистию за «ошибки в прошлом», о которой хлопочут г.г. ликвидаторы, мы не откажемся дать. Прошлое интересует нас не само по себе, нас интересует сегодняшняя и завтрашняя работа. И относительно этой-то работы мы хотим знать: будет ли п р о д о л ж а т ь с я травля подполья в ликвидаторских органах; будут ли

они п р о д о л ж а т ь признавать «трех китов» непригодными в настоящий момент; будут ли они отстаивать допущенное «августовцами» извращение программы и т. д.

Выяснение этих вопросов и степени расхождения по ним есть по резолюции Бюро п р е д в а р и т е л ь н о е условие какого бы то ни было шага вперед в деле единства, — если не понимать «единства» по ликвидаторски, в смысле безыдейного смешения в одну кучу всех, кому заблагорассудилось назвать себя социал-демократом

«Пункты обвинения уже формулированы»,—гремит г. Л. Седов. Мы не хотели бы здесь напоминать пословицу о некоем человеке, на котором загорелась шапка, но зачем же г. Л. Седов принимает за «обвинения» простые условия мира? Мы говорим: та организация, которая создалась бы из объединения, должна была бы стоять на таких-то и таких-то принципах: на признании старой программы, известной формы организации, неурезанных лозунгов, решительной тактики и т. д. А вы немедленно же объявляете, что эта формулировка программы, тактики и задач организации есть не что иное, как «полный список грехов ликвидаторских». Нам вас очень жаль, но ни мы, ни Бюро не знаем другого способа строить новые организации как путем выяснения их программы, тактики и т. д.

Однако мы повинны еще в более тяжком грехе. Мы не только выдвинули условия создания организации, то-есть не только выяснили условия мира, но еще и отдали эти условия на суд рабочих.

Мы настаиваем, что никакого другого пути к выполнению решения Бюро, кроме нами избранного, не существует.

Бюро зовет в с е х, именующих себя социал-демократами, к выяснению разделяющих их разногласий, как к предварительному шагу для решения вопроса об единстве.

Помещенная у нас резолюция реагировала «списком» взглядов на основные вопросы программы и тактики и организации и передачей этого нашего «списка» на обсуждение товарищей-рабочих. Если бы г.г. ликвидаторы последовали нашему примеру, мы в более или менее близком будущем имели бы ясно сформулированные мнения всех сторон и точное выяснение того, на чьей стороне стоит большинство организованных рабочих. Задача, поставленная перед русским пролетариатом Международным Социалистическим Бюро, была бы подвинута к своему решению,

Но ликвидаторы, конечно, до конца будут уклоняться от этого пути по той простой причине, что интересам их кружка, одинаково, невыгодна и отчетливая формулировка их политических взглядов, и передача их на суд широких кругов рабочих.

При этих условиях они неизбежно будут стремиться подменить отчетливое «выяснение разногласий», которого требует Бюро, мелкой, личной склокой, извращениями и передержками, которые только способны затруднить его работу, и будут постоянно вызывать те уроки «лживости», которые вынужден уже был преподать г.г. ликвидаторам секретарь Интернационала.

*«Пролетарская Правда» № 11
от 19 декабря 1913 г.*

Национал-либерализм и право наций на самоопределение.

Помогая запутавшемуся г. Могилянскому, редакция либеральной «Речи» поместила недавно (№ 340) неподписанное, т.-е. официально-редакционное заявление по важному вопросу — о праве наций на самоопределение.

Господин Могилянский, уклоняясь от прямого ответа, уверял, что его взгляд «ничего общего не имеет с отрицанием права наций на самоопределение». Теперь «Речь» официально заявляет, что в программе к.-д. партии, в § 11 дается «прямой, точный и ясный ответ на вопрос о праве свободного культурного самоопределения».

Подчеркнутое нами слово особенно важно, ибо как раз не о «культурном» самоопределении шла речь и в первой статье г. Могилянского, и в ответе ему г. Донцова, и в полемике г. Могилянского против г. Донцова. Речь шла о п о л и т и ч е с к о м самоопределении наций, то-есть о праве наций на отделение; тогда как под «культурным самоопределением» (бессмысленное, напыщенное, словоупотребление, противоречащее в с е й истории демократии) либералы понимают в сущности только свободу языков.

«Речь» заявляет теперь, будто «Пролетарская Правда» безнадежно смешивает самоопределение с «сепаратизмом», отделением той или иной нации.

На чьей стороне тут безнадежное (или, может быть, преднамеренное...) смешение?

Станут ли наши просвещенные «конституционалисты-демократы» отрицать, что во всей истории международной демократии, особенно с половины XIX века, под самоопределением наций разумеется именно политическое самоопределение, т.-е. право на отделение, на образование самостоятельного национального государства?

Станут ли наши просвещенные «конституционалисты-демократы» отрицать, что Лондонский Международный Социалистический Конгресс в 1896 году, повторяя установившийся демократический принцип (которым Конгресс, конечно, не ограничился), имел в виду тоже именно политическое — а вовсе не какое-то «культурное» — самоопределение?

Станут ли наши просвещенные «конституционалисты-демократы» отрицать, что, например, Плеханов, еще в 1902 году писавший о самоопределении, понимал под ним именно политическое самоопределение?

Пожалуйста, объяснитесь поподробнее, господа, не скрывайте от «черни» плодов вашего «просвещения»!

По существу вопроса, «Речь» заявляет:

«Действительно к.-д. никогда не брались защищать право «отделения наций» от русского государства».

Великолепно! Благодарим за откровенность и за вполне — принципиальное заявление! Обращаем внимание «России», «Нового Времени», «Земщины» и т. п. на это «отменно-лояльное» заявление официоза кадетов!

Но только не гневайтесь, господа кадеты, если именно потому вас и должно назвать национал-либералами. Именно здесь — одна из основ вашего шовинизма и вашего идейно-политического блока с Пуришкевичами (или вашей идейно-политической зависимости от них). Темную массу Пуришкевичи и их класс воспитывают в «твердом» сознании «права» «держат и не пущать». Господа кадеты учились истории и знают прекрасно, к каким... выражаясь мягко... «погромообразным» действиям приводило нередко применение на практике этого «исконного права». Демократ не мог бы оставаться демократом (мы уже не говорим о пролетарской демократии), не проповедуя систематически именно великорусским массам, именно на русском языке

«самоопределения» наций в политическом, а не в «культурном» смысле.

Национал-либерализм везде и повсюду характеризуется именно тем, что он вполне становится на почву отношений (и границ), определенных классом Пуришкевичей и охраняемых (часто вопреки требованиям экономического развития и «культуры») методами Пуришкевичей. Это означает на деле приспособление к интересам крепостников и к худшим националистическим предрассудкам господствующей нации вместо систематической борьбы против этих предрассудков.

*«Пролетарская Правда» № 12
от 20 декабря 1913 года.*

Народничество и ликвидаторство как элементы распада в рабочем движении.

Недавно в петербургской народнической газете «Северная Мысль» была помещена корреспонденция из Риги о ходе страховой кампании. Автор, Б. Брайнес, писал между прочим:

Бойкотистское течение заметно только у сапожников, где создались бойкотистские группы. Главными вдохновителями бойкотистских групп являются, к сожалению, народники. В других предприятиях кампания проходит вяло.

Это откровенное признание проливает яркий свет на современное состояние и политическое значение народничества в России. Правильность оценки народничества, данной совещанием марксистов, подтверждается неожиданно особенно рельефно самими народниками.

Подумайте только: левонародническая газета печатает, не будучи в состоянии выдвинуть никакого опровержения, с о ж а л е н и е своего корреспондента о том, что народники являются «г л а в н ы м и в д о х н о в и т е л я м и» бойкотистских групп!

Вот—образец политического разложения народничества. Вот—образец российской беспартийности и беззаботности насчет партийности. И на этом образце надо остановиться, потому что пример из жизни «чужой» партии особенно наглядно показывает нам истинные причины зла, чрезвычайно распространенного вообще и сильно терзающего нас,

У народников в эпоху контр-революции образовалось много различных течений и групп, фактически почти независимых одна от другой. В этом отношении и на народниках и на марксистах, очевидно, сказалось действие общих причин, коренящихся во всей исторической обстановке третьей ионийской системы. У народников отдельно выступали, например, в печати и группы гораздо более ликвидаторские, чем у нас (парижские издания 1908—1910 годов), и группы совсем уже анархистского характера, и виднейшие литераторы их направления скатывались к либеральным и ренегатским речам (В. Чернов в «Заветах») и т. п.

Но тем не менее формально и перед внешним миром народники кажутся гораздо более «едиными», чем марксисты. У народников нет прямого раскола, нет ожесточенной, упорной, систематической и длительной внутренней борьбы, у них держится все время—на первый взгляд—некая общая связь, у них постоянно встречаешь во всей их литературе горделивые ссылки на народническое «единство» в противовес «марксистской» (и наипаче всего «большевистской») «склонности к раздорам и расколам».

Кто хочет понять смысл и значение происходящего в рабочем движении и в социализме России, тот должен очень и очень подумать над этим противопоставлением «марксистских расколов» и «народнического единства».

У нас, среди марксистов и около-марксистов, тоже не мало групп, группок и группочек, которые фактически почти независимы друг от друга и которые усердно проповедуют «единство»—в духе народников—и еще более усердно осуждают «марксистские расколы».

В чем тут дело? Должны ли мы завидовать «народническому единству»? Должны ли мы искать причин указанного различия в дурных личных качествах «некоторых» «вожаков» (прием очень распространенный) или в дурной склонности марксистов к «догматизму», «нетерпимости» и т. д.?

Посмотрите на факты. Факты говорят нам, что народники гораздо терпимее, примирительнее, что они более «едины», что обилие группок не сопровождается у них резкими расколами. И в то же время факты говорят нам совершенно бесспорно, что народники **бессильны** в политическом отношении, не имеют организованных и прочных связей в массах, не могут

проводить никакого массового политического действия. Пример рижских иародников-бойкотистов только иллюстрирует с особой рельефностью то, что сказалось не на одной лишь страховой кампании, а и на выборах в Государственную Думу, и на стачечном движении, и на рабочей (даже шире: вообще на демократической) печати, и на профессиональных союзах и т. д. Например, в № 2 левонароднической «Северной Мысли» мы читаем:

«К чести марксистов надо отметить, что сейчас в союзах» (речь идет о профессиональных союзах) «они пользуются большим влиянием, мы же, левонародники, действуем в них без определенного плана, и поэтому почти ничем не проявляли себя».

Что же это за странность? У примирительных, терпимых, «единых», не раскалывающихся, широких, недогматических народников нет — несмотря на их горячее желание и стремление — ни страховой кампании, ни влияния в профессиональных союзах, ни организованной группы в Государственной Думе. А у «догматичных», «раскалывающихся без конца» и тем будто бы ослабляющих себя марксистов, мы видим превосходно проведенную кампанию выборов в IV Думу, видим успешную работу в профессиональных союзах, видим отличную и дружную страховую кампанию, недурную работу в стачечном движении, видим сплоченные, принципиально выдержанные решения, за которыми дружно, твердо, убежденно идет заведомое и бесспорное большинство сознательных рабочих.

Что за странность? Уж не является ли пустоцветом народническая «примирительность» и пр. и пр. прекрасные их душевные качества?

Именно пустоцветом! «Единство» интеллигентских группочек всевозможных оттенков покупается у народников ценой полного их политического бессилия в массах. И у нас, марксистов, всего больше кричащие о единстве группочки — троцкисты, ликвидаторы, «примиренцы», «тышкинцы» — представляют то же интеллигентское бессилие, а действительные, невыдуманные, а из жизни растущие политические кампании (выборная, страховая, ежедневная печать, стачечная и т. д.) показывают сплочение б о л ь ш и н с т в а сознательных рабочих вокруг тех, кого всего чаще и всего усерднее и всего ожесточеннее ругают «раскольниками».

Вывод ясен и, как он ни неприятен для массы интеллигентских группок, ход рабочего движения з а с т а в и т признать его. Вывод этот состоит в том, что попытки создать «единство» «соглашением» или «союзом» таких интеллигентских группок, которые на деле проводят тенденции, вредные рабочему движению (народничество, ликвидаторство и т. п.),—такие попытки ведут лишь к полному разложению и бессилию. И народничество и ликвидаторство д о к а з а л и это своим печальным примером.

Только п р о т и в этих групп, группок и группочек складывается (в тяжелой борьбе, неизбежной при буржуазной обстановке и тьмы мелко-буржуазных шатаний) действительное единство рабочих масс, руководимых большинством сознательных пролетариев.

Наивные люди спрашивают тогда: как же отличить интеллигентские группки, вредящие рабочему движению, разлагающие его, осуждающие его на бессилие, от тех или той, которая идейно выражает рабочее движение, сплачивая, объединяет и укрепляет его? Для отличения есть лишь два средства: теория и практический опыт. Надо серьезно разобрать теоретически содержание таких т е ч е н и й м ы с л и, как народничество и ликвидаторство (главные из разлагающих рабочее движение мелкобуржуазных течений). Надо изучить внимательно практический опыт массового рабочего движения с точки зрения сплочения большинства сознательных рабочих вокруг цельных, продуманных, принципиальных решений, применяемых и к выборам, и к страхованию, и к работе в профессиональных союзах, и к стачечному движению, и к «подполью» и так далее.

Кто вдумается в теорию марксизма, кто присмотрится к практическому опыту последних лет, тот поймет, что в России происходит сплочение элементов настоящей рабочей партии в о п р е к и пестрым, шумным, крикливым (а на деле пустым и вредным) группкам народников, ликвидаторов и пр. Единство рабочего класса вырастает из распада этих группок из их отпадения от пролетариата.

*«Пролетарская Правда» № 12
от 20 декабря 1913 г.*

„Новое Время“ и „Речь“ о праве самоопределения наций.

Как и следовало ожидать, «Новое Время» заинтересовалось полемикой социал-демократов и кадетов по вопросу о праве наций на самоопределение. В № 13563 главный орган великорусского национализма пишет:

«Что для эсдеков составляет аксиому политической мудрости» (т.-е. п. изнание права наций на самоопределение, на отделение), «то по нынешним временам даже в кадетской среде начинает возбуждать разногласия».

Несмотря на эту черносотенную шпильку либералам (словечко «даже»), «Новое Время» вынуждено привести заявление «Речи», что «кадеты никогда не брались защищать право отделения наций от русского государства».

Заявление это настолько прямое, что «Новому Времени» приходится вертеться. Оно пишет:

Растяжимое понятие культурного самоопределения, судя по фактам, отличается, с кадетской точки зрения, от защиты сепаратизма, повидимому, только в способах действия.

Но само «Новое Время» прекрасно поняло разницу между нелепым «культурным» и действительным, т.-е. п о л и т и ч е с к и м самоопределением, ибо дальше читаем:

А г.г. кадеты действительно никогда не брались защищать права отделения наций от Русского государства... иначе, как несравненно более культурным путем субсидирования инородцами и евреями своих печатных органов.

Старый, избитый, смешной прием черносотенцев попрекать либералов помощью от евреев! А существенного все-таки, из-за этих глупеньких приемов, забывать нельзя: существенно то, что «Новое Время» вполне поняло разницу между социал-демократами и кадетами, признав, что право отделения кадеты не брались защищать.

Различие к.-д. и с.-д. есть отличие национал-либералов от последовательных демократов.

*«Пролетарская Правда» № 16
от 25 декабря 1913 г.*

Письмо в редакцию.

Г. Мартов подтвердил уже отмеченный в «Пролетарской Правде» факт, что я не был в подкомиссии о стачках, и что в комиссии я выступал против «уголовной наказуемости». Мне остается теперь только добавить, что я выступал вовсе не только за «уменьшения» наказуемости, как «помнится» г. Мартову, а разумеется за полную недопустимость подобного пункта. И мне не было надобности вносить поправки, ибо в обсуждавшемся тогда проекте вовсе не было подобного пункта, и лишь г. Ф. Дан безуспешно пытался внести его (даже Л. Мартов решился тогда возразить г. Ф. Дану).

«Пролетарская Правда» № 17

от 29 декабря 1913 г.

За подписью Н. Ленин.

1914 ГОД.

К вопросу о задачах земской статистики.

(Пензенское губернское земство. И т о г и оценочно-статистического исследования Пензенской губернии. Серия III. Исследование земельных имуществ. Часть II. Подворная перепись крестьянского хозяйства. Отдел I. Справочные сведения о селениях и подробные таблицы по данным сплошной подворной переписи. Вып. 3: Краснослободский уезд. Пенза. 1913 г. Ц. 1 руб. Стр. X+191).

Пензенское земство производит оценочно-статистическое исследование по такой полной и детальной программе, которая представляет исключительно - выдающийся интерес для всякого, кто изучает экономический строй России.

Производится сплошная подворная перепись всех крестьянских хозяйств по сокращенной похозяйственной карточке. Затем каждое третье хозяйство описывается по более полной краткой похозяйственной карточке;—каждое девятое—по еще более полной, так называемой подробной похозяйственной карточке;—каждое двадцать седьмое хозяйство—по еще более полной специальной похозяйственной карточке; наконец, 25 хозяйств на уезд (приблизительно это составит, вероятно, около $\frac{1}{1000}$ всего числа хозяйств) подвергаются самому детальному бюджетному описанию.

Итого пять степеней той или иной подробности исследования, при чем более полная программа обязательно включает все вопросы менее полной. В предисловии авторы определяют полноту каждого из этих пяти видов описаний следующим образом:

«Бюджет охватывает все производство и потребление крестьянского двора.

«Специальное описание изучает по хозяйству продажи и покупки с.-х. продуктов и оборот скотоводства (на специальном бланке) и все вопросы, заключающиеся в подробной похозяйственной карточке.

«На подробной похозяйственной карточке перечисляются все владения, предприятия и занятия членов хозяйства, регистрируются сведения о поле, возрасте, грамотности членов семьи, стоимость живого и мертвого инвентаря и построек, учитываются доходы от предприятий и занятий, урожай, расход на рабочие руки.

«На краткой похозяйственной карточке сохраняются только сведения о поле, возрасте, грамотности семьи, перечисляются владения, предприятия и занятия, живой и мертвый инвентарь.

«На сокращенной похозяйственной карточке регистрируются величина семьи с делениями ее по полу, количество мужчин-работников, владения, предприятия семьи, за исключением аренды, главный скот, грамотность и промысловые занятия мужчин-работников, а также число учащихся мальчиков и девочек».

К изданию не приложены, к сожалению, полные перечни вопросов всех пяти видов описаний. Приложена только самая краткая («сокращенная») подворная карточка, которая дает (приблизительно) не менее подробное описание хозяйства, чем карточки европейски поставленных с.-х. переписей.

Если пензенские статистики обследуют всю губернию по вышеуказанной программе, то собранные данные будут—без преувеличения можно сказать—близки к идеальным. Предположим, что в губернии 270.000 дворов (на деле их, вероятно, больше). Тогда мы получили бы 90.000 описаний с данными об аренде, обо всем живом и мертвом инвентаре;—затем 30.000 описаний с данными об урожаях (каждого хозяйства), о расходе на рабочие руки, о стоимости инвентаря и построек;—далее 10.000 описаний продажи и покупки с.-х. продуктов, а также «оборота скотоводства» (т.-е., вероятно, точного описания условий содержания и корма скота, продуктивности скотоводства и пр.);—наконец, 250 бюджетов, которые, считая 10 типичных групп крестьянского хозяйства, дали бы и с черпы в а ю щ е е описание каждой группы, по 25 бюджетов на группу, т.-е. вполне достаточно для получения устойчивых средних.

Одним словом, крестьянское хозяйство Пензенской губ. было бы изучено, при выполнении этой программы, превосходно—

несравненно лучше, чем при зап.-европейских переписях (которые, правда, охватывают не губернии, а всю страну в целом).

Все дело только за обработкой этих превосходных данных. В этом—главная трудность. Здесь—самый больной пункт нашей земской статистики,—великолепной по тщательности работы и детальности ее. Данные о каждом из 300.000 дворов (или о каждом из 90.000—из 30.000—из 10.000) могут быть великолепны, но для научных целей, для понимания экономики России эти данные могут пропадать почти совершенно, если неудовлетворительна обработка их. Ибо общие средние, пообщинные, поволостные, поуездные, губернские, говорят очень мало.

В России происходит именно теперь процесс капиталистического преобразования полусредневекового земледелия (патриархального и крепостнического). Процесс этот наметился уже более полвека. За этот громадный промежуток времени в экономической литературе России собрана гигантская масса отдельных указаний на разные черты этого процесса. Вся суть теперь заключается в том, чтобы превосходные по своей детальности, по тщательности их собирания и проверки, массовые данные земской статистики были обработаны надлежащим образом. Они должны быть обработаны так, чтобы получался ответ, точный, объективный, основанный на учете массовых данных, ответ на все вопросы, указанные или намеченные более чем полувековым анализом пореформенной экономики России (а в настоящее время Столыпинское аграрное законодательство ставит еще массу интереснейших вопросов о пореволюционной экономике России).

Данные статистики должны быть обработаны так, чтобы процесс разрушения старого крепостнического, барщинного, отработочного, натурального хозяйства и процесс замены его торговым, капиталистическим земледелием мог быть изучен по этим данным. Ни один грамотный (в политико-экономическом смысле) человек в России не может сомневаться теперь, что этот процесс происходит. Весь вопрос в том, как обработать превосходные подворные данные, чтобы они не пропали, чтобы по ним можно было изучать все стороны этого чрезвычайно сложного и многообразного процесса.

Чтобы удовлетворить этим условиям, обработка подворных данных должна дать как можно больше, как можно рациональнее и детальнее составленных групповых и комбина-

ци он н ы х т а б л и ц для отдельного изучения в с е х наме-
тившихся—или н а м е ч а ю щ и х с я (это не менее важно)—
в жизни т и п о в хозяйств. Без разносторонних и рационально
составленных групповых и комбинационных таблиц богатей-
шие подворные данные прямо-таки пропадут. В этом—наибольшая
опасность современной статистики, которая все чаще и чаще
страдает за последнее время некоторым, я бы сказал, «статисти-
ческим кретинизмом», за деревьями исчезает лес, за горами цифр
исчезают э к о н о м и ч е с к и е т и п ы явлений, типы, кото-
рые могут выступить т о л ь к о при разносторонне и рационально
составляемых групповых и комбинационных таблицах.

А условие р а ц и о н а л ь н о с т и составления их—прежде
всего то, чтобы процесс развития капитализма мог быть просле-
жен во всех его разветвлениях и формах. Рациональной можно
признать лишь такую обработку, которая позволяет выделить
тип наиболее сохранившегося натурального хозяйства и различ-
ные степени замены его торговым и капиталистическим сельским
хозяйством (в различных местностях торговое земледелие при-
нимает разные формы, вовлекая в производство на рынок то
одну, то другую сторону сельского хозяйства). Должны быть выде-
лены особенно подробно разные типы хозяйств переходных от
целостного натурального земледелия к п р о д а ж е рабочей
силы (так наз. «промыслы», состоящие в продаже рабочей си-
лы),—а р а в н о и к п о к у п к е ее. Должны быть выделены осо-
бенно подробно разные типы хозяйств по зажиточности (по сте-
пени накопления капитала и в о з м о ж н о с т и образования
и накопления его),—затем по размерам всего с.-х. производства,
а также по размерам именно тех отраслей с.-х. производства, ко-
торые в данной местности и в данное время всего легче поддаются
превращению в т о р г о в о е земледелие или т о р г о в о е
с к о т о в о д с т в о и т. д. и т. п.

Весь гвоздь вопроса при изучении современной экономики
земледелия состоит именно в этом преобразовании натурального
хозяйства в т о р г о в о е, и бесконечное количество ошибок
и предрассудков казенной, либерально-профессорской, мешае-
народнической и оппортунистической «теории» проистекает от
непонимания этой смены или от неумения проследить не вчрез-
вычайно разнообразных формах.

Работа пензенских статистиков, которая, судя по назван-
ному выше сборнику, ведется людьми относящимися к делу не-

по-чиновничьи, людьми, действительно заинтересованными и способными дать научное исследование громадной ценности, — эта работа производит тем не менее все же впечатление избытка статистической рутины или «статистического улепления» и недостатка политико-экономической разумности, осмысленности.

Рассматриваемый сборник содержит, прежде всего, справочные сведения о селениях. Эти сведения занимают немного менее $\frac{1}{10}$ всей книги. Остальные $\frac{9}{10}$ заполнены пообщинными таблицами. Каждой группе крестьян (по размеру землевладения) каждой общины в каждом селении посвящена особая горизонтальная строка (всего их 1009 по уезду), содержащая 139 вертикальных граф. Детальность сведений необычайная. Наверное, $\frac{9}{10}$ этих сведений никогда не понадобятся ни для каких справок даже самым любознательным местным жителям.

Но необычайная детальность превращается уже в нечто близкое к статистической мании, когда мы видим графы 119—139, т.-е. двадцать одну графу, дающую для каждого из тысячи поуездных делений относительные числа, т.-е. вычисленные процентные отношения!!! Статистики проделали для одного уезда тысячи и десятки тысяч вычислений, которые могут понадобиться даже местным жителям в совершенно исключительных случаях. Статистики проделали приблизительно 15—20 тысяч вычислений, из которых, наверное, понадобится какой-нибудь десяток-другой только местным жителям и они притом сами могли бы произвести необходимое для них вычисление в маловероятном случае такой необходимости.

Громадный труд, убитый статистиками понапрасну, является вычетом из общего количества труда, который они (при данных силах и при данном бюджете — земские бюджеты на статистику счель скромны!) могут посвятить исследованию. Рассматриваемый сборник, содержащий в себе тысячи цифр никому не нужной статистической «роскоши», не дает ни единого итога. Все и всякие итоги отложены до других выпусков. Во-1-х, мы не уверены, будут ли эти другие выпуски, и не могут быть уверены в этом русские земские статистики, которые слишком зависимы от полицейского произвола. А, во-2-х, без пробы разносторонних групповых и комбинационных таблиц по уездам никогда не выработается вполне удовлетворительная, в научном смысле, система итоговых, групповых и комбинационных таблиц по губерниям.

Пока перед нами на-лицо печальный факт: ничтожная, почти нулевая научная ценность земско-статистического сборника, на который убита бездна труда и который содержит массу чрезвычайно богатых, ценных, новых (результаты закона 9 ноября!) данных,—не подытоженных, не сведенных вместе, не сгруппированных, не комбинированных.

Отметим, по крайней мере, некоторые из группировок, которые могли бы и должны бы были быть произведены для использования богатейшего земско-статистического материала. Желательно разделить уезд и губернию на районы по наибольшему распространению торгового земледелия разных видов (переработка хлебов и картофеля в вино; сбыт молочных продуктов; маслособойни; особые торговые растения и т. д. и т. п.);—затем по промыслам неземледельческим и по отходу;—по условиям помещичьего хозяйства (близость помещичьих экономий или отсутствие их, преобладание крепостнического, отработочного, барщинного, исполого, издельного и т. п., или капиталистического, вольнонаемного, помещичьего хозяйства);—далее, по степени развитости торговли и капиталистического оборота вообще (крайне важное деление, которое сделать обязательно с точки зрения азбуки политической экономии и которое легко сделать, хотя его обычно не делают: группировка селений по расстоянию от железной дороги, от базаров, торговых центров и т. п.);—по величине селений (в Краснослободском уезде около 30 тыс. дворов в 278 селениях, а в 19 крупнейших селениях свыше 9 тыс. дворов—вероятно, условия должны быть отличны).

Желательно и необходимо группировать дворы не только по землевладению, но и по величине посева (составители говорят в предисловии, что крестьянское хозяйство Пензенской губернии ведется «главным образом на своей, а не на арендованной земле», но это слишком огульная оценка, а вопрос об аренде имеет громадное значение и нуждается в детальной разработке);—затем по величине посева торговых растений, где и по сколько их можно наблюдать и выделять;—далее, по «промыслам» (не в той грубой форме, которой обычно ограничиваются, точно в издевку над политической экономией, беря «хозяйства с промышленниками» и без них, а с обязательным учетом положения лица в промысле: хозяйства с большим, средним, малым отпуском наемных рабочих на сторону, хозяйства с мелкими и крупными заведениями, с незначительным, средним и крупным наймом рабочих и

т. п.); — по скотовладению (в сборнике отчасти проведена уже) и т. д.

Комбинационные таблицы в числе, скажем, десяти, делящие хозяйства на десять (опять-таки примерно) групп по различным признакам проникновения капитализма в земледелие дали бы—предполагая 80 вертикальных граф—8.000 новых вычислений, т.-е. заняли бы гораздо менее места, чем 20.000 никому не нужных вычислений процентных отношений по каждой общине отдельно.

А научное значение таких разнообразных и тем учитывающих гигантское разнообразие форм подчинения земледелия и земледельца рынку комбинационных таблиц было бы громадно. Можно сказать без всякого преувеличения, что они внесли бы целый переворот в науку об экономике земледелия.

«Просвещение» № 1,

январь 1914 г.

За подписью В. Ильин

Рецензия на книгу:

„Экспонаты по охране труда на Всероссийской гигиенической выставке в С.-Петербурге в 1913 г.“. Спб. 1913 г. Стр. 78. Цена не показана.

Это чрезвычайно полезное издание дает краткую сводку того материала, который был представлен по вопросам охраны труда на Всероссийской гигиенической выставке. По целому ряду вопросов рабочей жизни издание дает массу ценных статистических данных—число рабочих в некоторых отраслях промышленности женский и детский труд, рабочий день и заработная плата, санитарные условия и охрана труда, заболеваемость и смертность рабочих, алкоголизм, страхование рабочих и т. д. и т. д.

В книге приложен прекрасный указатель литературы по вопросам охраны труда.

Недостаток книги—отсутствие во многих случаях абсолютных цифр (указаны только относительные цифры) и общего предметного указателя, который давал бы возможность быстро находить соответствующие данные по отдельным вопросам.

Было бы желательно, чтобы при следующих изданиях эти недостатки были исправлены. Все, интересующиеся рабочим во-

просом, все профессиональные страховые и прочие рабочие общества будут, несомненно, пользоваться этой книгой. При следующих изданиях она могла бы и должна бы превратиться в систематический свод материалов по вопросам положения и охраны труда в России

«Просвещение» № 1,

январь 1914 г.

За подписью В. И.

КАРЛ МАРКС

Маркс, Карл, род. 5 мая 1818 г. в Трире (Прирейнск. Пруссия). Отец его был адвокат, еврей, в 1824 г. принявший протестантство. Семья была зажиточная, культурная, но не революционная. Окончив гимназию в Трире, М. поступил в университет, сначала в Бонне, потом в Берлине, изучал юридические науки, но больше всего историю и философию. Окончил курс в 1841 г., представив диссертацию о философии Эпикура. По взглядам своим М. был еще тогда гегельянцем-идеалистом. В Берлине он примыкал к кружку «левых гегельянцев» (Бруно Бауэр и др.), которые стремились делать из философии Гегеля атеистические и революционные выводы.

По окончании университета М. переселился в Бонн, рассчитывая стать профессором. Но реакционная политика правительства, которое в 1832 г. лишило кафедры Людвига Фейербаха и в 1836 г. снова отказалось пустить его в университет, а в 1841 г. отняло право читать лекции в Бонне у молодого профессора Бруно Бауэра, заставила М. отказаться от ученой карьеры. Развитие взглядов левого гегельянства в Германии шло в это время вперед очень быстро. Людвиг Фейербах в особенности с 1836 г. начинает критиковать теологию и поворачивает к материализму, который вполне берет верх у него в 1841 г. («Сущность христианства»); в 1843 г. вышли его же «Основные положения философии будущего». «Надо было пережить освободительное действие» этих книг,—писал Энгельс впоследствии об этих сочинениях Фейербаха,—«мы (т.-е. левые гегельянцы, М. в том числе) стали сразу фейербахианцами». В это время рейнские радикальные буржуа, имевшие точки соприкосновения с левыми гегельянами, основали в Кельне оппозиционную газету: «Рейнскую Газету» (начала выходить с 1 января 1842 г.). М. и Бруно Бауэр были приглашены в качестве главных сотрудников, а в октябре 1842 г. М. сделался главным редактором и переселился из Бонна в Кельн. Революционно-демократическое направление газеты при

редакторстве М. становилось все определеннее, и правительство сначала подчинило газету двойной и тройной цензуре, а затем решило вовсе закрыть ее 1 января 1843 г. М. пришлось к этому сроку оставить редакторство, но его уход все же не спас газеты, и она была закрыта в марте 1843 г. Газетная работа показала М., что он недостаточно знаком с политической экономией, и он усердно принялся за ее изучение.

В 1843 г. Маркс женился в Крейцнахе на Дженни фон-Вестфален, подруге детства, с которой он был обручен еще будучи студентом. Жена его принадлежала к прусск. реакцион. дворянской семье. Ее старший брат был министр внутренних дел в Пруссии в одну из самых реакционных эпох, 1850 — 1858 г.г. Осенью 1843 г. Маркс приехал в Париж, чтобы издавать за границей вместе с Арнольдом Руге радикальный журнал. Вышла лишь первая книжка этого журнала «Немецко-французский ежегодник». Он прекратился из-за трудностей тайного распространения в Германии и из-за разногласий с Руге. В своих статьях в этом журнале Маркс выступает уже как революционер, провозглашающий «беспощадную критику всего существующего», апеллирующий к массам и к пролетариату.

В сентябре 1844 г. в Париж приехал на несколько дней Фридрих Энгельс, ставший с тех пор ближайшим другом Маркса. Они вдвоем приняли самое горячее участие в тогдашней кипучей жизни революционных групп Парижа (особенное значение имело учение Прудона, с которым Маркс решительно рассчитался в своей «Нищете философии», 1847 г.) и выработали, резко борясь с различными учениями мелко-буржуазного социализма, теорию и тактику революционного пролетарского социализма, или коммунизма (марксизма). В 1845 г. Маркс, по настоянию прусского правительства, как опасный революционер, был выслан из Парижа. Он переехал в Брюссель. Весной 1847 г. Маркс и Энгельс примкнули к тайному пропагандистскому обществу «Союз Коммунистов», приняли выдающееся участие на II съезде этого союза (ноябрь 1847 в Лондоне) и, по его поручению, составили вышедший в феврале 1848 г. знаменитый «Манифест Коммунистической партии». В этом произведении с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новсе мировоззрение, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теории классовой борьбы и всемирно-исторической револю-

ционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества.

Когда разразилась февральская революция 1848 г., Маркс был выслан из Бельгии. Он приехал опять в Париж, а оттуда, после мартовской революции, в Германию, именно в Кельн. Там выходила с 1 июня 1848 г. по 19 мая 1849 г. «Новая Рейнская Газета»; главным редактором был Маркс. Новая теория была блестяще подтверждена ходом революционных событий 1848 — 1849 г.г., как подтвердили ее впоследствии все пролетарские и демократические движения всех стран мира. Победившая контр-революция сначала отдала Маркса под суд (оправдан 9 февраля 1849 г.), а потом выслала из Германии (16 мая 1849 г.). Маркс отправился сначала в Париж, был выслан и оттуда после демонстрации 13 июня 1849 г. и уехал в Лондон, где и жил до самой смерти.

Условия эмигрантской жизни, особенно наглядно вскрытые перепиской Маркса с Энгельсом (изд. в 1913 г.), были крайне тяжелы. Нужда прямо душила Маркса и его семью; только постоянная финансовая поддержка Энгельса дала возможность Марксу кончить «Капитал». Кроме того, преобладающие учения и течения мелко-буржуазного, вообще непролетарского социализма вынуждали Маркса постоянно к беспощадной борьбе, иногда к отражению самых бешеных и диких личных нападков («Herr Vogt»). Сторонясь от эмигрантских кружков, Маркс в ряде исторических работ (см. литер.) разрабатывал свою материалистическую теорию, посвящая главным образом силы изучению политической экономии. Эту науку Маркс революционизировал (см. ниже) в своих сочинениях: «К критике полит. экономии» (1859) и «Капитал» (т. I, 1867).

Эпоха оживления демократических движений конца 50-х и 60-х г.г. снова призвала Маркса к практической деятельности. В 1864 г. (28 сентября) был основан в Лондоне знаменитый I Интернационал, «Международное Товарищество Рабочих». Маркс был душой этого общества, автором его первого «обращения» и массы резолюций, заявлений, манифестов. Объединяя рабочее движение разных стран, стараясь направить в русло совместной деятельности различные формы непролетарского, домарксистского, социализма (Маццини, Прудон, Бакунин, английский либеральный трэд-юнионизм, лассалеанские качания вправо в Германии и т. п.) борясь с теориями всех этих сект и школ, Маркс

выковывал единую тактику борьбы рабочего класса в различных странах. После падения Парижской Коммуны (1871), которую так глубоко, метко и блестяще оценил Маркс («Гражданская война во Франции»), и после раскола Интернационала бакунистами, существование последнего в Европе стало невозможным. Маркс провел после конгресса Интернационала в Гааге (1872 г.) перенесение генерального совета Интернационала в Нью-Йорк. I Интернационал кончил свою историческую роль, уступив место эпохе неизмеримо более крупного роста рабочего движения во всех странах мира, именно эпохе роста его вширь, создания массовых социалистических рабочих партий на базе отдельных национальных государств.

Усиленная работа в Интернационале и еще более усиленные теоретические занятия окончательно подорвали здоровье Маркса. Он продолжал свою переработку политической экономии и окончание «Капитала», собирая массу новых материалов и изучая ряд языков (напр., русский), но окончить «Капитал» не дала ему болезнь. 2 декабря 1881 г. умерла его жена. 14 марта 1883 г. Маркс тихо заснул навеки в своем кресле. Он похоронен, вместе с своей женой, на кладбище Гайгет в Лондоне. Из детей Маркса несколько умерло в детском возрасте в Лондоне, когда семья сильно бедствовала. Три дочери были замужем за социалистами Англии и Франции: Элеонора Эвелинг, Лаура Лафарг и Джени Лонге. Сын этой последней — член французской социалистической партии.

Марксизм. Маркс явился продолжателем и гениальным завершителем трех главных идейных течений XIX века, принадлежащих трем наиболее передовым странам человечества: классической немецкой философии, классической английской политической экономии и французского социализма. Признаваемая даже противниками Маркса замечательная последовательность и цельность его взглядов заставляет предпослать изложению главного содержания марксизма, экономического учения Маркса, краткий очерк его мирозерцания вообще.

Философский материализм. Начиная с 1844—1845 г.г., когда сложились взгляды Маркса, он был материалистом, в частности сторонником Л. Фейербаха, усматривая и впоследствии его слабые стороны исключительно в недостаточной последовательности и всесторонности его материализма. Всемирно-историческое, «составляющее эпоху» значение Фейербаха

Маркс видел именно в решительном разрыве с идеализмом Гегеля и в провозглашении материализма, который еще «в XVIII в., особенно во Франции, был борьбой против всякой метафизики» («Святое семейство» в «Литературном наследстве»). «Для Гегеля,— писал Маркс,—процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург (творец, создатель) действительного... У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» («Капитал», I, предисловие к 2 изд.). В полном соответствии с этой материалистической философией Маркса и излагая ее, Фр. Энгельс писал в «Анти-Дюринге»: «Единство мира состоит не в его бытии, а в его материальности, которое доказывается... долгим и трудным развитием философии и естествознания... Движение есть форма бытия материи. Нигде и никогда не бывало и не может быть материи без движения, движения без материи... Если поставить вопрос..., что такое мышление и познание, откуда они берутся, то мы увидим, что они — продукты человеческого мозга и что сам человек — продукт природы, развившийся в известной природной обстановке и вместе с ней. Само собой разумеется в силу этого, что продукты человеческого мозга, являющиеся в последнем счете тоже продуктами природы, не противоречат остальной связи природы, а соответствуют ей». «Гегель был идеалист, т.-е. для него мысли нашей головы были не отражениями (Abbilder, отображениями; иногда Энгельс говорит об «оттисках»), более или менее абстрактными, действительных вещей и процессов, а, наоборот, вещи и развитие их были для Гегеля отражениями какой-то идеи, существовавшей где-то до возникновения мира». В своем сочинении «Людвиг Фейербах», в котором Фр. Энгельс излагает свои и Маркса взгляды на философию Фейербаха и которое Энгельс отправил в печать, предварительно перечитав старую рукопись его и Маркса 1844—1845 г.г. по вопросу о Гегеле, Фейербахе и материалистическом понимании истории, Энгельс пишет: «великим основным вопросом всякой, а особенно новейшей философии является вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе... что чему предшествует: дух природе или природа духу... Философы разделились на два больших лагеря, сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы и которые, следовательно, так или иначе признавали сотворение мира... составили идеалистический лагерь. Те же,

которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма». В особенности надо отметить взгляд Маркса на отношение свободы к необходимости: «Слепа необходимость, пока она не сознана. Свобода есть сознание необходимости» (Энгельс в «Анти-Дюринге») — признание объективной закономерности природы и диалектического превращения необходимости в свободу (наравне с превращением непознанной, но познаваемой «вещи в себе» в «вещь для нас», «сущности вещей» — в «явления»). Основным недостатком «старого», в том числе и «Фейербаховского» (а тем более «вульгарного», Вюхнера-Фохта-Молешотта) материализма, Маркс и Энгельс считали 1) то, что этот материализм был «преимущественно механическим», не учитывая новейшего развития химии и биологии; 2) то, что старый материализм был неисторичен, недиалектичен (метафизичен в смысле антидиалектики), не проводил последовательно и всесторонне точки зрения развития; 3) то, что он «сущность человека» понимал абстрактно, а не как «совокупность» (определенных конкретно-исторически) «всех общественных отношений», и потому только «объяснял» мир тогда, когда дело идет об «изменении» его, т.-е. не понимал значения преобразующей практической деятельности.

Ди а л е к т и к а. В Гегелевской диалектике Маркс и Энгельс видели самое всестороннее, богатое содержанием и глубокое учение о развитии и признавали ее величайшим приобретением классической немецкой философии. Всякую иную формулировку принципа развития, эволюции, они считали односторонней, бедной содержанием, уродующей и калечащей действительный ход развития (нередко со скачками, катастрофами, революциями) в природе и обществе. «Мы с Марксом были едва ли не единственными людьми, поставившими себе задачу спасти» (от разгрома идеализма и гегелианства в том числе) «сознательную диалектику и перевести ее в материалистическое понимание природы». «Природа есть подтверждение диалектики, и как раз новейшее естествознание показывает, что это подтверждение необыкновенно богатое, накапливающее ежедневно массу материала и доказывающее, что дела обстоят в природе в последнем счете диалектически, а не метафизически».

«Великая основная мысль, — пишет Энгельс, — что мир состоит не из готовых, законченных предметов, а представляет собой совокупность процессов, в которой предметы, кажущиеся неизменными, равно как и делаемые головой мысленные их

снимки, понятия, находятся в непрерывном изменении, то возникают, то уничтожаются, — эта великая основная мысль со времени Гегеля до такой степени вошла в общее сознание, что едва ли кто-нибудь станет оспаривать ее в ее общем виде. Но одно дело — признавать ее на словах, другое дело — применять ее в каждом отдельном случае и в каждой данной области исследования». «Для диалектической философии нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем видит она печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед нею, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему. Она сама является лишь простым отражением этого процесса в мыслящем мозгу». Таким образом диалектика, по Марксу, есть «наука об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления».

Эту, революционную, сторону философии Гегеля воспринял и развил Маркс. Диалектический материализм «не нуждается ни в какой философии, стоящей над прочими науками». От прежней философии остается «учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика». А диалектика, в понимании Маркса и согласно также Гегеля, включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией, которая должна рассматривать свой предмет равным образом исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от незнания к познанию.

Материалистическое понимание истории. Сознание непоследовательности, незавершенности, односторонности старого материализма привело Маркса к убеждению в необходимости «согласовать науку об обществе с материалистическим основанием и перестроить ее соответственно этому основанию». Если материализм вообще объясняет сознание из бытия, а не наоборот, то в применении к общественной жизни человечества материализм требовал объяснения общественного сознания из общественного бытия. «Технология, — говорит Маркс («Капитал», I), — вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и проистекающих из них духовных представлений». Цельную формулировку основных положений материализма, распространенного на человеческое общество и его историю, Маркс дал в предисловии к соч. «К критике пол. экон.» в следую-

щих словах: «В общественном производстве своей жизни (*In der gesellschaftlichen Production ihres Lebens*) люди вступают в определенные, необходимые, от их воли независящие, отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или, что является только юридическим выражением этого, с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социального переворота. С изменением экономической основы происходит, медленнее или быстрее, переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче—от идеологических форм, в которых люди сознают этот конфликт и борются между собой на почве его. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворотов по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями... В общих чертах азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения составляют последнюю антагонистическую форму общественного процесса производства»...

Материалистическое понимание истории, или, вернее, распространение материализма на область общественных явлений,

устранило два главных недостатка прежних исторических теорий. Во-первых, они в лучшем случае рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не исследуя того, чем вызываются эти мотивы, не улавливая объективной закономерности в развитии системы общественных отношений, не усматривая корней этих отношений в степени развития материального производства; во-вторых, прежние теории не охватывали как раз действий масс населения, тогда как исторический материализм впервые дал возможность с естественно-исторической точностью исследовать общественные условия жизни масс и изменения этих условий. Домарксовская «социология» и историография в лучшем случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса. Маркс указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая совокупность всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных классов общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных «главенствующих» идей или в толковании их, вскрывая корни без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил. Люди сами творят свою историю, но чем определяются мотивы людей и именно масс людей, чем вызываются столкновения противоречивых идей и стремлений, какова совокупность всех этих столкновений всей массы человеческих обществ, каковы объективные условия производства материальной жизни, создающие базу всей исторической деятельности людей, каков закон развития этих условий, — на все это обратил внимание Маркс и указал путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса.

Что в каждом обществе стремления одних членов идут вразрез с стремлениями других членов его, что общественная жизнь полна противоречий, что история показывает нам борьбу между народами и обществами, а также внутри их, а кроме того, еще смену периодов мира и войн, революции и реакции, застоя и быстрого прогресса или упадка, — эти факты общеизвестны. Маркс дал руководящую нить, позволяющую открыть закономерность в этом кажущемся лабиринте и хаосе, именно: теорию классовой борьбы. Только изучение совокупности стремлений всех членов

данного общества или группы обществ способно привести к научному определению результатов этих стремлений. А источником противоречивых стремлений является различие в положении и условиях жизни тех классов, на которые каждое общество распадается. «История всех до сих пор существовавших обществ, — пишет Маркс в «Манифесте» 1847 г. (за исключением истории первобытной общины, — добавляет впоследствии Энгельс), — была историей борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся... переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся между собою классов... Вышедшее из недр погибшего феодального общества современное буржуазное общество не уничтожило классовых противоречий. Оно только поставило новые классы, новые условия угнетения и новые формы борьбы на место старых. Наша эпоха, эпоха буржуазии, отличается однако тем, что она упростила классовые противоречия: общество все более и более раскалывается на два большие враждебные лагеря, на два большие, стоящие друг против друга класса — буржуазию и пролетариат». Со времени Великой Французской Революции европейская история с особой наглядностью вскрыла в ряде стран эту действительную подкладку событий, борьбу классов. И уже эпоха реставрации во Франции выдвинула ряд историков (Тьерри; Гизо, Минье, Тьер), которые, обобщая происходящее, не могли не признать борьбы классов ключом к пониманию всей французской истории. А новейшая эпоха, эпоха полной победы буржуазии, представительных учреждений, широкого (если не всеобщего) избирательного права, дешевой, идущей в массы, ежедневной печати, эпоха могучих и все более широких союзов рабочих и союзов предпринимателей и т. д., — показала еще нагляднее (хотя и в очень иногда мирной, конституционной, форме) борьбу классов, как двигатель событий. В ряде исторических сочинений Маркс дал блестящие и глубокие образцы материалистической историографии, анализа положения каждого отдельного класса и иногда различных групп или слоев внутри класса, показывая воочию, почему и как «всякая классовая борьба есть борьба политическая». Приведенный нами отрывок иллюстрирует, какую сложную сеть общественных отношений и переходных ступеней от одного класса к другому, от прошлого к будущему

анализирует Маркс для учета всей равнодействующей исторического развития.

Наиболее глубоким, всесторонним и детальным подтверждением и применением теории Маркса является его экономическое учение.

Экономическое учение Маркса. «Конечной целью моего сочинения, — говорит Маркс в предисловии к «Капиталу», — является открытие экономического закона движения современного общества», т.-е. капиталистического общества. Исследование производственных отношений данного, исторически определенного, общества в их возникновении, развитии и упадке — таково содержание экономического учения Маркса. В капиталистическом обществе господствует производство товаров, и анализ Маркса начинается поэтому с анализа товара.

Стоимость. Товар есть, во-первых, вещь, удовлетворяющая какой-либо потребности человека; во-вторых, вещь, обмениваемая на другую вещь. Полезность вещи делает ее потребительной стоимостью. Меновая стоимость (или просто стоимость) является прежде всего отношением, пропорцией при обмене известного числа потребительных стоимостей одного вида на известное число потребительных стоимостей другого вида. Ежедневный опыт показывает нам, что миллионы и миллиарды таких обменов приравнивают постоянно все и всякие, самые различные и несравнимые друг с другом, потребительные стоимости одну к другой. Что же есть общего между этими различными вещами, постоянно приравниваемыми друг к другу в определенной системе общественных отношений? Общее между ними то, что они — продукты труда. Обменивая продукты, люди приравнивают самые различные виды труда. Производство товаров есть система общественных отношений, при которой отдельные производители создают разнообразные продукты (общественное разделение труда), и все эти продукты приравниваются друг к другу при обмене. Следовательно, тем общим, что есть во всех товарах, является не конкретный труд определенной отрасли производства, не труд одного вида, а абстрактный человеческий труд, человеческий труд вообще. Вся рабочая сила данного общества, представленная в сумме стоимостей всех товаров, является одной и той же человеческой рабочей силой: миллиарды фактов обмена доказывают это. И, следовательно, каждый отдельный товар представляется лишь известной долей обще-

ственно - необходимого рабочего времени. Величина стоимости определяется количеством общественно-необходимого труда, или рабочим временем, общественно-необходимым для производства данного товара, данной потребительной стоимости. «Приравнивая свои различные продукты при обмене один к другому, люди приравнивают свои различные виды труда один к другому. Они не сознают этого, но они это делают». Стоимость есть отношение между двумя лицами, как сказал один старый экономист; ему следовало лишь добавить: отношение, прикрытое вещной оболочкой. Только с точки зрения системы общественных производственных отношений одной определенной и исторической формации общества, притом отношений, проявляющихся в массовом, миллиарды раз повторяющемся явлении обмена, можно понять, что такое стоимость. «Как стоимость, товары суть лишь определенные количества застывшего рабочего времени». Проанализировав детально двойственный характер труда, воплощенного в товарах, Маркс переходит к анализу ф о р м ы с т о и м о с т и и д е н е г. Главной задачей Маркса является при этом изучение происхождения денежной формы стоимости, изучение исторического процесса развертывания обмена, начиная с отдельных, случайных актов его («простая, отдельная или случайная форма стоимости»: данное количество одного товара обменивается на данное количество другого товара) вплоть до всеобщей формы стоимости, когда ряд различных товаров обменивается на один и тот же определенный товар, и до денежной формы стоимости, когда этим определенным товаром, всеобщим эквивалентом, является золото. Будучи высшим продуктом развития обмена и товарного производства, деньги затушевывают, прикрывают общественный характер частных работ, общественную связь между отдельными производителями, объединенными рынком. Маркс подвергает чрезвычайно детальному анализу различные функции денег, при чем и здесь (как вообще в первых главах «Капитала»), в особенности важно отметить, что абстрактная и кажущаяся иногда чисто дедуктивной форма изложения на самом деле воспроизводит гигантский фактический материал по истории развития обмена и товарного производства. «Деньги предполагают известную высоту товарного обмена. Различные формы денег—простой товарный эквивалент или средство обращения, или средство платежа, сокровище и всемирные деньги—указывают, смотря по различным размерам при-

менения той или другой функции, по сравнительному преобладанию одной из них, на весьма различные ступени общественного процесса производства» («Капитал», I).

Прибавочная стоимость. На известной ступени развития товарного производства деньги превращаются в капитал. Формулой товарного обращения было: Т (товар)—Д (деньги)—Т (товар), т.-е. продажа одного товара для покупки другого. Общей формулой капитала является, наоборот, Д—Т—Д, т.-е. покупка для продажи (с прибылью). Прибавочной стоимостью называет Маркс это возрастание первоначальной стоимости денег, пускаемых в оборот. Факт этого «роста» денег в капиталистическом обороте общеизвестен: именно этот «рост» превращает деньги в капитал, как особое, исторически определенное, общественное отношение производства. Прибавочная стоимость не может возникнуть из товарного обращения, ибо оно знает лишь обмен эквивалентов, не может возникнуть и из надбавки к цене, ибо взаимные потери и выигрыши покупателей и продавцов уравновесились бы, а речь идет именно о массовом, среднем, общественном явлении, а не об индивидуальном. Чтобы получить прибавочную стоимость, «владелец денег должен найти на рынке такой товар, сама потребительная стоимость которого обладала бы оригинальным свойством быть источником стоимости», такой товар, процесс потребления которого был бы в то же самое время процессом создания стоимости. И такой товар существует. Это — рабочая сила человека. Потребление ее есть труд, а труд создает стоимость. Владелец денег покупает рабочую силу по ее стоимости, определяемой, подобно стоимости всякого другого товара, общественно-необходимым рабочим временем, необходимым для ее производства (т.-е. стоимостью содержания рабочего и его семьи). Купив рабочую силу, владелец денег вправе потреблять ее, т.-е. заставлять ее работать целый день, скажем, 12 часов. Между тем рабочий в течение 6 часов («необходимое» рабочее время) создает продукт, окупающий его содержание, а в течение следующих 6 часов («прибавочное» рабочее время) создает неоплаченный капиталом «прибавочный» продукт, или прибавочную стоимость. Следовательно, в капитале, с точки зрения процесса производства, необходимо различать две части: постоянный капитал, расходуемый на средства производства (машины, орудия труда, сырой материал и т. д.),—стоимость его (сразу или по частям) без изменения переходит на готовый продукт, и переменный капитал, рас-

ходуемый на рабочую силу. Стоимость этого капитала не остается неизменной, а возрастает в процессе труда, создавая прибавочную стоимость. Поэтому для выражения степени эксплуатации рабочей силы капиталом надо сравнивать прибавочную стоимость не со всем капиталом, а только с переменным капиталом. Норма прибавочной стоимости, как называет Маркс это отношение, будет, например, в нашем примере $\frac{2}{3}$, т.-е. 100%.

Исторической предпосылкой возникновения капитала является, во-первых, накопление известной денежной суммы в руках отдельных лиц при высоком сравнительно уровне развития товарного производства вообще и, во-вторых, наличность «свободного» в двояком смысле рабочего, свободного от всяких стеснений или ограничений продажи рабочей силы и свободного от земли и вообще от средств производства, бесхозяйного рабочего, рабочего «пролетария», которому нечем существовать, кроме как продажей рабочей силы.

Увеличение прибавочной стоимости возможно путем двух основных приемов: путем удлинения рабочего дня («абсолютная прибавочная стоимость») и путем сокращения необходимого рабочего дня («относительная прибавочная стоимость»). Анализируя первый прием, Маркс разворачивает грандиозную картину борьбы рабочего класса за сокращение рабочего дня и вмешательства государственной власти за удлинение рабочего дня (XIV—XVII в.в.) и за сокращение его (фабричное законодательство XIX в.) После того, как появился «Капитал», история рабочего движения всех цивилизованных стран мира дала громадное количество новых фактов, иллюстрирующих эту картину.

Анализируя производство относительной прибавочной стоимости, Маркс исследует три основные исторические стадии повышения производительности труда капитализмом: 1) простую кооперацию; 2) разделение труда и мануфактуру; 3) машины и крупную промышленность. Насколько глубоко вскрыты здесь Марксом основные типичные черты развития капитализма, видно, между прочим, из того, что исследования русской так наз. «кустарной» промышленности дают богатейший материал по иллюстрации двух первых из названных трех стадий. А революционизирующее действие крупной машинной индустрии, описан-

ное Марксом в 1867 г., обнаружилось в течение полувека, истекшего с тех пор, на целом ряде «новых» стран (Россия, Япония и др.).

Далее. В высшей степени важным и новым является у Маркса анализ накопления капитала, т.-е. превращения части прибавочной стоимости в капитал, употребление ее не на личные нужды или причуды капиталиста, а на новое производство. Маркс показал ошибку всей прежней классической политической экономии (начиная с Ад. Смита), которая полагала, что вся прибавочная стоимость, превращаемая в капитал, идет на переменный капитал. На самом же деле она распадается на средства производства плюс переменный капитал. Громадное значение в процессе развития капитализма и превращения его в социализм имеет более быстрое возрастание доли постоянно-го капитала (в общей сумме капитала) по сравнению с долей переменного капитала.

Накопление капитала, ускоряя вытеснение рабочих машин, создавая на одном полюсе богатство, на другом—нищету, порождает и так наз. «резервную рабочую армию», «относительный избыток» рабочих, или «капиталистическое перенаселение», принимающее чрезвычайно разнообразные формы и дающее возможность капиталу чрезвычайно быстро расширять производство. Эта возможность в связи с кредитом и накоплением капитала в средствах производства дает, между прочим, ключ к пониманию кризисов перепроизводства, периодически наступавших в капиталистических странах сначала в среднем каждые 10 лет, потом в более продолжительные и менее определенные промежутки времени. От накопления капитала на базисе капитализма следует отличать так наз. первоначальное накопление: насильственное отделение работника от средств производства, изгнание крестьян с земли, захват общинных земель, систему колоний и государственных долгов, покровительственных пошлин и т. д. «Первоначальное накопление» создает на одном полюсе «свободного» пролетария, на другом—владельца денег, капиталиста.

«Историческую тенденцию капиталистического накопления» Маркс характеризует в следующих словах («Капитал», I): «Экспроприация непосредственных производителей производится с самым беспощадным вандализмом и под действием самых низких побуждений, самых грязных, самых мелочно-злых страстей. Част-

ная собственность, добытая собственным трудом и знаменующая собою, так сказать, срастание отдельного независимого работника с условиями его труда, вытесняется капиталистической частной собственностью, основанной на эксплуатации чужого, но формально свободного труда... Дальнейшее обобществление труда и дальнейшее превращение земли и других средств производства в средства производства, общественно эксплуатируемые, т.-е. сообща применяемые, иными словами, дальнейшая экспроприация частных собственников облекается в новую форму. Теперь подлежит экспроприации уже не рабочий, ведущий самостоятельное хозяйство, но капиталист, эксплуатирующий многих рабочих. Эта экспроприация совершается в силу действия имманентных законов самого капиталистического производства, посредством централизации капиталов. Один капиталист побивает многих. Рука об руку с этой централизацией, или экспроприацией многих капиталистов немногими, в все более и более широких, крупных размерах, развиваются кооперативная форма процесса труда, сознательное техническое применение науки, планомерная эксплуатация земли, превращение орудий труда в такие, которые могут быть прилагаемы лишь сообща, благодаря употреблению всех средств производства, как средств комбинированного общественного труда, происходит их экономизирование, наконец, совершается вовлечение всех народов в сеть мирового рынка, и таким образом устанавливается международный характер капиталистического режима. Вместе с постоянным уменьшением числа магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем и возмущения рабочего класса, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой... Отрицание капиталистического производства производится им же самым с неизбежностью естественного процесса»

В высшей степени важным и новым является, далее, данный Марксом во II томе «Капитала» анализ воспроизведений общественного капитала, взятого в целом. И здесь Маркс берет не ин-

дивидуальное, а массовое явление, не дробную частичку экономии общества, а всю эту экономию в совокупности. Исправляя указанную выше ошибку классиков, Маркс делит все общественное производство на два больших отдела: I—производство средств производства и II—производство предметов потребления, и детально рассматривает, на взятых им числовых примерах, обращение всего общественного капитала в целом как при воспроизводстве в прежних размерах, так и при накоплении. В III томе «Капитала» разрешен вопрос об образовании средней нормы прибыли на основе закона стоимости. Великим шагом вперед экономической науки является то, что анализ при этом ведется Марксом с точки зрения массовых экономических явлений, всей совокупности общественного хозяйства, а не с точки зрения отдельных казусов или внешней поверхности конкуренции, чем ограничивается часто вульгарная политическая экономия или современная «теория предельной полезности». Сначала Маркс анализирует происхождение прибавочной стоимости и затем уж переходит к ее распадению на прибыль, процент и поземельную ренту. Прибыль есть отношение прибавочной стоимости ко всему вложенному в предприятие капиталу. Капитал «высокого органического строения» (т.-е. с преобладанием постоянного капитала над переменным в размерах выше среднего общественного) дает норму прибыли ниже среднего. Капитал «низкого органического строения» — выше среднего. Конкуренция между капиталами, свободный переход их из одной отрасли в другую сведет в обоих случаях норму прибыли к средней. Сумма стоимостей всех товаров данного общества совпадает с суммой цен товаров, но в отдельных предприятиях и отдельных отраслях производства товары, под влиянием конкуренции, продаются не по их стоимостям, а по ценам производства (или производственным ценам), которые равняются затраченному капиталу плюс средняя прибыль.

Таким образом общеизвестный и бесспорный факт отступления цен от стоимостей и равенства прибыли вполне объяснен Марксом на основе закона стоимости, ибо сумма стоимостей всех товаров совпадает с суммой цен. Но сведение стоимости (общественной) к ценам (индивидуальным) происходит не простым, не непосредственным, а очень сложным путем: вполне естественно, что в обществе разрозненных товаропроизводителей, связанных лишь рынком,

закономерность не может проявляться иначе, как в средней, общественной, массовой закономерности, при взаимопогашении индивидуальных уклонений в ту или другую сторону.

Повышение производительности труда означает более быстрый рост постоянного капитала по сравнению с переменным. А так как прибавочная стоимость есть функция одного лишь переменного капитала, то понятно, что норма прибыли (отношение прибавочной стоимости ко всему капиталу, а не к его переменной только части) имеет тенденцию к падению. Маркс подробно анализирует эту тенденцию и ряд прикрывающих ее или противодействующих ей обстоятельств. Не останавливаясь на передаче чрезвычайно интересных отделов III тома, посвященных ростовщическому, торговому и денежному капиталу, мы перейдем к самому главному: к теории *п о з е м е л ь н о й р е н т ы*. Цена производства земледельческих продуктов в силу ограниченности площади земли, которая вся занята отдельными хозяевами в капиталистических странах, определяется издержками производства не на средней, а на худшей почве, не при средних, а при худших условиях доставки продукта на рынок. Разница между этой ценой и ценой производства на лучших почвах (или при лучших условиях) дает разностную, или *д и ф ф е р е н ц и а л ь н у ю*, ренту. Анализируя ее детально, показывая происхождение ее при разнице в плодородии отдельных участков земли, при разнице в размерах вложения капитала в землю, Маркс вполне вскрыл (см. также «Теории прибавочной стоимости», где особого внимания заслуживает критика Родбертуса) ошибку Рикардо, будто дифференциальная рента получается лишь при последовательном переходе от лучших земель к худшим. Напротив, бывают и обратные переходы, бывает превращение одного разряда земель в другие (в силу прогресса агрикультурной техники, роста городов и пр.), и глубокой ошибкой, взваливанием на природу недостатков, ограниченностей и противоречий капитализма, является пресловутый «закон убывающего плодородия почвы». Затем, равенство прибыли во всех отраслях промышленности и народного хозяйства вообще предполагает полную свободу конкуренции, свободу перелива капитала из одной отрасли в другую. Между тем частная собственность на землю создает монополию, помеху этому свободному переливу. В силу этой монополии продукты сельского хозяйства, отличающегося более низким строением

капитала и, следовательно, индивидуально более высокой нормой прибыли, не идут в вполне свободный процесс выравнивания нормы прибыли; собственник земли, как монополист, получает возможность удержать цену выше средней, а эта монопольная цена рождает абсолютную ренту. Дифференциальная рента не может быть уничтожена при существовании капитализма, абсолютная же может, например, при национализации земли, при переходе ее в собственность государства. Такой переход означал бы подрыв монополии частных собственников, означал бы более последовательное, более полное проведение свободы конкуренции в земледелии. И поэтому радикальные буржуа, отмечает Маркс, выступали в истории неоднократно с этим требованием. Замечательно популярно, сжато и ясно изложил сам Маркс свою теорию средней прибыли на капитал и абсолютной земельной ренты в письме к Энгельсу от 2 августа 1862 г. (см. «Переписку», т. III, стр. 77—81. Ср. также письмо от 9 авг. 1862 г. там же, стр. 86—87). К истории поземельной ренты важно также указать на анализ Маркса, показывающего превращение ренты отработочной (когда крестьянин своим трудом на земле помещика создает прибавочный продукт) в ренту продуктами или натурой (крестьянин на своей земле производит прибавочный продукт, отдавая его помещику в силу «вне-экономического принуждения»), затем в ренту денежную (та же рента натурой, превращенная в деньги, «оброк» старой Руси, в силу развития товарного производства) и, наконец, в ренту капиталистическую, когда на место крестьянина является предприниматель в земледелии, ведущий обработку при помощи наемного труда. В связи с этим анализом «генезиса капиталистической поземельной ренты» следует отметить ряд глубоких (и особенно важных для отсталых стран, как Россия) мыслей Маркса об эволюции капитализма в земледелии. «Превращению натуральной ренты в денежную не только сопутствует неизбежно, но даже предшествует образование класса неимущих поденщиков, нанимающихся за деньги. В период возникновения этого класса, когда он появляется еще только спорадически, у более зажиточных, обязанных оброком крестьян естественно развивается обычай эксплуатировать за свой счет сельских наемных рабочих совершенно подобно тому, как в феодальные времена зажиточные крепостные крестьяне сами, в свою очередь, держали крепостных. У этих крестьян развивается таким образом постепенно возможность накапливать

известное имущество и превращаться самим в будущих капиталистов. Среди старых владельцев земли, ведущих самостоятельное хозяйство, возникает, следовательно, рассадник капиталистических арендаторов, развитие которых обусловлено общим развитием капиталистического производства вне сельского хозяйства» («Капитал», III², 332). «Экспроприация и изгнание из деревни части сельского населения не только «освобождает» для промышленного капитала рабочих, их средства к жизни, их орудия труда, но и создает внутренний рынок» («Капитал», I², 778). Обнищание и разорение сельского населения играет, в свою очередь, роль создания резервной рабочей армии для капитала. Во всякой капиталистической стране «часть сельского населения находится поэтому постоянно в переходном состоянии к превращению в городское или мануфактурное (т.-е. не земледельческое) население. Этот источник относительного избыточного населения течет постоянно. Сельского рабочего сводят к наинизшему уровню заработной платы, и он всегда стоит одной ногой в болоте пауперизма» («Капитал», I², 668). Частная собственность крестьянина на землю, обрабатываемую им, есть основа мелкого производства и условие его процветания, приобретения им классической формы. Но это мелкое производство совместимо только с узкими, примитивными рамками производства и общества. При капитализме «эксплоатация крестьян отличается от эксплуатации промышленного пролетариата лишь по форме. Эксплоататор—тот же самый капитал. Отдельные капиталисты эксплуатируют отдельных крестьян посредством гипотек и ростовщичества; класс капиталистов эксплуатирует класс крестьян посредством государственных налогов». «Парцелла (мелкий участок земли) крестьянина представляет только предлог, позволяющий капиталисту извлекать из земли прибыль, процент и ренту, предоставляя самому землевладельцу выручать, как ему угодно, свою заработную плату». Обычно крестьянин отдает даже капиталистическому обществу, т.-е. классу капиталистов, часть заработной платы, опускаясь «до уровня ирландского арендатора—под видом частного собственника». В чем состоит «одна из причин того, что в странах с преобладающим мелким крестьянским землевладением цена на хлеб стоит ниже, чем в странах с капиталистическим способом производства»? В том, что крестьянин отдает обществу (т.-е. классу капиталистов) даром часть прибавочного про-

дукта. Следовательно, такая низкая цена хлеба есть «следствие бедности производителей, а ни в коем случае не результат производительности их труда». Мелкая поземельная собственность, нормальная форма мелкого производства, деградируется, уничтожается, гибнет при капитализме. Возражения, встреченные в этом вопросе теорией Маркса см. в ст. Земельный вопрос. См. далее ст. Экономика, рабочее движение, социализм. Библиогр. Маркса см. в приложении *).

Энциклопедический словарь

Граната, том XXVIII.

За подписью В. Ильин.

*) См. след. статью. Р е д.

Библиография марксизма.

Л и т е р а т у р а. Полное собрание сочинений и писем Маркса не издано еще. На русский язык переведена большая часть произведений Маркса, чем на какой-либо другой язык. Нижеследующий перечень этих произведений составлен в хронологическом порядке. К 1841 г. относится диссертация Маркса о философии Эпикура (вошла в посмертное издание «Литературное наследство», о нем ниже). В этой диссертации Маркс стоит еще вполне на идеалистически-гегелианской точке зрения. К 1842 г. относятся статьи Маркса в «Рейнской Газете» (Кёльн; вошли частью в «Лит. насл.»). Здесь намечается переход Маркса от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму. В 1844 г. выходит в Париже под редакцией Маркса и Арнольда Руге «Немецко-Французский Ежегодник», где вышеуказанный переход совершается окончательно. В нем помещены статьи Маркса: «Введение в критику Гегелевской философии права» (кроме «Лит. насл.», есть отдельное издание брошюрой) и «К еврейскому вопросу» (тоже; брошюра в изд. «Знание»). В 1845 г. Маркс и Энгельс издают вместе (во Франкфурте-н.-М.) брошюру: «Святое семейство. Против Бруно Бауэра и К-о» (кроме «Лит. насл.», есть по русски два отдельн. изд.). К весне 1845 г. относятся тезисы Маркса о Фейербахе (напеч. в прилож. к брошюре Фр. Энгельса «Людвиг Фейербах»; есть русский перевод). В 1845—1847 г.г. Маркс писал ряд статей (б. ч. не собранных, не переизд. и не переведенных на русский) в газетах: «Vorwärts» изд. в Париже, «Brusseler deutsche Zeitung» (1847), «Das westphälische Dampfboot» (Bielefeld 1845—1848). «Der Gesellschaftsspiegel» (1846, Elberfeld). К 1847 г. относится «Нищета философии». «Ответ на «Философию нищеты» г. Прудона» (по-русски 3 издания). В 1848 г. издана в Брюсселе «Речь о свободе торговли» (есть русский перевод) и затем в Лондоне, в сотрудничестве с Фр. Энгель-

сом, переведенный едва ли не на все языки Европы и частью других стран мира, «Манифест Коммунистической партии» (русских переводов около 8, некоторые под другими заглавиями: «Общественные классы и коммунизм», «Капитализм и коммунизм», «Философия истории»; полный и наиболее точный перевод этого, а равно и других произведений Маркса см. в заграничных изданиях б. ч. группы «Освобождение Трудя»). С 1/VI 1848 г. по 19/V 1849 г. выходила в Кёльне «Новая Рейнская Газета», главным редактором которой фактически был Маркс. Многочисленные статьи Маркса в этой газете не переизданы полностью. Наиболее важные вошли в «Литерат. насл.». Отдельной брошюрой многократно издавались статьи Маркса из этой газеты «Наемный труд и капитал» (по-русски 4 изд.). Из той же газеты: «Либералы у власти» (пер.). В 1849 г. Маркс издал в Кёльне «Два политических процесса» (две защитительные речи Маркса, оправданного судом присяжных по обвинениям в преступлении печати и в призыве к вооруженному сопротивлению правительству; русск. пер.). В 1850 г. Маркс издал в Гамбурге 6 №№ журнала «Новая Рейнская Газета». Важнейшие статьи отсюда вошли в «Лит. насл.». Особенно замечательны переизданные Энгельсом в 1895 г. брошюрой статьи Маркса: «Классовая борьба во Франции с 1848 до 1850 г.». (пер. отдельно, а также в сборнике: «Собрание истор. работ», пер. Базарова и Степанова). В 1852 г. в Нью-Йорке вышла брошюра Маркса: «Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта» (русск. пер. в только что названных сборниках). В том же году в Лондоне: «Разоблачения относительно Кёльнского процесса коммунистов», (пер.). С августа 1851 по 1862 г.г. *) Маркс был постоянным сотрудником нью-йоркской газеты «Трибуна» («The New York Tribune»), где многие из его статей появились без подписи, как редакционные. Особенно замечательны статьи: «Революция и контр-революция в Германии», переизданные, после смерти Маркса и Энгельса, в немецком переводе (пер. в двух сборниках Базарова и Степанова и отдельно). Некоторые из статей Маркса в «Трибуне» изданы были в Лондоне отдельными брошюрами, например, о Пальмерстоне в 1856 г.—«Разоблачения относительно дипломатической истории XVIII века» (о постоянной корыстной зависимости

*) Энгельс в биографии Маркса, «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», и Бернштейн в статье о Марксе в 11-м изд. Британской Энциклопедии 1911 г. ошибочно указывают 1853—1860 г.г. См. переписку Маркса и Энгельса, изданную в 1913 г.

английских министров либеральной партии от России) и др. После смерти Маркса его дочь Элеонора Эвелинг издала ряд статей его из «Трибуны» по восточному вопросу под заглавием: «The Eastern Question», London 1897 («Восточный вопрос». Не переведено на русский). С конца 1854 г. и в течение 1855 г. Маркс сотрудничал в газете «Neue Oder Zeitung», а в 1861—1862 г.г. в венской газете «Presse». Статьи эти не собраны и лишь частью появились в «Neue Zeit», как и многие письма Маркса. То же относится к статьям Маркса из газеты «Das Volk» (Лондон, 1859 г.) относительно дипломатической истории итальянской войны 1859 г. В 1859 г. в Берлине вышло сочинение Маркса: «К критике политической экономии» (русский перевод, Москва 1896 г., под ред. Мануилова, и Спб. 1907 г., пер. Румянцева). В 1860 г. в Лондоне вышла брошюра Маркса: «Herr Vogt». В 1864 г. в Лондоне вышло написанное Марксом «Обращение Международного Товарищества Рабочих» (пер.).—Маркс был автором многочисленных манифестов, обращений и резолюций Генерального Совета Интернационала. Весь этот материал далеко еще не разработан и даже не собран. Первым приступом к этой работе является книга Г. Иекка: «Интернационал» (русс. пер. Спб. 1906, изд. «Знания»), где напечатаны, между прочим, некоторые письма Маркса и составленные им проекты постановлений. К числу написанных Марксом документов Интернационала относится манифест Генерального Совета по поводу Парижской Коммуны, вышедший в 1871 г. в Лондоне отдельной брошюрой под заглавием: «Гражданская война во Франции» (пер.). К эпохе 1862—1874 г.г. относится переписка Маркса с членом Интернационала Кугельманом (два издания в русском переводе, одно—перевод А. Гойхбарга, другое под ред. Ленина). В 1867 г. в Гамбурге вышло в свет главное сочинение Маркса—«Капитал. Критика политической экономии». Т. I. Второй и третий томы изданы после смерти Маркса Энгельсом в 1885 и 1894 г.г. На русском языке первый том вышел в трех переводах—в пер. Даниельсона, 1-е изд. 1872 г., 2-е—1898 г., в пер. Е. А. Гурвич и Л. М. Зака, под ред. Струве, 1-е изд.—1899 г., 2-е—1905 и один под ред. Базарова и Степанова. Томы II и III вышли в пер. Даниельсона (менее удовлетворительный) и в переводе, под редакцией Базарова и Степанова (лучший). В 1876 г. Маркс принял участие в составлении книги Энгельса «Анти - Дюринг» («Herrn Eugen Dürings Umwälzung der Wissenschaft»), просмотрев в руко-

писи все сочинение и написав целиком главу, посвященную истории политической экономии.

Затем, после смерти Маркса, были изданы следующие его произведения: «Критика Готской программы» (Спб. 1906 г., немецки в «Neue Zeit» 1890—1891, № 18); «Заработная плата, цена и прибыль» (доклад, читанный 26 июня 1865 г.; «Neue Zeit» XVI, 1897—1898, пер.); «Литературное наследство К. Маркса, Фр. Энгельса и Ф. Лассалья», 3 тома. Штуттг. 1902 (русский пер. под ред. Аксельрода и др. 2 т. т. Спб. 1908; I том еще под ред. Е. Гурвич, Москва 1907; отдельно изданы письма Лассалья к Марксу, вход. в «Лит. насл.»); «Письма К. Маркса, Ф. Энгельса и др. к Зорге» (два изд. по-русски, одно под ред. Аксельрода, другое с пред. Ленина, изд. Дауге); «Теории прибавочной стоимости», 3 т. в 4-х частях, Штуттгарт, 1905—1910, изданная Каутским рукопись четвертого тома «Капитала» (русск. пер. только первого тома в трех изданиях, Спб. 1906, под ред. Плеханова; Киев 1906, под редакцией Железнова; Киев 1907, под ред. Тучапского). В 1913 г. вышли в Штуттгарте 4 больших тома «Переписки Карла Маркса и Фр. Энгельса», содержащие 1.386 писем за период времени с сентября 1844 по 10 января 1883 г. и дающие массу в высшей степени ценного материала к изучению биографии и воззрений Карла Маркса.

Л и т е р а т у р а о М а р к с е и м а р к с и з м е необычайно велика. В. Зэмбарт в своем «Ein Beitrag zur Bibliographie des Marxismus» (Archiv für Sozialwiss., XX, 2 Heft (1905), S. S. 413—430) приводит 300 названий в далеко не полном списке. Для пополнения его см. «Neue Zeit» указатели за 1883—1907 г.г. и последующие годы. Затем см. S t a m m h a m m e r, «Bibliographie des Sozialismus und Kommunismus», Bd. I—III (1893—1909). Далее, для детальной библиографии марксизма можно указать еще: «Bibliographie der Sozialwissenschaften». Berlin. Jahrgang 1, 1905 und f.f. См. также Н. А. Р у б а к и н а «Среди книг» (II т., 2-е изд.). Мы приводим здесь лишь наиболее существенное.

По вопросу о б и о г р а ф и и М а р к с а следует указать прежде всего на статьи Ф р. Э н г е л ь с а в «Volskalender», изданном Бракке в Брауншвейге в 1878 г., и в «Handw. d. Staatswiss. В. Л и б к н е х т, «К. М.» (пер.); П. Л а ф а р г «Мои воспоминания о К. М.» (перев.); «Памяти Карла Маркса», сборник статей (Спб. 1908). Обширная биография Маркса на английском языке, составленная американским социалистом Спарго (Spargo,

«K. Marx, his life and work», London 1911), неудовлетворительна. Общий обзор деятельности Маркса смотри К. К а u t s k y, «Die historische Leistung von K. Marx. Zum 25 Todestag des Meisters» (Brl. 1908, русск. пер.). Сравни также популярную брошюру К л а r a Z e t k i n, «Karl Marx und sein Lebenswerk» (1913). Воспоминания о М. ср. А н н е н к о в а («Воспоминания», т. III, «Замечательное десятилетие», 1882) и К а р л а Ш у р ц а в «Русском Богатстве», 1906, XII, М. К о в а л е в с к о г о в «Вестнике Европы», 1909, VI и след. По вопросу о философии марксизма и об историческом материализме лучшее изложение у Г. В. П л е х а н о в а, «За 20 лет» (Спб. 1909, 3-е изд.); «От обороны к нападению» (Спб. 1910); «Основные вопросы марксизма» (Спб. 1908); «Критика наших критиков» (Сиб. 1906); «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (Сиб. 1908) и др. соч.; А н т о н и о Л а б р и о л а, «К вопросу о материалистическом взгляде на историю» (р. п., Спб. 1898); с г о ж е: «Исторический материализм и философия» (русск. пер., Спб. 1906); Л. А к с е л ь р о д, «Философские очерки. Ответ философским критикам исторического материализма» (Спб. 1906). Специальная защита неудачных отступлений Дицгена от марксизма у Е. U n t e r m a n n, «Die logischen Mängel des engeren Marxismus» (München 1910, 753 стр., обширный, но несерьезный труд); H u g o R i e k e s, «Die philosophische Wurzel des Marxismus» в «Zeitschr. f. gesamte Staatswissenschaft», 1906, 3 Heft, интересная работа противника Марксовых взглядов, показывающего их философскую цельность с точки зрения материализма; В е п п о E r d m a n n, «Die philosophischen Voraussetzungen der materialistischen Geschichtsauffassung» в «Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft», 1907, 3 Heft, очень полезная формулировка некоторых основных положений философского материализма Маркса и свод возражений с ходячей точки зрения кантианства и агностицизма вообще; R. S t a m m l e r, «Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung», 2-е изд. 1906 (кантианец); В о л ь т м а н, «Историч. материализм», р. пер., 1901 (так-же кантианец); Ф о р л е н д е р, «Кант и Маркс» (русск. пер., Спб. 1909). Ср. также полемику между А. Б о г д а н о в ы м, В. Б а з а р о в ы м и др. («Очерки по философии марксизма», Спб. 1908, А. Б о г д а н о в, «Падение великого фетишизма», Москва 1909 и др. соч.) и В. И л ь и н ы м («Материализм и эмпириокритицизм», Спб.

1909). По вопросу об историческом материализме и этике: К. Каутский, «Этика и материалистическое понимание истории» (русс. пер., Спб. 1906), и многочисленные другие произведения Каутского. Затем Л. Б. Б у д и н, «Теоретическая система Карла Маркса в свете новейшей критики». Перевод с английского, под редакц. В. Засулич (Спб. 1908); Ф р. М е р и н г, «Об историческом материализме» (р. пер. 1906; 2-е изд. «Просвещения» и «Молота»); е г о ж е, «Легенда о Лессинге», р. пер., 1908 («Знание»). Ср. также (немарксист) Ш. А н д л е р, «Коммунистический Манифест. История, введение, комментарий» (русс. пер., 1906); «Исторический материализм», сборник перев. статей Энгельса, Каутского, Лафарга и мн. др., изд. в Спб. в 1908 г.; H e r m a n n G o r t e r, «Der historische Materialismus» (1909). Из сочинений противников марксизма укажем: М. Т у г а н - Б а р а н о в с к и й, «Теоретические основы марксизма» (Спб. 1907), М а с с а р и к, «Философ. и социологические основания марксизма» (пер. с нем., 1900); С. П р о к о п о в и ч, «К критике Маркса» (Спб. 1901); H a m m a c h e r, «Das philosophisch-oekonomische System des Marxismus» (Lpz., 1910, собрание цитат); В. З о м б а р т, «Социализм и социальное движение в XIX веке» (пер.); M a x A d l e r (кантианец), «Kausalität und Teleologie» (Wien. 1909: «Marx-Studien») и «Marx als Denker». Достоянна внимания книга идеалиста, гегельянца G i o v. G e n t i l e, «La filosofia di Marx» (Pisa 1899)—автор отмечает некоторые важные стороны материалистической диалектики Маркса, обычно ускользающие от внимания кантианцев, позитивистов и т. п., и L e v u, «Feuerbach» — об одном из главнейших философских предшественников Маркса.— По вопросу об экономическом учении М.—К. Каутский, «Экономическое учение К. Маркса» (многочисленные русские издания); е г о ж е, «Аграрный вопрос», «Эрфуртская программа» и многочисленные брошюры. Сравни еще Б е р н ш т е й н, «Экономическое учение Маркса, III том «Капитала» (русс. пер., 1905); Г а б р и э л ь Д е в и л ь, «Капитал» (изложение I тома «Капитала», русск. пер., 1907). Представителем так наз. р е в и з и о н и з м а среди марксистов по аграрному вопросу является Э. Д а в и д, «Социализм и сельское хозяйство» (русс. пер., 1902). Критику ревизионизма см. у В. И л ь и н а, «Аграрный вопрос», ч. I, Спб. 1908. См. также В. И л ь и н, «Развитие капитализма в России» 2 изд. Спб. 1908 и е г о ж е,

«Экономические этюды и статьи», Спб. 1899. Применение взглядов Маркса, с некоторыми отступлениями, к новейшим данным об аграрных отношениях во Франции у *Comptre-Morel*, «La question agraire et le socialisme en France» (Paris 1912). Дальнейшее развитие экономических взглядов Маркса в применении к новейшим явлениям хозяйственной жизни см. у *Гильффердинга*, «Финансовый капитал» (русс. пер., Спб. 1911); исправление существенных неправильностей в взглядах автора на теорию стоимости см. у *Каутского* в «*Neue Zeit*», 1912, «*Gold, Papier und Ware*». В известных пунктах отстывает от марксизма *П. Маслов*, «Аграрный вопрос» (2 т.) и «Теория развития народного хозяйства» (Спб. 1910). Критику некоторых из этих отступлений см. у *Каутского* в «*Neue Zeit*», XXIX, 1, 1911, статья: «Мальтузианизм и социализм». Критика экономического учения Маркса с точки зрения широко распространенной среди буржуазных профессоров теории «предельной полезности»: *Böhm-Bawerk*, «*Zum Abschluss des Marxschen Systems*» (Brl. 1896). Далее см. *Riekes*, «*Wert und Tauschwert*» (1899); *v. Bortkiewicz*, «*Wertrechnung und Preisrechnung im Marxschen System*» («*Archiv für Sozialwissenschaft*», 1906—1907), *Leov. Buch*, «*Über die Elemente d. polit. Oekonomie*». I Theil. «*Intensität der Arbeit, Wert und Preis*» (изд. также по-русски).

По вопросу о двух главных направлениях в истолковании и развитии марксизма, «ревизионистском» и радикальном («ортодоксальном»), см. *Эд. Бернштейн*, «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» (нем. orig. Stuttg. 1899; русск. пер. «Исторический материализм», Спб. 1901; «Социальные проблемы», М. 1901, ср. также его же, «Очерки из истории и теории социализма», русский пер., Спб. 1902). Ответ ему: *К. Каутский*, «Бернштейн и с.-д. программа» (по-нем. Stuttg. 1899; русск. пер. 4-е изд., 1905—1906 г.г.). Из французской марксистской литературы: *Jules Guesde*, «*Quatre ans de lutte des classes*», «*En garde*», «*Questions d'aujourd'hui*» (Paris 1911); *P. Lafargue*, «*Le déterminisme économique de K. Marx*» (Paris 1909).

По вопросу о Марксовой теории накопления капитала новая работа *Rosa Luxemburg*, «*Die Akkumulation des Kapitals*» (Brl. 1913) и разбор ее неправильного толкования теории Маркса у *Otto Bauer*, «*Die Akkumulation des Kapitals*»

(«Neue Zeit», 1913); Eckstein в «Vorwärts» (1913) и Pannekock в «Bremer Bürger Zeitung» (1913).

Из старой русской литературы о Марксе укажем, Б. Чичерин, «Немецкие социалисты», в «Сборнике государственных знаний» Безобразова, Спб. 1888, и «История политических учений», ч. 5, М. 1902, стр. 156; ответ Зибера: «Немецкие экономисты сквозь очки г. Чичерина» в «Собрании сочинений», т. II, Спб. 1900; Г. Слонимский, «Экономическое учение К. Маркса» (Спб. 1898); Н. Зибер, «Давид Рикардо и К. Маркс в их общественно-экономических исследованиях» (Спб. 1885) и «Собрание сочинений», 2 тома (Спб. 1900); рецензию И. Кауфмана (И. К-на) на «Капитал» в «Вестнике Европы» 1872.

Русские народники о марксизме: Н. К. Михайловский в «Русском Богатстве» 1894, № 10; 1895 №№ 1 и 2, перепеч. в Собр. соч.—по поводу «Критических заметок» П. Струве (Спб. 1894), разобранных с марксистской точки зрения К. Тулиным (В. Ильин) в «Материалах к характеристике нашего хозяйственного развития» (Спб. 1895, уничтожено цензурой), перепечатано у В. Ильина, «За 12 лет» (Спб. 1908)³⁸. Далее из народнической литературы: В. В., «Наши направления» (Спб. 1892); его же, «От 70-х годов к 900-м» (Спб. 1907); Николай —о и, «Очерки нашего пореформенного и общественного хозяйства» (Спб. 1893); В. Чернов, «Марксизм и аграрный вопрос» (Спб. 1906); его же, «Философские и социологические этюды» (Спб. 1907). Кроме народников, отметим еще: Н. Кареев, «Старые и новые этюды об историческом материализме» (Спб., 1896, 2-е изд. 1913 г.).

Критику Маркса с точки зрения анархизма см. В. Черкезов, «Доктрины марксизма» (переизд. 1905); В. Текер, «Вместо книги» (р. пер., 1907); синдикализма—Сорель, «Социальные очерки современной экономии» (русс. пер., 1908).

Энциклопедический словарь

Граната, т. XXVIII.

За подписью В. Ильин.

4.000 рублей в год и 6-часовой рабочий день.

Таков боевой клич американских сознательных рабочих. У нас—говорят они—есть только один политический вопрос, а это—вопрос о доходе рабочих и об их рабочем дне.

Русскому рабочему на первый взгляд покажется крайне странным и непонятным такое сведение всех социальных и политических вопросов к одному. Но в Соединенных Штатах Америки, в самом передовом государстве с почти полной политической свободой и наиболее развитыми демократическими учреждениями, при громадных успехах производительности труда,—вполне естественно, что вопрос о социализме выдвигается на первую очередь.

В Америке, благодаря полной политической свободе, есть возможность подсчитывать все производство богатств в стране, делать статистический отчет производства лучше, чем где бы то ни было. И этот подсчет, основанный на бесспорных данных, показывает, что в Америке имеется, круглым счетом, 15 миллионов рабочих семей.

Вместе взятые, эти рабочие семьи производят ежегодно предметов потребления на 60 миллиардов, т.-е. 60 тысяч миллионов рублей. Это дает по 4 тысячи рублей в год на рабочую семью.

Но в настоящее время, при капиталистическом общественном устройстве, только половина этого громадного производства, только тридцать тысяч миллионов, достается рабочим, которые составляют девять десятых населения. Другую половину берет себе класс капиталистов, составляющий со всеми своими защитниками и захребетниками всего одну десятую долю населения.

В Америке, как и в других странах, свирепствует безработица и все усиливается дороговизна жизни. Нужда рабочих становится все мучительнее и нестерпимее. Американская статистика показала, что о к о л о л о в и ы всех рабочих заняты н е п о л н о е рабочее время. А какая еще бездна общественного

труда растрачивается благодаря сохранению бессмысленного, отсталого, раздробленного, мелкого производства, особенно в земледелии и в торговле!

Применение машин в Америке, благодаря полной политической свободе и отсутствию крепостников-помещиков, развито сильнее, чем где бы то ни было в мире. В Америке в одной обрабатывающей промышленности сила машин определяется, в сумме взятая, в 18 м и л л и о н о в паровых лошадиных сил. А в то же время исследование всех источников силы в виде падения воды показало,—по отчету 14 марта 1912 года,—что Америка может сразу, благодаря превращению силы падающей воды в электричество, получить еще 60 м и л л и о н о в лошадиных сил.

Страна необъятно богата уже теперь, и она может сразу у т р о и т ь свои богатства, у т р о и т ь производительность своего общественного труда, обеспечивая этим в с е м рабочим семьям сносную, достойную разумного человеческого существа, высоту дохода и не чрезмерную длину рабочего дня, в 6 часов ежедневно.

Но, благодаря капиталистическому общественному устройству, рядом с ужасной безработицей и нищетой в больших городах Америки, да и в деревнях тоже,—рядом с расхищением попусту человеческого труда—мы видим неслыханную роскошь миллиардеров, богачей, состояние которых исчисляется миллиардами, тысячами миллионов.

Американский рабочий класс быстро просвещается и сплачивается в могучую пролетарскую партию. Сочувствие к ней растет среди всех трудящихся. Работая при помощи превосходных машин, видя на каждом шагу чудеса техники и великолепные успехи труда от организации крупного производства, наемные рабы Америки начинают ясно сознавать свои задачи и ставить простые, очевидные, ближайшие требования: добиться 4.000 рублей дохода каждой рабочей семье и 6-часового рабочего дня.

В каждой цивилизованной стране мира эта цель американских рабочих является тоже вполне достижимой целью; но для этого требуются основные условия свободы в стране...

И нет иного пути к свободному будущему, кроме как через их собственную, рабочую организацию, просветительную, профессиональную, кооперативную и политическую.

*«Пролетарская Правда» № 19,
от 1 января 1914 г.
За подписью И.*

Либеральное развращение рабочих.

Бойкот или, вернее, хлесткая радикальная болтовня, которая все больше становится единственным содержанием ликвидаторских писаний, нередко заслоняет от внимания читателей принципиальную проповедь ликвидаторов. Либеральным рабочим политикам как раз этого и хочется: чтобы за шумом, треском, фейерверком общерадикальной фразы незаметно проглатывались буржуазные пошлости прот и в марксистской организации.

Но сознательных рабочих не обманет трескотня игрушечных «политических кампаний», предпринимаемых разрушителями рабочей организации. Сознательным рабочим дорога прежде всего и больше всего в каждом органе печати его принципиальность. Чему на деле учат рабочих под прикрытием «оппозиционных» выходов и выкриков, под прикрытием защиты интересов рабочих?— вот самый главный, коренной и, собственно говоря, единственно существенный вопрос для мыслящего рабочего. Ибо мыслящий рабочий знает, что всего опаснее в роли советчиков именно те либеральные друзья рабочих, которые берутся защищать их интересы, на деле разрушая классовую самостоятельность пролетариата и его организацию.

Поэтому нашим прямым долгом является раскрытие рабочим глаз на то, как разрушают ее ликвидаторы. Взгляните, например, на программную новогоднюю передовицу ликвидаторского органа. Нам повествуют:

Рабочий класс идет к открыто действующей политической партии пролетариата, достаточно сильной и широкой для того, чтобы ни один политический режим не мог ставить ее в положение исключительного бесправия, не мог лишить ее возможности выполнять ее нормальные функции политического руководства.

Вот вам «н о р м а л ь н а я» либеральная болтовня во всей ее прелести! Ни один толковый либерал не откажется поднять обе руки за эту превосходную формулу, которою ликвидаторская газета п р и к р ы в а е т то, что она «идет» и стремится к разрушению всего, что с таким трудом достигнуто в деле марксистского сплочения пролетариатом в течение последних двух десятилетий.

А дальше еще откровеннее:

Путь к открытой политической партии действия есть в то же время путь к партийному единству.

Тысячу и тысячу раз, в самых формальных, самых торжественных заявлениях еще в 1908 г., еще в 1910 году, было заявлено, что подобные речи есть отречение от старого, ликвидация его. А г.г. ликвидаторы, не смущаясь, тянут свою песенку, надеясь кое-каких темных-претемных людей обмануть криком об «единстве».

Изменники всему марксистскому прошлому, кричащие об «открытой партии»,—и «единство»!.. Ведь это издевательство над сознательными рабочими. Ведь это издевательство даже над той «августовской» конференцией 1912 года, на которой горстка наивных людей поверила в отречение ликвидаторов от позорного либерального лозунга открытой партии.

Но в том-то и суть, что кампания либеральных писак, все эти г.г. Ф. Д., Гаммы, Л. М., Эм-Эль ³⁹⁾, Ракитины и пр. и пр. ведут свою либеральную борьбу за разрушение марксистской организации, сознательно не считаясь с резолюциями и 1908 и 1910 годов, стремясь обмануть несознательных рабочих. Дескать, найдутся еще темные люди, которые поверят посулам «открытой партии» и не поймут, что это—просто разновидность либеральной борьбы против существования действительной марксистской организации! И пока есть темные люди, кучка либеральных писак, ликвидирующих прошлое, будет обдeldывать свое нечистое дельце, сколько бы ей ни повторяли, что «единство» с этими разрушителями и дезорганизаторами есть нелепость и обман.

Новогодний «передовик» ликвидаторской газеты вовсе не стоит одиноко. За ним идут все ликвидаторы, например, г. П. Картов в № 5 (123) «Новой Рабочей Газеты» *), который уверяет, что

преодоление (всех тех препон, которые ставятся на пути к организации рабочих съездов) и есть не что иное, как самая доподлинная борьба за свободу коалиций, т.-е. за легальность рабочего движения, тесно связанного с борьбой за открытое существование рабочей с.-д. партии.

*) А вчерашний № 1 «Северной Рабочей Газеты» в своей передовице снова повторяет ту же ликвидаторскую основную мысль:

Ни один либерал и даже ни один октябрист не откажет в своем сочувствии борьбе за легальность рабочего движения! Ни один либерал не возразит ни звука против «открытой партии», он даже поддержит ее проповедников, как лучших своих пособников в деле одурачения рабочих.

Выполняя свой долг, мы не устанем повторять сознательным рабочим: проповедь открытой рабочей партии есть пустая либеральная болтовня, развращающая рабочих и разрушающая марксистскую организацию. Существование и развитие ее не в о з м о ж н о без решительной и беспощадной борьбы с людьми, все усилия которых направлены на разрушение того марксистского организма, в который подъем последних двух лет влил новые здоровые жизненные соки.

*«Путь Правды» № 9
от 31 января 1914 г.
За подписью К. Т.*

Письмо в редакцию.

В своем письме, помещенном в № 16 «Новой Рабочей Газеты», А. Богданов скрыл главную причину своего расхождения с «Правдой».

Эта причина—та, что А. Богданов с давних лет выступает противником философии марксизма и защищает буржуазно-идеалистические взгляды против материализма Маркса и Энгельса.

По этой причине марксисты-большевики считали долгом выступить против Богданова уже несколько лет тому назад. По этой же причине против Богданова ведут литературную борьбу

«Лишь на арене о т к р ы т о г о д в и ж е н и я, только всестороннее развитие деятельности на этой арене может углубить русло классового движения, обогатить его содержание, усложнить его методы и поднять сознательность масс на высоту уровня стоящих перед рабочим классом исторических задач. Только смело раздвигая рамки деятельности на этой арене, можно действительно бороться за установление единства в рабочем движении».

и далее «Северная Рабочая Газета» еще раз подчеркивает свое отношение к этому лозунгу «открытой партии»:

«Рабочая газета является одним из наиболее верных средств для такого раздвигания рамок открытой самостоятельности масс, для заполнения этой самостоятельности классовым содержанием».

марксисты-меньшевики в лице Г. В. Плеханова. Наконец, по этой же причине произошел разрыв Богданова даже с так называемой группой «Вперед».

Мы, действительно, с самого начала сотрудничества Богданова в «Правде» сомневались в том, чтобы он удержался от перенесения своей борьбы против философии марксизма на страницы рабочей газеты. И А. Богданов, к сожалению, поспешил подтвердить наши опасения. Поместив в «Правде» несколько популярных статей на безобидные темы, он вскоре прислал в редакцию статью «Идеология», в которой—в самой «популярной» форме—начал борьбу против философии марксизма. Редакция отказалась печатать эту антимарксистскую статью. Из-за этого и произошел конфликт.

Мы советуем А. Богданову, вместо жалоб на «семейные» нравы, напечатать указанную статью под заглавием «Идеология» (ликвидаторская газета, конечно, не откажет антимарксистской статье в гостеприимстве). И тогда все марксисты увидят, в чем действительное наше расхождение с Богдановым, о котором он в своем пространном письме не сказал ни слова.

Мы полагаем, что рабочие создали свою газету для того, чтобы она защищала марксизм, а не для того, чтобы позволять в ней извращать марксизм в духе буржуазных «ученых».

Мы очень рады также, что А. Богданов еще раз поднял вопрос о своей летней статье в «Правде» по поводу группы «Вперед». Раз А. Богданов этого хочет, он получит (в журнале «Просвещение») самое подробное разъяснение того, сколько неправды было в этой статье и какую массу вреда принесла рабочему движению в России эта авантюристическая группа.

В. Ильин.
Г. Зиновьев.
К. Каменев.

*«Путь Правды» № 9
от 31 января 1914 г.*

Предисловие к сборнику: „Марксизм и ликвидаторство“.

Предлагаемый читателю сборник составлен из статей, написанных в 1909—1914 годах. Это—как раз та эпоха рабочего движения в России, когда оно переживало особенно большие трудности. Марксисты не удовлетворялись, однако, и не могли удовлетвориться простым указанием на эти трудности, простыми жалобами на всеобщий развал, распад и т. д. Требовалось определить, каковы экономические и политические причины развала с точки зрения особого этапа в капиталистическом развитии России, каково классовое значение наиболее широкого течения, выражавшего этот распад, именно течения ликвидаторского.

Основной ответ на этот важнейший для рабочего движения вопрос дан марксистами в виде вполне точных, оформленных и официальных решений в декабре 1908 года. Эти решения надо было разъяснять, распространять, применять к повседневным вопросам экономического и политического движения. В статьях, которые мы собрали в настоящем сборнике,—к сожалению, далеко не в полном виде, в силу причин, «от редакции независящих»,—и дается эта разработка.

В настоящее время, после почти двухлетнего существования марксистской ежедневной печати в Петербурге, вопрос о значении и об оценке ликвидаторства, не только в теории, но и на практике, всецело уже передан—если можно так выразиться—на решение самих рабочих. И это—громадное счастье для рабочего движения России и великий признак его зрелости. Сами сознательные рабочие доискиваются и доищутся правды, определяют классовое значение ликвидаторства, проверяют практикой своего массового движения оценку его, выработают целесообразные приемы борьбы с ним.

На помощь всем рабочим, которые интересуются судьбами движения своего класса, хотели бы мы притти изданием настоящего сборника. Статьи размещены здесь не в хронологическом порядке, а по темам, в порядке (приблизительном) перехода от теории к практике.

На первую очередь (1-й отдел) поставлены основные вопросы, без решения которых не может быть и речи об осмысленной так-

тике и политике вообще. Здесь читатель найдет оценку исторического момента и классового значения борьбы марксистских течений,—затем, разбор вопроса о гегемонии пролетариата в связи с критикой главного «труда» ликвидаторов («Общественное движение»),—наконец, статьи по вопросу о «левении» буржуазии.

Далее идут (2-ой отдел) статьи об избирательной кампании, об итоге выборов в IV Думу и о думской тактике.

Следующее место (3-й отдел) занимает вопрос об «открытой партии» и неразрывно связанный с ним вопрос об единстве.

Четвертый отдел посвящен либеральной рабочей политике в различных ее применениях. После общей оценки реформизма здесь разбираются вопросы о «частичных требованиях», о «свободе коалиций», о стачечном движении, об отношении ликвидаторов к либералам и обратно.

Наконец, последняя тема (5-й отдел)—ликвидаторы и рабочее движение. Здесь читатель найдет и оценку одним из вождей ликвидаторства (Кольцовым) в его главном труде рабочего движения 1905—1907 годов,—и разбор вопроса об отношении рабочих к ликвидаторам на практике,—и наиболее злободневный материал к истории образования Российской Социал-Демократической Рабочей Фракции в Думе.

В «заключении» сделана попытка подведения некоторых общих итогов по вопросу о борьбе течений в современном рабочем движении.

Позволяем себе надеяться, что наш сборник облегчит рабочим нахождение и изучение данных по спорным вопросам. Разумеется, мы не могли привести очень многого и очень важного. С другой стороны, в сборнике статей разных авторов за целый ряд лет неизбежны повторения. Есть, конечно, и индивидуальные оттенки между авторами. Но все их статьи в целом являются лишь комментарием (толкованием), применением оформленных марксистских решений, признание которых отличает, между прочим, сознательных организованных рабочих-марксистов от ликвидаторов рабочей партии и от людей, отпадающих от нее. Уяснение и проверка этих решений, облегчение необходимых, может быть, с течением времени исправления и дополнения их—такова одна из наших главных целей.

II. 1914.

Сборник «Марксизм и ликвидаторство», часть II.

За подписью: Авторы.

От редакции к статье тов. Ветерана: „Национальный вопрос и латышский пролетариат“.

С удовольствием помещаем статью т. Ветерана ⁴⁰⁾, дающего исторический очерк национального вопроса у латышей вообще и латышских с.-д. в особенности. Проекты изменений или дополнений к решению летнего (1913 г.) совещания со стороны латышских марксистов были бы весьма желательны. У латышских с.-д. были давние симпатии к Бунду, которые начали колебаться, во-первых, вследствие теоретической критики марксистов; во-вторых, вследствие практического сепаратизма бундовцев в особенности после 1906 года. Пожелаем, чтобы дискуссия среди латышских с.-д. по национальному вопросу продолжалась и привела к принятию вполне определенных решений

По существу замечаний т. Ветерана отметим лишь следующее. Ему кажется неубедительной наша ссылка на Швейцарию, ибо там все три нации—исторические и равноправные с самого начала. Но для «наций без истории» негде искать (если не в утопии) примера и образца, как среди наций исторических. А равноправие наций предполагают сами сторонники «культурно-национальной автономии». Следовательно, опыт цивилизованного человечества говорит нам, что при условии действительного равноправия наций и последовательного демократизма «культурно-национальная автономия» излишня; а без этих условий она остается утопичной, и пропаганда ее является проповедью утонченного национализма.

*«Просвещение» № 2,
февраль 1914 г.*

Вождь ликвидаторов о ликвидаторских условиях „единства“.

Всякий кризис какого-либо движения, всякий поворотный пункт в нем бывает особенно интересен (и особенно полезен для участников движения) тем, что резко и ясно проявляются основные тенденции, основные законы движения.

Решение М. С. Бюро об устройстве «обмена мнений» всех фракций рабочего движения в России знаменует тоже известный кризис или поворотный пункт движения. «Лойяльно» — по выражению резолюции М. С. Бюро, — т.-е. искренне «обменяться мнениями» перед авторитетной международной коллегией — вещь безусловно полезная. Она заставит всех пояснее, поглубже взглянуть на ход рабочего движения в России.

Надо быть особенно и чрезвычайно благодарным известному вождю ликвидаторов, г-ну Ф. Дану, что он сам выступил в № 108 «Новой Рабочей Газеты» с замечательно ценным, прикрытым лишь легонькой вуалью условности и стыдливости, изложением своих взглядов на «объединение». Лучшее приветствие г-ну Ф. Дану! Гораздо приятнее беседовать с самим противником, чем с путаными или бессильными посредниками и т. п.!

Г. Ф. Дан, с похвальной откровенностью, излагает и сравнивает две точки зрения на объединение: одну, «глубоко ошибочную», он отвергает; другую одобряет и проводит.

Вот как излагает сам г. Ф. Дан первую точку зрения:

Можно рассуждать так: разногласия среди с.-д. их течений в России ничтожны. Поэтому, исходя из их ничтожества, нужно, при помощи Интернационала, придумать какую-либо организацию форму объединения, — будь то федерация, или известная нормировка, ограничение правоспособности всякого большинства. Раз будет найдена приемлемая внешняя форма «единства», то сами собой «изживутся» ничтожные разногласия — стерпится, слюбится!

Эту точку зрения г. Ф. Дан называет «глубоко ошибочной», не называя почему-то ее сторонников (Троцкого, Каутского и всех «примиренцев» вообще). Должно быть вуаль условности или стыдливости помешала г. Ф. Дану назвать общеизвестные имена сторонников этой «глубоко ошибочной» идеи! Но скрывание правды полезно на деле лишь противникам рабочего класса!

Итак, взгляды примиренцев «глубоко ошибочны». Почему?

Отвечая на этот вопрос, г. Ф. Дан троекратно обертывает вуалью свое стыдливое личико. «Взорвет, — говорит он, — приведет к распаду», «велики ли или малы разногласия»!!

Эта, дважды подчеркнутая нами, фраза выдает г. Ф. Дана целиком. Шила даже в мешке, а не то, что в «вуали», не утаишь.

При вашей большой откровенности, г. Ф. Дан, маленькие увертки бесполезны и смешны. Одно из двух: н и ч т о ж н ы разногласия или н е н и ч т о ж н ы? Говорите же прямо. Середины тут нет, ибо речь идет именно о том, в о з м о ж н о единство (д а, в о з м о ж н о, если разногласия ничтожны или малы), или невозможно (н е т, н е в о з м о ж н о, если разногласия н е «ничтожны»).

Осудивши точку зрения «ничтожества» разногласий, г. Ф. Дан тем самым признал, что разногласия существенны. Но сказать это прямо он испугался (что скажет «семерка»? Что скажут Троцкий, бундовцы, Ан и все примиренцы?). Свой ответ он постарался запрятать в длинные, предлинные, скучные, прескучные рассуждения о в т о р о й точке зрения на единство.

Однако и из этих длинных рассуждений легко извлечь короткую суть дела:

«Эта платформа» (т.-е. желательная для г. Ф. Дана, присмелемая для него) «должна обеспечить не-ленинцам полную возможность, в пределах единой социал-демократии, пропагандировать и вести борьбу за открытое существование социал-демократии».

Довольно! Вполне довольно, г. Ф. Дан! Вот это — суть дела, а не фразы, не декламация.

Обеспечить ликвидаторам полную возможность борьбы против подполья — вот к чему сводится «платформа» г. Ф. Дана, ибо всякий прекрасно понимает, что под фиговым листком «борьбы за открытое существование» хогят спрятать давно всем рабочим известную борьбу против «подполья».

Вот в чем суть дела, а все эти Троцкие, Аны, бундисты, примиренцы, «семерочники» и пр., все это — добрые люди, но политические ноли. Суть дела в группе г-на Ф. Дана, в «старой» ликвидаторской группе.

Разногласия марксистской организации с этой группой абсолютно непримиримы, ибо не может быть и речи о соглашении (не говоря уже о единстве) не только с отрицателями «подполья», но и с сомневающимися на этот счет. Рабочие давно поняли эту суть дела г.г. ликвидаторов, снявших с постов на всех поприщах рабочего движения.

Была пора, когда ликвидаторов марксистская организация осуждала (1908—1909) ⁴¹⁾. Эта пора давно прошла. Была пора, когда марксистская организация объявляла прощение и мир всем, готовым отречься от ликвидаторства (1910—1911) ⁴²⁾. Эта

пора давно прошла. Была пора, когда марксистская организация восстанавливала свою организацию против ликвидаторов (1912—1913) ⁴³). Эта пора тоже прошла. Наступила новая пора, когда марксистская организация завоевала подавляющее большинство сознательных рабочих против всех и всяческих ликвидаторов с их союзниками вместе..

Бесспорнейшие факты доказали это. С 47% в рабочей курии на выборах во II Думу большевики поднялись до 50% в III-ю Думу и до 67% в IV (осень 1912 г.). За 21 мес., с 1 января 1912 г. по 1-е октября 1913 года, партия сплотила две тысячи рабочих групп, а ликвидаторы и все их союзники только полтысячи. Г.г. Ф. Дан и его друзья не только не пытались опровергнуть бесспорных фактов, но сами устами г. Ракитина в «Нашей Заре» признали, что рабочие массы за большевиками.

Ясно, что просто издевается над «единством» тот, кто предлагает марксистской организации «платформу», дающую ликвидаторам «полную возможность» ликвидировать эту организацию!— тот, кто «во имя единства» не желает признавать и уважать воли огромного большинства сознательных рабочих.

.Хотите единства? Признайте безоговорочное отречение от ликвидаторства, от «борьбы за открытое существование», признайте лойяльно подчинение большинству. Не хотите?—вольному воля, но тогда не плачьтесь через несколько месяцев совсем без рабочих, если сделаетесь уже не «около-партийными», а «около-кадетскими» интеллигентами.

«Путь Правды» № 12

от 4 февраля 1914 г.

За подписью К. Т. —

К истории национальной программы в Австрии и в России.

В Австрии национальная программа социал-демократии обсуждалась и принята на съезде в Брюнне в 1899 году. Чрезвычайно распространено ошибочное мнение, будто на этом съезде принята так называемая «культурно-национальная автономия». Наоборот. Она единогласно отклонена на этом съезде.

Южно-славянские социал-демократы предложили Брюннскому съезду (см. стр. XV официальных протоколов на немецком языке) программу культурно-национальной автономии, выраженную следующим образом:

(§ 2) «каждый живущий в Австрии народ, без отношения к занимаемой его членами территории, составляет автономную группу, которая совершенно самостоятельно ведает всеми своими национальными (языковыми и культурными) делами».

Подчеркнутые нами слова выражают суть «культурно-национальной автономии» (иначе называемой экстерриториальной) особенно ясно: государство должно закрепить разграничение наций в школьном и т. п. деле, при свободной записи каждого в любую нацию.

Эту программу защищали на съезде и Кристан, и влиятельный Элленбоген. Но потом ее сняли. За нее не было ни одного голоса. Вождь партии, Виктор Адлер, сказал: «...я сомневаюсь, чтобы кто-нибудь в настоящее время считал этот план практически осуществимым» (стр. 82 проток.).

Из принципиальных возражений было сделано Прейслером такое: «предложения т.т. Кристана и Элленбогена привели бы к тому результату, что шовинизм был бы увековечен и внесен в каждую мельчайшую общину, в каждую малейшую группу» (стр. 927 там же).

В принятой Брюннским съездом программе относящийся сюда § 3 гласит:

самоуправляющиеся области одной и той же нации образуют вместе национально единый союз, который решает свои национальные дела вполне автономно.

Это—программа т е р р и т о р и а л и с т и ч е с к а я, которая прямо исключает поэтому, например, еврейскую культурно-национальную автономию. Главный теоретик «культурно-национальной автономии», Отто Бауэр, посвятил специальную главу своей книги (1907 г.) доказательству невозможности требовать «культурно-национальной автономии» для евреев.

По существу заметим, что марксисты стоят за полную свободу союзов, в том числе и союзов любых национальных областей (уездов, волостей, деревень и т. п.); но закреплять законом государства единые национальные союзы внутри государства с.-д. никак не могут согласиться.

В России как раз в с е буржуазные партии еврейства (а также Бунд, фактически являющийся их подголоском) п р и н я л и отвергнутую всеми теоретиками Австрии и съездом австрийских с.-д. программу «экстерриториальной (культурно-национальной) автономии»!!

Этот факт, который бундовцы часто и по вполне понятной причине пытались отрицать, легко проверить справкой с известной книгой: «Формы национального движения» (Спб. 1910)—смотри также «Просвещение», 1913, № 3.

Этот факт показывает ясно, как более отсталая и более мелко-буржуазная общественная структура России привела к гораздо большему заражению части марксистов буржуазным национализмом.

Националистические шатания Бунда были осуждены формально и непрерываемо еще в т о р ы м (1903 г.) съездом, который п р я м о о т в е р г поправку бундовца Гольдблата о «создании учреждений, гарантирующих свободу развития национальностей» (псевдоним «культурно-национальной автономии»).

Когда на августовской, 1912 г., конференции ликвидаторов кавказские меньшевики,—до тех пор в течение десятилетия решительно боровшиеся с Бундом,—скатились сами к национализму, под влиянием всей н а ц и о н а л и с т и ч е с к о й атмосферы контр-революции, то осудили их в о в с е н е о д н и большевики. Осудил их решительно и меньшевик Плеханов, назвавший их решение «приспособлением социализма к национализму».

Кавказские товарищи,—писал Плеханов,—заговорившие о культурной автономии, вместо автономии политической, только засвидетельствовали о факте своего неразумного подчинения гегемонии Бунда.

«Культурно-национальная автономия», кроме буржуазных партий еврейства, Бунда и ликвидаторов, принята только конференцией мелко-буржуазных национальных партий лево-народнического направления. Но здесь приняли эту программу 4 партии («Серп»—социалистическая еврейская рабочая партия; белорусская громада, дашнакцутюн и грузинские социалисты-федералисты), а 2 самые крупные в о з д е р ж а л и с ь: воздержались и русские левонародники и польские «фраки» (П. П. С.)!

Русские левонародники в особенности высказывались против п р и н у д и т е л ь н ы х, государственно-правовых союзов национальностей в знаменитом бундовском плане.

Понятно из этой краткой исторической справки, почему и февральское и летнее совещание марксистов 1913 года решительно осудило мелко-буржуазную и националистическую идею «культурно-национальной автономии».

«Путь Правды» № 13

от 5 февраля 1914 г

За подписью М.

Сиятельный либеральный помещик о „новой земской России“.

За шумом ходячих либеральных фраз у нас слишком часто забывают действительную классовую позицию настоящих «хозяев» либеральной партии. Князь Евгений Трубецкой в № 12 «Русской Мысли» превосходно вскрывает эту позицию, показывая наглядно, до какой степени сблизились уже теперь у нас либеральные помещики Трубецкие и правые помещики Пуришкевичи во всех серьезных вопросах

Один из таких самых серьезных вопросов — Столыпинская аграрная политика. Сиятельный либеральный помещик говорит о ней:

С начала премьерства Столыпина все правительственные заботы о деревне определяются главным образом двумя мотивами: страхом пугачевщины, натворившей столько бед в 1905 году, и стремлением создать в противовес пугачевщине новый тип крестьянина — зажиточного, а потому дорожащего собственностью, не доступного революционной пропаганде...

Уже словечком «пугачевщина» наш либерал обнаруживает свое полное согласие с Пуришкевичами. Разница только та, что Пуришкевичи произносят это слово свирепо и с угрозами, а Трубецкие по-маиловски, приторно, мягко, с фразами о культуре, с отвратительно-лицемерными возгласами о «новой крестьянской общественности» и «демократизации деревни», с умильными речами о божественном.

Благодаря новой аграрной политике, гораздо быстрее, чем прежде, растет крестьянская буржуазия. Это бесспорно. Крестьянская буржуазия не может не расти при всяком политическом и при всяком аграрном строе России, ибо Россия капиталистическая страна, вполне втянутая в оборот мирового капитализма. Либеральный князек знал бы это, если бы имел хоть азбучные

сведения об «основных началах марксизма», о которых он говорит с бесконечным апломбом и с таким же бесконечным невежеством. Но князек все усилия направляет к тому, чтобы затушевать коренной вопрос о том, каково бывает развитие капитализма без всяких Пуришкевичей и при всевластии их класса. Князек захлебывается от успехов коопераций, травосеяния, от «подъема благосостояния», не говоря ни единого словечка ни о дороговизне жизни, ни о массовом разорении крестьян, ни об отчаянной нищете и голодовках, ни об отработках и т. п. «Крестьяне обуржуазиваются»—это князек видит и этим восторгается, а того, что они становятся наемными рабочими в условиях сохранения крепостнически-кабальных отношений, этого наш либеральный помещик видеть не хочет.

Первое соприкосновение интеллигенции,—пишет он,—с широкими крестьянскими массами имело место уже в 1905 году, но тогда оно имело совсем другой характер—разрушительный, а не созидательный. Тогда соединение происходило единственно в целях совместного разрушения старых форм жизни, а потому было поверхностным. Интеллигент-демагог не вносил своего самостоятельного содержания в крестьянское сознание и в крестьянскую жизнь, а скорее сам руководствовался инстинктами народных масс, льстил им, приспособляя к ним свою партийную программу и тактику.

Знакомые, Пуришкевичевские речи! Маленький пример: если на 2.000 десятин земли господ Трубецких устроить 80 крестьянских хуторов по 25 десятин, то это будет «разрушением»; а если устроить десяток-другой подобных хуторов на земле разоренных общинников, то это будет «созиданием». Не так ли, сиятельный князь? Не догадываетесь ли вы, что в первом случае Россия была бы действительно «буржуазно-демократической», а во втором она на долгие десятилетия остается Пуришкевичевской?

Но либеральный князь, прячась от неприятных вопросов, уверяет читателей, что крупные землевладельцы, распродавая земли, «скоро, очень скоро» окончательно исчезнут.

Если правительство своими мероприятиями не слишком ускорит будущую революцию, то, когда она наступит, вопрос о «принудительном отчуждении» вовсе перестанет быть вопросом, ибо уже почти нечего будет отчуждать.

По последней статистике министерства вн. дел, в 1905 году было 70 миллионов десятин, у 30.000 помещиков и столько же у 10.000.000 крестьян, но либеральному князю нет дела до этого! Уверять читателей, что Пуришкевичи исчезнут очень «скоро»,

ему надо для того, чтобы защитить Пуришкевичей. Его интересуется всерьез только то, что

людей, заинтересованных в собственности, в деревне будет достаточно, чтобы бороться не только против пугачевской, но и против всякой социалистической пропаганды.

Благодарим за откровенность!

«Каков же будет результат?»—спрашивает либеральный князь. «Перевоспитает ли правительство при помощи интеллигенции» (идущей в кооперативы и пр.) «крестьян в благонамеренных мелких помещиков или же, наоборот, интеллигенция, за счет правительственных ссуд, даст им воспитание?»

Князь ожидает, что не будет ни того, ни другого. Но это только лицемерный оборот речи. На деле он, как мы видели, всей душой стоит за перевоспитание крестьян в «благонамеренных мелких помещиков», уверяя, что «интеллигенция становится почвенной» и что для «демагогической аграрной программы» социалистов (в корне противоречащей—по мнению его сиятельства—«основным началам марксизма», не смейтесь, читатели!) не найдется места.

Неудивительны такие взгляды у помещика. Неудивительно его возмущение ростом атеизма и его богомольные речи. Удивительно, что есть еще на Руси такие глупые люди, которые не понимают, что, покуда такие помещики и такие политики задают тон во всей либеральной, в том числе в кадетской партии, до тех пор смешно надеяться, что действительное отстаивание народных интересов может происходить «при участии» либералов и кадетов.

*«Путь Правды» № 13
от 5 февраля 1914 г.*

Народничество и класс наемных рабочих.

Десятилетие со дня смерти либерально-народнического писателя, Михайловского, подало повод народникам поднять старый спор о значении марксистской борьбы с народниками. Этот спор представляет немалый интерес: во-первых, исторический, ибо речь шла здесь о возникновении марксизма в России; во-вторых, теоретический—спор касался основных вопросов теории марксизма; в-третьих, практический, поскольку левонарод-

ническая газета в Петербурге делает попытки привлечь рабочих на свою сторону. Народник г. Ракитников ⁴⁴⁾ пишет:

«Конечно, теперь никто не поставит вопроса в той форме, в какой он ставился в 60-х и 70-х годах: о миновании Россией фазы» (т.-е. ступени, полосы) «капитализма. Россия уже находится в этой фазе».

Это интересное заявление левонародника сразу вводит нас в «суть» вопроса. Верно ли, что о «миновании Россией фазы капитализма» говорили только в 60-х и 70-х годах? Нет, это совершенно не верно. И в 80-х и в 90-х годах об этом говорили народники вообще, писатели из журнала «Русское Богатство» (т.-е. из группы Михайловского) в особенности. Достаточно назвать, например, г. Николая — она.

Зачем же г. Ракитников скрывал от читателей 80-е и 90-е годы? Неужели только затем, чтобы прикрыть ошибки народников и тем облегчить их распространение среди рабочих? Прием это — весьма плохой и плохи дела у того, кто такие приемы употребляет.

Какое значение имеет теория о «миновании Россией фазы капитализма», теория Михайловского и его группы, державшаяся до 90-х годов прошлого века?

Эта теория была теорией утопического, мелкого буржуазного социализма, т.-е. мечтанием мелко-буржуазных интеллигентов, которые искали выхода из капитализма не в классовой борьбе наемных рабочих с буржуазией, а в воззвании их ко «всему народу», к «обществу», т.-е. к той же буржуазии.

Во всех странах, до возникновения рабочего движения преобладали такие учения «социализма», которые на деле были лишь мечтанием мелко-буржуазных теоретиков об избавлении от классовой борьбы, о том, чтобы обойтись без нее. Во всех странах, как и в России, сознательному рабочему движению пришлось выдержать упорную борьбу против подобных учений мелко-буржуазного, соответствующего положению и точке зрения мелких хозяйчиков, «социализма».

Рабочее движение не может существовать и развиваться успешно, пока не опровергнута эта теория добрых хозяйчиков о возможности «миновать» капитализм. Прикрывая коренную ошибку группы Михайловского, г. Ракитников тем самым запустывает теорию классовой борьбы. Между тем только

эта теория указала рабочим выход их из положения, указала, как сами рабочие могут и должны стремиться к своему освобождению.

«Россия уже находится в фазе капитализма»—пишет г. Ракитников.

Это замечательное признание равняется признанию коренной ошибки Михайловского и его группы.

Мало того. Оно равняется полному отречению от народничества.

Левонародники, согласные с этим признанием, борются с марксистами уже не как народники, а как оппортунисты в социализме, как сторонники мелко-буржуазных отступлений от социализма.

В самом деле, если «Россия находится уже в фазе капитализма», значит, Россия есть капиталистическая страна. Значит, в ней, как во всякой капиталистической стране, мелкие х о з я й ч и к и—в том числе и крестьяне—являются мелкими буржуа. Значит, в ней, как и во всякой капиталистической стране, только классовая борьба наемных рабочих с буржуазией является путем к осуществлению социализма.

Программа левонародников (не говоря уже об их друзьях из «Русского Богатства») до сих пор не решается признать Россию капиталистической страной. Г. Ракитников защищает народничество тем, что с д а е т марксистам программу народников! Ненадежная защита.

Г. Ракитников не по-народнически, а оппортунистически спорит с марксистами, говоря:

поддерживать крестьянское хозяйство отнюдь не значит прать против рожна неотвратимого экономического развития. И все больше социалистов на Западе становится именно на эту точку зрения.

Мы подчеркнули слова, головой выдающие бедного «левонародника»! Известно, что на Западе только класс наемных рабочих сумел, как класс, создать социалистические партии. Известно, что к р е с т ь я н с т в о на Западе, как класс, создаст не социалистические, а буржуазные партии. Известно, что не социалисты, а оппортунисты на Западе проводят поддержку хозяйства мелких буржуа.

«Поддерживать крестьянское хозяйство»!.. Посмотрите вокруг себя. Х о з я е в а-крестьяне устраивают союзы, чтобы продать подороже хлеб, сено, молоко, мясо, чтобы подешевле нанять

работников. Чем свободнее крестьяне, чем больше у них земли, тем яснее это видно.

Классу наемных рабочих г. Ракитников навязывает «поддержку хозяйства» мелких буржуа. Вот так «социализм»!!

Наемные рабочие поддерживают только борьбу крестьян с крепостниками и крепостничеством—это совсем, совсем не похоже на то, чего хочет г. Ракитников.

В России великие годы, 1905—1907, окончательно доказали, что класс наемных рабочих один только выступал и сплотился, как социалистическая сила. Крестьянство выступало и спланивалось, как буржуазно-демократическая сила. С каждым днем развития капитализма различие классов становится все сильнее.

«Левонародническая» проповедь сводится на деле к разращению и дезорганизации движения класса наемных рабочих мелко-буржуазными лозунгами. Лучше бы г.г. левые народники обратились к демократической работе среди крестьян—для этого годны и не социалисты.

«Путь Правды» № 15

от 18 февраля 1914 г.

За подписью В. И.

Крестьянство и наемный труд.

Нет более ходкой фразы у народников, как та, что марксисты «сшибают лбами» трудящихся, разделяя наемных рабочих от крестьян и противопоставая первым вторых. И нет фразы более лживой, прикрывающей защиту интересов хозяйчика, мелкого буржуа, эксплуататора наемных рабочих.

Вот интересные данные из Московского земско-статистического издания за 1913 год («Экономическо-статистический сборник», вып. VII, М. 1913). Московские статистики исследовали огородничество и садоводство в Московском уезде. Исследование охватило свыше 5.000 дворов, которые разделены статистиками на 7 районов по близости от Москвы и по степени интенсивности хозяйства (т.-е. затрате большего количества капитала и труда на каждую десятину земли).

Довольно подробно исследован вопрос с наемных рабочих у крестьян. Что же оказалось?

Общее число дворов, нанимающих рабочих, равняется 67% (т.-е. более двух третей всего числа дворов) в первых четырех районах; в остальных районах от 43% до 64%. Ясно отсюда, что подавляющее большинство крестьянских дворов под Москвой представляют из себя хозяйства маленьких капиталистов, нанимающих рабочих.

Еще интереснее данные о числе дворов, нанимающих годовых и сроковых рабочих. Процент таких дворов равнялся:

В I районе	26,6	проц.
» II »	16,7	»
» III »	16,4	»
» IV »	19,0	»
» V »	9,9	»
» VI »	5,0	»
» VII »	6,4	»

По общему правилу, чем интенсивнее район, тем выше процент крестьян с наймом годовых и сроковых рабочих.

Но данные о целых районах соединяют вместе бедных и богатых крестьян каждого района. Эти данные, следовательно, очень грубы и подкрашивают действительность, прикрывая противоположность нищеты и богатства, пролетариата и буржуазии.

Возьмем данные о группах хозяйств по землепользованию (т.-е. по количеству земли, находящейся в обработке). Эти данные гораздо надежнее, чем данные о наделном землевладении, которое до сих пор даже под Москвой сохраняет крепостнически казенный характер: среди малонаделных есть богачи, арендующие землю, а среди многонаделных есть беднота, сдающая наделы, и безземельная, вернее, бесхозяйная.

У бесхозяйных крестьян во всех районах процент нанимающих рабочих равен нулю. Это понятно. Бесхозяйный—сам пролетарий.

Крестьяне с хозяйством менее $\frac{1}{2}$ десятины земли: процент дворов с наемными рабочими колеблется от 0 (нуля) до 57% (мы берем одну из трех подгрупп, чтобы не усложнять дела).

Хозяева от $\frac{1}{2}$ до 1 десятины земли: дворов с наемными рабочими от 0 до 100%.

Хозяева с 1—3 десятинами земли: дворов с наемными рабочими от 46% до 100% (по разным районам).

Хозяева от 3 до 5 десятин земли: дворов с наемными рабочими от 66% до 97%

Хозяева от 5 до 10 десятин под обработкой: дворов с наемными рабочими от 73% до 100%.

Мы видим отсюда ясно, что бесхозяйные крестьяне—сами пролетарии (наемные рабочие). А чем значительнее хозяйство, тем чаще применяется эксплуатация наемного труда: даже у хозяев с 3—5 десятинами уже не менее $\frac{2}{3}$ всего числа хозяев—эксплоататоры наемного труда!!

Вот простой, общеизвестный и очевидный факт, который извращают народники. То, что происходит под Москвой, происходит—в более слабой степени—повсюду. Всякий знает, что каждый город, каждая верста железной дороги втягивает крестьянское хозяйство в торговый и капиталистический оборот. Только «левонародники» не хотят видеть разрушающей их мелшанскую теорию правды.

Эта правда состоит в том, что каждая верста железной дороги, каждая новая лавка в деревне, каждый кооператив, облегчающий закупку, каждая фабрика и т. д. втягивает крестьянское хозяйство в торговый оборот. А это значит, что крестьяне распадаются на пролетариев и хозяйчиков, которые нанимают наемных рабочих.

Ни одного улучшения в крестьянском хозяйстве не может быть, которое бы не усиливало эксплуатацию наемного труда улучшающимися хозяйствами.

Поэтому только марксисты отстаивают интересы труда, выделяя пролетариев, наемных рабочих, и в городе, и в деревне.

Народники же проводят (на деле) защиту интересов эксплуататоров наемной рабочей силы, когда толкуют о «крестьянстве», о «крестьянском хозяйстве», ибо чем больше крестьянин похож на «хозяина», тем сильнее эксплуатирует он наемный труд.

Интересы буржуазии (за которой слепо плетутся народники) требуют смешения крестьянского пролетариата с крестьянской буржуазией

Интересы пролетариата требуют борьбы с этим смешением, требуют ясной размежевки классов повсюду, в том числе и среди крестьян. Нечего обманывать себя и других, толкуя о «кре-

стьянстве»: надо учиться самим и учить крестьян тому, что даже среди крестьянства с каждым днем все глубже становится пропасть между пролетариатом и буржуазией.

*«Путь Правды» № 17
от 20 февраля 1914 г.
За подписью В. И.*

Г. Струве об „оздоровлении власти“.

Г. Струве принадлежит к числу наиболее откровенных контр-революционных либералов. Поэтому бывает часто очень поучительным присматриваться к политическим рассуждениям писателя, который особенно наглядно подтвердил марксистский анализ оппортунизма (ибо г. Струве, как известно, начал с оппортунизма, с «критики Маркса», а докатился в несколько лет до контр-революционного буржуазного национал-либерализма).

В январской книжке «Русской Мысли» г. Струве рассуждает об «оздоровлении власти». Он признает прежде всего б а н к р о т с т в о политики Столыпина, как и всей реакции 1907 — 1914 годов, и октябризма. Реакция «уперлась в кризис» — пишет г. Струве. Попытки попятных реформ, вроде превращения Думы в законосовещательную, поведут, по его мнению, к тому, что «поставят власть в то же самое положение, в котором она уже находилась до 1905 года» с тем существенным различием, что народ стал уже иным. «Симпатии и инстинкты народных масс в 1905 году переместились в сторону интеллигенции».

Это пишет один из «веховцев», горячий противник революции, сторонник самых мракобесных теорий. И он вынужден признать, что м а с с ы стали левыми, но прямее, яснее, точнее сказать, какие классы внутри этих масс к каким партиям примкнули, либерал не решаетя!

«Наш народ еще не сложился и еще не расчленился. То, что он долго был косным и как бы разом стал революционным, — ничего не говорит о том, чем он будет, когда все заложенные в нем возможности смогут развиваться».

Вот образец фраз, которыми буржуа п р и к р ы в а е т неприятные для них истины. Под народом здесь явно разумеется крестьянство, ибо буржуазия (не говоря уже о помещиках) и рабочий класс достаточно сложились, достаточно определились.

Прямо признать, что крестьянство буржуазное «еще не сложилось» несмотря на судорожные усилия новой аграрной политики, либерал не решается.

«Какой же выход из создавшегося положения?»—спрашивает г. Струве и отвечает: «Выходов может быть только два: либо постепенное нарастание государственной смуты, в которой средние классы и выражающие их умеренные элементы...» (итак, умеренные элементы «выражают» средние классы?—Это не очень грамотно, но довольно ясно в политическом отношении; какие же элементы «выражают» крестьянство и рабочих?) «вновь будут отеснены на задний план стихийным напором народных масс, вдохновляемых крайними элементами, либо оздоровление власти. Первый выход не подлежит сейчас нашему обсуждению. Мы сознательно стоим в русских условиях на точке зрения, исключающей для нас возможность как действительно стремиться к этому выходу, так даже просто желать его»... (Благодарим за откровенность, г. Струве! Вот бы нашим ликвидаторам у кого поучиться прямоте и откровенности, чем ходить кругом да около, подобно Л. Мартову в январской «Нашей Заре».)

«...Поэтому нам остается только ставить прямо перед общественным сознанием второй выход, как такую очередную проблему, которая должна быть осуществлена совокупными усилиями всех прогрессивных и в то же время охранительных сил».

О втором выходе ничего, кроме пустых фраз, абсолютно ничего г. Струве сказать не может. Буржуазия за умеренность, массы за «крайность», — это либерал вынужден был признать. А о том, какова социальная структура (строй, устройство) «власти», подлежащей оздоровлению, какова ее классовая опора, куда делись помещики, безраздельно царившие и правившие до буржуазии, обо всем этом г. Струве боится даже подумать. Беспомощность, бессилие, безыдейность—вот неизбежные черты либеральной буржуазии, пока она пресмыкается (как г. Струве и К-о) перед Пуришкевичами.

«Как это странно,—пишет г. Струве,—но ничего в такой мере нельзя пожелать власти, как забыть о том, что были когда-то те события и факты и настроения, которые принято обозначать, как русскую революцию».

Превосходный, глубокий, умный, серьезный политический совет! Пусть «власть забудет»—забывают же иногда старые люди все, что происходит с ними и около них!

На свой аршин меряют других представители собачьей старости российского либерализма.

*«Путь Правды» № 18
от 21 февраля 1914 г.*

Народники о Н. К. Михайловском.

Десятилетие со дня смерти Н. К. Михайловского (умер 28 января 1904 г.) было ознаменовано появлением массы хвалебных статей в либерально-буржуазных и народнических (т.-е. буржуазно-демократических) газетах. Неудивительно, что либералы и буржуазные демократы восхваляют Н. К. Михайловского, но невозможно оставить без протеста вопиющее извращение истины и развращение пролетарского классового сознания, когда пытаются выдать Михайловского за социалиста и доказать примиримость его буржуазной философии и социологии с марксизмом.

Михайловский был одним из лучших представителей и выразителей взглядов русской буржуазной демократии в последней трети прошлого века. Крестьянская масса, которая является в России единственным серьезным и массовым (не считая городской мелкой буржуазии) носителем буржуазно-демократических идей, тогда еще спала глубоким сном. Лучшие люди из ее среды и люди полные симпатий к ее тяжелому положению, так называемые разночинцы—главным образом, учащая молодежь, учителя и другие представители интеллигенции—старались просветить и разбудить спящие крестьянские массы.

Великой исторической заслугой Михайловского в буржуазно-демократическом движении в пользу освобождения России было то, что он горячо сочувствовал угнетенному положению крестьян, энергично боролся против всех и всяких проявлений крепостнического гнета, отстаивал в легальной, открытой, печати—хотя бы намеками сочувствие и уважение к «подполью», где действовали самые последовательные и решительные демократы разночинцы, и даже сам помогал прямо этому подполью. В наше время бесстыдного и часто ренегатского отношения к подполью со стороны не только либералов, но и ликвидаторов, как народнических («Русское Богатство»), так и марксистских, нельзя не помянуть добрым словом этой заслуги Михайловского.

Но, будучи горячим сторонником свободы и угнетенных крестьянских масс, Михайловский разделял все слабости буржуазно-демократического движения. Ему казалось, что передача всей земли крестьянам,—в особенности без выкупа,—есть нечто «социалистическое»; он считал себя поэтому «социалистом». Разумеется, это—глубокая ошибка, вполне разоблаченная и Марксом, и опытом в с е х цивилизованных стран, в которых п о с т о я н н о буржуазные демократы, до полного падения крепостничества и абсолютизма, воображали себя «социалистами». Передача всей земли крестьянам, в особенности на указанных условиях, есть очень полезная мера при господстве крепостников-помещиков, но мера эта—буржуазно-демократическая. Всякий толковый социалист в наши дни знает это. Весь опыт всего мира доказал, что чем больше земли (и чем дешевле) получали крестьяне от крепостных бар, чем больше было «земли и воли», тем б ы с т р е е шло развитие капитализма, тем с к о р е е обнаруживалась б у р ж у а з н а я природа крестьянина. Если г. Н. Ракитников (в № 3 «Верной Мысли») до сих пор не понял того, что поддержка пролетариатом б у р ж у а з н о-демократического крестьянства против крепостников вовсе не является «социализмом», то остается только улыбнуться по поводу такой наивности. Скучно опровергать ошибки, давно отвергнутые всеми сознательными рабочими.

Не только в экономической области, но и в философии и в социологии взгляды Михайловского были б у р ж у а з н о-д е м о к р а т и ч е с к и м и взглядами, прикрытыми я к о б ы «социалистической» фразой. Такова его «формула прогресса», его теория «борьбы за индивидуальность» и пр. В философии Михайловский сделал ш а г н а з а д от Чернышевского, величайшего представителя утопического социализма в России. Чернышевский был материалистом и смеялся до конца дней своих (т.-е. до 80-х годов XIX века) над уступочками идеализму и мистике, которые делали модные «позитивисты» (кантианцы, махисты и т. п.). А Михайловский плелся именно за такими позитивистами. И до сих пор среди учеников Михайловского, даже самых «левых» народников (вроде г. Чернова), царят эти реакционные философские взгляды.

Что «социализм» Михайловского и народников есть лишь буржуазно-демократическая фраза, это окончательно доказал опыт выступления всех классов и массовой борьбы их в 1905 — 1907 годы. Большинство крестьянских депутатов и в I, и во II Думе встало не на сторону левонародников, а на сторону «трудо-

виков» и «народных социалистов». Это факт, который нельзя забывать или искажать. И, вслед за марксистами, даже левонародники сами, в лице, например, г. г. Вихляева, Чернова и др., вынуждены были признать буржуазность трудовых народных социалистов!!

Пусть отдельные рабочие, сочувствующие левонародникам, попросят у своих учителей в с е произведения левонародников п р о т и в «трудовых народных социалистов» в 1906—1907 г. г.

Массовые выступления крестьян в эти годы окончательно доказали, что крестьянство стоит именно на б у р ж у а з н о д е м о к р а т и ч е с к о й позиции. Левонародничество, в лучшем случае, есть лишь небольшое крыло крестьянской (т.-е. буржуазной) демократии в России. Рабочие поддерживали и будут поддерживать крестьян (против крепостников), но смешение этих классов, смешение буржуазной демократии с социалистическим пролетариатом есть реакционная авантюра. Против нее будут решительно бороться все сознательные рабочие, особенно теперь, когда размежевка классов вполне доказана великим опытом массовой борьбы в 1905—1907 г. г. и с каждым днем все яснее и яснее выступает в нашей деревне.

Михайловский очень долго, свыше десятка лет, был главой и душой группы литераторов «Русского Богатства». Что же вышло из этой группы в великие 1905—1907 годы?

Вышли первые ликвидаторы среди демократии!

Пусть отдельные рабочие, сочувствующие левонародникам, попросят у своих учителей августовскую книжку «Русского Богатства» за 1906 год и все те писания левонародников, где эту группу называли «социал-кадетами» и т. п.!

Из группы Михайловского вышли первые ликвидаторы, которые осенью 1906 года объявили «открытую партию», отреклись от «подполья» и от его лозунгов,— за 2—3 года раньше, чем наши, марксистские, ликвидаторы. Что же вышло с «открытой партией» г. г. Мякотиных, Пешехоновых и прочих соратников Михайловского? Вышло полное отсутствие всякой партии, полный отрыв от масс «открытой» группы оппортунистов народничества.

На Михайловского, который никогда не отрекался от подполья (или вернее: который умер незадолго перед переходом его группы к ликвидаторству), нельзя распространять ответственность целиком за жалкий и презренный оппортунизм г. г. Пешехоновых, Мякотиных и К-о. Но разве не характерно, что в № 3 «Верной Мысли»,

посвященном Михайловском, мы опять видим гнилой блок (союз) «левых» народников с «социал-кадетами» «Русского Богатства»? А если припомнить, что писал Лаврову Михайловский о своем отношении к революционерам, то не придется ли признать, что «социал-кадеты», в общем, верные его продолжатели?

Мы чествуем Михайловского за его искреннюю и талантливую борьбу с крепостничеством, «бюрократией» (извините за неточное слово) и т. д., за его уважение к подполью и за помощь ему, но не за его буржуазно-демократические взгляды, не за его колебания к либерализму, не за его группу «социал-кадетов» «Русского Богатства».

Буржуазная демократия России, т.-е. в первую голову крестьянство, колеблется между либеральными буржуа и пролетариатом не случайно, а в силу своего классового положения. Дело рабочих—высвободить крестьянство из-под влияния либералов, беспощадно борясь с «народническими» учениями

*«Путь Правды» № 19
от 22 февраля 1914 г.
За подписью В. Ильин.*

На темы дня.

I.

Радикальный буржуа о русских рабочих.

Полезно бывает иногда взглянуть, как с о с т о р о н ы люди судят о нас, о нашей рабочей печати, о наших рабочих союзах, о нашем рабочем движении и т. д. Поучительны взгляды и прямых врагов, и прикрытых врагов, и неопределенных, и неопределенно-«сочувствующих» людей, если это сколько-нибудь толковые, знающие и чуточку смыслящие в политике люди.

К этому последнему разряду людей относится, несомненно, «трудовик» или «народный социалист» — а ежели говорить по правде, то радикальный буржуа или буржуазный демократ — г. С. Елпатьевский.

Этот писатель—один из вернейших единомышленников и соратников Н. К. Михайловского, которого так неумно превозносят теперь желающие, рассудку вопреки, слыть социалистами

«левонародники». Г. С. Елпатьевский—внимательный наблюдатель русской обывательской жизни, настроениям которой он «чутко» поддается.

Он может быть назван одним из самых передовых русских ликвидаторов, ибо он и его друзья еще осенью 1906 года (смотри печально-знаменитую августовскую книжку «Русского Богатства» за прошлый год) провозгласили необходимость «открытой партии», напали на узость «подполья» и принялись подправлять важнейшие лозунги этого подполья в духе открытой, т.-е. легальной, партии. На словах и в сознании самих этих «социал-кадетов» (как их д о л ж н ы были назвать тогда д а ж е левонародники) их отречение от подполья и ликвидаторское провозглашение «открытой партии» или «борьбы за открытую партию» вызывалось стремлением итти к «массам», организовать массы.

На деле ничего кроме обывательского, мещанского малодушия (по отношению к массам) и легковерия (по отношению к власти) в плане г.г. «народных социалистов» не было. За «открытую партию» им частью погрозили кутузкой, частью поддержали кое-кого в кутузке, и в итоге они остались и без открытой и без всякой связи с массами, и без открытой и без всякой партии. Остались тем, чем являются и наши ликвидаторы, т.-е. группой легалистов-ликвидаторов, группой «независимых» (от подполья—но независимых идейно от либерализма) литераторов.

Прошли года уныния, развала и распада. Повеяло чуточку иным ветерком. И, чуткий к обывательским настроениям, г. С. Елпатьевский пишет в январской книжке «Русского Богатства» за текущий год статью о настроениях разных классов русского общества под эффектным названием: «Жизнь идет».

Жизнь идет!—воскликает наш народник, перебирая в своей памяти и всякие съезды, и речь Салазкина, и дело Бейлиса. Несомненное оживление в провинции, хотя «иногда не отличить теперь не только правого кадета от левого октябриста, иногда и эс-эра и эс-дека» (из ликвидаторов, а? г. народнический ликвидатор?) «от левого кадета, если судить по местной» (конечно, исключительно легальной) «тактике». «Происходит своего рода собирание Руси по две стороны стены, разделившей Россию. По одну сторону собралось объединенное дворянство, объединенная бюрократия, ведомственные люди и обыватели, которые так или иначе «кормятся от казны», по другую сторону—просто обыватель, только провинциального общества».

Как видите, не широк кругозор нашего народника, мелок его анализ: все то же либеральное противопоставление власти и общества. О классовой борьбе внутри общества, о буржуазии и рабочих, об углубляющейся розни между либерализмом и демократией трудненько сказать что-либо с точки зрения провинциального обывателя.

О деревенских низах трудно делать умозаключения—пишет г. С. Елпатьевский:

«...Тьма и безмолвие повисли над деревней, куда плохо видно, откуда плохо слышно»... Кооперативное движение «внезапно вспыхнуло и широко разлилось»... борьба отрубников и общинников... «все это недостаточно вскрылось».

Да, нужно признать, что воздвигаемая усилиями правительства стена между отрубниками и общинниками в целях разделить и распылить деревенскую массу, поднимается все выше, но, повидимому, в деревнях не успели еще выработать соответствующие видам правительства чувства и настроения. По-прежнему желание и ожидание земли одинаково ярко горит в душе тех и других, а желание воли, «правов», прежде затушеванное «землей», повидимому, встает все ярче и повелительнее.

И, под конец, наш бытописатель русской жизни, отметив, что «именно правые круги с упорством повторяют теперь слово революция», что эти круги «сами по-настоящему испугались, что они действительно ждут конфликта, уверены в неизбежности катастрофы»,—автор говорит следующее о рабочих:

Мне нечего говорить здесь об организованных рабочих. Там не приходится идти ощупью в своих умозаключениях,—там все ясно и всем видно. Там мнения довольно точно установлены, там не только желания и ожидания, но и требования, Подкрепляемые волевыми импульсами, не стихийными вспышками, а систематизированными и достаточно выработанными методами... (многоотчие г-на Елпатьевского). И, несомненно, и мнения и желания, и ожидания просачиваются из этой организованной среды в деревенскую, отсюда она вышла.

Это пишет человек, который никогда не принадлежал к марксистам и всегда стоял в стороне от «организованных рабочих». И эта оценка дела со стороны тем ценнее для сознательных рабочих.

Г-ну Елпатьевскому, одному из «передовых вождей ликвидаторства, следовало бы подумать над значением того, что ему пришлось признать теперь.

Во-1-х, среди к а к и х рабочих «довольно точно установлены мнения» и «достаточно выработаны и систематизированы методы»?

Т о л ь к о среди противников ликвидаторства (ибо у ликвидаторов полный хаос и мнений, и методов), т о л ь к о у тех, кто не отвернулся, малодушно и скоропалительно, от подполья. Т о л ь к о у них, действительно, «в с е я с н о и в с е м в и д н о». Это кажется парадоксальным (странным), но это факт: хаос у тех, кто тоскует по «открытой партии»,—«все ясно и всем видно», «мнения довольно точно установлены и методы достаточно выработаны» только у сторонников «подполья», у верно блюдущих заветы этого якобы узкого и омертвелого (см. «Нашу Зарку», «Луч», «Новую Рабочую Газету», «Северную Рабочую Газету») подполья.

Первый из родивших ликвидаторство (вожак «Русского Богатства», г. Елпатьевский) первый же подписал ему смертный приговор, прочел «за упокой» на его могиле.

Возможно, что г. Елпатьевский сам не сознает этого, но вопрос, поднятый им, далеко выходит за пределы личного разумения отдельных политиков.

Второе и самое важное обстоятельство. Почему это в один из наиболее смутных и тяжелых периодов русской истории, в пятилетье 1908—1913 годов, из [в с е х классов русского народа «ощущью» не идет только пролетариат? почему это только у него оказалось «все ясно и всем видно»? почему он выходит из величайшего идейного распада, программного и тактического, и организационного, и всяческого развала и шатания—и у либералов, и у народников, и у интеллигентских «тоже-марксистов» — с «мнениями довольно точно установленными», с «методами систематизированными и достаточно выработанными»? Не только потому, что эти мнения устанавливало, эти методы вырабатывало подполье, а потому, что есть глубочайшие социальные причины, есть экономические условия, есть факторы, действующие все сильнее и сильнее с каждой новой верстой железных дорог, с каждым шагом вперед торговли, промышленности, капитализма в городе и в деревне, факторы, умножающие, укрепляющие, закаляющие и сплачивающие пролетариат, помогающие ему не итти за обывателем, не шататься подобно мещанам, не отрекаться трусливо от подполья.

Кто поразмыслит над этим, тот поймет, какой величайший вред приносят попытки «слить» в одну партию передовиков класса наемных рабочих и неизбежно колеблющегося и шаткого мелкобуржуазного крестьянства.

II.

Политические уроки.

Государственный Совет, несколько времени назад, провалил польский язык в будущем польском самоуправлении. Это голосование, состоявшееся вопреки воли главы правительства, многое разъясняет нам в вопросе о командующих классах России и об «особенностях» нашего государственного устройства и управления.

В печати раскрыта уже длинная история вопроса о польском языке в польском самоуправлении. Русские помещики, стоящие у кормила власти, давно уже, с 1907 года, вели переговоры об этом с польской высшею знатью. Сговаривались об условиях хотя бы некоторого сотрудничества или просто сравнительно мирного сожительства черносотенцев русских с черносотенцами польскими,—при чем все это делалось, разумеется, всецело и исключительно во имя интересов «национальной культуры».

Польскую национальную культуру отстаивали помещики польские, выговаривая себе самоуправление (вместо автономии) и польский язык. Русскую национальную культуру отстаивали помещики великорусские, оговаривая (они всем владели и им выговаривать не надо было) верховенство ее и отделение от Польши «русской» Холмщины. Обе стороны заключали сделку, между прочим, п р о т и в евреев, которых сводили заранее на ограниченную «процентную норму»,—чтобы Польша не отстала от России в черносотенной травле евреев и угнетении их.

Столыпин, как сообщают, лично вел эти переговоры с польской знатью, с магнатами-помещиками Польши. Столыпин обещал. Проекты были внесены. Но... Холмщина оказалась отделенной, а польский язык в польском самоуправлении наш Государственный Совет о т к л о н и л. Дело Столыпина защищал «верой и правдой» Коковцев, но не защитил. Правые члены Государственного Совета не пошли за ним.

Вот еще один, хотя и маленький, договор, который был «разорван». Гучков говорил недавно от имени всероссийской буржуазии, что она заключила молчаливый договор с правительством контр-революции: «поддерживать его за реформы». Поддержка была оказана, а реформы н е последовали.

В нашем примере не буржуазия, не оппозиция, а самые чистокровные помещики заключили тоже молчаливый договор: «мы» делаем шаг к Столыпину, нам дают самоуправление с польским языком. Шаг сделали, а польского языка не получили.

Богатые политические уроки вытекают из этого маленького примера. Борьба национальностей у нас на глазах превращается в сделку господствующих классов двух наций на условии особого угнетения третьей (еврейской). Не забудем, что все господствующие классы, не только помещики, но буржуазия, даже самая демократическая буржуазия, так поступают.

Действительное устройство и управление России раскрывается в его классовой основе: помещики командуют, решают, вершат. Всевластие этого класса громадно. Буржуазию он только «допускает»... к договорам, р а з р ы в а я их.

Но этого мало. Оказывается, что и в п р е д е л а х командующего класса договоры «разрываются» с необыкновенной, сверхъестественной легкостью. Это уже отличие России от остальных классовых государств, это уже наша самобытность,—при которой нерешенными остаются вопросы, решенные 200 и 100 лет тому назад Европой.

*«Просвещение» № 3,
март 1914 г.
За подписью В. Ильин.*

Еще одно уничтожение социализма.

От бурной эпохи 1905 года нас отделяет менее десяти лет, а между тем перемена, которая произошла за это короткое время в России, кажется громадной. Россия как будто сразу превратилась из патриархальной в современную капиталистическую страну. Идеолог старой России, Л. Н. Толстой, выразил это в характерной и забавно-грустной тираде, жалуясь на то, что русский народ «удивительно быстро научился делать революцию и парламенты».

Разумеется, «внезапное» превращение России в буржуазную страну возможно было в течение пяти или десяти лет XX века только потому, что вся вторая половина прошлого века была одним из этапов смены крепостнических порядков буржуазными.

Небезынтересно наблюдать, как эта смена отразилась на изменении отношений к марксизму нашей официальной, университетской, науки политической экономии. В доброе старое время «уничтожением» Маркса занимались у нас только крайние правые, правительственные, профессора. Вся либерал-народническая профессорская наука относилась к Марксу с почтением, «признавала» трудовую теорию стоимости и вызывала этим наивные иллюзии «левонародников» насчет отсутствия почвы для буржуазии в России

Теперь у нас «сразу» народилась куча либеральных и прогрессивных «марксоедов», вроде г. Тугана-Барановского или г. Струве и т. п. Все они раскрыли действительное содержание и значение либерально-народнического «почтения» к Марксу: на словах почтение осталось, на деле исконное непонимание материалистической диалектики и теории классовой борьбы привело неизбежно к отречению и от теории трудовой стоимости.

До 1905 года буржуазия не видела другого врага кроме крепостников и «бюрократов»; поэтому и к теории европейского пролетариата она старалась относиться сочувственно, старалась не видеть «врагов слева». После 1905 года нарождается в России контр-революционная либеральная буржуазия, и профессорская либеральная наука, несколько не теряя престижа в «обществе», принимается всерьез уничтожать Маркса.

С новейшим ученым трудом одного из таких «серьезных» ученых мы намерены познакомить читателя.

I.

В издании В. П. Рябушинского вышла в свет в прошлом году первая часть сочинения г. Петра Струве: «Хозяйство и цена» (М. 1913). Пресловутый «союз науки с промышленностью», который ознаменовался сначала тем, что г. Рябушинский издавал рассуждения г. Струве о «Великой России», возмужал и окреп окончательно. Из простого союза науки с промышленностью получился уже союз и науки, и промышленности, и власти: ученый труд г. Струве был представлен им для соискания ученой степени, которой г. Струве и был удостоен.

Г. Струве уверяет в предисловии, что задуман им его труд около 15 лет тому назад. На-лицо, следовательно, все основания ждать труда серьезного и солидного.

Сам автор очень высокого мнения о своем труде, обещая «пересмотр» (и, разумеется, «критический» пересмотр) «некоторых традиционных проблем и положений политической экономии». Пересмотр захватывает и значение цены, «как основного понятия политической экономии».

«...Этот пересмотр приведет к постановке новых методических задач нашей науки в духе последовательного эмпиризма, опирающегося на строго выработанные точные понятия и ясные различия».

Приведенные фразы из заключительных строк «труда» г-на Струве содержат, так сказать, лейт-мотив его сочинения. Программа автора—«последовательный эмпиризм» (так начинается обязательно в наше время всякий модный философ, к какой бы елейной поповщине он ни подводил свою теорию) и «строгая выработка точных понятий и ясных различий». Знакомый мотив пресловутого «критицизма», так часто сводящегося к словесной схоластике...

«Последовательный эмпиризм» г. Струве хочет видеть особенно в той, значительно большей по размеру, части своей книги, где он дает «этюды и материалы по исторической феноменологии цены» (сюда относится почти весь второй отдел первой части). А «строгой выработкой точных понятий и ясных различий» называются рассуждения первого отдела и введения «о некоторых основных философских мотивах в развитии экономического мышления», о «хозяйстве и обществе» и т. п.

С основных теоретических рассуждений г. Струве мы и начнем.

II.

«От нормативного этического понимания ценности» (стоймости; г. Струве упорно употребляет неправильную терминологию, говоря «ценность» вместо «стоимость», хотя неправильность эта давно была ему доказана), «которое господствует еще и у канонистов, вовсе уже не так далеко, как это может казаться, до понимания ценности, как внутренней «основы» или «закона» цены. И, на самом деле, мы видим, что «bonitas intrinseca», «valor», «pretium naturale» канонистов превращается в «intrinsic value»

или «natural value» или «natural price», т.-е. в объективную ценность *) позднейших экономистов» (XXV).

Здесь мы видим главную мысль (или, вернее, главную мысль-боязнь) г. Струве и типичные приемы этого автора. Чтобы дискредитировать научный закон стоимости, г. Струве усиливается сблизить его с «этическим» законом канонистов. Доказательств у г. Струве, разумеется, нет и тени. Если он пишет «мы видим», ссылаясь в примечании на одно место (не относящееся к делу) из сочинения русского кантианца 1810 года, то можно себе представить, каково было затруднительное положение нашего ученого в поисках за доказательствами!

Г. Струве не может не знать, что всякий научный закон, а вовсе не один только закон ценности, понимался в средние века в религиозном и этическом значении. И законы естествознания толковались канонистами подобным же образом. Поэтому нет никакой возможности взять всерьез сближения закона цены у канонистов и у представителей классической политической экономии. Эту «мысль» г. Струве нельзя назвать мыслью; здесь просто мысль-боязнь, прикрываемая чисто ребяческой проделкой.

Г. Струве продолжает:

«Закон ценности становится «*idée fixe*» политической экономии. И «универсалистический» («реалистический») мотив мышления выступает в этой области всего ярче у того писателя, у которого он сочетается с наибольшей широтой общей философской концепции экономической науки,—у М а р к с а. Этот мотив соединяется у него с невыработанным в деталях, но тем более ценным материалистическим миросозерцанием. Трудовая ценность превращается не только в закон, но и в «субстанцию» цены. Как эта механически-натуралистическая и в то же время «реалистическая» концепция ценности тщетно пытается вместить в себя мир эмпирических явлений хозяйственной жизни и завершается грандиозным и безысходным противоречием, на этом мы уже останавливались не раз в наших работах».

Вот вам «ученая» манера г. Струве! Вот его способ уничтожать Маркса! Парочка якобы ученых терминов, какой-то кивок

*) Между прочим, признавая, что «позднейшие» (по сравнению с средневековыми канонистами) экономисты имеют в виду как раз о б ъ е к т и в н у ю «ценность», г. Струве сразу выдает неправильность своего субъективистского настаивания на слове «ценность» в противоположность «объективной», «с т о и м о с т и».

на «мотивы» мышления и ссылка на журнальную статейку 1899 г. в «Жизни»—вот и весь багаж. Маловато, г. профессор...

Не только «грандиозного», но и ровно никакого противоречия у Маркса между I и III томами «Капитала», между трудовой теорией стоимости и образованием средних цен на основании закона стоимости, не удалось доказать г. Струве его журнальными статьями.

Средневековое «различение» номинализма и реализма, затем противоположение универсализма и сингуляризма, которыми играет г. Струве, ровно ничего не дают ни для понимания теории Маркса, ни для критики ее, ни для выяснения собственной теории (или претензии на собственную теорию) г. Струве. Это именно игра, ученый сор, а не наука. Конечно, в борьбе средневековых номиналистов и реалистов есть аналогии с борьбой материалистов и идеалистов, но и аналогии и исторически-преемственную связь можно установить еще со многими и многими теориями, вплоть не только до средних веков, но и до древности. Чтобы изучить серьезно связь хотя бы средневековых споров с историей материализма, потребовалось бы особое исследование. Но у нашего автора ничего подобного серьезному изучению нет и в помине. Он прыгает с темы на тему, кивая на тысячи вопросов, не разбирая ни одного и декретируя, с забавной смелостью, самые решительные выводы.

Он сам вынужден был признать, в приведенной цитате, что у Маркса философия и политическая экономия связаны в ц е л ь н о е материалистическое мировоззрение. У Маркса н а и б о л ь ш е е ш и р о к а общая философская концепция!

Ведь это не шуточные признания. Человек, который вынужден их сделать и который толкует о критическом пересмотре политической экономии и о новых методических задачах ее, обязан был бы рассмотреть серьезно в с е отдельные составные части этого «цельного» материалистического мировоззрения Маркса. Ни малейшего даже приступа к подобному рассмотрению г. Струве не делает! Он ограничивается пренебрежительными замечаниями против «метафизического материализма». Кто же не знает, что с точки зрения модных теорий агностицизма (кантианства, позитивизма, махизма и т. п.) и последовательный материализм и последовательный философский идеализм объявляются «метафизикой». Бросая такие замечания, г. Струве только н а м е к а е т на свое философское мировоззрение, чуждое всякой цельности.

Но от разбора и изучения **ц е л ь н о г о** материалистического мирозерцания Маркса такими замечаниями отделаться нельзя. Это значит выдавать только себе свидетельство о бедности.

III.

Зато сближение марксизма с схоластическим учением о первородном грехе представляет из себя такой перл в ученом труде г. Струве, что на нем нельзя не остановиться подробнее. Заранее извиняемся перед читателем за длинные выписки, но тут надо быть точным, чтобы пригвоздить попрочнее приемы современной либерально-профессорской науки.

«Для меня совершенно ясно,—пишет г. Струве,— что Марксова теория трудовой ценности по своему логическому строению много столетий тому назад имела грандиозную аналогию и прообраз в «реалистически» обоснованном схоластическом учении о первородном грехе... Точно так же, как у Маркса эмпирические «цены» управляются законом ценности, так сказать заимствуют свое событие от субстанции ценности, так для схоластики эмпирические действия людей определяются первородным грехом.

«Вот несколько сопоставлений.

М а р к с: «Все это может быть всего легче изображено, если мы всю товарную массу сперва одной отрасли производства будем рассматривать, как один товар, и сумму цен многих тождественных товаров, как слагаемые, образующие одну цену; тогда то, что было сказано относительно отдельного товара, буквально приложимо к находящейся на рынке товарной массе определенной отрасли производства. Что индивидуальная ценность товара отвечает ее общественной ценности—осуществляется или определяется в том смысле, что совокупное количество данного товара заключает необходимую для его производства общественную работу, и что ценность этой массы равняется ее рыночной ценности».

Ф о м а А к в и н а т: «Мы должны сказать, что все люди, которые рождаются от Адама, могут быть рассматриваемы как один человек, поскольку они совпадают в своей природе, которую они получили от своего праотца, подобно тому, как, например, все люди, которые живут в одном графстве, считаются за одно тело и все графство за одного человека»...

Кажется, довольно? Г. Струве уверяет, что это—«не игра эффектными (!??) аналогиями и не остроумничанье». Может быть.

Но это, несомненно, игра пошлыми аналогиями, вернее: простое шутовство. Если считающие себя либеральными и прогрессивными ученые способны терпеть в своей среде героев подобного шутовства, если этим героям дают ученые степени и поручают обучение юношества, то это только показывает в сотый и тысячный раз «закон» буржуазной эпохи: тем больше чести, чем наглее и бесстыднее издевательство над наукой ради уничтожения Маркса.

Шутовством пришлось г. Струве прикрывать свое полное бессилие опровергнуть Маркса. Что все товары данной отрасли производства обмениваются на сумму товаров других отраслей, это—бесспорный факт. Что среднюю цену определяют любые «эмпирики», беря товарную массу и деля общую цену ее на число единиц товара, это опять-таки факт. Любезная г. Струве статистика (на которую он, как увидим ниже, тоже только «кивает», вместо того, чтобы прикоснуться к изучению ее) показывает нам на каждом шагу применение приема, употребленного Марксом. Но какое дело до всего этого профессиональным «социалистоедам»? Лишь бы лягнуть Маркса,—а остальное приложится.

Каковы философские авторитеты, благословляющие г. Струве на сие благородное занятие, видно, между прочим, из следующих слов нашего профессора:

«В этой работе (работе подведения итогов всей мыслительной работе XIX века) беспристрастное потомство должно уделить видное место великому французскому метафизику Ренувье, к которому восходят многие критические и положительные идеи нашего времени» (43).

Ренувье—глава французской школы «неокритического идеализма»,—«обскурант высшей школы»,—как его назвал эмпириокритик (т.-е. враждебный материализму философ) Цилли (см. мои замечания о Ренувье в книге: «Материализм и эмпириокритицизм. Критические замечания об одной реакционной философии». Спб. 1909. Стр. 247)⁴⁵⁾ Ренувье слово «закон» пишет с большой буквы и прямо превращает его в базу религии.

Посмотрите же, какими приемами уничтожает г. Струве «цельное—по его собственному признанию—материалистическое миросозерцание» Маркса: Маркс приравнивается к средневековому теологу на том собственно основании, что Маркс складывает цены товаров одной отрасли производства, а средневековой теолог, Фома Аквинат, складывает людей, происшедших от праотца Адама, для обоснования учения о первородном грехе. И в то же время

Маркс уничтожается во имя «великого» Ренувье, который в XIX веке проповедывал философский идеализм, создающий из понятия «закона» базу религии!!

О, г. Струве! О, ученик «великого» Ренувье! О, призванный учитель русского юношества!

IV.

«В той огромной перестройке,—пишет г. Струве,—которой подверглось после натиска историзма, и мистического и материалистического, здание политической экономии, основанной на идее естественного закона, эта идея потерпела полное крушение. Вскрылось ее основное внутреннее противоречие. Оно всего, быть может, явственнее выступило в той форме «естественной» политической экономии, которая стала теоретической основой буржуазного экономического либерализма... В самом деле, если в экономической жизни царит естественный закон, то не может быть фактов этой жизни, несогласных с естественным законом, его нарушающих. Между тем, либеральная «естественная» политическая экономия постоянно в книгах и жизни вела борьбу с такими фактами... После крушения буржуазно-либеральной политической экономии об «естественном законе» стало даже как-то неприлично говорить. С одной стороны, явно ненаучно выделять из целого принципиально единого общественно-экономического процесса какие-то отдельные стороны, отношения, явления, как «естественные», и трактовать их как особую категорию явлений. С другой стороны, провозглашение «естественного закона», хотя оно и в самом экономическом либерализме покоилось на неосознанном этическом мотиве, было этически дискредитировано, как прием оправдания или увековечения известных, имеющих лишь временное значение социальных отношений и форм, как «буржуазная» апологетика» (56—57).

Так разделяется автор с идеей естественного закона. И это лишет человек, который вынужден признать, что «материалист Маркс через весь XVIII век протягивает руку материалисту Петти» (56) и что «Петти—самый яркий, самый выпуклый выразитель могущественного тока, который в ту эпоху шел к обществуведению от естествознания» (50).

Могущественный ток к обществоведению от естествознания шел, как известно, не только в эпоху Петти, но и в эпоху Маркса.

Этот ток не менее, если не более, могущественным остался и для XX века. Как же можно, в сочинении, претендующем на научность и ставящем себе задачей изучение «философских мотивов экономического мышления», поднимать вопрос об этом «токе» и о материализме Петти и Маркса, не выясняя абсолютно ничего насчет философских предпосылок и выводов естествознания??

Но такова именно вся манера Струве: поднимать или, вернее, задевать тысячу и один вопрос, обо всем «говорнуть», все представить взвешенным и учтенным, а на деле ничего не дать, кроме крошки цитат и беглых замечаний.

Вопиющая неправда, будто идея естественного закона в политической экономии потерпела крушение, будто о ней «неприлично говорить». Как раз наоборот. Именно «ток от естествознания к обществоведению» подкреплял, подкрепляет и делает неизбежной эту идею. Именно «материалистический историзм» окончательно обосновал эту идею, очистив ее от метафизических (в марксистском значении этого термина, т.-е. антидиалектических) нелепостей и недостатков. Говорить, будто «естественный закон» классиков «этически дискредитирован», как буржуазная апологетика, значит говорить непереносный вздор, значит извращать и классиков и «материалистический историзм» самым бесшабашным образом. Ибо классики нащупывали и нащупали целый ряд «естественных законов» капитализма, не понимая его преходящего характера, не видя классовой борьбы внутри его. Оба эти недостатка исправлены материалистическим историзмом, и «этическое дискредитирование» тут ни к селу, ни к городу.

Употребляя утрированно-«крепкие» словечки («неприлично говорить о «естественном законе»»), г. Струве тщетно пытается спрятать при помощи их б о я з н ь науки, б о я з н ь научного анализа современного хозяйства, свойственную буржуазии. Барский скептицизм характеризует ее, как и все приходящие в упадок классы, но идея естественного закона в функционировании и развитии общества не приходит в упадок, а крепнет все более и более.

V

Посмотрим теперь, каковы те «строго выработанные точные понятия и ясные различения», которые обещает дать г. Струве для «постановки новых методических задач» политической экономии.

«...Мы определяем хозяйство,—читаем на стр. 5, — как субъективное телеологическое единство рациональной экономической деятельности или хозяйствования».

Это звучит «ужасно учено», но на самом деле представляет из себя пустейшую игру словами. Хозяйство определяется через хозяйствование! Масляное масло... «Субъективное единство хозяйничания» может быть и в мечтании, и в фантастическом романе. Боясь сказать о производстве материальных продуктов («метафизический материализм!»), г. Струве дал игрушку, а не определение. Устранив всякий элемент и признак общественных отношений, г. Струве «сочинил», как нарочно, именно такое «хозяйство», которое объектом политической экономии и никогда не было и быть не может.

Вот вам, далее, установление «трех основных типов хозяйственного строя»: 1) совокупность рядом стоящих хозяйств; 2) система взаимодействующих хозяйств и 3) «общество-хозяйство», как «субъективное телеологическое единство». К 1-му типу, видите ли, относятся хозяйства, не находящиеся ни в общении, ни в взаимодействии (попытка воскресить пресловутого Робинзона!); ко 2-му—и рабство, и крепостничество, и капитализм, и простое товарное производство; к 3-му—коммунизм, который «был осуществлен в государстве иезуитов в Парагвае, насколько он вообще осуществим». Эта великолепная классификация, в которой не видно ни тени исторической реальности, дополняется различием хозяйственного и социального строя.

Хозяйственные категории, поучает нас г. Струве, «выражают экономические отношения всякого хозяйствующего субъекта к внешнему миру»; междухозяйственные категории—«выражают явления, вытекающие из взаимодействия автономных хозяйств»; социальные категории «вытекают из социального неравенства находящихся в взаимодействии хозяйствующих людей».

Итак, хозяйственный строй рабства, крепостничества, капитализма может быть логически, экономически, исторически отделен от социального неравенства!! Именно это выходит из неуклюжих потуг г. Струве ввести новые дефиниции и различения. «Совокупность рядом стоящих хозяйств может — рассуждая абстрактно — сочетаться с отношениями равенства и неравенства. Она может быть крестьянской демократией и феодалным обществом».

Так рассуждает наш автор. С точки зрения теории, и логической, и экономической, и исторической, его рассуждение вопиюще нелепо. Подводя все, что угодно, под понятие «совокупности рядом стоящих хозяйств», он обнаруживает с очевидностью бессодержательность этого понятия. И крестьянская демократия, и феодализм, и рядом живущие (по одной лестнице и на одной площадке в петербургском доме) хозяева—все это «совокупность рядом стоящих хозяйств»! Автор уже забыл, что эта совокупность должна в его системе характеризовать о д и н и з т р е х основных типов хозяйственного строя. «Научные» дефиниции и различения г. Струве, просто—сапоги в смятку.

Но своеобразный «смысл» в этой грубой и пошлой игре, в этом издевательстве над логикой и историей имеется. Это—«смысл» буржуазного отчаяния и «наплевизма» (если можно так перевести французское выражение: «je m'en fiche»). Отчаяние в возможности научно разбирать настоящее, отказ от науки, стремление наплевать на всякие обобщения, спрятаться от всяких «законов» исторического развития, загородить л е с — деревьями, вот классовый смысл того модного буржуазного скептицизма, той мертвой и мертвящей схоластики, которые мы видим у г-на Струве. «Социальные неравенства» н е н у ж н о объяснять из хозяйственного строя, это н е в о з м о ж н о (ибо это нежелательно для буржуазии),— вот «теория» г. Струве. Политическая экономия пусть занимается трюизмами и схоластикой да бессмысленной погоней за фактиками (примеры ниже), а вопрос о «социальных неравенствах» пусть отойдет в более безопасную область социолого-юридических рассуждений: там, в этой области, легче «отделаться» от этих неприятных вопросов.

Экономическая действительность с бьющей в глаза наглядностью показывает нам классовое деление общества, как основу хозяйственного строя и капитализма, и феодализма. Внимание науки с самого появления на свет политической экономии устремлено на о б ъ я с н е н и е этого классового деления. Вся классическая политическая экономия сделала ряд шагов по этому пути, Маркс сделал еще шаг дальше. И современная буржуазия так испугана этим шагом, так обеспокоена «законами» современной хозяйственной эволюции, слишком очевидными, слишком влишательными, что буржуа и их идеологи готовы выкинуть всех классиков и всякие законы, лишь бы сдать в архив юриспруденции... всякие там... как их?... социальные неравенства.

VI.

Понятие стоимости г. Струве в особенности хотелось бы сдать в архив. «Ценность,—пишет он,—как нечто отличное от цены, от нее независимое, ее определяющее, есть фантом» (96). «Категория объективной ценности есть лишь, так сказать, метафизическое удвоение категории цены» (97).

Ради уничтожения социализма г. Струве избрал самый... радикальный и самый легкий, но зато и самый легковесный метод: отрицать науку вообще. Барский скептицизм пресыщенного и запуганного буржуа доходит здесь до пес *plus ultra*. Как один адвокат у Достоевского, защищая от обвинения в убийстве с целью грабежа, договаривается до того, что грабежа не было и убийства не было ⁴⁶⁾, так г. Струве «опровергает» теорию стоимости Маркса простым у в е р е н и е м, что стоимость фантом.

«В настоящее время ее» (теорию объективной стоимости) «не приходится даже опровергать; ее достаточно описать так, как сделали мы здесь и в нашем «Введении», чтобы показать, что ей нет и не может быть места в научных построениях» (97).

Ну, как не назвать этот самый «радикальный» метод самым легковесным? Тысячи лет человечество подмечает законосообразность в явлении обмена, силится понять и точнее выразить ее, проверяет свои объяснения миллионами и миллиардами повседневных наблюдений над экономической жизнью,—и вдруг модный представитель модного занятия—собирания цитат (я чуть-чуть не сказал: собирания почтовых марок)—«отменяет все это»: «ценность есть фантом».

Не даром давно уже сказано, что если бы истины математики задевали интересы людей (интересы классов в их борьбе, вернее), то эти истины оспаривались бы горячо. Для оспаривания непроборимых истин экономической науки требуется совсем, совсем мало багажу. Вставим, например, словечко, что фантомом является стоимость, к а к н е ч т о н е з а в и с и м о е о т ц е н ы, — и дело в шляпе!

Не беда, что эта вставка абсурдна. Цена есть проявление закона стоимости. Стоимость есть закон цен, т.-е. обобщенное выражение явления цены. О «независимости» здесь говорить можно лишь для издевательства над наукой, которая во всех областях знания показывает нам проявление основных законов в кажущемся хаосе явлений.

Возьмем, например, закон изменения видов и образования высших видов из низших. Очень дешево было бы объявить фантомом обобщения естествознания, найденные уже законы (признаваемые всеми, несмотря на тьму кажущихся нарушений и отступлений в пестроте отдельных казусов), поиски исправлений и дополнений к ним. В области естественных наук человека, который сказал бы, что законы явлений естественного мира—фантом, посадили бы в дом сумасшедших или просто осмеяли. В области наук экономических, человека, щеголяющего так смело... в голем состоянии... охотно назначают профессором, ибо он, действительно, вполне пригоден для отупления буржуазных сынков.

«Цена есть факт. Скажем так: цена есть понятие реального менового отношения между обмениваемыми благами, есть реализованное меновое отношение.

«Ценность есть норма. Скажем так: ценность есть понятие идеального, или должного, соотношения между благами в процессе обмена» (88).

Не правда ли, как характерно для г. Струве это небрежно-афишированно-несерьезно бросаемое замечание «скажем так»? Умышленно-тяжеловесный, кокетничающий мудреными терминами и новообразованиями, г. Струве переходит вдруг в фельетонный тон... Трудненько было бы объявлять стоимость фантомом без перехода в фельетонный тон.

Если цена есть «реализованное меновое отношение», то позволительно спросить: между кем существует это отношение? Очевидно, между обменивающимися хозяйствами. Если это «меновое отношение» не случайно возникает в виде исключения, на короткий срок, а повторяется с неизменной регулярностью, повсеместно и каждодневно, то очевидно, что «меновое отношение» связывает в один хозяйственный строй совокупность хозяйств; очевидно, что между этими хозяйствами есть упроченное разделение труда.

Вот вам и рассыпаются уже, как карточные домики, все хитросплетения г. Струве насчет «междухозяйственных» отношений, отделенных будто бы от социальных отношений. Г. Струве выгнал в дверь понятие товарного производства, чтобы тайком пропускать его назад в окно. Пресловутый «эмпиризм» г. Струве состоит в изгнании из науки неприятных для буржуа обобщений, которые все же приходится признавать, так сказать, неофициально.

Если цена есть меновое отношение, то неизбежно понять разницу между единичным, меновым отношением и постоянным, между случайным и массовым, между моментальным и охватывающим длительные промежутки времени. Раз это так,—а это несомненно так,—мы столь же неизбежно поднимаемся от случайного и единичного к устойчивому и массовому, от цены к стоимости. Попытка г. Струве объявить стоимость «должным», сблизить ее с этикой или учением канонистов и т. п. падает, как карточный домик.

Называя «эмпиризмом» признание стоимости за фантом и «метафизикой» стремление (идущее «от Аристотеля» к Марксу—стр. 91—надо еще добавить: через всю классическую политическую экономию!),—стремление найти закон образования и изменения цен, г. Струве повторяет прием новейших философских реакционеров, которые «метафизикой» считают материализм естествознания вообще, а «эмпиризмом» объявляют ступеньку к религии. Изгнание законов из науки есть на деле лишь протаскивание законов религии. Напрасно воображает г. Струве, будто его «маленькие хитрости» могут обмануть кого-либо насчет этого простого и несомненного факта.

VII.

От прямого сражения с марксистами г. Струве, как мы видели, уклонился, спрятавшись за скептицизм вообще. Тем с большим усердием рассыпает он в своей книге замечания против марксизма, рассчитанные на уловление придавленного грудой надерганных, несвязных цитат читателя.

Приводится, напр., одна цитатка из Сен-Симона, называется ряд книг о Сен-Симоне (это списывание немецких библиографических указателей практикуется нашим «ученым» систематически, очевидно, как вернейший путь... к ученой степени), приводятся подробнейшие выписки из Ренувье о Сен-Симоне.

И вывод?

Вывод вот какой: «Как это ни покажется парадоксальным, но просто неоспоримый исторический факт, что высшая форма социализма, так называемый научный социализм, есть дитя, порожденное связью между мыслью революционной и реакционной» (51—52). Ибо путь к научному социализму идет через Сен-Симона, а «Сен-Симон—ученик в одно и то же время и просветителей

XVIII века, и реакционеров конца XVIII и начала XIX веков» (53). «Это всегда следует помнить: исторический материализм по своей сути есть порождение реакции против духа XVIII века. Он, во-первых, реакция органического воззрения против рационализма, во-вторых, реакция экономизма против политизма. Сен-Симон, кроме того, в своем религиозном периоде представляет реакцию чувства и религии против идей права и человеческой справедливости» (54—55). И для закрепления г. Струве повторяет еще раз: «марксизм, это—формулы французской теократической школы и вообще исторической контр-революционной реакции, переведенные на язык позитивизма, атеизма и радикализма. Дав отставку разуму, Маркс остался революционером и социалистом» (55)...

Если Маркс сумел воспринять и развить дальше, с одной стороны, «дух XVIII века» в его борьбе с феодальной и поповской силой средневековья, а, с другой стороны, экономизм и историзм (а также диалектику) философов и историков начала XIX века, то это только доказывает глубину и силу марксизма, только подтверждает мнение тех, которые видят в марксизме п о с л е д н е е с л о в о науки. Что в учениях реакционеров—историков и философов—были глубокие мысли относительно законосообразности и борьбы классов в смене политических событий, это Маркс указывал всегда с ясностью, не оставляющей места недоразумениям.

А г. Струве кувырчется и объявляет, что марксизм есть порождение реакции, хотя тут же добавляет, что к марксизму ведет не Сен-Симон п о п о в с к и й, а Сен-Симон историк и экономист!!

Выходит, что посредством хлесткой фразы, не сказав ни е д и н о г о серьезного слова о том, каково было приобретение общественной науки, сделанное Сеп-Симоном п о с л е просветителей XVIII века и д о Маркса, наш автор п е р е п р ы г н у л через всю общественную науку вообще.

Т а к к а к эту науку строили, во-первых, экономисты-классики, открывая закон стоимости и основное деление общества на классы,—т а к к а к эту науку обогащали далее, в связи с ними, просветители XVIII века борьбой с феодализмом и поповщиной,—т а к к а к эту науку двигали вперед, несмотря на свои реакционные взгляды, историки и философы начала XIX века, разъясняя еще дальше вопрос о классовой борьбе, развивая диалектический метод и применяя или начиная применять его к общественной

жизни,—то марксизм, сделавший ряд громадных шагов вперед именно по этому пути, есть в ы с ш е е р а з в и т и е всей исторической и экономической и философской науки Европы. Таков логический вывод. А у г. Струве вывод гласит: п о э т о м у марксизм не стоит и опровергать, о законах стоимости и т. п. не стоит и говорить, марксизм есть порождение реакции!

Неужели г. Струве рассчитывает столь грубыми приемами обмануть своих слушателей и прикрыть свое мракобесие?

VIII.

Ученый труд г. Струве не был бы, разумеется, ученым трудом, представленным на соискание ученой степени, если бы в нем не была «доказана» невозможность социализма.

Вы думаете, может быть, что это чересчур? В сочинении, посвященном вопросу о цене и хозяйстве, а также о «некоторых философских мотивах» политической экономии, «доказать» невозможность социализма, даже и не подступая к изучению исторических тенденций капитализма?

О, для г. Струве, это—совсем, совсем просто! Слушайте:

«В последнем итоге экономическому либерализму рисуется полное совпадение—на основе осуществления «естественного закона»—рационального и должного с естественным и необходимым в общественно-экономическом процессе, полная рационализация его... Социализм в своей наиболее совершенной форме исторического или т. н. научного социализма, отрицая «общественный закон», в то же время разделяет эту основную идею экономического либерализма. Он также полагает, что возможна гармония между рациональным построением и естественным ходом вещей, возможна полная рационализация общественно-экономического процесса» (58). Несколько пренебрежительных фраз об этой «вере» (59) и вывод серьезной науки (60). (Параграф 7-й главы 2-й отдела первого первой части «труда» г. Струве):

«Сопоставляя социалистический и либеральный идеал с миром действительности, научно-эмпирическое исследование должно признать, что для него заключенная в этих идеалах вера не может существовать. Оба эти идеала в формальном смысле одинаково неосуществимы, одинаково утопичны».

Право, не веришь даже своим глазам, когда читаешь такие вещи. До такой степени маразма, унадка и проституции дошла

современная профессорская наука! Г. Струве прекрасно знает, что научный социализм опирается на факт обобществления производства капитализмом. Этот факт доказывается бездной явлений, наблюдаемых во всем мире. О степени развития и скорости развития этих явлений имеется богатейший «эмпирический» материал.

А наш ученый, обойдя вопрос об обобществлении производства, не прикоснувшись своим «научно-эмпирическим исследованием» ни к о д н о й области многочисленных фактов, объявляет вопрос научно решенным на основании нескольких пустых фраз о либерализме и рационализации!

Неправда, что либерализму рисуется полная рационализация. Неправда, что марксизм о т р и ц а е т «естественный закон». Неправильна и пуста вообще вся фраза о «полной рационализации»,—все это жалкие увертки, плоская игра, преследующая одну цель: обойти ясно и точно поставленный научным социализмом вопрос, огорошить учащуюся молодежь шумом и криком о невозможности социализма.

IX.

Громадная часть труда г. Струве, значительно больше половины, посвящена «этюдам и материалам по исторической феноменологии цены».

Вот где мог бы, в самом деле, показать себя наш горячий сторонник «последовательного эмпиризма», объявляющий стоимость фантомом и изучающий ц е н ы, как факты!

Статистика цен за последние годы делает громадные успехи. Во всех странах собрана масса материалов. Целый ряд трудов по истории цен. Если строгий ученый не может даже снизить до того, чтобы опровергать теорию стоимости Маркса, отчего бы не проанализировать хоть некоторые основные вопросы этой теории при помощи «эмпирического» материала из истории и статистики цен? Можно найти тысячи товаров и сотни отделов или периодов из истории их цен, когда влияние всех и всяких посторонних факторов поддается устранению—за исключением «ф а к т о р а» труда,—и когда о количестве труда, употребляемого для производства данного вида товара, есть точные данные. Отчего бы нашему стороннику «последовательного эмпиризма» в «научном исследовании» о цене в отделе об «исторической феноменологии цены» не п р и к о с н у т ь с я к этим данным?

Отчего? Оттого, разумеется, что г. Струве слишком хорошо сознавал безнадежность своей позиции, невозможность опровергнуть теорию объективной, трудовой, стоимости и инстинктивно чувствовал необходимость б е г о м б е ж а т ь прочь от всякого научного исследования.

Сотни страниц труда г. Струве, посвященные «этюдам и материалам по исторической феноменологии цены», представляют из себя на редкость замечательный образчик того, как бегают от науки современные буржуазные ученые. Чего-чего только тут нет! Заметки об указной и вольной цене—несколько наблюдений над полинезийцами—цитаты из устава о рыночной торговле, изданного (ученость, ученость!) объединителем Мадагаскара, царем Андрианампуинимерины в 1782—1810 годах,—несколько статей из закона вавилонского царя Хаммураби (эпоха приблизительно за 2,100 лет до Р. Х.) о вознаграждении врача за операцию—несколько цитат, преимущественно латинских, в высшей степени ученых, о тарификации покупной цены женщины в германских народных правдах—перевод семи статей, относящихся к торговому праву, из сочинений священных законников Индии, Ману и Яйнавалькиа*)—охрана покупателя в римском праве и так далее и так далее вплоть до эллинистических образцов полицейского регулирования цен в Риме и до христианизации римского полицейского права в законодательстве каролингов.

Можно ожидать, что г. В. П. Рябушинский, издавший труд г. Струве, обессмертит свою славу, как мецената, и славу г. Струве, как серьезного ученого, издавши еще сотни две томов этюдов и материалов по исторической методологии цены, ну, например, описания базаров всех времен и народов с иллюстрациями в тексте и с примечаниями г. Струве, надерганными из наилучших немецких библиографических указателей. Последовательный эмпиризм будет торжествовать, а фантомы разных «законов» политической экономии исчезнут аки дым.

*) Г. С. Ф. Ольденбург, любезно отвечая на запрос г. Струве, пишет ему, что «книги законов» «относительно затронутых вами (г. Струве) вопросов, повидимому, близко отражали жизнь» (Примечание 51в § 8 подразделения II главы 2-й отдела II части первой труда г. Струве).

Х.

В старой, дореволюционной России господствовало деление ученых на два крупных лагеря: подлаживающихся к министерству и независимых, при чем под первым разумелись прямо продажные писаки и составители сочинений на заказ.

Это грубое деление, соответствовавшее патриархальным, полуазиатским отношениям, безусловно устарело и должно быть сдано в архив. Россия быстро европеизируется. Буржуазия у нас почти созрела и даже кое в чем перезрела. Ее ученые, „независимы“ от правительства, они отнюдь не способны писать на заказ, они искренне и добросовестно изучают вопросы с такой точки зрения и такими методами, которые, по их искреннему и добросовестному убеждению, совпадают с интересами „вождей“ нашей торговли и промышленности вроде т. В. П. Рябушинского. В наше время, когда все так далеко шагнуло вперед, заслужить репутацию солидного ученого и получить официальное признание своих трудов,—это значит доказать невозможность социализма посредством парочки „по-кантиански“ выведенных определений; это значит уничтожить марксизм, разъяснив читателям и слушателям, что его не стоит даже опровергать, и сославшись на тысячи имен и названий книг европейских профессоров; это значит выкинуть за борт вообще всякие научные законы для очистки места законам религиозным; это значит нагромождать горы высокоученого хлама и сора для забивания голов учащейся молодежи.

Если все это выйдет много поглубей, чем у буржуазных ученых Германии,—не беда. Надо же ценить то, что Россия встала все-таки окончательно на путь европеизации.

«Современный Мир»,

март 1914 г.

За подписью В. Ильин.

„Трудовое“ крестьянство и торговля землей.

Разговоры левонародников о „трудовом“ крестьянстве представляют из себя такой вопиющий обман и развращение с о ц и а л и с т и ч е с к о г о сознания рабочих, что необходимо еще и еще раз останавливаться на разборе этого обмана.

Чем больше щеголяют наши левонародники пустыми общими фразами и сладенькими речами, тем важнее противопоставлять им точные данные о крестьянском хозяйстве.

Ничего так не боится левонародник, как т о ч н ы х данных о крестьянской буржуазии и крестьянском пролетариате.

Возьмем данные последней земско-статистической работы о подмосковных крестьянах. Сельское хозяйство здесь приняло, сравнительно, в очень сильной степени торговый характер, благодаря чрезвычайно большому развитию садоводства и огородничества. Тем нагляднее пример более развитой в отношении господства рынка местности показывает нам о с н о в н ы е черты всякого крестьянского хозяйства при господстве капитализма.

Первый район подмосковного крестьянского хозяйства (мы берем один первый район, потому что статистики, к сожалению, не дали общих итогов) охватывает б о л е е 2-х т ы с я ч крестьянских хозяйств. Число это достаточно велико для изучения типичных отношений между пролетариатом и буржуазией среди «трудового» крестьянства.

Интересно, что капиталистическое земледелие складывается здесь, на обыденной земле, при чрезвычайно мелких размерах хозяйства. У 2.336 крестьянских хозяйств 4.263 десятины надельной земли—менее 2-х десятин в среднем на хозяйство. Прибавляя 1.761 десятину арендованной земли и вычитая 625 десятин сданных в аренду земель, получается 5.289 десятин—менее двух десятин на хозяйство. И тем не менее две трети крестьян имеют наемных рабочих!

Чем выше уровень земледельческой техники, чем интенсивнее хозяйство, чем сильнее влияние рынка, тем чаще встречается к р у п н о е производство на м е л к и х участках земли. Это постоянно забывают буржуазные профессора и наши левонародники, восхищаясь мелкими (по количеству земли) хозяйствами и з а т у ш е в ы в а я капиталистический характер современных мелких хозяйств с наймом рабочих.

Посмотрим на торговый оборот с надельной землей. Из цифр аренды и сдачи земель видно, что этот торговый оборот очень значителен. Около половины арендуемой земли относится к н а д е л ь н о й земле. Всего сдается в аренду 625 десятин н а д е л ь н о й земли, а арендуется 845 десятин. Ясно, что старое надельное землевладение, по всему своему характеру связанное с крепостничеством и средневековьем, становится н о м е х о й современ-

ному торговому и капиталистическому обороту. Капитализм л о м а е т старое наделное землевладение. Хозяйство приспособляется не к к а з е н н о м у наделу, а требует с в о б о д н о г о торгового оборота с землей, свободной аренды и сдачи ее, соответствующих требованиям рынка, требованиям буржуазного экономического уклада.

Возьмем крестьянский пролетариат. Сюда надо отнести прежде всего 405 дворов (из 2.336), безремесленных и имеющих до половины десятин земли под хозяйством. У этих 405 дворов 437 десятин наделной земли. Но это— беднота, почти все безлошадные. Хозяинничать они не в силах. И вот они сдают в аренду 372 десятины— большую часть своей земли, а сами превращаются в наемных рабочих: из 405 дворов 376 дворов «отпускают» либо сельских рабочих, либо промышленных, отрывающихся от земледелия.

Возьмем самую богатую крестьянскую буржуазию. 526 дворов имеют в хозяйстве свыше 3-х десятин земли: это уже капиталистическое земледелие при садовом и огородном хозяйстве. Из 526 хозяев, 509 нанимают рабочих. На 1.706 семейных рабочих у них приходится 1.248 наемных (годовых и сроковых), не считая еще поденщиков (51 тысяча поденных рабочих дней).

Земли у них 1.540 десятин—менее 3-х десятин надела на двор. Но они сдают всего 42 десятины, а арендуют 1.102 десятины, из них 512 десятин наделной земли! «Собирая» таким образом землю, эти «трудовые» крестьяне, имеющие по т р и с е м е й н ы х рабочих на хозяйство, превращаются в типичных буржуа: в среднем по 2 с половиной н а е м н ы х рабочих на хозяйство и почти сотня наемных поденных рабочих дней. Купля-продажа п р о д у к т о в земли ведет к развитию купли-продажи с а м о й земли (аренда и сдача), а затем, и к купле-продаже р а б о ч е й силы.

Вдумайтесь теперь в утверждение левонародников, будто отмена частной собственности на землю есть «изъятие земли» из торгового оборота! Это—чистейшая мещанская сказка. На деле как раз наоборот: такая отмена у с и л и л а б ы в громадных размерах вовлечение земли в торговый оборот. Освободились бы капиталы, затрачиваемые ныне на покупку земли, отпали бы крепостнические и бюрократические (чиновничьи) помехи свободной передаче земли из рук в руки,—развился бы еще сильнее капитализм, т.-е. сдача земли пролетариатом, «собираение» земли буржуазией.

Меру, полезную с точки зрения борьбы против крепостников, левонародники выдают за «социализм», тогда как на деле это—буржуазная мера. И у крестьянских пролетариев, и у крестьянских буржуа есть общие интересы, против помещиков, это бесспорно. Это знает всякий рабочий-марксист, но затем нять сознание классовой противоположности между пролетариатом и буржуазией посредством болтовни о «трудовом» крестьянстве, значит переходить на сторону буржуазии, значит идти на сторону врагов социализма.

Подмосковное хозяйство показывает нам—точно под увеличительным стеклом—то, что происходит в более слабой и менее легко установимой форме в е д е в России. Везде уже исключением становится крестьянин, который не нанимается или не нанимает («работника») сам. Каждый день приносит, даже в захолустье, все большее развитие торговли, все большее обострение пропасти между пролетариями (наемными рабочими) и хозяевами, мелкими буржуа, крестьянами.

Задача пролетария городского—развивать ясное сознание этой классовой противоположности, которая прикрывается деревне особенностями земледелия и остатками крепостничества. Задача буржуазии, за которой по неразумию плетутся и мелкобуржуазные левонародники, затруднять сознание этой классовой противоположности посредством пустых, бессодержательных и глубоко-лживых фраз о «трудовом» крестьянстве.

«Путь Правды» № 26

от 2 марта 1914 г.

За подписью В. И.

Невинные пожелания.

Недавно в либеральных газетах был помещен и сочувственно пересказан призыв К. Арсеньева⁴⁷⁾ побольше обратить внимание на соби́рание сведений об административных высылках.

«Как ни многочисленны—писал К. Арсеньев—проявления административного беззакония и произвола, оглашаемые в газетах, множество других, не менее возмутительных, проходит неотмеченным и незамеченным. Этот пробел мог бы быть в значительной степени попо́лнен, если бы в соби́рание соответствующих сведений была внесена некоторая система. Только случайно и

потому неполно становятся известными причины административных высылков и арестов, до сих пор практикуемых весьма широко, особенно в среде рабочих. Случайно проникают в печать и вести о положении высланных на местах ссылки.

Что верно, то верно! Либеральным партиям, либеральным членам Думы, либеральным адвокатам, либеральным журналистам, отдельным группам либералов и т. д. было бы вполне возможно собирать и опубликовывать—и в пределах досягаемости, и за пределами таковой—чрезвычайно полный и систематический материал о к а ж д о м случае, из тех, что «практикуются весьма широко, особенно среди рабочих».

Вот, например, газета «Речь» «горячо приветствовала все эти советы и призывы уважаемого общественного деятеля» Н. Арсеньева.

За чем же дело стало, господа? У кого-кого, а у вас-то имеются возможности и средства организовать правильный сбор и оглашение сведений о том «бытовом явлении» российской жизни, которым вы все возмущаетесь, которое вы все осуждаете, о котором вы все постоянно говорите! А посмотрите: ни в одной либеральной газете, в 1000 раз более «обеспеченной» (во всех смыслах) на случай всяких препон и помех, не собираются точные сведения о в с е х высылках и арестах.

Приходится сказать: мастера наши либералы на невинные добрые пожелания, а чтобы печатать в том же, Арсеньевском, «Вестнике Европы», в тех же «Русских Ведомостях» или «Речи» имена всех высылаемых, сведения о них, систематические данные об их судьбе,—этого не делается.

«Поддерживать» призывы на словах, должно быть, легче (и безопаснее), чем д е л а т ь кое-что во и с п о л н е н и е призывов...

*«Путь Правды» № 32
от 9 марта 1914 г.*

Либеральный профессор о равенстве.

Г. либеральный профессор Туган-Варановский отправился в поход против социализма. На этот раз он подошел к вопросу не с политико-экономической стороны, а со стороны общих рассуждений о равенстве (может быть, эти общие рассуждения показа-

лись профессору более подходящими для религиозно-философских собеседований, на которых он выступал?).

«Если взять социализм—провозгласил г. Туган—не как экономическую теорию, а как жизненный идеал, то, несомненно, он связан с идеалом равенства, но равенство—понятие... из опыта и разума не выводимое».

Вот рассуждение либерального ученого, повторяющего невероятно избитые и затасканные доводы: дескать, опыт и разум свидетельствуют явно, что люди не равны, а социализм основывает свой идеал на равенстве. Значит, социализм, изволите видеть, нелепость, противоречит опыту и разуму и так далее!

Г. Туган повторяет старый прием реакционеров: сначала извратить социализм, приписав ему нелепость, а потом победоносно опровергает нелепицы! Когда говорят, что опыт и разум свидетельствуют, что люди не равны, то под равенством разумеют равенство способностей или одинаковость физических сил и душевных способностей людей.

Само собой разумеется, что в этом смысле люди не равны. Ни один разумный человек и ни один социалист не забывает этого. Только к социализму такое равенство не имеет ни какого отношения. Если г. Туган совсем не умеет думать, то во всяком случае он умеет читать и, взявши известное сочинение одного из основателей научного социализма, Фридриха Энгельса, против Дюринга, г. Туган мог бы прочесть там специальное разъяснение, что под равенством в области экономической глупо разуметь что-либо иное кроме у н и ч т о ж е н и я к л а с с о в. Но когда г.г. профессора берутся опровергать социализм, то не знаешь, чему больше удивляться, их тупости или их невежеству, или их недобросовестности.

Придется начинать с азов, раз имеешь дело с г. Туганом.

Под равенством социал-демократы в области политической разумеют р а в н о п р а в и е, а в области экономической, как уже сказано, у н и ч т о ж е н и е к л а с с о в. Об установлении же человеческого равенства в смысле равенства сил и способностей (телесных и душевных) социалисты и не помышляют.

Равноправие есть требование одинаковых политических прав для в с е х граждан государства, достигших известного возраста и не страдающих ни обыкновенным, ни либерально-профессорским слабоумием. Это требование выдвинуто впервые вовсе не социалистами, не пролетариатом, а б у р ж у а з и е й. Общеизвестный

исторический опыт всех стран мира свидетельствует об этом, и г. Туган легко мог бы узнать это, если бы он не ссыался на «опыт» исключительно в целях одурачения студентов и рабочих, в целях угождения власти имущим «уничтожением» социализма.

Буржуазия выдвинула требование **р а в е н с т в а** прав всех граждан в борьбе с средневековыми, феодальными, крепостническими, сословными привилегиями. В России, например, в отличие от Америки, от Швейцарии и т. п. и сейчас сохраняются привилегии сословия дворянского во всей политической жизни и на выборах в Государственный Совет, и на выборах в Думу, и в местном управлении, и в отношении налогов, и во многом, многом другом.

Даже самый недогадливый и неразвитый человек может сообщить, что отдельные люди, принадлежащие к дворянскому сословию, *не* равны по своим телесным и душевным способностям, как *не* равны между собой и люди, принадлежащие к «податному», «черному», «низшему» или «непривилегированному» крестьянскому сословию. Но по **п р а в а м** своим все дворяне **р а в н ы**, а все крестьяне равны по своему бесправию.

Понимает ли теперь г. ученый и либеральный профессор Туган разницу между равенством в смысле равноправия и равенством в смысле равенства сил и способностей?

Перейдем теперь к равенству в смысле экономическом. В Соединенных Штатах Америки, как и в других передовых государствах, средневековых привилегий нет. Все граждане равны в смысле политических прав. Но равны ли они по **п о л о ж е н и ю** в **о б щ е с т в е н н о м** **п р о и з в о д с т в е**?

— Нет, г. Туган, не равны. Одни владеют землей, фабриками, капиталами и живут на счет неоплаченного труда рабочих;—таковых ничтожное меньшинство. Другие, именно громадная масса населения, не имеют никаких средств производства и живут только продажей своей рабочей силы; это—пролетарии.

Дворян в Соединенных Штатах Америки нет, а буржуа и пролетарии имеют **р а в н ы е** политические права. Но они *не* равны по своему **к л а с с о в о м у** положению: одни, класс капиталистов, владеют средствами производства и живут на счет неоплаченного труда рабочих; другие, класс наемных рабочих, пролетариев, не имеют средств производства и живут продажей на рынке своей рабочей силы.

Уничтожить классы—это значит поставить в с е х граждан в о д и н а к о в о е отношение к с р е д с т в а м п р о и з - в о д с т в а всего общества, это значит — все граждане имеют о д и н а к о в ы й доступ к работе на общественных средствах производства, на общественной земле, на общественных фабриках и так далее.

Это разъяснение того, что есть социализм, необходимо было для просвещения ученого либерального профессора г. Тугана, который, может быть, понатужившись, поймет теперь, что р а в е н с т в а сил и способностей людей в социалистическом обществе ждать нелепо.

Кратко говоря: когда социалисты говорят о равенстве, они понимают под ним в с е г д а о б щ е с т в е н н о е равенство, равенство общественного положения, а никоим образом не равенство физических и душевных способностей отдельных личностей.

Читатель спросит, пожалуй, в недоумении: как могло быть, чтобы ученый либеральный профессор позабыл эти азбучные истины, известные всякому из любого изложения взглядов социализма? Ответ простой: л и ч н ы е особенности современных профессоров таковы, что среди них можно встретить даже редкостно-тупых людей вроде Тугана. Но о б щ е с т в е н н о е положение профессоров в буржуазном обществе таково, что пускают на эту должность только тех, кто продает науку на службу интересам капитала, только тех, кто соглашается против социалистов говорить самый невероятный вздор, бессовестнейшие нелепости и чепуху. Буржуазия все это простит профессорам, лишь бы они занимались «уничтожением» социализма.

*«Путь Правды» № 33
от 11 марта 1914 г.*

Английские либералы и Ирландия.

То, что происходит теперь в английском парламенте в связи с законопроектом об ирландском г о м р у л е (самоуправлении или, вернее, автономии для Ирландии), представляет выдающийся интерес и с точки зрения классовых отношений, и с точки зрения выяснения национального и аграрного вопросов.

Англия веками поработала Ирландию, доводила ирландских крестьян до неслыханных мучений голода и вымирания от голода,

сгоняла их с земли, заставляла сотнями тысяч и миллионами покидать родину и выселяться в Америку. В начале XIX века в Ирландии было $5\frac{1}{2}$ миллионов населения, теперь только $4\frac{1}{3}$. Ирландия обезлюдела. В течение XIX века свыше 5 миллионов ирландцев переселилось в Америку, и в Соединенных Штатах теперь б о л ь ш е ирландцев, чем в Ирландии!

Неслыханные бедствия и мучения ирландских крестьян—один из поучительных образчиков того, до чего доходят помещики и либеральные буржуа «господствующей» нации. Англия созидала свое «блестящее» экономическое развитие, «процветание» своей промышленности и торговли в значительной степени на таких подвигах по отношению к ирландскому крестьянству, которые напоминают русскую крепостную барыню Салтычиху.

Англия «процветала», Ирландия вымирала и оставалась неразвитой, полудикой, чисто земледельческой страной, страной нищих крестьян-арендаторов. Но, как ни хотелось «просвещенной и либеральной» буржуазии Англии увековечить порабощение Ирландии и нищету ее, реформа все же надвигалась с неизбежностью,—тем более, что революционные взрывы борьбы ирландского народа за свободу и за землю становились все более грозными. В 1861 году образовалась ирландская революционная организация ф е н и е в. Переселившиеся в Америку ирландцы всячески помогали ей.

С 1868 года, с министерства Гладстона, этого героя либеральных буржуа и тупых мешан, начинается э п о х а р е ф о р м в Ирландии,—эпоха, которая преблагополучно затянулась до настоящего времени, т.-е. без малого на полвека. О, мудрые государственные люди либеральной буржуазии умеют очень «медленно спешить» со своими «реформами»!

Карл Маркс жил тогда уже свыше 15 лет в Лондоне и с величайшим интересом, с величайшим сочувствием следил за борьбой ирландцев. 2 ноября 1867 года он писал Фридриху Энгельсу: «Я всячески старался вызвать со стороны английских рабочих демонстрацию сочувствия борьбе фениев. Раньше я считал отделение Ирландии от Англии невозможным. Теперь я считаю его неизбежным, хотя бы после отделения и наступила федерация»... В письме от 30 ноября того же года Маркс опять возвращается к этой теме:

«...Спрашивается, что мы должны советовать английским рабочим? По-моему, они должны сделать пунктом своей программы

отмену союза» (отмену союза Ирландии)—«говоря короче, восстановить требование 1783 года, только демократизовать его и применить к современным условиям. Отделение Ирландии—единственно легальная и потому единственно возможная форма ирландского освобождения, которая должна войти в программу а н г л и й с к о й рабочей партии». И Маркс доказывал далее, что ирландцы нуждаются в самоуправлении и независимости от Англии, в аграрной революции, в таможенных пошлинах против Англии.

Такова была программа, которую К. Маркс предлагал английским рабочим в интересах свободы Ирландии, ускорения общественного развития и свободы английских рабочих; ибо английские рабочие не могли добиться свободы, пока они помогали (или даже позволяли) держать в рабстве другой народ.

Но увы! Английские рабочие в силу целого ряда особых исторических причин оказались в последней трети XIX века зависимыми от либералов, пропитанными духом либеральной рабочей политики. Они оказались не во главе народов и классов, борющихся за свободу, а в хвосте презренных лакеев денежного мешка, господ английских либералов.

Илибералы н а п о л в е к а растянули освобождение Ирландии, не законченное и поныне! Ирландский крестьянин только в XX веке стал превращаться из арендатора в свободного владельца земли, но г.г. либералы навязали ему в ы к у п по «справедливой» о ц е н к е! Миллионы и миллионы даней платит он и будет платить еще долгие годы английским помещикам в награду за то, что они несколько столетий грабили его и доводили до постоянных голодовок. Английские либеральные буржуа заставили ирландских крестьян отблагодарить за это помещиков чистыми денежками...

Теперь проходит через парламент закон о г о м р у л е (самоуправлении) Ирландии. Но в Ирландии есть северная провинция Ольстер (или Ульстер, как иногда неправильно пишут); она населена частью выходцами из Англии, протестантами в отличие от католиков-ирландцев. И вот английские консерваторы с помещиком черносотенцем Пуришкевичем... то-бишь Карсоном во главе подняли бешеный вопль против автономии для Ирландии. Это значит отдать ольстерцев на подчинение иноверцам и инородцам! Лорд Карсон грозил восстанием и организовывал вооруженные банды черносотенцев.

Разумеется, угроза эта пустая. О восстании горстки хулиганов не может быть и речи. Об «угнетении» протестантов ирландским парламентом (власть которого определена а н г л и й с к и м законом) не могло быть тоже и речи.

Дело просто в том, что помещики-черносотенцы з а п у г и в а ю т либералов.

И либералы трусят, кланяются черносотенцам, идут на уступки им, предлагают произвести о с о б о е в с е н а р о д н о е г о л о с о в а н и е (так называемый референдум) в Ольстерс и н а ш е с т ь лет отложить реформу для Ольстера!

Торгашество между либералами и черносотенцами продолжается. Реформа подождет: ждали полвека—подождут ирландцы и еще, не «обижать» же помещиков!

Конечно, если бы либералы обратились к народу Англии, к пролетариату,—черносотенная банда Карсона сразу растаяла бы и исчезла. Мирная и полная свобода Ирландии была бы обеспечена.

Но чтобы либеральные буржуа обратились за помощью к пролетариату против помещиков—разве это мыслимо? Ведь либералы в Англии тоже лакеи денежного мешка, способные только раболепствовать перед Карсонами.

*«Путь Правды» № 34
от 12 марта 1914 г.*

Система Тэйлора — порабощение человека машиной.

Капитализм ни на минуту не может стоять на месте. Он должен идти вперед и вперед. Конкуренция, особенно обостряющаяся в эпохи кризиса, подобные нашей, заставляет изобретать все новые средства для удешевления производства. А господство капитала превращает все такие средства в орудия дальнейшего угнетения рабочего.

Система Тэйлора—одно из таких средств.

Недавно в Америке сторонники этой системы применяли такие приемы.

К руке рабочего прикрепляют электрическую лампочку. Фотографируют движения рабочего и изучают движения лампочки. Находят, что известные движения были «излишни»—и рабо-

чего заставляют избегать этих движений, т.-е. работать интенсивнее, не терять ни секунды на отдых.

Составляют целые планы новых фабричных построек—таким образом, чтобы не терялась ни одна лишняя минута при доставке материалов на фабрику, при передаче их из одной мастерской в другую, при вывозе готового продукта. Кинематограф применяется систематически для изучения работы лучших рабочих и для увеличения ее интенсивности, т.-е. для большего «подгонянья» рабочего.

Например, в течение целого дня кинематографировали работу монтера. Изучив его движения, ввели особую скамейку, настолько высокую, чтобы монтеру не надо было терять времени на то, чтобы наклоняться. Приставили мальчика в помощники монтеру. Мальчик должен был подавать ему каждую часть машины определенным, наиболее целесообразным способом. Через несколько дней монтер исполнял данную работу по сборке машины в четверть того времени, которое он употреблял раньше!

Какой успех производительности труда!.. но плату рабочему повышают не вчетверо, а всего в полтора раза, самое большее, да и то только на первое время. Как только рабочие привыкнут к новой системе, плату опять понижают до прежнего уровня. Капиталист получает громадную прибыль, а рабочий трудится вчетверо интенсивнее, выматывая свои нервы и мускулы вчетверо быстрее.

Новопоступающего рабочего ведут в заводский кинематограф, который показывает ему «образцовое» производство его работы. Рабочего заставляют «догонять» тот образец. Через неделю рабочему показывают в кинематографе его собственную работу и сравнивают ее с «образцом».

Все эти громадные усовершенствования делаются п р о т и в рабочего, ведя к еще большему подавлению и угнетению его и при этом ограничивая рациональным, разумным, распределением труда в н у т р и ф а б р и к и.

Естественно является мысль: а распределение труда внутри всего общества? Какая бездна труда пропадает даром в настоящее время от безалаберности, хаотичности всего капиталистического производства! Сколько теряется времени на переход сырого материала к фабриканту через сотни скупщиков и перекупщиков при неизвестности требований рынка! Не только время, но и самые продукты теряются и портятся. А потеря времени и труда на

доставку готового продукта потребителям через бездну мелких посредников, которые тоже не могут знать требований покупателей и делают массу не только лишних движений, но лишних закупок, поездок и так далее, и тому подобное!

Капитал организует и упорядочивает труд внутри фабрики для дальнейшего угнетения рабочего, для увеличения своей прибыли. А во всем общественном производстве остается и растет хаос, приводящий к кризисам, когда накопленные богатства не находят покупателей, а миллионы рабочих гибнут и голодают, не находя работы.

Система Тэйлора— без ведома и против воли ее авторов— подготавливает то время, когда пролетариат возьмет в свои руки все общественное производство и назначит свои, рабочие, комиссии для правильного распределения и упорядочения всего общественного труда. Крупное производство, машины, железные дороги, телефон— все это дает тысячи возможностей сократить вчетверо рабочее время организованных рабочих, обеспечивая им вчетверо больше благосостояния, чем теперь.

И рабочие комиссии при помощи рабочих союзов сумеют применить эти принципы разумного распределения общественной работы, когда она избавлена будет от порабощения ее капиталом.

«Путь Правды» № 35

от 13 марта 1914 г.

За подписью М. М.

„Ответственная оппозиция“ и участие к.-д. в совещании первого марта.

Газеты много уже говорили по поводу совещания представителей правительства с некоторыми депутатами Думы первого марта. Но значение этого совещания с точки зрения положения и задач «оппозиции» в Думе освещено далеко недостаточно.

Припомним, что как раз перед первым марта в целом ряде органов либеральной печати, и в Петербурге, и в Москве, и в провинции, поднят был и усиленно обсуждался общий вопрос о мертвом затишье в Думе, о бессилии и безжизненности ее, о бегстве депутатов из Думы, о задачах оппозиции и т. д.

Как раз перед первым марта виднейшие вожди «конституционно-демократической» партии, г.г. Миллюков и Шингарев,

выступали в печати обеих столиц и против г. Струве за его призывы к «оздоровлению власти», и против правого кадета В. Маклакова за его «пессимистически-оптимистические» призывы к соглашению с октябристами. Как раз перед первым марта г. Миллюков из всех сил старался показать себя противником «вехизма», т.-е. последовательных и откровенных идей контр-революционного либерализма.

Состав и характер совещания первого марта еще и еще раз доказали, что все эти оговорочки вождей партии к.-д. против Струве и В. Маклакова, все эти усилия изобразить себя «левее» названных политиков—одно лицемерие и обман демократии. На деле торжествовала на этом совещании именно политика «вехистов» среди либералов, именно политика г.г. Струве и В. Маклакова, а не официальных вождей и дипломатов к.-д. партии, г.г. Миллюкова, Шингарева и К.-о.

Участвовали в совещании только представители правительственных партий и либерально-буржуазной оппозиции,—ни социал-демократы, ни трудовики (буржуазная демократия) не были приглашены (будто бы потому, что они «принципиальные анти-милитаристы и голосуют всегда против всех военных кредитов», а на деле—по нежеланию получить мотивированный и публичный отказ, который был обеспечен по крайней мере со стороны социал-демократов).

Когда депутаты оппозиции,—по высоко-официальному сообщению «Речи»—«сделали попытку возбудить вопрос о нашей внутренней политике», им было заявлено, что речь должна идти только о военных кредитах и что «в настоящем совещании представители правительства не считают возможным выступать с объяснениями по вопросам внутренней политики».

«Тем не менее,—писала «Речь»,—некоторые депутаты, в том числе И. Н. Ефремов, А. И. Шингарев и другие, затрагивали в своих речах вопросы и о нашем внутреннем положении».

Тем более—придется сказать по поводу этого заявления—неуместна, смешна, нелепа и недостойна была роль кадетских, конституционно-демократических депутатов. Если бы партия их называлась умеренной либерально-монархической партией,—т.-е. носила название, правильно выражающее классовую сущность и действительную политическую природу,—то тогда

поведение депутатов к.-д. было бы партийно-нормальным! Но людям, которые хотят, чтобы их считали демократами, людям, из которых даже наиболее правые вроде В. Маклакова объявляют публично, что они утратили веру «в возможность найти выход из тупика без революционных взрывов и катастроф» (именно так излагал взгляды В. Маклакова с а м г. Шингарев в № 55 «Речи», 26 февраля,—в том же духе писал с а м г. Милюков в номере от 25 февраля),—таким людям участие в совещании с правыми и октябристами наносило публичную пощечину.

Господа кадеты сами нанесли себе пощечину. Они публично отрекались—своим участием—от своих слов насчет «утраты веры». Они публично демонстрировали свою готовность доказать ж и в о с т ь с в о е й в е р ы, равносильную готовности служить и прислуживать.

Ибо—кто другой, а кадеты-то уж превосходно понимают и связь неразрывную внутренней политики с внешней, и значение «ассигновки» кредитов...

*«Путь Правды» № 36
от 14 марта 1914 г.*

Распад „августовского“ блока.

Все, интересующиеся рабочим движением и марксизмом в России, знают, что в августе 1912 года создался блок (союз) ликвидаторов, Троцкого, латышей, бундовцев, кавказцев.

С треском и шумом было объявлено об этом блоке в газете «Луч», основанной не на рабочие деньги как раз во время выборов в Петербурге для срыва воли большинства организованных рабочих. Прославлялась «многочисленность» участников этого блока, прославлялся союз «марксистов разных направлений», прославлялось «единство» и нефракционность; посылались громы против «раскольников», сторонников Январской 1912 года конференции.

Вопрос о «единстве» встал, таким образом, перед мыслящими рабочими в новой, практической форме. Факты должны были показать, кто прав: те ли, кто восхвалял «сбъединительную» платформу и тактику «августовцев», или те, кто говорил, что это — лживая вывеска, прикрывающая новым нарядом тех же обанкротившихся ликвидаторов?

Прошло ровнехонько п о л т о р а года. Срок громадный для периода подъема 1912—1913 годов. И вот в феврале 1914 года основывается новый, на этот раз уже особенно «объединительный», особенно и взаправду «нефракционный» журнал «н а с т о я щ е г о» сторонника августовской платформы Троцкого, под названием «Борьба».

И содержание № 1 «Борьбы», и то, что напечатано было ликвидаторами о «Борьбе» до ее выхода, сразу показывает внимательному человеку на р а с п а д августовского блока и на судорожные усилия скрыть этот распад, обмануть рабочих. Но и этот обман будет быстро разоблачен.

До выхода «Борьбы» редакция «С.Р. Газеты» напечатала злую заметку: «действительная физиономия этого журнала, о котором в последнее время довольно много говорили в марксистских кругах, для нас остается пока еще невыясненной».

Подумайте только, читатель: с августа 1912 года Троцкий числится в главарях августовского объединительного блока,—но уже весь 1913 год показывает его отстранение от «Луча» и «лучистов». В 1914 году этот Троцкий основывает с в о й журнал, продолжая фиктивно числиться и в «Северной Рабочей Газете», и в «Нашей Заре». «В к р у г а х д о в о л ь н о м н о г о г о в о р я т» о скрываемой ликвидаторами секретной «записке» Троцкого п р о т и в лучистов, господ Ф. Дана, Л. Мартова и тому подобных «незнакомцев».

А правдивая, нефракционная и объединительная редакция «Северной Рабочей Газеты» печатает: «для нас физиономия еще не выяснена»!

Для них еще не выяснено, что августовский блок распался!!

Нет, господа Ф. Дан, Л. Мартов и прочие лучисты, для вас это превосходно «выяснено», и вы просто обманываете рабочих.

Августовский блок оказался,—как мы говорили тогда же, в августе 1912 года,—пустым прикрытием ликвидаторов. О н р а з о р в а н. Не удержались вместе д а ж е русские его друзья. Пресловутые объединители не сумели даже объединиться между собой, и получилось д в а «августовских» направления: лучистское («Наша Заря» и «Северная Рабочая Газета») и троцкистское («Борьба»). Оба держат по кусочку разорванного ими «общего объединенного» августовского знамени—и оба охрипшим голосом кричат «единство»!

Каково направление «Борьбы»? Об этом Троцкий написал громадный фельетон в № 11 «Северной Рабочей Газеты», но редакция ликвидаторской газеты очень метко ответила ему, что «физиономия по-прежнему не выяснена».

Действительно, у ликвидаторов есть своя физиономия, либеральная, а не марксистская. Всякий, знакомый с писаниями Ф. Дана, Л. Седова, Л. Мартова, Ежова, Потресова и К-о, знает эту физиономию.

У Троцкого же никогда никакой «физиономии» не было и нет, а есть только перелеты, переметывания от либералов к марксистам и обратно, обрывки словечек и звонких фраз, надерганных отсюда и оттуда.

Ни по единому спорному вопросу нет в «Борьбе» н и о д н о г о живого слова.

Это невероятно, но это факт.

Вопрос «о подполье»? Ни словечка.

Разделяет ли Троцкий идеи Аксельрода, Засулич, Ф. Дана, Л. Седова (№ 101 «Луча») и т. д.?—Н и з в у к а

Лозунг борьбы за открытую партию?—Н и е д и н о г о слова.

Либеральные речи Ежовых и др. лучистов о стачках? отмена программы по национальному вопросу?—Н и з в у к а.

Выступления Л. Седова и др. лучистов п р о т и в д в у х «китов»?—Н и з в у к а. Троцкий уверяет, что он за соединение частичных требований и конечной цели, но как он относится к л и к в и д а т о р с к о м у осуществлению сего «соединения», об этом молчок!

На деле, под прикрытием особенно звонких, пустых и туманных фраз, Троцкий проводит, запутывая несознательных рабочих, защиту ликвидаторов своим замалчиванием вопроса о подполье, уверениями, что у нас нет либеральной рабочей политики и т. д.

К семерке депутатов с Чхеидзе во главе Троцкий обращается с специальными длинными поучениями о том, как п о х и т р е е надо проводить отрицание подполья и партии. Эти забавные поучения ясно говорят о д а л ь н е й ш е м р а с п а д е семерки. От нее ушел Бурьянов. Они не могли спеться об ответе Плеханову. Они теперь колеблются между Даном и Троцким, при чем Чхеидзе, видимо, напрягает свои дипломатические таланты для замазывания новой трещины,

И эти околопартийные люди, не умеющие объединиться на с в о е й «августовской» платформе, обманывают рабочих криками об «единстве»! Напрасные усилия!

Единство есть признание «старого» и борьба с отрицателями его. Единство есть объединение большинства рабочих в России вокруг решений, давно всем известных и осудивших ликвидаторство. Единство есть связь депутатов в Думе с волей большинства рабочих, что достигнуто шестеркой рабочих депутатов.

А ликвидаторы и Троцкий, «семерка» и Троцкий, разорвав свой собственный августовский блок, забросивши все решения партии, оторвав себя и от подполья и от организованных рабочих, являются худшими раскольниками. К счастью, рабочие поняли уже это и все сознательные рабочие создают н а д е л е свое единство п р о т и в ликвидаторских разрушителей его.

*«Путь Правды» № 37
от 15 марта 1914 г.*

Капитализм и печать.

Когда два вора дерутся, от этого всегда будет известная польза для честных людей. Когда вконец перессорятся «деятели» буржуазного газетного дела, они раскрывают перед публикой продажность и проделки «больших» газет.

Нововременец Н. Снесарев поссорился с «Новым Временем», проворовался и был удален со скандалом. Он опубликовал теперь «сочинение» в 135 страниц под заглавием: «Мираж «Нового Времени». Почти роман. Спб. 1914». Корча из себя, как водится, «благородного» человека, г. Снесарев описывает нравы, давно установившиеся в капиталистических странах Запада и все более проникающие в буржуазный газетный мир России, конечно, при условиях, особо благоприятствующих темноте и безнаказанности особенно грязных, особенно подлых подкупов, подхалимства и т. д.

«Все привыкли мало-по-малу жить гораздо выше своих средств,—пишет с грациозной наивностью «пострадавший» нововременец.—Когда и каким путем общество освободится от этого явления и освободится ли, неизвестно. Но что теперь обстоит так, то это—признанный факт». И одним из магических средств, позволяющих проживать больше, чем получаешь, является «у ч а с т и е» буржуазных газет в проведении концессий. «Можно на-

звать,—рассказывает нововременец,—десятки разных концессий, обязанных своим проведением в жизнь не только известным связям, но и известным статьям в известных газетах. «Новое Время», понятно, не исключение». Например, к г. Снессареву явился однажды представитель лондонской компании беспроволочного телеграфа Маркони и предложил составить устав русского общества Маркони и проект концессии в пользу этого общества. «Вознаграждение за этот труд определялось в 10.000 рублей, и соглашение было заключено».

Пострадавший Снессарев повествует, что не только он продал себя капиталистам за эти деньги, но и вся газета «Новое Время» продана за «кампанию в защиту концессии», получив скидку на телеграммы в 50% да «местечко» учредителя общества с акциями на 50.000 рублей.

Капиталисты лондонские—обирание россиян—концессия от русского правительства—участие печати—повальная продажность—купля-продажа кого угодно за десятки тысяч рублей—вот правдивая картина, развертываемая проворовавшимся и обжженным Снессаревым.

Миллионное предприятие «Нового Времени» падает. Сынки миллионера-ренегата А. С. Суворина прокучивают и выкидывают зря миллионы. Надо спасти благородную газету. Является на сцену «директор-распорядитель Волжско-Камского банка П. Л. Барк» (стр. 85). Он убеждает А. С. Суворина передать дело товариществу, которое в августе 1911 года получило в ы с о ч а й ш е утвержденный устав, при чем из 800 паев 650 было у А. С. Суворина (пай по 5.000 рублей). Баланс при утверждении общества составлен был фиктивный (стр. 97),—поясняет г. Снессарев и добавляет, что «подобный баланс могли принять при учреждении товарищества или совершенно ничего не понимавшие в цифрах люди, или люди вроде г. Гучкова, т.-е. прекрасно понимавшие дело, но преследующие только свои личные цели». Героями этого учреждения товарищества (учредительное собрание 10 ноября 1911 г.) были с а м С н е с с а р е в, П. Л. Барк, В. П. Буренин, октябрист член Г. Думы Шубинский, сынки благородного ренегата А. С. Суворина и т. д.

Эта высокопочтенная компания орудовала, как видит читатель, с ноября 1911 года особенно ретиво. А с 1912 г о д а—повествует пострадавший Снессарев—привилегия «Нового Времени» получать объявления земельных банков («не такой боль-

шой доход»: всего 15.000 руб. в год, или «что-то около» этого!), привилегия эта стала субсидией. Ибо по закону объявления должны идти в наиболее распространенной газете. «Новое Время» не было тогда наиболее распространенной, но оно «пустило в ход» («в первый раз», божится благородный Снессарев) свои закулисные влияния и знакомства в правительственных сферах, чтобы оставить за собой объявления земельных банков. При решении этого вопроса в Совете Министров после довольно серьезного колебания было решено оставить объявления «Новому Времени» (стр. 21).

Устраивается клуб литературно-художественного общества, «по-просту говоря, игорный дом» (стр. 69); «в долговых книгах клуба за сотрудниками «Нового Времени» значились тысячи рублей долгов. Их просто списывали со счетов».

Биржевой делец Манус, разбогатевший на бирже, награбивший состояние «в несколько миллионов» (120), при участии г. Меньшиковых и т. д. ведет кампанию в «Новом Времени» за удаление министра Коковцева. Читателям предоставляется гадать, по сколько десятков тысяч получили все эти «деятели» и по сколько не дополнили.

Пляска миллионов. Пятимиллионный баланс «Нового Времени», из них около трех миллионов—фикция. Жалованья и гонорары—2—3 тысячи рублей в месяц второстепенным, третьестепенным работникам. Выкидывают же сотни тысяч и миллионы. Займы в банках сотни тысяч. Всеобщая продажность. Проституция всех сортов, незаконная и законная, браком освященная. Лучшее и высшее петербургское общество. Миллионеры, министры, биржевики, знатные иностранцы. Игорные дома. Шантаж разных видов. «Никаких политических убеждений» (стр. 36). Зависть и подножки. Амфитеатров и Снессарев, вызывающие на дуэль инженера, обидевшего редакцию «Нового Времени», которая облила помоями студентов. А. С. Суворин, «очень любящий» Амфитеатрова, но «не могущий отказать себе в удовольствии причинить ему неприятность»: пропустить фельетон Буренина с «скверной» выходкой против актрисы Райской, жены Амфитеатрова. Буренин вышибает Амфитеатрова. Сынки Суворина, делающие долги в сотни тысяч рублей.

Убыток «Нов. Времени» в 1905 году—150.000 рублей.

Московские купцы-заводчики, испуганные 1905 годом, дают 100.000 рублей на газету для рабочих патриотического на-

правления. «Новое Время» берется, по их просьбе, организовать дело.

Газета «провлачила жалкое существование» два года и закрылась. Москвичи потеряли 100.000 руб., нововременцы—150.000 р. (61).

Воры, публичные мужчины, продажные писатели, продажные газеты. Это—наша «большая пресса». Это—цвет «высшего» общества. Этих людей «все» знают, у них «везде» связи... Бесстыдная наглость крепостников, обнимающаяся впотьмах с бесстыдной продажностью буржуазии, вот она—«святая Русь»

*«Путь Прасды» № 41
от 20 марта 1914 г.*

Заработная плата сельских рабочих.

Известно, что в фабрично-заводской промышленности с 1905 года заработная плата повысилась процентов на двадцать.

Первый приступ к изучению того же вопроса относительно заработной платы сельских рабочих сделан в недавно вышедшей брошюре И. Дроздова: «Заработная плата земледельческих рабочих в России в связи с аграрным движением 1905 — 1906 г.г.» (Спб. 1914, изд. М. И. Семенова, ц. 50 коп.). Отметим главные выводы этой интересной работы.

Средняя поденная плата сельскому рабочему в Европейской России составляла в копейках:

	Копеек.	То же %.
Среднее за 1902—1904 г.г.	64,0	100,0
» в 1905 году	64,8	101,2
» » 1906 »	72,0	112,5
» » 1907 »	73 1	114,2
» » 1908 »	72,4	113,1
» » 1909 »	75 8	118,4
» » 1910 »	76,6	119,6

Из этих данных видно, что наибольшее повышение платы приходится как раз на 1906 год, т.-е. именно на тот год, когда влияние движения 1905 года должно было сказаться с наибольшей определенностью.

Таким образом с 1905 года удалось двинуть вперед и невероятно низкую плату сельским рабочим! Что это движение вперед

все же далеко недостаточно, видно из сравнения денежной платы с ценами на хлеб. Автор брошюры произвел это сравнение и выразил приведенную нами денежную плату сельским рабочим в хлебе (ржи) по средним местным ценам. Оказалось, что заработная плата, выраженная в хлебе, понизилась с 0,93 пуда в 1902—1904 годах до 0,85 пуда в 1905 и 0,91 пуда в 1906 году.

Говоря иначе: на свою поденную плату сельский рабочий России мог купить 0,93 пуда ржи в 1902—1904 годах и только 0,91 пуда в 1906 году. Разумеется, не будь толчка в 1905 и 1906 годах, понижение реальной заработной платы было бы еще сильнее.

По отдельным годам заработная плата сильно колеблется в зависимости от урожаев и других причин: например, с 1905 по 1907 год плата повышалась, хотя крайне неравномерно, затем в 1908 году (год самой сильной реакции) плата понижается с тем, чтобы опять немного подняться в 1909 и 1910 годах.

Ввиду колебания платы по отдельным годам следует сравнить между собой не отдельные годы, а десятилетия. Произведя такое сравнение, г. Дроздов определяет среднюю плату сельского рабочего в Европейской России за десятилетие 1891—1900 г.г. в 55,08 копеек, а за последующее десятилетие (1901—1910) в 69,18 копеек. Увеличение составляет 25,5%.

Это значит, что три миллиона сельских рабочих России (число, несомненно, значительно преуменьшенное) добились себе прибавки платы, считая хотя бы двести рабочих дней в году, на сумму около 80 миллионов рублей в год.

Правда, за это же время цены на продукты потребления выросли в среднем на 20,5%. Значит, действительное повышение заработной платы, или повышение реальной заработной платы, было очень невелико. Выражая поденную денежную плату в хлебе, автор получает увеличение за революционное десятилетие по сравнению с предреволюционным всего на 3,9%. Следовательно, все усилия рабочих дали возможность удержать плату на прежнем уровне и лишь очень немного повысить ее.

Зато сравнение, за те же два десятилетия, изменений в заработной плате рабочих и в ценах на землю показывает гигантское увеличение доходов господ помещиков. Покупка земли есть покупка того дохода, кото-

рый дает земля, покупка р е н т ы; цена земли является поэтому капитализированной рентой. И вот, мы видим, что средняя цена 1 десятины поднялась, за два указанных выше десятилетия, с 69,1 р. до 132,4 р., т.-е. почти вдвое!

Увеличение заработной платы миллионов наемных рабочих на одну четверть. Увеличение доходов помещика вдвое. Повышение заработной платы наемных рабочих едва поспевает за повышением цен на продукты потребления. А помещики повышают свои доходы впятеро больше, чем повышаются цены на продукты. Землевладельцы и зажиточные х о з я е в а из крестьян все больше обогащаются.

Надо при этом иметь в виду, что увеличение доходности земли и увеличение цен на землевладельческие продукты неуклонно и неминуемо увеличивают глубину классовой пропасти между сельским буржуа и сельским пролетариатом, между х о з я й ч и к о м (хотя бы и «трудовым») и наемным рабочим. Поэтому тот, кто говорит «трудовому» крестьянину: тебя не спасет при капитализме твое мелкое хозяйство от нищеты и нужды, твое спасение только в присоединении к наемным рабочим, тот говорит правду. А тот, кто, подобно нашим «народникам», берется защищать интересы «трудового» х о з я й с т в а, объявляет мелкое хозяйство жизнеспособным при капитализме, тот поддерживает буржуазные стремления, буржуазную «душу» мелкого хозяйчика, а не пролетарскую, тот говорит, как буржуа.

«Путь Правды» № 49

от 29 марта 1914 г.

За подписью В. И.

Рецензия на книгу:

Н. А. Рубакина „Среди книг“, том II (Издательство „Наука“).

М. 1913. Цена 4 руб. (Изд. 2).

Громадный том в 930 страниц большого формата очень убоистой печати, частью в два столбца, представляет из себя «опыт обзора русских книжных богатств в связи с историей научно-философских и литературно-общественных идей». Так значится в подзаголовке книги.

Содержание рассматриваемого второго тома охватывает различные области общественных наук. Сюда входит, между прочим, и социализм как в Западной Европе, так и в России. Не-

чего и говорить, что издание подобного типа представляет громадный интерес и что план автора, в общем и целом, вполне верен. В самом деле, дать разумный «обзор русских книжных богатств» и «справочное пособие» для самообразования и библиотек нельзя иначе, как в связи с историей идей. Тут нужны именно «предварительные замечания» по каждому отделу (которые и дает автор) с общим обзором предмета и с точным изложением каждого идейного течения, а затем перечень литературы к этому отделу и по каждому идейному течению.

Автором и его многочисленными сотрудниками, названными в предисловии, затрачен громадный труд и начато чрезвычайно ценное предприятие, которому от души надо пожелать расти и развиваться вширь и вглубь. Особенно ценно, между прочим, то, что автор не исключает ни зарубежных, ни подвергшихся преследованию изданий. Ни одной солидной библиотеке без сочинения Рубакина нельзя будет обойтись.

Недостатки сочинения—эклектизм автора и недостаточно широкое (вернее, едва только начавшее применяться) обращение к специалистам за сотрудничеством по определенным вопросам.

Первый недостаток стоит, пожалуй, в связи с курьезным предубеждением автора против «полемики». В предисловии г. Рубакин заявляет, что он «на своем веку никогда не участвовал ни в каких полемиках, полагая, что в огромнейшем числе случаев полемика—один из лучших способов затемнения истины посредством всякого рода человеческих эмоций». Автор не догадывается, во-первых, что без «человеческих эмоций» никогда не бывало, нет и быть не может человеческого искания истины. Автор забывает, во-вторых, что он хочет дать обзор «истории идей», а история идей есть история смены и, следовательно, борьбы идей.

Одно из двух: или относиться бессознательно к борьбе идей—и тогда трудненько браться за ее историю (не говоря уже об участии в этой борьбе); или отказаться от претензии «никогда не участвовать ни в каких полемиках». Я открываю, например, «предварительные замечания» г. Рубакина относительно теории политической экономии и вижу сразу, что автор выходит из указанной дилеммы посредством, во-первых, прикрытой полемики (вид полемики, имеющий все недостатки ее и ни одного из ее больших достоинств), во-вторых, посредством защиты эклектизма.

Излагая «Краткий курс» Богданова, г. Рубакин «позволяет себе» отметить «интересную» аналогию одного из выводов автора-«марксиста» с «известной формулой прогресса Н. К. Михайловского» (стр. 815)...

О, г. Рубакин, «никогда на своем веку не участвовавший ни в каких полемиках»!

А страничкой раньше воспеваются «строгая научность, глубокий анализ и критическое отношение к важнейшим теориям»... кого бы вы думали?.. образцового эклектика г. Туган-Барановского!! Г. Рубакин сам вынужден признать, что esi профессор-сторонник немножечко марксизма, немножечко народничества, немножечко «теории предельной полезности», но тем не менее называет его «социалистом»!!! Разве писать такую чудовищную вещь не значит полемизировать в самой худшей возможной форме против социализма?

Если бы г. Рубакин те 80 с лишним тысяч букв (т.-е. целую брошюру), которые он написал как введение в литературу политической экономии, разделил на четыре части и поручил написать их, скажем, черносотенцу, либералу, народнику и марксисту—то открытой полемикой было бы больше, и 999 читателей из 1000 в тысячу раз легче и быстрее нашли бы истину.

Подобный прием—обращение за сотрудничеством к представителям «полемикки»—г. Рубакин осуществил в вопросе о большевизме и меньшевизме, уделив по полустрашечке мне *) и Л. Мартову. Что до меня касается, то я изложением Л. Мартова чрезвычайно доволен, например, его признанием, что ликвидаторство сводится к попыткам «создать открытую рабочую партию» и к «отрицательному отношению к сохранившимся подпольным организациям» (стр. 771—772), или его признанием: «меньшевизм не видел для пролетариата иной возможности плодотворного участия в данном кризисе» (т.-е. кризисе 1905 года), «кроме содействия буржуазно-либеральной демократии в ее попытках оттеснить от государственной власти реакционную часть имущих классов—содействия, которое, однако, пролетариат должен осуществлять, сохраняя полную политическую самостоятельность» (772).

Как только г. Рубакин начинает самостоятельно продолжать очерк меньшевизма, получаютс я ошибки, например, утверждение,

*) См. Добавление к этому тому. Р е д.

будто Аксельрод вместе с Плехановым «о т о ш е л» от ликвидаторства (772). Не ставя в особую вину г. Рубакину подобных ошибок, неизбежных в начале при таком разностороннем сводном издании, нельзя не пожелать, чтобы автор почаще применял метод обращения к представителям разных течений в о в с е х областях знания. От этого выиграет точность и полнота работы, да и о б ъ е к т и в н о с т ь ее; от этого проиграют только эклектизм и п р и к р ы т а я полемика.

«Просвещение» № 4,

апрель 1914 г.

За подписью В. И.

Чему не следует подражать в немецком рабочем движении.

Недавно один из самых видных и ответственных представителей немецких профессиональных союзов К. Легин издал свой отчет о поездке в Америку в виде довольно объемистой книги под заглавием: «Из рабочего движения Америки».

Будучи виднейшим представителем не только германского, но и международного профессионального движения, К. Легин обставил свою поездку с особой, так сказать, государственной важностью. Он годами вел переговоры об этой поездке и с социалистическими партиями Америки и с «Американской Федерацией Рабочего Класа» (American Federation of Labor), союзом профессиональных организаций, руководимых знаменитым (печально знаменитым) Гомиерсом. Когда оказалось, что в Америку едет Карл Либкнехт, Легин не пожелал ехать одновременно с ним, «чтобы в Соединенных Штатах не выступали в одно и то же время два оратора, воззрения которых на тактику партии и на значение и ценность отдельных отраслей рабочего движения не вполне совпадают».

Материалов по профессиональному движению в Америке К. Легин собрал массу, но совершенно не сумел обработать их в своей книге, заполненной преимущественно хламом в виде отрывочных описаний поездки, фельетонных по содержанию и хуже чем фельетонных по скучному изложению. Даже уставы профессиональных обществ Америки, особенно интересовавшие Легина, не изучены, не разработаны, а только переведены—бессистемно и непомно.

Один эпизод из поездки Легина чрезвычайно поучителен и замечательно ярко вскрывает д в е т е н д е н ц и и всемирного, а в особенности немецкого рабочего движения.

Легин посетил палату депутатов Соединенных Штатов, так называемый «конгресс». Демократические порядки республики произвели приятное впечатление на человека, воспитанного в полицейском прусском государстве, и он с понятным удовольствием отмечает, что государство дает в Америке каждому депутату не только особую комнату, обставленную со всеми новейшими удобствами, но и платного секретаря для выполнения массы депутатских работ. Простота и непринужденность обращения депутатов и президента палаты резко отличаются от того, что видел Легин в других европейских парламентах и особенно в Германии. В Европе социал-демократ не мог бы и думать о том, чтобы говорить приветственную речь буржуазному парламенту в его официальном заседании! А в Америке это сделалось очень просто, и звание социал-демократа никого не испугало... кроме с а м о г о э т о г о с о ц и а л - д е м о к р а т а.

Вот тут-то и сказалась американско-буржуазная манера «мягкостью убивать» нетвердых социалистов и немецкая оппортунистическая манера отказываться от социализма в угоду «мягкой», любезной и демократической буржуазии.

Приветственная речь Легина была переведена на английский язык (демократия не испугалась несколько «чужого» языка в своем парламенте), 200 депутатов слишком, каждый по-очереди, пожали руку Легину, как «гостю» республики; президент палаты особо поблагодарил его.

«Форма и содержание моей приветственной речи,—пишет Легин,—встречены были сочувственно социалистической печатью как Соединенных Штатов, так и Германии. Некоторые редактора в Германии не могли, однако, обойтись без того, чтобы не заметить, что моя речь снова доказывает, как неосуществима для социал-демократа задача держать социал-демократическую речь перед буржуазной аудиторией. Ну, они, эти редактора, наверное, на моем месте произнесли бы речь против капитализма и за массовую стачку, тогда как я счел важным подчеркнуть перед этим парламентом, что социал-демократические и организованные в профессиональные союзы рабочие Германии хотят мира между народами и при посредстве мира хотят дальнейшего развития культуры до наивысшей достижимой ступени».

Бедные «редактора», как их уничтожил своей речью «государственного мужа» наш Легин! В рабочем движении Германии оппортунизм вожаков профессионального движения вообще, Легина в частности и в особенности,—вещи давно известные и очень многими сознательными рабочими правильно оцениваемые. Но у нас в России, где об «образце» европейского социализма слишком часто говорят, выбирая при этом как раз худшие, как раз отрицательные черты «образца», на речи Легина не мешает несколько подробнее остановиться.

Вождь двухмиллионной армии германских профессионалистов, именно социал-демократических профессиональных союзов, член социал-демократической фракции германского рейхстага перед верховным собранием представителей капиталистической Америки держит чисто либерально-буржуазную речь. Разумеется, ни один либерал, ни один октябрист даже не отказался бы подписаться под словами о «мире» и о «культуре».

И когда социалисты в Германии заметили, что это—речь не социал-демократическая, наш «вождь» наемных рабов капитала обдаёт социалистов своим великолепным презрением. «Редактора», что это такое по сравнению с «деловым политиком» и собирателем рабочих грошей! К редакторам наш мещанский Нарцисс питает презрение такое же, как помпадур полицейский в некоем государстве к третьему элементу.

Они, «эти редактора», наверное, держали бы речь «против капитализма».

Подумайте, над чем смеется этот тоже-социалист: над тем, что социалисту может притти в голову мысль о необходимости говорить п р о т и в капитализма. «Государственным мужам» немецкого оппортунизма подобная мысль чужда бесконечно: они говорят так, чтобы не задеть «капитализма». И, позоря себя этим лакейским отречением от социализма, они хвастаются своим позором.

Легин—не первый встречный. Он—представитель армии или, вернее, офицерского корпуса армии профессиональных союзов. Его речь вовсе не случайность, вовсе не обмолвка, вовсе не единичная выходка, вовсе не ошибка захолустного немецкого «заседателя» в конторе, смутившегося перед любезными и незараженными полицейским чванством капиталистами Америки. Если бы это было т о л ь к о так, на речи Легина не стоило бы останавливаться.

Но это заведомо не так.

На международном съезде в Штуттгарте половина немецкой делегации оказалась вот такими же горе-социалистами и голосовала за архи-оппортунистическую резолюцию по колониальному вопросу.

Возьмите немецкий журнал «Социалистический (??) Ежемесячник», и вы увидите в нем постоянные выступления подобных Легину деятелей, насквозь оппортунистические, н и ч е г о не имеющие общего с социализмом, выступления, касающиеся в с е х важнейших вопросов рабочего движения.

И если «официальное» объяснение «официальной» германской партии состоит в том, что «никто не читает» «Социалистического Ежемесячника», что он не пользуется влиянием и т. п., то это н е п р а в д а. Штуттгартский «случай» доказал, что это неправда. Виднейшие и ответственные деятели, парламентарии, вожди профессиональных союзов, пишущие в «Социалистическом Ежемесячнике», проводят свой взгляд в массу постоянно и неуклонно.

«Казенный оптимизм» немецкой партии давно уже отмечен в ее собственном лагере теми людьми, которые заслужили от Легина презрительную (с точки зрения буржуа) и почетную (с точки зрения социалиста) кличку—«эти редактора». И чем чаще в России либералами и ликвидаторами (Троцкий, конечно, в том числе) делаются попытки п е р е н о с и т ь н а н а ш у п о ч в у это милое качество, тем решительнее должен быть дан отпор этому.

У германской социал-демократии есть громадные заслуги. У нее есть строго выработанная, благодаря борьбе Маркса со всякими Хёхбергами, Дюрингами и К-о, теория, которую напрасно пытаются обойти или оппортунистически подправить наши народники. У нее есть массовая организация, газеты, профессиональные союзы, политические союзы, та самая массовая организованность, которая так явственно складывается теперь и у нас в виде повсеместной победы марксистов-правдивистов—и на выборах в Думу, и в области ежедневной печати, и на выборах в страховую совет, и в профессиональных союзах. Потуги наших ликвидаторов, «снятых с постов» рабочими, обходить вопрос об этой, приспособленной к русским условиям, массовой организованности в России, так же тщетны и так же означают лишь интеллигентский о т к о л от рабочего движения, как и потуги народников.

Но заслуги немецкой социал-демократии являются заслугами не благодаря таким постыдным речам, как речь Легина и «речи» (в печати) сотрудников «Социалистического Ежемесячника», а н е с м о т р я на них. Несомненную б о л е з н ь немецкой партии, обнаруживающуюся в явлениях такого порядка, мы должны не затушевывать и не запутывать «казенно-оптимистическими» фразами, а вскрывать перед русскими рабочими, чтобы мы учились на опыте более старого движения, учились, чему не подражать.

«Просвещение» № 4,

апрель 1914 г.

За подписью В. И.

Прикрашивание буржуазии левонародниками.

Как только г.г. левонародники от пустых, общих фраз о «трудовом крестьянстве», фраз, набивших всем оскомину и показывающих незнание ни «Коммунистического Манифеста», ни «Капитала», переходят к т о ч н ы м д а н н ы м, как сейчас же обнаруживается левонародническое подкрашивание буржуазии.

Буржуазный характер в с е й теории о «трудовом крестьянстве» прикрывается фразами и восклицаниями, разоблачается фактами и изучением теории Маркса.

Вот в № 14 «Стойкой Мысли» некий, пишущий чисто интеллигентским языком, г. Батрак рассуждает о «социализме и крестьянстве».

«Р а с т у т т р у д о в ы е х о з я й с т в а», — заявляет г. Батрак и приводит статистику Франции и Германии. Статистика—вещь такая, что тут фразами и восклицаниями не отделаешься, и обман сразу раскрывается.

Во Франции выросла площадь земли «мелких хозяйств», т.-е. имеющих от 5 до 10 гектаров (гектар немного менее десятины) земли.

Очень хорошо, г. Батрак! Но не слыхали ли вы, что чем интенсивнее земледелие, тем чаще встречается н а е м н ы й т р у д в «м е л к и х» (по количеству земли) хозяйствах? Не значит ли подкрашивать буржуазию — замалчивать данные о наемном труде? а, г. Батрак?

Берем немецкие данные. На 652.798 хозяйств с 5—10 гектарами наемных рабочих приходится 487.704. Каково? Большая часть мелких хозяйчиков эксплуатирует наемных рабочих! А во Франции? Во Франции гораздо больше, чем в Германии, распространено выделывание винограда, требующее на много труда на мелких участках земли.

Теория «трудового хозяйства» есть теория обмана рабочих посредством замалчивания данных о наемном труде.

Г. Батрак берет Германию. За «трудовые» хозяйства должны идти «мелкие и средние» (язык без костей и кого угодно «трудовым» хозяином может назвать!). И вот, г. Батрак выводит рост «трудовых хозяйств» из роста «мелких» и «средних» хозяйств.

Посмотрите же на данные этого нового защитника буржуазии.

Он начинает с хозяйств до 2 гектаров. Число их было в 1882 году—58,3%; в 1895 г.—58,2%; в 1907 г.—58,89%. Рост, неправда ли?

А о том, что это есть рост наемных рабочих, наш «лево-народник» умолчал!!!

Статистика, которую он извращает, говорит определенно: из 3.378.509 хозяйств до 2 гектаров (1907 г.) только 474.915, т.-е. немногим более $\frac{1}{10}$ (одной десятой доли), являются самостоятельными земледельцами по своей главной профессии. Большинство же—наемные рабочие (1.822.792).

Из 3.378.509 хозяйств — 2.320.119, т.-е. огромное большинство, суть подсобные хозяйства, главный же заработок здесь не земледелие.

Спрашивается, разве это подкрашивание буржуазии и капитализма, когда за «трудовые хозяйства» выдаются батраки и поденщики, наемные рабочие?!

Разве не служит здесь глупенькое словечко «трудовой хозяин» для того, чтобы затушевать пропасть между пролетариатом (наемными рабочими) и буржуазией?? Разве это словечко не служит протаскиванию буржуазных теорий??

Дальше. Хозяйство от 2 до 5 гектаров. Их число в 1882 г.—18,6%; в 1895 г.—18,29% и в 1907 г.—17,57%. Так пишет г. Батрак.

А выводы? О выводе он молчит.

Вывод же гласит: **уменьшение**, а не рост. И как раз среди этих хозяйств, только среди них, нет полного преобладания нанимающих (покупающих частный труд) и нанимающихся. Нанимающих—411.311 (по числу наемных рабочих);

нанимающихся—104.251 (это еще не все число нанимающихся, статистика здесь не полна). Сложите вместе 515 тысяч, а всего таких крестьян 1.006.227 хозяйств, значит, даже здесь большая половина либо нанимается, либо нанимает!!

Хорошее словечко: «трудовое хозяйство»—служит для обмана рабочих посредством с о к р ы т и я данных о купле-продаже рабочей силы.

Дальше г. Батрак берет хозяйства от 5 до 20 гектаров и указывает, что они растут.

А наемный труд? Ни словечка, ни звука об этом. Теоретики «трудового хозяйства» посланы буржуазией для сокрытия данных о н а е м н о м труде.

Берем эти данные. На 652.798 хозяйств (1907 г.) с 5—10 гектарами—487.704 наемных рабочих, значит, больше половины—эксплоататоры наемного труда.

На 412.741 хоз. с 10—20 гект.—711.867 наемных рабочих, т.-е. все или почти все эксплуататоры наемного труда.

Как назвать человека, который выдает себя за «социалиста», а сам относит к «трудовым хозяевам» э к с п л о а т а т о р о в н а е м н о г о т р у д а?

Левонародники, как разъясняли не раз марксисты, это—мелкие буржуа, подкрашивающие буржуазию и затушевывающие эксплуатацию ею наемного труда.

К буржуазным теориям левонародников и г. Батрака в особенности мы еще вернемся. А пока подведем краткий итог.

Теория «трудового хозяйства» есть буржуазный обман рабочих, основанный, между прочим, на с о к р ы т и и данных о купле-продаже рабочей силы.

Среди «мелких и средних» крестьян, на которых огулом любят указывать г.г. левонародники, на самом деле громадное большинство лишь продают, либо покупают рабочую силу, либо нанимаются, либо нанимают. Эту **суть дела** и затушевывает буржуазная теория «трудового хозяйства».

Пролетарий говорит мелкому крестьянину: ты—сам полупролетарий; иди з а рабочими, иного спасения тебе нет.

Буржуа говорит мелкому крестьянину: ты—сам хозяйчик, «трудовой хозяин». Трудовое хозяйство «растет» и при капитализме. Твое дело хозяйское, а не пролетарское.

Две души в мелком хозяйчике: пролетарская и «хозяйская».

Левонародники повторяют на деле учение буржуазии, развращая мелких крестьян «хозяйскими» иллюзиями. Вот почему марксисты ведут решительную борьбу с этим буржуазным развращением мелких крестьян (и отсталых рабочих) левонародниками.

*«Путь Правды» № 56
от 6 апреля 1914 года.*

Конституционный кризис в Англии.

В № 34 «Пути Правды», описывая интересные события в Ирландии, мы говорили о политике английских либералов, которые дали себя запугать консерваторам.

С тех пор, как написаны были эти строки, произошли новые события, превратившие частное столкновение (либералов и консерваторов) из-за самоуправления Ирландии в общеконституционный кризис в Англии.

Так как консерваторы грозили «восстанием» протестантов в Ольстере против гомруля (автономии, самоуправления) Ирландии, то либеральное правительство двинуло известную часть войска, чтобы заставить уважать волю парламента.

И что же?

Генералы и офицеры английского войска взбунтовались!

Они заявили, что не будут сражаться против протестантов Ольстера, что это противоречит их «патриотизму», что они подают в отставку!

Либеральное правительство было совершенно ошеломлено этим бунтом помещиков, стоящих во главе армии. Либералы привыкли утешать себя конституционными иллюзиями и фразами о законности, закрывая глаза на действительное соотношение сил, на классовую борьбу. А это действительное соотношение сил было и остается таково, что в Англии сохранился, благодаря трусости буржуазии, целый ряд до-буржуазных, средневековых учреждений и привилегий г.г. помещиков.

Чтобы сломить бунт аристократов-офицеров, либеральное правительство должно было бы обратиться к народу, к массам, к пролетариям, но этого-то господ «просвещенные» либеральные буржуа и боялись больше всего на свете. И правительство на деле уступило бунтующим офицерам, убедив их взять

отставку назад и дав им письменное удостоверение и е, что войска не будут употреблены против Ольстера.

От народа постарались скрыть этот позорный факт выдачи подобного письменного удостоверения (21 марта нов. стиля), и вожаки либералов, Асквит, Морли и др., лгали самым невероятным и бесстыдным образом в своих официальных заявлениях. Однако правда все же вышла наружу. Выдача письменных обещаний офицерам не опровергнута. «Давление» со стороны короля, видимо, имело место. Отставка военного министра Сили и переход его портфеля к «самому» Асквиту, перевыбор Асквита, циркуляр к войску об уважении законности—все это одно сплошное официальное лицемерие. Факт уступки либералов разорвавшим конституцию помещикам остается фактом.

В английском парламенте после этого произошел ряд самых бурных сцен. Консерваторы обдавали либеральное правительство вполне заслуженными им насмешками и презрением, а рабочий депутат Рамсэй Макдональд, один из самых умеренных либеральных рабочих политиков, протестовал самым горячим образом против поведения реакционеров. «Эти люди,—говорил он,—всегда готовы стараться и неистовствовать против стачечников. Но, когда дело зашло об Ольстере, они отказываются исполнить свой долг, так как закон об автономии Ирландии затрагивает их классовые предрассудки и интересы». (Помещики в Ирландии—англичане, и самоуправление Ирландии, будучи самоуправлением ирландских буржуа и крестьян, грозит чуточку урезать грабительские аппетиты господ благородных лордов.) «Эти люди,—продолжал Р. Макдональд,—думают только о том, чтобы воевать против рабочих, а когда речь заходит о том, чтобы заставить богачей и собственников уважать законы, они отказываются выполнить свой долг».

Значение этого бунта помещиков против «всемогущего» (как думали и говорили миллионы раз либеральные тупицы, особенно либеральные ученые) парламента Англии необыкновенно велико. 21 марта (8 марта старого стиля) 1914 года будет днем всемирно исторического поворота, когда благородные лорды-помещики Англии, сломав вдребезги английскую конституцию и английскую законность, дали великолепный урок классовой борьбы.

Урок этот вытек из невозможности притупить остроту противоречий между пролетариатом и буржуазией Англии посредством половинчатой, лицемерной, притворно-реформистской политики

либералов. Урок этот не пройдет даром для всего рабочего движения Англии; рабочий класс быстро станет теперь стряхивать с себя филистерскую веру в ту бумажонку, называемую английской законностью и конституцией, которую на глазах всего народа разорвали английские аристократы.

Эти аристократы поступили как революционеры с п р а в а и тем разорвали все и всякие условности, все покровы, мешавшие народу видеть неприятную, но несомненную действительность классовой борьбы. Все увидали то, что лицемерно скрывалось буржуазией и либералами (везде и всюду они лицемерны, но едва ли где доходит лицемерие до таких размеров и до такой утонченности, как в Англии). Все увидали, что заговор сломать волю парламента готовился давно. Действительное классовое господство лежало и лежит в н е парламента. Упомянутые выше средневековые учреждения, долго не действовавшие (вернее: как бы не действовавшие),—быстро пришли в действие и оказались с и л ь н е е парламента. А мелко-буржуазные либералы Англии, с их усыпляющими рабочих речами о реформах и о мощи парламента, оказались на деле пустышкой, подставными фигурами, которые пускаются в ход для одурачивания народа, но сразу были «о б о р в а н ы» аристократией, имевшей в руках в л а с т ь.

Сколько книг написано, особенно немецкими и русскими либералами, для восхваления законности и социального мира в Англии! Известно, ведь, что историческое призвание немецких и русских либералов—холопски преклоняться перед тем, что дала в Англии и Франции классовая борьба, и провозглашать результаты этой борьбы «истинами науки», стоящей «в ы ш е к л а с с о в». В действительности же «законность и социальный мир» Англии были только кратковременным результатом спячки английского пролетариата, примерно, с 1850 до 1900 года.

Пришла к концу монополия Англии. Обострилась мировая конкуренция. Наступила дороговизна жизни. Союзы крупных капиталистов раздавили мелких и средних хозяйчиков и всей тяжестью обрушились на рабочих. Проснулся снова и снова, после эпохи конца XVIII века, после чартизма 1830 и 1840 годов, английский пролетариат.

Конституционный кризис 1914 года составит один из важных этапов в истории этого пробуждения.

ЕДИНСТВО.

В Петербурге вышло уже три номера журнала «Борьба», объявляющего себя «нефракционным». Основная линия этого журнала—защита единства.

Единство с кем?—С ликвидаторами.

В последней книжке «Борьбы» в защиту единства с ликвидаторами помещены две статьи.

Первая статья принадлежит известному ликвидатору Ю. Ларину. Этот тот самый Ларин, который недавно в одном из ликвидаторских органов писал:

Очищение пути капиталистического развития от абсолютистических остатков произойдет безо всякой революции... Очередной задачей является... проникновение широких кругов руководящей идеей о том, что в наступившем периоде рабочий класс должен организоваться «не для революции», «не в ожидании революции»...

Так вот, этот самый ликвидатор теперь в «Борьбе» отстаивает единство и предлагает форму его: федерацию.

Федерация есть соглашение равноправных организаций. Значит, Ларин предлагает уравнивать в деле определения тактики рабочего класса волю громадного большинства рабочих, стоящих на точке зрения «неурезанных лозунгов», с волей незначительных группок ликвидаторов, стоящих в той или в другой степени на точке зрения сейчас приведенных слов. По хитроумному плану ликвидатора Ларина большинство рабочих лишается права на какой-либо шаг до тех пор, пока на это не получится соглашения г.г. ликвидаторов из «Северной Рабочей Газеты».

Рабочие отвергли ликвидаторов; теперь по плану ликвидатора Ларина они опять должны получить руководящее значение при помощи федерации. Федерация, предложенная Лариным, есть, таким образом, попросту попытка вновь навязать рабочим волю ликвидаторов, отвергнутых рабочим движением. Не пустили в двери,—рассуждают ликвидаторы,—полезем через окно и назовем это фактическое нарушение воли большинства рабочих «единством через федерацию».

С Лариным спорит редакция журнала «Борьба». Федерация, т.-е. постепенное соглашение ликвидаторов и марксистов, как равноправных сторон, не удовлетворяет эту редакцию.

Она хочет не соглашения с ликвидаторами, а нового слияния с ними «на основе общих тактических решений», это значит: громадное большинство рабочих, сплотившихся вокруг тактической линии «Пути Правды», должно отказаться от своих решений во имя общей с ликвидаторами тактики.

Тактика, выработанная сознательными рабочими, проверенная на опыте всего движения последних лет, по взгляду редакции «Борьбы», должна быть отложена в сторону. Во имя чего? Во имя того, чтобы дать место тактическим планам ликвидаторов, взглядам, осужденным и самими рабочими, и всем ходом событий.

Полное неуважение к воле, решениям и взглядам сознательных рабочих—вот что лежит в основе проповедников единства с ликвидаторами ред. «Борьбы».

Воля рабочих сказалась ясно и определенно. Всякий человек, не сошедший еще с ума, скажет точно, какой тактике сочувствует громадное большинство рабочих. Но вот приходит ликвидатор Парин и заявляет: воля большинства рабочих—пустяки для меня, пускай это большинство посторонится и признает волю группки ликвидаторов равноправной и равноценной воле большинства сознательных рабочих.

А за ликвидатором приходит примиренец из «Борьбы» и заявляет: рабочие выработали себе определенную тактику и работают над ее проведением? Пустяки. Пусть откажутся от этой испытанной тактики во имя общих с ликвидаторами тактических решений.

Вот это-то нарушение ясно высказанной воли большинства рабочих во имя того, чтобы дать равноправное место ликвидаторам, и называют примиренцы их журнала «Борьба» единством.

Но это не единство, а издевка и над единством, и над волей рабочих.

Рабочие-марксисты понимают единство не так.

Не может быть единства ни федеративного, ни какого-либо другого с либеральными рабочими политиками, с дезорганизаторами рабочего движения, с нарушителями воли большинства. Может и должно быть единство всех последовательных марксистов, всех защитников марксистского целого и неурезанных лозунгов независимо от ликвидаторов и помимо них.

Единство—великое дело и великий лозунг! Но рабочему делу нужно единство марксистов, а не единство марксистов с противниками и извратителями марксизма.

И каждого говорящего об единстве мы должны спросить: с кем единство? с ликвидаторами? Тогда нам нечего делать вместе.

А если речь идет об единстве действительно марксистском, — тогда мы скажем: с самого возникновения правдивых газет мы зовем к сплочению всех сил марксизма, к единству снизу, к единству на практической работе.

Никаких заигрываний с ликвидаторами, никаких дипломатических переговоров с кружками разрушителей целого, — и все силы на сплочение рабочих-марксистов вокруг марксистских лозунгов, вокруг марксистского целого. Преступлением сочтут сознательные рабочие всякую попытку навязать им волю ликвидаторов и таким же преступлением — раздробление сил действительных марксистов.

Ибо основа единства — в классовой дисциплине, в признании воли большинства, в дружной работе в рядах и в ногу с этим большинством. К этому единству, к этой дисциплине, к этой дружной работе мы не устанем звать всех рабочих.

*«Путь Правды» № 59
от 12 апреля 1914 г.*

Организованные марксисты о вмешательстве Международного Бюро.

Нам сообщают, что в Международное Бюро поступил ответ организованных марксистов по поводу предложения Бюро о вмешательстве в дела с.-д. России. Ниже мы приводим существенные части этого ответа.

* * *

Получив «Приложение» к № 11 «Периодического Бюллетеня Международного Бюро», представительство организованных марксистов России считает своим долгом выразить глубокую благодарность Международному Бюро и его исполнительному комитету за поддержку рабочего движения и за заботы об его усилении и укреплении посредством обеспечения его единства.

Положение дел среди русских марксистов представляется в настоящее время в следующем виде.

Общее положение дел в 1907—1908 гг. вызвало страшный идейный кризис среди марксистов и распад организаций. И в 1908 и в 1910 гг. организованные марксисты формально при-

знали существование учения л и к в и д а т о р о в, ликвидирующих, отрицающих старую и мечтающих о новой, открытой партии. Это течение было решительно и бесповоротно осуждено формальным решением. Но ликвидаторы не подчинились решениям и продолжали свою раскольническую и разрушающую «целое» работу.

В январе 1912 года марксистское целое было восстановлено п р о т и в ликвидаторов, которые были признаны стоящими вне его.

С тех пор подавляющее большинство сознательных рабочих России сплотилось вокруг решений, принятых в январе 1912 года, и выбранного тогда руководящего учреждения. Этот факт, известный всем рабочим в России, возможно и необходимо подтвердить объективными фактами ввиду невероятного обилия совершенно голословных и бьющих в лицо истине утверждений, распространяемых ликвидаторами и разрозненными заграничными группами:

1. Избирательный закон в России выделяет рабочих в особую рабочую курию. Из депутатов Г. Думы, выбранных по этой курии, было большевиков во II Думе 47% (1907 г.), в III Думе (1907—1912 г.)—50% и в IV Думе (1912—1914 г.г.)—67%.

Выборы в IV Думу произошли в сентябре 1912 года, и завоеванное большинство $\frac{2}{3}$ доказало полную победу организованного марксизма над ликвидаторством.

2. В апреле 1912 года возникла ежедневная марксистская газета «Правда». Ликвидаторы против нее создали тоже в Петербурге конкурирующий, раскольнический орган «Луч». За два года, с 1 января 1912 года по 1 января 1914 года, газете ликвидаторов вместе со всеми их помощниками в виде многочисленных заграничных групп и «Бунда» пришли на помощь, по отчетам самой этой газеты, 740 рабочих групп, тогда как за тот же срок борющаяся за марксистскую линию «Правда» сплотила 2.801 рабочую группу.

3. В начале 1914 года состоялись в Петербурге выборы от рабочих больничных касс в Всероссийский Страховой Совет и Столичное Страховое Присутствие. В первое учреждение рабочие выбрали 5 человек и 10 заместителей, во второе—2-х человек и 4-х заместителей. В обоих случаях прошли ц е л и к о м с п и с к и с т о р о н н и к о в «П р а в д ы». На последних выборах председателем были установлены числа сторонников «Правды»—37 человек, ликвидаторов—7 человек, народников—4 человека и воздержавшихся—5 человек.

Мы ограничиваемся этими, самыми краткими, фактическими сообщениями. Из них видно, что действительное единство марксистов в России неуклонно подвигается вперед и достигло уже сплочения большинства сознательных рабочих на почве решений января 1912 года.

Далее документ переходит к характеристике дезорганизаторской работы отдельных заграничных групп и ликвидаторов, упорно пытающихся сорвать волю большинства рабочих России.

За границей действует теперь, помимо партийцев и ликвидаторов, не менее пяти обособленных русских социал-демократических групп, не считая национальных. За два полные года, 1912 и 1913, не обнаружилось нигде ни тени объективных данных о связи этих заграничных групп с рабочим движением в России. Ликвидаторы составили в августе 1912 года так называемый «августовский блок», в который входили, между прочим, Троцкий, «Бунд» и латышская социал-демократия. На фиктивность этого «блока», прикрывавшего на деле ликвидаторов, указывалось давно. Теперь этот «блок» окончательно распался: февральский 1914 года конгресс латышской социал-демократии постановил отозвать из блока своих представителей, ибо этот блок не отмежевывался от ликвидаторов. Троцкий тоже в феврале 1914 года основал журнал своей группы, в котором он подкрепляет свои взгляды о единстве своим отколом от августовского блока!

«О. К.», представляющий в данное время «августовский блок», есть чистая фикция, и само собой понятно, что ни в какие сношения с этой фикцией входить невозможно. Если ликвидаторы говорят о «единстве» и о «равноправии», то следует отметить, что первое дело сторонников единства — отказаться от дезорганизации сплотившегося громадного большинства рабочих и решительно отречься от ликвидаторов, разрушителей «целого». Речи о «единстве» в устах ликвидаторов — такая же насмешка над действительным единством большинства рабочих в России, как если бы говорила о единстве «партия Аллемана-Камбиэ» во Франции или «Р. Р. S.» в Германии.

Далее авторы обращаются к Исполнительному Комитету Международного Социалистического Бюро с настойчивой просьбой ускорить всеми силами «обмен мнений между всеми фракциями с.-д. по спорным вопросам» (резолюция декабрьской 1913 г. сессии Международного Бюро), дабы перед лицом беспристрастного

коллегиума разоблачить перед Интернационалом всю фиктивность «августовского блока» и «О. К.» ликвидаторов и всю дезорганизаторскую деятельность их по отношению к сплоченному большинству с.-д. рабочих России.

*«Путь Правды» № 61
от 15 апреля 1914 г.*

Крепостное хозяйство в деревне.

Наши либералы никак не хотят признать того, что в русской деревне до сих пор необъятно широко еще применяется крепостное хозяйство. Крепостничество еще живо. Ибо, когда полуничий крестьянин работает на помещика своим убогим скотом и орудиями, будучи закабален выдачей денег взаймы или арендой земли, то это и есть экономическая сущность крепостного хозяйства.

При капитализме рабочий не имеет ни земли, ни орудий труда. При крепостническом хозяйстве эксплуатируемый работник имеет и земли и орудия труда, но все это служит именно для закабаления его, для п р и к р е п л е н и я его к «барину-помещику».

И вот в журнале «Русская Мысль», который известен проповедью почтения к помещичьей собственности, в мартовской книжке нечаянно проскользнула правда.

«Зимние наемки,—читаем мы там,—разве это не нелепость в наш век, век электричества и аэропланов? А эта форма рабства и кабалы продолжает процветать и посейчас, играя роль пиявок на крестьянском организме.

«Зимние наемки—любопытное и характерное явление на Руси. Они сохранили во всей свежести крепостной термин «обязанных крестьян»

Это пишет не какой-нибудь «левый» орган, а журнал контр-революционных либералов!

Количество «обязанных» дворов, по местным сведениям относительно весны 1913 года, достигает иногда 56%, например, в Черниговской губернии, т.-е. почти трех пятых всего числа дворов. А при зимней наемке крестьянин получает за работу вдвое и втрое дешевле, чем при летнем найме.

Перед нами чисто крепостническая кабала и безысходная нищета крестьян—на-ряду с теми «прогрессами» отрубов, травосеяния, введения машин и т. п., которые так восхищают иных

наивных людей. На деле эти прогрессы, при сохранении отчаянной нищеты и кабалы массы крестьян, только ухудшают их положение, обостряют неизбежность кризиса, увеличивают противоречие между требованиями современного капитализма и варварской, средневековой, азиатской «зимней наемкой».

Испольщина, обработка земли из половины урожая или уборка сенокосов из третьей копны («на третьяк») представляет собой тоже прямое переживание крепостничества. Количество испольно обрабатываемых крестьянами земель достигает 21—68% с собственных крестьянских земель, по разным районам России и по новейшим данным. А количество испольных сенокосов еще больше: от 50 до 185% собственной крестьянской земли!..

«В некоторых случаях,—читаем в умеренно-либеральном журнале,—кроме оплаты земли половиной урожая, а сенокоса двумя третями, испольщик обязывается 1—2 неделями **бесплатной работы** в экономии, чаще всего с лошадьёю или с подростком».

Чем же это отличается от крепостного права? Крестьянин бесплатно работает на помещика, получая землю от него исполу!

Наши либералы постоянно рассматривают «крестьянский вопрос» с точки зрения «малоземелья» крестьян или необходимости «государственного устройства» их быта или наделения землей по той или иной «норме» (этим грешат и народники). Такая точка зрения в корне не верна. Дело идет о классовой борьбе на почве крепостнических отношений хозяйства, только и всего. При сохранении теперешнего землевладения помещиков **н е и з б е ж н о** сохранение кабалы, крепостничества и, по выражению «Русской Мысли», рабства. Никакие «реформы» и никакие политические изменения тут не помогут. Тут идет речь о землевладении класса, превращающем всякий «прогресс» в черепаший, превращающем массу крестьян в задавленных и привязанных к «барину» нищих.

Не о «потребительной» или «производительной» норме идет тут речь (все это народнический вздор), не о «малоземельи», не о «наделении землей»,—надо говорить об устранении классового крепостнического гнета, мешающего развитию капиталистической страны. Так и только так можно притти к пониманию известной «поговорки»—«кита» сознательных русских рабочих⁴⁸).

*«Путь Правды» № 66
от 20 апреля 1914 г.*

Определение ликвидаторства.

Читатели нашей газеты знают, сколько споров и борьбы вызывает ликвидаторство в современном рабочем движении России. Мы неустанно указывали на то, что ни один сознательный рабочий (а в известном смысле можно даже сказать: ни один сознательный демократ) не может обойтись без ясного и отчетливого понимания ликвидаторства.

Между тем наши противники, и в «Северной Рабочей Газете», и в «Нашей Заре», не только не приводят полностью и не разъясняют своим читателям официальных решений сути дела (например, по тексту 1908 и 1910 годов) о ликвидаторстве, но делают нечто еще гораздо более дурное и вредное: они либо вовсе «отрицают» ликвидаторство, либо вместо точного изложения е д и н о г л а с н о г о решения 1910 года з а м е н я ю т его сбивчивыми и неотносящимися к делу фразами.

Поэтому мы считаем необходимым воспользоваться тем необыкновенно редким случаем, когда с а м Л. М а р т о в дал в печати невероятно (для этого писателя невероятно) точное и правдивое определение или описание ликвидаторства.

Во II томе известной книги Н. Рубакина «Среди книг» (издание 2, Москва 1913, стр. 771) находим перепечатанное г. Рубакиным без всяких изменений письмо Л. Мартова в ответ на просьбу г. Рубакина «изложить сущность и историю меньшевизма». Л. Мартов пишет в этом письме дословно следующее:

«После разгрома общественного движения та же тенденция меньшевиков» (именно тенденция «положить начало новому партийному строительству в более определенном классово-социалистическом духе или дать социал-демократии новую базу для ее коренного самореформирования») «к организационному реформированию партии нашла свое выражение в усиленной деятельности по образованию всякого рода беспартийных рабочих организаций—профессиональных союзов, самообразовательных обществ (частью кооперативов) и т.д. И в попытках, опираясь на эти общества, создать открытую рабочую партию или ее организационные аванпосты (участники этих попыток получили в полемике прозвище «легалистов» или «ликвидаторов» за свое отрица-

тельное отношение к сохранившимся подпольным организациям)».

Это все, что сказал Мартов о ликвидаторстве. Мы подчеркнули здесь главные места. Не будем останавливаться на маленькой неправде будто только «в полемике» и только «участники попыток» названы были ликвидаторами; на самом деле в общемарксистском, официальном, для всех марксистов обязательном, решении 1908 года говорится о ликвидаторстве, как известном течении. Но это сравнительно мелочь.

А главное и существенное—то, что Л. Мартов нечаянно обнаружил здесь понимание и знание того, что такое ликвидаторство.

Попытки создать открытую рабочую партию и, само собой разумеется, проповедь и защита этой идеи. Отрицательное отношение к сохранившимся (и, само собой разумеется, к возникающим вновь) организациям «старого типа». Вот в чем суть дела, которую тысячи раз пытались и пытаются запутать, затемнить и отрицать «Наша Заря», «Луч» и «Северная Рабочая Газета».

Читатель, который вдумается в значение приведенных фактов, поймет, почему одни уже разговоры ликвидаторов о «единстве» вызывают у сознательных рабочих либо бурное негодование и возмущение, либо (смотря по настроению) злую насмешку. Ибо можно вполне представить себе, что сторонник идеи открытой партии искренно и честно отрицает «подполье», раз таково его убеждение. Но не л ь з я себе представить искренних и честных речей об «единстве» со стороны тех, кто сотрудничает в «Нашей Заре» или в «Северной Рабочей Газете». Сотрудничать в этих органах значит н а д е л е бороться п р о т и в «подполья» з а открытую партию, которую они продолжают проповедывать и защищать.

Поэтому, когда Международное Социалистическое Бюро в декабре 1913 года поставило на очередь вопрос о выяснении условий единства в России, то организованные марксисты и Питера и Москвы сказали сразу и публично: первое и основное условие—решительный и безусловный отказ от ликвидаторства, полное коренное изменение в с е г о н а п р а в л е н и я группы «Нашей Зари» и «Луча». Лучисты ответили тоже публично (и Ф. Дан, и Л. Мартов), что они на это несогласны.

Раз так, то очевидно, что люди, толкующие об «единстве» с этой, упорствующей в своих либеральных идеях, группой, обманывают себя и других. Действительное единство большинства

сознательных рабочих уже сложилось и будет складываться дальше в сплочении вокруг марксистских решений и марксистского целого против этой раскольничьей группы.

*«Путь Правды» № 73
от 29 апреля 1914 г.*

Поспешишь—людей насмешишь.

Недавно в австрийском социал-демократическом ежемесячнике «Борьба» появилась за подписью Ф. А. сенсационная заметка, будто известный вождь немецких оппортунистов Эдуард Бернштейн отказался от своих ревизионистских, оппортунистических взглядов и снова вернулся к марксизму.

Ревизионизм или «пересмотр» марксизма является в настоящее время одним из главных, если не самым главным, проявлением буржуазного влияния на пролетариат и буржуазного развращения пролетариев. Именно поэтому вождь оппортунистов, Эдуард Бернштейн, и получил такую (печальную) всемирную знаменитость.

И будто бы Эдуард Бернштейн снова вернулся к марксизму? Известие должно было показаться странным для всех, кто хоть сколько-нибудь знаком с немецкой социал-демократической литературой: главный орган оппортунистов «Социалистический Ежемесячник» (на немецком языке) продолжает выходить, продолжает по-прежнему проповедывать чисто буржуазные взгляды, которые по сути дела сводятся к полной измене социализму. Бернштейн продолжает быть виднейшим сотрудником этого журнала. В чем же дело?

Дело в том, что Бернштейн прочел реферат в Будапеште, и, по изложению местной газеты, в этом реферате он будто бы отрекся от ревизионизма.

Австриец Ф. А. оказался очень доверчивым и неразумно-торопливым, когда поспешил объявить всему миру о новой перемене взглядов Бернштейна. А ликвидатор В. Левицкий, один из виднейших оппортунистических сотрудников оппортунистического журнала «Наша Заря» (этот журнал меньшевиком Плехановым был объявлен русским «Социалистическим Ежемесячником»), оказался вдесятеро более неразумным, написав только со слов Ф. А. в «С. Р. Газете» (от 3 апреля,

№ 46) целый громадный фельетон под звонким заглавием «От ревизионизма к марксизму».

Г. Левицкий не дождался даже появления доклада Бернштейна в печати. Поспешишь—людей насмешишь.

Эдуард Бернштейн, услыхавши о том, какая «слава» пошла по всему миру про его будапештский реферат, написал 11 апреля (нового стиля) письмо в брюссельскую социал-демократическую газету «Народ» и в этом письме заявил прямо: «сообщение «Борьбы» совершенно не верно; ничего нового я в Будапеште не говорил, ни в чем от взглядов «Предпосылок социализма» (главный оппортунистический труд Бернштейна) не отступил, а отчет будапештской газеты о моем реферате просто спутал мои слова с замечаниями составителя отчета»!!.

Весь шум оказался обыкновенной газетной уткой.

Вскрылась при этом только печальная слабость некоторых австрийских (да и одних ли австрийских?) социал-демократов **п р и к р ы в а т ь** оппортунизм и объявлять его исчезнувшим.

Усердный не по разуму г. Левицкий прямо-таки разбивал себе лоб. Он писал в «С. Р. Газете»: «После поворота (?) родоначальника (?) ревизионизма Бернштейна к марксизму, ревизионизм внутри германской социал-демократии окончательно (!?) убит».

Тут что ни слово, то—перл. Поворота не было. Бернштейн не родоначальник. Ревизионизм не убит.

...В России,—пишет усердный г. Левицкий,—ревизионизм перестал быть теоретической модой даже среди левонародников, которые одно время не прочь были опереться в борьбе с марксизмом на это учение. Внутри самой русской социал-демократии он не имел никакого влияния, несмотря на попытки отдельных писателей пересадить его на русскую почву...

Опять, что ни слово, то неправда. Левонародники и сейчас по в с е м важнейшим вопросам «опираются» на ревизионистские «учения»; это видно из каждой книжки «Русского Богатства» и «Заветов», из каждого номера «Стойкой Мысли». Затушевывать оппортунизм левонародников—вредно.

В русской социал-демократии ревизионизм с с а м о г о н а ч а л а массового рабочего и массового социал-демократического движения, 1895—1896 г.г., и м е л в л и я н и е. Неужели г. Левицкий не слыхал о многолетней борьбе последовательных марксистов и сторонников старой «Искры» с «экономистами»? Неужели он не слыхал о партийных резолюциях и многочисленных статьях той эпохи, утверждавших, доказывавших и разъ-

яснявших, что «экономизм» есть русская форма ревизионизма, оппортунизма? Неужели г. Левицкий забыл о г. А. Мартынове, сегодняшнем видном ликвидаторе, вчерашнем видном экономисте?

Г. Левицкий отрекается от ревизионизма, чтобы прикрыть с в о й ревизионизм. Напомним ему хотя бы только следующие четыре вещи: 1) не заявлял ли меньшевик Плеханов в печати в 1909—1910 г.г., что меньшевики набрали себе целый ряд оппортунистических элементов? 2) не доказывал ли тот же Плеханов оппортунистический характер ликвидаторского лозунга: «борьба за легальность»? 3) не доказывали ли н е с к о л ь к о меньшевиков-анти-ликвидаторов с в я з ь ликвидаторства с «экономизмом»? 4) не является ли оппортунизмом отрицание Кольцовым «двух китов» (из трех) с точки зрения пригодности их для агитации?

Даже эти четыре факта — а их можно бы привести сорок четыре — говорят ясно о том, что «экономизм» 1895—1902 годов, «меньшевизм» 1903—1908 годов, ликвидаторство 1908—1914 годов есть не что иное, как русская форма или разновидность оппортунизма и ревизионизма.

«Просвещение» № 5,

май 1914 г.

За подписью В. И.

Рецензия на книгу:

И Д р о з д о в а «Заработная плата земледельческих рабочих в России в связи с аграрным движением 1905—1906 г.г.». Спб. (Изд. М. И. Семенова). 1914 г. Стр. 68. Ц. 50 к.

Нельзя не приветствовать начин г. Дроздова, поставившего в своей брошюре чрезвычайно интересный и важный вопрос. Автор взял данные о поденной заработной плате (выраженной в деньгах и в хлебе) и об урожайности ржи на владельческих полях за 1902—1904 годы, а затем погодные данные за 1905—1910 г.г. и сравнил эти данные по районам Европейской России.

Наибольшее повышение заработной платы в 1905 году автор нашел в юго-западном районе (увеличение на 10% по сравнению с 1902—1904 г.г.). В среднем по России увеличение оказалось на 1,2% в 1905 году и на 12,5% в 1906 году. Автор делает отсюда вывод, что всего больше повысилась плата в районах наиболее

развитого сельско-хозяйственного капитализма и наибольшей распространенности стачечной формы борьбы (в отличие от так называемой «разгромно-порубочной» формы). Говоря строго, для такого вывода данные еще недостаточны. Например, второе место среди районов по увеличению платы в 1905 году занимает Приуральский район (увеличение на 9,68% против 10,35% в юго-западном районе). Если взять среднюю плату за весь пореволюционный период, т.-е. за 1905—1910 годы, то получается 110,3% по сравнению с 1902—1904 г.г.) в юго-западном районе и 121,7% в Приуральском районе. Автор предъясняет, так сказать, «отвод» по отношению к Приуральскому району, ссылаясь при этом на мое «Развитие капитализма». Но я отводил там Приуральский район при изучении массового передвижения рабочих, а не высоты заработной платы вообще, так что ссылка автора неправильна. Едва ли также удовлетворительна ссылка на незначительность процента владельческих посевов на Урале*). Автору следовало бы взять более детальные, погубернские данные и сопоставить увеличение платы с данными о сравнительной силе аграрного движения вообще, и в его стачечной, и в его «разгромно-порубочной» форме и пр.

В общем и целом по России денежная заработная плата сельско-хозяйственным рабочим поднялась больше всего с 1905 по 1906 год; принимая за 100 плату 1902—1904 годов, имеем 101,2% в 1905 г. и 112,5% в 1906 году. Для последующих четырех лет соответствующие цифры—114,2%, 113,1%, 118,4% и 119,6%. Ясно, что при общем повышении денежной заработной платы в результате революции мы имеем прямое и преобладающее влияние борьбы 1905—1906 годов.

Отсылая читателя за подробностями к содержательной брошюре г. Дроздова, отметим, что он совершенно напрасно объявляет «заведомо-неисполнимыми» те требования крестьян, которые сводились в сущности к «выкуриванию помещиков» (стр. 30). Столь же неосновательно и непродумано заявление, что в разгромно-порубочном районе «борьба шла за уравнительное землепользование и вообще за другие подобные же мелко-буржуазные утопические требования» (38). Во-первых, крестьяне боролись не

*) Северный район автор приравнивает в этом отношении к Уралу. Но в северном районе заработная плата в 1905 г. поизилась на 60%, а в 1906 году поднялась всего на 80%.

только за землепользование, но и за землевладение («выкуривание»); во-вторых, они боролись не за уравнительность, а за переход к ним помещичьих земель—это две вещи разные; в-третьих, утопическими были и остались субъективные чаяния (и «теории») народников насчет «уравнительности», «социализации», «изъятия земли из торгового оборота» и тому подобный вздор, но в «выкуривании» крепостников мелко-буржуазной массой нет ничего «утопического». Автор смешивает объективно-историческое значение крестьянской борьбы за землю, борьбы, которая была прогрессивно-буржуазной и радикально-буржуазной с субъективными теориями и чаяниями народников, каковые были и остались утопическими и реакционными. Такое смешение глубоко ошибочно, недиалектично, неисторично.

Общий вывод автора, при сравнении среднего за 1891—1900 и за 1901—1910 годы, состоит в том, что поденная денежная плата повысилась по России на 25,5%, а реальная, выраженная в хлебе, плата всего на 3,9%, т.-е., можно сказать, почти что не изменилась. Заметим, что по высоте повышения денежной платы за указанные десятилетия районы располагаются в таком порядке: литовский +39%, приволжский +33%, приуральский +30%, малороссийский +28%, центрально-земледельческий +26% и т. д.

В заключение автор сравнивает за два последние десятилетия (1891—1900 и 1901—1910 годы) рост заработной платы сельских рабочих с ростом земельной ренты. Оказывается, что по России средняя заработная плата поднялась с 55,2 коп. в день до 66,3 коп., т.-е. на 27%. А цена земли—известно, что цена земли есть капитализированная рента—поднялась с 69,1 руб. за 1 десятину до 132,4 руб., т.-е. на 91%. Другими словами, заработная плата поднялась на четверть, а земельная рента почти удвоилась!!

«А это обстоятельство,—справедливо заключает автор,—означает только одно, а именно: понижение относительного жизненного уровня земледельческих рабочих в России при одновременном относительном повышении такового же землевладельческого класса... Социальное расстояние между классом помещичьим и классом наемных рабочих все более и более возрастает».

*«Просвещение» № 5,
май 1914 г.
За подписью В. И.*

О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве.

Вопросы современного рабочего движения во многих отношениях являются большими вопросами—в особенности для представителей вчерашнего дня (т.-е. только что исторически миновавшего этапа) этого движения. Сюда прежде всего относятся вопросы о так называемой фракционности, расколе и т. д. Нередко от интеллигентских участников рабочего движения можно слышать возбужденные, нервные, почти истерические просьбы не касаться этих больших вопросов. Для тех, кто пережил долгие годы борьбы разных течений среди марксистов, например, с 1900—1901 годов, естественно могут быть излишними повторениями многие рассуждения на тему этих больших вопросов.

Но участников 14-летней борьбы среди марксистов (а тем более 18—19-летней, если считать с первых симптомов появления «экономизма») в настоящее время не так уже много. Громадное большинство рабочих, заполняющих в наши дни ряды марксистов, старой борьбы либо не помнят, либо не знают вовсе. Для этого громадного большинства (как показывает, между прочим, и анкета нашего журнала) большие вопросы представляют особенно большой интерес. И мы намерены остановиться на этих вопросах, поднимаемых как бы заново (а для молодого поколения рабочих действительно заново) «нефракционным рабочим журналом» Троцкого «Борьба».

I. О „фракционности“.

Троцкий называет свой новый журнал «нефракционным». Это слово он ставит на первое место в объявлениях, это подчеркивает на все лады в редакционных статьях как самой «Борьбы», так и ликвидаторской «С. Р. Газете», где до выхода «Борьбы» появилась о ней статья Троцкого.

Что же это такое «нефракционность»?

«Рабочий журнал» Троцкого есть журнал Троцкого для рабочих, ибо ни рабочего почина, ни связи с рабочими организациями в журнале нет и следа. Желая быть популярным, Троц-

кий в своем журнале для рабочих поясняет читателям слова «территория», «фактор» и т. п.

Очень хорошо. Отчего бы не пояснить для рабочих и слово: «нефракционность»? Неужели оно более понятно, чем слова территория и фактор?

Нет. Дело не в этом. Дело в том, что ярлычком «нефракционность» вводят в обман молодое поколение рабочих худшие представители худших остатков фракционности. На разъяснении этого стоит остановиться.

Фракционность есть главная отличительная черта социал-демократической партии одной определенной исторической эпохи. Какой именно? С 1903 по 1911-ый год.

Чтобы пояснить наиболее наглядно, в чем была сущность фракционности, надо вспомнить конкретные условия хотя бы 1906—1907 годов. Партия тогда была едина, не было раскола, но была фракционна, т.-е. на деле существовало в единой партии две фракции, две фактически отдельные организации. Рабочие организации внизу были едины, но по каждому серьезному вопросу две фракции вырабатывали две тактики: защитники их спорили между собой в единых рабочих организациях (например, при обсуждении лозунга: думское—или кадетское—министерство в 1906 году или при выборах на Лондонский съезд в 1907 году) и вопросы решались по большинству: одна фракция оказалась побежденной на едином Стокгольмском съезде (1906), другая—на едином Лондонском (1907).

Это—общеизвестные факты из истории организованного марксизма в России.

Достаточно припомнить эти общеизвестные факты, чтобы увидеть вопиющую неправду, которую распространяет Троцкий.

С 1912 года, уже более двух лет, нет в России фракционности среди организованных марксистов, нет споров о тактике в единых организациях, на единых конференциях и съездах. Есть полная разорванность между партией, формально заявившей в январе 1912 года о том, что ликвидаторы не принадлежат к ней, и ликвидаторами. Троцкий называет нередко это положение дела «расколом» и о таком наименовании мы будем говорить ниже особо. Но остается несомненным фактом, что слово «фракционность» расходится с истиной.

Это слово, как мы уже сказали, есть повторение, некритическое, неразумное, бессмысленное повторение того, что

было верно вчера, т.-е. в эпоху уже миновавшую. И когда Троцкий говорит нам о «хаосе фракционной борьбы» (см. № 1, стр. 5, 6 и многие другие), то сразу ясно становится, какое именно отжившее прошлое говорит устами его.

Посмотрите на теперешнее положение дела с точки зрения молодого русского рабочего, каких теперь $\frac{9}{10}$ среди организованных марксистов России. Он видит перед собой три массовых проявления разных взглядов или течений в рабочем движении: «правдивистов» вокруг газеты с тиражом в 40.000 экземпляров, «ликвидаторов» (15.000 экземпляров) и левонародников (10.000 экземпляров). Данные о тираже поясняют читателю массовый характер известной проповеди.

Спрашивается, при чем же тут «хаос»? Троцкий любит звонкие и пустые фразы—это известно, но словечко «хаос» есть не только фраза, а кроме того есть перенесение (вернее, тщетная попытка перенесения) на русскую почву современной эпохи заграничных отношений вчерашней эпохи. Вот в чем суть дела.

Никакого «хаоса» нет в борьбе марксистов с народниками. Этого, надо надеяться, даже Троцкий не решится утверждать. Борьба марксистов с народниками идет свыше 30 лет, с самого рождения марксизма. Причина этой борьбы—коренное расхождение интересов и точек зрения двух разных классов, пролетариата и крестьянства. «Хаос», если где и есть, то только в головах чудаков, непонимающих этого.

Что же остается? «Хаос» борьбы марксистов с ликвидаторами? И опять-таки это неправда, ибо нельзя назвать хаосом борьбу с течением, которое признано всей партией за течение и осуждено с 1908 года. А кто не беззаботен насчет истории марксизма в России, тот знает, что ликвидаторство неразрывно и теснейшим образом даже в смысле состава вождей и участников связано с «меньшевизмом» (1903—1908) и «экономизмом» (1894—1903). Значит, и тут перед нами почти двадцатилетняя история. Относиться к истории собственной партии, как к «хаосу», значит иметь непростительную пустоту в голове.

Но посмотрите на теперешнее положение с точки зрения Парижа или Вены. Сразу все переменится. Кроме «правдивистов» и «ликвидаторов» есть еще не менее пяти русских «фракций», т.-е. отдельных групп, желающих причислять себя к одной и той же социал-демократической партии:

группа Троцкого, две группы «Вперед», «большевики-партийцы» и «меньшевики-партийцы». В Париже и в Вене (беру для примера два особенно крупных центра) это всем марксистам прекрасно известно.

И тут Троцкий в известном смысле прав: это действительно фракционность, это поистине хаос!

«Фракционность», т.-е. номинальное единство (на словах все одной партии) и реальная раздробленность (на деле все группы самостоятельны и вступают друг с другом в переговоры и соглашения, как суверенные державы).

«Хаос», т.-е. отсутствие: 1) объективных допускающих проверку данных о связи этих фракций с рабочим движением в России и 2) отсутствие материала для суждения о подлинной идейной и политической физиономии этих фракций. Возьмите период полных двух лет — 1912 и 1913. Как известно, это — годы оживления и подъема рабочего движения, когда всякое сколько-нибудь похожее на массовое (а в политике только массовое и считается) течение или направление не могло не сказаться на выборах в IV Думу, на стачечном движении, на легальных газетах, на профессиональных союзах, на страховой кампании и т. п. Ни одна, ни единая из этих пяти заграничных фракций за весь этот двухлетний период не проявила себя абсолютно ничем заметным ни на одном из указанных сейчас проявлений массового рабочего движения в России!

Это — факт, который всякому легко проверить.

И этот факт доказывает, что мы были правы, говоря о Троцком, как о представителе «худших остатков фракционности».

На словах будучи нефракционным, Троцкий есть заведомо для всех, сколько-нибудь знакомых с рабочим движением в России, представитель «фракции Троцкого», — здесь есть фракционность, ибо налицо оба существенные признака ее: 1) номинальное признание единства и 2) групповая обособленность на деле. Здесь есть остаток фракционности, ибо ничего серьезного в смысле связей с массовым рабочим движением России открыть тут невозможно.

Здесь есть, наконец, худший вид фракционности, ибо нет никакой идейно-политической определенности. Нельзя отказать в этой определенности ни правдистам (даже наш решительный противник Л. Мартов признает у нас «сплоченность и дисциплину» вокруг всем известных формальных решений по всем вопросам),

ни ликвидаторам (у них очень определенная, по крайней мере у виднейших из них, физиономия, именно либеральная, а не марксистская).

Нельзя отказать в некоторой определенности части тех фракций, которые, подобно фракции Троцкого, реально существуют исключительно с венско-парижской, отнюдь не с русской точки зрения. Например, определенны махистские теории у махистской группы «Вперед»; определенно решительное отрицание этих теорий и защита марксизма, на-ряду с теоретическим осуждением ликвидаторов, у «меньшевиков-партийцев».

У Троцкого же нет никакой идейно-политической определенности, ибо патент на «нефракционность» означает лишь (мы сейчас увидим это подробнее) патент на полную свободу перелетов от одной фракции к другой и обратно.

Итог:

1) исторического значения и дейных расхождений между течениями и фракциями в марксизме Троцкий не объясняет и не понимает, хотя эти расхождения наполняют двадцатилетнюю историю социал-демократии и касаются основных вопросов современности (как мы еще покажем);

2) основных особенностей фракционности, как номинального признания единства и реальной раздробленности, Троцкий не понял;

3) под флагом «нефракционности» Троцкий отстаивает одну из заграничных фракций особенно безыдейных и лишенных почвы в рабочем движении России.

Не все то золото, что блестит. Много блеску и шуму в фразах Троцкого, но содержания в них нет.

II. О расколе.

«Если у вас, правдистов, нет фракционности, т.-е. номинального признания единства при раздробленности на деле, то у вас есть худшее—раскольничество», возразят нам. Именно так говорит Троцкий, который, не умея продумать своих мыслей и связать концы с концами своих фраз, то вопиет против фракционности, то кричит: «раскол делает одно самоубийственное завоевание за другим» (№ 1, стр. 6).

Смысл этого заявления может быть только один: «правдисты делают одно завоевание за другим» (это объективный, до-

пускающий проверку факт, устанавливаемый изучением массового рабочего движения России хотя бы в 1912 и 1913 годах), но я, Троцкий, осуждаю правдистов (1) как раскольников и (2) как самоубийственных политиков.

Разберемся в этом.

Прежде всего поблагодарим Троцкого: недавно (с августа 1912 г. по февраль 1914 г.) он шел за Ф. Даном, который, как известно, грозил и призывал «у б и т ь» антиликвидаторство. Теперь Троцкий не грозит «убить» наше направление (и нашу партию—не сердитесь, гражданин Троцкий, это ведь правда!), а только пророчит, что оно с а м о убьет себя!

Это—гораздо мягче, неправда ли? Это—почти «нефракционно» не так ли?

Но шутки в сторону (хотя шутка есть единственный способ мягкого отклика на невыносимое фразерство Троцкого).

«Самоубийство» — просто фраза, пустая фраза, один «троцкизм».

Раскольниковство есть серьезное политическое обвинение. Это обвинение повторяют против нас на тысячи ладов и ликвидаторы, и все, перечисленные выше, с точки зрения Парижа и Вены несомненно существующие, группы.

И все они повторяют это серьезное политическое обвинение удивительно несерьезно. Посмотрите на Троцкого. Он признал, что «раскол делает (читай: правдисты делают) одно самоубийственное завоевание за другим». Он добавляет к этому:

Многочисленные передовые рабочие в состоянии полной политической растерянности сами становятся нередко деятельными агентами раскола (№ 1, стр. 6).

Можно ли найти образцы более несерьезного отношения к вопросу, чем то, которое вскрывается этими словами?

Вы нас обвиняете в раскольниковстве, тогда как мы перед собой на арене рабочего движения в России ровно ничего кроме ликвидаторства не видим. Значит, вы находите неправильным наше отношение к ликвидаторству? И действительно, в с е перечисленные выше заграничные группы, как ни сильно они друг от друга отличаются, сходятся именно в том, что наше отношение к ликвидаторству признают неправильным, «раскольниковским». В этом состоит также сходство (и существенное политическое сближение) в с е х этих групп с ликвидаторами.

Если наше отношение к ликвидаторству теоретически, принципиально неправильно, то об этом следовало бы Троцкому

прямо сказать, определенно заявить, без обиняков указать, в чем он видит эту неправильность. Троцкий годами избегает, однако, этот существенный пункт.

Если практически, в опыте движения опровергается наше отношение к ликвидаторству, надо разобрать этот опыт, чего Троцкий опять-таки не делает. «Многочисленные передовые рабочие,— признает он,— становятся деятельными агентами и раскола» (читай: деятельными агентами правдистской линии, тактики, системы, организации).

Почему же это происходит такое печальное явление, подтверждаемое, по признанию Троцкого, опытом, что передовые рабочие, и притом многочисленные, стоят за «Правду»?

Вследствие «полной политической растерянности» этих передовых рабочих,—отвечает Троцкий

Объяснение, слов нет, чрезвычайно лестное для Троцкого, для всех пяти заграничных фракций и для ликвидаторов. Троцкий очень любит давать, «с ученым видом знатока», с напыщенными и звонкими фразами, лестные для Троцкого объяснения исторических явлений. Если «многочисленные трудовые рабочие» становятся «деятельными агентами» политической и партийной линии, несогласующейся с линией Троцкого, то Троцкий решает вопрос, не стесняясь, сразу и прямоком: эти передовые рабочие находятся «в состоянии полной политической растерянности», а он, Троцкий, очевидно, «в состоянии» политической твердости, ясности и правильности линии!.. И тот же самый Троцкий, бия себя в грудь, громит фракционность, кружковщину, интеллигентское навязывание своей воли рабочим!..

Право, читая такие вещи, невольно спрашиваешь себя, не из сумасшедшего ли дома раздаются подобные голоса?

Перед «передовыми рабочими» вопрос о ликвидаторстве и его осуждении поставлен партией с 1908 года, а вопрос о расколе с точно определенной группой ликвидаторов (именно: группой «Нашей Вари»), т.-е. о невозможности строить партию иначе как без этой группы и против нее, этот последний вопрос поставлен в январе 1912 года, более двух лет тому назад. Передовые рабочие в огромном большинстве высказались именно за поддержку «январской (1912 г.) линии». Троцкий сам признает этот факт словами о «завоеваниях» и о «многочисленных передовых рабочих». И Троцкий отделывается тем, что просто бражит этих

передовых рабочих «раскольниками» и «политически-растерянными»!

Люди, не сошедшие с ума, сделают из этих фактов иной вывод. Там, где сплотилось большинство сознательных рабочих вокруг точных и определенных решений, там есть единство мнений и действий, там есть партийность и партия.

Там, где мы видели ликвидаторов, «снятых с постов» рабочими, или с полдюжины заграничных групп, за два года ничем не доказавших своей связи с массовым рабочим движением России, там именно царит растерянность и раскольничество. Пытаясь теперь убедить рабочих не исполнять решений того «целого», которое признают марксисты-правдисты, Троцкий пытается дезорганизовать движение и вызвать раскол.

Эти попытки бессильны, но надо же разоблачить зарвавшихся в своем самомнении вождей интеллигентских группок, которые, производя раскол, кричат о расколе, которые, потерпев за два и более года полное поражение перед «передовыми рабочими», с невероятной наглостью плюют на решения и на волю этих передовых рабочих, называя их «политически-растерянными». Ведь это же целиком приемы Ноздрева или Иудушки Головлева.

И, по должности публициста, мы на повторяемые крики о расколе не устанем повторять точные данные, не опровергаемые и неопровержимые. Во II Думе было в рабочей курии 47% депутатов большевиков, в III—50%, в IV—67%.

Вот где большинство «передовых рабочих», вот где партия, вот где единство мнений и действий большинства сознательных рабочих.

Ликвидаторы возражают (см. Буренина, Л. М., в № 3 «Нашей Зари»), что мы пользуемся аргументами от Столыпинских курий. Это — неразумное и недобросовестное возражение. Немцы измеряют свои успехи выборами по Бисмарковскому избирательному закону, отстраняющему женщин. Только сумасшедшие могли бы попрекнуть за это немецких марксистов, которые меряют свои успехи при данном избирательном законе, отнюдь не оправдывая его реакционных урезок.

Так и мы, ни курий, ни куриальности не защищая, меряли свои успехи при данном избирательном законе. Курии

были при всех трех (II, III, IV) Думах и в н у т р и одной и той же рабочей курии, в н у т р и социал-демократии произошла п о л н а я передвижка против ликвидаторов. Кто не хочет обманывать себя и других, тот должен признать этот объективный факт победы рабочего единства против ликвидаторов.

Другое возражение не менее «умно»: «за такого-то и такого-то большевика голосовали (или на выборах участвовали) меньшевики и ликвидаторы». Прекрасно! А не относится ли это и к 53% депутатов не большевиков II Думы, к 50% III Думы, к 33% IV Думы?

Если бы можно было вместо данных о депутатах взять данные о выборщиках или уполномоченных от рабочих и т. п., мы с охотой взяли бы их. Но таких более подробных данных нет, и, следовательно, «возражатели» просто бросают публике песок в глаза.

А данные о рабочих группах, помогавших газетам разных направлений? За два года (1912 и 1913) 2.801 группа за «Правду» и 740 за «Луч» *). Всякий может проверить эти цифры, и никто не пытался опровергать их.

Где же тут единство действий и воли большинства «передовых рабочих» и где нарушение воли большинства?

«Нефракционность» Троцкого есть именно раскольниковство в смысле самого беззастенчивого нарушения воли большинства рабочих.

III. О распаде августовского блока.

Но есть еще способ, и очень важный, проверить правильность и правдивость бросаемых Троцким обвинений в раскольниковстве.

Вы находите, что именно «ленинцы» — раскольники? Хорошо. Допустим, что вы правы.

Но если вы правы, почему же все остальные фракции и группы не доказали без «ленинцев» и п р о т и в «раскольников»?

*) По 1 апреля 1914 г. предварительный подсчет дал 4.000 групп за «Правду» (с 1 января 1912 года) и 1.000 за ликвидаторов плюс всех их союзников.

возможности единства с ликвидаторами?.. Если мы—раскольники, почему же вы, объединители, не объединились между собой и с ликвидаторами? Ведь этим вы на деле показали бы рабочим возможность единства и пользу его!..

Припомним хронологию.

В январе 1912 года «раскольники» «ленинцы» объявляют, что они — партия без ликвидаторов и против них.

В марте 1912 года против этих «раскольников» объединяются в своих русских листках и на страницах немецкой социал-демократической газеты «Vorwärts» все группы и «фракции», ликвидаторы, троцкисты, впередовцы, «большевики-партийцы», «меньшевики-партийцы»⁴⁹). Все вместе дружно, единодушно, согласно, едино ругают нас «узурпаторами», «мистификаторами» и прочими не менее нежными и ласковыми прозвищами.

Очень хорошо, господа! Но чего же вам легче было, как соединиться против «узурпаторов» и показать «передовым рабочим» пример единства? Неужели передовые рабочие, если бы они видели, с одной стороны, единство всех против узурпаторов, единство и ликвидаторов и неликвидаторов, а с другой стороны—одних «узурпаторов», «раскольников» и проч., не поддерживали бы первых??

Если разногласия только выдуманы или раздуты и т. п. «ленинцами», а на деле возможно единство ликвидаторов, плехановцев, впередовцев, троцкистов и проч., то отчего не доказали вы этого за два года своим примером?

В августе 1912 года собралась конференция «объединителей». Сразу началось разъединение: плехановцы вовсе отказались итти, впередовцы пошли, но ушли с протестом и с разоблачением фиктивности всей затеи.

«Объединились» ликвидаторы, латыши, троцкисты (Троцкий и Семковский), кавказцы, семерка. Объединились ли? Мы заявили тогда же, что нет, что это лишь прикрытие ликвидаторства. Опровергли ли нас события?

Ровно через полтора года, в феврале 1914 года оказывается:

1. Что семерка распадается—Бурьянов уходит от нее.
2. Что в оставшейся новой «шестерке» Чхеидзе и Туляков или кто-то другой не могут спеться насчет ответа Плеханову.

Они в печати заявляют, что ответят ему, и не могут ответить.

3. Что Троцкий, фактически уже много месяцев исчезнувший из «Луча», отказывается, издавая «свой» журнал «Борьба». Называя этот журнал «нефракционным», Троцкий ясно говорит этим (ясно для всех, кто сколько-нибудь знаком с делом), что «Наша Заря» и «Луч» оказались, по его, Троцкого, мнению, «фракционными», т.-е. плохими объединениями.

Если вы—объединитель, любезный Троцкий, если вы объявляете возможным единство с ликвидаторами, если вы вместе с ними стоите на позиции «основных идей, формулированных в августе 1912 года» («Борьба» № 1, стр. 6, «От редакции»), то отчего же вы сами не объединились с ликвидаторами в «Нашей Заре» и в «Луче»?

Когда в «С. Р. Газете» еще до выхода журнала Троцкого появилась злая заметка о «невьясненной» физиономии журнала и о том, что «в марксистских кругах довольно много говорили» о нем, то «Путь Правды» (№ 37), естественно, должен был разоблачить неправду: «в марксистских кругах говорили» о секретной записке Троцкого против лучистов; физиономия Троцкого и его откол от августовского блока вполне «выяснены».

4. Ан, известный вождь кавказских ликвидаторов, выступивший было против Л. Седова (и получивший за это публичную головомойку от Ф. Дана и К-о), появляется теперь в «Борьбе». Остается «невьясненным», с Троцким или с Даном желают теперь итти кавказцы?

5. Латышские марксисты, бывшие единственной вполне бесспорной организацией в «августовском блоке», формально вышли из него, заявив (1914 г.) в резолюции своего последнего конгресса, что

попытка со стороны примирителей объединиться во что бы то ни стало с ликвидаторами (августовская конференция 1912 года) оказалась бесполезной и объединители сами попали в идейно-политическую зависимость от ликвидаторов.

Это заявила, после полуторогодового опыта, организация, которая сама стоит на нейтральной позиции, не желая вступать в связь ни с одним из двух центров. Тем более веско должно быть для Троцкого это решение нейтральных людей!

Кажется, довольно?

Люди, нас обвинявшие в раскольничестве, в нежелании или неумении ужиться с ликвидаторами, с а м и не ужились с ними. Августовский блок оказался фикцией и распался.

Скрывая от своих читателей этот распад, Троцкий обманывает их.

Опыт наших противников доказал нашу правоту, доказал невозможность работы с ликвидаторами.

IV. Советы примиренца «семерке»

В редакционной статье № 1 «Борьбы»: «Раскол думской фракции» содержатся советы примиренца семерке ликвидаторствующих (или колеблющихся в сторону ликвидаторства) депутатов Государственной Думы. Гвоздь этих советов — следующая фраза:

обращаться к шестерке в первую очередь во всех случаях, когда необходимо соглашение с другими фракциями... (стр. 29).

Вот—разумный совет, из-за которого, между прочим, расходится, видимо, Троцкий с ликвидаторами-лучистами. С самого начала борьбы двух фракций в Думе, с резолюции летнего (1913) совещания правдисты стояли именно на этой точке зрения. Российская Социал-Демократическая Рабочая Фракция неоднократно и после раскола в п е ч а т и заявляла, что продолжает стоять на этой позиции, вопреки повторным отказам «семерки».

С самого начала, с резолюции летнего совещания, мы думали и думаем, что с о г л а ш е н и я по вопросам д у м с к о й работы желательны и возможны: если такие соглашения неоднократно практиковались с мелко-буржуазными крестьянскими демократами (трудовиками), то тем более, разумеется, возможны и необходимы они с мелко-буржуазными, либеральными рабочими политиками.

Не надо преувеличивать разногласий и надо смотреть действительности прямо в лицо: «семерка» — колеблющиеся в сторону ликвидаторства люди, вчера шедшие вполне за Даном, сегодня с тоской переводящие свои взгляды с Дана на Троцкого и обратно. Ликвидаторы, это—отколовшаяся от партии группа легалистов, проводящая либеральную рабочую политику. Ввиду отрицания ими «подполья» ни о каком единстве с этой группой в

делах партийного строительства и рабочего движения не может быть и речи. Кто думает иначе, тот глубоко заблуждается, не учитывая глубины происшедших после 1908 года перемен.

Но соглашения с этой внепартийной или околопартийной группой по отдельным вопросам, конечно, допустимы: мы и эту группу, как и трудовиков, всегда должны заставлять делать выбор между рабочей (правдистской) и либеральной политикой. Например, в вопросе о борьбе за свободу печати у ликвидаторов ясно обнаружились колебания между либеральной постановкой вопроса с отрицанием или забвением бесцензурной печати и обратной, рабочей, политикой.

В пределах думской политики, где не ставится непосредственно самых важных, в недумских, вопросов, соглашения с семеркой либеральных рабочих депутатов возможны и желательны. По этому пункту Троцкий от ликвидаторов перешел к позиции партийного «Летнего (1913) совещания».

Не надо забывать только, что с точки зрения внепартийной группы под соглашением разумеется совсем не то, что понимают под этим обычно партийные люди. Для не партийных людей «соглашение» в Думе есть «выработка тактической резолюции или линии». Для партийных людей соглашение есть попытка привлечь других к осуществлению партийной линии.

Например, у трудовиков партии нет. Под соглашением они разумеют «вольную», так сказать, «выработку» линии, сегодня с кадетами, завтра с социал-демократами. Мы же под соглашением с трудовиками разумеем совсем не то: у нас есть партийные решения по всем важным вопросам тактики, и никогда мы от этих решений отступать не будем; соглашаться же с трудовиками для нас значит привлекать их на свою сторону, убеждать их в нашей правоте, не отказываться от общих действий против черносотенцев и против либералов.

До какой степени Троцкий забыл (недаром все же побывал у ликвидаторов!) это элементарное различие о соглашениях с партийной и беспартийной точки зрения, показывает следующее его рассуждение:

Необходимо, чтобы доверенные лица Интернационала свели обе части нашего расколовшегося парламентского представительства и совместно с ними

рассмотрели, что их объединяет и что их раскалывает... Может быть, выработанная детальная тактическая резолюция, формулирующая основы [парламентской тактики... (№ 1, стр. 29 — 30).

Вот—характерный и типичнейший образчик ликвидаторской постановки вопроса! О партии журнал Троцкого забывает: стоит ли помнить о подобной мелочи, в самом деле?

! Когда в Европе (Троцкий любит нехстати говорить о европеизме) соглашаются или объединяются различные партии, то дело бывает так: представители их сходятся и выясняют прежде всего пункты расхождения (именно то, что Интернационал и поставил на очередь для России, отнюдь не включив в резолюцию необдуманного утверждения Каутского, будто «старой партии нет»). Выяснив пункты расхождения, представители намечают, какие решения (резолюции, условия и т. п.) по вопросам тактики, организации и т. д. должны быть представлены съездам обеих партий. Если удастся наметить проект единых решений, съезды решают, принять ли их; если намечаются различные предложения, то их равным образом окончательно обсуждают съезды обеих партий.

* Для ликвидаторов и Троцкого «симпатичны» лишь европейские образцы оппортунизма, но вовсе не образцы европейской партийности.

! «Детальную тактическую резолюцию» будут вырабатывать думские депутаты!! Русские «передовые рабочие», которыми недаром так недоволен Троцкий, могут наглядно видеть на этом примере, до чего доходит в Вене и в Париже смехотворное прожектерство заграничных группочек, уверивших даже Каутского, что в России «партии нет». Но если иностранцев иногда удастся обмануть на этот счет, то русские «передовые рабочие» (под страхом вызвать новое недовольство грозного Троцкого) рассмеются в лицо этим прожектерам.

«Детальные тактические резолюции,—скажут они им,—вырабатываются у нас партийными съездами и конференциями (не знаем, как у вас, беспартийных), например, 1907, 1908, 1910, 1912 и 1913 годов. Мы с удовольствием познакомим несведущих иностранцев, а также забывчивых русских, с нашими партийными решениями и еще с большим удовольствием попросим представителей «семерки» или «августовцев» или «левиццев» или кого угодно познакомить нас с резолюциями их съездов и конференций, внести на их будущий съезд определенный вопрос об

отношении к нашим резолюциям или к резолюции нейтрального латышского съезда 1914 года и т. д.).

Вот что скажут «передовые рабочие» России разным прожектерам, — вот что уже сказали, например, в марксистской печати организованные марксисты Петербурга. Троцкому угодно игнорировать эти напечатанные условия для ликвидаторов? Тем хуже для Троцкого. Наш долг — предупредить читателей насчет того, как смешно «объединительное» (по типу августовского «объединения») прожектерство, не желающее считаться с волей большинства сознательных рабочих России.

V. Ликвидаторские взгляды Троцкого.

О своих взглядах по существу Троцкий постарался как можно меньше сказать в своем новом журнале. «Путь Правды» (№ 37) уже отметил, что ни по вопросу о подполье, ни о лозунге борьбы за открытую партию и т. д. Троцкий не сказал ни звука. Вот почему, между прочим, мы говорим о худшей фракционности в этом случае, когда обособленная организация хочет возникнуть без всякой идейно-политической физиономии.

Но если Троцкий не пожелал изложить своих взглядов прямо, то целый ряд мест его журнала показывает, какие идеи он проводит тайком и пряча их.

В первой же редакционной статье первого номера мы читаем:

Дореволюционная социал-демократия была у нас только по своей идее, по своим целям рабочей партией. В действительности она представляла собой организацию марксистской интеллигенции, которая вела за собой пробуждавшийся рабочий класс... (5).

Это — давно известная либеральная и ликвидаторская песенка, служащая на деле введением к отрицанию партии. Песенка эта основана на извращении исторических фактов. Уже стачки 1895—1896 годов создали массовое рабочее движение, связанное и идейно и организационно с социал-демократией. И на эти стачки, на экономическую и неэкономическую агитацию «интеллигенция вела за собой рабочий класс»!!?

Или вот точные данные о государственных преступлениях за 1901—1903 годы сравнительно с предыдущей эпохой.

На 100 участников освободительного движения (привлеченных за государственные преступления) было лиц, занимающихся:

Эпохи.	Сельским хозяйством.	Промышленностью и торговлей.	Либеральными профессиями и учащими.	Неопредел. занятий и без занятий.
1884—1890	7,1	15,1	53,3	19,9
1901—1903	9,0	46,1	28,7	8,0

Мы видим, что в 80-е годы, когда не было еще социал-демократической партии в России, когда движение было «народническим», преобладала интеллигенция: она дает больше половины участников.

Полное изменение этой картины в 1901—1903 годах, когда уже была социал-демократическая партия, когда вела свою работу старая «Искра». Интеллигенция уже составляет меньшинство среди участников движения, рабочих («промышленность и торговля») уже гораздо больше, чем интеллигенции, а рабочих и крестьян вместе больше половины всего числа.

Именно в борьбе течений внутри марксизма сказалось мелкобуржуазно-интеллигентское крыло социал-демократии, начиная с «экономизма» (1895—1903), продолжая «меньшевизмом» (1903—1908) и «ликвидаторством» (1908—1914). Троцкий повторяет ликвидаторские клеветы на партию, боясь прикоснуться к истории двадцатилетней борьбы течений внутри партии.

Вот другой пример:

Русская социал-демократия в своем отношении к парламентаризму прошла те же три стадии... (что и в других странах)... сперва «бойкотизм»... далее принципиальное признание парламентарной тактики, но... (великолепное «но», то самое «но», которое Шедрин переводил фразой: не растут уши выше лба, но растут!)... с чисто агитационными целями... и, наконец, перенесение на думскую трибуну... очередных требований... (№ 1, стр. 34).

Опять ликвидаторское искажение истории. Различие второй и третьей стадии придумано для того, чтобы тайком провести защиту реформизма и оппортунизма. Бойкотизма, как стадии в «отношении к парламентаризму социал-демократии», не было ни в Европе (там был и остался анархизм), ни в России, где бойкот, например, Булыгинской Думы относился только к определенному учреждению, и никогда не связывался

с «парламентаризмом» и был порожден своеобразной борьбой либерализма и марксизма за продолжение натиска. Как эта борьба отразилась на борьбе двух течений внутри марксизма, Троцкий и не заикается!

Если касаться истории, надо разъяснить конкретные вопросы и классовые корни разных течений; кто пожелает по-марксистски изучить борьбу классов и борьбу течений из-за участия в Булыгинской Думе, тот увидит там корни либеральной рабочей политики. Но Троцкий «касается» истории, чтобы о б о й т и конкретные вопросы и с о ч и н и т ь оправдание или подобие оправдания для современных оппортунистов!

«...Фактически всеми течениями,—пишет он,—применяются одни и те же методы борьбы и строительства».—«Крики о либеральной опасности в нашем рабочем движении являются просто грубой сектантской карикатурой на действительность» (№ 1, стр. 5 и 35).

Это очень ясная защита ликвидаторов и очень сердитая. Но мы позволим себе все же взять хоть один маленький факт из тех, что поновее — Троцкий бросает только фразы, мы бы желали, чтобы рабочие сами обдумывали факт.

Факт — что «С. Р. Газета» в № от 13 марта писала:

Вместо подчеркивания определенной, конкретной задачи, стоящей перед рабочим классом,—заставить Думу отклонить законопроект (о печати), выдвигается расплывчатая формула борьбы за «неурезанные лозунги» на-ряду с рекламированием нелегальной печати, которое способно только ослабить борьбу рабочих за свою легальную прессу.

Вот документальная, ясная, точная защита ликвидаторской политики и критика правдистской. Что же? Найдется ли грамотный человек, который скажет, что оба течения применяют в данном вопросе «одни и те же методы борьбы и строительства»? Найдется ли грамотный человек, который скажет, что ликвидаторы не проводят здесь л и б е р а л ь н о й рабочей политики? что либеральная опасность в рабочем движении здесь выдумана?

Троцкий потому и избегает фактов и конкретных указаний, что они беспощадно опровергают все его сердитые возгласы и напыщенные фразы. Конечно, встать в позу и сказать: «грубая сектантская карикатура» — очень легко. Подбавить еще по-хлестче, еще напыщеннее словечек о «раскрепощении от консервативной фракционности» тоже не трудно.

Только не очень ли уж это дешево? Не взято ли это оружие из арсенала той эпохи, когда Троцкий блистал перед гимназистами?

«Передовые рабочие», на которых сердит Троцкий, пожелают все же, чтобы им сказали прямо и ясно: одобряете ли вы тот «метод борьбы и строительства», который точно выражен в приведенной оценке конкретной политической кампании? да или нет? если да, то это есть либеральная рабочая политика, это есть измена марксизму и партии, и говорить о «мире» или о «единстве» с та кой политикой, с группами, е е проводящими, значит обманывать себя и других.

Нет?—так скажите прямо. А фразами нынешнего рабочего не удивишь, не удовлетворишь и не запугаешь.

Кстати сказать: политика, проповедуемая ликвидаторами в приведенной цитате, даже с либеральной точки зрения глупа, ибо проведение закона в Думе зависит от «земцев-октябристов» типа Беннигсена, уже раскрывшего свои карты в комиссии.

* * *

Старые участники марксистского движения в России хорошо знают фигуру Троцкого, и для них не стоит говорить о ней. Но молодое рабочее поколение не знает ее, и говорить приходится, ибо это—типичная фигура для всех тех пяти заграничных группок, которые фактически также колеблются между ликвидаторами и партией.

Во времена старой «Искры» (1901—1903) для этих колеблющихся и перебегающих от «экономистов» к «искровцам» и обратно была кличка: «тушинский перелет» (так звали в Смутное время на Руси воинов, перебежавших от одного лагеря к другому).

Когда мы говорим о ликвидаторстве, мы устанавливаем известное идейное течение, годами выроставшее, связанное корнями с «меньшевизмом» и «экономизмом» в 20-летней истории марксизма, связанной с политикой и идеологией определенного класса, либеральной буржуазии.

«Тушинские перелеты» объявляют себя выше фракций на том единственном основании, что они «заимствуют» идеи сегодня одной, завтра другой фракции. Троцкий был ярым «искровцем» в 1901—1903 годах, и Рязанов назвал его роль на съезде 1903 г. ролью «ленинской дубинки». В конце 1903 года Троцкий — яркий меньшевик, т.-е. от искровцев перебежавший к «экономи-

стам»; он провозглашает, что «между старой и новой «искрой» лежит пропасть». В 1904—1905 году он отходит от меньшевиков и занимает колеблющееся положение, то сотрудничая с Мартыновым («экономистом»), то провозглашая несуразно-левую «перманентную революцию». В 1906—1907 году он подходит к большевикам и весной 1907 года заявляет себя солидарным с Розой Люксембург.

В эпоху распада, после долгих «нефракционных» колебаний, он опять идет вправо и в августе 1912 года входит в блок с ликвидаторами. Теперь опять отходит от них, повторяя, однако, по сути дела их же идеи.

Такие типы характерны, как обломки вчерашних исторических образований и формаций, когда массовое рабочее движение в России еще спало, и любой группке «просторно» было изображать из себя течение, группу, фракцию,—одним словом, «державу», толкующую об объединении с другими.*

Надо, чтобы молодое рабочее поколение хорошо знало, с кем оно имеет дело, когда с невероятными претензиями выступают люди, не желающие абсолютно считаться ни с партийными решениями, которые с 1908 года определили и установили отношение к ликвидаторству, ни с опытом современного рабочего движения в России, создавшего на деле е д и н с т в о большинства на почве полного признания указанных решений.

«Просвещение» № 5,

май 1914 г.

За подписью В. Ильин.

Еще о политическом кризисе.

Газеты уже много говорили о знаменитом заседании Думы 22 апреля с изгнанием всех социал-демократов и трудовиков. Но значение этого события осталось еще недостаточно освещенным.

Всякий политический кризис, независимо от его исхода, приносит пользу тоже тем, что делает тайное явным, вскрывает действующие в политике силы, разоблачает обманы и самообманы, фразы и фикции, показывает наглядно и вбивает, так сказать, насильно в головы **«т о , ч т о е с т ь»**.

Всех демократических депутатов Думы, как социал-демократов, так и трудовиков, исключили на 15 заседаний и удалили

большей частью военной силой. Проведено было это исключение в угоду тем, которые привлечением Чхеидзе наглядно обнаружили «твердое» намерение сделать шаг (а, вернее, десяток шагов сразу) вправо. Голосовали за это исключение правые и октябристы плюс часть прогрессистов, т.-е. буржуазных либералов, находящихся в теснейшем, фактически неразрывном, союзе с кадетами.

Кадеты воздерживались!!! Это воздержание партии, претендующей на демократизм, превосходно обнаружило—далеко не в первый раз—истинную природу либерализма г.г. кадетов. IV Дума готовится изгнать Чхеидзе, а за ним и других социал-демократов, а потом и всех демократов, начиная с исключения их, а господ «вожди» либеральной оппозиции **в о з д е р ж и в а ю т с я**!! Какие бы моря чернил ни были изведены после этого либералами и кадетами для сочинения софизмов и уверток, вроде того, что мы-де не одобряли лишь «форму» выступлений с.-д. и т. п., суть дела останется ясной для всякого, не желающего себя обманывать, человека.

Воздерживаться, когда Горемыкин, Родзянко и их большинство исключало демократических депутатов, значило фактически поддерживать своим молчанием, нравственно одобрять, политически подкреплять Горемыкина и Родзянко и их большинство.

Нельзя признать правильной точку зрения Л. Мартова в № 61 «Северной Рабочей Газеты», где он писал, что «думское большинство с октябристами во главе совершило политическое самоубийство». Это—точка зрения левого либерала, а не демократа и подавно уже не социал-демократа.

Думское большинство и октябристы никакого самоубийства не совершали. Все они—сознательные контр-революционеры, сознательные участники третьейиюньского блока и Столыпинской системы, сознательные враги демократии. Какое же тут самоубийство, если они, признавая Горемыкина своим политическим вождем, идут за этим вождем против своих классовых врагов? против представителей демократии, заведомо враждебной октябристам?

К чему эти надутые и в корне неверные фразы о «самоубийстве»? Ведь эти фразы **п р е д п о л а г а ю т**, что октябристы не враги демократии, т.-е. предполагают нечто возмутительно лживое. Ведь эти фразы похожи на вульгарный демократизм тех неразумных левонародников, которые часто кричали, будто

III и IV Дума есть учреждение «карточное», есть карточный домик. Самоубийством можно бы считать октябристское голосование за Горемыкина, Маклакова и Щегловитова лишь в том случае, если бы октябристы были выразителями «воли народа». На деле же это—выразители «в о л и» тех слоев крупнейшей буржуазии и помещиков, которые смертельно боятся народа.

Нет, будем смотреть правде прямо в лицо. В политике это всегда самая лучшая и единственно правильная система.

Событие 22 апреля в Думе разбило и убило остатки конституционных и легалистских иллюзий—вот это будет правда. Контр-революционный блок Пуришкевича, Родзянки и «левых» октябристов плюс часть прогрессистов выступил прямо, о т к р ы т о, решительно, по-солдатски (не в переносном, а в прямом смысле этого последнего выражения, ибо солдаты были призваны в Думу) против демократии. Контр-революционные либералы, Милюковы и К-о, **воздержались**. Этого нельзя было не ожидать после всей истории III и IV Дум. после всей истории десяти первых лет двадцатого века.

Что же! Меньше самообмана—лучше для народа. Что выиграла страна от Думского происшествия 22 апреля? Она выиграла то, что потеряла еще частичку иллюзий, вредных для дела свободы этой страны.

«Путь Правды» № 76

от 3 мая 1914 г.

Идейная борьба в рабочем движении.

Чрезвычайно важная отличительная особенность послереволюционной России состоит в глубоком идейном повороте среди о п п о з и ц и о н н ы х или прогрессивных слоев. Кто забывает эту особенность, тот лишает себя возможности понять как русскую революцию и ее характер, так и задачи рабочего класса в современную эпоху.

Идейный поворот среди либеральной буржуазии состоит в создании анти-демократического направления (Струве, Изгоев, В. Маклаков открыто, остальные кадеты—тайком, «стыдливо»).

Среди демократии поворот состоит в громадном идейном развале и шатании как среди с.-д. (пролетарская демократия), так и среди с.-р. (буржуазная демократия). Даже лучшие предста-

вители демократии ограничиваются тем, что оплакивают развал, шатания, ренегатство. Марксисты же ищут классовых корней этого общественного явления.

Главное проявление этого развала есть ликвидаторство, которое еще в 1908 году получило официальное, «марксистским целым» утвержденное, определение, как «попытки некоторой части интеллигенции ликвидировать» подполье и «заменить» его открытой рабочей партией. На последнем официальном собрании руководящих марксистов, на котором присутствовали представители всех «течений» и группок, в январе 1910 г.⁵⁰⁾, не нашлось **ни единого** человека, способного возразить против осуждения ликвидаторства как проявления буржуазного влияния на пролетариат. Это осуждение и в то же время объяснение классовых корней ликвидаторства принято было единогласно.

С тех пор прошло более 4-х лет, и громаднейший опыт массового рабочего движения дал тысячи подтверждений такой оценки ликвидаторства.

Факты доказали, что и теория марксизма, и практика массового рабочего движения бесповоротно покончили с ликвидаторством, как буржуазным, против-рабочим течением. Достаточно припомнить, например, за один месяц март 1914 года, как «Северная Рабочая Газета» поносила «нелегальную печать» (№ от 13 марта) или демонстрации (г. Горский в № от 11 апреля), как Булкин поносил совершенно по-либеральному «подполье» («Наша Заря» № 3), как печально знаменитый Л. Мартов от имени редакции «Нашей Зари» вполне поддерживал по этому пункту Булкина и защищал «строительство открытой рабочей партии», — достаточно припомнить это, чтобы понять, почему сознательные рабочие не могут относиться к ликвидаторству иначе, как с беспощадным осуждением и полным бойкотом ликвидаторов.

Но тут является очень важный вопрос: как исторически возникло такое течение?

Оно возникло в двадцатилетней истории связи марксизма с массовым рабочим движением в России. До 1894—1895 г.г. не было такой связи. Группа «Освобождение Труда» лишь теоретически основала социал-демократию и сделала первый шаг навстречу рабочему движению.

Только агитация 1894—1895 г.г. и стачки 1895—1896 г.г. создали прочую, непрерывную связь социал-демократии с мас-

совым рабочим движением. И **тотчас же** началась идейная борьба 2-х течений в марксизме: борьба «экономистов» с последовательными или (позже) «искровцами» (1895—1902), борьба «меньшевиков» с «большевиками» (1903—1908), борьба ликвидаторов с марксистами (1908—1914).

Экономизм и ликвидаторство, это—разные формы одного и того же мелко-буржуазного, интеллигентского оппортунизма, который существует 20 лет. Не только идейная, но и личная связь всех этих форм оппортунизма есть несомненный факт. Достаточно назвать вожака экономистов, А. Мартынова, впоследствии меньшевика, ныне ликвидатора. Достаточно сослаться на такого свидетеля, как Г. В. Плеханов, который сам был в очень многих пунктах*) близок меньшевикам и тем не менее признал прямо, что меньшевики вобрали в себя интеллигентски-оппортунистические элементы, что ликвидаторы—продолжатели ошибок «экономизма» и разрушители рабочей партии.

Величайший вред приносят рабочим те люди, которые (подобно ликвидаторам и Троцкому) обходят или искажают эту 20-летнюю историю идейной борьбы в рабочем движении.

Не может быть сознательным рабочим тот, кто относится, как Иван Непомнящий, к истории своего движения. Россия из всех капиталистических стран одна из наиболее отсталых, наиболее мелко-буржуазных стран. Поэтому массовое движение рабочих не случайно, а неизбежно порождает мелко-буржуазное, оппортунистическое крыло в этом движении.

Прогресс очищения рабочего движения от влияния буржуазии, от влияния экономизма-ликвидаторства за эти 20 лет **громиден**. Теперь впервые прочно складывается настоящий пролетарский фундамент настоящей марксистской партии. Все при-

*) Почему мы говорим в «очень многих пунктах»? Потому, что Плеханов занимал особую позицию, много раз отходя от меньшевизма: 1) на съезде 1903 г. Плеханов боролся с оппортунизмом меньшевиков; 2) после съезда Плеханов редактировал №№ 46—51 «Искры» тоже против меньшевиков; 3) в 1904 г. Плеханов защищал Аксельродовский план земской кампании таким образом, что обходил молчанием как раз главные ошибки его; 4) в 1905 г. весной Плеханов ушел от меньшевиков; 5) в 1906 после разгона I-ой Думы Плеханов занял совсем не меньшевистскую позицию (смотри «Пролетарий» август 1906 г.); 6) на Лондонском съезде 1907 г., как рассказывает Череванин, Плеханов боролся с «организационным анархизмом» меньшевиков. Эти факты надо знать, чтобы понять, почему меньшевик Плеханов так долго и решительно боролся с ликвидаторством и разоблачал его.

знают, даже противники правдистов вынуждены признать,— факты заставляют это признать!—что среди сознательных рабочих правдистов огромное большинство. То, что марксистский «плenum» в январе 1910 г. признал теоретически (ликвидаторство есть «буржуазное влияние на пролетариат»), то сознательные рабочие за четыре года провели в жизнь, заставили признать практически, обессилив ликвидаторов, сняв их с постов, превратив ликвидаторство в постороннюю для массового рабочего движения группу легальных оппортунистов-литераторов.

Рабочее движение в России на протяжении этих двух десятилетий борьбы идей растет и крепнет, мужает неуклонно. Оно победило «экономизм»: весь цвет сознательного пролетариата встал на сторону «искровцев». Оно оставило в меньшинстве во все решительные моменты революции «меньшевиков»: даже сам Левицкий должен был признать, что рабочие массы шли с большевиками.

Оно, наконец, победило теперь ликвидаторство и встало благодаря этому на верный путь широкой, освещенной марксистской теорией, обобщенной неурезанными лозунгами, борьбы передового класса за передовые исторические задачи человечества.

*«Путь Правды» № 77
от 4 мая 1914 г.*

Народники и „фракционное насилие“.

Чем больше разворачивается рабочее движение, чем сплоченнее его выступления,—тем громче оторванные от масс интеллигентские группки кричат о «фракционности», «правдистском поветрии», «фракционном ослеплении» и т. д. Эти дёбрые люди даже не догадываются, что этим они сами выдают себе свидетельство о бедности. Там, где они видят только какое-то стихийное бедствие, по поводу которого остается только громко причитать, там на деле оказывается зрелость и выдержанность нашего рабочего движения.

Ничто так не разоблало всей неприглядности, всей фальши интеллигентских криков против рабочей «фракционности», как недавние открытые страховые выборы от рабочих.

Возьмите народническую газету «Мысль Труда». Уже по следам всех петербургских страховых выборов, мы в номере от 20 апреля

находим чрезвычайно крикливую статью, с серьезным видом доказывающую, что ни в каком случае не следует «подчиниться фракционному насилию (!) правдивост!»

Фракционное насилие! Сколько развязности нужно было народнической газете, чтобы написать эти демагогические слова!

Подумайте, читатель. Происходят открытые выборы от рабочих. Рабочие производят между собой опрос относительно политического направления участников. В общее сведение публикуются никем не оспоренные следующие данные о политическом составе выборщиков: 37 правдивост, 7 ликвидаторов, 4 народника и 5 неопределенных. Рабочие выбирают, конечно, большинство правдивост. (Некоторое представительство дано и меньшинству: меньшевикам не-ликвидаторам.) После этого народническая газета подымает шум о «фракционном насилии».

Но ведь вы делаете себя просто смешными, господа народники. Вы на своем примере ясно показываете всю бессмысленность истрепанного словечка «фракционность». Вы забыли две простых цифры: 37 и 4. Из 53 рабочих выборщиков народников оказалось четыре человека, т.-е. каких-нибудь 7 процентов. Но народники, очевидно, находят, что рабочие должны выбирать своих представителей не по большинству голосов, а по меньшинству. Чтобы угодить народникам, 37 рабочих выборщиков надо было уравнивать с 4-мя. 37 равно четырем — вот что собственно пытаются втолковать рабочим добрые и «нефракционные» народники. Неудивительно, что рабочие никак не возьмут в толк эту народническую премудрость.

Всему есть предел, господа «нефракционные» народники. Если, имея 4 выборщиков из 53, вы позволяете себе кричать о «фракционном насилии» большинства, вы этим показываете только одно: что вы не умеете уважать волю большинства, что своими бесшабашными криками против «фракционности» вы пытаетесь сорвать волю огромного большинства рабочих. Вы, а не кто другой, пытаетесь действительно осуществить насилие ничтожного меньшинства над подавляющим большинством.

Проводя самую мизерную, самую беспринципную политику оторванного от масс кружка, вы воплями против «фракционного насилия» пытаетесь подействовать на нервы рабочих и вьм о г а е т е этим непривлекательным способом удовлетворение

ваших кружковых интересов. Если есть какая-либо «фракционность» самого худого пошиба, так это именно поведение ликвидаторского и народнического кружков, срывающих волю рабочих.

Ту же самую картину мы видим и в связи с страховыми выборами в таком крупном центре, как Р и г а.

Происходит собрание правленцев больничных касс для назначения кандидатов в губернское страховое присутствие. Представлена 21 касса. Происходит резкая борьба политических направлений. На одной стороне ликвидаторы, народники, беспартийные, некоторые профессиональные союзы. На другой—правдисты. Выступает масса ораторов с той и с другой стороны. В результате список правдистов получает 44 голоса, блок всех остальных—20. (Заимствуем эти данные из самой «Мысли Труда», № 2.) У правдистов таким образом больше двух третей.

После этого народники опять поднимают плач о «фракционности» и «фракционном насилии».

Заметьте, как играют словами. Народники ведь никогда не были ф р а к ц и е й социал-демократии. Народники и с.-д. всегда составляли д в е особых п а р т и и—с особой программой, тактикой, организацией. Борьба между социал-демократами и народниками есть политическая п а р т и й н а я борьба, а вовсе не «фракционная». При чем тут «фракционность»?

Не ясно ли, что крики ликвидаторов и «примиренцев» против «фракционности» только играют на руку в р а г а м рабочей партии, только сеют хаос и разброд, спутывают понятия, сбивают с толку рабочих.

Крики против «фракционности» стали системой. Ею сознательно пользуются враги марксистов, чтобы сбивать с толку рабочих. Не понравилось тому или другому интеллигенту или кружку интеллигентов решение рабочих, он кричит: караул, «фракционность», спасайте, «фракционное насилие»!

Никого вы этим не удивите, господа. Когда раскольник и либерал Ф. Дан в «Северной Ликвидаторской Газете» через каждую строчку божится, что он за «единство»; когда Троцкий в своем архиинтеллигентском, насквозь-интеллигентском журнальчике в напыщенных выражениях кричит о «фракционном раскрепощении»; когда мелко-буржуазные тоже-социалисты из «Мысли Труда» уверяют, будто они за единство—рабочие отвечают им: кто стоит за подлинное единство рабочего движения, тот должен

подчиниться большинству сознательных рабочих, тот не смеет бороться против марксистской программы и марксистской тактики.

«Путь Правды» № 81

от 9 мая 1914 г.

О политическом положении.

Современное политическое положение в России характеризуется ростом стачечного движения вообще, затем ростом политических стачек (например, первомайских) и усилением «правдистского» направления среди рабочих (выборы в столичные страховые учреждения и во всероссийское страховое учреждение доказали это еще раз).

Связь между характером рабочего движения и тем направлением, которое признали **своим** сознательные рабочие в огромном большинстве,—очевидна и не требует особых пояснений.

Далее, современное политическое положение знаменуется особенно ясной и отчетливой обрисовкой «левого блока», т.-е. совместных действий пролетарской и буржуазной демократии (трудовики и ликвидаторы) как против Пуришкевичей, так и против предательского буржуазного либерализма. Обструкция левых в Думе и исключение с.-д. и трудовиков голосами правых, октябристов и части прогрессистов, при **в о з д е р ж а н и** и кадетов, наглядно показали этот «левый блок». Пролетарская демократия ни на йоту не ослабила своей самостоятельности и не отступила от своей пролетарской, правдистской линии. Поддержали эту линию против либералов только трудовики и ликвидаторы, хотя и те и другие нередко колеблются в пользу либералов.

Наконец, в среде буржуазных классов современное политическое положение знаменуется колебаниями и недовольством. Это выразилось речами и резолюцией торгово-промышленного съезда. Явное недовольство правительством, явное оппозиционное настроение.

Это выразилось принятием в Думе октябристами—земцами и либералами — резолюции против министерства при обсуждении сметы министерства внутренних дел. Кадеты, ликуя по поводу перехода октябристов на «их» точку зрения, забывают добавить, что и сами кадеты перешли здесь **на октябристскую точку зрения!!**

Принятая IV Думой резолюция стоит на вполне определенной контр-революционной и империалистской точке зрения. Правительственная политика осуждается в этой резолюции за то, что

«повсеместный административный произвол вызывает недовольство и глухое брожение в широких, спокойных» (т.-е. буржуазно-реакционных и помещичьих) «слоях населения и тем способствует возникновению и усилению противогосударственных течений».

Речь идет у господ октябристов о демократии. Господа кадеты паки и паки публично отреклись от демократии. Тем лучше, ибо они никогда не были и не могут быть демократами, ибо они лишь сбманивали демократию, когда брались представлять ее. Демократия не может в России сделать шагу вперед, не освобождаясь от обманов буржуазного либерализма кадетов.

Итог.

Дальнейшее усиление рабочего движения. Дальнейшее сплочение большинства рабочих с «правдизмом».

Определенная обрисовка «левого блока» в смысле совместных действий пролетарской и буржуазной демократии (трудовики и ликвидаторы) против правых и против кадетов.

Распад, колебания, взаимное недоверие и недовольство внутри системы 3 июня, внутри помещиков и реакционной буржуазии. «Они» сбвиняют друг друга—Пуришкевичи либералов, либералы Пуришкевичей—в поощрении и ускорении новой революции.

Таково положение

*«Путь Правды» № 85
от 13 мая 1914 г.*

Единство рабочих и „течения“ интеллигентов.

Сознательные рабочие, ведя дальше свое движение, постоянно оглядываются на пройденный рабочим движением путь и обдумывают снова и снова, правилен ли этот путь, нет ли возможности улучшить его.

Из всех классов России ни один класс, даже образованная и богатая буржуазия, не обсуждает так прямо, отчетливо, по мере возможности, открыто своей тактики, т.-е. направления и приемов своего движения, как рабочий класс. Только людям це-

умным или боящимся участия широких масс в политике кажутся неуместными или излишними открытые и страстные споры о тактике, которые постоянно наблюдаются в рабочей печати. На самом деле именно эти горячие споры и помогают тому, чтобы все рабочее втягивалось, приучалось всесторонне обдумывать свою, рабочую, политику, вырабатывали твердую, ясную, определенную классовую линию движения.

Недавно рабочие «Экспедиции заготовления государственных бумаг» вполне убедительно показали, каким является и каким должно быть отношение сознательных рабочих к спорам о тактике.

«Мы указываем,—писали они в № 68 «Пути Правды»,—товарищам экспедиции, примкнувшим к призыву сторонников «Северной Рабочей Газеты» и производившим сбор поровну на обе газеты, считая это якобы за шаг к исполнению единства, что этот шаг мы считаем неправильным и не приводящим к единству рабочего движения, а, наоборот, отдаляющим момент слияния рабочих под одно знамя марксизма. На самом деле, возьмем такой пример. Допустим, мы видим двух человек, азартно спорящих по вопросу, касающемуся самих нас, и нам эта ссора неприятна и мы желаем ее прекратить. Что мы в таком случае должны сделать? Ясно, как день: разобраться, кто более прав, и встать на его сторону, и тогда неправый убедится в его ошибке или, если он не может понять своей ошибки, то истощится силами и прекратит спор. Но если мы будем поддерживать и поощрять того и другого, то спору не будет конца».

Так писали рабочие экспедиции. И опровергнуть их простое разъяснение дела для всех рабочих—совершенно невозможно.

Помощь «поровну» или желание слить или «объединить все течения» (о чем говорят, между прочим, депутаты Думы, сочувствующие ликвидаторству) означает на деле не что иное, как стремление со стороны командовать рабочими в надежде, что сами рабочие будто бы не в состоянии «разобраться». Каждая группка интеллигентов может издать брошюрку или журнальчик, объявив себя «течением», как, например, группка антимарксистского философа Богданова, или группка Троцкого, или группка колеблющихся между народниками и марксистами Н. Н. Гиммера и т. п.

«Течений» сколько угодно, а рабочих зовут; помогайте «поровну», признавайте **«все течения»!!!**

Разумеется, всякий рабочий, хоть сколько-нибудь сознательный, скажет: о чем спор идет? о м о е й борьбе? о м о е й политике и тактике? о м о е й партии?

Так я разберусь сам, господа любезные, и только ту тактику объявлю с в о е й, которую я одобряю и разделяю.

Это ясно, как ясен ясный божий день.

Лишь потому, что в России нет свободы печати и (особенно в провинции) есть еще массы рабочих, которые впервые видят ту или иную рабочую газету, совершенно еще «не разбираясь» в вопросах рабочей политики, лишь поэтому возможно в России такое командирство интеллигентов над рабочими, которое выражается в призывах признавать «все течения» и помогать им «поровну».

На базаре часто бывает, что больше всего кричит и божится тот, кто хочет сбыть особенно гнилой товар.

На базаре интеллигентской суеты часто бывает, что против командования над рабочими громче всего кричат как раз интеллигенты, командующие над рабочими, объявляющие великое множество антимарксистских и антипролетарских «течений».

Возьмите Петербург. Едва ли человек, не сойдя с ума, может спорить, что по сравнению с провинцией рабочие в Питере более культурны и сознательны, более привыкли и более способны действительно самостоятельно «разбираться» во всех вопросах учения марксизма и практики рабочего движения.

И что же?

Петербургские рабочие **разобрались** и признали правильным **правдистское** течение.

В Петербурге подавляющее большинство рабочих высказалось за «правдизм» и доказало делами, что т о л ь к о это «течение» они признают с в о и м.

В провинции преобладание правдистов менее значительно, но все же мы видим преобладание. Это доказали за два года данные о рабочих группах, данные, которые «неприятны» противникам «правдизма», но которые от этого не перестают быть фактами.

Большинство сознательных рабочих разобралось, проверило доводы за и против той или иной тактики, признало правдистскую тактику с в о е й. Единство и волю этого большинства рабочих пытаются теперь сорвать, нарушить основатели интеллигентских «течений», ликвидаторства, троцкизма («Борьба»), помеси народничества с марксизмом («Современник» г. Гиммера) и др.

Мы уверены, что все эти интеллигентские «течения», проповедующие антимарксистские идеи или уступки таковым, разобьются о сознание и волю передовых рабочих марксистов. Пример Питера подтверждает нашу уверенность.

Особенно смешно, когда интеллигентские основатели группок и «течений», разрушая единство рабочих, кричат о «единстве». Они против единства рабочих, сложившегося на деле, и за единство интеллигентских течений, обещанное на словах.

«Путь Правды» № 85

от 13 мая 1914 г.

О левонародниках.

Левонародники в № 20 «Стойкой Мысли» и народники в № 4 «Русского Богатства» обрушились на народнические «Русские Ведомости» за то, что они высказались за свободу мобилизации, т.-е. купли, продажи и залога надельных земель.

Вопрос этот интересен потому, что с особенной наглядностью подтверждает марксистскую оценку крайней отсталости и реакционности народнической теории. Кроме того, практическое значение этого вопроса тоже заставляет остановиться на нем.

В обществе, в котором господствует товарное производство, всякий мелкий хозяйчик в земледелии неизбежно втягивается все более и более в о б м е н и в зависимость от р ы н к а не только местного и национального, но и м и р о в о г о рынка. Каждый день экономического развития всего мира, каждая верста новых железных дорог, каждый новый отход работника из деревни в город или вообще на фабрику «на заработки», каждая новая сельскохозяйственная машина,—одним словом, буквально каждый шаг всемирной хозяйственной жизни втягивает в обмен самые захолустные местности. Миллионы и миллиарды повседневно наблюдаемых явлений доказывают во всех концах мира и во всех странах без исключения этот рост менового хозяйства, товарного производства, капитализма. Ибо превращение менового хозяйства и простого товарного производства в капитализм есть равным образом явление, подтверждаемое миллионами и миллиардами повседневных экономических наблюдений в каждой деревне, в каждом ремесле и «кустарном» промысле.

Ясно, что крестьянин, поставленный в эту обстановку мирового хозяйства, является **товаропроизводителем** и с каждым днем все более втягивается в зависимость от рынка, продавая свои продукты, покупая орудия труда и предметы потребления, нанимая рабочих или нанимаясь сам в рабочие. При таком положении дела, раз существует собственность на землю, свобода купли—продажи—залога ее есть необходимое условие развития капитализма. Попытки ограничений этой свободы не могут привести ни к чему, кроме как к тысяче и одному способу обхода закона, к тысяче и одной волоките и чиновничьей казенщине, к **ухудшению** положения крестьянина. Пытаться остановить всемирный капитализм законами или правилами, ограничивающими свободу мобилизации земли, такая же тупоумная вещь, как попытки остановить поезд прутиками из плетня. Защищать такие попытки значит защищать крепостническую кабалу, застой и **гниение** деревни.

Кто учился, хоть капельку, политической экономии, тот знает, что в России происходит смена крепостничества—капитализмом.

Никакого иного, «третьего», уклада народного хозяйства в России не т. И крепостничество и капитализм означают эксплуатацию труда, в э т о м с м ы с л е означают о б а строя—«петлю и кабалу». Но крепостничеству свойственны: вековой застой, забитость и темнота трудящихся, низкая степень производительности труда. А капитализму свойственно очень быстрое экономическое и общественное развитие, громадное повышение производительности труда, разрушение забитости трудящихся и пробуждение в них способности к сплочению и к сознательной жизни.

Поэтому называть капитализм петлей и кабалой, о т с т а и в а я в то же время—как это делают народники—**задержки** развития капитализма, значит **на деле** становиться защитниками остатков крепостничества, дикости и застоя.

Марксисты всегда объявляли левонародников и будут объявлять за их защиту ограничений свободы мобилизации «социалистами-реакционерами».

Мы советуем сознательным рабочим именно по этому вопросу «давать бой» левым и всяким народникам! Ручаемся головой, что за левонародников будут выжившие из ума старики, защищающие, на-ряду с ограничением свободы мобилизации веру в чорта, рабство, розгу, снохачество и «ученье» «баб» поленом.

А за нас будет все свежее, грамотное, молодое, не верящее в чертей поколение. Достаточно будет одной цитаты из г. Пешехонова, чтобы это поколение стало относиться к подобным людям достойным образом:

Я сказал,—пишет г. Пешехонов:—у крестьян нет умения с достаточным благоразумием пользоваться ипотечным кредитом. И это, конечно, вполне понятно—не таков строй трудового хозяйства...

У крестьян нет «благоразумия», изволите видеть! У крепостников и либеральных чиновников есть, изволите видеть, «умение» решать за крестьянина!!

Вот — живой, близкий, практический, маленький, но ясный вопрос. Вот на каком вопросе следует предавать г. г. левонародников осмеянию перед каждым собранием, где есть проснувшиеся, сознательные крестьяне.

А «трудовое» хозяйство—пустая сладенькая фраза интеллигента. Всякий крестьянин прекрасно знает, что нельзя жить, не продавая и не покупая. Перед этим простым фактом болтовня о «строе трудового хозяйства» разлетается в прах.

* * *

Левонародники пускают песок в глаза «мужичку», смешивая вопрос о свободе мобилизации с защитой «изъятия земли из товарного кругооборота и обращения ее в общенародное достояние» («Ст. М.» № 20).

Во-первых, только круглые невежды могут не знать, что «обращение земли в общенародное достояние» есть **не** изъятие земли из товарного кругооборота, а **наоборот**: еще более широкое, свободное и быстрое **вовлечение** ее в такой кругооборот.

Поучитесь-ка политической экономии Маркса, господа «социалисты-реакционеры»!

Во-вторых, радикальные буржуа, как доказал и показал Маркс, могут выставлять и выставляли не раз требование «обращения земли в общенародное достояние». Это неоспоримо. Но думать, что защита крепостнических ограничений свободы мобилизации облегчает такое обращение, значит быть не радикальным, а отсталым буржуа.

Пока существует частная собственность на землю, стеснение ее мобилизации есть вредная и реакционная мера. Для осуще-

ствления идеалов рабочей демократии нет иного пути, как скорейшее исчезновение следов крепостничества и быстрейшее развитие капитализма.

* *

Марксисты всегда говорили и повторяют теперь: надо очистить демократические воззрения крестьян от крепостнических пережитков. Народник заслуживает поддержки лишь постольку, поскольку он против крепостничества и за демократию. А поскольку он защищает забитость и отсталость, узколобие и эгоизм мелких буржуа, — он величайший реакционер.

*«Путь Правды» № 86
от 14 мая 1914 г.*

Заключение к сборнику: „Марксизм и ликвидаторство“.

Вопрос о ликвидаторстве имеет самое существенное значение не только для рабочей демократии, но и для демократии России вообще. Если наша демократическая печать старается обходить этот вопрос или мимоходом задевать его, как «частный спор» среди марксистов, то этим обнаруживается лишь стремление уклониться от оценки важнейших политических проблем современной эпохи. Ибо вопрос о ликвидаторстве есть не что иное, как вопрос о всей оценке нашей третьеиюньской системы, даже шире: нашей контрреволюции вообще, вопрос об основных задачах и методах действия демократии.

Ни один еще человек не сомневался, кажется, в том, что новейшая эпоха русской истории, с 1908, примерно, года, характеризуется не только крайним усилением преследования всего демократического со стороны реакции, но и сильнейшим идейным развалом и распадом, который коснулся и пролетариата и всех элементов буржуазной демократии. Но если все признают этот очевидный факт, то одни только марксисты поставили себе прямую и ясную задачу: точно определить классовые источники и классовое значение этого развала и распада. Сознательный выбор тактики невозможен без такого определения.

И в марксистской зарубежной печати работа такого определения начата была с 1908 же года, т.-е. тотчас вслед за выяснением факта распада. Марксисты не могли поддаться этому распаду, как либералы, но они не могли также ограничиться субъективным осуждением распада, как ограничились этим даже лучше (в демократическом отношении) из народников. Общественные течения требовали общественно-экономического, т.-е. классового, объяснения.

Мы видели, как к декабрю 1908 года был выработан большевистской печатью ответ на вопрос о сути ликвидаторства, ответ, закреплённый тогда общеобязательным партийным решением. А весной 1909 года—формальный разрыв большевиков (в лице их руководящего учреждения) с так называемыми «впередовцами» *), представителями отзовизма, или допущения его в число «законных оттенков», защитниками «богостроительства» и реакционной философии махизма ⁵¹⁾. Этот разрыв наметил основные черты «ликвидаторства слева», в сторону анархизма—подобно тому, как ликвидаторство справа, или ликвидаторство в собственном значении слова, было поворотом в сторону либерализма.

К январю 1910 года этот, произведенный на девять десятых большевистской зарубежной печатью, марксистский анализ современного развала и распада настолько был уже закончен, настолько был уже бесспорно установлен, что известные январские 1910 года решения всех марксистов, представителей всех течений (с участием и ликвидаторов, и «впередовцев»), вынуждены были е д и н о г л а с н о признать п р о я в л е н и е м б у р ж у а з н о г о в л и я н и я на пролетариат как ликвидаторское, так и впередовское «уклонение».

Чтобы оценить общественное значение этого марксистского анализа и марксистского решения, достаточно бросить взгляд на не-марксистские течения. У либералов мы увидим самое крайнее ликвидаторство «веховцев» и д о с и х п о р царящий разброд по вопросу о том, ликвидированы ли методы 1905 года. У л е в о-народников мы увидим крайние ликвидаторские выступления, начиная от парижских изданий 1908—1911 г.г. вплоть до неопределенно-ликвидаторского «Почина» и кончая ликвидаторскими речами г.г. Савинкова, Ропшина ⁵²⁾ и Чернова в «Заветах».

*) Алексинский, Богданов, Луначарский, Стаи. Вольский и др.

А с другой стороны—официальный «отзовизм» левонародников продолжает разъедать и обессиливать это направление.

Объективная истинность марксистского анализа подтвердилась именно тем, что в течение более чем пяти лет, после 1908 года, в с е передовые течения общественной мысли постоянно натывались и до сих пор продолжают натываться именно на «эти», ликвидаторские и народнические, ошибки, именно на «эти» вопросы об уменьши отстоять защиту старых методов решения, старых, все еще нерешенных, задач с подготовкой сил в новой обстановке новыми приемами.

В начале третьеиюньского периода марксистский анализ вскрывал теоретические уклонения в сторону ликвидаторства и «отзовизма». В конце этого периода мы видим, как даже на открытой арене, у всех на виду громадное большинство сознательных рабочих России сплотилось вокруг марксистов, а оба ф л а н г а демократической печати, старающейся воздействовать на пролетариат, заняты мелко-буржуазным ликвидаторством и мелко-буржуазным народничеством. Не очень давно левонародническая «Северная Мысль» (№ 2) писала в корреспонденции из Риги г. Брайнеса о страховой кампании:

Бойкотистское течение заметно только у сапожников, где создались бойкотистские группы. Главными вдохновителями бойкотистских групп являются, к сожалению, народники... (Цитировано в «Пролетарской Правде» 1913 г. № 12, 20 декабря, статья «Народничество и ликвидаторство как элементы распада в рабочем движении»).

Та же газета признавалась:

И чести марксистов надо сказать, что сейчас в союзах (профессиональных) они пользуются большим влиянием, мы же, левонародники, действуем в них без определенного плана, и потому мы почти ничем не проявляем себя... (Цитировано там же).

Теоретическая беспомощность левонародников, соединяющих новейший оппортунизм европейских мещан с истинно-русской мещанской защитой «трудовых» хозяйчиков, естественно дополняется тактической беспомощностью и шатаниями. От старой партии левонародников ничего не осталось, кроме шатаний, совершенно так же, как и у ликвидаторов. Победленным в рабочем движении, обоим этим мелко-буржуазным течениям ничего не осталось, как б л о к и р о в а т ь с я (объединяться) п р о т и в м а р к с и с т о в. Со ступеньки на ступеньку! От проповеди открытой партии, от речей г.г. Потресовых и Юшкевичей, отрекав-

шихся от идеи гегемонии и от марксизма, ликвидаторы докатились до прямой б о р ь б ы против марксистской партии. Вот что писал на-днях один петербургский левонародник в «Стойкой Мысли» (№ 5):

Как только мы прошли в помещение (для выборов в Страховой Совет), сразу стала ясна узко-фракционная позиция правдистов, но мы не теряем надежды. Вместе с ликвидаторами составляем общий нефракционный список, где нам отводится одно место среди членов Совета и два среди заместителей к ним... (Цитировано в Пути Правды 1914 г., № 38 от 16 марта).

Мелко-буржуазные демократы всех течений, желающие развращать рабочих буржуазным влиянием, соединяйтесь против марксистов! Глупенькое словечко «нефракционность», пленяющее людей, не способных думать и ничему не учившихся, так удобно и так нравится филистерам! Бедным ликвидаторам не помог только — и не поможет — блок с левонародниками; сознательные рабочие выбрали с п л о ш ь марксистов, противников ликвидаторства, в Страховой Совет.

Группки беспартийных интеллигентов, проводящих подчинение рабочих буржуазной политике и буржуазной идеологии, вполне определились теперь в России: ликвидаторы и левонародники. Почти двадцать лет, со времен первого возникновения «экономизма» (1894—1895 года), подготавливался этот с о ю з оппортунистов из числа около-партийных марксистов с народниками п р о т и в последовательного марксизма. Теперь уже пора взглянуть на вещи прямо и сказать твердо и решительно: т о л ь к о в борьбе с ликвидаторством и народничеством складывается и может сложиться марксистское рабочее движение в России.

Везде в мире пролетариат, неизбежно связанный во всяком капиталистическом обществе тысячами переходных нитей с мелкой буржуазией, переживал в эпоху складывания рабочих партий эпоху более или менее длительного и упорного идейно-политического подчинения буржуазии. Это, общее всем капиталистическим странам, явление в различных странах принимало разные формы в зависимости от исторических и экономических особенностей. В Англии либеральная буржуазия, при условиях полной политической свободы и долгого монопольного положения Англии, сумела на десятилетия развратить и поработить идейно большинство сознательных рабочих. Во Франции традиции республиканского мелко-буржуазного радикализма превратили и превращают

очень многих рабочих в сторонников «радикальной» буржуазной партии или не менее буржуазного анархизма. В Германии полвека тому назад рабочие шли еще за либеральным Шульце-Деличем и поддавались «национал-либеральным» (в то же время «королевски-прусским») оппортунистическим шатаниям Лассалля и Швейцера, а теперь сотни тысяч рабочих идут за играющим в «демократизм» католическим «центром».

В России не завершено еще донныне б у р ж у а з н о-д е м о-к р а т и ч е с к о е решение крестьянского вопроса. Что же удивительного, что мелко-буржуазное народничество рядится в костюм «социализма»? Россия— с а м а я мещанская из всех капиталистических стран. И поэтому, как только марксизм стал м а с с о-в ы м общественным течением в России, в нем появился интеллигентский мелко-буржуазный оппортунизм, сначала в форме «экономизма» и «легального марксизма» (1895—1902), затем в форме меньшевизма *) (1903—1908), наконец в форме ликвидаторства (1908—1914).

Теперь ликвидаторство вполне созрело и дозрело до почного отпадения от марксистской рабочей партии: если самый «левый» из ликвидаторов—и самый ловкий по части уклончивых формулировок— г. Л. М а р т о в пишет, что

опытом доказано, что «открытая рабочая партия»—не реакционная мечта, ибо в настоящий момент в России т а к а я п а р т и я в и з в е с т-н о м смысле слова есть... (курсив г. Л. Мартова: «Наша Заря» 1914, № 2, стр. 83)

...то всем должна быть ясна полная нелепость и смехотворность мысли о в о з м о ж н о с т и «объединения» или «примирения» т а к о й группы с марксистской рабочей партией.

*) Особенно смешную картину представляют ликвидаторские истории, когда им приходится вертеться и вилить, чтобы п р и к р ы т ь неприятный, но несомненный факт образования меньшевизма (а еще более ликвидаторства) и з того самого «экономизма», «буидизма» и «легального марксизма», с которыми т р и г о д а боролась создавшая партию рабочего класса в России старая «Искра». Смотри, например, г. Потресова брошюру об Аксельроде. Г. Потресов не менее усердно и не менее тщетно пытается прикрыть и с о к р ы т ь тот факт, что Аксельрод в «плане земской кампании» говорил о незапугивании либералов. Кстати, по отношению к ликвидаторству даже меньшевик Плеханов вполне признал историческое его родство (помимо теоретического) с «экономизмом» и «легальным марксизмом».

Только совсем пустые люди могут говорить теперь о «единстве» марксистской рабочей партии с такой группой, с группой «Нашей Зари» и «Северной Рабочей Газеты».

Политическая определенность классовых делений России во всех отношениях далеко шагнула вперед с 1904 по 1914 год. Тогда еще не расчлененным было благородное поместное дворянство, и салонный либерализм некоторых его представителей пугал даже старую власть. Тогда «серячка»-крестьянина та же власть настолько считала опорой порядка, что давала ему громадное влияние и в Булыгинской и в Ваттевской Думах. Тогда еще мог быть сплошным и единым Гучковско-Милюковско-Пешеховский либерализм и демократизм. Тогда меньшевизм хотел быть и действительно был,—взятый в общем и целом,—внутрипартийным течением, отстаивавшим свои оппортунистические лозунги в «дискуссиях по платформам» в пределах рабочей партии.

Теперешнее ликвидаторство, ушедшее с тех пор за версту вправо, ушедшее из партии и отряхнувшее свой прах от «подполья», сплотившееся в прочный антипартийный центр легальных журналистов либеральных и ликвидаторских газет, снятое с постов рабочими во всех и всякого рода рабочих организациях и обществах,—сравнивать это ликвидаторство с меньшевизмом 1903—1907 годов значит давать себя ослеплять и оглушать старыми кличками и именами, звоном старых слов, значит ровно ничего не понимать в десятилетней эволюции классовых и партийных отношений России.

Теперешнее, 1914 года, ликвидаторство, это — то же, что группа газеты «Товарищ» 1907 года.

Вполне естественно, что в ссылке и в эмиграции, где люди так оторваны от живой жизни, так замурованы в воспоминаниях о том, что было 7—10 лет тому назад, можно встретить десятки и десятки «бывших людей» (очень многочисленных также, только в гораздо более печальном, в нравственно-худом смысле слова, среди интеллигентских участников рабочей партии 1904—1907 годов, теперь засевших по разным легальным «доходным местечкам»), которые мечтают о «единстве» рабочей партии с группой г.г. Л. Мартовых, Ф. Данов, Потресовых, Ежовых, Седовых и К-о.

Не менее естественно, однако, что среди современной русской рабочей молодежи, которая видела уход из партии

ликвидаторов, их бегство из «омертвелых ячеек», — которая слышала их ренегатские речи о подполье и о вреде «рекламирования нелегальной печати» (см. выше цитату из «Северной Рабочей Газеты» от 13 марта 1914 года), — которая вынуждена была бороться п р о т и в блока этих господ и с народниками и с беспартийными на целом ряде съездов, на выборах в IV Думу, на ряде собраний рабочих обществ, на выборах в Страховой Совет, — которая вынуждена была с н я т ь с п о с т о в во всех и всякого рода рабочих обществах подобную публику, — совершенно естественно, что среди современной рабочей молодежи мечтания и фразы добродушных людей о «единстве» ликвидаторов с рабочей партией вызывают только, смотря по настроению, или гомерический, совсем невежливый, хохот или взгляд недоумения и сострадания по адресу интеллигентских Маниловых.

Пусть Троцкий в «Борьбе», кидая молящие взгляды на Скобелева и Чхеидзе, или сотрудники парижской газеты «За партию» *), с надеждой и упованием взирающие на Бурьянова, твердят эти фразы о «единстве», — их слова звучат уже как-то грустно и некстати.

Чтобы проповедывать «единство» марксистов с людьми, которые говорят, что «открытая рабочая партия не реакционная мечта» и т. д., для этого надо быть либо человеком сверхъестественно неумным, либо ровно ничего не знать и не понимать в делах русского рабочего движения и в положении дел на местах, либо, наконец, для этого надо вожделеть такого приятного «маятникового» положения, когда — неровен час! — именно Троцкого (или какого-нибудь другого «нефракционного» имярека) пригласят в качестве «нефракционного» при объединении «на началах равенства» группы ликвидаторов «Нашей Зари», «Дня» и «Киевской Мысли» с группами рабочих марксистов. Какая упоительно-сладкая перспектива!

Но действительная жизнь, действительная история попыток «объединиться» с ликвидаторами показывает нам нечто весьма далекое от этих упоительно-сладких перспектив. Была серьезная и действительно общая попытка объединения с ликвидаторами в январе 1910 года — ее сорвали ликвидаторы. Было объединение в с е х групп и группочек с ликвидаторами против ненавистной январской 1912 года конференции. Это было такое

*) Плеханов.

горячее, страстное объединение на почве самых страстных (даже трехэтажных) ругательств против этой конференции: и Троцкий, и сотрудники «За партию» участвовали в этом «объединении» и, разумеется, все впереводы. Если бы в самом деле злые раскольники-«ленинцы» были помехой единству, то как быстро расцвело бы настоящее единство после этого совместного выступления, в марте 1912 года, на страницах «Vorwärts'a» всех и всяческих групп купно с ликвидаторами против «ленинцев»!

Но увы! Эти странные объединители как раз с той поры—когда рабочие в России, начав в апреле «Правду», стали объединять, на началах самого добросовестного отношения к партийности, сотни и тысячи рабочих групп во всех концах России,—эти странные объединители как раз с марта 1912 года все энергичнее распадаются!! К августу 1912 года знаменитый «августовский блок» ликвидаторов устраивается уже без впереводов, без «За партию».

Проходит полтора года. Окончательно выросло, возмужало, окрепло объединение рабочих групп России во всех легальных рабочих обществах, во всех союзах и организациях, в целом ряде газет и органов с готовой выполнять волю большинства рабочих Российской Социал-Демократической Рабочей Фракцией Думы.

А наши «объединители»?

О, они так успешно, так успешно «объединялись»,—что вместо одной группы «Вперед» оказалось две группы «Вперед» (не считая Богданова, эмпириомониста, которого некоторые принимают за третью группу «Вперед»), — что вместо единого органа Троцкого и ликвидаторов («Луча») оказался особый орган Троцкого «Борьба», сулящий на этот раз истинную «нефракционность». А кроме боязливой отпадения от ликвидаторов Троцкого, произошло еще вполне решительное отпадение от них всех организованных латышских марксистов, которые, несмотря на свою строгую нейтральность и нефракционность, на их конгрессе в 1914 году заявили прямо:

«примирители (участники августовского блока) сами попали в идейно-политическую зависимость от ликвидаторов»!!

С марта 1912 года, когда все объединились с ликвидаторами против злых «раскольников»-«ленинцев», до марта 1914 года, когда окончательно распался флктивный «августовский блок», обнаружилось яснее ясного, что действительное объединение

марксистских рабочих (в России, а не в Париже, не в Вене) идет и пойдет только п р о т и в группы ликвидаторов и м и м о пустых речей о «единстве» с поклонниками «открытой рабочей партии».

Тысячи рабочих групп, открыто перед всеми спланивающиеся вокруг марксистской газеты, — вот живое доказательство действительного единства и его роста. Стоя на идейной почве, выработанной марксистами еще в начале эпохи 3 июня, это единство сумело использовать — во сто раз успешнее, чем кто бы то ни было, — все и всякие легальные возможности, но использовать их в д у х е беспощадной войны с теми идеями, которые заставляют осуждать «рекламирование нелегальной печати» или которые мирятся с сочувствием к «открытой партии», или к отречению от гегемонии, или к отодвиганию на задний план «китов» и т. д. и т. п.

И только такое единство, только на этой идейной основе указывает рабочему классу России верный путь.

*Сборник «Марксизм
и ликвидаторство», часть II.*

О ПРАВЕ НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

*Напечатано
в журнале „Просвещение“,
№№ 4—6, апрель—июнь 1914 г.*

Параграф девятый программы российских марксистов, говорящий о праве наций на самоопределение, вызвал в последнее время (как мы уже указывали в «Просвещении») целый поход оппортунистов. И русский ликвидатор Семковский в петербургской ликвидаторской газете, и бундовец Либман, и украинский национал-социал Юркевич — в своих органах обрушились на этот параграф, третируя его с видом величайшего пренебрежения. Нет сомнения, что это «нашествие двенадцати языков» оппортунизма на нашу марксистскую программу стоит в тесной связи с современными националистическими шатаниями вообще. Поэтому подробный разбор поднятого вопроса представляется нам своевременным. Заметим только, что ни единого самостоятельного довода ни один из названных оппортунистов не привел: все они повторяют лишь сказанное Розой Люксембург в ее длинной польской статье 1908 — 1909 года: «Национальный вопрос и автономия». С «оригинальными» доводами этого последнего автора мы и будем лучше всего считаться в нашем изложении.

I. Что такое самоопределение наций?

Естественно, что этот вопрос становится в первую голову, когда делаются попытки марксистски рассмотреть так называемое самоопределение. Что следует понимать под ним? Искать ли ответ в юридических дефинициях (определениях), выведенных из всяческих «общих понятий» права? Или ответа надо искать в историко-экономическом изучении национальных движений?

Неудивительно, что г.г. Семковские, Либманы, Юркевичи даже и не догадались поставить этого вопроса, отделяясь простым хихиканьем по поводу «неясности» марксистской программы и, видимо, даже не зная, в своей простоте, что о самоопределении наций говорит не только российская программа 1903 года, но и решение Лондонского Международного Конгресса

1896 года (об этом подробно в своем месте). Гораздо более удивительно, что Роза Люксембург, много декламирующая по поводу будто бы абстрактности и метафизичности данного параграфа, сама впала именно в этот грех абстрактности и метафизичности. Именно Роза Люксембург постоянно сбивается на общие рассуждения о самоопределении (вплоть даже до совсем забавного умствования о том, как узнать волю нации), не ставя нигде ясно и точно вопроса, в юридических ли определениях суть дела или в опыте национальных движений всего мира?

Точная постановка этого, неизбежного для марксиста, вопроса сразу подорвала бы девять десятых доводов Розы Люксембург. Национальные движения не впервые возникают в России и не одной ей свойственны. Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе. Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие его есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, — наконец, условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем.

Образование национальных государств, наиболее удовлетворяющих этим требованиям современного капитализма, является поэтому тенденцией (стремлением) всякого национального движения. Самые глубокие экономические факторы толкают к этому, и для всей Западной Европы — более того: для всего цивилизованного мира — т и п и ч н ы м, нормальным для капиталистического периода, является поэтому национальное государство.

Следовательно, если мы хотим понять значение самоопределения наций, не играя в юридические дефиниции, не «сочиняя» абстрактных определений, а разбирая историко-экономические условия национальных движений, то мы неизбежно придем к выводу: под самоопределением наций разумеется государственное

отделение их от чужденациональных коллективов, разумеется образование самостоятельного национального государства.

Мы увидим ниже еще другие причины, почему неправильно было бы под правом на самоопределение понимать что-либо иное, кроме права на отдельное государственное существование. Теперь же мы должны остановиться на том, как Роза Люксембург попыталась «отделаться» от неизбежного вывода о глубоких экономических основаниях стремлений к национальному государству.

Розе Люксембург прекрасно известна брошюра Каутского: «Национальность и интернациональность» (приложение к «Neue Zeit», № 1, 1907 — 1908; русский перевод в журнале «Научная Мысль», Рига 1910). Ей известно, что Каутский, подробно разобрав в § 4 этой брошюры вопрос о национальном государстве, пришел к выводу, что Отто Бауэр «н е д о о ц е н и в а е т силу стремления к созданию национального государства» (стр. 23 цит. брош.). Роза Люксембург цитирует сама слова Каутского: «Национальное государство есть форма государства, н а и б о л е е с о о т в е т с т в у ю щ а я современным» (т.-е. капиталистическим, цивилизованным, экономически-прогрессивным в отличие от средневековых, докапиталистических и проч.) «условиям, есть та форма, в которой оно всего легче может выполнить свои задачи» (т.-е. задачи наиболее свободного, широкого и быстрого развития капитализма). К этому надо добавить еще более точное заключительное замечание Каутского, что пестрые в национальном отношении государства (так называемые государства национальностей в отличие от национальных государств) являются «всегда государствами, внутреннее сложение которых по тем или другим причинам осталось ненормальным или недоразвитым» (отсталым). Само собою разумеется, что Каутский говорит о ненормальности исключительно в смысле несоответствия тому, что наиболее приспособлено к требованиям развивающегося капитализма.

Спрашивается теперь, как же отнеслась Роза Люксембург к этим историко-экономическим выводам Каутского. Верны они или неверны? Прав ли Каутский с его историко-экономической теорией или Бауэр, теория которого является, в основе своей, психологической? В чем состоит связь несомненного «национального оппортунизма» у Бауэра, его защиты культурно-национальной автономии, его националистических увлечений («кос-

где усиление национального момента», как выразился Каутский), его «громадного преувеличения момента национального и полного забвения момента интернационального» (Каутский) с его недооценкой силы стремления к созданию национального государства?

Роза Люксембург не поставила даже этого вопроса. Она не заметила этой связи. Она не вдумалась в ц е л о е теоретических взглядов Бауэра. Она совсем даже не противопоставила историко-экономической и психологической теории в национальном вопросе. Она ограничилась следующими замечаниями против Каутского.

«...Это «наилучшее» национальное государство есть только абстракция, легко поддающаяся теоретическому развитию и теоретической защите, но не соответствующая действительности» («Przegląd Socjaldemokratyczny», 1908, № 6, стр. 499).

И в подтверждение этого решительного заявления следуют рассуждения о том, что развитие великих капиталистических держав и империализм делают иллюзорным «право на самоопределение» мелких народов. «Можно ли серьезно говорить, — восклицает Роза Люксембург, — о «самоопределении» формально независимых черногорцев, болгар, румын, сербов, греков, отчасти даже швейцарцев, независимость которых сама является продуктом политической борьбы и дипломатической игры «европейского концерта»?! (стр. 500). Наилучше соответствует условиям «не государство национальное, как полагает Каутский, а государство хищническое». Приводится несколько десятков цифр о величине колоний, принадлежащих Англии, Франции и пр.

Читая подобные рассуждения, нельзя не подивиться способности автора не понимать, ч т о к ч е м у! Поучать с важным видом Каутского тому, что мелкие государства экономически зависят от крупных; что между буржуазными государствами идет борьба из-за хищнического подавления других наций; что существует империализм и колонии, — это какое-то смешное, детское умничанье, ибо к делу все это ни малейшего отношения не имеет. Не только маленькие государства, но и Россия, например, целиком зависят экономически от мощи империалистского финансового капитала «богатых» буржуазных стран. Не только балканские миниатюрные государства, но и Америка в XIX веке была, экономически, колонией Европы, как указал еще Маркс в «Капитале». Все это Каутскому и каждому марксисту, конечно, пре-

красно известно, но по вопросу о национальных движениях и о национальном государстве это решительно ни к селу, ни к городу.

Роза Люксембург подменила вопрос о политическом самоопределении наций в буржуазном обществе, об их государственной самостоятельности вопросом об их экономической самостоятельности и независимости. Это так же умно, как если бы человек, обсуждающий программное требование о верховенстве парламента, т.-е. собрания народных представителей, в буржуазном государстве, принялся выкладывать свое вполне правильное убеждение в верховенстве крупного капитала при всяких порядках буржуазной страны.

Нет сомнения, что большая часть Азии, наиболее населенной части света, находится в положении либо колоний «великих держав», либо государств, крайне зависимых и угнетенных национально. Но разве это общеизвестное обстоятельство колеблет хоть сколько-нибудь тот бесспорный факт, что в самой Азии условия наиболее полного развития товарного производства, наиболее свободного, широкого и быстрого роста капитализма создались только в Японии, т.-е. только в самостоятельном национальном государстве? Это государство — буржуазное, а потому оно само стало угнетать другие нации и поработать колонии; мы не знаем, успеет ли Азия, до краха капитализма, сложиться в систему самостоятельных национальных государств, подобно Европе. Но остается неоспоримым, что капитализм, разбудив Азию, вызвал и там повсюду национальные движения, что тенденцией этих движений является создание национальных государств в Азии, что наилучшие условия развития капитализма обеспечивают именно такие государства. Пример Азии говорит за Каутского, п р о т и в Розы Люксембург.

Пример балканских государств тоже говорит против нее, ибо всякий видит теперь, что наилучшие условия развития капитализма на Балканах создаются как раз в мере создания на этом полуострове самостоятельных национальных государств.

Следовательно, и пример всего передового цивилизованного человечества, и пример Балкан, и пример Азии доказывают, вопреки Розе Люксембург, безусловную правильность положения Каутского: национальное государство есть правило и «норма» капитализма, пестрое в национальном отношении государство — отсталость или исключение. С точки зрения национальных отношений наилучшие условия для развития капитализма пред-

ставляет, несомненно, национальное государство. Это не значит, разумеется, чтобы такое государство, на почве буржуазных отношений, могло исключить эксплуатацию и угнетение наций. Это значит лишь, что марксисты не могут упускать из виду могучих экономических факторов, порождающих стремления к созданию национальных государств. Это значит, что «самоопределение наций» в программе марксистов не может иметь, с историко-экономической точки зрения, иного значения, кроме как политическое самоопределение, государственная самостоятельность, образование национального государства.

Какими условиями обставляется, с марксистской, т.-е. классовой пролетарской точки зрения, поддержка буржуазно-демократического требования «национального государства», об этом подробно будет речь ниже. Сейчас мы ограничиваемся определением понятия «самоопределения» и должны еще только отметить, что Роза Люксембург знает о содержании этого понятия («национальное государство»), тогда как ее оппортунистические сторонники, Либманы, Семковские, Юркевичи, не знают даже и этого!

2. Историческая конкретная постановка вопроса.

Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в определенных исторических рамки, а затем, если речь идет об одной стране (например, о национальной программе для данной страны), учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи.

Что означает это безусловное требование марксизма в применении к нашему вопросу?

Прежде всего оно означает необходимость строго разделить две, коренным образом отличные, с точки зрения национальных движений, эпохи капитализма. С одной стороны, это — эпоха краха феодализма и абсолютизма, эпоха сложения буржуазно-демократического общества и государства, когда национальные движения впервые становятся массовыми, втягивают так или иначе все классы населения в политику путем печати, участия в представительных учреждениях и т. д. С другой стороны, перед нами эпоха вполне сложившихся капиталистических государств, с давно

установившимся конституционным строем, с сильно развитым антагонизмом пролетариата и буржуазии, — эпоха, которую можно назвать кануном краха капитализма.

Для первой эпохи типично пробуждение национальных движений, вовлечение в них крестьянства, как наиболее многочисленного и наиболее «тяжелого на подъем» слоя населения в связи с борьбой за политическую свободу вообще и за права национальности в частности. Для второй эпохи типично отсутствие массовых буржуазно-демократических движений, когда развитой капитализм, все более сближая и перемешивая вполне уже втянутые в торговый оборот нации, ставит на первый план антагонизм интернационально слитого капитала с интернациональным рабочим движением.

Конечно, та и другая эпоха не отделены друг от друга стеной, а связаны многочисленными переходными звеньями, при чем разные страны отличаются еще быстротой национального развития, национальным составом населения, размещением его и т. д., и т. п. Не может быть и речи о приступе к национальной программе марксистов данной страны без учета всех этих обще-исторических и конкретно-государственных условий.

И вот здесь как раз мы натываемся на самое слабое место в рассуждениях Розы Люксембург. Она с необыкновенным усердием украшает свою статью набором «крепких» словечек против § 9 нашей программы, объявляя его «огульным», «шаблоном», «метафизической фразой» и так далее без конца. Естественно было бы ожидать, что писательница, так превосходно осуждающая метафизику (в мартовском смысле, т.-е. антидиалектику) и пустые абстракции, даст нам образец конкретно-исторического рассмотрения вопроса. Речь идет о национальной программе марксистов одной определенной страны, России, одной определенной эпохи, начала XX века. Вероятно, Роза Люксембург и ставит вопрос о том, какую историческую эпоху переживает Россия, каковы конкретные особенности национального вопроса и национальных движений данной страны в данную эпоху?

Ровнехонько ничего об этом Роза Люксембург не говорит! Ни тени разбора вопроса о том, как стоит национальный вопрос в России в данную историческую эпоху, каковы особенности России в данном отношении, — вы у нее не найдете!

Нам говорят, что иначе ставится национальный вопрос на Балканах, чем в Ирландии, что Маркс вот так-то оценивал польское и чешское национальное движение в конкретных условиях 1848 года (страница выписок из Маркса), что Энгельс вот так-то оценивал борьбу лесных кантонов Швейцарии против Австрии и битву под Моргартемом, имевшую место в 1315 году (страничка цитат из Энгельса с соответствующим комментарием из Каутского), что Лассаль считал реакционной крестьянскую войну в Германии в XVI веке и т. п.

Нельзя сказать, чтобы эти замечания и цитаты блистали новизной, но, во всяком случае, читателю интересно еще и еще раз вспомнить, как именно Маркс, Энгельс и Лассаль подходили к разбору конкретно-исторических вопросов отдельных стран. И, перечитывая поучительные цитаты из Маркса и Энгельса, видишь с особенной наглядностью, в какое смешное положение поставила себя Роза Люксембург. Она красноречиво и сердито проповедует необходимость конкретно-исторического анализа национального вопроса в разных странах в разное время, — и она не делает ни малейшей попытки определить, какую же историческую стадию развития капитализма переживает Россия в начале XX века, каковы особенности национального вопроса в этой стране. Роза Люксембург показывает примеры, как другие разбирали вопрос по-марксистски, точно нарочно подчеркивая этим, как часто благими намерениями мостят ад, добрыми советами прикрывают нежелание или неумение пользоваться ими на деле.

Вот одно из поучительных сопоставлений. Восставая против лозунга независимости Польши, Роза Люксембург ссылается на свою работу 1893 года, доказывавшую быстрое «промышленное развитие Польши» с сбытом фабричных продуктов в России. Нечего и говорить, что отсюда еще ровно ничего не следует по вопросу о праве на самоопределение, что этим доказано только исчезновение старой шляхетской Польши и т. д. Роза же Люксембург незаметным образом переходит постоянно к тому выводу, будто среди факторов, соединяющих Россию с Польшей, преобладают уже теперь чисто экономические факторы современно-капиталистических отношений.

Но вот переходит наша Роза к вопросу об автономии и — хотя ее статья озаглавлена «Национальный вопрос и автономия» в о о б щ е — начинает доказывать и с к л ю ч и т е л ь н о е

право королевства Польского на автономию (смотри об этом «Промещение» 1913 г., № 12). Чтобы подтвердить право Польши на автономию, Роза Люксембург характеризует государственный строй России по признакам, очевидно, и экономическим, и политическим, и бытовым, и социологическим — совокупностью черт, которые дают в сумме понятие «азиатского деспотизма» (№ 12 «Przegląd'a», стр. 137).

Всем известно, что подобного рода государственный строй обладает очень большой прочностью в тех случаях, когда в экономике данной страны преобладают совершенно патриархальные, докапиталистические черты и ничтожное развитие товарного хозяйства и классовой дифференциации. Если же в такой стране, в которой государственный строй отличается резко-до-капиталистическим характером, существует национально-отграниченная область с б ы с т р ы м развитием капитализма, то чем быстрее это капиталистическое развитие, тем сильнее противоречие между ним и до-капиталистическим - государственным строем, тем вероятнее отделение передовой области от целого, — области, связанной с целым не «современно-капиталистическими», а «азиатско-деспотическими» связями.

Роза Люксембург, таким образом, совершенно не свела концов с концами даже по вопросу о социальной структуре власти в России по отношению к буржуазной Польше, а вопроса о конкретно-исторических особенностях национальных движений в России она даже и не поставила.

На этом вопросе мы и должны остановиться.

3. Конкретные особенности национального вопроса в России и ее буржуазно-демократическое преобразование.

«... Несмотря на растяжимость принципа «право наций на самоопределение», который является чистейшим общим местом, будучи, очевидно, одинаково применимым не только к народам, живущим в России, но и к нациям, живущим в Германии и Австрии, Швейцарии и Швеции, Америке и Австралии, мы не находим его ни в одной программе современных социалистических партий...» (№ 6 «Przegląd'a», стр. 483).

Так пишет Роза Люксембург в начале своего похода против § 9 марксистской программы. Подсовывая нам понимание этого

пункта программы, как «чистейшего общего места», Роза Люксембург сама именно в этот грех и впадает, заявляя с забавной смелостью, будто этот пункт «очевидно, одинаково применим» к России, Германии и т. д.

Очевидно, — ответим мы, — что Роза Люксембург решила дать в своей статье собрание логических ошибок, которые годятся для учебных занятий гимназистов. Ибо тирада Розы Люксембург — сплошь бессмыслица и насмешка над исторически-конкретной постановкой вопроса.

Если толковать марксистскую программу не по-ребячи, а по-марксистски, то весьма нетрудно смекнуть, что она относится к буржуазно-демократическим национальным движениям. Раз так, — а это, несомненно, так, — то отсюда «очевидно», что эта программа относится «огульно», как «общее место» и т. д., ко всем случаям буржуазно-демократических национальных движений. Не менее очевидным был бы также для Розы Люксембург, при самом небольшом размышлении, тот вывод, что программа наша относится т о л ь к о к случаям наличности такого движения.

Подумав над этими очевидными соображениями, Роза Люксембург без особого труда увидела бы, какую бессмыслицу она сказала. Обвиняя нас в преподнесении «общего места», она п р о т и в нас приводит тот довод, что о самоопределении наций не говорится в программе тех стран, где н е т буржуазно-демократических национальных движений! Замечательно умный довод!

Сравнение политического и экономического развития разных стран, а также и марксистских программ имеет громадное значение с точки зрения марксизма, ибо несомненны как общая капиталистическая природа современных государств, так и общий закон развития их. Но подобное сравнение надо производить умеючи. Азбучным условием при этом является выяснение вопроса, с р а в н и м ы ли исторические эпохи развития сравниваемых стран. Например, аграрную программу российских марксистов могут «сравнивать» с западно-европейскими только полные невежды (подобно кн. Е. Трубецкому в «Русской Мысли»), ибо наша программа дает ответ на вопрос о б у р ж у а з н о - д е м о к р а т и ч е с к о м аграрном преобразовании, о котором и речи нет в западных странах.

То же самое относится к национальному вопросу. В большинстве западных стран он давным-давно решен. Смешно искать

ответа на несуществующие вопросы в западных программах. Роза Люксембург упустила здесь из виду как раз самое главное: различие между странами с давно законченными и с незаконченными буржуазно-демократическими преобразованиями.

В этом различии весь гвоздь. Полное игнорирование этого различия и превращает длиннейшую статью Розы Люксембург в набор пустых, бессодержательных общих мест.

В Западной, континентальной, Европе эпоха буржуазно-демократических революций охватывает довольно определенный промежуток времени, примерно, с 1789 по 1871 год. Как раз эта эпоха была эпохой национальных движений и создания национальных государств. По окончании этой эпохи Западная Европа превратилась в сложившуюся систему буржуазных государств, по общему правилу при этом национально-единых государств. Поэтому теперь искать права самоопределения наций в программах западно-европейских социалистов значит не понимать азбуки марксизма.

В Восточной Европе и в Азии эпоха буржуазно-демократических революций только началась в 1905 году. Революции в России, Персии, Турции, Китае, войны на Балканах — вот цепь мировых событий и аще й эпохи нашего «востока». И в этой цепи событий только слепой может не видеть пробуждения цел о г о р я д а буржуазно-демократических национальных движений, стремлений к созданию национально-независимых и национально-единых государств. Именно потому и только потому, что Россия вместе с соседними странами переживает эту эпоху, нам нужен пункт о праве наций на самоопределение в нашей программе.

Но продолжим еще несколько вышеприведенную цитату из статьи Розы Люксембург:

«...В особенности, — пишет она, — программа партии, которая действует в государстве с чрезвычайно пестрым национальным составом и для которой национальный вопрос играет первостепенную роль,—программа австрийской социал-демократии не содержит принципа о праве наций на самоопределение» (Там же).

Итак, читателя хотят убедить «в особенности» примером Австрии. Посмотрим, с конкретно-исторической точки зрения, много ли разумного в этом примере.

Во-1-х, ставим основной вопрос о завершении буржуазно-демократической революции. В Австрии она началась 1848 годом

и закончилась в 1867. С тех пор почти полвека там господствует установившаяся, в общем и целом, буржуазная конституция, на почве которой легально действует легальная рабочая партия.

Поэтому в внутренних условиях развития Австрии (т.-е. с точки зрения развития капитализма в Австрии вообще и в отдельных ее нациях в частности) не т факторов, порождающих сказки, одним из спутников каковых может быть образование национально-самостоятельных государств. Предполагая своим сравнением, что Россия находится, по этому пункту, в аналогичных условиях, Роза Люксембург не только делает в корне неверное, анти-историческое допущение, но и скатывается невольно к ликвидаторству.

Во 2-х, особенно большое значение имеет совершенно различное соотношение между национальностями в Австрии и в России по занимающему нас вопросу. Австрия не только была долгое время государством с преобладанием немцев, но австрийские немцы претендовали на гегемонию среди немецкой нации вообще. Эта «претенция», как, может быть, соблаговолит припомнить Роза Люксембург (столь нелюбящая будто бы общие места, шаблоны, абстракции...), разбита войной 1866 года. Господствующая в Австрии нация, немецкая, оказалась з а п р е д е л а м и самостоятельного немецкого государства, создавшегося окончательно к 1871 году. С другой стороны, попытка венгров создать самостоятельное национальное государство потерпела крушение еще в 1849 году под ударами русского крепостного войска

Таким образом создалось чрезвычайно своеобразное положение: со стороны венгров, а затем и чехов, тяготение как раз не к отделению от Австрии, а к сохранению целости Австрии именно в интересах национальной независимости, которая могла бы быть совсем раздавлена более хищническими и сильными соседями! Австрия сложилась, в силу этого своеобразного положения, в двухцентровое (дуалистическое) государство, а теперь превращается в трехцентровое (триалистическое: немцы, венгры, славяне).

Есть ли что-либо похожее в России? Есть ли у нас тяготение «инородцев» к соединению с великороссами под угрозой х у д ш е г о национального гнета?

Достаточно поставить этот вопрос, чтобы увидеть, до какой степени сравнение России с Австрией по вопросу о самоопределении наций бессмысленно, шаблонно и невежественно.

Своеобразные условия России, в отношении национального вопроса, как раз противоположны тому, что мы видели в Австрии,

Россия — государство с единым национальным центром, великорусским. Великороссы занимают гигантскую сплошную территорию, достигая по численности приблизительно 70 миллионов человек. Особенность этого национального государства, во-1-х, та, что «иностранцы» (составляющие в целом большинство населения — 57%) населяют как раз окраины; во-2-х, та, что угнетение этих иностранцев гораздо сильнее, чем в соседних государствах (и даже не только в европейских); в-3-х, та, что в целом ряде случаев живущие по окраинам угнетенные народности имеют своих сородичей по ту сторону границы, пользующихся большей национальной независимостью (достаточно вспомнить хотя бы по западной и южной границе государства — финнов, шведов, поляков, украинцев, румын); в-4-х, та, что развитие капитализма и общий уровень культуры нередко выше в «иностранческих» окраинах, чем в центре государства. Наконец, именно в соседних азиатских государствах мы видим начавшуюся полосу буржуазных революций и национальных движений, захватывающих частью родственные народности в пределах России.

Таким образом, именно исторические конкретные особенности национального вопроса в России придают у нас особую насущность признанию права наций на самоопределение в переживаемую эпоху.

Впрочем, даже с чисто фактической стороны утверждение Розы Люксембург, что в программе австрийских с.-д. нет признания права наций на самоопределение, неверно. Стоит открыть протоколы Брюннского съезда, принявшего национальную программу, и мы увидим там заявления русинского с.-д. Ганкевича от имени всей украинской (русинской) делегации (стр. 85 протокол.) и польского с.-д. Регера от имени всей польской делегации (стр. 108) о том, что австрийские с.-д. обеих указанных наций включают в число своих стремлений стремление к национальному объединению, свободе и самостоятельности своих народов. Следовательно, австрийская с.-д.-тия, не выставив прямо в своей программе права наций на самоопределение, в то же время вполне мирится с выставлением ч а с т я м и партии требования национальной самостоятельности. Фактически это и значит, разумеется, признавать право наций на самоопределение! Ссылка Розы Люксембург на Австрию оказывается, таким образом, во в с е х отношениях говорящей п р о т и в Розы Люксембург.

4. „Практицизм“ в национальном вопросе.

С особенным усердием **подхватили** оппортунисты тот довод Розы Люксембург что § 9 нашей программы не содержит в себе ничего «практического». Роза Люксембург так восхищена этим доводом, что мы встречаем иногда в ее статье по восьми раз на странице повторение этого «лозунга».

§ 9 «не дает,—пишет она,—никакого практического указания для повседневной политики пролетариата, никакого практического разрешения национальных проблем».

Рассмотрим этот довод, который формулируется еще так, что § 9 либо не выражает ровно ничего, либо обязывает поддерживать все национальные стремления.

Что означает требование «практичности» в национальном вопросе?

Либо поддержку всех национальных стремлений; либо ответ: «да или нет» на вопрос об отделении каждой нации; либо вообще непосредственную «осуществимость» национальных требований».

Рассмотрим все эти три возможных смысла требования «практичности».

Буржуазия, которая естественно выступает в начале всякого национального движения гегемоном (руководителем) его, называет практическим делом поддержку всех национальных стремлений. Но политика пролетариата в национальном вопросе (как и в остальных вопросах) лишь поддерживает буржуазию в определенном направлении, но никогда не совпадает с ее политикой. Рабочий класс поддерживает буржуазию только в интересах национального мира (которого буржуазия не может дать вполне и который осуществим лишь в мере п о л н о й демократизации), в интересах равноправия, в интересах наилучшей обстановки классовой борьбы. Поэтому как раз против **практицизма** буржуазии пролетарии выдвигают п р и н ц и п и а л ь н у ю политику в национальном вопросе, всегда поддерживая буржуазию л и ш ь у с л о в н о. Всякая буржуазия хочет в национальном деле либо привилегий для с в о е й нации, либо исключительных выгод для нее; это и называется «практичным». Пролетариат против всяких привилегий, против всякой исключительности. Требовать от него «практицизма» значит итти на поводу буржуазии, впадать в оппортунизм.

Дать ответ: «да или нет» на вопрос об отделении каждой нации? Это кажется требованием весьма «практичным». А на деле оно нелепо, метафизично теоретически, на практике же ведет к подчинению пролетариата политике буржуазии. Буржуазия всегда на первый план ставит свои национальные требования. Ставит их безусловно. Для пролетариата они подчинены интересам классовой борьбы. Теоретически нельзя ручаться наперед, отделение ли данной нации или ее равноправное положение с иной нацией закончит буржуазно-демократическую революцию; для пролетариата важно в о б о и х с л у ч а я х обеспечить развитие своего класса; буржуазии важно затруднить это развитие, отодвинув его задачи перед задачами «своей» нации. Поэтому пролетариат ограничивается отрицательным, так сказать, требованием признания п р а в а на самоопределение, не гарантируя ни одной нации, не обязуясь дать н и ч е г о н а с ч е т другой нации.

Пусть это не «практично», но это на деле вернее всего гарантирует наиболее демократическое из возможных решений; пролетариату нужны т о л ь к о эти гарантии, а буржуазии каждой нации нужны гарантии е е выгод без отношения к положению (к возможным минусам) иных наций.

Буржуазии интереснее всего «осуществимость» данного требования, — отсюда вечная политика сделок с буржуазией иных наций в ущерб пролетариату. Пролетариату же важно укрепление своего класса против буржуазии, воспитание масс в духе последовательной демократии и социализма.

Пусть это не «практично» для оппортунистов, но это единственная гарантия на деле, гарантия максимального национального равноправия и мира вопреки и феодалам, и н а ц и о н а л и с т и ч е с к о й буржуазии.

Вся задача пролетариев в национальном вопросе «непрактична», с точки зрения н а ц и о н а л и с т и ч е с к о й буржуазии каждой нации, ибо пролетарии требуют «абстрактного» равноправия, принципиального отсутствия малейших привилегий, будучи враждебны всякому национализму. Не поняв этого, Роза Люксембург своим неразумным воспеванием практицизма открыла настежь ворота именно для оппортунистов, в особенности для оппортунистических уступок великорусскому национализму.

Почему великорусскому? Потому, что великороссы в России нация угнетающая, а в национальном отношении, естественно,

оппортунизм выразится иначе среди угнетенных и среди угнетающих наций.

Буржуазия угнетенных наций во имя «практичности» своих требований будет звать пролетариат к безусловной поддержке ее стремлений. Всего практичнее сказать прямое «да», за отделение т а к о й - т о нации, а не за п р а в о отделения всех и всяких наций!

Пролетариат против такого практицизма: признавая равноправие и равное право на национальное государство, он выше всего ценит и ставит союз пролетариев всех наций, оценивая п о д у г л о м классовой борьбы рабочих всякое национальное требование, всякое национальное отделение. Лозунг практицизма есть на деле лишь лозунг некритического перенимания буржуазных стремлений.

Нам говорят: поддерживая право на отделение, вы поддерживаете буржуазный национализм угнетенных наций. Так говорит Роза Люксембург, так повторяет за ней оппортунист Семковский — единственный, к стати сказать, представитель ликвидаторских идей по этому вопросу в ликвидаторской газете!

Мы отвечаем: нет, именно буржуазии важно здесь «практичное» решение, а рабочим важно п р и н ц и п и а л ь н о е выделение двух тенденций. П о с к о л ь к у буржуазия нации угнетенной борется с угнетающей, п о с т о л ь к у мы всегда и во всяком случае и решительнее всех за, ибо мы самые сильные и последовательные враги угнетения. Поскольку буржуазия угнетенной нации стоит за с в о й буржуазный национализм, мы против. Борьба с привилегиями и насилиями нации угнетающей и никакого попустительства стремлению к привилегиям со стороны угнетенной нации.

Если мы не выставили и не проведем в агитации лозунга п р а в а на отделение, мы сыграем на руку не только буржуазии, но и феодалам и абсолютизму у г н е т а ю щ е й нации. Этот довод Каутский давно выдвинул против Розы Люксембург, и этот довод неоспорим. Боясь «помочь» националистической буржуазии Польши, Роза Люксембург своим отрицанием п р а в а на отделение в программе р о с с и й с к и х марксистов помогает н а д е л е черносотенцам великороссам. Она помогает на деле оппортунистическому примирению с привилегиями (и хуже, чем привилегиями) великороссов.

Увлеченная борьбой с национализмом в Польше, Роза Люксембург забыла о национализме великороссов, хотя именно этот национализм и страшнее всего сейчас, именно он менее буржуазен, но более феодален, именно он главный тормоз демократии и пролетарской борьбы. В каждом буржуазном национализме угнетенной нации есть обще-демократическое содержание против угнетения, и это-то содержание мы безусловно поддерживаем, строго выделяя стремление к своей национальной исключительности, борясь с стремлением польского буржуа давить еврея и т. д. и т. д.

Это — «непрактично» с точки зрения буржуа и мещанина. Это — единственно практичная и принципиальная и действительно помогающая демократии, свободе, пролетарскому союзу политика в национальном вопросе.

Признание права на отделение за всеми; оценка каждого конкретного вопроса об отделении с точки зрения устраняющей всякое неравноправие, всякие привилегии, всякую исключительность.

Возьмем позицию угнетающей нации. Может ли быть свободен народ, угнетающий другие народы? Нет. Интересы свободы великорусского населения *) требуют борьбы с таким угнетением. Долгая история, вековая история подавления движений угнетенных наций, систематическая пропаганда такого подавления со стороны «высших» классов создали громадные помехи делу свободы самого великорусского народа в его предрассудках и т. д.

Великорусские черносотенцы сознательно поддерживают эти предрассудки и разжигают их. Великорусская буржуазия мирится с ними или подлаживается к ним. Великорусский пролетариат не может осуществить своих целей, не может расчистить себе пути к свободе, не борясь систематически с этими предрассудками.

Создание самостоятельного независимого национального государства остается пока в России привилегией одной только великорусской нации. Мы, великорусские пролетарии, не защищаем

*) Некому Л. Вл. ⁵³) из Парижа это слово кажется не марксистским. Этот Л. Вл. забавно «superklug» (в ироническом переводе на русский: «вумный»). «Вумный» Л. Вл. собирается, видимо, написать исследование об изгнании из нашей программы-минимум (с точки зрения классовой борьбы!) слов: «население», «народ» и т. п.

никаких привилегий, не защищаем и этой привилегии. Мы боремся на почве данного государства, объединяем рабочих всех наций данного государства, мы не можем ручаться за тот или иной путь национального развития, мы через все возможные пути идем к своей классовой цели.

Но идти к этой цели нельзя, не борясь со всяким национализмом и не отстаивая равенства рабочих наций. Суждено ли, например, Украине составить самостоятельное государство, это зависит от 1.000 факторов, неизвестных заранее. И, не пытаясь «гадать» попусту, мы твердо стоим на том, что несомненно: право Украины на такое государство. Мы уважаем это право, мы не поддерживаем привилегий великоросса над украинцами, мы воспитываем массы в духе признания этого права, в духе отрицания государственных привилегий какой бы то ни было нации.

В скачках, которые переживали все страны в эпоху буржуазных революций, столкновения и борьба из-за права на национальное государство возможны и вероятны. Мы, пролетарии, заранее объявляем себя противниками великорусских привилегий и в этом направлении ведем всю свою пропаганду и агитацию.

Гоняясь за «практицизмом», Роза Люксембург просмотрела главную практическую задачу и великорусского, и инонационального пролетариата: задачу повседневной агитации и пропаганды против всяких государственно-национальных привилегий, за право, одинаковое право всех наций на свое национальное государство; такая задача наша главная (сейчас) задача в национальном вопросе, ибо лишь таким путем мы отстаиваем интересы демократии и равноправного союза всех пролетариев всяческих наций.

Пусть эта пропаганда «непрактична» и с точки зрения великороссов-угнетателей, и с точки зрения буржуазии угнетенных наций (и те и другие требуют определенного да или нет, обвиняя с.-д. в «неопределенности»). На деле именно эта пропаганда, и только она, обеспечивает действительно демократическое и действительно социалистическое воспитание масс. Только такая пропаганда гарантирует и наибольшие шансы национального мира в России, если она останется пестрым национальным государством, и наиболее мирное (и безвредное для пролетарской классовой борьбы) разделение на разные национальные государства, если встанет вопрос о таком разделении.

Для более конкретного пояснения этой, единственно пролетарской, политики в национальном вопросе мы рассмотрим отношение к «самоопределению наций» великорусского либерализма и пример отделения Норвегии от Швеции.

5. Либеральная буржуазия и социалистические оппортунисты в национальном вопросе.

Мы видели, что одним из главных своих «козырей» в борьбе против программы российских марксистов Роза Люксембург считает такой довод: признание права на самоопределение равняется поддержке буржуазного национализма угнетенных наций. С другой стороны, говорит Роза Люксембург, если понимать под этим правом только борьбу против всякого насилия по отношению к нациям, то особый пункт программы не нужен, ибо с.-д. вообще против всякого национального насилия и неравноправия.

Первый довод, как неопровержимо указал почти 20 лет тому назад Каутский, сваливает национализм с больной головы на здоровую, ибо, боясь национализма буржуазии угнетенных наций, Роза Люксембург оказывается н а д е л е играющей на руку черносотенному национализму великороссов! Второй довод есть, в сущности, боязливое уклонение от вопроса: включает ли или не включает признание национального равноправия признание права на отделение? Если да, то, значит, Роза Люксембург признает принципиальную правильность § 9 нашей программы. Если нет, значит она не признает национального равноправия. Уклончивостью и увертками тут делу не поможешь!

Однако лучшей проверкой вышеуказанных и всех подобных доводов является изучение отношения к вопросу р а з л и ч н ы х классов общества. Для марксиста такая проверка обязательна. Надо исходить из объективного, надо взять взаимоотношение классов по данному пункту. Не делая этого, Роза Люксембург впадает как раз в тот грех метафизичности, абстрактности, общего места, огульности и пр., в котором она тщетно пытается обвинить своих противников.

Речь идет о программе российских марксистов, т.-е. марксистов всех национальностей России. Не следует ли взглянуть на позицию господствующих классов России?

Позиция «бюрократии» (извиняемся за неточное слово) и феодальных помещиков типа объединенного дворянства общеизвестна. Безусловное отрицание и равноправия национальностей, и права на самоопределение. Старый, взятый из времен крепостного права лозунг: самодержавие, православие, народность, при чем под последней имеется в виду только великорусская. Даже украинцы объявлены «иностранцами», даже их родной язык преследуется.

Взглянем на буржуазию российскую, «призванную» к участию—очень скромному, правда, но все же участию во власти в системе законодательства и управления «3 июня». Что октябристы идут на деле за правыми в данном вопросе, об этом тратить много слов не приходится. К сожалению, некоторые марксисты гораздо менее внимания обращают на позицию либеральной великорусской буржуазии, прогрессистов и кадетов. А между тем, кто не изучит этой позиции и не вдумается в нее, тот неизбежно впадет в грех абстрактности и голословности при обсуждении права наций на самоопределение.

В прошлом году полемика «Правды» с «Речью» заставила этот главный орган партии к.-д., столь искусный в дипломатическом уклонении от прямого ответа на «неприятные» вопросы, сделать все же некоторые ценные признания. Сыр-бор загорелся из-за всеукраинского студенческого съезда в Львове летом 1913 г. Присяжный «украиновед» или украинский сотрудник «Речи» г. Могилянский поместил статью, в которой осыпал самыми отборными ругательствами («бред», «авантюризм» и пр.) идею сепарации (отделения) Украины, идею, за которую ратовал национал-социал Донцов и которую одобрил названный съезд.

Газета «Рабочая Правда», нисколько не солидаризируясь с г. Донцовым, прямо указав, что он национал-социал, что с ним не согласны многие украинские марксисты, заявила, однако, что то н «Речи», вернее: п р и н ц и п и а л ь н а я п о с т а н о в к а в о п р о с а «Речи», совершенно неприлична, недопустима для великорусского демократа или желающего слыть демократом человека. Пусть «Речь» прямо опровергает г.г. Донцовых, но п р и н ц и п и а л ь н о недопустимо великорусскому органу якобы демократии забывать о с в о б о д е отделения, о п р а в е на отделение.

Несколько месяцев спустя, г. Могилянский в № 331 «Речи» выступил с «объяснениями», узнав из львовской украинской газе-

ты «Шляхи» о возражениях г. Донцова, который между прочим отметил, что «шовинистический выпад «Речи» надлежащим образом запятнала (заклеймила?) только русская с.-д. пресса». «Объяснения» г. Могилянського состояли в том, что он троекратно повторил: «критика рецептов г. Донцова» «ничего общего не имеет с отрицанием права наций на самоопределение».

«Следует сказать,—писал г. Могилянский,—что и «право наций на самоопределение» не является каким-то фетишем (слушайте!!), не допускающим критики: нездоровые условия жизни нации могут порождать нездоровые тенденции в национальном самоопределении, и вскрывать последние еще не значит отрицать право наций на самоопределение».

Как видите, фразы либерала насчет «фетиша» были вполне в духе фраз Розы Люксембург. Было очевидно, что г. Могилянский желал уклониться от прямого ответа на вопрос: признает он или нет право на политическое самоопределение, т.-е. на отделение?

И «Пролетарская Правда» (№ 4 от 11 декабря 1913 г.) в у п о р поставила этот вопрос и г. Могилянскому, и к.-д. п а р т и и.

Газета «Речь» поместила тогда (№ 340) неподписанное, т.-е. сфициально-редакционное, заявление, дающее ответ на этот вопрос. Ответ этот сводится к трем пунктам:

1. В § 11 программы к.-д. партии прямо, точно и ясно говорится о «праве свободного культурного самоопределения» наций.

2. «Пролетарская Правда», по уверению «Речи», «безнадежно смешивает» самоопределение с сепаратизмом, отделением той или иной нации.

3. «Д е й с т в и т е л ь н о к.-д. никогда и не б р а л и с ь з а щ и щ а т ь п р а в о «о т д е л е н и я н а ц и й» о т р у с с к о г о г о с у д а р с т в а» (См. статью: «Национал-либерализм и право наций на самоопределение» в «Пролетарской Правде» № 12 от 20 декабря 1913 г.).

Обратим внимание сначала на второй пункт заявления «Речи». Как наглядно показывает он господам Семковским, Либманам, Юркевичам и прочим оппортунистам, что их крики и толки насчет будто бы «неясности» или «неопределенности» смысла «самоопределения» представляют из себя на деле, т.-е. по объективному соотношению классов и классовой борьбы в России, простой перепев речей либерально-монархической буржуазии!

Когда «Пролетарская Правда» поставила г.г. просвещенным «конституционалистам-демократам» из «Речи» т р и вопроса: 1) отрицают ли они, что во всей истории международной демократии, особенно с половины XIX века, под самоопределением наций разумеется именно политическое самоопределение, право на образование самостоятельного национального государства? 2) отрицают ли они, что известное решение Лондонского Международного Социалистического Конгресса 1896 года имеет тот же смысл? и 3) что Плеханов, еще в 1902 г. писавший о самоопределении, понимал под ним именно политическое самоопределение?—Когда «Пролетарская Правда» поставила эти три вопроса, г о с п о д а к а д е т ы з а м о л ч а л и ! !

Они не ответили ни слова, потому что им нечего было ответить. Они молча должны были признать, что «Пролетарская Правда» безусловно права

Крики либералов на тему о неясности понятия «самоопределения», о «безнадежном смешении» его с сепаратизмом у с.-д. есть не что иное, как стремление з а п у т а т ь вопрос, уклониться от признания общеустановленного демократией принципа. Если бы г.г. Семковские, Либманы и Юркевичи не были так невежественны, они бы посовестились выступать перед рабочими в л и б е р а л ь н о м духе.

Но пойдем дальше. «Пролетарская Правда» заставила «Речь» признать, что слова о «культурном» самоопределении имеют в программе к.-д. смысл именно о т р и ц а н и я п о л и т и ч е с к о г о самоопределения

«Действительно, к.-д. никогда и не брались защищать право «отделения нации» от русского государства»—эти слова «Речи» «Пролетарская Правда» недаром рекомендовала «Новому Времени» и «Земщине», как образец «лжойльности» наших кадетов. Газета «Новое Время» в № 13563, не упуская, конечно, случая вспомнить «жида» и сказать всяческую колкость кадетам, заявила однако:

«Что для эс-деков составляет аксиому политической мудрости» (т.-е. признание права наций на самоопределение, на отделение), «то по нынешним временам даже в кадетской среде начинает возбуждать разногласия».

Кадеты встали принципиально на вполне одинаковую позицию с «Новым Временем», заявив, что они «никогда и не брались защищать право отделения наций от русского государства». В этом и состоит одна из основ н а ц и о н а л ь н о г о л и б е р а л и з м а кадетов, их близости к Пуришкевичам, их идейно-политической и

практически-политической зависимости от этих последних. «Господа кадеты учились истории,—писала «Пролетарская Правда»,— и знают прекрасно, к каким, выражаясь мягко, «погромообразным» действиям приводило нередко на практике применение исконного права Пуришкевичей «тащить и не пущать». Прекрасно зная феодальный источник и характер всевластия Пуришкевичей, кадеты, тем не менее, становятся целиком на п о ч в у именно этим классом созданных отношений и границ. Прекрасно зная, как много неевропейского, антиевропейского (азиатского, сказали бы мы, если бы это не звучало, как незаслуженное пренебрежение к японцам и китайцам) в отношениях и границах, созданных или определенных этим классом, господа кадеты признают их пределом, его же не преjdeши».

Это и есть приспособление к Пуришкевичам, раболепство перед ними, боязнь поколебать их положение, защита их от народного движения, от демократии. «Это означает на деле, — писала «Пролетарская Правда», — приспособление к интересам крепостников и к худшим националистическим предрассудкам господствующей нации вместо систематической борьбы с этими предрассудками».

Как люди, знакомые с историей и претендующие на демократизм, кадеты не делают даже попытки утверждать, что демократическое движение, характеризующее в наши дни и Восточную Европу и Азию, стремящееся переделать ту и другую по образцу цивилизованных, капиталистических стран, — что это движение должно непременно оставить неизменными границы, определенные феодальной эпохой, эпохой всевластия Пуришкевичей и бесправия широких слоев буржуазии и мелкой буржуазии.

Что вопрос, поднятый полемикой «Пролетарской Правды» с «Речью», вовсе не был только литературным вопросом, что он касался действительной политической злобы дня, это доказала, между прочим, последняя конференция к.-д. партии 23—25 марта 1914 года. В официальном отчете «Речи» (№ 83 от 26 марта 1914) об этой конференции читаем:

«Национальные вопросы обсуждались также особенно оживленно. Киевские депутаты, к которым примкнули Н. Б. Некрасов и А. М. Колубакин, указывали, что национальный вопрос есть назревающий крупный фактор, которому необходимо пойти навстречу более решительно, чем это было прежде. Ф. Ф. Кокоткин указал, однако» (это то самое «однако»,

которое соответствует щедринскому «но» — «не растут уши выше лба, не растут»), «что и программа и предыдущий политический опыт требуют очень осторожного обращения с «растяжимыми формулами» «политического самоопределения национальностей».

Это в высшей степени замечательное рассуждение на кадетской конференции заслуживает громадного внимания всех марксистов и всех демократов. (Заметим в скобках, что «Киевская Мысль», видимо, очень хорошо осведомленная и, несомненно, правильно передающая мысли г. Кокошкина, добавила, что он специально выдвигал, конечно, в виде предостережения своим оппонентам, угрозу «распада» государства.)

Официальный отчет «Речи» составлен виртуозно-дипломатически, чтобы возможно меньше поднять завесу, чтобы возможно больше скрыть. Но все же в основных чертах ясно, что произошло на кадетской конференции. Делегаты — либеральные буржуа, знакомые с положением дел в Украине, и «левые» кадеты поставили вопрос и м е н н о о п о л и т и ч е с к о м самоопределении наций. Иначе г. Кокошкину незачем было бы призывать к «осторожному обращению» с этой «формулой».

В программе кадетов, которая, разумеется, была известна делегатам кадетской конференции, стоит именно не политическое, а «культурное» самоопределение. Значит, г. Кокошкин з а щ и щ а л программу от делегатов с Украины, от левых кадетов, защищал «культурное» самоопределение п р о т и в «политического». Совершенно очевидно, что, восставая против «политического» самоопределения, выдвигая угрозу «распада государства», называя формулу «политического самоопределения» р а с т я ж и м о ю (вполне в духе Розы Люксембург!), г. Кокошкин защищал великорусский национал-либерализм против более «левых» или более демократических элементов к.-д. партии и против украинской буржуазии

Г. Кокошкин победил на кадетской конференции, как это видно из предательского словечка «однако» в отчете «Речи». Великорусский национал-либерализм восторжествовал среди кадетов. Не поможет ли эта победа прояснению умов тех неразумных единиц среди марксистов России, которые тоже начали бояться, вслед за кадетами, «растяжимых формул политического самоопределения национальностей»?

Посмотрим «однако», по существу дела, на ход мыслей г. Кокошкина. Ссылаясь на «предыдущий политический опыт» (т.-е.

очевидно, на опыт тысячи девятьсот пятого года, когда великорусская буржуазия испугалась за свои национальные привилегии и испугала своим испугом кадетскую партию), выдвигая угрозу «распада государства», г. Кокошкин обнаружил прекрасное понимание того, что политическое самоопределение не может означать ничего другого, кроме как права на отделение и на образование самостоятельного национального государства. Спрашивается, как следует смотреть на эти опасения г-на Кокошкина с точки зрения демократии вообще и с точки зрения пролетарской классовой борьбы в особенности?

Г. Кокошкин хочет уверить нас, что признание права на отделение увеличивает опасность «распада государства». Это—точка зрения будочника Мымрецова с его девизом: «тащить и не пущать». С точки зрения демократии вообще как раз наоборот: признание права на отделение у м е н ь ш а е т опасность «распада государства».

Г. Кокошкин рассуждает совершенно в духе националистов. На своем последнем съезде они громили украинцев - «мазепинцев». Украинское движение,—воскличал г. Савенко и К-о,—грозит ослаблением связи Украины с Россией, ибо Австрия украинофильством укрепляет связь украинцев с Австрией!! Оставалось непонятным, почему же Россия не может попробовать «укрепить» связь украинцев с Россией тем же методом, который г.г. Савенки ставят в вину Австрии, т.-е. предоставлением украинцам свободы родного языка, самоуправления, автономного сейма и т. п.?

Рассуждения г.г. Савенко и г.г. Кокошкиных совершенно однородны и одинаково смешны и нелепы с чисто логической стороны. Не ясно ли, что чем больше свободы будет иметь украинская национальность в той или другой стране, тем прочнее будет связь этой национальности с данной страной? Кажется, нельзя спорить против этой азбучной истины, если не порвать решительно со всеми посылками демократизма. А может ли быть большая свобода национальности, как таковой, чем свобода отделения, свобода образования самостоятельного национального государства?

Чтобы разъяснить еще более этот, запутываемый либералами (и теми, кто по неразумению перепевает их), вопрос, приведем самый простой пример. Возьмем вопрос о разводе. Роза Люксембург пишет в своей статье, что централизованное демократиче-

ское государство, вполне мирясь с автономией отдельных частей, должно оставить в ведении центрального парламента все важнейшие отрасли законодательства и, между прочим, законодательство о разводе. Эта заботливость об обеспечении центральной властью демократического государства свободы развода вполне понятна. Реакционеры против свободы развода, призывая к «осторожному обращению» с ней и крича, что она означает «распад семьи». Демократия же полагает, что реакционеры лицемерят, защищая на деле всевластие полиции и бюрократии, привилегии одного пола и худшее угнетение женщины; — что на деле свобода развода означает не «распад» семейных связей, а напротив укрепление их на единственно возможных и устойчивых в цивилизованном обществе демократических основаниях.

Обвинять сторонников свободы самоопределения, т.-е. свободы отделения, в поощрении сепаратизма — такая же глупость и такое же лицемерие, как обвинять сторонников свободы развода в поощрении разрушения семейных связей. Подобно тому, как в буржуазном обществе против свободы развода выступают защитники привилегий и продажности, на которых строится буржуазный брак, так в капиталистическом государстве отрицание свободы самоопределения, т.-е. отделения наций, означает лишь защиту привилегий господствующей нации и полицейских приемов управления в ущерб демократическим.

Несомненно, что политиканство, вызываемое всеми отношениями капиталистического общества, вызывает иногда крайне легкомысленную и даже просто вздорную болтовню парламентариев или публицистов об отделении той или иной нации. Но только реакционеры могут давать себя запугать (или прикидываться, будто они запуганы) подобной болтовней. Кто стоит на точке зрения демократии, т.-е. решения государственных вопросов массой населения, тот прекрасно знает, что от болтовни политиканов до решения масс — «дистанция огромного размера». Массы населения превосходно знают, по повседневному опыту, значение географических и экономических связей, преимущества крупного рынка и крупного государства, и на отделение они пойдут лишь тогда, когда национальный гнет и национальные трения делают совместную жизнь совершенно невыносимой, тормозят все и всяческие хозяйственные отношения. А в подобном случае интересы капиталистического развития и свободы классовой борьбы будут именно на стороне отделяющихся.

Итак, с какой стороны ни подойти к рассуждениям г. Кокошкина, они оказываются верхом нелепости и насмешкой над принципами демократии. Но известная логика в этих рассуждениях есть; это—логика классовых интересов великорусской буржуазии. Г. Кокошкин, как и большинство партии к.-д.,—лакей денежного мешка этой буржуазии. Он защищает ее привилегии вообще, ее государственные привилегии в особенности, защищает их вместе с Пуришкевичем, рядом с ним,—только Пуришкевич больше верит в крепостную дубину, а Кокошкин с К-о видят, что дубина эта пятым годом сильно надломана, и полагаются более на буржуазные средства надувания масс, например, на запугивания мещан и крестьян призраком «распада государства», на обман их фразами о соединении «народной свободы» с историческими устоями и т. д.

Реальное классовое значение либеральной вражды к принципу политического самоопределения наций—одно и только одно: национал-либерализм, отстаивание государственных привилегий великорусской буржуазии. И российские оппортунисты среди марксистов, ополчившиеся именно теперь, в эпоху третьеиюньской системы, против права наций на самоопределение, все эти: ликвидатор Семковский, бундист Либман, украинский мелкий буржуа Юркевич, на деле просто плетутся в хвосте национал-либерализма, развращают рабочий класс национал-либеральными идеями.

Интересы рабочего класса и его борьбы против капитализма требуют полной солидарности и теснейшего единства рабочих всех наций, требуют отпора националистической политике буржуазии какой бы то ни было национальности. Поэтому уклонением от задач пролетарской политики и подчинением рабочих политике буржуазной явилось бы как то, если бы с.-д. стали отрицать право самоопределения, т.-е. право отделения угнетенных наций, так и то, если бы с.-д. взялись поддерживать все национальные требования буржуазии угнетенных наций. Наемному рабочему все равно, будет ли его преимущественным эксплуататором великорусская буржуазия предпочтительно перед инородческой или польская предпочтительно перед еврейской и т. д. Наемный рабочий, сознавший интересы своего класса, равнодушен и к государственным привилегиям капиталистов великорусских, и к посулам капиталистов польских или украинских, что водворится рай на земле, когда они будут обладать государственными привилегиями. Развитие капитализма идет и будет идти вперед, так или иначе, и в едином нестром государстве, и в отдельных национальных государствах.

Во всяком случае пасынный рабочий останется объектом эксплуатации, и успешная борьба против нее требует независимости пролетариата от национализма, полной, так сказать, нейтральности пролетариев в борьбе буржуазии разных наций за первенство. Малейшая поддержка пролетариатом какой-либо нации привилегий «своей» национальной буржуазии вызовет неизбежно недоверие пролетариата другой нации, ослабит интернациональную классовую солидарность рабочих, разъединит их на радость буржуазии. А отрицание права на самоопределение, или на отделение, неизбежно означает на практике поддержку привилегий господствующей нации.

Мы еще нагляднее можем убедиться в этом, если возьмем конкретный пример отделения Норвегии от Швеции.

6. Отделение Норвегии от Швеции.

Роза Люксембург берет именно этот пример и рассуждает по поводу его следующим образом:

Последнее событие в истории федеративных отношений, отделение Норвегии от Швеции,—в свое время торопливо подхваченное социал-патриотичной польской печатью (см. краковский «Напшуд»), как отрадное проявление силы и прогрессивности стремлений к государственному отделению,—немедленно превратилось в разительное доказательство того, что федерализм и вытекающее из него государственное отделение отнюдь не являются выражением прогрессивности или демократизма. После так называемой норвежской «революции», которая состояла в смещении и удалении из Норвегии шведского короля, норвежцы преспокойно выбрали себе другого короля, формально отвергнув народным голосованием проект учреждения республики. То, что поверхностные поклонники всяких национальных движений и всяческих подобию независимости провозгласили «революцией», было простым проявлением крестьянского и мелко-буржуазного партикуляризма, желания за свои деньги иметь «собственного» короля вместо навязанного шведской аристократией, а следовательно, было движение, не имеющее решительно ничего общего с революционностью. Вместе с тем эта история разрыва шведско-норвежской унии снова доказала, до какой степени и в данном случае федерация, существовавшая до тех пор, была только выражением чисто династических интересов, а следовательно, формой монархизма и реакции... («Przegład»).

Это—буквально все, что говорит Роза Люксембург по данному пункту!! И, надо признаться, трудно было бы рельефнее обнаружить беспомощность своей позиции, чем сделала это Роза Люксембург в данном примере.

Вопрос шел и идет о том, необходима ли для с.-д. в пестром национальном государстве программа, признающая право на самоопределение или на отделение.

Что же говорит нам по этому вопросу взятый самой Розой Люксембург пример Норвегии?

Наш автор вертится и виляет, остроумничает и шумит против «Narprzóda», но на вопрос не отвечает!! Роза Люксембург говорит о чем угодно, чтобы не сказать ни слова по существу вопроса!!

Несомненно, что норвежские мелкие буржуа, пожелав за свои деньги иметь своего короля и провалив народным голосованием проект учреждения республики, обнаружили весьма дурные мещанские качества. Несомненно, что «Narprzód», если он не заметил этого, обнаружил столь же дурные и столь же мещанские качества.

Но при чем все это??

Ведь речь шла о праве наций на самоопределение и об отношении социалистического пролетариата к этому праву! Почему же Роза Люксембург не отвечает на вопрос, а ходит кругом да около?

Говорят, для мыши сильнее кошки зверя нет. Для Розы Люксембург, видимо, сильнее «фрак» зверя нет. «Фраками» зовут в просторечии «польскую социалистическую партию», так называемую революционную фракцию, и краковская газетка «Напшуд» разделяет идеи этой «фракции». Борьба Розы Люксембург с национализмом этой «фракции» до того ослепила нашего автора, что из его кругозора исчезает все, кроме «Narprzóda».

Если «Narprzód» говорит: «да», Роза Люксембург считает своим священным долгом немедленно провозгласить: «нет», совершенно не думая, что таким приемом она обнаруживает не свою независимость от «Narprzóda», а, как раз напротив, свою забавную зависимость от «фраков», свою неспособность взглянуть на вещи с точки зрения немного более глубокой и широкой, чем точка зрения краковского муравейника. «Narprzód», конечно, очень плохой и вовсе не марксистский орган, но это не должно помешать нам разобравшись по существу пример Норвегии, раз мы его взяли

Чтобы разобрать этот пример не-марксистски, мы должны остановиться не на дурных качествах ужасно страшных «фраков», а, во-1-х, на конкретных исторических особенностях отделения Норвегии от Швеции и, во-2-х, на том, каковы были задачи пролетариата обеих стран при этом отделении,

Норвегию сближают с Швецией связи географические, экономические и языковые не менее тесные, чем связи многих великорусских славянских наций с великороссами. Но союз Норвегии с Швецией был недобровольный, так что о «федерации» Роза Люксембург говорит совсем зря, просто потому, что она не знает, что сказать. Норвегию отдал и Швеции монархи во время наполеоновских войн, вопреки воле норвежцев, и шведы должны были ввести войска в Норвегию, чтобы подчинить ее себе.

После этого в течение долгих десятилетий, несмотря на чрезвычайно широкую автономию, которой пользовалась Норвегия (свой сейм и т. д.), трения между Норвегией и Швецией существовали непрерывно, и норвежцы всеми силами стремились сбросить с себя иго шведской аристократии. В августе 1905 года они, наконец, и сбросили его: норвежский сейм постановил, что король шведский перестал быть королем норвежским, а произведенный затем референдум, опрос норвежского народа, дал подавляющее большинство голосов (около 200 тысяч против нескольких сот) за полное отделение от Швеции. Шведы, после некоторых колебаний, примирились с фактом отделения.

Этот пример показывает нам, на какой почве возможны и бывают случаи отделения наций при современных экономических и политических отношениях и какую форму принимает иногда отделение в обстановке политической свободы и демократизма.

Ни один социал-демократ, если он не решится объявить безразличными для себя вопросы политической свободы и демократизма (а в таком случае, разумеется, он перестал бы быть социал-демократом), не сможет отрицать, что этот пример фактически доказывает обязательность для сознательных рабочих систематической пропаганды и подготовки того, чтобы возможные столкновения из-за отделения наций решались только так, как они разрешены были в 1905 г. между Норвегией и Швецией, а не «по-русски». Это именно и выражается программным требованием признания права наций на самоопределение. И Розе Люксембург пришлось отговариваться от неприятного для ее теории факта посредством грозных нападок на мещанство норвежских мещан и на краковский «Narząd», ибо она прекрасно понимала, до какой степени бесповоротно опровергает этот исторический факт ее фразы, будто право самоопределения наций есть «утопия», будто оно равняется праву «есть на золотых тарелках» и т. п. Такие фразы выражают лишь убого-само-

довольную, оппортунистическую веру в неизменность данного соотношения сил между национальностями Восточной Европы.

Пойдем далее. В вопросе о самоопределении наций, как и во всяком другом вопросе, нас интересует прежде всего и более всего самоопределение пролетариата внутри наций. Роза Люксембург обошла скромненько и этот вопрос, чувствуя, как неприятен для ее «теории» разбор его на взятом ею примере Норвегии.

Какова была и должна была быть позиция норвежского и шведского пролетариата в конфликте из-за отделения? Сознательные рабочие Норвегии голосовали бы, конечно, п о с л е отделения за республику *), и если были социалисты, голосовавшие иначе, то это лишь доказывает, как много иногда тупого, мещанского оппортунизма в европейском социализме. Об этом не может быть двух мнений, и мы касаемся данного пункта лишь потому, что Роза Люксембург пытается замаять суть дела разговорами н е н а т е м у. По вопросу об отделении мы не знаем, обязывала ли социалистическая норвежская программа норвежских с.-д. держаться одного определенного мнения. Допустим, что нет, что норвежские социалисты оставляли открытым вопрос о том, насколько достаточна была для свободной классовой борьбы автономия Норвегии и насколько тормозили свободу хозяйственной жизни вечные трения и конфликты с шведской аристократией. Но что норвежский пролетариат должен был идти против этой аристократии за норвежскую крестьянскую демократию (при всех мещанских ограничениях последней), это неоспоримо.

А шведский пролетариат? Известно, что шведские помещики, споспешествуемые шведскими попами, проповедывали войну против Норвегии, и, так как Норвегия гораздо слабее Швеции, так как она испытывала уже шведское нашествие, так как шведская аристократия имеет очень сильный вес в своей стране, то проповедь эта была очень серьезной угрозой. Можно ручаться, что шведские Кокошкины долго и усердно развращали шведские массы призывами к «осторожному обращению» с «растяжимыми формулами политического самоопределения наций», размалевыванием опасностей «распада государства» и уверениями в совместности «народной свободы» с устоями шведской аристократии. Не подлежит ни ма-

*) Если большинство норвежской нации было за монархию, а пролетариат за республику, то перед норвежским пролетариатом, вообще говоря, открывалось два пути: или революция, если условия для нее назрели, или подчинение большинству и длительная работа пропаганды и агитации.

лейшему сомнению, что шведская социал-демократия изменила бы делу социализма и делу демократии, если бы она не боролась изо всех сил и с помещичьей и с «Кокошкинской» идеологией и политикой, если бы она не отстаивала п о м и м о равноправия наций вообще (признаваемого и Кокошкиными) права наций на самоопределение, свободы отделения Норвегии.

Тесный союз норвежских и шведских рабочих, их полная товарищеская классовая солидарность в ы и г р ы в а л а от этого признания шведскими рабочими права норвежцев на отделение. Ибо норвежские рабочие убеждались в том, что шведские не заражены шведским национализмом, что братство с норвежскими пролетариями для них выше, чем привилегии шведской буржуазии и аристократии. Разрушение связей, навязанных Норвегией европейскими монархами и шведскими аристократами, усилило связи между норвежскими и шведскими рабочими. Шведские рабочие доказали, что через в с е перипетии буржуазной политики вполне возможно на почве буржуазных отношений возрождение насильственного подчинения норвежцев шведам!—они сумеют сохранить и отстоять полное равноправие и классовую солидарность рабочих обеих наций в борьбе и против шведской, и против норвежской буржуазии.

Отсюда видно, между прочим, как неосновательны и просто даже не серьезные попытки, делаемые иногда «фраками» «использовать» наши разногласия с Розой Люксембург против польской социал-демократии. «Фраки»—не пролетарская, не социалистическая, а мелко-буржуазная националистическая партия, нечто в роде польских социал-революционеров. Ни о каком единстве российских с.-д. с этой партией никогда не было и не могло быть речи. Наоборот, ни один российский социал-демократ никогда не «раскаивался» в сближении и соединении с польскими с.-д. Польской социал-демократии принадлежит громадная историческая заслуга впервые создать действительно марксистскую, действительно пролетарскую партию в Польше, насквозь пропитанной националистическими стремлениями и увлечениями. Но эта заслуга польских с.-д. является великой заслугой не благодаря тому обстоятельству, что Роза Люксембург наговорила вздору против § 9 российской марксистской программы, а вопреки этому печальному обстоятельству.

Для польских с.-д. «право самоопределения», конечно, не имеет такого важного значения, как для русских. Вполне понятно,

что борьба с националистически ослепленной мелкой буржуазией Польши заставила с.-д. поляков с особенным (иногда, может быть, чуточку чрезмерным) усердием «перегибать палку». Ни один российский марксист никогда и не думал ставить в вину польским с.-д., что они против отделения Польши. Ошибку делают эти с.-д. лишь тогда, когда пробуют—подобно Розе Люксембург—отрицать необходимость признания права на самоопределение в программе российских марксистов.

Это значит, в сущности, переносить отношения, понятные с точки зрения краковского горизонта, на масштаб всех народов и наций России, великороссов в том числе. Это значит быть «польскими националистами на выворот, а не российскими, не интернациональными социал-демократами.

Ибо интернациональная социал-демократия стоит именно на почве признания права наций на самоопределение. К этому мы теперь и переходим.

7. Решение Лондонского Международного Конгресса 1896 года.

Решение это гласит:

«Конгрес объявляет, что он стоит за полное право самоопределения (Selbstbestimmungsrecht) всех наций, и выражает свое сочувствие рабочим всякой страны, страдающей в настоящее время под игом военного, национального или другого абсолютизма; конгресс призывает рабочих всех этих стран вступать в ряды сознательных (Klassenbewusstsein - сознающих интересы своего класса) рабочих всего мира, чтобы вместе с ними бороться за преодоление международного капитализма и за осуществление целей международной социал-демократии» *).

Как мы уже указывали, наши оппортунисты, г.г. Семковский, Либман, Юркевич, просто-таки не знают об этом решении. Но Роза Люксембург знает и приводит его полный текст, в котором стоит то же выражение, что и в нашей программе: «самоопределение».

Спрашивается, как же устраняет Роза Люксембург это препятствие, лежащее на пути ее «оригинальной» теории?

* См. официальный немецкий отчет о Лонд. конгрессе: «Verhandlungen und Beschlüsse des internationalen sozialistischen Arbeiter-und Gewerkschafts-Kongresses zu London, vom 27 Juli bis 1 August 1896», Berlin 1897, S. 18. Есть русская брошюра с решениями междунар. конгрессов, где вместо «самоопределения» переведено неправильно: «автономия»

О, совсем просто: ...центр тяжести здесь во второй части резолюции... декларативный характер ее... только по недоразумению можно на нее ссылаться!

Беспомощность и растерянность нашего автора просто поразительны. Обыкновенно на декларативный характер последовательных демократических и социалистических программных пунктов указывают одни оппортунисты, трусливо уклоняясь от прямой полемики против них. Видимо, не даром на этот раз Роза Люксембург оказалась в печальной компании г.г. Семковских, Либмана и Юркевича. Прямо заявить Роза Люксембург не решается, считает ли она приведенную резолюцию правильной или ошибочной. Она увертывается и прячется, как бы рассчитывая на такого невнимательного и незнающего читателя, который забывает первую часть резолюции, дочитывая до второй, или никогда не слышал о дебатах в социалистической печати перед Лондонским конгрессом.

Но Роза Люксембург очень ошибается, если воображает, что ей удастся, перед сознательными рабочими России, так легко наступить ногой на резолюцию Интернационала по важному принципиальному вопросу, не соблаговолывая даже критически разобрать ее.

В дебатах перед Лондонским конгрессом—главным образом на страницах журнала немецких марксистов «Die Neue Zeit»—была выражена точка зрения Розы Люксембург, и эта точка зрения, по существу, потерпела поражение перед Интернационалом! Вот в чем суть дела, которую в особенности должен иметь в виду русский читатель.

Дебаты велись по поводу вопроса о независимости Польши. Три точки зрения были высказаны:

1) Точка зрения «фраков», от имени которых выступал Геккер. Они хотели, чтобы Интернационал с в о е й программой признал требование независимости Польши. Это предложение не было принято. Эта точка зрения потерпела поражение перед Интернационалом.

2) Точка зрения Розы Люксембург: польские социалисты не должны требовать независимости Польши. О провозглашении права наций на самоопределение с этой точки зрения не могло быть и речи. Эта точка зрения тоже потерпела поражение перед Интернационалом.

3) Точка зрения, которую тогда всего обстоятельнее развивал К. Каутский, выступая против Розы Люксембург и доказывая крайнюю «односторонность» ее материализма. С этой точки зрения, Интернационал не может в настоящее время ставить своей программой независимость Польши, но польские социалисты—говорил Каутский—вполне могут выставлять подобное требование. С точки зрения социалистов, безусловно ошибочно игнорировать задачи национального освобождения в обстановке национального гнета.

В резолюции Интернационала и воспроизведены самые существенные, основные положения этой точки зрения: с одной стороны, совершенно прямое и недопускающее никаких кривотолков признание полного права на самоопределение за всеми нациями; с другой стороны, столь же недвусмысленный призыв рабочих к интернациональному единству их классовой борьбы.

Мы думаем, что эта резолюция совершенно правильна и что для стран Восточной Европы и Азии в начале XX века именно эта резолюция и именно в неразрывной связи обеих своих частей дает единственно правильную директиву пролетарской классовой политики в национальном вопросе.

Остановимся несколько подробнее на трех вышеуказанных точках зрения.

Известно, что К. Маркс и Фр. Энгельс считали безусловно обязательным для всей западно-европейской демократии, а тем более социал-демократии, активную поддержку требования независимости Польши. Для эпохи 40-х и 60-х годов прошлого века, эпохи буржуазной революции Австрии и Германии, эпохи «крестьянской реформы» в России, эта точка зрения была вполне правильной и единственной последовательно-демократической и пролетарской точкой зрения. Пока народные массы России и большинства славянских стран спали еще непробудным сном, пока в этих странах не было самостоятельных, массовых, демократических движений, ш л я х е т с к о е освободительное движение в Польше приобретало гигантское, первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всевропейской *).

*) Было бы весьма интересной исторической работой сопоставить позицию польского шляхтича-повстанца 63-го года позицию всероссийского демократа-революционера Чернышевского, который тоже (подобно Марксу)

Но если эта точка зрения Маркса была вполне верна для второй трети или третьей четверти XIX века, то она перестала быть верной к XX веку. Самостоятельные демократические движения и даже самостоятельное пролетарское движение пробудилось в большинстве славянских стран и даже в одной из наиболее отсталых славянских стран, России. Шляхетская Польша исчезла и уступила свое место капиталистической Польше. При таких условиях Польша не могла не потерять своего и с к л ю ч и т е л ь н о г о революционного значения.

Если П. П. С. («польская социалистическая партия», нынешние «фракции») пыталась в 1896 году «закрепить» точку зрения Маркса и н о й э п о х и, то это означало уже использование буквы марксизма против духа марксизма. Поэтому совершенно правы были польские социал-демократы, когда они выступили против националистических увлечений польской мелкой буржуазии, показали второстепенное значение национального вопроса для польских рабочих, создали впервые чисто-пролетарскую партию в Польше, провозгласили величайшей важности принцип теснейшего союза польского и русского рабочего в их классовой борьбе

Значило ли это, однако, что Интернационал в начале XX века мог признать излишним для Восточной Европы и для Азии принцип политического самоопределения наций? их права на отделение? Это было бы величайшим абсурдом, который равнялся бы (теоретически) признанию законченным буржуазно-демократическое преобразование государств: турецкого, российского, китайского;—который равнялся бы (практически) оппортунизму по отношению к абсолютизму,

Нет. Для Восточной Европы и Азии, в эпоху начавшихся буржуазно-демократических революций, в эпоху пробуждения и обострения национальных движений, в эпоху возникновения самостоятельных пролетарских партий, задача этих партий в на-

умел оценить значение польского движения, и позицию выступавшего гораздо позже украинского мещанина Драгоманова, который выражал точку зрения крестьянина, настолько еще дикого, сонного, приросшего к своей куче навоза, что, из-за законной ненависти к польскому папу, он не мог понять значения борьбы этих панов для всероссийской демократии (Ср. «Историческая Польша и всероссийская демократия» Драгоманова). Драгоманов вполне заслужил восторженные поцелуи, которыми впоследствии награждал его ставший уже национал-либералом г. П. Б. Струве,

циональной политике должна быть двусторонняя: признание права на самоопределение за всеми нациями, ибо буржуазно-демократическое преобразование еще не закончено, ибо рабочая демократия последовательно, серьезно и искренне; не по-либеральному, не по-Кокошкински отстаивает равноправие наций,—и теснейший, неразрывный союз классовой борьбы пролетариев всех наций данного государства на все и всяческие перипетии его истории, при всех и всяческих переделках буржуазией границ отдельных государств.

Именно эту двустороннюю задачу пролетариата формулирует резолюция Интернационала 1896 года. Именно такова, в ее принципиальных основах, резолюция «Летнего совещания» российских марксистов 1913 года⁵⁴). Есть люди, которым кажется «противоречивым», что эта резолюция в 4-м пункте, признавая право на самоопределение, на отделение, как будто бы «дает» максимум национализму (на деле в признании права на самоопределение всех наций есть максимум демократизма и минимум национализма),— а в пункте 5-м предостерегает рабочих против националистических лозунгов какой бы то ни было буржуазии и требует единства и слияния рабочих всех наций в интернационально-единых пролетарских организациях. Но видеть здесь «противоречие» могут лишь совсем плоские умы, не способные понять, например, почему единство и классовая солидарность шведского норвежского пролетариата в ы и г р а л и, когда шведские рабочие отстаивали свободу отделения Норвегии в самостоятельное государство.

8. Утопист Карл Маркс и практичная Роза Люксембург.

Объявляя «утопией» независимость Польши и повторяя это до тошноты часто, Роза Люксембург иронически восклицает: почему бы не ставить требование независимости Ирландии?

Очевидно, «практичной» Розе Люксембург неизвестно, как относился К. Маркс к вопросу о независимости Ирландии. На этом стоит остановиться, чтобы показать анализ конкретного требования национальной независимости с действительно-марксистской, а не оппортунистической точки зрения.

Маркс имел обыкновение «щупать зуб», как он выражался, своим знакомым социалистам, проверяя их сознательно и убе-

жденность. Познакомившись с Лопатиным, Маркс пишет Энгельсу 15 июля 1870 года в высшей степени лестный отзыв о молодом русском социалисте, но добавляет при этом:

«...Слабый пункт: П о л ь с а. По этому пункту Лопатин говорит совершенно так же, как англичанин—скажем, английский чартист старой школы—об Ирландии».

Социалиста, принадлежащего к угнетающей нации, Маркс расспрашивает об его отношении к угнетенной нации и сразу вскрывает о б щ и й социалистам господствующих наций (английской и русской) недостаток: непонимание их социалистических обязанностей по отношению к нациям подавленным, переживание предрассудков, перенятых от «великодержавной» б у р ж у а з и и.

Надо оговориться, прежде чем переходить к положительным заявлениям Маркса об Ирландии, что к национальному вопросу вообще Маркс и Энгельс относились строго критически, оценивая условно-историческое значение его. Так, Энгельс писал Марксу 23 мая 1851 года, что изучение истории приводит его к пессимистическим выводам насчет Польши, что значение Польши временное, только до аграрной революции в России. Роль поляков в истории—«смелые глупости». «Ни на минуту нельзя предположить, что Польша, даже только против России, с успехом представляет прогресс или имеет какое-либо историческое значение». В России больше элементов цивилизации, образования, индустрии, буржуазии, чем в «шляхетско-сонной Польше». «Что значит Варшава и Краков против Петербурга, Москвы, Одессы!» Энгельс не верит в успех восстания польских шляхтичей.

Но все эти мысли, в которых так много гениально-прозорливого, нисколько не помешали Энгельсу и Марксу, 12 лет спустя, когда Россия все еще спала, а Польша кипела, отнестись с самым глубоким и горячим сочувствием к польскому движению.

В 1864 году, составляя адрес Интернационала, Маркс пишет Энгельсу (4 ноября 1864 года), что приходится бороться с национализмом Мадзини. «Когда в адресе речь идет об интернациональной политике, я говорю о странах, а не о национальностях, и разоблачаю Россию, а не менее важные государства»,—пишет Маркс. По сравнению с «рабочим вопросом» подчиненное значение национального вопроса не подлежит сомнению для Маркса. Но от игнорирования национальных движений его теория далека, как небо от земли.

Наступает 1866 год. Маркс пишет Энгельсу про «Прудонскую клику» в Париже, которая «объявляет национальности бессмыслицей и нападает на Бисмарка и Гарibaldi. Как полемика с шовинизмом, эта тактика полезна и объяснима. Но когда верующие в Прудона (к ним принадлежат также мои здешние добрые друзья, Лафарг и Лонге) думают, что вся Европа может и должна сидеть тихо и смиренно на своей заднице, пока господа во Франции отменяют нищету и невежество... то они смешны». (Письмо от 7 июня 1866 г.)

«Вчера, — пишет Маркс 20 июня 1866 г., — были прения в Совете Интернационала о теперешней войне... Прения свелись, как и следовало ожидать, к вопросу о «национальностях» и о нашем отношении к нему... Представители «молодой Франции» (и е р а б о ч и е) выдвигали точку зрения, что всякая национальность и самая нация — устарелые предрассудки. Прудонистское штирнерианство... Весь мир должен ждать, пока французы созреют для совершения социальной революции... Англичане очень смеялись, когда я начал свою речь с того, что наш друг Лафарг и другие, отменившие национальности, обращаются к нам по-французски, т.-е. на языке, непонятном для $\frac{9}{10}$ собрания. Далее я намекнул, что Лафарг, сам того не сознавая, под отрицанием национальностей понимает, кажется, их поглощение образцовой французской нацией».

Вывод из всех этих критических замечаний Маркса ясен: рабочий класс меньше всего может создать себе фетиш из национального вопроса, ибо развитие капитализма не обязательно пробуждает к самостоятельной жизни все нации. Но, раз возникли массовые национальные движения, отмахнуться от них, отказаться от поддержки прогрессивного в них — значит на деле поддаться националистическим предрассудкам, именно: признать «свою» нацию «образцовой нацией» (или, добавим от себя, нацией, обладающей исключительной привилегией на государственное строительство *).

Но вернемся к вопросу об Ирландии.

*) Сравни еще письмо Маркса к Энгельсу от 3 июня 1867 г. «...С истинным удовольствием узнал из парижской корреспонденции «Times'a» о полонофильских возгласах парижан против России... Г. Прудон и его маленькая доктринерская клика — не то, что французский народ».

Всего яснее позиция Маркса по этому вопросу выражена в следующих отрывках из его писем:

«Демонстрацию английских рабочих в пользу фенианизма я старался вызвать всяческими способами... Прежде я считал отделение Ирландии от Англии невозможным. Теперь я считаю его неизбежным, хотя бы после отделения дело и пришло к федерации». Так писал Маркс в письме к Энгельсу от 2 ноября 1867 года.

В письме от 30 ноября того же года он добавлял:

«Что мы должны советовать а н г л и й с к и м рабочим? По моему мнению, они должны сделать пунктом своей программы Repeal (разрыв) союза» (Ирландии с Англией, т.-е. отделение Ирландии от Англии) — «короче говоря, требование 1783 года, только демократизированное и принаровненное к современным условиям. Это—единственно легальная форма ирландского освобождения и потому единственно возможная для принятия в программу а н г л и й с к о й партии. Опыт впоследствии должен показать, сможет ли существовать длительно простая личная уния между обеими странами...

...Ирландцам необходимо следующее:

1. Самоуправление и независимость от Англии.
2. Аграрная революция»...

Придавая громадную важность вопросу об Ирландии, Маркс читал в немецком рабочем союзе полтора часовые доклады на эту тему (письмо от 17 декабря 1867 г.).

Энгельс отмечает в письме от 20 ноября 1868 г. «ненависть к ирландцам среди английских рабочих», а почти год спустя (24 октября 1869 г.), возвращаясь к этой теме, он пишет:

«От Ирландии до России il n'y a qu'un pas (один только шаг)... На примере ирландской истории можно видеть, какое это несчастье для народа, если он поработил другой народ. Все английские подлости имеют свое происхождение в ирландской сфере. Кромвелевскую эпоху я еще должен изучать, но во всяком случае для меня несомненно, что дела и в Англии приняли бы иной оборот, если бы не было необходимости господствовать по-военному в Ирландии и создавать новую аристократию».

Мимоходом отметим письмо Маркса к Энгельсу от 18 августа 1869 г.:

«В Познани польские рабочие провели победоносную стачку благодаря помощи их берлинских товарищей. Эта борьба против

«Господина Капитала»—даже в ее низшей форме, форме стачки—покончит с национальными предрассудками посерьезнее, чем декламации о мире в устах господ буржуа».

Политика по ирландскому вопросу, которую вел Маркс в Интернационале, видна из следующего:

18 ноября 1869 г. Маркс пишет Энгельсу, что он держал речь в 1¼ часа в Совете Интернационала по вопросу об отношении британского министерства к ирландской амнистии и предложил следующую резолюцию:

Постановлено,

что в своем ответе на ирландские требования освободить ирландских патриотов г. Гладстон умышленно оскорбляет ирландскую нацию;

что он связывает политическую амнистию с условиями, одинаково унижительными и для жертв дурного правительства, и для представляемого им народа;

что Гладстон, связанный своим официальным положением, публично и торжественно приветствовал бунт американских рабовладельцев, а теперь принимается проповедывать ирландскому народу учение пассивного повиновения;

что вся его политика по отношению к ирландской амнистии является самым настоящим проявлением той «политики завоевания», разоблачением которой г. Гладстон ниспроверг министерство своих противников—тори;

что Генеральный Совет Интернациональной Ассоциации Рабочих выражает свое восхищение тем, как смело, твердо и возвышенно ведет ирландский народ свою кампанию за амнистию;

что эта резолюция должна быть сообщена всем секциям Интернациональной Ассоциации Рабочих и всем связанным с ней рабочим организациям Европы и Америки.

10 декабря 1869 г. Маркс пишет, что его доклад по ирландскому вопросу в Совете Интернационала будет построен следующим образом:

«... Совершенно независимо от всякой «интернациональной» и «гуманитарной» фразы о «справедливости к Ирландии»—ибо это само собой разумеется в Совете Интернационала—п р я м о й а б с о л ю т н ы й и н т е р е с а н г л и й с к о г о р а б о ч е г о к л а с с а т р е б у е т р а з р ы в а е г о т е п е р е ш н е й с в я з и с И р л а н д и е й. Таково мое самое глубокое убеждение, и основанное на причинах, которые я отчасти не могу раскрыть самим английским рабочим. Я долго думал, что возможно ниспровергнуть ирландский режим подъемом английского рабочего класса. Я всегда защищал этот взгляд в «Нью-Йоркской Три-

Зуне» (американская газета, в которой Маркс долго сотрудничал). Более глубокое изучение вопроса убедило меня в обратном. Английский рабочий класс ничего не поделает, пока он не избавится от Ирландии... Английская реакция в Англии коренится в порабощении Ирландии» (курсив Маркса).

Теперь читателям должна быть вполне ясна политика Маркса в ирландском вопросе.

«Утопист» Маркс так «непрактичен», что стоит за отделение Ирландии, оказавшееся и полвека спустя неосуществленным. Чем же вызвана эта политика Маркса и не была ли она ошибкой?

Сначала Маркс думал, что не национальное движение угнетенной нации, а рабочее движение среди угнетающей нации освободит Ирландию. Никакого абсолюта из национальных движений Маркс не делает, зная, что полное освобождение всех национальностей сможет дать только победа рабочего класса. Учесть наперед все возможные соотношения между буржуазными освободительными движениями угнетенных наций и пролетарским освободительным движением среди угнетающей нации (как раз та проблема, которая делает столь трудным национальный вопрос в современной России)—вещь невозможная.

Но вот обстоятельства сложились так, что английский рабочий класс подпал довольно надолго под влияние либералов, став их хвостом, обезглавив себя либеральной рабочей политикой. Буржуазное освободительное движение в Ирландии усилилось и приняло революционные формы. Маркс пересматривает свой взгляд и исправляет его. «Несчастье для народа, если он поработил другой народ». Не освободиться рабочему классу в Англии, пока не освободится Ирландия от английского гнета. Реакцию в Англии укрепляет и питает порабощение Ирландии (как питает реакцию в России порабощение ею ряда наций!).

И Маркс, проводя в Интернационале резолюцию симпатий «ирландской нации», «ирландскому народу» (умный Л. Вл., вероятно, разнес бы бедного Маркса за забвение классовой борьбы!), проповедует отделение Ирландии от Англии, «хотя бы после отделения дело и пришло к федерации».

Каковы теоретические посылы этого вывода Маркса? В Англии вообще давно закончена буржуазная революция. Но в Ирландии она не закончена; ее заканчивают только теперь, полвека спустя, реформы английских либералов. Если бы капитализм

в Англии был ниспровергнут так быстро, как ожидал Маркс сначала, то места для буржуазно-демократического, обще-национального, движения в Ирландии не было бы. Но раз оно возникло, Маркс советует английским рабочим поддержать его, дать ему революционный толчок, довести его до конца в интересах с в о е й свободы.

Экономические связи Ирландии с Англией в 60-х годах прошлого века были, конечно, еще теснее, чем связи России с Польшей, Украиной и т. п. «Непрактичность» и «неосуществимость» отделения Ирландии (хотя бы в силу географических условий и в силу необъятного колониального могущества Англии) бросались в глаза. Будучи принципиальным врагом федерализма, Маркс допускает в данном случае и федерацию *), л и ш ь б ы освобождение Ирландии произошло не реформистским, а революционным путем, в силу движения масс народа в Ирландии, поддержанного рабочим классом Англии. Не может подлежать никакому сомнению, что только такое решение исторической задачи наиболее благоприятствовало бы интересам пролетариата и быстрой общественному развитию.

Вышло иначе. И ирландский народ, и английский пролетариат оказались слабы. Только теперь жалкими сделками английских либералов с ирландской буржуазией р е ш а е т с я (пример Ольстера показывает, насколько туго) ирландский вопрос земельной реформой (с выкупом) и автономией (пока еще не введенной). Что же? Следует ли из этого, что Маркс и Энгельс были «утопистами», что они ставили «неосуществимые» национальные требования, что они поддавались влиянию ирландских националистов — мелких буржуа (мелко-буржуазный характер движения «фениев» несомненен) и т. п.?

*) Между прочим, нетрудно видеть, почему под правом «самоопределения» наций нельзя, с социал-демократической точки зрения, понимать ни федерации, ни автономии (хотя, абстрактно говоря, и то и другое подходит под «самоопределение»). Право на федерацию есть вообще бессмыслица, ибо федерация есть двусторонний договор. Ставить в свою программу защиту федерализма вообще марксисты никак не могут, об этом нечего и говорить. Что же касается автономии, то марксисты защищают не «право на» автономию, а с а м о е автономию, как общий, универсальный принцип демократического государства с пестрым национальным составом, с резким различием географических и других условий. Поэтому признавать «право наций на автономию» было бы так же бессмысленно, как и «право наций на федерацию».

Нет. Маркс и Энгельс и в ирландском вопросе вели последовательно-пролетарскую политику, действительно воспитывавшую массы в духе демократизма и социализма. Только эта политика способна была избавить и Ирландию, и Англию от полувековой затыжки необходимых преобразований и от изуродования их либералами в угоду реакции.

Политика Маркса и Энгельса в ирландском вопросе дала величайший, донныне сохранивший громадное практическое значение, образец того, как должен относиться пролетариат угнетающих наций к национальным движениям; — дала предостережение против той «холопской торопливости», — с которой мещане всех стран, цветов и языков спешат признать «утопичным» изменение границ государств, созданных насилиями и привилегиями помещиков и буржуазии одной нации.

Если бы ирландский и английский пролетариат не приняли политики Маркса, не поставили своим лозунгом отделения Ирландии, это было бы злейшим оппортунизмом с их стороны, забвением задач демократа и социалиста, уступкой английской реакции и буржуазии.

9. Программа 1903 года и ее ликвидаторы.

Протоколы съезда 1903 года, принимавшего программу российских марксистов, сделались величайшей редкостью, и громадное большинство современных деятелей рабочего движения не знакомо с мотивами отдельных пунктов программы (тем более, что далеко не все из относящейся сюда литературы пользуется благами легальности...). Поэтому остановиться на разборе интересующего нас вопроса на съезде 1903 г. необходимо.

Отметим прежде всего, что как ни скудна русская социал-демократическая литература, относящаяся к «праву наций на самоопределение», все же из нее совершенно ясно видно, что понималось это право всегда в смысле права на отделение. Г.г. Семковские, Либманы и Юркевичи, сомневающиеся в этом, объявляющие § 9 «неясным» и т. п., только по крайнему невежеству или беззаботности толкуют о «неясности». Еще в 1902 году, в «Заре» Плеханов, защищая «право на самоопределение» в проекте программы, писал, что это требование, не обязательное для буржуазных демократов, «обязательно для социал-демократов». «Если бы мы позабыли о нем, или не решились выставить его, — писал

Плеханов,— опасаясь затронуть национальные предрассудки наших современников великорусского племени, то в наших устах стал бы постыдной ложью... клич...: «пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Это — очень меткая характеристика основного довода за рассматриваемый пункт, настолько меткая, что ее недаром боязливо обходили и обходят «непомнящие родства» критики нашей программы. Отказ от данного пункта, какими бы мотивами его ни обставляли, на деле означает «постыдную» уступку в великорусскому национализму. Почему великорусскому, когда говорится о праве всех наций на самоопределение? Потому, что речь идет об отделении от великороссов. Интерес соединения пролетариев, интерес их классовой солидарности требуют признания права наций на отделение — вот что признал в цитированных словах Плеханов 14 лет тому назад; вдумавшись в это, наши оппортунисты не сказали бы, вероятно, так много вздору о самоопределении.

На съезде 1903 года, где был утвержден этот, защищавшийся Плехановым, проект программы, главная работа была сосредоточена в программной комиссии. Ее протоколы, к сожалению, не велись. А именно по данному пункту они были бы особенно интересны, ибо только в комиссии представители польских социал-демократов, Варшавский и Ганецкий, пробовали защищать свои взгляды и оспаривать «признание права на самоопределение». Читатель, который пожелал бы сравнить их доводы (изложенные в речи Варшавского и в заявлении его и Ганецкого, стр. 134 — 136 и 388 — 390 протоколов) с доводами Розы Люксембург в ее разобранной нами польской статье, увидал бы полное тождество этих доводов.

Как же отнеслась к этим доводам программная комиссия II съезда, где против польских марксистов выступал больше всего Плеханов? Над этими доводами жестоко посмеялись! Нелепость предложения русским марксистам выкинуть признание права на самоопределение наций была так ясно и наглядно показана, что польские марксисты даже не решились повторить своих доводов на полном собрании съезда!! Они покинули съезд, убедившись в безнадежности своей позиции перед высшим собранием марксистов и великорусских, и еврейских, и грузинских, и армянских.

Этот исторический эпизод имеет, само собой разумеется, очень важное значение для всякого, интересующегося серьезно с. в о е й программой. Полный разгром доводов польских марксистов в программной комиссии съезда и отказ их от попытки защищать свои взгляды на собрании съезда — факт чрезвычайно знаменательный. Роза Люксембург не даром «скромно» умолчала об этом в своей статье 1908 года — слишком уже неприятно, видимо, было воспоминание о съезде! Умолчала она и о том, до смешного неудачном, предложении «исправить» § 9 программы, которое сделали Варшавский и Ганецкий от имени всех польских марксистов в 1903 году и которого не решались (и не решатся) повторять ни Роза Люксембург, ни другие польские социал-демократы.

Но если Роза Люксембург, скрывая свое поражение в 1903 году, умолчала об этих фактах, то люди, интересующиеся историей своей партии, позаботятся о том, чтобы узнать эти факты и продумать их значение.

«...Мы предлагаем, — писали друзья Розы Люксембург съезду 1903 года, уходя с него, — следующую формулировку седьмому (теперешнему 9) пункту в проекте программы: § 7. Учреждения, гарантирующие полную свободу культурного развития всем нациям, входящим в состав государства» (стр. 390 протоколов).

Итак, польские марксисты выступали тогда с взглядами по национальному вопросу настолько неопределенными, что вместо самоопределения предлагали, по сути дела, не что иное, как псевдоним пресловутой «культурно-национальной автономии»!

Это звучит почти невероятно, но это, к сожалению, факт. На самом съезде, хотя на нем было 5 бундовцев с 5 голосами и 3 кавказца с 6 голосами, не считая совещательного голоса у Кострова, не нашлось ни е д и н о г о голоса за у с т р а н е н и е пункта о самоопределении. За добавление к этому пункту «культурно-национальной автономии» высказалось три голоса (за формулу Гольдблата: «создание учреждений, гарантирующих нациям полную свободу культурного развития») и четыре голоса за формулу Либера («право на свободу их — наций — культурного развития»).

Теперь, когда появилась русская либеральная партия, партия к.-д., мы знаем, что в е е программе заменено политическое само-

определение наций «культурным самоопределением». Польские друзья Розы Люксембург, следовательно, «б о р я с ь» с национализмом П. П. С., делали это с таким успехом, что предлагали марксистскую программу заменить л и б е р а л ь н о й программой! И они же при этом обвиняли нашу программу в оппортунизме — удивительно ли, что в программной комиссии II съезда это обвинение встречалось только смехом!

В каком смысле понимали «самоопределение» делегаты II съезда, из которых, как мы видели, не нашлось ни о д н о г о против «самоопределения наций»?

Об этом свидетельствуют три следующие выдержки из протоколов:

«М а р т ы н о в находит, что слову «самоопределение» нельзя придавать широкого толкования; оно значит лишь право нации на, обособление в отдельное политическое целое, а отнюдь не областное самоуправление» (стр. 171). Мартынов был членом программной комиссии, в которой были опровергнуты и осмеяны доводы друзей Розы Люксембург. По взглядам своим Мартынов был тогда экономистом, ярким противником «Искры», и если бы он выразил мнение, не разделявшееся большинством программной комиссии, он был бы, конечно, опровергнут.

Гольдблат, бундовец, взял слово первым, когда на съезде обсуждался, после коммиссионной работы, § 7 (теперешний 9) программы.

«Против «права на самоопределение»,—говорил Гольдблат,—ничего возразить нельзя. В случае, если какая-либо нация борется за самостоятельность, то противиться этому нельзя. Если Польша не захочет вступить в законный брак с Россией, то ей не мешать, как выразился тов. Плеханов. Я соглашаюсь с таким мнением в этих пределах» (стр. 175 — 176).

Плеханов вовсе не брал слова на полном собрании съезда по данному пункту. Гольдблат ссылается на слова Плеханова в программной комиссии, где «право на самоопределение» было подробно и популярно разъясняемо в смысле права на отделение. Либер, говоривший после Гольдבלата, заметил:

«Конечно, если какая-либо национальность не в состоянии жить в пределах России, то ей Партия препятствовать не будет» (стр. 176).

Читатель видит, что на II съезде партии, принявшем программу, не было двух мнений по вопросу о том, что самоопреде-

легкие значит «лишь» право на отделение. Даже бундовцы усвоили себе тогда эту истину, и только в наше печальное время продолжающейся контр-революции и всяческого «отречеиства» нашлись смелые своим невежеством люди, которые объявили программу «ищейской». Но, прежде чем уделять время этим печальным «тоже-социал-демократам», покончим с отношением к программе поляков.

На второй (1903 г.) съезд они пришли с заявлением о необходимости и настоятельности объединения. Но со съезда они ушли после «неудач» в программной комиссии, и п о с л е д н и м с л о в о м их было письменное заявление, напечатанное в протоколах съезда и содержащее приведенное выше предложение з а м е н и т ь самоопределение культурно-национальной автономией.

В 1906 году польские марксисты вошли в партию, при чем вивходя в нее, н и е д и н о г о р а з а после (ни на съезде 1907 г., ни на конференциях 1907 и 1908 г.г., ни на пленуме 1910 года) о н и не вносили ни одного предложения об изменении № 9 российской программы!!

Это — факт.

И это факт доказывает наглядно, вопреки всяким фразам и уверениям, что друзья Розы Люксембург сочли исчерпывающими вопрос прения в программной комиссии II съезда и решение этого съезда, что они молча сознали свою ошибку и исправили ее, когда в 1906 году вошли в партию, после ухода со съезда в 1903 году, ни разу не попытавшись п а р т и й н ы м путем поднять вопроса о пересмотре § 9 программы.

Статья Розы Люксембург появилась за ее подписью в 1908 году — разумеется, ни единому человеку не приходило никогда и в голову отрицать право партийных литераторов на критику программы—и п о с л е этой статьи равным образом н и о д н о официальное учреждение польских марксистов не поднимало вопроса о пересмотре § 9.

Поэтому поистине медвежью услугу оказывает некоторым поклонникам Розы Люксембург Троцкий, когда, от имени редакции «Борьбы», пишет в № 2 (март 1914 г.):

«...Польские марксисты считают «право на национальное самоопределение» совершенно лишенным политического содержания и подлежащим удалению из программы» (стр. 25).

Услужливый Троцкий опаснее врага! Ни откуда, как из «частных разговоров» (т.-е. по-просту сплетен, которыми всегда

живет Троцкий), он не мог позаимствовать доказательств для зачисления «польских марксистов» вообще в сторонников каждой статьи Розы Люксембург. Троцкий выставил «польских марксистов» людьми без чести и совести, не умеющими даже уважать свои убеждения и программу своей партии. Услужливый Троцкий!

Когда в 1903 году представители польских марксистов ушли и з - з а права на самоопределение со II съезда, т о г д а Троцкий мог сказать, что они считали это право лишенным содержания и подлежащим удалению из программы.

Но после этого польские марксисты в о ш л и в партию, имевшую такую программу, и ни разу не внесли предложения о пересмотре ее *).

Почему умолчал Троцкий об этих фактах перед читателями своего журнала? Только потому, что ему выгодно спекулировать на разжигании разногласий между польскими и русскими противниками ликвидаторства и обманывать русских рабочих по вопросу о программе.

Никогда еще ни по одному серьезному вопросу марксизма Троцкий не имел прочных мнений, всегда «пролезая в щель» тех или иных разногласий и перебегая от одной стороны к другой. В данный момент он находится в компании бундовцев и ликвидаторов. Ну, а эти господа с партией не церемонятся.

Вот вам бундовец Либман.

Когда российская социал-демократия,—пишет сей джентльмен,—15 лет тому назад в своей программе выставила пункт о праве каждой национальности на «самоопределение», то всякий (!!) себя спрашивал: что собственно означает это модное (!!) выражение? На это ответа не было (!!). Это слово осталось (!!) окруженным туманом. В действительности в то время было трудно рассеять этот туман. Не пришло еще время, чтобы можно было конкретизировать этот пункт,—говорили в то время,—пусть он теперь останется в тумане (!!), и сама жизнь покажет, какое содержание вложить в этот пункт.

Не правда ли, как великолепен этот «мальчик без штанов», издавающийся над партийной программой?

А почему он издевается?

*) Нам сообщают, что на летнем 1913 г. совещании российских марксистов польские марксисты участвовали т о л ь к о с совещательным голосом и по вопросу о праве на самоопределение (на отделение) не голосовали совсем, высказываясь против такого права вообще. Разумеется, они имели полное право поступать так и агитировать по-прежнему в Польше против ее отделения. Но это не совсем то, о чем говорит Троцкий, ибо «удаления из программы» параграфа 9 польские марксисты не требовали.

Только потому, что он круглый невежда, который ничему не учился, не почитал даже по истории партии, а просто попал в ликвидаторскую среду, где «принято» ходить нагишом в вопросе о партии и партийности.

У Помяловского бурсак хвастает тем, как он «наплевал в кадушку с капустой». Г.г. буйдисты пошли вперед. Они выпускают Либманов, чтобы сии джентльмены публично плевали в собственную кадушку. Что было какое-то решение международного конгресса, что на съезде собственной партии двое представителей собственного Бунда обнаружили (уже на что были «строгие» критики и решительные враги «Искры»!) полную способность понять смысл «самоопределения» и даже соглашались с ним, какое дело до всего этого г.г. Либманам? И не легче ли будет ликвидировать партию, если «публицисты партии» (не шутите!) будут по-бурсацки обращаться с историей и с программой партии?

Вот вам второй «мальчик без штанов», г. Юркевич из «Дзвіна». Г. Юркевич, вероятно, имел в руках протоколы II съезда, потому что он цитирует слова Плеханова, воспроизведенные Гольдблатом, и обнаруживает знакомство с тем, что самоопределение может значить лишь право на отделение. Но это не мешает ему распространять среди украинской мелкой буржуазии клевету про русских марксистов, будто они стоят за «государственную целостность» (1913, № 1 — 8, стр. 83 и другие) России. Конечно, лучшего способа, чем эта клевета, для отчуждения украинской демократии от великорусской г.г. Юркевичи придумать не могли. А такое отчуждение лежит по линии всей политики литературской группы «Дзвіна», проповедующей в ы д е л е н и е украинских рабочих в о с о б у ю национальную организацию! *)

Группе националистических мещан, раскалывающих пролетариат, — именно такова объективная роль «Дзвіна» — вполне пристало, конечно, распространение безбожной путаницы по национальному вопросу. Само собой разумеется, что г.г. Юркевичи и Либманы, — которые «ужасно» обижаются, когда их называют «около - партийными», — ни слова, буквально ни единого словечка не сказали о том, как же о н и хотели бы решить в программе вопрос о праве на отделение?

*) См. в особенности предисловие г. Юркевича к книге г. Левинского: «Нарис розвитку українського робітничого руху в Галичині». Київ 1914.

Вот вам третий и главный «мальчик без штанов», г. Семковский, который на страницах ликвидаторской газеты перед великорусской публикой «разносит» § 9 программы и в то же время заявляет, что он «не разделяет по некоторым соображениям предложения» об исключении этого параграфа!!

Невероятно, но факт.

В августе 1912 года конференция ликвидаторов официально поднимает национальный вопрос. За полтора года ни единой статьи, кроме статьи г. Семковского, по вопросу о § 9. И в этой статье автор опровергает программу, «не разделяя по некоторым (секретная болезнь, что ли?) соображениям» предложения исправить ее!! Можно ручаться, что во всем мире нелегко найти примеры подобного оппортунизма и хуже чем оппортунизма, отречения от партии, ликвидации ее.

Каковы доводы Семковского, достаточно показать на одном примере:

Как быть,—пишет он, если польский пролетариат захочет в рамках одного государства вести совместную борьбу со всем российским пролетариатом, а реакционные классы польского общества, напротив, захотели бы отделить Польшу от России и собрали бы при референдуме (общем опросе населения) большинство голосов в пользу этого: должны ли бы мы, русские социал-демократы, голосовать в центральном парламенте вместе с нашими польскими товарищами *п р о т и* в отделении или, чтобы не нарушать «права на самоопределение», за отделение?.. («Новая Рабочая Газета» № 71).

Отсюда видно, что г. Семковский не понимает даже, *о чем* *р е ч ь*! Он не подумал, что право на отделение предполагает решение вопроса как раз не центральным парламентом, а только парламентом (сеймом, референдумом и т. п.) *отделяющей* с я области.

Детским недоумением «как быть», если при демократии большинство за реакцию, заслоняется вопрос реальной, *настоящей*, живой политики, когда *и* Пуришкевичи, *и* Кокошкины считают преступной даже мысль об отделении! Вероятно, пролетариям *в с е й* России надо вести борьбу не с Пуришкевичами и Кокошкиными сегодня, а, минуя их, с реакционными классами Польши!!

И подобный невероятный вздор пишут в органе ликвидаторов, в котором одним из идейных руководителей является г. Л. Мартов. Тот самый Л. Мартов, который составлял проект программы и проводил его в 1903 году, который и позже писал в защиту

свободы отделения. Л. Мартов рассуждает теперь, видимо, по правилу:

Туда умного не падо,
Вы пошлите-ка Реада,
А я посмотрю.

Он посылает Реада - Семковского и позволяет в ежедневной газете перед новыми слоями читателей, не знающих нашей программы, извращать ее и путать без конца!

Да, да, ликвидаторство далеко зашло, — от партийности у очень многих, даже видных бывших социал-демократов не осталось и следа.

Розу Люксембург, конечно, нельзя приравнивать к Либманам, Юркевичам, Семковским, но тот факт, что именно подобные люди уцепились за ее ошибку, доказывает с особенной наглядностью, в какой оппортунизм она впала.

10. Заключение.

Подведем итоги.

С точки зрения теории марксизма вообще, вопрос о праве самоопределения не представляет трудностей. Серьезно не может быть и речи ни об оспаривании Лондонского решения 1896 года, ни о том, что под самоопределением разумеется лишь право на отделение, ни о том, что образование самостоятельных национальных государств есть тенденция всех буржуазно-демократических переворотов.

Трудность создает до известной степени то, что в России борется и должен бороться рядом пролетариат угнетенных наций и пролетариат угнетающей нации. Отстоять единство классовой борьбы пролетариата за социализм, дать отпор всем буржуазным и черносотенным влияниям национализма — вот в чем задача. Среди угнетенных наций выделение пролетариата в самостоятельную партию приводит иногда к такой ожесточенной борьбе с национализмом данной нации, что перспектива извращается и забывается национализм угнетающей нации.

Но такое извращение перспективы возможно лишь ненадолго. Опыт совместной борьбы пролетариата разных наций слишком ясно показывает, что не с «краковской», а с общероссийской точки зрения должны мы ставить политические вопросы. А в общероссийской политике господствуют Пуришкевичи и Кокошкины.

Их идеи царят, их травля инородцев за «сепаратизм», за мысли об отделении проповедуется и ведется в Думе, в школах, в церквях, в казармах, в сотнях и тысячах газет. Вот этот, великорусский, яд национализма отравляет всю общероссийскую политическую атмосферу. Несчастье народа, который поработщает другие народы, укрепляет реакцию во всей России. Воспоминания 1849 и 1863 годов составляют живую политическую традицию, которая, если не произойдут бури очень большого масштаба, еще долгие десятилетия грозит затруднять всякое демократическое и о с о б е н ы о социал-демократическое движение.

Не может быть сомнения, что, как бы естественна ни казалась подчас точка зрения некоторых марксистов угнетенных наций («несчастье» которых состоит иногда в ослеплении масс населения идеей «своего» национального освобождения), на деле, по объективному соотношению классовых сил в России, отказ от защиты права на самоопределение равняется злейшему оппортунизму, заражению пролетариата идеями Кокошкиных. А эти идеи суть, в сущности, идеи и политика Пуришкевичей.

Поэтому, если точка зрения Розы Люксембург могла быть оправдываема в начале, как специфическая польская, «краковская» узость *), то в настоящее время, когда всюду усилился национализм и прежде всего национализм правительственный, великорусский, когда он направляет политику, — подобная узость становится уже непростительной. На деле за нее цепляются оппортунисты в с е х наций, чуждающиеся идеи «бурь» и «скачков», признающие оконченным буржуазно-демократический переворот, тянущиеся за либерализмом Кокошкиных.

Национализм великорусский, как и всякий национализм, переживает различные фазы, смотря по главенству тех или иных классов в буржуазной стране. До 1905 года мы знали почти только национал-реакционеров. После революции у нас родились н а ц и о н а л - л и б е р а л ы.

*) Нетрудно понять, что признание марксистами в с е й Р о с с и и и в первую голову великороссами п р а в а наций на отделение несколько не исключает а г и т а ц и и против отделения со стороны марксистов той или иной у г н е т е н н о й нации, как признание права на развод не исключает агитации в том или ином случае против развода. Мы думаем поэтому, что будет неизбежно расти число польских марксистов, которые станут смеяться над несуществующим «противоречием», ныне «подогреваемым» Семковским и Троцким.

На этой позиции стоят у нас фактически и октябристы и кадеты (Кокошкин), т.-е. вся современная буржуазия.

А дальше неизбежно рождение великорусских национал-демократов. Один из основателей «народно-социалистической» партии г. Пешехонов уже выразил эту точку зрения, когда звал (в августовской книжке «Русского Богатства» за 1906 год) к осторожности по отношению к националистическим предрассудкам мужика. Сколько бы ни клеветали на нас, большевиков, будто мы «идеализируем» мужика, но мы всегда строго отличали и будем отличать мужицкий рассудок от мужицкого предрассудка, мужицкий демократизм против Пуришкевича и мужицкое стремление примириться с попом и помещиком.

С национализмом великорусских крестьян пролетарская демократия должна считаться (не в смысле уступок, а в смысле борьбы) уже теперь и будет считаться, вероятно, довольно долго *). Пробуждение национализма в угнетенных нациях, столь сильно сказавшееся после 1905 года (напомним хотя бы группу «автономистов-федералистов» в I Думе, рост украинского движения, мусульманского движения и т. д.), — неизбежно вызовет усиление национализма великорусской мелкой буржуазии в городах и в деревнях. Чем медленнее пойдет демократическое преобразование России, тем упорнее, грубее, ожесточеннее будет национальная травля и грызня буржуазии разных наций. Особая реакционность русских Пуришкевичей будет порождать (и усиливать) при этом «сепаратистские» стремления среди тех или других угнетенных наций, иногда пользующихся гораздо большей свободой в соседних государствах.

*) Было бы интересно проследить, как видоизменяется, например, национализм в Польше, превращаясь из шляхетского в буржуазный и затем в крестьянский. Людвиг Бернгард в своей книге «Das polnische Gemeinwesen im preussischen Staat» («Поляки в Пруссии»; есть русский перевод), стоя сам на точке зрения немецкого Кокошкина, описывает чрезвычайно характерное явление: образование своего рода «крестьянской республики» поляков в Германии в виде тесного сплочения всяческих кооперативов и прочих союзов польских крестьян в борьбе за национальность, за религию, за «польскую» землю. Немецкий гнет сплотил поляков, обособил их, пробудив национализм сначала шляхты, потом буржуа, наконец крестьянской массы (особенно после начавшегося в 1873 году похода немцев против польского языка в школах). К этому идет дело и в России и по отношению к одной только Польше.

Такое положение вещей ставит пролетариату России двоякую или, вернее, двустороннюю задачу: борьбу со всяким национализмом и в первую голову с национализмом великорусским; признание не только полного равноправия всех наций вообще, но и равноправия в отношении государственного строительства, т.-е. права наций на самоопределение, на отделение; — а наряду с этим, и именно в интересах успешной борьбы со всяческим национализмом всех наций, отстаивание единства пролетарской борьбы и пролетарских организаций, теснейшего слияния их в интернациональную общность, вопреки буржуазным стремлениям к национальной обособленности.

Полное равноправие наций, право самоопределения наций, слияние рабочих всех наций — этой национальной программе учит рабочих марксизм, учит опыт всего мира и опыт России.

Статья была уже набрана, когда я получил № 3 «Нашей Рабочей Газеты», где г. Вл. Коссовский пишет о признании права на самоопределение за всеми нациями:

«Будучи механически перенесено из резолюции I съезда партии (1898 г.), который в свою очередь заимствовал его из решений международных социалистических конгрессов, оно, как видно из дебатов, понималось съездом 1903 года в том же смысле, какой в него вкладывал социалистический Интернационал: в смысле политического самоопределения, т.-е. самоопределение нации в направлении политической самостоятельности. Таким образом формула национального самоопределения, обозначая право на территориальное обособление, совершенно не касается вопроса о том, как урегулировать национальные отношения в н у т р и данного государственного организма для национальностей, не могущих или не желающих уйти из существующего государства».

Отсюда видно, что г. Вл. Коссовский имел в руках протоколы II съезда 1903 года и прекрасно знает действительный (и единственный) смысл понятия самоопределения. Сопоставьте с этим тот факт, что редакция бундовской газеты «Цайт» выпускает г. Либмана для издевательств над программой и объявления ее неясной!! Странные «партийные» нравы у г.г. бундовцев... Почему Коссовский объявляет принятие съездом самоопределения м е х а н и ч е с к и м перенесением, «Аллах ведает». Бывают люди, которым «хочется возразить», а что, как, почему, зачем, это им не дано.

*«Просвещение» № 4 (апрель), № 5 (май)
и № 6 (июнь) за 1914 год.
За подписью В. Ильича.*

Ликвидаторы и биография Малиновского.

В своих многочисленных статьях по поводу ухода Малиновского ликвидаторы, между прочими клеветами, утверждают, что Малиновского выдвинуло на видный пост только «раскольничество» правдивост, что Малиновский—политический «флюгер» и пр. и т. п.

Ниже мы приводим слово в слово редакционную статью ликвидаторской газеты «Луч», помещенную ликвидаторами на второй день после выборов Малиновского в Гос. Думу, т.-е. тогда, когда ликвидаторам еще не надо было унижаться до площадной лжи в борьбе с противником.

Вот эта статья полностью («Луч» от 28 октября 1912 г., № 37):

Р. В. Малиновский.

(Депутат от московских рабочих.)

Депутатом от рабочих по Московской губернии избран бывший секретарь союза петербургских металлистов Роман Малиновский. В его лице думская социал-демократическая фракция впервые приобретает видного практика профессионального движения, в самые тяжелые годы реакции принимавшего живое участие в открытых рабочих организациях.

Членом союза Малиновский состоял со дня его основания 1 мая 1906 г. В начале 1907 года он был избран секретарем союза и бессменно состоял в этой ответственной должности до ноября 1909 года, когда был арестован на подготовительном, собрании первой рабочей делегации на антиалкогольный съезд. Высылка из Спб. прервала его активное участие в союзной работе, но идейная связь с организацией сохранилась по-прежнему.

Годы секретарской деятельности Малиновского были тем периодом в жизни союза, когда приходилось бороться не только с тяжелыми внешними условиями, но и с апатией самих рабочих. Личный пример Малиновского мог служить острым оружием против этого «внутреннего врага».

Его энергии, казалось, не знала усталость. Он с одинаковой горячностью брался и за ответственное дело руководства стачкой, и за кропотливую работу по организационному строительству.

И что самое главное—эту повседневную работу Малиновский всегда стремился связать с общими задачами рабочего движения в борьбе за вопросы дня, не упуская из виду конечной цели.

Много времени и сил брала у Малиновского союзная работа. И все-таки он не замыкался только в ней: в той или иной степени он участвовал во всех рабочих выступлениях последних лет. Он был делегатом от петербургских рабочих на кооперативном съезде в Москве в 1908 г. На Пасхе 1909 г. он представлял Спб. металлистов на 1-м съезде фабричных врачей, где выступил с докладом о страховании на случай старости и инвалидности. Металлисты же делегировали его и на анти-алкогольный съезд, но арест устранил его от участия в съезде.

В Москве деятельность Малиновского поневоле сузилась. Но и здесь он не сидел сложа руки: он принимал участие в подготовке ко второму съезду фабричных врачей, близко стоял одно время к рабочей кооперации и т. д.

Политическое рабочее движение также всегда живо интересовало нового московского депутата.

По убеждениям своим он большевик. Но это не помешало ему в 1908 г. во имя единства профессионального движения выступить против своих единомышленников, когда они после Лондонского съезда стали добиваться представительства партии в правлениях союзов. Это не помешало ему на 1-м съезде фабричных врачей во имя единства рабочей делегации выступить против дезорганизаторского поведения московских большевиков.

Можно смело надеяться, что деятельность и на политическом поприще будет столь же плодотворна, как и в области профессионального движения нового рабочего депутата.

В таких почетных выражениях писали сами ликвидаторы о большевике Малиновском 2 года тому назад. Да и могло ли быть иначе после работы Малиновского, прошедшей перед всеми рабочими? Да же ликвидаторы, уже и тогда его политические враги, не могли отказать ему в огромном уважении. Они говорят об его предыдущей работе, выдвинувшей его уже тогда, в самых лестных для Малиновского выражениях. Они ставят его в пример другим. О «флюгерстве» нет и речи. Не изобретена еще и сказка, будто он прошел в Думу, как кандидат ликвидаторского «единства».

Через пару недель происходит первое собрание объединенной с.-д. думской фракции. Малиновского сами ликвидаторы единогласно выбирают товарищем председателя думской фракции, точно так же как раньше они же поддерживали его кандидатуру в председатели рабочих делегаций на общественных съездах (например, съезд фабрично-заводских врачей) и т. п. Виднейший

«августовец» (столп нынешнего журнала «Борьба») после выборов в Думу пишет Малиновскому архи-лестные для последнего письма, называя его чуть не будущим Бебелем.

А когда Малиновский оказался резким противником ликвидаторства, когда он сделал шаг, который сам же вскоре должен был признать глубоко ошибочным,—нет такой грязной клеветы, которой ликвидаторы не подобрали бы в мусорной куче черносотенных газет и не бросили бы в бывшего депутата, которого они же осыпали похвалами.

Что Малиновский при его политической биографии и его таланте играл бы видную роль в любой фракции, что ликвидаторы посадили бы его под образа, если бы он солидаризировался с ними—это все знают. А ликвидаторы не стыдятся говорить, что Малиновского выдвинул «раскол».

С т ы д н о за людей, когда видишь, что личное несчастье одного человека пытаются использовать для борьбы с враждебным политическим направлением. Мы не хотим сравнивать Малиновского с Хрусталевым. Но что сказали бы ликвидаторы, если бы их политические противники после случившегося с Хрусталевым стали на основании судьбы этого отдельного человека позорить меньшевизм и «использовать» случай Хрусталева против всего меньшевистского направления? А ведь известно, что Хрусталева был меньшевиком, выступал их видным представителем на Лондонском конгрессе, в печати и т. д., известно, что в свое время меньшевики гордились Хрусталевым.

У «правдивост» нет недостатка в политических противниках. Но н и о д н а враждебная газета—исключая разве только дубровинцев и газеты Пуришкевича—не дошла до тех низостей, до которых опустилась в эти дни ликвидаторская газета. Даже либералы вели себя несравненно приличнее.

Наговорить про противника самых невероятных мерзостей, а кончить велеречивым призывом к... единству с этим же самым оклеветанным противником. Такова фальшивая, недостойная, презренная тактика всех этих Мартовых и Данов.

Их омерзительное поведение в связи с уходом Малиновского должно раскрыть глаза даже слепым.

«Рабочий» № 2

от 22 мая 1914 г.

За подписью Правдивост.

Помещики и крестьяне.

В России 10 миллионов крестьянских дворов владеют 70 миллионами десятин земли и столько же миллионов десятин находится во владении 30.000 помещиков.

30.000 помещиков имеют столько же земли, сколько 10 миллионов крестьянских семей.

Немудрено при этих обстоятельствах, что объединенное дворянство прилагает все силы к тому, чтобы помешать крестьянству выбиться к свету и знанию, что оно становится на дороге всякой реформе, способной поднять хоть мало-мальски состояние крестьян.

Еще III Дума, октябристская, т.-е. очень и очень далекая от крестьянских интересов, выработала закон о волостном земстве. С точки зрения демократии проект этот никуда не годится. Но по этому закону деревня должна была получить некоторую долю самоуправления и на дворян возлагались некоторые налоги.

Представители дворянства в Государственном Совете на днях отвергли этот закон, даже не приступив к его подробному рассмотрению.

Закон, дающий деревне некоторую самостоятельность и привлекающий дворянские поместья к налоговым тяготам—нам не нужен, заявило большинство Государственного Совета.

Руководители дворян-помещиков заявили прямо: «85 миллионов русского народа—крестьян некультурных, незрелых, неспособных к бескорыстному служению—они не способны к созидательной работе».

Услышавши это заявление, даже один из помещиков—граф Уваров—не удержался, и в самом Государственном Совете объявил, что это—«обида незаслуженная, несмываемое оскорбление крестьянству».

На деле тут, конечно, оскорбления никакого нет, а есть просто стремление помещиков охранить свои права и привилегии от крестьянской многомиллионной массы.

Вожьд правых помещиков в простых выражениях пояснил, почему они не хотят дать крестьянству волостное земство. Он говорил так:

«Новый законопроект передает все волостное хозяйство и всё управление волостью в руки крестьян, которые только восемь лет назад громили землевладельцев и которые до настоящего времени хранят в себе земельные вожделения за счет помещиков».

Это—первое. Сказано ясно: никаких реформ мы крестьянам не дадим, потому что в крестьянах мы видим класс враждебный себе.

Вторая причина отказа в крестьянской реформе тоже высказана была ясно. Если отдать волость в руки крестьян, то—по заявлению того же вождя правых—«они будут стремиться всеми способами перенести тяжесть налогов на состоятельное меньшинство», т.-е. на помещичьи имения.

Классовая корысть тут проглядывала так ясно, что в Гос. Совете нашелся помещик, который это и разоблачил. «Мы, помещики,—заявил он,—живем в податном раю, ибо нигде в мире имения не обложены так мало, как у нас». «Что же,—спрашивал этот помещик:—разве крестьяне богаче нас? Их имущество разве может вынести новое обложение?»

Этот помещик оказался поосторожнее других. Он говорил, что крестьяне все больше и все дальше уходят от руководства дворян, от повиновения им, что деревня теперь уже не старая послушная, забитая деревня, что она начинает разбираться в положении дел и что, поэтому, нельзя ее дразнить прямым отказом в удовлетворении ее самых насущных требований.

Он предлагал дворянам хоть в чем-нибудь уступить, чтобы деревня «еще больше не озлобилась», чтобы она совсем не потеряла надежд на дворян.

Но громадное большинство дворян с этим не согласилось и закон отвергло.

Все должно остаться по-старому,—заявило большинство Гос. Совета. Мы живем в раю, и до этого рая притронуться не позволим.

Так рассудили вопрос о крестьянской нужде в Государств. Совете.

*«Рабочий» № 3
от 24 мая 1914 г.
Без подписи автора.*

О двух путях.

Недавно вождь кавказских ликвидаторов Ан в статье, обращившей на себя внимание сознательных рабочих, заявил о своем несогласии с «Лучем» и его преемниками, с их о п п о р т у н и с т и ч е с к о й тактикой.

Это заявление равняется р а с п а д у «августовского блока»—никакие увертки и выходки не опровергнут этого факта.

Но в данную минуту мы хотели бы остановить внимание читателей на другом, именно на рассуждении Ана о двух путях развития России. Ан пишет:

«Л у ч» свою тактику связывает с возможностью реформ, держит курс на реформы. «П р а в д а» свою тактику связывает с «бурей», держит курс на ломку.

Ан делает отсюда вывод: надо соединить о б е тактики. Вывод никуда не годится. Вывод не марксистский.

Разберемся.

Чем определяется п у т ь России, характер и быстрота ее развития?

Соотношением общественных сил, равнодействующей классовой борьбы.

Это очевидно.

Какие общественные силы действуют в России? Какова линия классовой борьбы?

Россия есть капиталистическая страна; она не может не развиваться капиталистически. Теперь Россия переживает буржуазно-демократическое преобразование, освобождение от крепостничества, раскрепощение. В обстановке всемирного капитализма раскрепощение России неизбежно. Неизвестно пока лишь то, какова будет равнодействующая социальных сил, стремящихся к раскрепощению. Силы эти, главным образом, следующие: 1) буржуазный монархический либерализм (капиталисты и частью помещики партий прогрессистской, кадетской, частью октябристской); 2) буржуазная демократия (крестьянство, городское мещанство, интеллигенция и т. п.); 3) пролетариат.

Каждый из этих классов действует—мы берем, конечно только действия масс—по линии, определяемой экономическим

положением каждого класса. Равнодействующая будет и может быть только одна.

В каком же смысле можно говорить о двух путях России? Только в том смысле, что мы не знаем и до исхода борьбы не узнаем этой равнодействующей, которая пройдет ближе к одной из двух наиболее простых, ясных и сразу для всех видных линий. Первая линия—«реформы», вторая—«буря».

Реформами называются такие перемены, которые не отнимают власти в государстве из рук старого господствующего класса. Перемены противоположного характера называются «бурей». Классовые интересы буржуазного либерализма требуют только реформ, ибо буржуазия боится «бури» больше, чем реакции, буржуазия хочет сохранить старые, крепостнические учреждения (бюрократию, две палаты и пр. и пр.) для защиты против рабочих. Крестьянство во всех без исключения странах мира, в России в том числе, колеблется при буржуазно-демократическом преобразовании между буржуазией и пролетариатом. Такие колебания неизбежны, ибо крестьяне—противники помещиков и крепостничества, но в то же время сами мелкие хозяйчики, мелкие буржуа.

Что касается пролетариата, то его интересы, совпадающие с интересами громадного большинства населения, всех эксплуатируемых, идут по пути не реформистскому, пути, который в России характеризуется известными «тремя китами».

Если большинство крестьян и населения пойдет за либералами, «путь» будет из наихудших, наименее выгодный для рабочих и эксплуатируемых, наиболее мучительный для них. Если большинство крестьян и населения пойдет за рабочими,—получится обратное. Ту или иную равнодействующую вполне раскроет только окончательный исход борьбы.

Теперь мы видим, каков действительный смысл неясного и сбивчивого рассуждения Ана, который скорее почувствовал, чем понял оппортунизм ликвидаторов и их измену рабочему классу.

Ликвидаторы—реформисты. Они ведут на деле либеральную, а не марксистскую, рабочую политику, ведут рабочих к подчинению буржуазии.

«Правдисты» ведут марксистскую, пролетарскую политику, отстаивая интересы рабочего класса в преобразовании России. Не упускают ли «правдисты» из виду использование реформ? На это легко ответить ссылкой на факты. Возьмите действительную,

а не выдуманную, реформу, страхование. Всякий видит, что правдисты вдесятеро крепче «уцепились» за нее, чем ликвидаторы: смотри «Вопросы Страхования» и итоги выборов в Всероссийский Страховой Совет.

Возьмите «частичные требования» экономической борьбы при стачках. Всякий знает, что правдисты в 1.000 раз больше и энергичнее ведут эту настоящую, а не выдуманную кампанию.

Если бы была такая группа, которая отрицала бы использование реформ и частичных улучшений, с ней **нельзя** бы было соединяться: это была бы вредная для рабочих, не марксистская, политика.

Нельзя соединяться и с ликвидаторами, ибо отрицание и брань «подполья», отрицание и отодвигание двух «житов», провозглашение в современной России борьбы за открытую партию и возможности политических реформ—все это есть измена рабочему классу, переход на сторону буржуазии.

Правдисты «держат курс на бурю или ломку», по выражению Ана, не упуская—это говорят факты—ни единой, ни малейшей возможности действительных реформ и частичных улучшений и разъяняя массам лживость реформизма. Такая тактика—единственно правильная, единственно марксистская, и потому ее приняли в громадном, подавляющем большинстве (это доказали факты, числа рабочих групп) сознательные рабочие всей России.

Только сторонники мелкс-буржуазной демократии, народники и ликвидаторы, тщетно борются про-ив рабочих, против «правдизма».

*«Рабочий» № 3
от 24 мая 1914 г.
Без подписи автора.*

Ясность прежде всего!

(К вопросу об единстве.)

1. О людях, имеющих два мнения.

Можно ли говорить серьезно с людьми, явно не умеющими отнестись серьезно к серьезным вопросам? Трудно, товарищи, очень трудно! Однако вопрос, о котором не умеют серьезно говорить некоторые люди, сам-то по себе настолько серьезен, что не вредно разобрать даже явно несерьезные ответы на него.

Серьезный вопрос — это вопрос об единстве русского рабочего движения. Люди, не умеющие серьезно к нему отнестись, — это сотрудники газеты «Единство».

Вот вам первый пример. В № 4 «Единства» помещена беседа с депутатом Чхеидзе. Редакция «Единства» надеется, что эта беседа послужит «на пользу объединения русского рабочего класса». Очень хорошо. Но посмотрим, что же сказал Чхеидзе об организационных и тактических вопросах, интересующих русских рабочих.

Чхеидзе выразился так: «Лично я вполне разделяю тактические и организационные взгляды, развитые в последнее время в печати товарищем Аном».

Какие же взгляды развивал в последнее время в печати тов. Ан?

Что он говорил, например, по поводу взглядов лучистов, ликвидаторов тож?

Ан — видный меньшевик и противник «правдизма» — развивал «в последнее время в печати» тот взгляд, что «ликвидаторы держат курс на реформы», что их взгляд на подполье, на стачки, на «неурезанные лозунги» и пр. неразрывно связан с их общим реформизмом, что, если бы рабочие прислушивались к их советам, то рабочие провинции должны были бы воздержаться от забастовок и т. д.

Эти взгляды Ана означали, что он начинает освобождаться от ликвидаторского плена, и это начало освобождения мы приветствовали.

Ныне Чхеидзе заявляет, что он «вполне» разделяет эти взгляды Ана. Приятно слышать. Познание сущности ликвидаторства и прямое отречение от него есть начало премудрости, — не так ли? И мы готовы были бы приветствовать столь долго заставившее себя ждать прозрение деп. Чхеидзе насчет роли ликвидаторства, как течения.

Но к серьезному вопросу следует относиться серьезно, а поэтому полезно справиться не только с заявлениями Чхеидзе в «Единстве», но и с его делами.

В деле единства громадное значение мог сыграть ответ с.-д. думской фракции (председателем которой состоит деп. Чхеидзе) Р. С.-Д. Р. Фракции на предложенные последней условия единства.

Этот ответ появился не очень давно: в № 2 «Нашей Рабочей Газеты», в виде обращения к рабочим,

В этом обращении к рабочим деп. Чхеидзе и его единомышленники отвечают, между прочим, и на вопрос об их отношениях к ликвидаторству в лице органа последнего, которым тогда была «С. Р. Газета».

«Что касается марксистской «С.Р. Газеты», — пишет деп. Чхеидзе и его друзья, — то наше отношение к ней определяется нашей полной солидарностью с ее направлением».

Итак, деп. Чхеидзе в официальном обращении к рабочим заявляет о своей «полной солидарности» с направлением ликвидаторской газеты, а в беседе в «Единстве» свидетельствует, что «вполне разделяет» взгляды Ана, критикующего эту газету, как орган реформистов, играющих роль вредного тормоза в современном рабочем движении.

Допустимо ли это? Знаменует ли это серьезное отношение к серьезному вопросу? Может ли деп. Чхеидзе сказать что-либо серьезное по вопросу об единстве с ликвидаторами, если он сам на протяжении 2 месяцев умудрился высказать об ликвидаторах два диаметрально противоположные взгляда?

Но, — скажут нам, — вероятно, деп. Чхеидзе в тот момент, когда составлялся «Гласный ответ с.-д. фракции», еще не был знаком со взглядами Ана и потому не мог еще уяснить себе значения ликвидаторства.

Увы, — это не будет соответствовать истине, — ибо статья Ана была напечатана много раньше того, как появился «Гласный ответ».

Примите во внимание еще одно.

Через несколько дней после появления статей Ана Л. М. в «С. Р. Г.» решительно выступил в защиту ликвидаторов от критики Ана. А Чхеидзе? Проронил ли он хоть единое слово в защиту взглядов, которые он, как ныне оказывается, «вполне разделяет»? Нет, Чхеидзе молчал, а его товарищ по фракции, деп. Туляков, как раз в этот момент выступил в качестве издателя «Н. Р. Г.»...

Повторяем: допустимо ли такое отношение к вопросу, волнующему широкие массы рабочих, неоднократно разбиравшемуся на совещаниях, конференциях и т. д., со стороны председателя с.-д. фракции? Можно ли у Чхеидзе искать ответа на вопрос об единстве? Не подменен ли здесь вопрос об единстве дипломатически-кружковыми соображениями о спасении ликвидаторов?

И это общая беда наших «объединителей»: они не имеют ясного ответа на стоящие на очереди вопросы, они сами не знают, чего они хотят.

Одно ясно в их статьях: они решили спасти ликвидаторов и для этого избегать ясности и точности в постановке и разрешении вопросов.

Ясность и точность всего опаснее для ликвидаторов в данный момент. В этом мы еще убедимся, перейдя к другим статьям «Единства».

Но рабочие хотят ясности, и они ее добьются, ибо не на дипломатии и экивоках хотят они строить единство своей организации, а на точном учете политического значения различных «направлений». Люди, которые имеют по этому вопросу два или даже более того мнений, тут плохие советчики.

*«Трудовая Правда» № 30
от 2 июля 1914 г.
Без подписи автора.*

К итогам дня рабочей печати.

Из отчета газеты: „Путь Правды“.

(Печатается по просьбе редакции).

Только теперь можем мы подвести некоторые итоги «Дня рабочей печати» 22 апреля.

День 2-летнего юбилея газеты «Правда» сделался днем подсчета марксистских сил.

Все сознательные рабочие пришли в этот день на помощь своим рабочим органам. И вот из гроша составились сотни и тысячи рублей.

Только 14 июня в № 15 «Трудовой Правды» был напечатан последний отчет о суммах, поступивших в день рабочей печати. Почти на два месяца растянулся «День печати».

«Лучше поздно, чем никогда», — писали многие товарищи, присылая свою лепту после 22 апреля.

Резолюции поступали в редакцию в таком количестве, что не только напечатать их все, но даже перечислить их не представлялось никакой возможности,

Но они сделали свое дело, они убедили нас в том, что мы стоим на правильном пути и что громадное большинство рабочих присоединяется к лозунгам последовательного марксизма.

Как известно, день 2-летнего юбилея газет направления «Правды» ликвидаторы объявили «днем печати» и для своей газеты. Много шума в свое время подняли они, чтобы доказать свое право присоединяться к дню печати именно 22 апреля. Уже тогда они предложили федерацию, предлагая делить сборы пополам. День 22 апреля показал, что о «федерации» и «равноправии» ликвидаторская газета заговорила слишком рано.

Рабочие города Петербурга совершенно отвергли «общие сборы». Этот призыв ликвидаторской газеты нашел некоторый отклик только среди части студенчества и в некоторых заводах провинции.

На конечные итоги пожертвований ко дню печати эти суммы общих сборов не оказали почти никакого влияния, «Наша Рабочая Газета» в № 34 от 13 июня уже сделала попытку сравнить сборы на свою газету и на «Путь Правды». Мы говорим попытку, потому что признать сравнения «Нашей Рабочей Газеты» окончательными и полными никоим образом нельзя. И если бы мы захотели получить от «Н. Р. Г.» такое полное сравнение, то нам пришлось бы ждать до скончания века, так как ликвидаторам крайне выгодно оперировать общими цифрами, не вдаваясь в подробный разбор этих сумм, не выясняя, от кого же поступили эти деньги.

Поэтому труд детальной разработки и ликвидаторских отчетов приходится брать на себя нам.

«Наша Рабочая Газета» приходит к весьма утешительным выводам: во-первых, что «правдисты» имеют за собой не полных $\frac{3}{5}$ сознательных рабочих России;—во-вторых, что преобладание «правдистов» сильно только в Петербурге,—в провинции же, наоборот, преобладают сторонники «Н. Р. Г.».

Прежде всего нам приходится ввести маленькое дополнение к окончательной сумме наших сборов, взятых «Н. Р. Г.» из номера «Трудовой Правды» от 10 июня.—Там был итог по 1 июня, но так как «Н. Р. Г.» итог своим сборам берет по 10 июня, то мы для правильности сравнения включим еще отчет суммам с 1 — 10 июня, напечатанный в № 14 от 13 июня с. г. К тому же итоги 10 июня были не совсем точны, так как некоторые мелкие поступления по России были включены в итог по Петербургу.

Произведя все эти поправки, мы получаем следующие окончательные суммы, с которыми мы в дальнейшем и оперируем:

По Петербургу	11.680 р. 96 коп.
По России	6.315 р. 28 к.
Заграница	104 р. 97 к.
Всего	18.101 р. 21 к.

Соответствующие цифры сборов на «Н. Р. Г.»:

Петербург	4.446 р. 13 к.
Россия	6.409 р. 12 к.
Заграница	846 р. 55 к.
Всего	11.701 р. 80 к.

Разница на первый взгляд не слишком значительная и как будто бы доказывает, что за «Нашу Рабочую Газету» на самом деле $\frac{2}{5}$ сознательных рабочих. Но стоит разложить эти цифры на поступления от рабочих и нерабочих, как картина коренным образом изменяется.

На призыв «Пути Правды» на «День рабочей печати» откликнулось по всей России:

1.915 раб. групп, собравших в ее фонд 16.163 р. 71 коп.

На призыв «С. Р. Газеты» откликнулось:

588 раб. групп, собравших 6.651 р. 78 коп.

Не от рабочих «Путь Правды» получил 1.842 р. 53 к., а «С. Р. Газета» 6.062 р. 02 к., т.-е. больше, чем от рабочих.

Эти цифры сборов ко «Дню рабочей печати» раскрывают ту же самую картину, которую дал нам и подсчет сборов и групп, начиная с 1 января 1914 г. Из общего количества рабочих групп, отозвавшихся на «День рабочей печати», лишь немногим более $\frac{1}{5}$ приходится на ликвидаторскую газету. А между тем, ведь, ликвидаторы сделали все возможное, чтобы ко «Дню рабочей печати» изменить соотношение сил в свою пользу. Этому им не удалось. Четыре пятых сознательных рабочих идут за правдизмом—этот факт, выведенный на основании цифр за все два года существования легальных газет, подтвержден и «Днем рабочей печати».

Перейдем к положению дела в Петербурге и провинции. В Петербурге на правдистскую газету число сборов (групп) было 1.276, давших 10.762 р. 46 к.; на ликвидаторскую — 224,

с 2.306 р. 27 к. Разница столь разительная, что и ликвидаторы не осмеливаются отрицать преобладание «правдивистов» среди наиболее перелового, энергичного, организованного и политически-опытного пролетариата столицы.

Но они претендуют на провинцию.

«В провинции,—писала «Наша Рабочая Газета»,—мы видим явление обратное Петербургу,—в провинции одна «Северная Рабочая Газета» собрала больше, чем правдивистский орган».

Вот образчик о б м а н а, к которому мы особенно рекомендуем присмотреться тов. рабочим. Что верно, то верно: правдивисты в провинции собрали 6.325 р. 28 к., а ликвидаторы 6.409 р. 12 к. Больше! Не так ли? А вот, не угодно ли взглянуть на следующие цифры.

По провинции на правдивистскую газету от 639 раб. групп поступило 5.401 р. 25 к. и 924 р. 03 к. не от рабочих.

А на ликвидаторскую газету поступило от 364 раб. групп 3.345 р. 51 к. и от 78 нерабочих групп и отдельных лиц 3.004 р. 89 к.

Да, в провинции ликвидаторы несомненно преобладают, только не среди рабочих, а среди состоятельных «друзей и сочувствующих».

Ликвидаторы поступили очень просто: чтобы доказать свое «преобладание» в провинции, они причислили к рабочим грошам капиталы своих друзей и буржуазии и этим «задавили» правдивистов!

Может быть, это и ловко сделано, но — господа хорошие — этим вы доказали не свое преобладание в провинции, а лишь свою оторванность от провинциальных рабочих, не меньшую, чем и в Петербурге.

В деле создания рабочей печати и рабочего целого не с капиталами богатых «друзей», а лишь с самодеятельностью самих рабочих надо, можно и должно считаться.

В деле рабочей газеты и рабочего целого тот факт, что ликвидаторы получили от нерабочих почти столько же, сколько с рабочих (5.115 р. и 5.651 р.) на наш взгляд не плюс, а минус — лишнее доказательство ближайшей связи ликвидаторства с буржуазно-интеллигентской средой.

И мы, со своей стороны, только гордимся тем, что наш «железный фонд» почти целиком состоит из рабочих грошей, собравших для своей газеты за 6 недель более 16.000 рублей.

Как сложилась эта сумма? Рабочие каких профессий и каких районов и в какой мере помогали создавать выдержанно-марксистскую газету?

На это отвечает следующая таблица, которая является и характернейшим документом для состояния современного рабочего движения.

Вот эта таблица поступлений в «Путь Правды» по производствам (профессиям). Во главе идут, конечно, металлисты. Привет вам, товарищи!

	С п б.			Пр о в и н ц и я .		
	Груп.	Руб.	Коп.	Груп.	Руб.	Коп.
Металлисты	393	5.394	95	108	1.319	02
Деревообдел.	116	1.014	73	24	172	10
Печатники	113	966	34	37	236	47
Железнодорожники	24	165	93	34	345	24
Приказчики	59	238	11	18	132	76
Трактирные служащие	27	107	58	3	68	73
Портные	49	203	21	28	245	82
Кожевники	36	271	50	5	23	89
Электрики	31	275	35	6	39	76
Текстильщики	41	303	88	24	130	32
Городские предпр. (трамвай и др.)	32	340	93	11	132	14
Строительные рабочие	12	57	14	4	15	71
Водопроводчики	10	27	10	1	3	—
Золото-серебряники	29	128	45	2	16	50
Булочники	39	124	06	11	28	60
Шахтеры	—	—	—	14	71	44
Раб. организации	9	79	97	9	112	04
Маляры	12	50	20	3	14	60
Колбасники	8	31	45	2	5	63
Химические производства	22	92	59	6	32	04
Экипажники	16	78	62	1	5	—
Конфетчики	12	79	76	3	14	25
Картонажники	5	13	45	—	—	—
Табачники	12	83	63	—	—	—
Нефтепромышленные рабочие Баку	—	—	—	12	83	98
Служащие (конторщ. и др.)	38	273	11	18	123	65
Сыльные	—	—	—	23	67	72
Прислуга (дворники)	12	27	90	—	—	—
Разные произв. и невыясненные	99	422	52	232	1.960	84
Итого	1.276	10.762	45	639	5.401	25

2. По Петербургу.

Во главе рабочего движения последних лет идет Петербург. В то время, как пролетариат в некоторых (теперь уже не во многих) местах провинции не может еще проснуться от тяжелого сна периода 1907 — 1911 г., а в других местах только еще предпринимает первые шаги для того, чтобы стать в ряд с петербургским пролетариатом, этот последний развил громадную активность, откликаясь, как чуткий барометр, на все события, имеющие отношение к рабочему движению. Петербургский пролетариат стоит на первом месте — отрицать это едва ли посмеет и «С. Р. Газ.».

И вот как петербургский пролетариат откликнулся на «День рабочей печати».

Здесь сборы на «Путь Правды» производились 1.276 гр., которые дали — 10.762 р. 46 к., на «С. Р. Г.» — 224 гр. — 2.306 р. 27 к.

По количеству групп ликвидаторы в рабочем движении Петербурга составляют уже не $\frac{1}{5}$, а $\frac{1}{7}$ часть сознательных рабочих, а сбор их по отношению к суммам сбора правдистов составляет немного более $\frac{1}{6}$.

Эти данные показывают, что петербургский пролетариат, идущий во главе рабочего движения, в массе своей отвернулся от ликвидаторов и отстаивает старые неурезанные лозунги.

Даже среди печатников, этого единственного убежища ликвидаторов у организованных рабочих, на «правдистскую» печать собрано почти в 5 раз больше, чем на ликвидаторскую (966 р. 34 к. на «Путь Правды» против 201 р. 21 к. на «С. Р. Г.»).

То же самое показывают данные о сборах металлистов. Здесь на «П. Правды» собрано 5.075 р. 49 к., а на «С. Р. Г.» 1.283 р. 66 к. Опять-таки в 4 раза больше, что при существовании союза и доказывалось постоянными провалами ликвидаторов при выборах, выступлениях на общ. собр. и т. д.

Еще хуже обстоят дела ликвидаторов среди других профессий Петербурга. В то время как деревообделочники дали «П. Пр.» — 1.014 р. 73 к., на «С. Р. Газ.» от них поступило всего только — 38 р. 14 к. *).

*) Мы вперед извиняемся перед «С. Р. Г.», если при просмотре ее отчетов пропустили 1—2 мастерских, где не обозначена профессия. Этого не было бы, если бы «С. Р. Г.» подробнее разрабатывала свои данные.

Не раз ликвидаторские издания трубили о том, что за «Правдой» идут наиболее темные, не разбирающиеся в серьезных вопросах движения массы. В только что вышедшей июньской книжке «Нашей Зари», не в меру усердный ликвидатор, г. А. Горев, утверждает, что сборы и резолюции, поддерживающие «Правду», «выходят из таких слоев рабочих, которые впервые в истории русского рабочего движения втягиваются в сферу интересов и споров социал-демократии», из среды темной, несознательной молодежи и отсталых рабочих.

Неужели г.г. ликвидаторы смеют причислять к этим «слоям» и металлистов и печатников, которые всегда стояли в первых рядах рабочего движения. Конечно, у г. Горева нет никаких доказательств в пользу своего довода, он исходит из субъективных умозаключений. Пусть он с ними и останется. Мы уже неопровержимыми цифрами доказали, что и среди таких передовых профессий, как печатники и металлисты Петербурга, ликвидаторы составляют едва $\frac{1}{5}$ часть.

Мы не можем привести здесь сравнительные цифры сборов для всех остальных профессий, так как это заняло бы слишком много места. Поэтому приведем общие данные для всех этих профессий.

Кроме перечисленных профессий «П. Правды» получил от рабочих 3.700 р., а «С. Р. Г.» — 500 руб. (цифры округлены). Это — пожертвования приказчиков, портных, кожевников, текстильщиков, булочников и т. д., рабочих, занятых в мелкой промышленности.

И здесь на «П. Пр.» собрано в 7 раз больше, чем на «С. Р. Г.». Нет ни одной профессии, которая дала бы «С. Р. Г.» больше чем «П. Пр.». Даже конторщики и служащие собрали «П. Пр.» 273 р. 11 к., а «С. Р. Г.» конторщики и приказчики (данные «С. Р. Г.») вместе собрали 262 руб. 32 коп., приказчики дали «П. Пр.» 238 р. 11 коп.

Приведем еще список предприятий, которые наиболее активно поддерживали свою рабочую газету:

- 1) Зав. Нов. Айваз — 791 руб. 37 к. (на «С. Р. Г.» 464 р. 67 к.),
- 2) Путиловский завод — 335 руб. 46 к. (на «С. Р. Г.» — 59 р. 38 к.),
- 3) Спб. Металлический зав. — 273 р. 36 к. («С. Р. Г.» — 116 р. 92 к.),
- 4) Трубочный зав. — 243 р. 80 к. («С. Р. Г.» — 113 р. 41 к.),
- 5) Сименс-Шукерт — 229 р. 26 к., 6) фабр. Эрикссон — 228 р. 82 к. («С. Р. Г.» — 55 р. 13 к.), 7) Парвиаинен — 183 р. 93 к., 8) зав

Стар. Лесснер—168 р. 30 к., 9) Франко-Русск. зав.—148 р. 32 к., 10) зав. Нов. Лесснер—116 р. 25 к., 11) Кабельный зав.—112 р. 62 к., 12) Сим.-Гальске—104 р. 30 к., 13) Обуховский зав.—91 р. 2 к., 14) Экспедиц. Заготовл. Госуд. Бум.—79 р. 12 к. («С. Р. Г.»—54 руб.)

«Трудовая Правда» № 30 и 31

от 2 и 3 июля 1914 г.

Без подписи автора.

Последняя ступень.

«Наша Рабочая Газета» сегодня заявляет, что: 1) деп. Петровский «*на р у ш и л д о в е р и е с в о и х и з б и р а т е л е й*»; 2) что деп. Муранов прошел лишь в результате правительственного *р а з ъ я с н е н и я*; 3) что деп. Бадаев прошел *б л а г о д а р я* своей *б л а г о н а д е ж н о с т и*; 4) что «Правда» «*п р и с в о и л а*» суммы, собранные рабочими на свою газету; 5) что председатель страховых собраний по выборам вел выборы *п р и п о м о щ и о б м а н а*; 6) что «П. Правды» *о б м а н у л* тов. Вандервельде, дав ему дутые цифры тиража; 7) что «Трудовая Правда» *о б м а н ы в а е т* рабочих, преувеличивая цифры своего тиража; 8) что «Правда» помещает *ш т р е к б р е х е р с к и е о б ъ я в л е н и я* и сама занимается *ш т р е й к б р е х е р с т в о м*.

Товарищи-рабочие! Мы считаем ниже вашего достоинства тратить хотя бы одно слово на опровержение этой неслыханной клеветы на рабочих депутатов, на представителей-страховиков и на «Правду».

Каждый рабочий, явившись в редакцию, может легко убедиться в цифрах тиража, сборов и т. д.

Мы призываем вас самих стать на защиту *в а ш и х* депутатов, *в а ш и х* представителей, *в а ш е й* газеты против безответственной кучки литераторов, осмелившихся облить помоями своей лжи дело ваших рук.

Не литературной полемикой, а *о р г а н и з о в а н н ы м и д е й с т в и я м и* можно положить предел этой зарвавшейся компании.

Надо научиться *з а щ и щ а т ь* своих избранников, свою газету от выпадов всякой газетной тли.

Надо показать делом, что рабочие не позволят газете, содержащейся на деньги и симпатии буржуазных друзей, разру-

шать рабочее дело, подрывать доверие к рабочим депутатам, лгать на рабочую газету.

Товарищи-рабочие! Вы хотите единства, целостности организаций, взаимного доверия, роста сознательности! Знайте же—этого не будет до тех пор, покуда вы позволяете любому наглецу из ликвидаторского лагеря походя обливать помоями работников марксизма, ваших депутатов, вашу газету.

Этому должен быть положен конец единодушной волей рабочих масс.

Иначе нам никогда не выбиться из той грязи, клеветы и сплетни, которыми душат рабочее движение господ из «Нашей Рабочей Газеты».

Ни «Копейка», ни «Современка» никогда — при всей своей ненависти к марксистам — не падали так низко в своей борьбе с волей рабочих, как упала эта газета ренегатов.

Это — политика лжи и шантажа, политика бессильной злобы и остервенелой ненависти людей, отвергнутого движением.

Раздавите эту политику гадин!

От ред. Печатая это воззвание группы товарищей, редакция заявляет, что отныне она прекращает какое бы то ни было обсуждение вопроса о возможности объединения, поскольку он связан с группой «Нашей Рабочей Газеты».

«Трудовая Правда» № 31

от 3 июля 1914 года.

Без подписи автора.

Д О Б А В Л Е Н И Е

Обнищание в капиталистическом обществе.

Буржуазные реформисты, а за ними некоторые оппортунисты из рядов социал-демократии, утверждают, что обнищание масс в капиталистическом обществе не происходит. «Теория-де обнищания» неверна: благосостояние масс хотя медленно, но растет,— пропасть между имущими и неимущими не углубляется, а уменьшается.

В последнее время вся фальшь подобных утверждений вскрывается перед массами все более и более наглядно. Дороговизна жизни растет. Зарботки рабочих, да же при самой упорной и н а и б о л е е удачной для рабочих стачечной борьбе, растут гораздо медленнее, чем повышаются необходимые расходы рабочей силы. А рядом с этим богатство капиталистов возрастает с головокружительной быстротой.

Вот некоторые данные относительно Германии, где положение рабочих несравненно лучше, чем в России, благодаря более высокому культурному уровню, благодаря с в о б о д е стачек и союзов, благодаря политической свободе миллионов членов профессиональных союзов, миллионов читателей рабочих газет.

По данным б у р ж у а з н ы х социал-политиков, опирающихся на официальные источники, заработная плата рабочих в Германии возросла за последние 30 лет в среднем на 25%. За тот же период времени стоимость жизни повысилась по м е н ь ш е й м е р е на 40%!!

И съестные продукты, и одежда, и топливо, и квартиры — все поднялось в цене. Рабочий нищает а б с о л ю т н о, т.-е. становится прямо-таки беднее прежнего, вынужден жить хуже, питаться скуднее, больше недоедать, ютиться по подвалам и чердакам.

Еще нагляднее, однако, о т н о с и т е л ь н о е обнищание рабочих, т.-е. уменьшение их д о л и в общественном доходе,

С р а в н и т е л ь н а я доля рабочих в быстро богатеем капиталистическом обществе становится все меньше, ибо все быстрее богатеют миллионеры.

В России нет подоходного налога, нет данных о росте богатства у состоятельных классов общества. Наша еще более печальная действительность закрыта занавеской—занавеской темноты, безгласности.

В Германии есть точные данные о богатстве имущих классов. Например, в Пруссии п е р в ы е 10 миллиардов марок (5 миллиардов рублей) облагаемого налогом имущества принадлежали в 1902 году 1.853 лицам, а в 1908 году — 1.108 лицам.

Число самых крупных богачей уменьшилось. Богатство их возросло: каждый из них имел в среднем в 1902 году имущества на 5 миллионов марок (2½ миллиона рублей), а в 1908 году— на 9 миллионов марок (4½ миллиона рублей)!

Говорят о «верхних 10.000». У Пруссии «верхняя 21 тысяча» богачей имела имущества на 13½ миллиардов марок, а остальные 1.300.000 владельцев обложенного имущества — на 3 миллиарда марок.

Четверо крупнейших миллионеров Пруссии (один князь, один герцог и 2 графа) имели в 1907 году имущества на 149 миллионов марок, а в 1908 году—на 481 миллион марок.

Богатство растет в капиталистическом обществе с невероятной быстротой — на-ряду с обнищанием рабочих масс.

*«Правда» № 181
от 30 ноября 1912 г.
За подписью В.*

Рабочий класс и рабочая печать.

Нет задачи для сознательных рабочих важнее той, чтобы п о н я т ь значение своего движения и т о ч н о п о з н а т ь его. Единственный,—но зато и непобедимый,—источник силы рабочего движения, это—с о з н а т е л ь н о с т ь рабочих и широта их борьбы, т.-е. участие в ней м а с с ы наемных рабочих.

Марксистская печать в С.-Петербурге, существуя уже годы, дает единственный, превосходный, незаменимый, допускающий проверку всяким и каждым, материал о широте рабочего движе-

ния и о господстве в нем разных направлений. Обходить этот материал, как делают либералы и ликвидаторы, могут лишь люди, желающие скрыть истину.

Полные данные о сборах на «правдистские» (марксистские) и ликвидаторские газеты в С.-Петербурге с 1 января по 13 мая 1914 г. разработал тов. В. А. Т. Мы печатаем полностью составленную им таблицу, а в тексте статьи будем иногда, чтобы не слишком затруднять читателя цифрами, приводить округленные данные.

Вот таблица товарища В. А. Т., помещенная на стр. 569.

Прежде всего остановимся на данных о числе рабочих групп. Эти данные есть за все время существования и «правдистских» и «ликвидаторских» газет. Число рабочих групп было:

	Правд. газ	Ликвидаторск. газ.
За весь 1912 год	620	89
За весь 1913 год	2.181	661
1914 г., с 1 янв. по 13 мая .	2.873	671
Всего	5.674	1.421

Общее число групп 7.095. Конечно, есть группы, делавшие сборы неоднократно, но о числе таких групп данных не имеется.

Мы видим, что ликвидаторам сочувствует всего $\frac{1}{5}$ (одна пятая) общего числа рабочих групп. «Правдизм», правдистские решения, правдистская тактика объединили за $2\frac{1}{2}$ года $\frac{4}{5}$ сознательных рабочих России. Этот факт единства рабочих полезно сопоставлять с фразами о «единстве» со стороны разных интеллигентских группок, «впередовцев», «плехановцев», «троцкистов» и пр. и пр.

Сравним данные за 1913 и 1914 годы (за 1912 г. данные несравнимы, ибо «Правда» возникла в апреле, а «Луч» 5 месяцев позже). Мы увидим, что число правдистских групп увеличилось на 692, т.-е. на $31,7\%$, а число ликвидаторских на 10, т.-е. на $1,7\%$. Следовательно, готовность рабочих поддерживать правдистские газеты возрастала в 20 раз быстрее, чем готовность их поддерживать ликвидаторские газеты.

Посмотрим на распределение рабочих обоих направлений по всей России:

	Процент рабочих групп.	
	Правдистских.	Ликвидаторских.
В С.-Петербурге . . .	86 ⁰ / ₀	14 ⁰ / ₀
» Москве	83 ⁰ / ₀	17 ⁰ / ₀
» провинции	68 ⁰ / ₀	32 ⁰ / ₀

Вывод ясен: чем развитее рабочие массы, чем выше их сознательность и политическая активность, тем сильнее преобладание правдистов среди рабочих. В Питере ликвидаторы совсем почти вытеснены (14 из 100); кое-как держаться они продолжают еще в провинции (32 из 100), где массы наименее разбираются в политике.

Крайне поучительно отметить, что данные совсем из другого источника, именно: о составе уполномоченных от рабочих по выборам в страховые учреждения, замечательно близко сходятся с данными о рабочих группах. При выборах в столичное присутствие было 37 уполномоченных правдистов и 7 ликвидаторов, т.-е. 84⁰/₀ и 16⁰/₀. Из всего числа уполномоченных правдисты составляли 70⁰/₀ (37 из 53), а на выборах в в с е р о с с и й с к о е страховое учреждение 47 из 57, т.-е. 80⁰/₀. Ликвидаторы, беспартийные и народники — небольшое меньшинство рабочих, остающихся еще под буржуазным влиянием.

Далее. Вот интересные данные о средней величине сборов от рабочих групп:

	Средняя сумма сбора от рабочих групп.	
	Правдистских	Ликвидаторских.
В С.-Петербурге . . .	6 р. 88 к.	7 р. 24 к.
» Москве	6 р. 65 к.	10 р. 54 к.
» провинции	5 р. 74 к.	8 р. 28 к.
» России	6 р. 58 к.	7 р. 89 к.

Правдистские группы показывают нам естественное, понятное, нормальное, так сказать, явление: по мере повышения среднего заработка рабочих масс повышается средний взнос средней рабочей группы.

У ликвидаторов же, помимо особого скачка московских групп (их всего 25!), наблюдаем б о л е е в ы с о к и й взнос провинциальных групп по сравнению с питерскими!! Чем можно объяснить это странное явление?

Сборы на газеты маркетские «правдистские» (правд.) и «ликвидаторские» (ликв.)
в С.-Петербурге

С 1 января по 13 мая 1914 года.

ОТ КОГО ШЛИ СБОРЫ.	С.-Петербург.						Москва.						Провинция.						Всего.					
	Правд.			Ликв.			Правд.			Ликв.			Правд.			Ликв.			Правд.			Ликв.		
	Число			Число			Число			Число			Число			Число			Число			Число		
	сборов.	сумма.	Р. К.	сборов.	сумма.	Р. К.	сборов.	сумма.	Р. К.	сборов.	сумма.	Р. К.	сборов.	сумма.	Р. К.	сборов.	сумма.	Р. К.	сборов.	сумма.	Р. К.	сборов.	сумма.	Р. К.
Группы рабочих	2024	13943 24	308 2231 98				130	865 —		25	263 52		719	4125 86		338	2800 62		2873	18934 10		671	5296 12	
Всего не от рабочих	325	1256 92	165 1799 40				46	260 51		24	1137 30		332	1082 79		230	2113 90		713	2650 01		453	6759 77	
В том числе:																								
Группы учащихся и молодежи	26	369 49	19 292 13				8	119 30		3	21 —		20	162 13		23	317 09		54	650 92		45	630 22	
Группы «сторонников», друзей и т. п.	8	164 —	14 429 95				6	42 10		5	892 —		28	252 72		35	1129 35		42	458 82		54	2450 60	
Остальные группы	2	8 —	6 72 60				1	2 —		—	—		30	115 29		24	113 52		33	125 29		30	186 12	
Отдельные лица	251	650 96	120 966 72				29	63 61		14	197 80		221	332 05		132	443 80		531	1046 62		266	1608 32	
Не указано от кого	8	64 47	6 38 70				2	33 50		2	26 50		31	220 60		16	110 14		43	318 57		24	175 34	
Из-за границы	—	—	—				—	—		—	—		—	—		—	—		10	49 79		34	1709 17	
Итого	2349	15200 16	473 4031 38				176	1125 51		49	1400 82		1051	5208 65		568	4914 52		3586	21584 52		1124	12055 89	

Достоверный ответ на этот вопрос может дать лишь более подробная разработка данных, требующая много труда. Предположительный ответ наш таков: ликвидаторы объединяют меньшинство наилучше оплачиваемых рабочих из некоторых слоев промышленности. Во всем мире наблюдалось, что такие рабочие прочнее всего держатся за либеральные и оппортунистические идеи. У нас в Цитере дольше всего терпели ликвидаторов печатники, и лишь на последних выборах в их союзе, 27 апреля 1914 года, правдисты завоевали половину в списке членов правления и большинство в списке кандидатов к ним. А печатники во всех странах наиболее склонны к оппортунизму, и некоторые разряды их наилучше оплачиваются.

Если наш вывод о сочувствии ликвидаторам меньшинства из рабочей аристократии является лишь предположительным, то относительно отдельных лиц дело не подлежит никакому сомнению. Из нерабочих взносов больше половины составляют взносы от отдельных лиц (531 из 713 у нас; 266 из 453 у ликвидаторов). Средний размер такого взноса у нас — 1 р. 97 коп., у ликвидаторов—6 р. 5 к.!!

Ясно, что в первом случае речь идет о низших служащих, чиновниках и т. п. мелко-буржуазных элементах полупролетарского характера. У ликвидаторов же мы видим богатых друзей из буржуазии.

Еще определеннее эти богатые друзья из буржуазии выступают перед нами в виде «групп сторонников, друзей и т. п.». Нам эти группы дали 458 р. 82 к., т.-е. 2⁰/₁₀ общей суммы сборов, при чем средний сбор одной группы—10 р. 92 к., всего в 1½ раза больше среднего сбора рабочей группы. Ликвидаторам же рассматриваемые группы дали 2.450 р. 60 к., т.-е. свыше 20⁰/₁₀ общей суммы сборов, а средний сбор одной группы = 45 р. 39 к., т.-е. в шестеро больше среднего сбора рабочей группы!!

Прибавляем сюда за границу, где главный источник денежных сборов — буржуазное студенчество. Нам за граница дала 49 р. 79 к., т.-е. меньше ¼⁰/₁₀; ликвидаторам—1.709 р. 17 к., т.-е. 14⁰/₁₀.

Соединяя вместе отдельных лиц, «сторонников, друзей» и за границу, получаем итог сборов из этих источников:

У правдистов—1.555 р. 23 к., т.-е. 7⁰/₁₀ всех сборов.

У ликвидаторов—5.768 р. 9 к., т.-е. 48⁰/₁₀ всех сборов.

У нас этот источник дает меньше $\frac{1}{10}$ по сравнению с рабочими группами (18.934 р.). У ликвидаторов больше, чем рабочие группы (5.296 р.)!!.

Вывод ясен: ликвидаторская газета не рабочая газета, а буржуазная газета. Она содержится, главным образом, на средства богатых друзей из буржуазии.

Действительная зависимость ликвидаторов от буржуазии гораздо больше, чем показывают наши данные. Дело в том, что правдистские газеты много раз публиковали во всеобщее сведение свои финансовые отчеты. Из них было видно, что газета, добавляя к доходу и сборы, окупается. При тираже в 40.000 (среднее за май 1914 г.) это понятно, несмотря на конфискации и недостаток объявлений. Ликвидаторы же только раз (№ 101 «Луча») напечатали свой отчет, показывающий дефицит в 4.000 руб., а потом перешли к обще-буржуазному обычаю: не публиковать отчетов. При 15.000 тираже их газеты дефицит неизбежен, и покрывают его, очевидно, еще и еще богатые друзья из буржуазии.

Либеральные рабочие политики любят наекать об «открытой рабочей партии», но открыть действительным рабочим свою действительную зависимость от буржуазии они не хотят! Приходится нам, подпольщикам, учить ликвидаторов-либералов пользе открытых отчетов...

В общем итоге соотношение рабочих и нерабочих сборов таково:

Приходится сборов:	Из каждого рубля сборов в газеты	
	правдистов.	ликвидаторов.
от рабочих	87 копеек.	44 копейки.
не от рабочих.	13 копеек.	56 копеек.
Всего . . .	1 р.	1 р.

Правдисты на $\frac{1}{7}$ пользуются помощью буржуазии, при чем, как мы видали, наиболее демократических и наименее состоятельных слоев ее. Ликвидаторское предприятие есть главным образом буржуазное предприятие, за которым идет еще меньшинство рабочих.

Данные об источнике сборов указывают нам и на классовое положение читателей-покупателей газеты.

Добровольные взносы поступают лишь от постоянных читателей, наиболее сознательно сочувствующих направлению га-

зеты. И, в свою очередь, направление газеты волей-неволей «приспособляется» к наиболее «влиятельному» слою газетной аудитории.

Выводы из наших данных вытекают, во-первых, теоретические, т.-е. служащие к познанию рабочим классом условий своего движения; во-вторых, практические, дающие прямые указания для нашей работы.

Иногда говорят, что в России две рабочие печати. Недавно это повторил даже Плеханов. Но это неверно. Говорящие так обнаруживают либо свое полное невежество, либо тайное желание помочь ликвидаторам проводить буржуазное влияние на рабочих. Партийные решения давно и неоднократно (например, в 1908 и 1910 г.г.) указывали точно, ясно и прямо буржуазный характер ликвидаторства. В статьях марксистской печати эта истина разъяснялась сотни раз.

Опыт ежедневной газеты, открыто обращающейся к массам, неминуемо должен был вскрыть действительный классовый характер ликвидаторского течения. Опыт вскрыл его. Ликвидаторская газета оказалась на деле буржуазным предприятием, ведущим за собой меньшинство рабочих.

Не забудем, кроме того, что ликвидаторская газета почти до весны 1914 года была органом августовского блока. От него отпали только теперь латыши, от ликвидаторов ушли и уходят Троцкий, Эм-Эль, Ан, Бурьянов, Егоров; блок продолжает распадаться. Ближайшее будущее неизбежно вскрыет еще яснее и буржуазный характер ликвидаторского течения, и безжизненность интеллигентских группок: впередовцев, плехановцев, троцкистов и т. п.

Практические выводы можно свести в следующие пункты:

1) Число—5.674 рабочие группы, объединенные правдистами менее чем за 2½ года, довольно значительно при тяжелых русских условиях. Но это лишь начало. Нам нужны не тысячи, а десятки тысяч рабочих групп. Работу надо удесятить. Собранные копейками от сотен рабочих 10 рублей важнее и ценнее как в идейном, так и в организационном значении, чем 100 р. от богатых друзей из буржуазии. Даже в финансовом отношении опыт заставит признать, что на рабочие копейки можно поставить прочную рабочую газету, а на буржуазные рубли невозможно. Ликвидаторское предприятие есть мыльный пузырь, который должен лопнуть и лопнет.

2) Особенно отстала у нас провинция, где за ликвидаторами идет целых 32% рабочих групп!! Всякий сознательный рабочий должен напрячь все усилия, чтобы положить конец этому печальному и постыдному явлению. На провинцию надо налечь изо всех сил.

3) Сельские рабочие, видимо, почти вовсе еще не затронуты движением. Как ни трудна здесь работа, ее надо вести самым упорным и настойчивым образом.

4) Как мать заботливо ухаживает за больным ребенком и лучше кормит его, так сознательные рабочие должны заботливее ухаживать за районами и фабриками, где рабочие болеют ликвидаторством. Эта, идущая от буржуазии, болезнь неизбежна в молодом рабочем движении, но при правильном уходе и настойчивом лечении она проходит, не оставляя на рабочих особенно вредных следов на всю жизнь. Усерднее кормить больных рабочих марксистской литературой,—заботливее и популярнее разъяснять историю и тактику партии, смысл партийных решений о буржуазном характере ликвидаторства,—обстоятельнее останавливаться на безусловной необходимости пролетарского единства, то-есть подчинения меньшинства рабочих большинству, то-есть подчинения одной пятой четверем пятым сознательных рабочих России. Такова одна из наших важнейших задач.

Сборник «Марксизм и ликвидаторство», часть II.

За подписью В. Ильин.

Либеральная буржуазия и ликвидаторы.

Главная партия российской либеральной буржуазии, кадетская, насчитывает в своем главном штабе не мало людей с европейским образованием. В наше время нельзя быть образованным человеком, если не иметь общего знакомства с марксизмом и с западно-европейским рабочим движением.

У российских кадетов, при обилии буржуазной интеллигенции в их партии, разумеется, есть такое знакомство, есть даже ряд людей, которые сами были в молодости марксистами или почти-марксистами и которые «поумнели» с годами и стали либеральными обывателями.

Все это объясняет разницу в отношениях старых, европейских, и новых, российских, либералов к социал-демократии.

Первые боролись против ее возникновения, отрицая ее право на существование, вторые вынуждены примириться с фактом. «Мы не сомневаемся, — пишет передовица «Речи» (№ 287), — что социал-демократии суждено в России сделаться открытой политической партией пролетариата». Борьба против социал-демократии приняла поэтому у наших либералов форму борьбы за оппортунизм среди социал-демократии.

Бессильные помешать возникновению и росту социал-демократии, наши либеральные буржуа всю заботу направили на то, чтобы она росла по-либеральному. Отсюда — многолетние и систематические стремления наших кадетов поддержать оппортунизм (и особенно ликвидаторство) в рядах социал-демократии; в такой поддержке либералы правильно видят единственное средство отстоять либеральное влияние на пролетариат, провести зависимость рабочего класса от либеральной буржуазии.

Очень поучительна поэтому оценка либералами борьбы шестерки рабочих депутатов с семеркой ликвидаторствующих. Либералы, глядя со стороны, вынуждены признать прямо основной факт: семеро, это — «парламентарные элементы с.-д.», это — «партия парламентской работы», в их рядах «вся интеллигенция думской социал-демократии». Это — линия «эволюции социал-демократии в открытую парламентскую партию», линия, связанная с особым «направлением тактики». «Новая Рабочая Газета» — орган социал-демократических парламентариев.

Напротив, «За Правду» — «орган непримиримых», пишет «Речь». Это — не партия парламентской работы, а «партия противоположная».

Партия «депутатов-интеллигентов» — против «рабочих-депутатов», вот оценка «Речи». «Речь» жеманно уверяет, будто нельзя знать, за кем большинство рабочих, но сейчас же сама побивает себя в следующей поучительнейшей фразе:

«Чем сильнее, — пишет она, — переход к такому нормальному существованию» (т.-е. открытому, легальному) «будет задерживаться, тем более оснований ожидать, что парламентское большинство социал-демократической интеллигенции принуждено будет уступить внепарламентскому рабочему большинству с его теперешним настроением. Мы видели печальные последствия такого распределения направлений в конце 1905 года. И как бы кто ни смотрел на предстоящий исход из современного тупика, едва ли найдутся защитники ошибок, сделанных неопытными

руководителями стихийного массового настроения в те зимние месяцы». Так пишет «Речь».

Мы подчеркнули то, что нас сейчас особенно интересует в этом признании.

Внепарламентское рабочее большинство против «парламентского большинства социал-демократической интеллигенции» — вот сущность спора шестерки с семеркой, вскрывшаяся даже для либералов.

Семерка и «Новая Рабочая Газета», это — большинство, называющей себя социал-демократической, интеллигенции против «внепарламентского рабочего большинства», против партии.

Старой партии нет, старая партия не нужна, обойдемся без партии, одной газетой и думской работой, проповедуя будущую открытую партию, — вот сущность позиции семерки и позиции всех ликвидаторов.

Понятно, почему либералы так ласкают семерку и ликвидаторов, хваля их за понимание парламентских условий, называя их тактику «сложной, вдумчивой, не упрощенной». Семерка и ликвидаторы проводят либеральные лозунги в рабочую среду — как же не хвалить их либералам? Либералам ничего иного не нужно, как образование оплота интеллигентов, парламентариев, легалистов против старой партии, против «внепарламентского рабочего большинства».

— Пусть этот оплот называет себя с.-д. — не в названии суть, а в его либеральной рабочей политике, — рассуждает просвещенная буржуазия и рассуждает, с ее точки зрения, вполне правильно.

Либералы поняли (и выболтали) то, что давно поняли все сознательные, передовые рабочие, именно, что группа «Новой Рабочей Газеты» и идущая за ней семерка есть отколовшийся от социал-демократической партии и отрицающий партию, ругающий «подполье», оплот либеральной интеллигенции, ведущей систематическую политику уступок буржуазному реформизму, буржуазному национализму и т. д.

Единство «внепарламентского рабочего большинства», действительно партийного, действительно независимого от либеральной буржуазии, немыслимо без решительной борьбы с этим интеллигентским оплотом ликвидаторов рабочей партии.

*Сборник «Марксизм и ликвидаторство», часть II.
За подписью В. Иллина.*

Письмо о большевизме ⁵⁵).

Происхождение большевизма неразрывно связано с борьбой так называемого «экономизма» (оппортунизма, отрицавшего политическую борьбу рабочего класса и его руководящую роль) против революционной социал-демократии в 1897—1902 г.г. Экономизм, поддерживаемый Бундом, был побежден и вытеснен известной кампанией старой «Искры» (Мюнхен, Лондон и Женева 1900—1903 г.г.), которая восстановила, на началах марксизма и революционных с.-д. принципов, с.-д. партию (основанную в 1898 г., но потом разрушенную арестами). На II съезде Р. С.-Д. Р. П. (авг. 1903 г.) искровцы раскололись: б о л ь ш и н с т в о их стояло за принципы и тактику старой «Искры», м е н ь ш и н с т в о же повернуло к оппортунизму, встретив поддержку прежних врагов «Искры», экономистов и бундовцев. Отсюда названия: большевизм и меньшевизм (большевики и меньшевики). В 1903—1904 г.г. главным предметом борьбы был оппортунизм меньшевиков в организационных вопросах. С конца 1904 г. главными становятся различия тактики. «План земской кампании» (осень 1904 г.) н о в о й, перешедшей к меньшевикам, «Искры» встал на защиту тактики «не запугивать либералов». 1905 год окончательно оформил тактические разногласия (съезд большевиков, III съезд Р. С.-Д. Р. П. в мае 1905 г. в Лондоне и тогда же «конференция» меньшевиков в Женеве). Меньшевики приспособляли тактику рабочего класса к либерализму. Большевики ставили целью рабочего класса в буржуазно-демократической революции: доводить ее до конца, вести за собою демократическое крестьянство, вопреки изменам либерализма. Главные расхождения обоих течений на практике—осень 1905 г.; большевики за бойкот Булыгинской Думы, меньшевики за участие. Весна 1906 г.—то же относительно Виттевской Думы. I Дума: меньшевики за поддержку лозунга—думское (кадетское) министерство, большевики за лозунг—исполнительный комитет левых (с.-д. и трудовиков) для организации непосредственной борьбы масс и т. д. Более подробное изложение возможно лишь в зарубежной печати. На Стокгольмском съезде (1906 г.) победили меньшевики, на Лондонском (1907 г.)—большевики. В 1908—1909 г.г. от большевиков откололись «впередовцы» (махизм в философии и «отзо-

визм» или бойкот III Думы в политике: Богданов, Алексинский. Луначарский и др.). В 1909—1911 г.г., ведя борьбу с ними (сравни: В. Ильин, «Эмпириокритицизм и материализм», Спб. 1909 г.), а также с ликвидаторами (меньшевики, отрицавшие нелегальную партию), большевизм сблизился с партийными меньшевиками (Плеханов и др.), которые объявили решительную борьбу ликвидаторству. Органы большевиков: «Вперед» и «Пролетарий» (Женева 1905 г.), «Новая Жизнь» (Спб. 1906 г.), «Волна», «Эхо» и др. (Спб. 1906 г.), «Пролетарий» в Финляндии (1906—1907 г.г.), в Женеве (1908 г.) и Париже (1909 г.) «Соц.-Дем.» в Париже (1910—1912 г.г.). Свод некоторых главных произведений большевизма у В. Ильина «За 12 лет», Спб. 1908, там же более детальное указание литературы. Главные писатели большевики: Г. Зиновьев, В. Ильин, Ю. Каменев, П. Орловский и др. В последние годы большевики были главными сотрудниками газет: «Звезда» (1910—1912 г.г.), «Правда» (1912 г.) в Спб. и журналов: «Мысль» (1910 г.) в Москве, «Просвещение» (1911—1913 г.г.) в Спб.

Н. Рубакин, «Среди книг»,
стр. 772.

Как В. Засулич убивает ликвидаторство.

В № 8 «Живой Жизни» от 19 июля 1913 г., помещена замечательная статья В. Засулич в защиту ликвидаторства («По поводу одного вопроса»). Мы обращаем усиленное внимание всех, интересующихся вопросами рабочего движения и демократии, на эту статью, ценную как по своему содержанию, так и по откровенной прямоте авторитетного автора.

I.

Прежде всего В. Засулич, подобно всем ликвидаторам, старается хулить партию, но откровенность автора разоблачает его с поразительной яркостью. «Российская С.-Д. Рабочая Партия—читаем у В. Засулич—это подпольная, основанная на втором съезде и тотчас разделившаяся организация интеллигентов для пропаганды и агитации среди рабочих». На деле партия была основана в 1898 году и опиралась на пробуждение массового ра-

общего движения в 1895—1896 годах. Десятки и сотни рабочих (подобных покойному Бабушкину ⁵⁶ в Петербурге) не только слушали лекции в кружках, но сами вели агитацию уже в 1894—1895 годах, а затем переносили организации рабочих в другие города (основание екатеринославских организаций высланным из Питера Бабушкиным и т. п.).

Сравнительное преобладание интеллигентов в начале движения наблюдалось везде, а не только в России. Превращая этот факт в какой-то пасквиль на рабочую партию, В. Засулич убивает ликвидаторство среди всех думающих рабочих, которые переживали агитацию и стачки 1894—1896 годов.

«...В 1903 году—пишет В. Засулич—подпольные кружки, ведшие эту работу соединились в тайное общество с иерархическим уставом. Трудно сказать, помогала или мешала новая организация, как таковая, текущей работе»...

Всякий, кто не хочет быть Иваном Непомнящим, знает, что группы интеллигентов и рабочих не только в 1903 году, но с 1894 года (а часто и еще раньше) помогали и экономической и политической агитации, и стачкам, и пропаганде. Заявить публично: «трудно сказать, помогала или мешала организация работе», значит не только допустить величайшую, вопиющую историческую неправду. Это значит отречься от партии.

В самом деле, из-за чего ценить партию, если трудно сказать, помогала она или мешала работе? Не ясно ли, что суббота для человека, а не человек для субботы?

Отречение от партии в прошлом, задним числом, необходимо ликвидаторам, чтобы оправдать отречение от нее в настоящем.

Говоря об этом настоящем, о третьеиюньской эпохе, В. Засулич пишет: «я слышала сообщения о том, как пустели районные отделы организации»...

Факт бесспорный. Пустели и районные и всякие иные отделы организации. Весь вопрос в том, как объяснить это явление бегства из организации и как отнестись к этому явлению?

В. Засулич отвечает: «пустели потому, что в тот момент там нечего было делать».

Ответ решительный, равняющийся решительному осуждению подполья и оправданию бегства из него. Как же доказывает В. Засулич свое утверждение? 1) Пропагандистам нечего было делать, ибо «многие рабочие составили себе» из изданий

дней свободы «целые библиотечки, которых еще не отобрала полиция».

Курьезна эта способность Веры Засулич не замечать, что она опровергает самое себя. Если полиция «отбирала» библиотечки, з н а ч и т обсуждение читаемого, усвоение его, дальнейшее изучение в ы з ы в а л о именно подпольную работу! Вера Засулич хочет доказать, что «ничего было делать», а из ее признаний вытекает: б ы л о что делать.

2) «О возможности подпольной политической агитации в это время нечего и говорить. К тому же инициатива таких «выступлений» не входила в права и обязанности районов».

Вера Засулич повторяет слова ликвидаторов, не зная дела. Что было трудно, труднее чем прежде, в описываемое время, это бесспорно. Но работа марксистов в с е г д а «трудна», и они отличаются от либералов именно тем, что не объявляют трудное невозможным. Либерал называет трудную работу невозможной, чтобы прикрыть свое отречение от нее. Марксиста трудность работы заставляет стремиться к более тесному сплочению лучших элементов для преодоления трудностей.

Объективный факт, что эта работа в описываемое время была в о з м о ж н а и велась, доказывается хотя бы выборами в III и IV Гос. Думу. Не думает же Вера Засулич в самом деле, что сторонники подполья могли в Гос. Думу проходить б е з участия подполья?

3) ...«Ничего было делать в подпольных группах, а вне их была масса необходимой общественной работы»... Клубы, всякие общества, съезды, лекции и пр.

Таково рассуждение всех ликвидаторов, повторяемое В. Засулич. Ее статью можно прямо рекомендовать для занятий в рабочих кружках по разбору злоключений ликвидаторства!

Подполье было нужно между прочим именно потому, что с ним была связана марксистская работа в клубах, обществах, на съездах и пр.

Сравните это мое рассуждение с рассуждением Веры Засулич. Подумайте, к а к и е о с н о в а н и я имеет Вера Засулич изображать работу в легальных обществах, как работу, ведущуюся «в н е» работы подпольных групп?? Почему «вне», а не «в тесной связи», не «в одном направлении»??

Фактических оснований у Веры Засулич нет и тени, ибо всякий знает, что не было, наверное, почти ни одного легального

общества и т. п., в котором бы не участвовали члены подпольных групп. Единственное основание утверждений Веры Засулич это—субъективное настроение ликвидаторов. У ликвидаторов было такое настроение, что и м нечего было делать в подполье, что о н и сочувствовали работе только в н е подполья, только в н е его идейного направления. Говоря иными словами, «основание» В. Засулич сводится к о п р а в д а н и ю бегства ликвидаторов из подполья!

Жалкое основание.

Но мы не можем ограничиться указанием на субъективные основания писаний В. Засулич, на фактические и логические ошибки, которыми буквально кишит каждая фраза ее статьи. Мы должны поискать объективных оснований того бесспорного факта, что «районы пустели», что из подполья бежали.

Искать не приходится далеко. Общеизвестно, что в описываемое время буржуазное и мелко-буржуазное общество России было обуреваемо в сильнейшей степени контр-революционными настроениями. Общеизвестно, какой глубокий антагонизм между буржуазией и пролетариатом вскрылся в дни свободы и породил это контр-революционное настроение на-ряду с распадом, унынием, упадком духа у многих непрочных друзей пролетариата.

Это объективное соотношение классов в описываемое время вполне объясняет нам, почему буржуазия вообще и либеральная буржуазия в особенности (ибо у нее вырвали из рук гегемонию над народными массами) **д о л ж н а** была возненавидеть подполье, объявить его никчемным и «недееспособным» (выражение В. Засулич), осудить и отвергнуть политическую подпольную агитацию, а равно и ведение легальной работы в духе подполья, в соответствии с е г о лозунгами, в неразрывной идейной и организационной связи с ним.

Из подполья бежала прежде всего и в первую очередь буржуазная интеллигенция, поддавшаяся контр-революционному настроению, те «попутчики» с.-д. рабочего движения, которые и у нас, как и в Европе, увлекались освободительной ролью пролетариата (в Европе: плебса вообще) в буржуазной революции. Известен факт, какая масса марксистов отошла от подполья после 1905 года и расселась по всяческим легальным интеллигентским гнездышкам.

Каковы бы ни были субъективно «благие» намерения В. Засулич, но повторяемые ею рассуждения ликвидаторов объективно

сводятся к перепеву контр-революционных либеральных мыслишек. Всего больше крича о «рабочей самодеятельности» и т. п., ликвидаторы на деле представляют и защищают именно отколовшихся от рабочего движения и перешедших на сторону буржуазии интеллигентов.

Бегство из подполья могло быть у отдельных лиц результатом усталости и надломленности. Таких лиц можно только пожалеть; им должно подать помощь, поскольку пройдет их надлом и проявится у них снова тяга от обывательщины, от либералов и от либеральной рабочей политики к рабочему подполью. Но когда усталые и надломленные взбираются на трибуну журналистики и объявляют свое бегство проявлением не усталости, не слабости, не интеллигентской дрянности, а своей заслугой, при чем взваливают вину на «недееспособное» или «никчемное» или «омертвелое» и т. п. подполье, — тогда эти беглецы становятся отвратительными ренегатами, отступниками. Тогда эти беглецы становятся худшими советчиками и постольку опасными врагами рабочего движения.

Встречая у ликвидаторов защиту и превознесение подобных элементов на-ряду с клятвами и божбой, что де мы ликвидаторы стоим за единство, — только пожимаешь плечами и спрашиваешь себя: кого этими благоглупостями и этим лицемерием обмануть думают? Не ясно ли, что существование рабочей партии невозможно без решительной борьбы с превознесением отступничества от партии?

Ликвидаторы (а за ними и В. Засулич) тешатся тем, что называют этих отступников и беглецов «живыми силами рабочего класса». Но эти увертки либеральных интеллигентов давно опровергнуты бесспорными фактами всероссийского масштаба. Из депутатов рабочей курии большевики имели 47% во II Думе, 50% в III и 67% в IV. Вот неопровержимое доказательство ухода рабочих от ликвидаторов в эпоху 1907—1913 годов. А возникновение первой рабочей ежедневной газеты и явления, наблюдаемые теперь в профессиональных союзах, еще более подкрепляют это доказательство. Живые силы рабочего класса, если посмотреть на объективные факты, а не на хвастливые и голословные заявления либеральных интеллигентов, принадлежат к числу сторонников подполья, противников ликвидаторства.

Но все рассуждения В. Засулич о прошлом — только цветочки. Ягодки дальние будут. Защита ренегатства и огре-

чения от партии лишь вступление к защите разрушения партии. К этим важнейшим отделам статьи Веры Засулич мы и переходим.

II.

«...Подпольная организация—читаем в статье—всегда была самой слабой стороной русской с.-д.»... не больше и не меньше, как «всегда»! Смелые историки—наши ликвидаторы. «Всегда»—значит, и в 1883—1893 годах, до начала массового рабочего движения под организованным руководством партии;—значит, и в 1894—1904 годах. А 1905—1907 годы?

«...Но если бы она была и в 10 раз лучше, она и тогда не выдержала бы революции и контр-революции. Я не помню в истории Европы ни одной революционной организации, которая, пережив революцию, оказалась бы дееспособной в момент реакции».

Это рассуждение—такое богатство «перлов», что прямо не знаешь, с какого перла начать разбор!

Вера Засулич «не помнит» интересующего ее случая в истории Европы. Но помнит ли В. Засулич «в истории Европы» такую буржуазную революцию, которая происходила бы в обстановке самостоятельных рабочих партий, с сотнями тысяч и миллионов членов, в соседних странах и при высокой ступени развития капитализма, создавшей в данной стране сплоченный промышленный пролетариат и рабочее движение в национальном масштабе?

В. Засулич не может «помнить» такого случая, ибо его «в истории Европы» не было. Не было и быть не могло в этой истории до XX века, чтобы в буржуазной революции решающую роль сыграла массовая политическая стачка.

Что же мы получаем? Мы получаем следующий итог. Ликвидатор ссылается на пример «истории Европы», в которой при буржуазных революциях не было самостоятельных пролетарских партий с массовыми стачками,—ссылается на этот пример для того, чтобы отречься от задач или принципов, урезать, укоротить, обкарнать задачи такой страны, где два названные коренные условия (самостоятельная пролетарская партия и массовые стачки политического характера) были налицо и есть налицо!

В. Засулич не понимает—и это непонимание крайне характерно для ликвидаторства,—что она, иными словами, по иному

поводу, с другой стороны подходя к вопросу, п о в т о р и л а мысль либерала Прокоповича. Этот либерал, как раз в то время, когда он, будучи крайним «экономистом» (1899 год), разрывал с социал-демократией, высказал ту мысль, что «либералам—политическая, а рабочим—экономическая борьба».

К этой мысли клонит, на нее сбивается весь оппортунизм в рабочем движении России 1895—1913 годов. В борьбе с этой идеей только и выросла,—только и м о г л а вырасти,—социал-демократия в России. Борьба с этой идеей, вырывание масс из-под влияния этой идеи, это и есть борьба за самостоятельное рабочее движение в России.

Прокопович выразил эту идею в применении к задачам настоящего, в форме повелительной или желательной.

В. Засулич повторяет эту мысль в форме якобы исторического, ретроспективного рассуждения или обзора событий.

Прокопович говорил прямо, откровенно, ясно и резко: бросьте мысль о политической самостоятельности, братцы рабочие! В. Засулич, не понимая, куда ее завело ликвидаторство, приходит к той же пропасти, идя зигзагами: дескать, и по примеру Европы не полагается вам, братцы рабочие, иметь «дееспособной» организации вашего старого, испытанного типа, такого же типа, какого была ваша организация в 1905 году. Либералы бросили с 1905 года пустые мечты о «подполье», создали «дееспособную» организацию, открытую, которая, хотя не легализована третьсионьской системой, но терпима ею, сохраняет свою парламентскую фракцию, свою легальную прессу, свои, всем известные фактически, местные комитеты. У вас же, братцы рабочие, старая ваша организация недееспособна, и по урокам «истории Европы» д о л ж н а быть недееспособной, а новую, «открытую партию», мы, ликвидаторы, вам обещаем и сулим каждодневно. Чего же вам больше надо? Удовлетворяйтесь нашими, ликвидаторскими посулами, ругайте посильнее вашу старую организацию, оплевывайте ее, отрекайтесь от нее и оставайтесь пока (впредь до исполнения нашего обещания об «открытой партии») б е з в с я к о й о р г а н и з а ц и и!

Именно таков действительный смысл ликвидаторских рассуждений В. Засулич, смысл, определяемый н е е е волей и сознанием, а соотношением классов в России, объективными условиями рабочего движения. И именно этого хотят либералы. Р. Засулич только в т о р и т Прокоповичу!

В отличие от Европы конца XVIII и первой половины XIX века Россия именно дала пример страны, в которой старая организация доказала свою жизненность и свою дееспособность. Эта организация сохранилась и во времена реакции, несмотря на отпадение ликвидаторов и тьмы обывателей. Эта организация, сохраняя свой коренной тип, умела приспособлять с в о ю ф о р м у к изменившимся условиям, умела видоизменять эту ф о р м у соответственно требованиям момента, знаменующего «еще шаг по пути превращения в буржуазную монархию».

Объективное доказательство этого приспособления старой организации мы видим—если взять одно из простейших, очевиднейших, наиболее доступных либеральному пониманию доказательств—в результате выборов в IV Думу. За старой организацией оказалось, как уже указано, $\frac{2}{3}$ депутатов рабочей курии и в том числе вся целиком шестерка главных промышленных губерний. В этих губерниях около миллиона фабрично-заводских рабочих. Все живое, все сознательное, все влиятельное из этой подлинной м а с с ы, пролетарской массы, участвовало в выборах, изменяя при этом ф о р м у своей старой организации, видоизменяя у с л о в и я ее деятельности, но сохраняя ее направление, ее идейно-политические основы и с о д е р ж а н и е деятельности.

Наша позиция ясна. И она определилась бесповоротно с 1908 года. У ликвидаторов же—и в этом их беда—нет никакой позиций, пока у них нет н о в о й организации. У них есть только вздыхания о дурном прошлом и мечтания о хорошем будущем.

III.

...«Организация необходима для партии»—пишет В. Засулич. Она недовольна уже Стокгольмским (1906 г.) решением, когда меньшевики преобладали и вынуждены были принять знаменитый первый параграф устава.

Если это верно (а это безусловно верно), тогда Вера Засулич неправа и ей придется отречься от м е н ь ш е в и с т с к о г о стокгольмского решения. Организация не только «необходима для» партии—это признает всякий либерал и всякий буржуа, желающий «использовать» рабочую партию для антирабочей политики. Партия е с т ь сумма связанных воедино организаций. Партия е с т ь организация рабочего класса, расчлененная на целую

сеть всяческих местных и специальных, центральных и общих организаций.

Тут опять-таки ликвидаторы оказываются без всякой позиции. В 1913 году они приводили такое понятие членства партии, что не только входящие в организации, но и работающие (вне организаций) под их контролем оказывались членами партии. В. Засулич вспоминает этот эпизод, считая его, очевидно, важным. Она пишет:

«...еще на втором съезде, 10 лет тому назад, меньшевики почувствовали невозможность упрятать в подпольную организацию всю партию»...

Если в 1903 году меньшевики почувствовали отвращение к подполью, почему же в 1906 году, в эпоху неизмеримо более «открытой» партии, они сами, имея преобладание на съезде, отменили принятое ими в 1903 году меньшевистское постановление и провели большевистское? В. Засулич пишет историю партии так, что на каждом шагу встречаешь поразительное, невероятное искажение фактов!

Это—бесспорный факт, что в 1906 году в Стокгольме меньшевики приняли большевистское определение партии, как суммы организаций, и если В. Засулич и ее друзья еще раз переменили свои взгляды, если они свое решение 1906 года считают теперь опять ошибкой, тогда почему бы не сказать этого прямо? Ведь этому вопросу, вообще говоря, В. Засулич придает, видимо, значение, ибо она сама подняла его, сама вспомнила 1903 год!

Читатель видит, что нет ничего более беспомощного и запутанного, чем взгляды ликвидаторов по организационному вопросу. Это—полное отсутствие взглядов. Это—образец бесхарактерности и метания. В. Засулич сердится, восклицая: «организационный оппортунизм—глупое слово». Но «сердцем» не поможешь. Ведь опубликовал же сам Череванин, что в 1907 году на собраниях меньшевистской фракции в Лондоне отмечен был «организационный анархизм» у будущих ликвидаторов. И тогда, и теперь самые видные из ликвидаторов попадали и попадают в столь оригинальное положение, что убивали ликвидаторов.

«...Организация необходима для партии», — пишет В. Засулич. — «Но забрать в себя на сколько-нибудь продолжительное время всю партию и мирно (!) существовать в одной и той же форме, с одним и тем же

уставом» (слушайте!) «она сможет лишь тогда, когда при достигнутем и упрочившемся правовом порядке (если он когда-нибудь упрочится в России) русская общественная жизнь пойдет наконец по ровной дороге, оставив за собою тот гористый путь, по которому ускоряющимся темпом она идет целое столетие, то взбираясь вверх, то низвергаясь в пропасть реакции, чтобы, отлежавшись от полученных ушибов, снова начать карабкаться в гору»...

Вот одно из рассуждений ликвидаторов, заслуживающее премии, как образец путаницы. Поймите-ка, чего хочет автор?

Изменения «устава»? Но тогда, скажите же, бога для, господá, о каком изменении устава вы говорите! И не делайте себя смешными, не пускайтесь «философически» доказывать, что устав не есть неизменяемое нечто.

Но, заговаривая об «одном и том же уставе» (между прочим, он был изменен как раз в 1912 году), В. Засулич ни к а к о г о изменения не предлагает.

Чего же хочет Вера Засулич? Она хочет сказать, что партия станет организацией, когда для России кончится гористый путь и начнется ровная дорога. Это весьма почтенная либеральная и веховская мысль: до р о в н о й д о р о г и все де скверна и зло есть, и партия не партия, и политика не политика. При «ровной дороге» все будет «в порядке», а при «гористом пути» один хаос.

Читали мы эти рассуждения давно у либералов. С точки зрения ненависти либералов к подполью и к «гористому пути» эти рассуждения понятны, естественны, законны. Факты тут извращены (ибо п а р т и й-о р г а н и з а ц и й в России было целый ряд при подполье), но мы понимаем, как у либералов ненависть к подполью затемняет глаза, заслоняет факты.

Но—еще раз—чего же хочет В. Засулич? У нас будто бы, партия-организация невозможна... следовательно? Темнота мысли и недоговоренность, запутывание дела длинными, мучительно-тяжелыми периодами, отписки и отсылки от Поития к Пилату. Вы чувствуете только, что автор подбирается к отрицанию всякой организации. И, подбираясь к этому, Вера Засулич договорилась-таки... вот венец ее мыслей:

У нас есть широкий слой рабочих, который с полным правом занял бы место в любой социалистической партии Запада. В этом быстро растущем слое, которому, чтобы образовать партию, не достает лишь возможности формального вступления в нее—все силы, и как бы ни называли мы его, мы будем и думать, и говорить о нем, как о партии.

Итак, когда спорят о ликвидации партии, надо знать, что ликвидаторы не что иное разумеют под партией. Что же они разумеют под партией?

Оказывается: «широкий слой рабочих, которому, чтобы образовать партию (!!), недостает лишь (!) возможности формального вступления в нее».

Это несравненно. Партия, это—те, кому «не достает возможности формального вступления в партию». Партия, это—стоящие вне партии.

Поистине, чудные перлы собрала для нас В. Засулич, откровенно договорив то, о к о л о чего бродят все ликвидаторы.

V.

В Германии теперь около 1 миллиона членов партии. Голосящих за с.-д. там около $4\frac{1}{4}$ миллионов, а пролетариев—около 15 миллионов. Вот вам простой и живой образчик для распутывания того, что запутали ликвидаторы. Один миллион, это—партия. Один миллион входит в партийные организации. $4\frac{1}{4}$ миллиона, это—«широкий слой». Он на деле еще во много раз шире, ибо права голоса не имеют женщины, не имеют его многие рабочие, лишенные ценза и оседлости, ценза возрастного и пр. и пр.

Этот «широкий слой»—почти все социал-демократы и без него партия была бы бессильна. Этот широкий слой при любом выступлении расширяется еще в 2—3 раза, ибо тогда за партией идет масса не социал-демократов.

Неужели это не ясно? Ведь прямо неловко как-то разжевывать азбуку!

Чем же отличается Германия от России? Вовсе не тем, что у нас нет различия между «партией» и «широким слоем»! Чтобы понять это, возьмем сначала Францию. Там мы увидим (примерно: более точные цифры лишь усилили бы мой вывод):

Партию около	70.000*)
«Широкий слой» (голоса за с.-д.) около.	1.000.000
Пролетариев около	10.000.000

*) Точная цифра по отчету на последнем Брестском съезде 1913 г., — 68.903.

А в России? Партия—150.000 в 1907 году (сосчитано и проверено на Лондонском съезде). Теперь—неизвестно сколько. Наверное, много меньше, но 30 или 50 тысяч, определить нельзя.

«Широкий слой» у нас—300—500 тысяч, если прикинуть число голосующих за с.-д. Наконец, пролетариев у нас, вероятно, около 20 миллионов. Повторяю, и тут цифры примерны, но в с я к и е иные цифры, которые кто-либо вздумал бы обосновать точнее, лишь е щ е сильнее подкрепили бы мои выводы.

Выводы состоят в том, что во всех странах, всегда и везде, е с т ь к р о м е «партии»—«широкий слой» о к о л о п а р т и й н ы х и громадная масса к л а с с а, образующего, выясняющего, питающего партию. Не понимая этой простой и ясной вещи, ликвидаторы повторяют ошибку «экономистов» 1895—1901 годов; экономисты никак не могли понять отличия «партии» от «класса».

Партия—сознательный, передовой слой класса, его авангард. Сила этого авангарда раз в 10, в 100 и более велика, чем его численность.

Возможно ли это? Может ли сила сотни превышать силу тысячи?

Может и превышает, к о г д а с о т н я о р г а н и з о в а н а .

Организация удесятворяет силы. Истина эта, ей же ей, не новая. Но не наша вина, если для В. Засулич и ликвидаторов приходится начинать с начала.

Сознательность передового отряда в том, между прочим, и проявляется, что он умеет организоваться. А организуясь, он получает е д и н у ю в о л ю, и эта единая воля передовой тысячи, сотни тысяч, миллиона с т а н о в и т с я волей класса. Посредником между партией и классом является «широкий слой» (шире партии, но у ж е класса)—слой голосующих за с.-д., слой помогающих, слой сочувствующих и т. д.

В различных странах о т н о ш е н и е партии к классу различно в зависимости от исторических и пр. условий. В Германии, например, организовано в партию около $\frac{1}{15}$ класса; во Франции—около $\frac{1}{14}$. В Германии на 1 члена партии приходится 4—5 социал-демократов «широкого слоя»; во Франции — 14. Во Франции никогда не было, в сущности, и стотысячной партии—при «открытой» организации и политической свободе.

Всякий разумный человек понимает, что есть исторические условия, есть объективные причины, которые позволили в Гер-

мании организовать в партию $\frac{1}{15}$ класса, а во Франции затруднили это, а в России затрудняют еще больше.

Что сказали бы вы о том французе, который вздумал бы заявить: наша партия—узкий кружок, а не партия. Партию не запрядешь в организацию. Партия, это—широкий слой, в нем все силы и т. д. Наверное, вы выразили бы удивление, что этот француз не находится в больнице психически больных.

А в России у нас хотят, чтобы брали всерьез людей, которые, чувствуя, видя и зная, что у нас путь все еще гористый, т.-е. условия организации труднее, заявляют, что «они будут думать и говорить о широком слое (неорганизованных!) как о партии». Эти люди—растерявшиеся беглецы из партии, растерявшиеся вне партийные или околопартийные эсдеки, которые не устояли под напором либеральных идей упадка, уныния, отречения.

V.

«Чтобы быть полезной силой, это подполье,—пишет В. Засулич в заключительной фразе своей замечательной статьи,—хотя бы оно одно только и называлось партией, должно относиться к этой рабочей з.-д.» (т.-е. к тому широкому слою, в котором В. Засулич видит «все силы» и о котором она заявила: «мы будем и думать и говорить о нем, как о партии») «так, как должностные лица партии относятся к партии».

Вдумайтесь в это рассуждение, которое является перлом из перлов в богатой перлами статье Веры Засулич. Во-первых, она прекрасно понимает, что называется партией в современной России. А десятки ликвидаторских писателей уверяли и уверяют публику, будто они этого не понимают,—в результате чего споры о ликвидации партии запутываются этими господами до невероятия. Пусть же против вульгарных, дюжинных ликвидаторов читатели, интересующиеся судьбами рабочего движения, обращаются к статье Веры Засулич и почерпают у нее ответ на затемненный и затемняемый вопрос, что есть партия.

Во-вторых, рассмотрите вывод Веры Засулич. Подполье должно относиться к широкому слою, как должностные лица к партии,—говорят нам. Спрашивается, в чем состоит суть отношений должностных лиц всякого общества к этому обществу? Очевидно, в том, что должностные лица осуществляют не свою личную (или групповую или кружковую) волю, а волю этого общества.

Каким же образом определить волю широкого слоя в несколько сот тысяч или в несколько миллионов человек? А б с о л ю т н о н е в о з м о ж н о о п р е д е л и т ь в о л ю ш и р о к о г о с л о я , е с л и о н н е о р г а н и з о в а н в о д н у о р г а н и з а ц и ю — это поймет даже ребенок. В том-то и беда Веры Засулич, как и других ликвидаторов, что, став на наклонную плоскость организационного оппортунизма, они скатываются постоянно в болото злейшего анархизма.

Ибо это есть именно анархизм, в самом полном и самом точном значении слова, когда Вера Засулич, признав сама, что «широкому слою» «не достаёт возможности формального вступления в партию» и потому «недостаёт возможности» «о б р а з о в а т ь п а р т и ю», заявляет вместе с тем, что ликвидаторы будут думать и говорить об этом широком слое, как о партии, и что подполье должно относиться к нему, как к высшей инстанции, как к верховному решителю вопроса о «должностных лицах» и п р . и т . д .

Когда против организации апеллируют к широким слоям или к массе, п р и з н а в а я невозможность организации этих широких слоев или этой массы, — это есть чистейший анархизм. Анархисты потому и составляют один из наиболее вредных элементов рабочего движения, что, всегда крича о массе угнетенных классов (или даже о массе угнетенных вообще), всегда разрушая доброе имя любой социалистической организации, они сами н и к а к о й иной организации противопоставить и создать не могут.

Марксисты принципиально иначе смотрят на отношение неорганизованной (и не поддающейся организации в течение долгого времени, иногда десятилетий) массы к партии, к организации. Именно для того, чтобы масса о п р е д е л е н н о г о к л а с с а могла научиться понимать свои интересы, свое положение, научиться вести свою политику, именно для этого необходима организация передовых элементов класса немедленно и во что бы то ни стало, хотя бы вначале эти элементы составляли ничтожную долю класса. Чтобы обслуживать массу и выражать е е правильно сознанные интересы, передовой отряд, организация должна всю свою деятельность вести в массе, привлекая из нее все без исключения лучшие силы, проверяя на каждом шагу, тщательно и объективно, поддерживается ли связь с массами, жива ли она. Так, и т о л ь к о так, передовой отряд

воспитывает и просвещает массу, выражая ее интересы, уча ее организации, направляя всю деятельность массы по пути сознательной классовой политики.

Если в результате политической деятельности всей массы, прямо или косвенно привлекаемой к выборам или участвующей в них, оказывается, что все выбранные представители рабочих—сторонники подполья и его политической линии, сторонники партии, то мы получаем объективный факт, доказывающий и живость связей с массами, доказывающий право этой организации быть и называться единственной представительницей и выразительницей классовых интересов массы. Всякий политически сознательный рабочий или, вернее, всякая группа рабочих могла участвовать в выборах, направляя их так или иначе; и если в результате именно организация, осмеиваемая, бранимая, презрительно третируемая ликвидаторами, повела за собой массу,—значит, отношение нашей партии к массам принципиально правильное, марксистское.

Теория «широкого слоя», которому, чтобы образовать партию, не достает лишь возможности формального вступления в нее», есть анархизм. Рабочий класс в России не сможет укрепить и развить своего движения, не борясь самым беспощадным образом с этой, развращающей массы, разрушающей самое понятие организации, самый принцип организации, теорией.

Теория «широкого слоя» вместо партии есть оправдание величайшего произвола и издевательства над массовым рабочим движением (при чем издевающиеся через пять слов обязательно упоминают «массу» и склоняют слово «массовый»). Все знают, что посредством этой теории ликвидаторы выдают себя, свой интеллигентский кружок за представителей и выразителей «широкого слоя». Что, дескать, для нас значит «узкая» партия, раз мы представляем «широкий слой»? Что для нас значит какое-то подполье, ведущее за собой на выборы миллионы рабочих, когда мы представляем широкий слой—должно быть, миллионы и десятки миллионов

Объективные факты—и выборы в IV Думу, и возникновение рабочих газет, и сборы на них, и союз металлистов в Петербурге, и приказничий съезд—доказывают с очевидностью, что ликвидаторы—кружок интеллигентов, отпавших от рабочего

класса. А «теория широкого слоя» позволяет обходить все объективные факты и наполнять сердца ликвидаторов гордым сознанием своего непризнанного величия...

VI.

Статья В. Засулич — такой набор курьезов, с точки зрения логики и азбуки марксизма, что у читателя естественно может явиться мысль: неужели однако нет какого-либо и н о г о смысла в этой бессмыслице? И наш разбор был бы неполон, если бы мы не указали, что е с т ь т о ч к а з р е н и я, с которой статья В. Засулич вполне понятна, логична и правильна. Это — точка зрения раскола.

История рабочего движения полна примеров неудачных, негодных, даже вредных партий. Допустите на минуту, что наша партия такова. Тогда вредно и преступно мириться с ее существованием, а тем более с ее представителями. Тогда обязательно бороться з а у н и ч т о ж е н и е этой партии и за замену ее новой партией.

Тогда понятно и естественно, — с точки зрения глубокого убеждения во вреде подполья, понятны будут тогда и заявления вроде подобных, что «неизвестно, помогала она (партия) или мешала», помогает или мешает. Мы будем оправдывать и прославлять *) уходящих из нее, объяснять это «недееспособностью» старой партии. Мы будем о т этой старой партии апеллировать к б е с п а р т и й н ы м для того, чтобы они вошли в новую.

В. Засулич не договорила этой точки зрения раскола. Может быть, субъективно для автора этот факт важен и знаменателен. Но объективно он — малозначущ. Если писатель говорит а, б, в и перечисляет в с е буквы азбуки, кроме последней, то можно биться о заклад, что 999 читателей из 1000 сами добавят (вслух или мысленно) последнюю букву. Ликвидаторы все находятся в этом смешном положении: они приводят полную коллекцию доводов за раскол, а потом либо молчат, либо добавляют, что они «за единство».

*) Между прочим. Эта защита отпавших содержится у В. Засулич и в словах: «широкому слою, чтобы образовать партию, недостает лишь возможности формального вступления в нее». Тысячи фактов говорят обратное. Говоря о «недостатках возможности», В. Засулич на деле защищает обывательщину, а то и худшие качества.

Мы же и по поводу статьи В. Засулич и по поводу десятка подобных статей Л. Седова, Дана, Левицкого, Ежова, Потресова, Мартова отвечаем одно: первое условие единства есть категорическое осуждение «теории широкого слоя вместо партии», осуждение всех выходов против подполья, осуждение статьи В. Засулич и полный отказ от всех подобных выступлений. Партия не может быть «единой», не борясь против тех, кто оспаривает необходимость ее существования.

С точки зрения раскола статья В. Засулич логична и верна. Если ликвидаторам удастся основать новую партию и если эта новая партия окажется лучше старой, — тогда статья В. Засулич (как и вся литература ликвидаторов) окажется исторически оправданной. Было бы глупеньким сантиментальничаньем отрицание права основателей лучшей, настоящей, истинно-рабочей партии н а р а з р у ш е н и е старой, недееспособной, негодной партии. Если же ликвидаторы никакой новой партии не образуют, никакой иной организации рабочих не создадут, тогда вся их литература и статья В. Засулич останутся памятником растерянности отпавших от партии, бесхарактерных интеллигентов, увлеченных контр-революционным потоком уныния, неверия, обывательщины и плетущихся за либералами.

Или — или. Середины тут нет. Нельзя здесь ничего «примирить»; нельзя «немножечко похоронить» старую партию или «немножечко основать» новую.

Своеобразие исторического момента, переживаемого Россией, сказывается, между прочим, именно в том, что сравнительно небольшое партийное ядро, сумевшее удержаться во время бурь и отстоять себя вопреки всем разрывам отдельных организационных нитей то здесь, то там, сумевшее обеспечить себе необыкновенно сильное влияние на громадные массы рабочих (сравнительно не с теперешней Европой, разумеется, а с Европой 1849 — 1859 годов), — это ядро окружено многим множеством антипартийных, беспартийных, внепартийных и околпартийных социал-демократов и почти - социал - демократов.

Так именно и должно обстоять дело в стране, рядом с которой высится Монблан немецкой социал-демократии, а внутри этой страны... внутри даже либералы не видят дороги помимо «гористого пути», при чем господа Струве и К-о за десять слишком лет воспитали сотни и тысячи мелко-буржуазных интеллигентов, облакающих либеральные мыслишки почти-марксистскими словами.

Возьмите г. Прокоповича. Фигура заметная в нашей журналистике и общественной деятельности. По сути несомненный либерал. Но есть основания опасаться, что сам он себя считает социал-демократом — антипартийным. Возьмите г. Махновца (Акимова). Либерал терперамента более меланхолического и с более сильным рабочелюбием. Сам он себя считает, несомненно, социал-демократом — беспартийным. Возьмите писателей «Киевской Мысли» и «Нашей Зари», «Луча» и т. п. Это — целая коллекция социал-демократов внепартийных и околпартийных. Одни из них заняты преимущественно мечтами об основании новой, открытой партии, но еще не решили окончательно вопроса о том, не слишком осрамишься, если «преждевременно» приступишь к осуществлению гениального плана. Другие специализируются на клятвенных уверениях в том, что они ничего не ликвидируют, стоят за единство и вполне согласны... с немецкой социал-демократией.

Возьмите социал-демократическую думскую фракцию. Одна из самых видных фигур — Чхеидзе, которого как будто пророчески предвидел Некрасов, когда писал:

...Но иногда пройти стороной
В вопросе трудном и больном...

Самые трудные и больные времена для с.-д. в эпоху III и начала IV Думы были в 1911—1912 годах. Складывалась рабочая печать — ликвидаторская и антиликвидаторская. Чхеидзе «прошел стороной». Он не был ни с теми, ни с другими. Он был околпартийным социал-демократом. Он как будто выжидал и присматривался: с одной стороны, нет иной партии кроме старой; с другой стороны, неровен час, «они» ее немножечко похоронят... Читаешь его речи и аплодируешь нередко остроумной и злой выходке против правых, горячему и резкому слову, защите старых традиций, — а в то же время затыкаешь нос, развертывая ликвидаторскую газету, в которой громят «азарт», пренебрежительно отмахиваются от традиций и учат рабочих презрению к организации, все это как бы с благословения Чхеидзе, украшающего список сотрудников своим именем. Встречаешь статью Ана с резким нагоняем ему от редакции «Луча» и думаешь невольно: не потерпели ли трагикомического поражения наш бедный Чхеидзе и наш добрый Ан при попытке их свергнуть иго Даново...

Есть люди, во имя великого принципа пролетарского единства советующие партии соглашение с той или иной группой около-

партийных почти социал-демократов, которая хочет «пройти стороной» или колеблется в вопросе о том, хоронить старое или укреплять. Не трудно понять, что эти люди колеблются сами или очень плохо знакомы с действительным положением дела. Партия, которая хочет существовать, не может допускать ни малейших колебаний в вопросе о ее существовании и никаких соглашений с теми, кто может ее похоронить. Желających сыграть роль посредников при подобном соглашениях нет числа, но все эти люди, употребляя одно старинное выражение, понапрасну жгут масло и даром теряют время.

Р. С. Заключительная статья П. Б. Аксельрода в № 13 «Живой Жизни» (от 25 июля 1913 г.) — под заглавием «Прежде и теперь» — дала поразительно яркое подтверждение нашим словам. Деловая сущность этой водянистой статьи заключается, конечно, не в забавном рекламировании августовской конференции и ликвидаторов, а в новом возбуждении вопроса о рабочем съезде. Разумеется, своего горького и печального опыта с идеей рабочего съезда в 1906 — 1907 году П. Б. Аксельрод предпочитает не вспоминать: к чему тревожить старое! Особых условий с о в р е м е н н о г о момента, когда оказались возможны рабочие съезды специального, так сказать, характера и по специальным поводам (приказчиий съезд сегодня, может быть, страховой или профессиональный завтра и т. п.) П. Б. Аксельрод тоже не затрагивает. Опыт приказчиьего съезда, большинство на котором (по вынужденному признанию самих ликвидаторов в «Живой Жизни») было п р о т и в ликвидаторов, вероятно, П. Б. Аксельроду не нравится.

Аксельрод не говорит о том, что было и что есть. Он предпочитает фантазировать о будущей «оттепели» — благо, конкретных условий ее мы знать не можем! Он фантазирует о созыве «если не общероссийского, то общерусского социал-демократического рабочего съезда», который дальше называется уже прямо общерусским.

Итак, два изменения прежнего гениального плана: во-первых, не простой рабочий, а с.-д. рабочий съезд. Это прогресс. Приветствуем П. Б. Аксельрода за этот шаг вперед в течение 6 лет. Приветствуем его, если он убедился во вреде прожектерских планов «объединения» с левыми народниками. Во-вторых, замена общероссийского съезда общерусским. Это означает отказ от полного единения с рабочими н е р у с с к о й националь-

ности в России (провал идеи рабочего съезда в их среде Аксельрод считает окончательным!). Это — два шага назад. Это — освящение сепаратизма в рабочем движении.

Но ягоды еще впереди. Зачем понадобилось П. Б. Аксельроду мечтание о рабочем съезде? А вот зачем:

...Рабочий съезд завершит совершающийся в последние годы ликвидационный процесс старого партийного режима, сложившегося на отсталой исторической почве крепостнического государства и сословного социально-политического режима, и вместе с тем положит начало совершенно новой эпохе в историческом бытии русской социал-демократии, эпохе развития ее на совершенно тех же основах, что и западные социал-демократические партии.

Все знают, что эти «совершенно те же основы» суть основы легальной партии. Значит, говоря без экивоков, рабочий съезд нужен ликвидаторам для «завершения ликвидации» старой партии и для основания новой, легальной.

Таков короткий смысл длинных речей П. Б. Аксельрода.

Вот вам последнее слово околопартийного социал-демократизма! Что члены партии должны работать в партии и укреплять ее,—эту старую, устаревшую мысль П. Б. Аксельрод сдал в архив. Мы ничего не ликвидируем, это клевета, мы только стоим «в стороне» и кричим во всеуслышание о «завершении процесса ликвидации партии». Мы клянемся и божимся при этом, что завтра будем прекрасными членами будущей легальной партии.

Эти милые околопартийные эсдеки 1913 года очень похожи на тех либералов 1903 года, которые уверяли, что они вполне эсдеки и непременно станут членами с.-д. партии... разумеется, когда она станет легальной партией.

Мы ни на минуту не сомневаемся в том, что в России будет пора политической свободы и что тогда будет у нас легальная с.-д. партия. В нее, вероятно, войдут некоторые из теперешних околопартийных эсдеков.

Итак, до свидания в рядах будущей легальной партии, наши будущие товарищи! А пока—извините—нам не по дороге, ибо пока вы выполняете не марксистскую, а либеральную работу, господа околопартийные социал-демократы.

«Прогвешение» № 9,

сентябрь 1913 г.

За подписью В. Ильин.

ПРИМЕЧАНИЯ

І ЧАСТЬ.

¹⁾ *Белоусов*—член III Гос. Думы от Иркутской губернии, с.-д.; в апреле 1912 г. вышел из состава с.-д. фракции по мотивам различного отношения его и фракции к местным интересам, отстаивать которые он считал своей первой обязанностью.

²⁾ *Закон 9 ноября 1906 г.*—см. прим. 77 к IX тому Собр. сочинений.

³⁾ *Первые три параграфа* статьи «Избирательная кампания в IV Гос. Думу» напечатаны в 2 части XI тома Собр. соч. под заголовками: «I. Основные принципиальные вопросы» (стр. 419—423), «II. Роль рабочих выборщиков в избирательной кампании» (стр. 495—501) и «III. Крестьянство и крестьянские выборщики в избирательной кампании» (стр. 501—505).

⁴⁾ *Всероссийская Конференция Р. С.-Д. Р. П.*

На Конференции, происходившей в Праге в январе 1912 г., были представлены все действующие с.-д. организации за чисто единичными исключениями. Присутствовало 15 делегатов с решающим голосом от следующих организаций: С.-Петербург, Москва и Центрально-промышленная область, Киев, Екатеринослав, Николаев, Баку, Тифлис, Саратов, Казань, Вильна, Двинск. С опозданием прибыли еще на Конференцию 2 тов. из с.-д. фракции III Гос. Думы (1 большевик и 1 меньшевик-партиец).

С совещательными голосами на Конференции присутствовали:

Делегат Центр. Орг. («Соц. Демократ»), делегат «Рабочей Газеты», делегат «К. З. О.», т.-е. Ком. Загр. Орг., недавно образованной большевиками за границей организации, взявшей на себя инициативу сплочения всех партийцев и поддержки из-за границы русского центра, и один член транспортной группы. Съезжавшиеся делегаты Конференции задолго до официального открытия Конференции обратились с приглашением на Конференцию и к заграничным группам: «Вперед», «Правда» и «Дневн. Соц.-Дем.», но эти группы—по причинам, от партийной работы в России независимым—своих делегатов не прислали.

⁵⁾ *«Живое Дело»*—ликвидаторская еженедельная газета, выходившая в Петербурге в первой половине 1912 г. под ред. Ежова (Цедербаума), Мирова (Икова) и Маевского.

⁶⁾ *Немецкая революция 1848 г.*—см. прим. 28 к VII тому Собр. сочинений.

⁷⁾ *Крыжановский*—тов. министра внутр. дел. при Столыпине, автор «Сенатских разъяснений» в избирательную кампанию во II Гос. Думу и положения о выборах в III Думу 3/VI 1907 г.

⁸⁾ *Декабрьская Конференция 1908 г.*—см. о ней приложение к XI том Собр. соч., документы под № 1.

9) Речь идет о соц.-дем. фракции III Гос. Думы.

10) О *Российской Организационной Комиссии* (Р. О. К.) см. статью В. И.: «Развязка партийного кризиса» на 433—441 стр. 2 части XI тома Собр. соч.

11) Речь идет о Пленуме Ц. К. в январе 1910 г.

12) *Ионов (Койген)*—см. прим. 13 к 2 части XI тома Собр. сочинений.

13) Речь идет о привилегиях крупных землевладельцев и крупнейшей буржуазии (особенно в законе 3 июня 1907 г.).

14) *Аноним из «Vorwärts'a»*—речь идет о Троцком.

15) *Платформу «впередовцев»* в избранных частях—см. приложение к XI тому Собр. соч., № 4.

Группы: 1) «Правда» Троцкого и 2) «Голос Соц.-Демократа» меньшевиков-ликвидаторов—достаточно метко охарактеризованы в ряде статей В. И. в XI томе Собр. сочинений.

16) «*Sozialistische Monatshefte*» — ежемесячник германских «ревизионистов», сторонников Эд. Бернштейна (см. о нем прим. 2 к IV тому Собр. сочинений).

17) *Максимов и Богданов*—одно и то же лицо; их сопоставление сделано, вероятно, по конспиративным соображениям, которых В. И. строго придерживался и по отношению к своим политическим противникам.

18) О «*богостроительстве*» см. резолюцию Сопещения расширенной редакции «Пролетария»: «2. О богостроительских тенденциях в социал-демократической среде» (546—547 стр. 2 части XI тома Собр. сочинений).

19) *Тезис Пленума Р. С.-Д. Р. П. о ликвидаторстве* — см. приложение к XI тому Собр. соч., № 3, резолюцию: «Положение дел в партии» (557—559 стр. 2 части XI тома).

20) См. ряд статей В. И. во 2-й части XI тома Собр. соч.: 1) «Разрушители партии в роли разрушителей легенд»; 2) «Разговор легалиста с противником ликвидаторства»; 3) «Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России» и др.

21) *Игорев*—В. И. Гольдман-Горев.

22) *Резолюция Ливарской Конференции 1912 г.* в Праге — см. в тексте 1 части этого тома, стр. 11—33.

23) Комический персонаж из романа А. Додэ под тем же заголовком—любитель пышных, но бессодержательных речей.

24) См. статью В. И. во 2 части XI тома Собр. соч.: «Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России».

25) «Патронов не жалеть»—слова генерала Д. Трепова, диктатора в эпоху Великой октябрьской забастовки 1905 г. (см. подробнее в VII томе Собр. соч.).

26) Слова Макарова: «Так было и так будет впредь».

27) *Июньские дни 1848 г. в Париже*—см. 68 прим. к VII тому Собр. сочинений.

28) «*Полярная Звезда*»—журнал декабристов; главное участие в нем принимал один из пяти казненных Николаем I за 14 декабря 1825 г. поэт К. Ф. Рылеев.

29) *Кавелин*—см. 25 прим. к V тому Собр. сочинений.

30) Речь идет о *Н. Тургеневе*, некогда примыкавшем к декабристам, а к 60 годам XIX в. превратившемся в дюжинного либерала.

31) 129 статья Уголовного Уложения 1903 г., постоянно расширявшаяся и дополнявшаяся в эпоху первой революции, была направлена против так наз. «*политических преступлений*» преимущественно в печати.

³²⁾ *Гушка*—псевдоним иещёшевика-ликвидатора А. Ерманского.

³³⁾ См. статью В. И.: «О значении кризиса» во 2 ч. XI тома Собр. сочинений, стр. 279—283.

³⁴⁾ А. Ерманский—меньшевик-ликвидатор; он же писал под всевдонимом Гушки (см. выше прим. 32).

³⁵⁾ *Лондонские лозунги Миллюкова*—см. 64 прим. ко 2 части XI тома Собр. сочинений.

³⁶⁾ *Бракке*—см. 304 прим. к XIV тому Собр. сочинений.

³⁷⁾ *Львов, Г. Е.*—член I Гос. Думы, умеренный либерал, председатель земгора в эпоху империалистской войны, премьер первого Временного Правительства, ушел в отставку в июле 1917 г.

³⁸⁾ *Соглашение на Объединительном съезде с Социал-Демократией Польши и Литвы* см. 194—195 стр. 2 части VII тома Собр. сочинений.

Резолюция Декабрьской Конференции 1908 г. об объединении с «левицей» И. П. С.—см. 540 стр. 2 части XI тома Собр. сочинений.

³⁹⁾ *Белюсовский случай в III Госуд. Думе*—см. выше 1 примечание к этому тому.

⁴⁰⁾ Б. Ежов—С. О. Цедербаум, меньшевик-ликвидатор.

⁴¹⁾ Перепечатываем полностью напечатанную в России прокламацию, которая распространялась на заводах перед 1 мая 1912 г.:

Товарищи! Близится первое мая—«праздник светлый и свободный». Это день, когда русский пролетариат еще и еще раз делает смотр своим силам, посылает грозный вызов врагу и обращает свой братский призыв ко всей революционной России, крестьянству и студенческой молодежи.

Товарищи! Могучий подъем стачечного движения последнего года, стихийный взрыв великого праведного гнева при первой вести о кровавом Ленском расстреле показали, что вновь бодр и силен, как прежде, русский рабочий, вновь готов к беспощадной последней борьбе.

Товарищи! 1 мая—это день революционного движения. Выходите все из фабрик и заводов и заявите снова пред лицом всего мира свои справедливые требования. Пусть лозунгами нашими будут:

Учредительное собрание. 8-часовой рабочий день. Конфискации помещичьих земель.

Утром, придя в мастерские, не становитесь на работу. Собравшись по заводам на митинги, выносите резолюций с нашими требованиями.

Днем от 2—3 ч. состоится митинг-демонстрация на Невском, между Анничковым мостом и Казанской площадью.

Товарищи, помните следующее:

1) Оттесненные, уступив силе, старайтесь вновь и вновь проникнуть на Невский и по возможности не покидайте его. 2) Вновь собирайтесь в тесные, сплоченные группы и выкидывайте свое красное знамя.

Оружие при себе не имейте.

Долой царское правительство.

Долой самодержавную конституцию 3 июня.

Да здравствует демократическая республика.

Да здравствует социализм.

Собрание предств. всех организ. рабоч.—Спб. С.-Д. группа Объединения. Центральная городская с.-д. группа. Группа рабочих с.-р.—Группа рабочих с.-д.

С.-Д. Спб. представитель майских комитетов («Социал-Демократ» № 27 от 4 (17) июня 1912 г.

⁴²⁾ «О Г. Гапон» — см. 68 прим. к VI тому Собр. сочинений.

⁴³⁾ См. во 2 части XI тома Собр. соч. статьи В. И.: 1) «О демонстрации по поводу смерти Муромцева»; 2) «Не начало ли поворота?» и 3) «Начало демонстраций» (стр. 119—128).

⁴⁴⁾ Манушин — либеральный бюрократ, сотрудничество с которым считалось приемлемым для общественных деятелей до кадетов включительно.

⁴⁵⁾ Головин — см. 109 прим. к VIII тому Собр. сочинений.

⁴⁶⁾ Акимов (Махновец) — см. 141а прим. к VII тому Собр. сочинений.

⁴⁷⁾ См. статьи Л. Б. Каменева: 1) «От демократизма к либерализму» и 2) «Разложение эс-эров» (перепечатаны) в сборнике: «Между двумя революциями», стр. 184—216.

⁴⁸⁾ Речь идет о *Пленуме Ц. К.* в январе 1910 г. (см. приложение к XI тому Собр. сочинений, № 3).

⁴⁹⁾ Вместо Венского Конгресса состоялся экстренный Конгресс в Базеле в 1912 г.

⁵⁰⁾ *Хутор или община?* (письмо из деревни). Разрешение вопроса: быть или не быть общине, необходимо ввиду важности того или иного приговора этой форме крестьянского быта. Я желал бы, чтобы эти строки хоть немного посодействовали выяснению и решению вопроса.

Я нахожу, что разрушение общины отнюдь не содействует общественному благу, а, напротив, является нежелательным явлением.

Вопрос об общине до сих пор служит предметом обсуждения, главным образом, для специалистов, сельских хозяев, как таковых. Между тем, важнейшее значение общины носит чисто социальный характер, вследствие чего здесь необходим и голос социологии. Немудрено, что оценка значения общины, состоящая в критике ее, как несовершенной формы хозяйства, односторонняя и неверная.

Как общинная, так и другая типичная форма ведения сельского хозяйства — хуторная — могут быть более или менее несовершенны и поддаются тем или иным улучшениям.

Хутор, как более мелкая единица, при особо одаренном хозяине, конечно, скорее может приблизиться к совершенству, к пределу улучшения. Зато хозяева, не столь одаренные (а сельское хозяйство не такая уже простая механика, как это думают многие «господа», никогда не нюхавшие земледельческого труда, — оно требует особого таланта!), не сумеют даже удержаться на прежней высоте имущественного благосостояния: они не будут больше побуждаться даровитыми соседями. Таким образом, в общем, вся сумма хозяев, выделившихся из общины, вряд ли получит большие материальные блага, чем до выделения.

Лица, стремящиеся к улучшениям в хозяйстве, должны помнить, что они возможны и в общине. Если вы недовольны чем-либо в ведении хозяйства, укажите остальным членам общины замеченные вами недостатки, растолкуйте им пользу задуманных вами нововведений. Они ведь от хорошего, вероятно, не откажутся; волостной сход состоит из дураков разве для какого-нибудь досужего бездельника, который от скуки накрапывает какой-нибудь, якобы юмористический, рассказишко.

Почему мы стремимся получить сельскохозяйственные знания, имея в виду только «свой собственный» клочек земли? Это потому, что мы сами далеко еще не совершенны. Многовековое обособленное собственничество сделало нас слишком необходимыми, что грозит большими затруднениями для выполнения идеалов лучшего общественного устройства.

Правительство во что бы то ни стало тащит их на хутора.

Но мы знаем, что все ценные приобретения человеческой культуры обязаны своим происхождением общежитию людей и что высота духовного развития есть также прямой результат взаимодействий отдельных особей человеческого рода. Принимая во внимание все это, я нахожу, что не разрушение общинного земледользования извне, а реформирование его со стороны самих же крестьян является верным залогом грядущего царства свободы и справедливости. (*«Правда» № 118 от 15 сентября 1912 г., за подписью П. С. Полянский*).

⁵¹⁾ *Балканская война 1912 г.* — см. 9 прим. к XIX тому Собр. сочинений.

⁵²⁾ *Туган-Барановский*, профессор-экономист, автор работ: «Теория кризисов», «Русская фабрика в ее прошлом и настоящем» и мн. др.; начал с так наз. «тегального марксизма», перешел к «критике Маркса», дошел до теории «предельной полезности» и кончил мистицизмом.

⁵³⁾ См. выше прим. 41.

⁵⁴⁾ Речь идет о волне стачек, прокатившейся по всей России после Ленских событий, и о маевке 1912 г.

⁵⁵⁾ Речь идет о восстаниях и попытках восстаний солдат и матросов в Туркестане, в Балтийском флоте и на Черном море летом 1912 г.

⁵⁶⁾ *Отто Бауэр* — австрийский марксист, в своих сочинениях по национальному вопросу развивавший теорию «культурно-национальной автономии». Главное из его сочинений: «Национальный вопрос и социал-демократия». Социал-соглашатель. Был после революции 1918 г. министром в австрийском правительстве.

⁵⁷⁾ *Вильсон* — впоследствии вовлек Соединенные Штаты в империалистскую войну, один из четырех организаторов Версальского договора.

⁵⁸⁾ *Февральское Совецание 1913 года* — так называлось (по конспиративным соображениям) происходившее в конце декабря 1912 г. в Кракове заседание Центрального Комитета, на котором присутствовали Ленин, Каменев, Зиновьев, Крупская, Сталин, члены IV Думы — Муранов, Петровский, Бадаев и другие партийные работники.

⁵⁹⁾ *«О страховой кампании»* — см. сборник Истпарта: «Из эпохи, „Звезды“ и „Правды“», выпуск 1

II ЧАСТЬ.

1) Эгги премьером был Асквит, лидер либералов.

2) *Тышко* (Иогихес)—см. 60 прим. к 2 части XI тома Собр. сочинений.

3) *Р. Люксембург*—см. 83 прим. к 1 части XI тома Собр. сочинений.

4) *Августовская (1912 г.) конференция ликвидаторов* была созвана в противовес Январской Конференции Р.С.-Д.Р.П. под флагом объединения всех партийных сил против «раскольников-ленинцев»; «плехановцы» вовсе не явились, «впередовцы» явились, но ушли с протестом; «объединились» ликвидаторы, латыши, троцкисты, кавказцы и Думская «семерка». К февралю 1914 г. «августовский блок» распался. См. подробнее в статье В. И.: «О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве», особенно III главу: «О распаде августовского блока» (453—456 стр. 2 части этого тома).

5) *Ноябрьские стачки 1912 г.* (в день открытия IV Гос. Думы и по поводу севастопольского приговора над восставшими матросами) послужили пробным камнем для оценки отношений ликвидаторов и революционной соц.-демократии к нараставшему революционному движению.

6) *Ф. Д.—Ф. Дан*, вождь меньшевиков-ликвидаторов. В дальнейшем, всюду в тексте эти инициалы раскрыты.

7) *Пуанкаре*—теперешний французский премьер, ярый враг Сов. России.

8) *Тан*—писатель-этнограф, один из основателей народно-социалистической партии.

9) О романах *Ропшина (Савинкова)* см. статью Л. Б. Каменева «О романе Ропшина-Савинкова» в сборнике: «Между двумя революциями», стр. 217—228.

10) *Суханов-Гиммер*—см. 25 прим. к IX тому Собр. сочинений.

11) «*Боевое знамя майских стачек 1912 г.*» — «*Три кита революционной социал-демократии*»: 1) низвержение царизма; 2) ликвидация помещичьего землевладения и 3) 8-часовой рабочий день.

12) *Н. Милотин*—см. 12 прим. к V тому Собр. сочинений.

13) *Кассо*—министр народного просвещения; ярый реакционер, разгромил Московский университет в 1911 г.

14) *О широкой рабочей партии в 1906—1907 г.г.*—см. статью В. И. (против Ларина) в VIII томе Собр. сочинений: «Кризис меньшевизма».

15) Речь идет о *Декабрьской Конференции 1908 г.* (резюмирована см. в Приложении к XI тому Собр. сочинений, под № 1).

16) Речь идет о резолюции Пленума Ц. К. в январе 1910 г. (см. там же, под № 3).

17) *Коссовский (Левинсон)*—см. 35 прим. к XIX тому Собр. соч.

18) *Медсм*—см. 7 прим. к 1 части XI тома Собр. соч.

19) См. статью: «Как В. Засулич убивает ликвидаторство» в добавлении к этому тому.

20) *Ан* (Н. Жордания) см. о нем 119 прим. к IV тому Собр. соч.

21) Крупная буржуазия этим перечнем только подтвердила предсказание, сделанное В. И. еще в 1910 г. в статьях: 1) «Начало демонстраций» и 2) «Не начало ли поворота?» (см. во 2 части XI тома, стр. 123—128)

22) См. статью В. И.: I. «Заметки публициста». II. «Объединительный кризис в нашей партии», § 6 под заголовком: «О группе независимцев-легалистов».

23) См. 329 стр. 1 части этого тома.

24) Ироническое сопоставление вождя ликвидаторов Дана и вождя крупной буржуазии Салазкина.

25) Так по цензурным условиям говорится о резолюции Пленума Ц. К. 1910 г.

26) Речь идет о резолюциях Декабрьской Конференции 1908 г., Январской Конференции 1912 г. и так назыв. «Февральского совещания» 1913 г.

27) Речь идет о *Воронцове - Дашкове*, который был тогда наместником Кавказа.

28) См. подробнее об этом в перепечатанной в VIII томе Собр. сочинений статье В. И.: «Кризис мещевизма».

29) Литературные силы старого народничества после закрытия «Отечественных записок» в 1884 г. перешли преимущественно в журнал: «Русское Богатство», редактировавшийся Н. Михайловским. Здесь нашли себе место и А. Пешехонов, и В. Чернов.

30) Здесь разумеется след. место из партийной программы, принятой на II съезде Р. С.-Д. Р. П.:

«Партия рабочего класса, социал-демократия, зовет в свои ряды все слои трудящегося и эксплуатируемого населения, поскольку они переходят на точку зрения пролетариата» (Собр. сочинений, IV том, стр. 329).

31) *Летнее совещание большевиков*—или так назыв. *августовское*—происходило 25/IX—1/X 1913 года в деревне Порожня (Галиция). Участие в нем принимали: Ленин, Зиновьев, Каменев, Крупская, Трояновский, Е. Ф. Розмирович, представители польской партии, Думская «шестерка» и ряд представителей местных организаций.

32) *Гурвич*—см. прим. 46 к I тому Собр. сочинений.

33) *Закон 9/XI 1906—14/VI 1910 г.*—см. 77 прим. к IX тому Собр. сочинений.

34) *Туляков*—депутат IV Гос. Думы, принадлежавший к «семерке», ликвидатор.

Бадаев—депутат IV Гос. Думы из «шестерки», большевик.

35) *Донцов*—см. 38 прим. к XIX тому Собр. сочинений.

36) *Семковский* (С. Бронштейн)—см. 57 прим. к XIX тому Собр. сочинений.

37) *Ягелло*—см. 24 прим. к XIX тому Собр. сочинений.

38) Эта статья В. И. перепечатана на 7—158 стр. II тома Собр. сочинений.

39) *Гамма, Л. М.*—подписи Л. Мартова.

40) «*Национальный вопрос и латышский пролетариат*».

В настоящее время, когда национальный вопрос сделался вопросом дня в марксистской литературе, для русского читателя небезынтересно будет подробно ознакомиться, как этот вопрос поставлен и как он разрешается у одной

из так называемых «национальных» организаций—у латышей. Я полагаю, что это не только выяснит кое-какие недоразумения по отношению к латышам, но и послужит материалом для правильного принципиального разрешения вопроса вообще. Весь латышский народ обнимает немногим более одного миллиона населения. В миниатюре отдельные стадии развития часто обрисовываются более выпукло, чем в крупном масштабе. Но, кроме того, имеются на-лицо особенности, делающие латышскую национальность из всех «наций без истории» (по выражению Бауэра), может быть, наиболее благодарным объектом для исследования *).

Во-первых, вы нигде не найдете на исходной ступени столь однородного в экономическом и сословном отношении материала для исследования: до отмены крепостной зависимости (в 1817 г. или правильнее, как увидим дальше, в 1860 г.) весь латышский народ представляет собой исключительно крестьян, а все привилегированные сословия (дворянство и бюргерство) состоят исключительно из немцев. Во-вторых, нигде вы не встретите столь быстрого расслоения этой однородной массы на резко отмежеванные между собою классы. В-третьих, нигде не прошла в столь чистом виде дифференциация населения на классы хозяев-предприимчивателей и рабочих даже в деревне, как здесь. И если на этом ограниченном фоне вам удастся наблюдать те же тенденции развития, как у больших наций, то все эти явления здесь безусловно легче объяснимы, чем там. Вот почему я надеюсь, что, ознакомившись с историей национального вопроса у латышей, читатель лучше поймет национальный вопрос не только у нас (например, в Финляндии, в Литве и т. д.), но и в Чехии, Моравии, Галиции и вообще в Австро-Венгрии.

1. Возникновение и развитие у латышей буржуазного национализма.

Если у чехов раздавались голоса против причисления их Бауэром к «нациям без истории», то у латышей такого протеста просто и быть не может. Ибо с того времени, как семь столетий тому назад немецкие рыцари-крестоносцы завоевали Прибалтийское побережье, вплоть до отмены крепостной зависимости, латыши, как самостоятельная народность, не играли роли. А до этого завоевания даже не было единой латышской народности, ибо у отдельных племен, до этого завоевания населявших нынешний Латышский край, насколько о них вообще что-либо известно, не было даже единого языка. Если же у них в то время и было какое-либо деление на касты или сословия, то верхи их были или истреблены завоевателями, или ассимилированы. Остальное же население, подпадая под все более и более тяжелое экономическое и политическое иго завоевателей, разбилось на мелкие единицы чисто территориального характера с отдельными наречиями.

*) Латыши (всего около 1½ миллиона) занимают, как коренное и сплошное население, всю Курляндскую и четыре южных уезда Лифляндской губ. История эстонского населения, занимающего остальную часть Лифляндск. и всю Эстляндскую губ., почти совершенно тождественна с историей латышского населения. Наконец, часть латышей (католики) населяют Двинский, Режицкий и Люцинский уезды Витебской губ., но их история совершенно отличается от истории Прибалт. губ.; говорят они на особом наречии.

С этого времени вплоть до XIX столетия исключительно господствующим сословием в селах и городах являются немцы. Ввиду разных особых условий это господствующее сословие, имеющее в своих руках одновременно всю экономическую и всю политическую власть, довело порабощение остального населения до размеров, каких мы не найдем нигде в Европе. Озлобленность латышских рабов к господам-немцам вследствие этого и доходила, может быть, до неслыханных размеров, но еще не было национальной вражды. Не было такой национальной вражды и со стороны немцев к латышам, или как они их называли «не немцам». Напротив, хотя немцы и смотрели на латышей, как на низшую расу, первые книги на латышском языке (правда, первоначально только религиозного содержания, как, например, в 1689 г. перевод Священного Писания) составлялись и издавались именно немцами (пасторами), которые таким образом и положили основание единому латышскому литературному языку. А гуманисты начала XIX столетия (их среди прибалтийских немцев было лишь очень немного) мечтали о том, что освобождение крестьян от крепостной зависимости окончательно устранил препятствия для полного слияния бывших крепостных латышей с культурным немецким народом. Наконец, когда крепостное состояние или, вернее, рабство было отменено в 1817 году в Курляндии, в 1818 г.— в Лифляндии,—действительно долгие годы после этого все передовые элементы латышского населения поглощались немецкой нацией.

Это ясно выражается в следующих цифрах:

В 1771 г. в Лифляндии всего было 447.360 жителей, из коих 20.400 (или 4,5%)—немцев; в 1870 г., по частным подсчетам, этот процент составляет 15%, а в 1881 г., когда тенденция к ассимилированию уже значительно ослабла, по официальным данным народной переписи, из 1.163.484 жителей Лифляндской губернии 113.373 (или все-таки 9%) назывались немцами; наконец, по переписи 1897 г., этот процент составляет лишь 7,6%, ибо ассимилирование уже прекратилось.

Таким образом, до 40-х, даже до 50-х годов XIX столетия в прибалтийских губерниях не было национального вопроса. И вдруг он появился и почти моментально принял весьма острую форму. Откуда и почему?

Мы уже видели, что исключительное обострение отношений между крестьянами и дворянством в крае вызывалось неограниченным господством дворянства. (В 1784 году вспыхнуло даже всеобщее крестьянское восстание.) Освобождение крестьян от рабства *) в 1817 и 1818 годах также не облегчило их положения, ибо закрепостило их в тяжелую барщину, которая прекращена была лишь в 60-х годах. Освобождение 1817 и 1818 г.г. было только отменой права собственности помещика на личность крестьянина, но одновременно это было отнятием от крестьян всей их земли, объявляя таковую исключительно собственностью дворянства. Место «крепостного труда» заняла барщина (закон ее называет то «издельной повинностью», то «издельной арендой»), пределы которого зависели

*) Я называю это состояние рабством потому, что после присоединения прибалтийских губерний к России при Петре положение крестьян (особенно в Лифляндии, сравнительно с шведским режимом) значительно ухудшилось и из крепостного состояния, все-таки хотя бы формально ограниченного, превратилось фактически в полное рабство.

от усмотрения помещика, т.-е. от «свободного соглашения» — при отсутствии за крестьянами права передвижения, при существовании права помещика подвергать неисправного работника даже телесному наказанию и при неограниченной власти немецкого дворянства в административных и судебных учреждениях. Латышская народная поэзия, почти единственный, но очень богатый материал по истории латышской народности, рисует этот период барщины, как самый безнадежный, сравнительно даже с предыдущим рабством, не говоря уже о крепостной зависимости гуманного шведского периода. Сколько ненависти вложено в народную песню: «если бы я имел те деньги, которые лежат на дне моря, я бы купил г. Ригу со всеми немцами, я бы немцу сделал то, что немец сделал мне» и т. д. (идет бесконечный остроумный перечень). Психологическая почва для будущей национальной вражды уже была налицо. Но пока это недовольство выражалось только в стихийных беспорядках, повторяющихся периодически. А когда в 40-х годах, после трех лет неурожая, голод довел все крестьянство до крайности, и когда крестьяне не видели другого выхода из своего положения, они свой протест не сумели выразить иначе, как паломничеством к губернатору и генерал-губернатору *) и массовым переходом в православие. Откуда-то появился слух, что православные латыши получают волю и землю во внутренних губерниях и, — в течение 5 лет в одной Лифляндии до 100.000 крестьян присоединились к «русской вере» — православию. Лютеранская («немецкая») церковь, как филиальное отделение «мызной полиции», была давно ненавистна значительной части крестьянства, ибо немецкий пастор, назначаемый самовластно немецким помещиком, верно служил только последнему. Но и этот «религиозный подвиг» **) имел только печальные последствия для крестьян: подавление беспорядков при содействии православных же войск и наказание виновных шпицрутенами, неслыханными до тех пор по жестокости даже в Прибалтийском крае. Земли же и воли от «слияния с православной Русью» они не дождались. Лишь очень медленно расширялись права «свободного» крестьянина: в 1848 году дается им право переселяться в города, в 1858 — право переселяться в сельские общества остальной России, в 1860 году — отмена барщины и обязательная замена ее денежной арендой (этот закон пришлось повторять несколько раз); в 1865 г. — отмена телесного наказания, но только для крестьян собственников и арендаторов и т. д.

Надо, однако, иметь в виду, что уже существовало в крае обязательное обучение крестьянина, которое внесло грамотность в широкие массы. Не говоря о качестве этой школы, целиком подчиненной пастору и тому же помещику, существовало все-таки несколько тысяч книг и издавались газеты (еже-

*) В конце августа 1845 года крестьяне, выведенные из терпения, бросили свои хаты и в лаптях и лохмотьях начали стекаться в Ригу, где стали на колени перед дворцом генерал-губернатора. Их наказали розгами — за оставление волости без разрешения помещика — и по этапу отправили домой. Своего рода 9 января!

**) Подробно это описано у Юрия Самарина, тогда чиновника особых поручений у генерал-губернатора, VIII том, «Окраина России», где помещено описание очевидца. Немецкий перевод ее запрещен не только в прибалтийских губерниях, но и в Сиб. Публичной библиотеке.

недельные) на латышском языке. Наконец, ведь закон 1860 г. о денежной аренде только узаконил денежное хозяйство в деревне, но самый капитализм проник в деревню этого края значительно раньше. До закона 1860 года вся деревня уже страдала от ростовщика-крестьянина же. Появились даже крестьяне-собственники: в 1818 г. до 1850 г. было продано крестьянам 38 ферм, немногим больше 2.000 десятин, с 1850—1860 гг. таких продаж было уже 250 на 14.000 десятин. Затем, все это время шло упразднение со стороны помещиков мелких ферм и присоединение их к мызам или к другим фермам в руках хозяев, материально лучше обеспеченных (та же ставка на сильных!), и эта концентрация оттолкнула часть бывших хозяев из деревни в местные города, где таким образом уже зарождается новый слой мелкой буржуазии (торговцы, ремесленники) из латышей *). Как только усилился наплыв нового элемента в города (а он стал прогрессировать с каждым годом) ассимиляторские тенденции немецкой городской буржуазии не устояли: почувяв опасного конкурента, городской буржуа объявил войну «немецким» пришельцам во имя своих национальных интересов. Ассимиляторские тенденции на стороне немцев прекратились; дальнейшее ассимилирование еще продолжалось, но скрыто, против воли немцев, т.-е. самих ассимиляторов.

Прежде первое место среди ассимилирующихся естественно занимал наиболее интеллигентский элемент: ему стоило только изменить свою фамилию, чтобы сделаться полноправным немцем. А тут совершенно неожиданно появилась группа интеллигентов, нарочно объявляющая себя латышами. Немецкая печать подняла их на смех; интеллигентный латыш — это чужь (nonsens), ибо нет и не может быть латышского образования, так как нет у латышей ни своей культуры, ни своей литературы. Но эти насмешки не смутили новой группы: она подняла брошенную кличку «младолатышей» и, веря в «национальный дух» германской исторической школы, взялась за возрождение этого духа, за восстановление латышской национальной культуры и за создание собственной литературы. Рассматривая это новое течение с точки зрения материалистического понимания истории, мы ни минуты не поколеблемся объявить, что эти идеи — не что иное, как отражение в умах идеологов той действительности, которую мы видели выше в Латышском крае. Мы увидим дальше, что и первое, не имевшее успеха, направление масс в религиозное русло, исходило от лиц, во всяком случае близких к той же группе. На этот раз, однако, идея экономического и политического освобождения латышского крестьянина приняла характер националистический.

Но идею «национального духа» интеллигенты-младолатыши получили, к сожалению, не непосредственно с запада, а из рук русских славянофилов, наложивших свою реакционную печать на все латышское национальное течение первого времени; от которой это течение, как чисто мелко-буржуазное и по естественному составу участников движения, освободиться уже не могло. Любость же славянофилов они привлекли не только общей ненавистью к немцам, но и сочувствием к «славянскому племени латышей, тесно рвущемуся к слиянию с

*) Спроса же на рабочие руки в городах еще не было: в 1840 г. в Риге было всего 46 фабрик и мануфактур с 2.000 рабочими, а в 1854—1884—с 4.760 рабочих.

православной Русью». Прогрессивными были стремления молодых националистов к культурному подъему и к освобождению своего народа от экономического гнета и политических прерогатив немцев. Их литературная деятельность, их издательство, несмотря на тиски немецкого цензора в Риге, их попытка издавать газету и книги в Петербурге (1862 по 1865 г.г.)—все это принесло безусловную пользу всему латышскому населению. Но какие они дали идеалы новой культуре? В истории они нашли только рабство, продолжавшееся 6 веков, но, оставаясь верными своей миссии, как идеологи мелкой буржуазии, они все-таки искали источников своих идеалов не в будущем, а именно только в прошлом. При помощи позаимствований у родственного по происхождению литовского народа они создали «чисто национальное» доисторическое прошлое, мифологию. Они все свои силы направляли на изучение и воссоздание народных обычаев, национальных костюмов и т. д. Они, наконец, чрезмерно много сил тратили на отыскание в источниках исторических следов свободных латышских племен. Но в чем заключались их идеалы будущего? Там они безнадежно шли за своими русскими учителями из реакционного лагеря славянофилов. А средства «борьбы» за освобождение?—Естественно, тот же, говоря словами Щедрина, «бунт на коленях», бесконечные просьбы, прошения и петиции перед русской бюрократией непосредственно или через своих славянофильских покровителей.

Немцы не столько боялись их влияния на бюрократию, в которой они всегда имели прочные и солидные связи, сколько их агитации на месте. Конечно, наступали моменты, когда русское правительство, верное своим традициям, и в прибалтийских губерниях пыталось поддерживать латышей и эстов для сломиения силы всевластных немцев, как они, например, в Финляндии в свое время выдвигали финнов против шведов, а папа в Литве—литовцев против поляков. Но последовательности у русской бюрократии никогда не доставало, а против немцев тем паче. Поэтому, по доносам и жалобам немцев посыпались преследования «красных», «нигилистов» и «бунтарей» младолатышского течения. Лица, заподозренные в агитации в пользу присоединения к православию, подвергались высылке! Депутатов, явившихся в Петербург с всеподданнейшим прошением о введении в качестве официального языка в крае вместо немецкого — русского; а вместо немецких сословных учреждений—общероссийских, предали суду. Подцензурные газеты, на каждой странице подтверждающие свою верность престолу и отечеству, закрывались, как бунтовческие. Самые лояльные общества, не открывавшие ни одного своего банкета без гимна и не пропустившие ни одного случая послать верноподданнические телеграммы, преследовались. А когда, в 1881 г. к коронации была послана латышская делегация с ве, неподданническим адресом, то предводитель ее, адвокат и председатель Рижского Латышского общества, человек самых правых взглядов, не был принят, потому что, конечно, по желанию немцев (в остальном безобидный) курляндский губернатор Лиленфельд донес в Петербург, что этот адвокат является кандидатом на латышский престол! Когда об этом было доложено на общем собрании Рижского Латышского общества, это самое лояльное собрание в мире не выдержало и постановило: исключить из числа своих почетных членов губернатора Лиленфельда. Это был почти единственный красивый жест за все время движения.

Если, таким образом, латышский национализм имел все-таки в известной мере прогрессивный характер, этот характер изменялся, как только из мелкой буржуазии стала выделяться собственная крупная буржуазия (ныне у нее есть уже и свои миллионеры). В дальнейшем, национализм принимает характер дешевой рекламы, ярлыка для поимки покупателя, клиента, пациента, т.е. темного крестьянина или увлекающегося националиста. Ряды идейной интеллигенции редуют, и национализм для интеллигенции превращается в вывеску для своей лавочки: тот же ярый националист, выступающий пред публикой с энтузиазмом за свой язык и свою культуру, дома в семье чатсо разговаривает исключительно по-немецки.

А сама «идейная» интеллигенция этого периода? Какими идеалами она увлекается? Своего рода националистическими утопиями. Сознывая, что малочисленность народа служит препятствием для успешного развития культуры, разрабатываются своеобразные «империалистические» проекты о создании из родственных языков литовцев и латышей нового, никому не ведомого языка, чтобы объединить в одну «великую нацию» эти народы, родственные по происхождению, но разъединенные и историей и ходом развития их культуры. Или проект учреждения самостоятельного государства, но (не пугайтесь!) не отделением от России, а переселением, с разрешения правительства, на тот или другой остров (своего рода сионизм) и т. д. Это я не шучу, а верно перелаю действительные проекты националистов 80-х годов, конечно, самого реакционного лагеря. А один из самых крупных их теоретиков (правее правого) еще в 70-х годах в «ученом труде» пытался доказать правительству, что французская и все прочие революции вызывались (буквальные слова) не «голодом, вследствие недостатка хлеба, а вследствие недостатка чести, почестей». Создайте у латышей аристократию «достойнейших, с такими же привилегиями, как у немцев», всякое недовольство исчезнет. Таково последнее слово латышского буржуазного национализма.

Экономическая жизнь в прибалтийской деревне прогрессировала неизменно быстро; за какие-нибудь 10—15 лет с конца 60-х до конца 80-х годов, она изменилась до неузнаваемости. Из прежних фермеров на месте сохранилось немногим больше половины, ибо экономически слабые при продаже усадеб (по невероятно высоким ценам) вытеснялись и заменялись экономически сильными. Выселяемые же из «отцовских усадеб» прежние хозяева свою ненависть к немецкому помещику уносили с собой в города и немало поспособствовали обострению национальной вражды. Если при этом иметь в виду, что начиная с 1870 г. ежегодно продавалось в одной Лифляндии от 1.000 до 1.500 ферм, что с 1881 по 1897 г., как мы еще увидим, из деревень одной Курляндии ушло до 100.000 человек (население деревни абсолютно уменьшилось), то станут более понятными и размеры этой национальной вражды. Конкуренция между старой немецкой и новой латышской буржуазиями приняла грандиозные размеры *), и

*) Первая латышская ежедневная газета выходит с 1878 года, теперь выходят уже 9 ежедневных газет, тираж которых, во всяком случае, превышает в общей сложности 100.000. Хорошим показателем быстрого первоначального накопления являются крупные ссудозащитные товарищества и преобразования

так как борьба шла прежде всего около источников кредита, то всякое колебание на денежном рынке (кризис) означало новый подъем национальной вражды. Теперь уже для всех становится ясным, что национальная вражда здесь только прикрывает борьбу классов в двух национальностях.

Все время молодая латышская мелкая буржуазия (пока заметны были только зачатки крупной латышской буржуазии) являлась представительницей как бы всего народа, ибо рабочий класс еще не жил собственной жизнью. Поэтому устраиваемые в Риге и Митаве «всемирные празднества» еще носили общенациональный характер. Учрежденный в г. Риге центр «младолатышского» течения — упомянутое выше «Рижское Латышское Общество» — действительно оказался центром всей национальной жизни. Но пролетариат у латышей существовал давно. Еще до освобождения из рабства, как ни покажется странным, крестьяне были уже разделены на классы хозяев и батраков, при чем хозяин перед помещиком был ответственен за своих батраков. Отмена рабства узаконила это состояние, по которому в латышской деревне, по крайней мере, в 4—5 раз более, чем хозяев, безземельных батраков, работающих на фермах крестьян-хозяев и на мызах помещиков. Мы уже видели, что в 1865 году эта разница в правительством была подчеркнута особой привилегией, ибо класс хозяев был освобожден от телесного наказания. В волостном же самоуправлении это различие укреплено было тем, что на волостном сходе право голоса имеют хозяева поголовно, от батраков же по одному делегату на 10 батраков (т. е. вообще безземельных). Как только появился спрос на рабочего в городах, началось то бегство батрака из деревни, которое довело деревню в скором времени до недостатка рабочих рук. По данным переписей, например, в Риге, число жителей с 1831 по 1897 год увеличилось на 112.901 человек, тогда как естественный прирост за это время не превысил 19.024 человек. Очевидно, что значительная часть населения, оставившая деревню, оказалась в местных же городах. (Значительная часть переселилась и в соседние губернии, и во внутреннюю Россию.) Если в 1854 г. всего было в Риге 84 фабрики и мануфактуры с 4.763, а в 1874 г. — 141 с 11.798 рабочими, то в 1884 г. уже зарегистрировано 1.265 предприятий с 23.854 рабочими (в среднем по 19), а в 1900 г. — 2.136 с 56.253 рабочими (в среднем по 26). Теперь национализм для латышского буржуа приобретает новое значение; им начинают сознательно пользоваться для прикрытия классовой розни. Буржуазия за это время, как я уже сказал, выросла; теперь уже образовалась и латышская крупная буржуазия, а в интеллигенции, насчитывающей теперь тысячи лиц, начинается чувство перепроизводство.

Что классовая рознь между буржуазией и пролетариатом у латышей примет не менее, если не более, острый характер, чем у других народов, это чувствовалось давно. Еще в 1856 г., т. е. до отмены барщины, мы читаем в одной

шпиеся из таковых «общества взаимного кредита». Еще 15 лет тому назад у латышской буржуазии было из таковых кредитных учреждений только одно с миллионным балансом. Ныне балансы всех крупнейших латышских кредитных учреждений края превышают 53 миллиона. Это только пара случайных примеров исключительно быстрого материального роста буржуазий.

латышской газете жалобу хозяина, что батраки с каждым днем становятся менее послушными и слишком часто меняют хозяина; автор называет батраков местами даже «бунтовщиками». Но все-таки батрак, переселившийся в город, пока под влиянием националистического течения, ибо он, при отсутствии классового сознания, поступил на фабрику, владелец которой обыкновенно не только сам немец, но и имел штат директоров, мастеров и нередко лучше оплачиваемых рабочих исключительно из немцев. Несознательному рабочему*) легкобыло поверить, что дело не в самой эксплуатации, а в национальности эксплуататора.

II. Буржуазный национализм и рабочий класс.

Марксизм, проникая в Латышский край в 1893 году одновременно с двух сторон (из германской социал-демократии и от русского легального марксизма), нашел здесь сразу благоприятную почву. С 1881 по 1897 г., по данным бывших в эти годы народных переписей, наблюдается исключительно быстрый рост городов и бегство рабочего населения из деревни в города. В Курляндской губ., например, в деревнях в 1881 году было 553.000 жителей, а в 1897 г. лишь 524.500, или абсолютно на 28.500 менее; если же принять во внимание естественный прирост, то оказывается, что 100.000 человек или $\frac{1}{3}$ населения покинуло деревню. Это означало исключительный рост капитализма, и марксизм, и здесь первоначально интеллигентский, сразу завладел рабочим движением. И на первых же шагах ему пришлось высказаться и по национальному вопросу, ибо не надо забывать, что крупная промышленность здесь находилась, и еще ныне в значительной степени находится, в руках немцев, почему и на фабриках, как мы видели, эксплуатация рабочего носила, на первый взгляд, как бы национальный характер. Из этого идеологи латышского капитала естественно сделали вывод, что латыши-рабочие в латышских предпринимателях должны, прежде всего, видеть своих «братьев по нации», а не эксплуататоров.

Латышский марксизм, как прежде всего литературное течение (так назыв. «Яуна страва» — «новое течение»), так и начал с разоблачения так называемых «национальных вождей», противопоставляя их националистической борьбе — борьбу классов и раскрывая перед рабочим расслоение на классы и латышского народа. Местная администрация, невежественная как обыкновенно, первоначально не усматривала ничего преступного в этой розни среди латышей, и пропаганда легального марксизма могла продолжаться несколько лет почти беспрепятственно. В 1895 г. в Митаве состоялся «IV всеобщий латышский праздник» пения, к участию в котором, как общенациональном празднике, призывался весь народ. Марксисты открыто ответили, что это есть классовый праздник латышской городской и сельской буржуазии, до которого латышскому пролета-

*) Здесь только несколько слов о немецких пролетариях края. Таковых в сколько-нибудь значительных размерах нет. Раньше мастера и квалифицированные рабочие приглашались из Германии, но ныне их заменили местные же рабочие. Немецкая солидарность (вернее: материальная зависимость) настолько сильна, что имеющиеся немецкие пролетарские элементы живут и поныне националистическими увлечениями. Это — чисто черносотенные элементы. В 1905 году социал-демократам все-таки удалось организовать до 2.000 рижских немцев, особенно разных мастеров, но эта организация исчезла, и впоследствии рижская немецкая группа с.-д. никогда не превышала 100 человек.

риату нет дела. Можно себе представить, какую бурю вызвали эти протесты среди националистов против «врагов народа»; «предателей нации», «бунтовщиков» и т. д. из «нового течения». Бойкот марксистской газеты («Денас Лапа») должен был убить «вредную идею». И, действительно, «национализм» был еще настолько силен, что значительная часть прежних читателей газеты отпадала, тем более что тут вмешалась цензура, уже и так исключительно строгая, ибо митавский латышский «общенациональный» праздник был одновременно празднованием столетия присоединения Курляндской губернии к России. Но «новое течение» приобрело других сторонников и окончательно укрепилось в рабочем классе. И когда в 1897 году, как общепризнано, по доносам из кругов «национальных вождей» возникло первое политическое дело против латышских марксистов*), которое на время изъяло почти всю марксистскую интеллигенцию и немалое число рабочих (привлекалось всего около 200 человек), то это только упрочило в латышском рабочем классе отрицательное отношение к национализму. И этот первый урок оказал громадную услугу латышскому пролетариату во всем его дальнейшем развитии, ибо удержал его раз-навсегда от дальнейших националистических увлечений.

С закрытием в 1897 г. латышской марксистской газеты легальный марксизм прекратил свое существование. Марксистские же рабочие кружки, уцелевшие в 1897 году в г. Риге, были искоренены подавлением рабочих волнений — летом 1899 года. Но осенью того же 1899 года уже начали действовать латышские эмигранты социал-демократы, которые стали снабжать Латышский край нелегальной марксистской литературой. Взгляды по национальному вопросу, пропагандируемые в этой литературе, оставались по-прежнему верными чистому классово-й точке зрения. Когда, наконец, все отдельные латышские социал-демократические организации, образовавшиеся за это время, в 1904 г. объединились в «Латышскую социал-демократическую рабочую партию», то в программу, оставшуюся впоследствии все время без изменения, были внесены те же общие требования, как и в российскую социал-демократическую программу, — «о национальном самоопределении» и «о равноправии всех языков в частной и публичной жизни, в школах, судах, государственных учреждениях и местных самоуправлениях».

А все-таки латышскую социал-демократическую организацию упрекали в национализме! Я нахожу, что это в значительной степени было основано на недоразумениях или на смешении принципиального вопроса о программе с вопросом чисто практическим, организационным. Во время учреждения латышской социал-демократической рабочей партии у русских товарищей еще не было настоящей массовой организации пролетариата, были только ее зачатки, а у латышей существовали чисто пролетарские организации. И теперь, когда прошло уже 10 лет с того времени и когда российские условия в этом отношении изменились ко-

*) Насколько мало осведомлена была администрация сама о новом движении и его характере, видно из того, что и легальному марксизму первоначально предъявили такое же стереотипное обвинение в националистическом сепаратизме с целями отложения от России и с неотменными кандидатами на латышский престол, не существовавший, как мы видели, даже в воображении самых ярых националистов.

ренным образом, можно чистосердечно констатировать, что главным мотивом «национального объединения» было недоверие латышей, боязнь их за судьбу своей организации при полном слиянии ее с общероссийской. Надо прибавить не всегда удачный состав местных деятелей Российской С.-Д. Р. Партии, как одного, так и другого направления, пренебрежительное отношение их к местному типу организации и отсутствие у некоторых из них того такта, который так необходим, когда представители великой нации говорят об ассимилировании «народов без истории». Надо помнить, что т. Мартов тогда на съезде о пропаганде среди «инородцев» прямо говорил, как о самой легкой задаче: «надо только быть твердым в принципах марксизма и иметь хорошего переводчика». Пропандала, знач. т. через переводчика? Если прибавить ко всему этому, что приглашенными переводчиками обыкновенно являлись лица, по каким-либо недоразумениям оставившие «националку» организацию, то понятным станет то освещение в русских изданиях того времени местных дел, которое и у автора настоящих строк, всегда близко стоявшего к русским товарищам, и особенно к его левому крылу, неоднократно вызывало возмущение. И я могу подчеркнуть, что в этот момент только вкоренившийся в латышский пролетариат традиции марксистского «антинационализма» избавили его от уклонений в сторону национализма, не взирая на постоянные упрёки в этом.

Я позволяю себе цитировать интересное в этом отношении место из краткой истории латышской социал-демократической рабочей партии в «Латышском рабочем календаре на 1907 год», изданном на латышском языке в Риге в 1906 году:

«Так как от местного объединения после выхода Бунда из Р. С.-Д. Р. Партии, ничего хорошего ожидать нельзя было, латышская партия решила временно оставаться самостоятельной. При этом надо отметить, что латышская социал-демократическая рабочая партия не объявила себя единственной представительницей латышского пролетариата и не объявила себя экстерриториальной. Вне Латышского края она по уставу отказалась от самостоятельной организации латышского пролетариата там, где среди латышского пролетариата уже работает дружественная латышской социал-демократической рабочей партии социал-демократическая организация. Этот свой тип национальной организации латышская социал-демократическая рабочая партия в резолюции первого съезда партии оставляет в силе временно, т.-е. при существовании данных политических условий (абсолютизма), и предлагает образовать Р. С.-Д. Р. Партию из существующих уже национальных социал-демократических организаций. Как против лишнего централизма, так и против ультра-национализма, пропагандируемого Бундом, высказался и центральный орган Балтийской латышской социал-демократической рабочей организации «Социал-Демократ» в № 27 («Автономия или федерация?»), поставив вопрос этот не принципиально, но только как вопрос чисто тактический. Товарищи из Бунда сейчас же обрушились на Л. С.-Д. Р. Партию за слово временно, упомянутое в резолюции (см. «Вестник Бунда» № 1—2); русские же товарищи, напротив, нападали на латышскую партию за ее национализм, за федерацию и прочие «принципиальные грехи».

Для лучшего выяснения вопроса я здесь же помещу несколько цитат из упомянутой выше статьи центрального органа: «Слово сепаратизм пугает наших централистов, ибо, по их словам, при федеративном устройстве разовьются

местные течения, которые будут брать верх над общими; если же федерация будет национальная,—то в социал-демократическое движение проникнут националистические течения, противные социал-демократическим принципам». Нельзя отрицать, что есть основания опасаться увлечений национальными вопросами, если таковые получают буржуазную окраску. Мы сами лучше, чем кто-либо иной, знаем из собственного опыта, как резко приходится выступать против подобных буржуазных и мелко-буржуазных «националистических увлечений», которые, при помощи красивой националистической фразы, хотят отвергнуть существование классовой розни внутри народа и «серой национальной краской» думают замазывать классовые трещины в нашем обществе. Мы никогда не должны забывать непоколебимой для нас истины, что между пролетариями разных народностей во сто раз более общего, чем между пролетарским и буржуазным классами одного и того же народа.

Но это не мешает нам продолжать говорить и писать по-латышски и в этих целях далее развивать этот язык. К этому мы обязаны уже в силу того одного обстоятельства, что есть более миллиона пролетариев, не знающих в достаточной мере другого языка, из которых мы должны стараться привлечь с каждым днем все больше и больше сознательных товарищей. Мы здесь не задаемся вопросом, что будет с этим языком в более отдаленном будущем, исчезнет ли он или разовьется дальше, это—вопрос теоретический, не имеющий для нас в настоящее время практического значения. Мы прекрасно помним, что, с одной стороны, «националистическое течение» у нас в начале было течением одновременно освободительным и что, с другой стороны, те, кто нам ныне проповедует «ассимиляцию», слияние латышей (и прочих) народностей с господствующей нацией, обыкновенно являлись по отношению к нам угнетателями, против которых надо бороться. В последнем случае и мы, «антинационалистические» социал-демократы, протестуем против давления, выступаем, как защитники народности, и никто не может обвинять нас, чтобы мы этим затемняли верный взгляд на классовую борьбу»...

«Стремясь к единству партии, мы должны иметь в виду, что партийная деятельность у нас на долгие годы еще ограничится почти исключительно заботами о литературе, агитаторах и пропагандистах и во всех этих случаях языку принадлежит первая роль. Следовательно, и в вопросе о партийной организации, национальный вопрос прежде всего является вопросом языка и, если уж признать федеральную организацию, то наше внимание остановится на федерации национальностей, как наиболее практичной».

«...Нам приходится еще остановиться на тех «психологических» основаниях, коими бундовские теоретики обосновывали в дальнейшей полемике свои «национальные пожелания». Еврейская народность бесспорно связана и с разными психологическими основаниями, проявляющимися в особых свойствах национального характера, но, все более отмечая эти особенности, мы легко можем дойти до чисто буржуазного национализма, для которого не должно быть места в социал-демократическом движении. Подчеркивая эти особенности со стороны теоретиков Бунда было тем большей ошибкой, что эти явления уже и так слишком часто отличаются в совершенно иных целях».

Указав далее на фактические особенности каждой существующей организации, на незнакомство друг с другом (и можно прибавить, как я уже отметил, некоторое взаимное недоверие), автор находит, что лучшим сближением будет

постепенное, а именно на основании федерального объединения организаций мелких народностей «всероссийским великаном», и продолжает:

«Хорошо зная товарищей из русского движения, я высоко ценю их энергию и самоотверженность, чему подобного мы не находим нигде. Но у них весьма естественно некоторое равнодушное отношение к инородцам России. Их за это винить невозможно. У них не было случая ближе ознакомиться с движением у этих мелких народностей. Но количество организованных рабочих у этих мелких народностей, которому ведь принадлежит известный вес в социал-демократическом движении, довольно значительно сравнительно с российским движением и без их сотрудничества освобождение России не было бы возможно. Наше объединение с всеобщей Российской партией естественно необходимо, но оно не так просто достижимо, как часто принято думать».

Наконец, автор указывает на то, что Бунд основывает свое требование «экстерриториальной национальной организации» на новой австрийской теории, и прибавляет: «насколько в данном случае идет вопрос только об организации партий, а не государства, у этой теории очень много оснований». Примечание к этой статье подчеркивает солидарность с ее взглядами редакции и ближайших ее единомышленников, а на имевшем затем место съезде она оказалась выразительницей взглядов всей организации.

Затем наступил 1905 год, когда латышская социал-демократия оказалась, действительно, руководительницей всего местного движения. Известный федеративный комитет в Риге вполне доказал возможность подобного объединения национальностей. А также полное отсутствие националистических увлечений по всей территории является естественным последствием гегемонии пролетариата, воспитанного на принципах антинационалистической классовой борьбы. Напрасно невежественные прокуроры и руководители разных дознаний опять старались внести в обвинение тенденции националистического «отделения». Ведь обвиняли в тенденции к «отложению» от России отдельные «волостные республики», а в городах чуть не отдельные улицы (в г. Риге, например, остров Газенгольм—под названием Газенгольской республики!). А среди убитых со стороны карательных отрядов нашли даже «претендентов» (опять!) на этот раз на звание президентов республики: латышской—волостного учителя, а эстонской—портного! Да, не оригинально пишут историю прокуроры!

Затем наступил 1906 год, как год объединения. Еще до Стокгольмского съезда вопрос обсуждался в печати и на конференции латышской социал-демократической партии. Опять послышались обвинения ее в национализме. На этот раз для искоренения этого национализма выдвинут был проект Прибалтийской областной организации, обнимающей и эстонскую часть края и поглощающей прежнюю латышскую социал-демократическую партию. Теперь, прочтя хотя бы резолюцию летнего совещания марксистов, можно спокойно улыбнуться по поводу подобных «антинационалистических крайностей». Тогда многие верили, что требование автономии социал-демократического Латышского края послужило серьезным препятствием к объединению. Но конференция латышской социал-демократии осталась при своем требовании «национальной территории» и объединение, как известно, все-таки состоялось. Выработанный после объединения устав установил, что объединение всех национальных социал-демократических организаций в нынешнем районе деятельности

латышской социал-демократической рабочей партии будет впредь называться «Социал-демократия Латышского края».

На выборах в Государственную Думу, насколько при военном положении социал-демократия вообще могла участвовать, она опять придала чисто классовый характер избирательной кампании. Результаты были блестящие в том смысле, что реакционная латышская буржуазия на выборах открыто объединилась со своим старым недругом, с немцами, правда, не навсегда, но это сближение все более прогрессирует. Каждый кризис, особенно денежный, опять разъединяет на время обе враждебные друг другу буржуазии, борющиеся за власть, в местном самоуправлении и на денежном рынке, но усиление пролетариата заставит их забыть свои взаимные расчеты и помириться.

Однако национальный вопрос ныне обостряется с другой стороны—со стороны только организующейся мелко-буржуазной демократии. Надо знать, что в 1904—1905 годах эта демократия вовсе не была организована, она шла за организованным рабочим классом. А образовавшаяся тогда, в 1905 году, на час латышская демократическая партия, так и осталась на бумаге. Но естественно, что при наступлении реакции мелко-буржуазные элементы, а также успевшие разочароваться интеллигенты, шедшие до сих пор под знаменем социал-демократии, все более и более отдаляются от нее. Надо помнить тот солидный класс хозяев-крестьян (фермеров), которые от 1905 г. не дождались отмены привилегий дворянства. Их положение, действительно, довольно трудное, ибо с одной стороны их притесняет немецкий землевладелец, как собиратель поземельной ренты и владелец дворянских привилегий. С другой же стороны—сельский рабочий, который в 1905 году сделал свои первые самостоятельные шаги, за это время вырос до неузнаваемости, и сколько ни пытались его заменить привозными, менее развитыми рабочими из соседних губерний, это, ввиду исключительной интенсивности сельско-хозяйственного труда в крае, особого успеха до сих пор не имело.

К этой сельской мелкой буржуазии, довольно националистически настроенной против немецкого дворянства, надо прибавить и городскую мелкую буржуазию, у которой нет почвы для примирения ни с немецкой, ни с латышской крупной буржуазией, и которая по этому враждебно настроена против всех конкурентов и легко увлекается националистической фразой. Эти элементы пока прогрессивны, поэтому еще не выступают открыто против социал-демократии, отчасти по традициям, отчасти же ввиду экономического подтема, а бы сказал экономической революции, начавшейся после 1905 года, особенно в деревне Прибалтийского края. Но эта прогрессивная демократия, особенно щедрая на националистические фразы, всеми мерами старается и будет стараться внести националистический сумбур и в головы рабочих, вовлечь и рабочий класс в обще-«национальные» затеи. Такие попытки уже были, как например, учреждение демократического театра с участием профессиональных союзов. А их печать тут же красноречиво пугает вымиранием всей нации и ее культуры, стоившей столько народного труда, если исчезнет национальная солидарность. Правда, она еще более красноречиво пишет, когда речь идет об усовершенствованиях в скотоводстве и молочном хозяйстве, но она проникает и в широкие рабочие круги и с ней приходится считаться. А ей навстречу, действительно, уже раздаются единичные голоса и из рядов марксистов о теории Бауэра относительно «культурно-национальной автономии» по рецепту Бунда, или, вернее, об общности культурно-национальных интересов.

Я нахожу, что внести какие-либо националистические тенденции в латышский класс никому не удастся, но я должен сказать, что теоретические советчики из Бунда в «руководящих сферах» латышской социал-демократии пользуются большим влиянием и, может быть, под этим влиянием и нег надлежавшего отпора упомянутым выше националистическим поползновениям из мелко-буржуазного лагеря. Когда, например, в последнее время, с протестом после подавления в местной школе существовавших местных языков (немецкого, латышского, эстонского) выступила (за исключением только голосов русских националистов) вся одинаково черносотенная Рижская городская дума, как немцы, так и латыши, и даже в прогрессивной печати раздавались голоса солидарности всех местных национальностей (на финляндский лад!), то рабочая печать промолчала и не воспользовалась случаем снова раскрыть всю ложь подобного увлечения. Недостает и журнала, который бы научно освещал все эти проклятые вопросы с марксистской точки зрения.

Но недостаточно ясна и программа Р. С.-Д. Р. Партии в этом вопросе, почему можно только приветствовать положение, намеченное последним совещанием российских марксистов, которое высказывается значительно более определенно. Мы уже видели, в чем заключается та национальная культура, которую воссоздали и развивали латышские националисты. Увлекаться особо общенациональной автономией для этих культурных целей латышский пролетариат едва ли в состоянии. Он не поймет и увлечений мечтателей-марксистов особой национальной еврейской культурой, относительно которой отчасти можно сказать то же самое, что относительно латышской. Но в вопросах языка и школы латышский пролетариат не может быть равнодушен. Равноправие языка требует известных гарантий. Я уже вскользь указал на то, что во взаимных отношениях членов великих, особенно, «господствующих» наций и мелких народностей, особенно из числа «угнетенных», требуется много такта, чтобы создать представление о полном равноправии. Не надо забывать, что и рабочий класс великих наций в наше время империалистических увлечений нередко более или менее заражен этим же империализмом. Не составляет из этого исключения даже пролетариат немецкий, отчасти в Германии, но еще более в Австрии. Весьма естественно в таких случаях пренебрежительное отношение к мелкой народности, особенно еще к группам «инородцев», разбросанным вне места постоянной «оседлости» данной народности. Мыслимо ли, что в подобном случае самоуправление, даже самое демократическое, в буржуазном обществе с той заботливостью относилось к интересам языка и школы незначительной группы инородцев, как и всего остального, коренного, населения? Опыт Новой Зеландии и вообще австралийских колоний, как самых демократических стран настоящего времени, этого не подтверждает. Ссылка же на пример Швейцарии не совсем убедительна, ибо три народности, населяющие это государство, суть три исторических нации и были равноправными с самого начала. И все-таки ни для кого не тайна, что итальянские кантоны чувствуют себя не всегда равноправными и что здесь встречаются мечты об Италии. Если же обратиться к нашему отечеству, где как все, так и империализм появился так сказать наизнанку, т.-е. в виде стремления к расширению не вне пределов государства и во имя своей высшей культуры, а внутри государства и на счет окраин, количественно более слабых, а нередко безусловно выше стоящих по культуре,—то мы должны признать, что только очень высоко развитое классовое сознание русского рабочего класса

предохранить может от всякого влияния этого своеобразного империализма. Идея Бауэра, что рабочий класс всегда заинтересован в поднятии уровня своих товарищей, инородцев, на практике не всегда сознается. Менее развитой рабочий, естественно, на первый взгляд, будет за понижение уровня своего более развитого конкурента. И вот почему схема Бауэра о защите культурных интересов, вернее интересов языка, путем особой национальной автономии на первый взгляд так интересна даже для марксиста из угнетенной нации, что заставляет его, если не увлечься, то, по крайней мере, задуматься.

Латыши когда-то приняли этот принцип, но только для своей организации и только временно. Они приняли его, может быть, не столько для себя, сколько для поддержки близкой им тогда организации Бунда, вполне солидарной тогда с ними по взглядам общей политики. Период сотрудничества их в Прибалтийских городах, особенно в Риге, оставил очень хорошие следы, ибо избавил латышский пролетариат от всякого уклонения в сторону антисемитизма, который прямо свирепствует среди латышских буржуазных слоев. Не видя другого исхода при объединении, латыши поддерживали существующий у Бунда тип организации, хотя бы временно. Но когда после объединения на основании устава С.-Д. Л. Н., выработанного совместно с Бундом, бундовцы все-таки не входили в организацию, и свои связи по-прежнему осуществляли только «информационно», то со стороны лучших друзей Бунда послышалось недовольство, ибо неудобства такого «единства» слишком бросались в глаза.

Как обеспечить равноправие и интересы языка, это — вопрос первой важности для рабочего класса всех мелких народностей. Можно смотреть совершенно беспристрастно на факт ассимилирования с исторической точки зрения. Можно даже сочувствовать ему с рационалистической точки зрения и задаваться планами безболезненного его осуществления, но это должно прежде всего исходить, как совершенно верно указывает В. Ильин, от доброй воли самой ассимилируемой нации. Осуществимо оно безболезненно только тогда, когда все население, рядом со своим родным языком, будет знать другой. Пока о таком положении мечтать не приходится. Пока мы видим, например, латышских эмигрантов, которые, попав в среду массы, менее развитой, способны были на чужбине даже ассимилировать себе известную долю местного коренного населения, но на этой ступени застряли за отсутствием дальнейшего развития, и через поколение уже опустились ниже окружающих.

Как обеспечить это равноправие? Я уже указал, что понятие «самоопределение» страдает всем, только не определенностью. Мы видим, что латышская социал-демократия при этом термине даже организационно встретила препятствия для образования чисто территориального района деятельности по национальному составу населения. Программа имеет значение, как политическое требование пролетариата, но она еще больше значения имеет, как уяснение содержания классового сознания организованного рабочего класса. Поэтому самое краткое и общее выражение в программе не всегда есть самое желательное. Мы; напротив, должны радоваться более подробной формулировке этого пункта в резолюции летнего совещания. Если бы туда вошел так или иначе некоторые пояснения из заметок В. Ильина по этому поводу (в «Просвещении»), было бы еще лучше, и латышский организованный пролетариат был бы удовлетворен. Конечно, он будет стоять за то, чтобы эти положе-

ния были внесены и в самую программу (*«Просвещение» № 2, февраль 1914 года, за подписью «Ветеран»*).

Ветеран—псевдоним П. Стучки; см. о нем 77 прим. к XIX тому Собр. соч.

⁴¹⁾ По цензурным условиям так говорится о резолюциях Декабрьской Конференции 1908 г.

⁴²⁾ По тем же причинам так говорится о резолюциях Пленума Ц. К. в 1910 г.

⁴³⁾ По тем же причинам так говорится о Пражской Конференции 1912 г. и о «Февральском Совещании» 1913 г.

⁴⁴⁾ *Ракитников* — с. - р. правого крыла, ближайший единомышленник В. Чернова.

⁴⁵⁾ Замечания В. И. о Ренувье см. в X томе Собр. сочинений.

⁴⁶⁾ Адвокат Фетюкович в романе Достоевского «Братья Карамазовы».

⁴⁷⁾ *К. Арсеньев*—публицист, сотрудник журнала «Вестник Европы», где вел «внутренние обозрения»; умеренный либерал, примыкал к партии демократических реформ.

⁴⁸⁾ Здесь разумеется один из «трех китов» революционной социал-демократии, именно требование ликвидации всего помещичьего землевладения.

⁴⁹⁾ Речь идет о брошюре: «Аноним из «Vorwärts'a» и положение дел в Р. С.-Д. Р. П.», перепечатанной на 77—89 стр. 1 части этого тома.

⁵⁰⁾ Речь идет здесь о *Пленуме Ц. К. 1910 г.*

⁵¹⁾ Разумеется здесь Совещание расширенной редакции «Пролетария» в 1910 г. (см. Приложение к XI тому, документы под № 2).

⁵²⁾ *Савинков* и *Ротшид*—одно и то же лицо.

⁵³⁾ *Л. Вл.*—Владимиров, теперешний замнаркомфина С. С. С. Р.

⁵⁴⁾ См. 254—256 стр. 2 части этого тома.

⁵⁵⁾ История «*Письма о большевизме*» рассказана В. И. в его рецензии на книгу Н. Рубакина; см. 420 стр. 2 части этого тома.

⁵⁶⁾ *И. В. Бабушкин*—см. его некролог, составленный В. И., во 2 части XI тома Собр. соч., стр. 130—133.

* * *

Ввиду крайней спешности работы над XII томом Собрания сочинений Н. Ленина, редакция вынуждена была отказаться дать документальные приложения и ряд примечаний, освещающих эпоху «Звезды» и «Правды».

1 и 2 часть XII тома Собрания сочинений Н. Ленина.
подготовлена к печати В. Пановым,
под редакцией Л. Каменева.

У к а з а т е л ь и м е н.

А.

Августовский—II: 11.
 Авдаков—I: 133, 137—138, 302.
 В. Адлер—II: 358.
 М. Адлер—II: 343.
 Аквинат—II: 383—384.
 Акимов (Махновец)—I: 199—202, 250.
 Л. Аксельрод—II: 342.
 П. Аксельрод—I: 214—224, 240, 284—285; II: 114, 412, 421, 467, 482.
 А лексинский—I: 84; II: 92, 479, 577.
 А м ф и т е а т р о в—II: 415.
 А н (Жордания)—II: 114—115, 150, 293—294, 356, 455, 549—553, 572.
 Андлер—II: 343.
 Андрейчук (чл. III Гос. Думы)—I: 7.
 Анненков—II: 342.
 Е. Аничков—I: 309.
 Аракчеев—I: 95.
 К. Арсеньев—II: 399—400.
 Арч—I: 264.
 Асквит—II: 71, 429.
 Астраханцев—I: 88.

Б.

Бабушкин—II: 578.
 Бадаев—II: 271, 561.
 В. Базаров—II: 339—340, 342.
 Бакунин—I: 97, 22; II: 319—320.
 Бактон—II: 165—166.
 Барк—II: 414.
 Батрак—II: 425—427.
 О. Бауер—I: 319; II: 344, 358, 491—492.
 Бебель—I: 235; II: 176—181, 546.
 Безобразов—II: 345.
 Бейлис—II: 374.
 Белинский—I: 294.
 Белоусов—I: 6, 176.
 Бем-Баверк—II: 344.

Беннигсен—II: 462.
 Бер—I: 85.
 Березовский—I: 122, 274—280.
 Бернгард—II: 542.
 Бернштейн—I: 318; II: 181, 196, 343—344, 440—441.
 Бетман-Гольвег—I: 157.
 Бирон—I: 95.
 Бисмарк—II: 19, 48, 178—179, 527.
 Биссолати—I: 224, 318, 326.
 Бланк—I: 72, 102, 286.
 А. Бобринский—I: 280.
 А. Богданов—I: 84; II: 342, 350—351, 420, 473, 479, 485, 577.
 Борткевич—II: 344.
 Брайнес—II: 300, 480.
 Бракке—I: 151; II: 341.
 Брентано—I: 137.
 Брушо-Бауер—II: 317, 338.
 Будиш—II: 343.
 Булгаков—I: 326; II: 33.
 Булгарин—I: 93.
 Булкин—II: 466.
 Булыгин—I: 296; II: 183, 461, 483.
 Буреин—I: 93; II: 414, 452.
 Бурцев—I: 182.
 Бурьянов—II: 412, 454, 484, 572.
 Бух—II: 344.
 Бюхнер—II: 322.

В.

В. В.—II: 23.
 Вальян—II: 19.
 Вайдерфельде—II: 561.
 Варшавский (Варский)—I: 88. II: 533—534.
 Велихов—II: 265—266.
 Ветеран (Стучка)—II: 354.
 Вильсон—I: 322.
 Витте—I: 280, 296; II: 483.
 Вихляев—II: 372.
 Вишневский (чл. III Гос. Думы)—I: 6.
 Владимиров—II: 505, 530.

А. Власов—II: 118—119, 121.
В. Водовозов—I: 72—75, 102—103,
108—114.
Войлошников (чл. III Гос. Думы)—
I: 59, 62, 88, 165, 171.
Вольский—II: 479
Вольтман—II: 342
Воронин—I: 83.

Г.

Гаазе—I: 234; II: 7.
Гайндман—II: 112.
Ганецкий—II: 533—534.
Ганкевич—II: 501.
Гарибальди—II: 527.
Гартли—II: 165—166.
Гегель—I: 96; II: 55, 321, 323.
Гегечкори—I: 88.
Гед—II: 344.
Герцен—I: 95—101; II: 23.
Гизо—II: 326.
Гильфердинг—II: 344.
Гиммер—II: 470.
Гладстон—II: 404.
Гоголь—I: 294.
Гойхбарг—II: 340.
Головин—I: 140; 299—300.
Голосов—II: 258—260.
Гольблат—II: 359, 534, 538.
Гомперс—II: 421.
А. Горев—II: 560.
Горемыкин—I: 280; II: 464—465.
Горский—II: 466.
Гредескул—I: 287—288, 290, 294
295—300—302, 312; II: 71.
Гриевс—I: 197—198.
Гужон—II: 123.
Е. Гурвич—II: 263, 340—341.
Гурко—I: 280.
Гучков—I: 39, 102, 140, 191, 199, 312.
II: 271, 377, 483.
Гушка (Ерманский)—I: 125—137;
II: 99, 102—103.
Гюисманс—II: 11, 294.

Д.

Давид—II: 343.
Дан—I: 47, 57, 83, 102, 104, 144, 209,
221; II: 17, 28—29, 36, 89, 93, 99,
107, 114, 128, 151, 157, 197—198,
205—207, 267, 295—296, 305, 349,
355—357, 411—412, 439, 450,
455—456, 470, 483, 516.
Даниельсон—II: 340.
Дебс—I: 322.
Левиль—II: 343.
Джиджитти—I: 326.
Джоуэт—II: 76—78, 80.

Дицген—II: 104—107, 342.
Добролюбов—I: 98, 104.
Донцов—II: 285, 298, 508—509.
Достоевский—II: 389.
Драгоманов—II: 523—524.
Дроздов—II: 416—417, 442—444.
А. Дубровин—I: 116.
Дурново—I: 149.
Дюринг—II: 55, 180, 401, 424.

Е.

Егоров—I: 88, II: 572.
В. Ежов—I: 161—163, 177—178, 216;
II: 14, 36, 114, 412, 483.
Елпатьевский—II: 373—376.
А. Ерманский—I: 136—140;
II: 99—104.
Ефремов—I: 103, 143—144; II: 409.

Ж.

Железнов—II: 341.

З.

Зак—II: 340.
Замысловский (чл. III Гос. Думы)—
I: 46.
В. Засулич—II: 115, 412, 577—592.
Захаров—I: 88.
Зиббер—II: 345.
Зиновьев—I: 84; II: 259, 351, 577.
Зомбарт—I: 137; II: 341, 343.

И.

Игорев (Гольдман)—I: 85, 177.
Иекк—II: 340.
Изгоев—I: 35, 47, 122, 256, 294, 296,
299, 326, II: 78; 82, 286, 465.
Ионов (Койген)—I: 46.

К.

Кавелин—I: 99, 294.
Л. Каменев—I: 84, 220; II: 351, 577.
Капустин (чл. III Гос. Думы)—I: 9.
Караулов—I: 122, 290.
Кареев—I: 309; II: 345.
Карсон—II: 405—406.
Картов—II: 349.
Кассо—II: 67—68, 71, 74.
Катков—I: 297.
Каутский—II: 287—289, 341—343,
355, 458, 491—493, 496, 504, 523.
И. Кауфман—II: 345.
Квельч—II: 240—242.
Кейр-Гарди—II: 79—80, 164.
Келеновский (чл. III Гос. Думы)—
I: 7.

Кленов—I: 216.
Кобылянский—II: 61.
М. Ковалевский—I: 72, 286, 309;
II: 342.
Козловский—II: 41
Н. Козьминных—Ланин—I: 251,
252; 264—271; II: 223.
Коковцев—I: 5, 143, 302; II: 377, 415.
Кокошкин—II: 512—515, 519—520.
539—542.
Кольб—I: 318.
Кольцов—II: 353, 442.
Колюбакин—II: 511.
Комаров—II: 95—99.
Коновалов—I: 302—303.
Конуэй—II: 76.
Коробка—I: 283, 290.
Косинский—II: 236.
Коссовский—II: 107—110, 128, 543.
Костров—II: 534.
Крестовников—I: 133, 143.
Кривошеин—I: 171; II: 95
Кристан—II: 358.
Крыжановский—I: 38.
Крюков—II: 33—34.
Кугельман—II: 104, 340.
Кузнецов—I: 88.
Кузьминский (сенатор)—I: 167 169.
Куломзин—I: 165.
Кускова—I: 286, 290; II: 129
Кутлер—I: 6, 209, 276, 280—281

Л.

Лабриола—II: 342.
Лавров—II: 373.
Ларин—I: 47, 49, 83, 138—133, 175;
II: 36, 128, 246, 431—432.
Лассаль—I: 178—179; II: 341, 482,
494.
Л. Лафарг—II: 320.
II. Лафарг—II: 341, 343—344, 527.
Левинский—II: 538.
Левцкий—I: 47—48, 83, 104, 175,
*76, 179, 216, 222. II: 114,
440—442.
Легин—II: 421—425.
Либер—I: 177—178, 181—182. II: 12,
534—535.
В. Либкнехт—II: 178—179, 341.
К. Либкнехт—II: 421.
Либман—II: 489, 494, 509—510,
521—522, 532, 537—538, 540, 543.
Литовцев—II: 46 48.
Ллойд-Джордж—I: 263; II: 69, 71.
Лонге—II: 320, 527.
Лопатин—II: 526.
Г. Львов—I: 172—173.
II. Львов—I: 7, 103
Луначарский—I: 84; II: 479, 577.

Лунин (чл. III Гос. Думы)—I: 9.
Лэнсбери—II: 80.
Р. Люксембург—II: 11, 287—288,
344, 463, 489—509, 512, 515—537,
540.
Ляркин—II: 193—195.

М.

Мадзини—II: 319, 526.
Маевский—II: 107.
Макаров—I: 190, 318, 326.
Макдональд—I: 318; II: 165—166,
429.
В. Маклаков—I: 37, 61, 73, 109, 178,
178, 285, 300; II: 64, 71, 184,
409—410, 465.
Н. Маклаков—II: 465.
Мак-Лахлан—II: 79.
Малиновский—II: 544—546.
Мансырев—II: 71.
Мануилов—II: 340.
Манухин—I: 189.
Марков 2-й—I: 6, 110, 164, 174, 256—
257, 285; II: 42, 61, 271.
Маркс—I: 97, 137, 204, 221, 308; II: 43—
46, 54—59, 78, 101, 104, 107, 164,
178, 180, 202, 223, 265—266, 271,
315—345, 363, 371, 379, 381—386,
392, 404—405, 425, 477, 492, 494,
523—532.
Мартов—I: 33—36, 47—49, 57—63,
103—104, 139—140, 144, 176, 200,
210, 219, 221, 223; II: 6—7, 12,
114, 305, 349, 369, 411—412, 420,
438—439, 443, 452, 464, 466, 482,
483, 539—540, 546, 553.
Мартьянов—I: 63, 103; II: 114, 442,
467, 535.
Марфи—II: 193—195.
П. Маслов—I: 254; II: 107, 344.
Массарик—II: 343.
Мелем—II: 107, 109—110.
Мельгозе—I: 197—198.
Меньшиков—I: 298; II: 415
Меринг—II: 343.
Меррэй—II: 78.
Мещерский—I: 149.
Мигулин—II: 132.
Милюков—I, 36—40, 50, 52, 70, 102,
140, 142—143, 209, 222, 274, 279—
280, 285—286, 289, 295, 302, 305—
306; II: 16, 46—50, 68—71, 128,
182, 403—410, 483.
Милютин—II: 49.
Минье—II: 326.
Н. Михайловский—II: 345, 362—
364, 370—373, 420.
Могилянский—II: 285—286, 298,
508—509.

Молешотт—II: 322.
Морган—I: 324.
Морли—II: 429.
Мост—II: 180.
Муранов—II: 128, 130—131
Муромцев—I: 184.
Мякотин—II: 372.

Н.

Нарышкин—I: 280.
Неведомский (Иорданский)—I: 49,
104.
Некрасов—II: 294.
Н. Некрасов—II: 511.
Нолан—II: 195.

О.

В. Оболенский—II: 39, 42, 71.
Ольденбург—II: 395.
Н.—он—II: 23, 345, 363.
Орловский (Воровский)—II: 577.

П.

Памса—II: 18.
Л. Пантелеев—I: 309.
Парнсль—II: 195.
Патридж—II: 195, 221.
Петти—II: 384—385.
Петров 3-й (чл. III Гос. Думы)—I: 59.
Нешехонов—I: 315; II: 22—26, 31—
32, 122, 236, 372, 477, 483, 542.
Пирогов—II: 73.
Плеханов—I: 47, 79, 82, 84—86, 88,
94, 176—177, 229, 231, 283; II: 86,
129, 293, 299, 341—342, 351, 359,
412, 421, 442, 454, 467, 482, 484,
510, 533, 535, 538, 577.
Покровский—I: 88.
Полетаев—I: 88.
Н. Полянский—I: 303—304.
Полферов—II: 269—271.
Помяловский—II: 538.
Потресов—I: 46—49, 83—84, 178,
II: 93, 107, 113—114, 157, 412, 480,
482—483.
Предкальн—I: 88.
Прокопович—I: 191—192, 194, 196,
210, 286; II: 129, 343, 583.
Прудон—II: 318—319, 338, 527.
Пуанкаре—II: 18—19.
Пуришкевич—I: 38—39, 51, 56, 59,
61—62, 66, 69—71, 74—75, 102—
103, 110, 121—123, 150, 191, 195,
199, 256—258, 274, 285, 289, 318.
II: 22—23, 34, 42, 92, 207, 229,
271, 283, 299—300, 360—361, 369,
405, 465, 471—472, 511, 539—
542, 546.

Р.

Ракитин—II: 349.
Ракитников—II: 353—365, 371.
Регер—II: 501.
Ренувье—I: 384—385, 391.
Рикардо—II: 334—345.
Родбертус—I: 204; II: 334.
Родзянко—II: 16, 464.
Родичев—I: 209.
Рожков—I: 103; II: 268—272.
Розанов—I: 122, 294, 298.
Рокфеллер—I: 324.
Ропшин (Савинков)—II: 24.
Рубакин—II: 341, 418—421, 438.
Рубанович—I: 182.
Руге—II: 318, 338.
Рузвельт—I: 322, 324.
В. Рябушинский—II: 379, 395—396.
П. Рябушинский—I: 103, 140—141,
143—144, 300, 303; II: 123, 207.
Рязанов—II: 462.

С.

Савенко—II: 513.
Савинков—II: 479.
Сазонов (чл. III Гос. Думы)—I: 9, 306.
Салазкин—II: 186—187, 205—207,
225, 374.
Самойлов—II: 291.
Северянин—I: 161, 178, 187.
Седов (Гинзбург)—II: 107, 114—115,
128—129, 157, 203, 295—297, 412,
455, 483.
Семковский—II: 106—107, 115, 151,
286, 455, 489, 494, 509—510, 515,
521—522, 532, 539—541.
Сен Симон—II: 391—392.
Серно-Соловьевич—I: 98.
Сибирский—II: 89.
Сили—II: 429.
Экобелев, М. (член IV Думы)—II: 484.
Смилли—II: 196.
Е. Смирнов—I: 104.
А. Смит—II: 326.
Снессарев—II: 413—416.
Сноудэн—II: 81.
Соловьев—II: 49.
Сорель—II: 345.
Эпарго—II: 341.
Степанов, И.—II: 339—340.
Стишинский—I: 149.
Столыпин—I: 7, 166, 171, 202—203,
207, 253—255, 257—258, 280—281,
296; II: 95, 184, 360, 368, 377—378.
Строганов—II: 49.
Струве—I: 35, 37, 122, 178, 293—294,
296, 298—300; II: 71, 121, 286, 340,
345, 368—369, 379—396, 465, 524.

Суворин—I: 299; II: 414—415.
Сун-ят-сен—I: 289, 322.
Сурков—I: 88.
Суханов—II: 24, 32.

Т.

Тагиев—I: 300.
Тафт—I: 322.
Тан—II: 21.
Текер—II: 345.
Тизенгаузен—I: 133; II: 282.
Тиллет—II: 221.
Тимирязев (министр)—I: 302.
М. Толстой—I: 184; II: 378.
Трещенков—I: 318.
Л. Троцкий—I: 49, 62, 85—86, 93—95, 175—178, 181—182, 185, 219—220, 222—223, 231—233, 236, 313, 316; II: 12, 92, 115, 150, 355—356, 410—413, 424, 435, 445—462, 467, 470, 473, 484—485, 536—537, 541, 572.
Е. Трубецкой—II: 360—362, 498.
Туган-Барановский—I: 308, 309; II: 313, 379, 400—403, 420.
Туляков—II: 271, 454, 553.
Тургенев—I: 99.
Тучапский—II: 341.
Тэйлор—II: 50—51, 406—408.
Тышко—II: 8—12.
Тьерс—II: 326.
Тьерри—II: 326.

У.

Уваров—II: 546.
А. Ушаков—I: 189.

Ф.

Г. Фальборк—I: 309.
Фейербах—I: 96; II: 55, 106, 317, 320—322, 338, 343.
Фольмар—II: 180.
Форлендер—II: 342.
Фохт—II: 322.
Франк—II: 318.

Х.

Хвостов—I: 318.
Хёхберг—II: 179, 424.
Хрусталев—II: 546.

Ц.

Цилли—II: 384.

Ч.

Чацкий (Юрий, Бронштейн)—I: 216.
Череванин—II: 467, 585.
Черкезов—II: 345.
В. Чернов—I: 220; II: 301, 345, 371—372, 479.
Чернышевский—I: 99—100, 294; II: 23, 49, 371, 523.
Чичерин—II: 345.
Чхеидзе—I: 88, 166—167, 169—170; II: 258—260, 412, 454, 464, 484, 552—553.
Чхенкели—II: 53.

Ш.

Шаль—II: 47—48.
Швейцер—II: 271, 482.
Шингарев—I: 142; II: 403—410.
Штаммлер—II: 342.
Шубинский—II: 414.
Шурканов—I: 88.
Шурц—II: 342.
Шульце-Делич—II: 482.

Щ.

Щегловитов—II: 465.
Щедрин—I: 294.
Щепетев—I: 293—301.

Э.

Эвелинг—II: 320, 340.
Элленбоген—II: 358.
Эльворти—I: 198.
Энгельс—II: 43, 55, 105, 178, 180, 317—319, 321—322, 326, 335, 338—339, 341, 401, 404, 494, 523, 526—529, 531—532.
Эпикур—II: 317, 328.

Ю.

Юаньшикай—II: 117—118.
Юркевич—II: 489—494, 509—510, 515, 521—522, 532, 538, 540.
Юшкевич—II: 480.

Я.

Ягелло—II: 287.

СОДЕРЖАНИЕ.

1913 год.

	Стр.
Английское рабочее движение в 1912 году («Правда», № 1 от 1 января 1913 г.)	5
Лучше поздно, чем никогда. («Правда», № 8 от 11 января 1913 г.)	6
Раскол в польской социал-демократии. («Социал-Демократ», № 30 от 12 (25) января 1913 г.)	8
Развитие революционной стачки и уличных демонстраций. («Социал-Демократ», № 30 от 12 (25) января 1913 г.)	12
Значение избрания Пуанкаре. («Правда» № 11 от 15 января 1913 г.) . .	18
Жизнь учит. («Правда» № 15 от 19 января 1913 г.)	19
Новая демократия. («Правда», № 15 от 19 января 1913 г.)	21
О народничестве. («Правда», № № 16 и 17 от 20 и 22 января 1913 г.) . .	22
Буржуазия и реформизм. («Правда», № 23 от 29 января 1913 г.)	26
Об открытой партии. («Правда», № 24 от 30 января 1913 г.)	28
Что делается в народничестве и что делается в деревне? («Просвещение» № 2, февраль 1913 г.)	29
К нашим разногласиям (Манифест ликвидаторов). («Просвещение», № 2, февраль 1913 г.)	35
Мобилизация крестьянских земель. («Правда» № 26 от 1-го февраля 1913 г.)	38
Кое-что о стачках. («Правда», № 27 от 2 февраля 1913 г.)	39
О одном открытии. («Правда», № 29 от 5 февраля 1913 г.)	41
Некоторые итоги „землеустройства“. («Правда», № 45 от 23 февраля 1913 г.)	42
Исторические судьбы учения Карла Маркса. («Правда», № 50 от 1 марта 1913 г.)	43
Фальшивые ноты. («Правда», № 55 от 7 марта 1913 г.)	46
„Узел задачи“. («Правда», № 56 от 8 марта 1913 г.)	47
Либеральное подкрашивание крепостничества. («Правда», № 57 от 9 марта 1913 г.)	49
„Научная система“ выжимания пота. («Правда», № 60 от 13 марта 1913 г.)	50
Соглашение или раскол. (К вопросу о разногласиях в соц-дем. Думской фракции). («Правда», № 62 от 15 марта 1913 г.)	51
Три источника и три составных части марксизма. («Просвещение», № 3, март 1913 г.)	54
Возрастающее несоответствие. (Заметки публициста.) («Просвещение», № № 3 и 4, март—апрель, 1913 г.)	59
Английские споры о либеральной рабочей политике. («Просвещение», № 4, апрель 1913 г.)	75
Веховцы и национализм. (Библиографическая заметка.) («Просвещение», № 4, апрель 1913 г.)	82
Спорные вопросы. I. («Правда», № 85 от 12 апреля 1913 г.)	83
Купецкие расчеты. («Правда» № 90 от 20 апреля 1913 г.)	87
Маленькие цифры и большие выводы. («Правда», № 95 от 26 апреля 1913 г.)	89
Спорные вопросы. II. («Правда», № 95 от 26 апреля 1913 г.)	90

	<i>Стр.</i>
Значение переселенческого дела. («Правда», № 96 от 27 апреля и № 99 от 1 мая 1913 г.)	93
О либеральном и марксистском понятии классовой борьбы (заметка). («Промышленность», № 5, май 1913 г.)	99
К двадцатипятилетию смерти Иосифа Дицгея. («Правда», № 102 от 5 мая 1913 г.)	104
Сепаратисты в России и сепаратисты в Австрии. («Правда», № 104 от 3 мая 1913 г.)	107
Доказала ли «Правда» сепаратизм бундовцев. («Правда», № 127 от 5 июня 1913 г.)	109
Еще о переселенческом деле. («Правда», № 105 от 9 мая 1913 г.)	110
Съезд Британской социалистической партии. («Правда», № 109 от 14 мая 1913 г.)	111
Спорные вопросы. III. («Правда» № 110 от 15 мая 1913 г.)	113
Отсталая Европа и передовая Азия. («Правда» № 113 от 18 мая 1913 г.)	116
О беспомощности и растерянности (заметка) («Правда», № 115 от 21 мая 1913 г.)	118
Спорные вопросы. IV. («Правда», № 123 от 30 мая 1913 г.)	119
Фабриканты о рабочих стачках. («Правда» № 123 от 30 мая 1913 г.)	123
Спорные вопросы. V. («Правда», № 124 от 31 мая 1913 г.)	126
Спорные вопросы. VI. («Правда», № 126 от 2 июня 1913 г.)	128
Капитализм и палог. («Правда», № 129 от 7 июня 1913 г.)	132
Экономические заметки. (Экономические стачки в 1912 и 1905 годах.) («Правда» № 130 от 8 июня 1913 г.)	135
Экономические заметки. (Рост капиталистического богатства.) («Правда», № 131 от 9 июня 1913 г.)	136
Фабриканты о рабочих стачках. («Правда», № 131 от 9 июня 1913 г.)	138
Крестьянство и рабочий класс. («Правда» № 132 от 11 июня 1913 г.)	141
Детский труд в крестьянском хозяйстве. («Правда», № 133 от 12 июня 1913 г.)	143
Экономический обзор. (Успешность стачек в 1912 г. по сравнению с прошлым.) («Правда», № 133 от 12 июня 1913 г.)	146
Заметки публициста. («Соц.-Дем.», № 31 от 15 (28) июня 1913 г.)	148
Маевка революционного пролетариата. («Соц.-Дем.», № 31 от 15 (28) июня 1913 г.)	151
Пятый международный съезд по борьбе с проституцией. («Рабочая Правда», № 1 от 13 июля 1913 г.)	160
Новейшие данные о партиях в Германии. («Рабочая Правда», № 3 от 16 июля 1913 г.)	161
Разоблачение английских оппортунистов. («Рабочая Правда», № 3 от 16 июля 1913 г.)	164
Что можно сделать для народного образования. («Рабочая Правда», № 5 от 18 июля 1913 г.)	166
Мелкое производство в земледелии («Рабочая Правда» № 5 от 18 июля 1913 г.)	168
Мобилизация надельных земель. («Рабочая Правда», № 12 от 26 июля 1913 г.)	171
Как увеличить размеры душевого потребления в России («Северная Правда», № 3 от 3 августа 1913 г.)	174
Август Бебель. («Северная Правда», № 6 от 8 августа 1913 г.)	176
Отделение либерализма от демократии. («Северная Правда», № 9 от 11 августа 1913 г.)	181
Национализация еврейской школы. («Северная Правда», № 14 от 18 августа 1913 г.)	184
Российская буржуазия и российский реформизм. («Наш Путь», № 3 от 28 августа 1913 г.)	186
Роль сословий и классов в освободительном движении. («Наш Путь», № 4 от 29 августа 1913 г.)	183

Новые меры земельной «реформы». («Наш Путь», № 4 от 29 августа 1913 года.)	190
Классовая война в Дублине. («Наш Путь», № 5 от 30 августа 1913 г.)	192
Либеральная слепота. (Сборник «Марксизм и ликвидаторство», II часть.)	196
Необходимое разъяснение. (Сборник «Марксизм и ликвидаторство», II часть.)	198
Либеральная буржуазия к реформизму. (Сборник «Марксизм и ликвидаторство», II часть.)	199
Марксизм и реформизм. (Сборник «Марксизм и ликвидаторство», II часть.)	202
Купец Салазкин и писатель Ф. Д. («Северная Правда», № 26 от 1 сентября 1913 г.)	205
Стачки металлистов в 1912 г. («Металлист», №№ 7, 8 и 10 от 24 августа, 18 сентября и 25 октября 1913 г.)	207
Неделю спустя после побоища в Дублине. («Наш Путь», № 8 от 3 сентября 1913 г.)	220
Борьба за марксизм. («Северная Правда» № 27 от 3 сентября 1913 г.)	222
Принципиальные вопросы политики. «Наш Путь», № 9 от 4 сентября 1913 г.)	225
Либералы и демократы в вопросе о языках. («Северная Правда», № 29 от 5 сентября 1913 г.)	228
Языка цифр. («Наш Путь», №№ 13 и 14 от 8 и 10 сентября 1913 г.)	231
Господа буржуа о «трудовом» земледелии. («Наш Путь», № 15 от 11 сентября 1913 г.)	236
Гарри Квельч. («Наш Путь», № 16 от 12 сентября 1913 г.)	240
Два пути. (Об отношении марксистов к народникам.) («Правда Труда», № 1 от 11 сентября 1913 г.)	242
Цивилизованное варварство. («Правда Труда», № 6 от 17 сентября 1913 г.)	247
Резолюции «Летнего совещания» Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. с партийными работниками (сентябрь—октябрь 1913 г.)	248
Плохая защита плохого дела. («За Правду», № 12 от 17 октября 1913 г.)	258
Думская «семерка». («За Правду», № 19 от 25 октября 1913 г.)	260
Капитализм и эмиграция рабочих. («За Правду», № 22 от 29 октября 1913 г.)	262
Кадетский домовладелец, рассуждающий «по Марксу». («За Правду», № 23 от 30 октября 1913 г.)	265
Два приема споров и борьбы. («За Правду», № 30 от 15 ноября 1913 г.)	266
Аграрный вопрос и современное положение России. (Заметки публициста.) («За Правду» № 36 от 15 ноября 1913 г.)	268
О «культурно-национальной» автономии. («За правду», № 46 от 28 ноября 1913 года.)	272
Стачки в России. («Спутник Рабочего»).	276
Политические партии в Гос. Думе. («Спутник Рабочего»).	280
Кадеты и «право народов на самоопределение». («Пролетарская Правда», № 4 от 11 декабря 1913 г.)	285
Хорошая резолюция и плохая речь. («Пролетарская Правда», № 6 от 13 декабря 1913 г.)	287
Национальный состав учащихся в русской школе. («Пролетарская Правда», № 7 от 14 декабря 1913 г.)	289
Еще о разделении школьного дела по национальности. («Пролетарская Правда», № 9 от 17 декабря 1913 г.)	292
Еще раз о Межд. Соц. Бюро и о ликвидаторах. («Пролетарская Правда» № 11 от 19 декабря 1913 г.)	294
Национал-либерализм и право наций на самоопределение. («Пролетарская Правда» № 12 от 20 декабря 1913 г.)	298
Народничество и ликвидаторство, как элементы распада в рабочем движении. («Пролетарская Правда», № 12 от 20 декабря 1913 г.)	300
«Новое Время» и «Речь» о праве самоопределения наций («Пролетарская Правда», № 16 от 25 декабря 1913 г.)	301
Письмо в редакцию. («Пролетарская Правда», № 17 от 29 декабря 1913 г.)	305

1914 год.

	<i>Стр.</i>
К вопросу о задачах земской статистики. («Просвещение», № 1, январь 1914 г.)	306
Рецензия на книгу, «Экспонаты по охране труда на Всероссийской гигиенической выставке в С.-Петербурге в 1913 г.». («Просвещение», № 1, январь 1914 г.)	312
Карл Маркс («Энциклопедический Словарь Граната», т. XXVIII)	315—345
4.000 рублей в год и 6-часовой рабочий день. («Пролетарская Правда», № 19 от 1 января 1914 г.)	346
Либеральное развращение рабочих. («Путь Правды», № 9 от 31 января 1914 г.)	348
Письмо в редакцию (коллективно). («Путь Правды», № 9 от 31 января 1914 г.)	350
Предисловие к сборнику: «Марксизм и ликвидаторство»	352
От редакции к статье тов. Ветерана: «Национальный вопрос и латышский пролетариат». («Просвещение», № 2)	354
Вожь ликвидаторов о ликвидаторских условиях «единства». («Путь Правды», № 12 от 4 февраля 1914 г.)	354
К истории национальной программы в Австрии и в России. («Путь Правды», № 13 от 5 февраля 1914 г.)	357
Сиятельный либеральный помещик о «новой земской России». («Путь Правды», № 13 от 5 февраля 1914 г.)	360
Народничество и класс наемных рабочих. («Путь Правды», № 15 от 18 февраля 1914 г.)	362
Крестьянство и наемный труд. («Путь Правды», № 17 от 20 февраля 1914 г.)	365
Г. Струве об «оздоровлении власти». («Путь Правды», № 18 от 21 февраля 1914 г.)	368
Народники о Н. К. Михайловском. («Путь Правды», № 18 от 22 февраля 1914 г.)	370
На темы дня: I. Радикальный буржуа о русских рабочих. II. Политические уроки. («Просвещение», № 3 март 1914 г.)	373
Еще одно уничтожение социализма. («Современный Мир», март 1914 г.)	378
«Трудовое» крестьянство и торговля землей. («Путь Правды», № 26 от 2 марта 1914 г.)	396
Невинные пожелания. («Путь Правды», № 32 от 9 марта 1914 г.)	399
Либеральный профессор о равенстве. («Путь Правды», № 33 от 11 марта 1914 г.)	400
Английские либералы и Ирландия («Путь Правды», № 34 от 12 марта 1914 г.)	403
Система Тэйлора — порабощение человека машиной. («Путь Правды», № 35 от 13 марта 1914 г.)	406
«Ответственная оппозиция» и участие к.-д. в совещании первого марта. («Путь Правды», № 36 от 14 марта 1914 г.)	408
Распад «августовского» блока. («Путь Правды», № 37 от 15 марта 1914 г.)	410
Капитализм и печать. («Путь Правды» № 41 от 20 марта 1914 г.)	413
Заработная плата сельских рабочих. («Путь Правды» № 49 от 29 марта 1914 г.)	416
Рецензия на книгу Н. Рубакина: «Среди книг», том II («Просвещение», № 4, апрель 1914 г.)	418
Чему не следует подражать в немецком рабочем движении. («Просвещение», № 4, апрель 1914 г.)	421
Прикрашивание буржуазии левонародниками. («Путь Правды», № 56 от 6 апреля 1914 г.)	425
Конституционный кризис в Англии. («Путь Правды» № 59 от 12 апреля 1914 года)	428
Единство. («Путь Правды», № 59 от 12 апреля 1914 г.)	431

Организованные марксисты о вмешательстве Международного Бюро. («Путь Правды», № 61 от 15 апреля 1914 г.)	Стр. 433
Крепостное хозяйство в деревне. («Путь Правды», № 66 от 20 апреля 1914 года)	436
Определение ликвидаторства. («Путь Правды», № 73 от 29 апреля 1914 г.)	438
Поспешись—людей насмешись. («Просвещение», № 5, май 1914 г.) . .	440
Рецензия на книгу И. Дроздова: «Заработная плата сельскохозяйственных рабо- чих в России в связи с аграрным движением 1905—1906 г. г. («Просвещение», № 5, май, 1914 г.)	442
О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве. («Просве- щение» № 5, май 1914 г.)	445
Еще о политическом кризисе. («Путь Правды», № 76 от 3 мая 1914 г.) . .	463
Идейная борьба в рабочем движении. («Путь Правды», № 77 от 4 мая 1914 года)	465
Народники и «фракционное насилие». («Путь Правды», № 81 от 9 мая 1914 года)	468
О политическом положении. («Путь Правды», № 85 от 13 мая 1914 г.) . .	471
Единство рабочих и «течения» интеллигентов. («Путь Правды», № 85 от 13 мая 1914 г.)	472
О левонародниках. («Путь Правды» № 86 от 14 мая 1914 г.)	475
Заключение к сборнику: «Марксизм и ликвидаторств»	478
О праве наций на самоопределение («Просвещение», №№ 4, 5 п 6, апрель— июнь 1914 г.)	487—543
1. Что такое самоопределение наций?	489
2. Историческая конкретная постановка вопроса	491
3. Конкретные особенности национального вопроса в России и ее буржуазно-демократическое преобразование	497
4. «Практицизм» в национальном вопросе	502
5. Либеральная буржуазия и социалистические оппортунисты в национальном вопросе	507
6. Отделение Норвегии от Швеции	516
7. Решение Лондонского Международного Конгресса 1896 г.	521
8. Утопист Карл Маркс и практическая Роза Люксембург	525
9. Программа 1903 года и ее ликвидаторы	532
10. Заключение	540
Ликвидаторы и биография Малиновского («Рабочий», № 2 от 22 мая 1914 года)	514
Помещики и крестьяне. («Рабочий» № 3 от 24 мая 1914 г.)	547
О двух путях. («Рабочий» № 3 от 24 мая 1914 г.)	549
Ясность прежде всего. (К вопросу об единстве.) («Трудовая Правда», № 30 от 2 июля 1914 г.)	551
К итогам дня рабочей печати. (Из отчета Газеты: «Путь Правды») . («Трудовая Правда» №№ 30 и 31 от 2 и 3 июля 1914 г.)	554
Последняя ступень. («Трудовая Правда», № 31 от 3 июля 1914 г., ...	561
Добавление	565—596
Обищание в капиталистическом обществе. («Правда» № 181 от 30 ноября 1912 года)	565
Рабочий класс и рабочая печать. (Сборник «Марксизм и ликвидаторство» II часть.)	566
Либеральная буржуазия и ликвидаторы (Сборник «Марксизм и ликвидатор- ство», II часть.)	573
Письмо о большевизме. (Н. Рубакин. «Среди книг».)	576
Как В. Засулич убивает ликвидаторство. («Просвещение» № 9 за 1913 г., Примечания	577—621
Указатель имен	622—631

